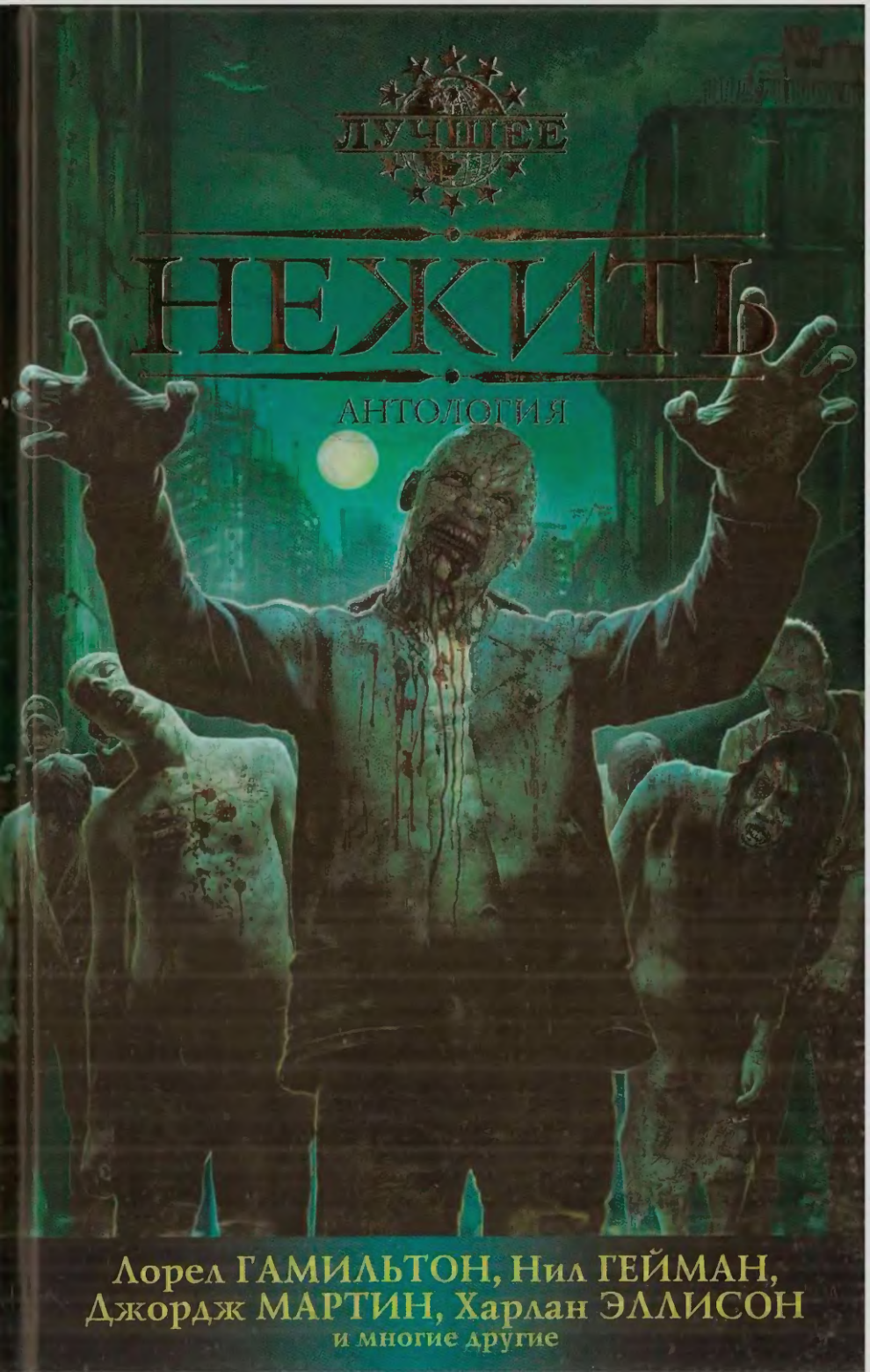

ЛУЧШЕЕ
НЕЖИТЬ
АНТОЛОГИЯ
Лорел ГАМИЛЬТОН, Нил ГЕЙМАН,
Джордж МАРТИН, Харлан ЭЛЛИСОН
и многие другие

НЕЖИТЬ

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-классика»
2009

УДК 82/89
ББК 84.7 США
Н 43

THE LIVING DEAD
Edited by John Joseph Adams
Copyright © 2008 by John Joseph Adams
All rights reserved

Публикуется с разрешения редактора
и его литературных агентов, The Rappaport Agency LLC (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Д. Бабейкиной, Е. Барминой, А. Бродоцкой, О. Гайдуковой,
Н. Колесниковой, Е. Королевой, Н. Кудрявцева, А. Леженинной,
В. Полищук, О. Ратниковой, И. Русаковой, И. Савельевой,
М. Савиной-Баблоян, А. Сипович, Д. Фролова, Е. Черниковой

Оформление А. Золотухина

Н 43 **Нежить**: Антология / Пер. с англ. Д. Бабейкиной, Е. Барминой, А. Бродоцкой и др. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009. — 640 с.
ISBN 978-5-9985-0198-2

На страницах новой антологии собраны лучшие рассказы о нежити. Красочные картины дефилирующих по городам и весям чудовищ, некогда бывших людьми, способны защекотать самые крепкие нервы. Для вас, дорогой читатель, напрягали фантазию такие мастера макабрических сюжетов, как Майкл Суэнвик, Джеффри Форд, Лорел Гамильтон, Нил Гейман, Джордж Мартин, Харлан Эллисон с Робертом Сильвербергом и многие другие.

Древний страх перед выходцами с того света породил несколько классических вариаций зомби, а богатое воображение фантастов обогатило эту палитру множеством новых красок и оттенков. В этой антологии вам встретятся зомби-музыканты и зомби-ученые, гламурные зомби и вконец опустившиеся; послушные рабы и опасные хищники — в общем, совсем как живые. Только мертвые. И очень голодные...

© Д. Бабейкина, Е. Бармина, А. Бродоцкая, О. Гайдукова, Н. Колесникова, Е. Королева, Н. Кудрявцев, А. Леженина, В. Полищук, О. Ратникова, И. Русакова, И. Савельева, М. Савина-Баблоян, А. Сипович, Д. Фролов, Е. Черникова, перевод, 2009
© Издательская Группа «Азбука-классика», 2009

ISBN 978-5-9985-0198-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

В самом начале работы над этой антологией я для себя решил: не буду начинать эту книгу с объяснения происхождения слова «зомби». Дело ведь вовсе не в этом, не так ли? Ведь посвященная зомби фантастика рассказывает о том, как не погребенные мертвецы возвращаются в мир живых и преследуют свои жертвы. В ней рассказывается о борьбе против ужасного и безжалостного врага, о том, как пережить конец света и что делать, если мертвецы не желают оставаться мертвыми.

Не важно, каково происхождение слова «зомби», сегодня оно, как правило, обозначает неуклюже передвигающегося трупа, каким он изображен в историческом фильме Джорджа А. Ромеро «Ночь живых мертвецов». Писатель Дэвид Дж. Шоу так объясняет влияние Ромеро в своей серии рассказов «Zomby Jam»: «Дело в том, что персонажи, быстро получившие название „зомби Ромеро", так наводнили кино, что даже люди, никогда не видевшие фильмов, „знают", что представляют собой зомби. Они мертвы, они ходят, они хотят вас сожрать и обычно пользуются численным превосходством».

Большая часть рассказов в этой книге тоже носит отпечатки влияния «кощунственной трилогии» Ромеро — «Ночь живых мертвецов», «Рассвет мертвецов» и «День мертвецов» — или является прямым откликом на нее. Это влияние отчетливо прослеживается в данной книге (как и во многих других), и авторы нередко ссылаются на фильмы Ромеро как на самые сильные впечатления, полученные ими в детстве (а то и за всю жизнь).

Так почему же нас так сильно привлекает тема зомби? Чем очаровывают ожившие мертвецы?

Джон Ланган, автор рассказа «Как умирает день», утверждает, что зомби — зомби из фильмов Ромеро, которые определили нашу концепцию монстров, — подкупают своей про-

стотой. «Наряду со всеми аспектами поведения настоящих чудовищ ранних периодов (подобно вампирам, они восстают из мертвых; подобно призракам и оборотням, они пожирают нашу плоть; подобно созданию Франкенштейна, они представляют собой ходячие трупы; подобно большинству монстров, подвержены определенным слабостям, позволяющим их немедленно уничтожить), природа зомби исключительно проста: они восстали из мертвых, они стремятся нас съесть, и их можно уничтожить выстрелом в голову. Я подозреваю, — говорит он, — что их популярность состоит в том, что зомби демонстрируют нам самих себя. Если вы рассматриваете монстра как вампира или оборотня, вы видите в его поведении некоторые преувеличенные черты в поведении человека; к примеру, гипертрофированная сексуальность вампиров обсуждалась несчетное количество раз, как не осталась незамеченной и животная жестокость оборотней. Тогда как зомби во многом похожи на нас, таких, какие мы есть: небольшой сдвиг, и мы готовы сожрать друг друга. Никакой сексуальности, никакой звериной жестокости, одна только непреодолимая прожорливость. Вот почему наше сходство так заметно и так нас волнует».

Дэвид Барр Киртли, автор «Черепа», указывает на две причины популярности зомби. «Одна причина, как мне кажется, состоит в том, что в нашем мозге сохранился сегмент, отвечающий за спасение от хищников, а истории про зомби предоставляют редкую возможность использовать эти примитивные навыки, — говорит он. — А вторая причина в предельной метафоричности зомби. Люди по большей части кажутся нам необоснованно враждебными и ненасытными, и образ зомби в точности воплощает в себе эти черты».

Вытеснение со страниц и экранов всеми нами любимых вампиров считает причиной популярности зомби автор «Эпохи печали», Нэнси Килпатрик. «Многие из нас скучают по давним ожившим трупам, по ужасным вампирам, с которыми невозможно договориться, — говорит она. — Я думаю, зомби существовали и в те времена, только из гаитянских зомби они превратились в зомби из фильмов Ромеро, и изменилась не только причина зомбирования; вместо послушных рабов появились законченные хищники. Большая часть людей скучает

по хищным вампирам. Мне кажется, что популярность зомби возросла не только потому, что они заполнили какую-то первобытную пустоту, но еще и из-за того, что они стали воплощением охватившего общество страха перед неведомой силой, способной обратить человека в существо низшего порядка или в жертву. Мучительно сознавать, что существо низшего порядка может появиться в нашей семье или среди друзей и соседей, но едва ли не каждый из нас мог бы представить его среди незнакомцев. Я думаю, в каждом человеке живет врожденный страх перед безмозглой толпой. Ордой, перед которой никому не устоять. Добавьте к этому бессознательный ужас перед неограниченным потреблением, свойственным развитому капиталистическому обществу, как будто стаи саранчи пожирают все, что оказывается в их поле зрения. В области ужасов не многое способно вызвать у меня страх, но зомби меня пугают. Их подчиненность одной-единственной идее порождает одновременно ужас и благоговейный трепет. Я уверена, что все нормальные люди боятся одного: столкнуться с чем-то, чьей единственной целью является уничтожение и что невозможно остановить».

А теперь поговорим о тех рассказах, которые вошли в этот сборник, и о тех, которые в него не вошли.

За время работы над этой антологией я прочел бесконечное множество рассказов о зомби, и среди них оказалось столько отличных произведений, что все они никак не могли поместиться в одной книге, даже в таком исполинском фолианте, как этот. С целью облегчить себе процесс отбора я и определил для себя несколько критериев.

Во-первых, я избегал брать несколько рассказов из одного и того же источника.

Во-вторых, я старался не брать произведения из других сборников, посвященных зомби. Я нашел множество прекрасных фантастических рассказов о зомби в других изданиях и решил, что поклонникам этой темы будет приятно, если я соберу их вместе.

В-третьих, я намеренно не стал выбирать самые характерные рассказы авторов (конечно, при том условии, что их можно было заменить другими хорошими произведениями).

В-четвертых, я не хотел использовать ничего, что могло бы показаться составной частью более масштабного произведения, и потому в сборнике нет отличной повести Макса Брукса «Мировая война Z».

И в заключение, я хотел, чтобы в антологии были представлены самые различные фантастические рассказы на тему зомби, чтобы в ней присутствовали все без исключения персонажи — от зомби Ромеро до технозомби и все разновидности, стоящие между ними. Так что здесь вы встретите мертвецов, таинственным образом вернувшихся к жизни и жаждущих человеческой плоти; трупы, оживленные некромантами; трупы, которые оживили благодаря новым технологиям и достижениям науки; зомби вуду; выходцев с того света и прочих, не подпадающих под принятые категории.

Что же касается популярности зомби... Чем бы она ни была обусловлена, на этих страницах вы найдете много отличных рассказов, способных порадовать даже самого искушенного поклонника этого жанра. Так что вперед, глотайте эти истории, словно перед вами мозги последнего человека на земле. Приятного аппетита!

Джон Джозеф Адамс

ДЭН СИММОНС

Фотография класса за этот год

Дэн Симмонс — автор изданного огромными тиражами, удостоенного множества наград цикла «Песни Гипериона» («Hyperion cantos»), первая книга из которых получила премию «Хьюго» в номинации «лучший роман». Он также автор множества других произведений, включая написанные недавно романы «Ужас» («The Terror»), дилогию «Илион. Олимп» («Ilium/Olympos»), завоевавшую Всемирную премию фэнтези «Песнь Кали» («Song of Kali») и удостоенную премии Стокера «Утеху падали» («Carrion Comfort»). Его рассказы, также получившие широкое признание, объединены в авторские сборники «Молитвы разбитым камням» («Prayers to Broken Stones»), «Любовь-Смерть» («LoveDeath») и «Вдоволь миров, вдоволь времени» («Worlds Enouth and Time»).

«Фотография класса за этот год» — рассказ, удостоенный трех высших наград: премии Брэма Стокера, Всемирной премии фэнтези и премии имени Теодора Старджона, а перевод рассказа на японский язык принес автору премию Сеюн. Еще один перевод, на французский, представил рассказ адаптированным для сцены, так в Париже в 2007 году вышла в свет пьеса «La jour de la photo de class»[1].

Впервые рассказ появился в антологии «Все еще мертв» («Still Dead») под редакцией Джона Скиппа и Крейга Спектора, второй антологии, посвященной зомби (после «Книги мертвых»). Он повествует о школьной учительнице, живущей в мире, осажденном зомби, которая противостоит возвращению живых мертвецов, занимаясь тем, чем занималась всю свою жизнь, только теперь с помощью кандалов и дробовиков.

Мисс Гейсс с выгодного наблюдательного пункта на балконе старой школьной колокольни следила за тем, как новый ученик бродит по игровой площадке для первоклашек. Она опускала ствол «ремингтона» ка-

[1] День, когда класс фотографируется (*фр.*).

либра .30-.06, пока ребенок не оказался на пересечении линий оптического прицела. Он был виден как на ладони в свете раннего утра. Это был мальчик, ей не знакомый, на вид ему было лет девять-десять, когда он умер. Зеленая футболка с черепашками-ниндзя разодрана на груди, и вдоль разлохмаченных краев виднелись пятна запекшейся крови. Мисс Гейсс заметила, как сверкает белым торчащее наружу ребро.

Ее одолели сомнения, и она оторвалась от прицела, чтобы посмотреть, как маленькая фигурка ковыляет и спотыкается, пробираясь между сооружениями игрового комплекса и обходя гимнастический снаряд «джунгли». Возраста он был подходящего, но у нее и так уже двадцать два ученика. На одного больше, и — она знала — классом станет сложно управлять. К тому же сегодня класс фотографируется, и ей не нужны лишние трудности. Более того, внешность ребенка едва отвечает требованиям, принятым для четвертого класса... в особенности в день, когда класс фотографируется.

«До Бедствия ты едва ли позволила бы себе подобную роскошь», — мысленно упрекнула она себя. Она снова прижалась глазом к пластмассовому окуляру прицела и чуть поморщилась при мысли обо всех детях, которых «подсаживали» ей в начальные классы на протяжении стольких лет: глухих детях, слепых детях, детях, страдающих аутизмом, страдающих эпилепсией и синдромом Дауна, гиперактивных и переживших сексуальное насилие, брошенных и с дислексией, детях, умирающих от рака, и детях, умирающих от СПИДа...

Мертвый ребенок перебрался через неглубокий ров и уже приближался к ограждению из колюще-режущей проволоки, которой мисс Гейсс обнесла школу, в том месте, где гравийная игровая площадка для младших классов примыкала к мощеной баскетбольной площадке четвертого класса и прямоугольным кортам. Она знала, что мальчик так и будет идти вперед, не обращая внимания на проволоку, сколько бы кусков мяса та ни вырвала из его тела.

Вздохнув, уже ощущая усталость, хотя официально занятия еще даже не начинались, мисс Гейсс опустила «реминг-

тон», поставила на предохранитель и пошла вниз по лестнице колокольни, чтобы приветствовать нового ученика.

Она заглянула в классную комнату по дороге к хозяйственному чулану, расположенному на втором этаже. Класс гудел, дневной свет и голод вынуждали их дергать цепи и рваться из железных ошейников. Саманта Стюарт, формально слишком маленькая для четвертого класса, за ночь почти полностью разодрала на себе платье. Сара и Сара Джей запутались в цепях друг друга. Тодд, самый крупный из стада, бывший главный хулиган класса, снова сжевал резиновую подкладку ошейника. Мисс Гейсс увидела крошки черной резины на белых губах Тодда и поняла, что металлический ошейник почти до кости стесал плоть с его шеи. Скоро ей придется решать, что делать с Тоддом дальше.

На длинной доске объявлений позади учительского стола она видела тридцать восемь фотографий класса, которые сама там развесила. Тридцать восемь лет. Тридцать восемь фотографий класса, все сделаны в этой школе. Начиная с тридцать второго года работы фотографии стали гораздо меньше по формату, потому что делались уже не студийными широкоформатными камерами, а «поляроидом», которым мисс Гейсс обзавелась, чтобы не прерывать традицию. Классы тоже стали меньше. На тридцать пятом году ее работы в четвертом классе было всего пять учеников. Сара Джей и Тодд были в том классе, живые, розовощекие, худые и испуганные, но здоровые. На тридцать шестом году живых детей не было... зато было целых семь учеников. На предпоследней фотографии запечатлено шестнадцать физиономий. В этом году, сегодня, она наведет камеру, чтобы увековечить в одной рамке целых двадцать два ученика. «Нет, – подумала она, – двадцать три с этим новеньким».

Мисс Гейсс покачала головой и пошла в хозяйственный чулан. У нее было еще пятнадцать минут, прежде чем зазвонит запрограммированный школьный звонок.

Захватив из чулана шест с петлей, щипцы, полицейские наручники, толстые перчатки и резиновый фартук, мисс Гейсс поспешила по широкой лестнице вниз, на первый этаж. Перед парадной дверью она взглянула на мониторы, убеждаясь, что

во внешнем дворе, на подъездной дорожке и игровой площадке для четвероклассников нет никого, кроме нового мальчика, завязала фартук, забросила за плечо «ремингтон», натянула перчатки, отодвинула засов на обитой сталью двери, удостоверилась, что щипцы и наручники лежат в кармане фартука в пределах досягаемости, подняла ловчий шест с петлей и вышла навстречу новому ученику.

Футболка и джинсы мальчика разодрались еще больше после встречи с колюще-режущей проволокой. Лохмотья обескровленной плоти свисали с предплечий. Когда мисс Гейсс вышла на солнечный свет, он поднял свое мертвое лицо и обратил тусклые глаза в ее сторону. Зубы у него были желтые.

Мисс Гейсс задержала дыхание, когда мальчик зашаркал и заковылял к ней. Дело было не в запахе, она уже привыкла, что от этих детей несет как от раскатанных по асфальту животных. Этот самый ребенок был немногим хуже большинства ее учеников, совсем не так плох, как Тодд. Джинсы у него насквозь пропитались бензином после блужданий по канаве на границе школьной территории, и запах бензина перебил собой почти всю вонь. Она поняла, что сдерживает дыхание, потому что даже спустя столько месяцев... лет, осознала она... при первой встрече с новым учеником испытывает смущение.

Мальчик прошаркал последние разделяющие их пятнадцать футов бетонной площадки. Мисс Гейсс встала потверже и подняла ловчий шест.

Некогда этот ловчий шест был просто семифутовой палкой из дерева и меди, которым в старой школе открывали и закрывали высоко расположенные форточки. Мисс Гейсс усовершенствовала его, прикрутив тяжелую рыболовную катушку с толстой упаковочной проволокой, добавив кольца, направляющие проволоку, и некое устройство на конце, фиксирующее двойную петлю. Она почерпнула идею из старого видео «Общности древнего царства Омаха», где, как бишь там его, здоровый симпатичный парень, который выполнял всю работу, Джим, использовал похожее приспособление, чтобы ловить гремучих змей.

«Бедный ребенок гораздо смертоноснее любой гремучей змеи», — подумала мисс Гейсс. После чего она полностью сосредоточилась на отлове.

Это было несложно. Ребенок бросился. Мисс Гейсс накинула двойную петлю из проволоки ему на голову, отпустила зажим, чтобы затянуть петлю, и снова защелкнула его. Проволока глубоко вонзилась в горло мальчика, но была слишком толстой, чтобы прорезать плоть. Если бы он дышал, петля удавила бы его, но об этом уже не было нужды беспокоиться.

Мисс Гейсс сделала шаг вперед, и мальчик дернулся, отшатнулся, взмахнул руками и завалился на спину. Голова его ударилась о бетон с болезненным стуком, похожим на звук, с каким раскалывается арбуз. Учительница обернулась через плечо, убеждаясь, что двор и игровая площадка по-прежнему пустынны, а затем пригвоздила вырывающегося ребенка к земле — сначала вытянутым ловчим шестом, а затем собственной подметкой. Ногти мальчика заскребли по толстой коже ее высокого сапога.

Привычным движением мисс Гейсс уронила свой шест, удерживая запястья мальчика одной рукой в толстой перчатке, свободной рукой защелкнула на нем наручники и уселась ему на грудь, подтыкая подол платья с набивным рисунком. Мисс Гейсс весила сто девяносто пять фунтов, опасения, что ребенок вырвется, не возникало. Критическим взглядом она оглядела его раны: рана на груди была смертельной, судя по ее виду, мальчика прикончили мясницким топором или длинным ножом, все остальное — царапины, порезы, укусы и одиночное пулевое ранение в плечо — добавилось уже после его смерти.

Мисс Гейсс кивнула, как будто удовлетворенно, оттянула вырывающемуся ребенку губы, словно устанавливая возраст лошади, и выдернула ему зубы щипцами. Мальчик не издал ни звука. Она отметила, что мухи отложили яйца в углах его глаз, и мысленно велела себе принять меры во время санобработки.

Немного переместив центр тяжести, она развернулась на сто восемьдесят градусов, подтянула к себе его скованные запястья и вырвала ребенку щипцами ногти. Под ногтями у него была засохшая мутная субстанция.

Ребенок разевал на нее рот, словно разозленная черепаха, однако его челюсти не могли прокусить кожу, не говоря

уже о резиновых «веллингтонах» мисс Гейсс или вельветовых штанах, надетых под платье.

Она снова обернулась через плечо. Несколько месяцев назад ее застигли врасплох пятеро из тех — все взрослые, — они беззвучно прошли через проволоку, пока она присматривала за детьми во время перемены, а у нее в «ремингтоне» было всего шесть патронов. Один из выстрелов пришелся мимо, но она сумела прицелиться точнее, когда нападавший зомби был всего в четырех футах от нее, и потрясение от той встречи вынуждало ее проявлять бдительность.

На игровой площадке было пусто. Мисс Гейсс крякнула, потянула новенького, ставя на ноги посредством проволочной петли, одной рукой открыла дверь и повела его перед собой с помощью шеста. Как раз хватит времени, чтобы провести санобработку, прежде чем прозвенит звонок.

Первым делом, среди назначенных на утро, было написать на доске расписание занятий. Мисс Гейсс всегда так делала, чтобы объяснить детям, чем они будут заниматься и что изучат в течение дня.

Первым в списке дел на доске значилась Клятва Верности. Мисс Гейсс решила, что сначала это, а потом она представит нового ученика. Он сидел теперь за третьей с конца партой в ряду у окна. Мисс Гейсс сняла с него наручники, защелкнула на ногах кандалы, которые были закреплены в полу, обмотала цепь вокруг его пояса, пристегнула ее к длинной общей цепи, которая тянулась вдоль всего ряда парт, и надела на него железный ошейник. Мальчик бросался на нее, в его мертвых глазах на секунду зажглось нечто похожее на жажду, однако руки ребенка были просто-напросто слишком коротки, чтобы причинить вред взрослому.

Даже до Бедствия у мисс Гейсс всегда вызывало улыбку, когда она видела в кино или телешоу, как дети, используя приемы дзюдо или каратэ, валяют взрослых по комнате. Из своего многолетнего опыта она знала, что простые законы механики делают обычно все детские щипки безвредными. Детям просто не хватает веса, длины рук, силы, чтобы причинить настоящие увечья. Теперь, когда у но-

венького были вырваны зубы и ногти, мисс Гейсс могла бы управляться с ним без ловчего шеста и цепей, если бы захотела.

Только она не хотела. Она держала детей на почтительном расстоянии из опасения заразиться, как держала одного ВИЧ-положительного ученика еще до Бедствия.

Время Клятвы Верности. Она оглядела класс из двадцати трех учеников. Некоторые стояли и напряженно тянулись в ее сторону, позвякивая цепями, но большинство распростерлись на партах или свешивались со стульев, как будто бы могли сбежать, припав поближе к полу. Мисс Гейсс покачала головой и потянула большой переключатель у себя на столе. Шесть двенадцативольтовых батарей были соединены последовательно, идущие от них провода подсоединялись к общей цепи, протянутой от парты к парте. Она видела настоящие искры и ощущала запах озона.

Электричество, разумеется, не причиняло им вреда. Ничто не могло причинить вред этим детям. Но разряд каким-то образом действовал на них, точно так же как при опытах Гальвани, который при помощи электричества заставлял дергаться лягушачьи лапки, даже когда эти лапки были отделены от тел.

Ученики непроизвольно дрогнули, дернулись и рывком поднялись, оглушительно грохоча цепями. Они вставали на цыпочки, словно пытаясь воспарить над потоком электрического напряжения, проходящим через их тела. Их руки выворачивались и нервно извивались на уровне груди. Некоторые раскрывали рты, как будто в беззвучном крике.

Мисс Гейсс прижала руку к груди и повернулась лицом к флагу над дверным проемом.

— Клянусь в верности флагу, — начала она, — Соединенных Штатов Америки...

Она представила нового мальчика как Майкла. У него, естественно, не было никаких идентификационных меток, и мисс Гейсс была уверена, что он не посещал эту школу до Бедствия, но других Майклов в классе не было, и внешне он вполне мог бы быть Майклом. Класс не обратил ни малейшего внимания на представление. Равно как и сам Майкл.

После Клятвы первым уроком шла математика. Мисс Гейсс оставила класс без присмотра, чтобы спуститься вниз, проверить ряд видеомониторов и взять поощрительные награды с длинных полок открытых холодильных камер, расположенных в помещении под лестницей. Она перевезла морозилки в прошлом году из «Сейфвэя». Ей помогал Донни. Мисс Гейсс дважды моргнула, подумав о Донни, своем друге и бывшем охраннике. Донни столько раз помогал ей, без него она ни за что не наладила бы производство поощрительных наград на оборудовании с фабрики по изготовлению куриных наггетсов, расположенной на краю города, не сумела бы подключить видеокамеры и мониторы «Радио Шак». И Донни так и продолжал бы помогать, если бы не тот грузовик, набитый беженцами, летящий по соединяющему штаты шоссе...

Мисс Гейсс отринула прочь эти мысли, поправила ремень «ремингтона» и понесла коробку учебных наград в учительское крыло. Установила таймер микроволновки на три минуты.

От запаха разогретых наггетсов ученики пришли в экстаз, стоило ей войти в классную комнату. Мисс Гейсс поставила коробку с наградами на столик рядом с учительским столом и подошла к доске, чтобы начать урок математики.

«Слава Господу, Донни знал, как обращаться с фабричным оборудованием, производящим куриные наггетсы», — подумала она, выписывая цифры от нуля до десяти.

Дети, конечно, не стали бы сами есть кусочки курятины. Дети, как и все прочие, кто возвратился во время Бедствия, имели вкус к совсем иному.

Мисс Гейсс бросила взгляд на поднос с разогретыми наггетсами. Против ее воли рот от этого запаха наполнялся слюной. Где-то в одной из хранящихся в морозильных камерах коробок, знала она, покоятся прошедшие глубокую заморозку и процесс превращения в наггетсы останки мистера Дельмонико, бывшего директора, а заодно с ним останки еще полудюжины бывших преподавателей начальной школы. Это Донни понял, что волна самоубийств в таком маленьком городке не должна прокатиться впустую, это Дон-

ни вспомнил о фабрике по производству куриных полуфабрикатов и тамошних громадных морозилках. Это Донни понял, как полезно человеку иметь под рукой запас провизии, когда табуны скитающихся по округе голодных мертвецов все разрастаются. Это, говорил Донни, все равно как кусок мяса у ночного грабителя, чтобы отвлекать внимание сторожевых собак.

Но вот потенциальную пользу куриных наггетсов как поощрительных наград оценила уже мисс Гейсс. И по ее скромному мнению, подавляющий всех мистер Дельмонико и прочие ленивые члены педагогического коллектива никогда еще не служили делу просвещения с большим рвением, чем в этом новом качестве.

— Один, — произнесла мисс Гейсс, указывая на большую цифру, которую нарисовала на доске. Она подняла один палец. — Скажите «один».

Тодд жевал новое резиновое колыцо, которое мисс Гейсс подложила под его ошейник. Кирстен запуталась в своей цепи и грохнулась лицом о парту. Кроика Саманта рвала на себе одежду. Джастин, по-прежнему пухлый и через десять месяцев после смерти, мусолил пластмассовую спинку стула перед собой. Меган дергалась на цепи. Майкл разворачивался вокруг своей оси, пока не оказался лицом к задней стене класса.

— Один, — повторила мисс Гейсс, все еще указывая на написанную на доске цифру. — Если не можете сказать, поднимите одну руку. Один. Один.

Джон слюняво щелкал беззубыми челюстями через равные паузы. У него за спиной Абигейль сидела совершенно неподвижно, если не считать того, что она медленно высовывала и убирала пересохший язык. Дэвид все бился и бился лицом о крышку своей парты. Сара жевала белые кончики костей на кистях рук, тогда как Сара Джей позади нее внезапно вскинула руку, один палец угодил в глаз и так там и застрял.

Мисс Гейсс не колебалась ни секунды.

— Прекрасно, Сара, — сказала она и поспешно прошла вдоль ряда между хватающими руками и чмокающими ртами. Она сунула наггетс в расслабленный рот и быстро отступила назад.

— Один! — сказала мисс Гейсс. — Сара подняла один палец.

Все ученики тянулись к подносу с наггетсами. Палец Сары Джей так и торчал в глазу.

Мисс Гейсс отступила к доске. В глубине души она понимала, что реакция девочки была случайной. Это не имеет значения, говорила она себе. Дайте побольше времени и поощрительных наград, и причинно-следственная связь установится. Вспомните хотя бы Элен Келлер и ее учительницу, Анни Салливан. И это притом, что ребенок был совершенно слепой и глухой, который всего несколько месяцев слышал человеческую речь, прежде чем совершенно погрузиться в темноту. Всего лишь одно детское словечко «ба-ба» позволило Элен спустя время познать все.

А у этих детей за спиной оставались целые годы, когда они разговаривали и мыслили, прежде чем...

«Прежде чем умерли, — завершила мисс Гейсс. — Прежде чем их разум, память и личности рассыпались в прах, словно моток сгнившей пряжи».

Мисс Гейсс вздохнула и указала на следующую цифру.

— Два, — произнесла она бодро. — Кто мне покажет... покажите, как сможете... покажите мне «два».

После того как она сама пообедала, пока ученики отдыхали после кормежки, мисс Гейсс продолжила сносить бульдозером дома.

Сначала она думала, что уединенного местоположения школы, вырытой канавы и колюще-режущей проволоки, шарящих по ночам лучей прожекторов и установки видеомониторов будет достаточно. Но *те* по-прежнему прорывались.

По счастью, городок был маленький, меньше трех тысяч жителей, и располагался в сорока милях от настоящего города. Теперь, когда Бедствие разделило живых и мертвых, первых почти не осталось, а вторых было всего несколько человек во всей округе. Редкие машины, набитые перепуганными беженцами из живых, с ревом проносились через городок, но большая их часть так и застряла на шоссе между штатами, а в последние месяцы шума проезжающих автомобилей почти не было слышно. Некоторые из *тех* проса-

чивались — из деревень, из далекого города, из собственных могил, — и их тянуло на свет прожекторов, питающихся от генераторов, как бабочек на огонь, однако толстые стены школы, защитные стальные решетки и прочие меры предосторожности всегда удерживали их за пределами школьной территории до утра. А утром проблему разрешал «ремингтон».

Однако мисс Гейсс по-прежнему хотелось расширить зону обстрела или, как назвал ее однажды Донни, «зону бескомпромиссного истребления». Она напомнила Донни, что слово «истребление» в данном случае неуместно, потому что они никого не истребляют, а просто восстанавливают нормальный порядок вещей.

Вот почему мисс Гейсс однажды съездила в строительный вагончик на границе с недостроенным участком соединяющего штаты шоссе и вернулась с динамитом, подрывными капсюлями, детонаторами, запальным шнуром и на бульдозере «Катерпиллер Ди-7». Раньше мисс Гейсс никогда не водила бульдозер, никогда не закладывала динамит, но в строительном вагончике оказались инструкции, а в библиотеке Карнеги нашлись соответствующие книги. Мисс Гейсс всегда поражало, что люди даже не подозревают, сколько знаний и полезной информации можно почерпнуть из книг.

Сейчас, когда оставалось еще полчаса от обеденного перерыва, она вошла под открытый с одной стороны навес для бульдозера, забралась на широкое сиденье «Ди-7», выжала сцепление, переставила рычаг передач в нейтральное положение, потянула регулятор оборотов, открывая заслонку карбюратора, передвинула правый рычаг и закрепила его в нужном положении фиксатором, еще раз убедившись, что поставила на нейтральную передачу, и потянулась к рычагам стартера. Сделала паузу, проверяя, безопасно ли лежит «ремингтон» в держателе, куда некогда помещался огнетушитель, прямо под ее правой рукой. Видимость сделалась гораздо лучше после того, как все дома в радиусе трех кварталов от школы были снесены, однако все равно оставалось слишком много фундаментов и мусорных куч, за которыми можно спрятаться. Пока она не замечала никакого движения.

Мисс Гейсс установила рычаги трансмиссии и компрессии в правильное положение, дернула на себя стартер пускового двигателя, открыла топливный клапан, установила воздушную заслонку, опустила выхлопной клапан, щелкнула зажиганием и потянула рычаг, который приводил в действие электрический стартер.

«Ди-7» с ревом возродился к жизни, черный дизельный дым вырвался из вертикальной выхлопной трубы. Мисс Гейсс передвинула рычаг управления двигателем, отпустила сцепление, добавила тяги правой гусенице, так что массивный бульдозер крутанулся влево и направился к ближайшей куче мусора.

Взрослый труп выкарабкался из разрушенного подвала справа от нее и полез по кирпичным завалам к мисс Гейсс. Волосы трупа были прибиты к голове белой пылью, зубы сломанные, но острые. Одного глаза нет. Мисс Гейсс показалось, что она узнает отчима Тодда, пьяницу, который избивал мальчика каждую пятницу.

Труп поднял руки и двинулся на бульдозер.

Мисс Гейсс бросила взгляд на «ремингтон» и решила не тратить патроны. Она добавила тяги левой гусенице, ловко развернула бульдозер вправо, приподняв отвал. Нижний край отвала завис как раз над карабкающимся к ней покойником. Мисс Гейсс опустила отвал раз, другой... Третьего раза не потребовалось, потому что труп перерезало пополам. Ноги мертвеца бессмысленно взбрыкивали, однако пальцы вцепились в сталь, и верхняя половина туловища принялась подтягиваться на отвал бульдозера.

Мисс Гейсс потянула за рычаги, перевела машину на задний ход, откатилась назад, опустила отвал и обрушила полтонны строительного мусора на обе половины подергивающегося трупа, засыпая кучей обломков фундамент. Потребовалось меньше минуты, чтобы насыпать в дыру еще тонну камней. После чего она отодвинулась назад, огляделась, убеждаясь, что больше поблизости никого нет, и принялась заравнивать подвал.

Когда дело было сделано, она спустилась на землю и прошлась вокруг бульдозера: получилась ровная и гладкая поверхность, как заасфальтированная стоянка. Отчим Тод-

да, может быть, до сих пор дергается и скребется там внизу, однако теперь, когда над ним двенадцать тонн утрамбованных камней, он никуда не денется.

Мисс Гейсс только пожалела, что не могла проделать такое со всеми никудышными отцами-пьяницами и отчимами, каких встречала за свою жизнь.

Она вытерла лицо носовым платком и посмотрела на часы. Через три минуты начинается урок чтения. Мисс Гейсс оглядела сровненные с землей городские кварталы, монотонность которых нарушали только несколько последних куч мусора и недобитых цоколей. Еще неделя, и зона обстрела будет чиста. Сделав передышку, чтобы прийти в себя, ощущая все свои шестьдесят с лишним лет и артритное поскрипывание суставов, мисс Гейсс снова забралась в «Ди-7», чтобы отогнать его обратно и поставить на ночевку под навес.

Мисс Гейсс читала классу вслух. Каждый день, в умиротворении после обеда и кормления учеников, она читала какую-нибудь из книжек, которые, как она знала, они успели прочитать за свою короткую жизнь или которые когда-то читали им. Она читала: «Спокойной ночи, Луна», «Кролик Пат», «Горилла», «Хайди», «Банникула», «Суперглупость», «Черная красавица», «Азбука Ричарда Скари», «Зеленые яйца и ветчина», «Приключения Тома Сойера», «Голоса животных», «Гарольд и фиолетовый карандаш», «Питер-кролик», «Полярный экспресс», «Где живут дикие звери» и «Сказки для четвертого класса». И пока мисс Гейсс читала, она высматривала малейший проблеск узнавания, интереса — жизни в этих мертвых глазах.

И не видела ничего.

Проходили недели и месяцы, мисс Гейсс читала любимые детские книги.

Ученики не реагировали.

В дождливые дни, когда тучи висели совсем низко, а настроение у мисс Гейсс падало и того ниже, она иногда читала им из Библии или из своих любимых пьес Шекспира — обычно из комедий, но иногда и из «Ромео и Джульетты» или «Гамлета» — и время от времени что-нибудь из своего обожаемого поэта Джона Китса. Но когда слова за-

вершали свой танец, когда последний отголосок прекрасного затихал, мисс Гейсс поднимала глаза и не видела в других глазах ни единого проблеска разума. Рядом с ней были только мертвые глаза, расслабленные лица, разинутые рты, бессмысленное копошение и приглушенная вонь разлагающейся плоти.

Это не слишком отличалось от тех лет, когда она учила живых детей.

Сегодня днем мисс Гейсс читала то, что, как ей всегда казалось, было их любимым, — «Спокойной ночи, Луна». Она сама получала удовольствие от описания того, как маленький кролик совершал забавную церемонию, бесконечно желая спокойной ночи всему, что было в его комнате, в надежде оттянуть неизбежный миг, когда придется отправляться в постель. Мисс Гейсс дочитала маленькую книжку и быстро подняла голову, пытаясь, как обычно, уловить какой-нибудь проблеск в глазах, заметить сокращение мышц рта или движение век.

Расслабленные лица. Пустота. У них есть уши, но они не слышат.

Мисс Гейсс тихонько вздохнула.

— До перемены займемся географией, — сказала она.

Слайды великолепно смотрелись в затемненной комнате. Купол Капитолия в Вашингтоне. Арка Сент-Луиса. «Космическая игла» в Сиэтле. Всемирный торговый центр.

— Поднимите руку, если увидите знакомый город, — сказала мисс Гейсс, перекрывая жужжащий вентилятор проектора. — Покажите жестом, что видите что-то знакомое.

Озеро в Чикаго. Денвер, с горами, восстающими на заднем плане. Бурбон-стрит во время Мар ди Гра. Мост Золотые ворота. Все великолепие цветов пленки «Кодак».

Слайды сменялись. Дети вяло закопошились, просто потому, что их снова начинал донимать возобновившийся голод. Никто не поднял руку. Никто, кажется, не заметил на экране прекрасного изображения Бруклинского моста.

«Нью-Йорк», — думала мисс Гейсс, вспоминая тот сентябрьский день двадцать семь лет назад, когда она сделала эту фотографию. Первое бодрящее дыхание осени застави-

ло их надеть свитеры, когда они с мистером Фарнхэмом, методистом, с которым она познакомилась на съезде работников образования, шли пешком через Бруклинский мост. Они сходили в музей Метрополитен, потом погуляли по Центральному парку. В тот изумительный день обостренным чувствам мисс Гейсс шуршание каждого листика казалось отчетливым и красноречивым. Они едва не поцеловались, когда он высадил ее возле гостиницы «Барбизон» тем вечером после ужина в «Речном» кафе. Он обещал позвонить ей. И только спустя несколько месяцев мисс Гейсс узнала от одной знакомой учительницы из Коннектикута, что мистер Фарнхэм женат, женат вот уже двадцать лет.

Дети громыхали своими цепями.

— Поднимите руку, если узнаете на картинках Нью-Йорк, — устало произнесла мисс Гейсс.

Ни одна рука не поднялась в ярком луче проектора. Мисс Гейсс попыталась представить, как выглядит Нью-Йорк сейчас, спустя годы с начала Бедствия. Все выжившие там стали добычей сотен тысяч, *миллионов* жаждущих плоти нечестивых созданий, унаследовавших его грязные улицы...

Мисс Гейсс быстро пролистнула оставшиеся слайды: Сан-Диего, статуя Свободы, солнечный изгиб пляжа на Гавайях, остров Монеган в утреннем тумане, Лас-Вегас ночью... Все места, которые она повидала за чудесные летние каникулы, все места, которых она больше никогда не увидит.

— На сегодня с географией все, — объявила мисс Гейсс и выключила проектор. Ученики, кажется, забеспокоились в темноте. — Большая перемена, — сказала их учительница.

Мисс Гейсс понимала, что они не нуждаются в физических упражнениях. Их мертвые мышцы не атрофируются, если их не использовать. В ярком свете весеннего дня дети казались только еще более омерзительными в различных стадиях своего разложения.

Но мисс Гейсс и подумать не могла, что четвертый класс можно держать в помещении весь день, не пуская на перемену.

Она вывела их наружу, все еще нанизанных на четыре общие цепи, и закрепила концы цепей на железных пру-

тьях, которые когда-то забила в гравийную и асфальтовую игровые площадки. Дети дергались из стороны в сторону, в конце концов останавливались, натягивая свои цепи, словно надувные шары в форме детишек, дожидающиеся начала парада «Мейси». Никто из них не обращал внимания друг на друга. Несколько человек тянулись в сторону мисс Гейсс, беззубые десны причмокивали, словно в предвкушении, однако это зрелище и звук были настолько привычны, что мисс Гейсс не ощущала ни малейшей угрозы или тревоги.

Она прошла дальше через игровую площадку для четвертого класса, продолжила путь через извилистый лабиринт, который оставила в колюще-режущей проволоке, пересекла гравийную игровую площадку для первых классов и остановилась только тогда, когда добралась до рва, которым обнесла небольшой городской квартал, где располагалась старая школа и принадлежащая ей территория. Мисс Гейсс называла это рвом; в военно-инженерной литературе, которую она отыскала в фондах библиотеки Карнеги, это называлось противотанковой ловушкой. Однако в технических характеристиках противотанковых ловушек речь шла о канаве по меньшей мере восьми футов глубиной и тридцати футов шириной, с откосами, поднимающимися под углом сорок пять градусов. Мисс Гейсс с помощью «Ди-7» выкопала ров вполовину мельче и у́же, с медленно осыпающимися краями, под углом не больше двадцати градусов. Но ведь если мертвецы явятся сюда, рассуждала она, они определенно явятся не на танках.

Бензин был штрихом, который она добавила, почерпнув из старых статей сведения о том, как сражались защитники Ирака во время войны в Заливе. Отыскать бензин было не проблемой — Донни реквизировал большую цистерну, чтобы забирать топливо из подземных резервуаров «Тексако», обеспечивая работу генератора, который они установили в школе, — зато удержать топливо в канаве, не давая ему просачиваться в почву, было трудновыполнимой задачей, пока мисс Гейсс не вспомнила об огромных полотнищах черного полиэтилена, оставленного на шоссе у строительного вагончика.

Теперь она смотрела на плещущийся в канаве холодный бензин, размышляя, насколько нелепы все эти меры предосторожности, все эти прожектора, эти видеокамеры.

Зато ей было чем заняться.

«Точно так же, как делать вид, будто учишь чему-то эти несчастные потерянные души?» Мисс Гейсс отбросила эту мысль и направилась обратно к игровой площадке, поднося свисток к губам, чтобы дать сигнал к окончанию большой перемены. Никто из учеников не реагировал на свисток, однако мисс Гейсс все равно свистнула. Традиция.

Она повела их в зал для рисования, чтобы сделать фотографию. Она не знала, почему студийные фотографы делали снимок именно здесь — цвета были бы неизмеримо лучше, если бы они фотографировали детей на улице, — однако, сколько она себя помнила, классы фотографировались в зале для рисования; всех учеников выстраивали — самых низеньких в передние ряды, хотя передние ряды все равно опускались на колени — под громадной керамической картой Соединенных Штатов, каждый штат на которой был сделан из обожженной коричневой глины и помещен на свое место каким-то художественно одаренным классом лет пятьдесят, а то и больше, назад. Углы керамических штатов загнулись вверх по краям своих контуров, словно некое сейсмическое явление раздирало нацию на части. Техас вообще отвалился лет восемь-девять назад, и обломки были приклеены на место не слишком аккуратно, отчего штат походил на федерацию, состоящую из более мелких штатов.

Мисс Гейсс никогда не любила Техас. Она была еще ребенком, когда в Техасе убили президента Кеннеди, и, по ее мнению, все в стране пошло наперекосяк именно с того момента.

Она ввела детей в зал колоннами, зацепила концы их общих цепей за радиатор, поставила разогретое блюдо поощрительных наград на пол между камерой и классом, убедилась, что кассета с пленкой, которую она вставила этим утром, легла правильно, установила таймер, быстро шагнула, чтобы встать рядом с Тоддом, тянувшимся, как тянулись все

остальные ученики, чтобы добраться до наггетсов, и попыталась улыбнуться, когда таймер зашипел, и затвор щелкнул.

Она сделала еще две поляроидных карточки и лишь мельком взглянула на них, прежде чем сунуть в карман своего фартука. Большинство детей смотрели вперед. Это уже хорошо.

До завершения учебного дня оставалось еще десять минут, когда она снова усадила класс на места, однако мисс Гейсс никак не могла заставить себя заняться с ними правописанием, или почитать вслух, или хотя бы всунуть карандаши им в руки и положить перед ними по листу толстого пергамента. Она сидела и смотрела на них, ощущая тяжкий груз усталости и безнадежности у себя на плечах.

Ученики таращились в ее сторону... или же в сторону блюда с остывающими наггетсами.

В три часа пополудни прозвенел спасительный звонок, мисс Гейсс прошла по широким рядам, кидая детям наггетсы, после чего выключила свет, заперла дверь и покинула класс до завтрашнего дня.

Утро, и свет такой насыщенный, какого мисс Гейсс не видела многие годы. Когда она подходит к классной доске, чтобы написать задание для класса рядом с уже написанным расписанием, она замечает, что выглядит сейчас гораздо моложе. На ней платье, какое было в то утро, когда они с мистером Фарнхэмом шли по Бруклинскому мосту.

— Достаньте, пожалуйста, свои книги для чтения, — произносит она негромко. — Группа «Время зеленого салата» пересаживается вперед со своими книгами и списком проверочных вопросов. «Волшебные кроссовки», я посмотрю выписанные вами в словарик слова, когда мы закончим. «Спринт», пожалуйста, выполните упражнение из учебника и будьте готовы выйти и отвечать на вопросы в десять пятнадцать. Все, кто закончит раньше, могут получить вопросы повышенной сложности для любознательных.

Дети спокойно занимаются своими заданиями. Группа за передним столом читает мисс Гейсс и тихонько отвечает на вопросы, пока остальные дети работают, порождая тот негромкий, почти не поддающийся восприятию гул, кото-

рый повсеместно являются шумовым фоном всякого хорошего класса.

Пока группа «Зеленого салата» письменно отвечает на вопросы, помещенные в конце рассказа, мисс Гейсс проходит между остальными учениками.

У Сары на голове платок, завязанный на затылке. Концы платка торчат сзади, словно маленькие кроличьи ушки. Обычно мисс Гейсс не позволяет находиться в классной комнате в головных уборах, однако Сара недавно прошла курс химиотерапии и лишилась всех волос. В классе никто ее за это не дразнит, даже Тодд.

Сейчас Сара склоняется над учебником и вчитывается в помещенные там вопросы. Время от времени она принимается грызть ластик на конце своего карандаша. Ей девять лет. Глаза у нее голубые, а кожа молочно-прозрачная, словно осколок дорогого фарфора. Щеки, кажется, тронуты здоровым румянцем, и лишь с близкого расстояния становится видно, что все это легкий грим, который наложила ей мать, что Сара все еще бледна и измучена болезнью.

Мисс Гейсс останавливается рядом с ее партой.

— Что-то не получается, Сара?

— Я не понимаю вот этого. — Сара указывает пальцем на строчки с заданием. Ногти у нее изгрызены так же, как и резинка на конце карандаша.

— Здесь сказано, что надо выбрать подходящую приставку и прибавить ее к слову, — шепотом объясняет мисс Гейсс.

В передней части комнаты Кирстен с громким скрежетом затачивает карандаш. Весь класс наблюдает, как Кирстен вытряхивает опилки в мусорную корзину, внимательно осматривает кончик карандаша и снова принимается скрежетать.

— А что такое «приставка»? — шепотом спрашивает Сара.

Мисс Гейсс наклоняется ниже. Их обеих на мгновение объединяют заговорщические узы, порожденные близостью и гипнотическим фоновым жужжанием занятой делом классной комнаты. Мисс Гейсс ощущает тепло, исходящее от щеки сидящей рядом девочки.

— Ты прекрасно помнишь, что такое «приставка», — отвечает мисс Гейсс и показывает девочке.

Она подходит к переднему столу как раз тогда, когда «Время зеленого салата», самая сильная группа, возвращается за свои парты, а «Спринт», маленькая группка середнячков, выходит вперед. В «Спринте» всего шестеро учеников, четверо из них — мальчики.

— Дэвид, — произносит она, — можешь рассказать мне, как дельфин одновременно спас мальчика и причинил ему боль?

Дэвид хмурится, как будто погружен в глубокие размышления, и грызет конец карандаша. Его листок, предназначенный для ответов на вопросы, чист.

— Тодд, — обращается мисс Гейсс, — можешь рассказать нам?

Тодд переводит на нее гневный взгляд. Мальчик кажется постоянно раздраженным, словно ведет какой-то сердитый внутренний спор.

— Рассказать о чем?

— Расскажи нам, как дельфин одновременно помог мальчику и сделал ему больно.

Тодд начинает пожимать плечами, но в последний момент замирает. Мисс Гейсс отучила его от этой привычки, проявляя терпение и ободряющую настойчивость: похвала, дополнительные почетные поручения, если ему удавалось продержаться весь день, не пожимая плечами, грамота «Лучший в классе» в конце недели, которую можно показать дома.

— Он спас его, — произносит Тодд.

— Очень хорошо, — отвечает мисс Гейсс с улыбкой. — Спас его от кого?

— От акулы, — говорит Тодд. Волосы у него нечесаные и немытые, шея грязная, зато глаза ярко-голубые, гневно горящие.

— И как он едва не причинил мальчику вред? — спрашивает мисс Гейсс, поглядывая на маленькую группку, которая будет отвечать следующей.

— Они идут, мисс Гейсс! — громко выкрикивает Тодд.

Она смотрит на самого рослого своего ученика, собираясь сказать ему, чтобы он не отвлекался, однако то, что она видит, заставляет ее окаменеть раньше, чем она успевает заговорить.

Глаза Тодда внезапно превращаются в пустые, провалившиеся, белесые ямы. Его кожа делается по цвету и текстуре похожей на брюхо дохлой рыбы. Зубы исчезают, десны иссохшие и синие. Тодд еще шире раскрывает рот, и внезапно это уже не рот, а просто дыра, вырытая в лице мертвеца. Раздающийся голос выходит из живота трупа, как будто крошечный магнитофон работает внутри какой-то мерзкой куклы.

— Скорее, мисс Гейсс, они идут, чтобы причинить нам вред. Проснитесь!

Мисс Гейсс села на постели с колотящимся сердцем, хватая воздух ртом. Она нашарила на ночном столике очки, водрузила их на нос и оглядела комнату.

Все было в порядке. Яркий свет уличных прожекторов просачивался сквозь маркизы на высоком окне и рисовал белые прямоугольники на полу классной комнаты верхнего этажа, которую она переделала под свою спальню-гостиную. Мисс Гейсс изо всех сил прислушивалась, не обращая внимания на грохочущий в ушах пульс, но из классной комнаты под ней не доносилось никаких необычных звуков. Снаружи тоже было тихо. Молчаливый ряд видеомониторов рядом с ее кроватью показывал пустые коридоры, залитый светом двор, замершие игровые площадки. На ближайшем к ней мониторе отображалась темная классная комната: ученики стояли, сидели, распростершись на партах, заваливались в стороны или натягивали цепи. Все они были здесь.

«Просто сон,— сказала себе мисс Гейсс.— Ложись и спи дальше».

Но вместо этого она встала с постели, натянула свое лоскутное платье поверх фланелевой ночной рубашки, повязала поверх резиновый фартук, сунула ноги в сапоги, взяла «ремингтон», отыскала прибор ночного видения, который Донни привез с городского склада, набитого подобными товарами, и вышла, чтобы подняться по широкой лестнице на колокольню.

Мисс Гейсс вышла на узкую площадку, огибающую колокольню по периметру. Отсюда просматривалась вся территория, и лишь участок восточного двора школы был закрыт

фронтоном. Свет прожекторов заливал игровые площадки, ров, освещал ближайшие участки разровненного бульдозером мусора там, где когда-то стояли соседние дома. Ничто не двигалось.

Учительница зевнула и покачала головой. Ночной воздух был холодным, она видела облачко собственного дыхания. «Я уже слишком стара, чтобы вот так вскакивать. Банды беженцев сейчас гораздо опаснее покойников».

Она развернулась, чтобы спуститься по лестнице, но в последний момент задержалась перед распределительным щитом, который они с Донни установили на колокольне. Тихонько вздохнув, она потянула рубильник, отключающий прожектора, и принялась возиться с прибором ночного видения. Он был тяжелым, плохо сидел у нее на голове и не налезал поверх ее очков. Кроме того, она постоянно ощущала, что выглядит по-идиотски с этой штукой на лице. Однако Донни рисковал жизнью, когда ездил за ним в город. Она передвинула свои очки на лоб и опустила на глаза прибор ночного видения.

Развернулась и окаменела. Твари шевелились на западе, за пределами того круга, который высвечивали прожектора. Они копошились между мусорными кучами, бледные сгустки выбирались из фундаментов и нор в каменных завалах. Мисс Гейсс могла определить, что они мертвы, по тому, как они спотыкались и падали, и поднимались снова, натыкаясь на препятствия, и все равно упрямо продолжали продвигаться вперед. Их было двадцать... нет, не меньше тридцати высоких силуэтов, направлявшихся прямо к школе.

Она развернулась на север. Еще штук тридцать или больше фигур двигалось оттуда. На востоке еще отряд, на расстоянии броска камня ото рва. И еще сколько-то на юге.

Больше сотни мертвецов приближалось к школе.

Мисс Гейсс сдернула прибор ночного видения и присела на край лестницы, пригибая голову едва ли не к коленям, чтобы черные пятна перед глазами померкли и она снова смогла нормально дышать.

«Они никогда еще не организовывались вот так. Никогда не приходили все вместе».

Она ощутила, как сердце прыгнуло, дрогнуло, после чего снова забилось.

«Я и не подозревала, что в окрестностях осталось столько мертвецов. Как же...»

Часть ее разума кричала, чтобы она прекратила теоретизировать и сделала что-нибудь. «Они идут за детьми!»

Это нелепо. Мертвецы едят только живую плоть... или хотя бы плоть, только что бывшую живой. Значит, они должны идти за *ней*. Однако кошмарная уверенность не проходила: «Они хотят забрать детей».

Мисс Гейсс защищала своих детей на протяжении тридцати восьми лет. Она оберегала их от самых худших проявлений жизни, позволяя своим ученикам, насколько это было возможно, оставаться в безопасности и плодотворно трудиться весь учебный год. Она защищала своих детей друг от друга, от хулиганов и их же недобрых ровесников; она защищала их от бессердечного тупоумного начальства; она оберегала их от превратностей учебного плана и от кошмарных местечковых философий. Мисс Гейсс защищала, по мере сил, свои четвертые классы от слишком раннего взросления и вульгарных проявлений общества, всегда поощряющего вульгарность.

Она защищала их — всеми своими способностями и силой воли — от побоев, похищений, психологического и сексуального насилия со стороны тех монстров, которые прятались под масками пап и мам, приемных родителей, дядюшек или дружелюбно настроенных чужаков.

И вот теперь эти мертвые твари явились за ее детьми.

Мисс Гейсс пошла вниз по лестнице так стремительно, что фартук и подол платья захлопали на ветру.

Мисс Гейсс понятия не имела, почему в строительном вагончике на шоссе оказался сигнальный пистолет, в отсеке, соседнем с тем, в котором она обнаружила подрывные капсюли, но пистолет она оценила. К нему прилагалось всего три заряда, тяжелые штуки, которые походили на гипертрофированные патроны для дробовика. До сих пор она не израсходовала ни одного.

И вот теперь она поспешно поднималась обратно на колокольню с ракетницей в руке и тремя зарядами в кармане фартука. Еще она прихватила четыре коробки патронов калибра .30-.06.

Некоторые из покойников все еще топтались в сотне ярдов от игровой площадки, но остальные уже форсировали ров.

Мисс Гейсс извлекла из кармана заряд, переломила ракетницу и неловкими пальцами принялась вставлять патрон. Заставила себя остановиться и перевести дух. Прибор ночного видения болтался на шее, тяжелый, словно альбатрос. «Где мои очки? Куда я подевала свои очки?»

Она протянула руку к голове, опустила на место свои бифокальные очки, снова отдышалась и засунула ракету в пистолет. Со щелчком соединила части ракетницы и потянула рубильник, включающий прожектора, отчего игровые площадки залило белым светом.

Дюжина или больше мертвецов находились перед рвом. Еще десятки ковыляли по улицам с двух сторон.

Мисс Гейсс взяла ракетницу обеими руками, закрыла глаза и нажала на курок. Ракета взмыла слишком высоко и упала, не долетев до рва дюжины ярдов. Она заполыхала алым огнем, лежа на земле. Голый покойник с торчащими наружу берцовыми костями перешагнул через огонек и продолжил рывками двигаться к школе. Мисс Гейсс перезарядила пистолет. Взяла ниже и выстрелила в западном направлении.

На этот раз ракета ударилась в грязный склон на дальней стороне рва и исчезла из виду. Алый огонек пошипел секунду, а потом погас. Еще с дюжину бледных силуэтов форсировало ненадежную преграду.

Мисс Гейсс зарядила последнюю ракету. Внезапно раздался звук, похожий на порыв неизвестно откуда взявшегося ветра, и всю западную часть рва охватило пламя. Последовала пауза, после чего пламя ринулось на юг и на север, заворачивая за углы, словно приведенные в движение хитро уложенные костяшки домино. Мисс Гейсс перешла на восточную сторону смотровой площадки, наблюдая, как огонь несется по рву, пока вся школа не оказалась в центре громадного прямоугольника пламени тридцати футов высотой. Даже с расстояния пятьдесят ярдов она ощущала жар на лице. Она опустила ракетницу в большой карман фартука.

Примерно две дюжины фигур, уже пересекших канаву, ковыляли через игровую площадку. Несколько запуталось в колюще-режущей проволоке, но затем вырвалось на свободу и двинулось дальше.

Мисс Гейсс посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Она старательно зарядила «ремингтон», заполнив обойму. Затем подтянула ремень винтовки, как было показано в книгах, надежно уперлась локтями в перила, глубоко вдохнула и приставила глаз к телескопическому прицелу. Когда повсюду полыхало пламя, ей не нужны были огни прожекторов. Она выбрала первый движущийся силуэт, прицелилась ему в череп и плавно спустила курок. После чего прицелилась в следующего.

На краю игровой площадки все остальные форсировали ров, несмотря на огонь. Кажется, ни один не повернул назад. Каким бы невероятным это ни показалось, но несколько даже прорвалось, закопченные, но невредимые; большинство выходило пылающими, словно вымоченные в бензине факелы, языки пламени играли на их телах, накатывая оранжево-черными волнами. Они продолжали двигаться вперед еще долго после того, как сгнившая одежда и сгнившая плоть обгорали до костей. Даже наполовину оглохнув от грохота «ремингтона», мисс Гейсс слышала далекое «чпок», когда мозговая жидкость, перегревшись и превратившись в пар, взрывалась в черепах, превращая их в осколочные гранаты. После чего тело падало, добавляя к общей иллюминации персональный погребальный костер.

Мисс Гейсс передвинула прицел, выстрелила, кинула взгляд поверх ствола, убеждаясь, что труп упал на землю и там и остался, нашла новую мишень, прицелилась и снова выстрелила. После трех выстрелов она переходила по балкону в следующий сектор, опиралась на перила и выбирала мишень. Ей пришлось перезаряжать пять раз.

Когда она закончила, на игровой площадке валялось больше сотни тел. Некоторые до сих пор пылали. Все было тихо.

Однако она слышала треск и грохот металлической решетки с той стороны, где твари все-таки прорвались, с восточной стороны школы. Здесь на линии огня находился фронтон здания. Тридцать или даже больше тварей добра-

лись до школы и раздирали оконные ставни и укрепленные двери.

Мисс Гейсс оттянула воротник своего платья и утерла им лицо. На ткани осталась копоть от дыма, и она с удивлением заметила, что у нее слезятся глаза. Повесив «ремингтон» на плечо, мисс Гейсс спустилась по лестнице и вошла в свою комнату. Автоматический девятимиллиметровый браунинг Донни лежал в ящике, куда она положила его в тот день, когда кремировала Донни. Пистолет был заряжен. Также в ящике лежали два запасных магазина и желтая коробочка с запасными патронами.

Мисс Гейсс положила коробочку и магазины в карман своего фартука, вынула браунинг и пошла вниз по широкой лестнице, ведущей на первый этаж.

В конце концов, она едва не погибла из-за усталости.

Она расстреляла все три магазина, один раз перезаряжала и была уверена, что ни одного из *тех* не осталось, когда опустилась на дорожку, чтобы отдохнуть.

Последний труп принадлежал высокому мужчине с длинной бородой. Она прицелилась из браунинга с пяти футов и выпустила оставшуюся пулю в левый глаз твари. Труп упал, как будто ему перерезали сухожилия. Мисс Гейсс и сама рухнула, тяжело опустившись на боковую дорожку, слишком измотанная и переполненная омерзением, чтобы возвращаться через парадный вход.

Огонь во рву утих, спалив верхний слой почвы. Костры поменьше добавляли дыма и огня в воздух, уже затянутый темной пеленой. Десятки распростертых тел усеивали парадное крыльцо и боковые дорожки. Мисс Гейсс хотелось зарыдать, но она слишком устала, чтобы делать хоть что-нибудь, она смогла лишь опустить голову и глубоко, медленно дышать, пытаясь избавиться от вони сгоревшей падали.

Бородатый труп перед ней рывком поднялся и заковылял по шести футам разделяющей их дорожки к мисс Гейсс, протягивая *когтистые* пальцы.

Мисс Гейсс успела подумать: «Пуля ударилась о кость, не попав в мозг», — и тварь выбила у нее из рук браунинг,

заставив ее повалиться назад, подминая под себя винтовку на ремне. Очки слетели с носа, когда в нее вцепились холодные пальцы трупа. Его рот начал приближаться, словно желая поцеловать ее лишенным губ, разинутым ртом.

Правая рука мисс Гейсс была придавлена, но левая свободна, она принялась шарить ею в кармане фартука, нащупывая оставшиеся пули, находя и отбрасывая щипцы, и наконец рука вынырнула, сжимая что-то тяжелое.

Мертвец наклонился, чтобы сожрать ей лицо, прогрызть себе путь к мозгам. Мисс Гейсс сунула ему в пасть помультяшному широкое дуло ракетницы и спустила курок.

Костры догорели к восходу солнца, однако в воздухе пахло дымом и гнилью. Мисс Гейсс прошаркала через коридор, отперла классную комнату и остановилась, глядя на класс.

Все ученики были необычно притихшими, как будто каким-то образом узнали о ночных событиях.

Мисс Гейсс не заметила этого. Чувствуя, что усталость захлестывает ее, словно волна, она возилась с замками, снимая цепи с их шей и запястий, потом повела их на улицу на общих цепях. Она протащила их через проходы в колюще-режущей проволоке, словно вела на прогулку свору слепых, неуклюжих собак.

На краю игровой площадки она отперла замки железных ошейников, выдернула из них общие цепи и швырнула все на землю. Маленькие тела пошатывались, как будто пытаясь восстановить равновесие, какое им помогали сохранять натянутые цепи.

— Занятия окончены, — устало произнесла мисс Гейсс. В свете восходящего солнца от предметов вокруг тянулись длинные тени, и у нее болели глаза. — Уходите, — шепотом проговорила она. — Идите по домам.

Она не оглянулась, проходя через лабиринт в проволоке и направляясь обратно к школе.

Кажется, прошло немало времени, пока учительница сидела за своим столом, слишком уставшая, чтобы двигаться, слишком уставшая, чтобы подняться наверх и поспать. Класс-

ная комната была пуста так, как только может быть пуста классная комната.

Спустя какое-то время, когда солнечный свет прокрался по лакированным деревянным полам почти до самого ее стола, мисс Гейсс начала было подниматься, но ей помешал толстый фартук. Она сняла фартук и вытряхнула содержимое карманов на стол: щипцы, желтая коробочка с патронами, девятимиллиметровый браунинг, который она взяла из ящика, наручники, которые она только вчера сняла с Майкла, пустые гильзы, три поляроидных снимка. Мисс Гейсс взглянула на первый снимок и неожиданно опустилась обратно на стул.

Она поднесла фотографию к свету, внимательно рассмотрела, затем проделала то же самое с оставшимися двумя.

Тодд улыбался в камеру. В этом не было никакого сомнения. Это не была гримаса, не был спазм, не было случайное сокращение мышц мертвого рта. Тодд смотрел прямо в камеру и улыбался — показывая голые десны, что верно, то верно, но все равно улыбался.

Мисс Гейсс всмотрелась еще внимательнее и поняла, что Сара тоже смотрит в камеру. На первом снимке она смотрела на куриные наггетсы, зато на второй фотографии...

Из коридора донесся шаркающий, скребущий звук.

«Боже мой, я же забыла заложить засовом западную дверь». Мисс Гейсс осторожно отложила фотографии и подняла свой браунинг. Магазин был полон, один патрон в патроннике.

Шарканье и скрежет продолжались. Мисс Гейсс уперлась прикладом в бедро и принялась ждать.

Тодд вошел первым. Лицо его было лишено выражения, как и прежде, но в глазах у него было... что-то. Потом вошла Сара. Кирстен с Дэвидом появились спустя секунду. Друг за другом они, шаркая, входили в классную комнату.

Мисс Гейсс слишком устала, чтобы двигаться. Она знала, несмотря на все ее рассуждения о слабости детских рук и пальцев в качестве оружия, двадцать три ребенка просто сметут ее, как приливная волна. У нее нет двадцати трех пуль.

Да это и не имело значения. Мисс Гейсс знала, что ни за что не станет стрелять в этих детей. Она положила пистолет на стол.

Дети продолжали входить в комнату. Сара Джей вошла вслед за Джастином. Майкл появился последним. Все двадцать три были здесь. Они пошатывались, спотыкались и толкались. Цепей не было.

Мисс Гейсс ждала.

Тодд первым нашел свое место. Он упал на стул, затем рывком поднял себя рядом с партой. Остальные дети наталкивались и стукались друг о друга, но постепенно находили свои места. Глаза их вращались, взгляд блуждал, но все они смотрели более-менее вперед, приблизительно в сторону мисс Гейсс.

Их учительница сидела перед ними один долгий миг, ничего не говоря, ни о чем не думая, едва осмеливаясь дышать из боязни спугнуть мгновение и опасаясь, что все это лишь наваждение.

Момент не был нарушен, просто прозвенел первый звонок, разнесшийся эхом по длинным коридорам школы. Последняя учительница посидела еще секунду, собираясь с силами и подавляя горячее желание расплакаться.

Потом мисс Гейсс поднялась, подошла к доске и своим самым лучшим наклонным почерком принялась выводить расписание, чтобы они знали, чем будут заниматься и что изучат за этот день.

КЕЛЛИ ЛИНК

Некоторые планы на случай встречи с зомби

Келли Линк принадлежит множество чудесных рассказов, собранных в двух изданиях: «Случаются странные вещи» («Stranger Things Happen») и «Магия для чайников» («Magic for Beginners»). Ее фантастика публиковалась в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Realms of Fantasy», «Asimov's», «Conjunctions» и во множестве антологий. Вместе с мужем, Гэвином Дж. Грантом, Линк руководит издательством «Small Beer Press» и выпускает электронный журнал «Lady Churchill's Rosebud Wristlet». Также Линк и Грант (в сотрудничестве с Эллен Датлоу) выпускают ежегодный сборник «The Year's Best Fantasy and Horror». Произведения Линк принесли ей стипендию NEA в области литературы, а также завоевали множество наград, включая «Хьюго», «Небьюлу», Всемирную премию фэнтези, премию Брэма Стокера и Джеймса Типтри-младшего и журнала «Locus».

Рассказ «Некоторые планы на случай встречи с зомби» впервые появился в сборнике «Магия для чайников». Как следует из этого произведения, план на случай встречи с зомби — вещь совершенно необходимая, так что, прежде чем перелистывать весь сборник, я настоятельно рекомендую вам задержаться и прочитать этот рассказ, чтобы вы могли составить собственный план. По правде говоря, вам следовало бы задуматься над этим прямо сейчас — этот том, хоть и довольно увесистый, вряд ли может стать настоящим оружием против оживших мертвецов.

Этот парень по прозвищу Обмылок опять проводит время на вечеринке в одном из пригородов. Все, что вам необходимо о нем знать, так это то, что в багажнике машины он хранит небольшую написанную маслом картину в рамке. Она размером всего с книжку карманного формата. Куда бы

ни шел Обмылок, эта старинная картина всегда при нем. Но сейчас она лежит в багажнике его машины. Вы ведь не станете брать с собой картину, когда идете на вечеринку. Люди могут подумать, что вы немного не в себе.

Обмылок здесь ни с кем не знаком. Он просто вломился на вечеринку без приглашения, как всегда поступает, когда чувствует себя одиноким. В конце недели он просто ездит по пригородам, пока не находит какую-нибудь тусовку, настолько многолюдную, что народ выплескивается из дома во двор.

Молодежь расположилась на газоне у двухэтажного дома, все сидят на влажной траве и пьют пиво из пластмассовых стаканов. Обмылок тоже принес с собой полдюжины пива. Это наименьшее, на что он способен. Он проходит через весь дом, мимо четверых чернокожих парней, устроившихся на диване. Парни смотрят футбол, а из стерео доносится музыка. Звук в телевизоре выключен. Позади телевизора белая девушка танцует сама с собой. Стоит ей подойти к телевизору поближе, как парни на диване начинают ворчать.

Обмылок находит кухню. В ней стоит огромная профессиональная духовка, а к стене магнитами подвешено несколько дорогих на вид ножей. Любопытно, как дорогие предметы в одно и то же время выглядят более опасными и более надежными. Он роется в холодильнике и обнаруживает нарезанный сыр и оладьи. Он берет три ломтика сыра и оладьи, а пиво ставит в холодильник. Там еще лежат бифштексы, и он забирает один из них и разогревает в духовке.

В кухню забредает девчонка. У нее черные волосы, и все они зачесаны наверх, так что на макушке образовались волны из жестких мелких завитков. С этой архитектурной прической она примерно такого же роста, как и Обмылок. А глаза у нее цвета кочанного салата. Под одним зеленым глазом блестит сердечко из горного хрусталя. Хрусталь подмигивает ему, словно своему знакомому. Она выглядит великолепно, но Обмылок предпочитает не связываться с девчонками, которые, по всей видимости, еще не закончили школу.

— Что ты делаешь? — спрашивает она.

— Готовлю бифштекс, — говорит Обмылок. — Хочешь, и тебе разогрею?

— Нет, — отказывается она. — Я уже поела.

Она садится на стол рядом с раковиной и начинает болтать ногами. На девчонке лифчик от купальника и розовые шорты, а ноги босые.

— Ты кто? — опять спрашивает она.

— Уилл, — говорит Обмылок, хотя это не его имя, как, впрочем, и Обмылок.

— А я Карли, — представилась девчонка. — Хочешь пива?

— В холодильнике есть пиво, — отвечает Уилл.

— Я знаю, что есть, — сообщает Карли.

Уилл открывает и закрывает ящики и дверцы шкафов, пока не находит тарелку, нож с вилкой и чесночную соль. Потом вынимает из духовки бифштекс.

— Ты путешествуешь по штату? — не умолкает Карли.

Она открывает бутылку о край кухонного стола, и Уилл понимает, что она рисуется.

— Нет, — отвечает он.

Он садится за стол и отрезает кусок бифштекса. С тех пор как он и его приятель Майк вышли из тюрьмы и Майк уехал в Сиэтл, он чувствует себя одиноким. Здорово сидеть на кухне и болтать с девчонкой.

— А чем же ты занимаешься?

Она садится за стол напротив него, поднимает руки и потягивается, пока в спине не раздается хруст. У девчонки классный бюст.

— Телемаркетингом, — говорит Уилл, и Карли корчит рожу.

— Какая мура!

— Да, — соглашается Уилл. — Но на самом деле это не так уж и плохо. Мне нравится разговаривать с людьми. Я недавно освободился из тюрьмы.

Он кладет в рот еще один большой кусок бифштекса.

— Ни фига себе, — удивляется Карли. — А что ты сделал?

Уилл жует. Потом глотает.

— Я сейчас не хочу об этом говорить.

— Ладно, — соглашается Карли.

— Тебе нравятся музеи? — спрашивает Уилл.

Судя по виду, этой девчонке должны нравиться музеи.

В кухню вваливается подвыпивший белый парень. Он кивает Уиллу, а потом ложится на пол, головой под стул Карли.

— Карли, Карли, Карли, — бормочет парень. — Я так люблю тебя сейчас. Ты самая красивая девчонка в целом мире. И даже не знаешь, как меня зовут. Очень обидно.

— Музеи — это хорошо, — говорит Карли. — Я люблю концерты. Джаз. Комические импровизации. Я люблю все, что никогда не повторяется от раза к разу.

— А как насчет зомби? — спрашивает Уилл.

Бифштекса больше не осталось. Он берет оладью и подбирает с тарелки мясной сок. Наверное, можно было бы съесть и второй бифштекс. Парень, лежащий под стулом Карли, снова начинает болтать:

— Карли, Карли, Карли, мне нравится, когда ты сидишь у меня на лице, Карли.

— Ты говоришь про фильмы ужасов? — переспрашивает Карли.

— Про оживших мертвецов, — доносится из-под стула. — Ходячие трупы. И почему мертвецы ходят повсюду? Почему бы им не воспользоваться автобусом?

— Ты еще не наелся? — интересуется Карли. — Я могу приготовить коричные тосты. Или какой-нибудь суп.

— Они могли бы возить друг друга по очереди, — продолжает лежащий на полу парень. — Эй, вы, там, я не понимаю, почему это называется карпул[1]. Кар-пул. Кар-пул. Карли-пул. В бассейне Карли купаются голышом, а Карли голышом не купается.

— Здесь есть телефон? — спрашивает Уилл. — Я подумал, надо бы позвонить отцу. У него завтра операция на сердце.

Это не его имя, но давайте будем звать его Обмылок. Такое прозвище ему дали в тюрьме, хотя совсем не по тем

[1] *Carpool* — договоренность о поочередной развозке друзей или соседей на работу, в школу, в магазин. Car — автомобиль, Pool — бассейн.

причинам, о которых вы думаете. Еще в детстве он читал книжку о мальчике по имени Обмылок, так что не стал возражать против клички. Это лучше, чем Овсянка, как назвали одного парня. Но вам лучше не знать, почему Овсянку прозвали Овсянкой. Иначе ваша овсянка вылетит наружу.

Обмылок провел в тюрьме шесть месяцев. Иногда шесть месяцев проходят очень быстро. В утробе матери мы проводим больше времени. Но шесть месяцев в тюрьме – достаточно долгий срок, чтобы задуматься обо всем и обо всех вокруг. Если поинтересоваться, о чем размышляют люди вокруг вас, можно сойти с ума. Некоторые парни думают о своих родных, другие мечтают отомстить, а кое-кто собирается разбогатеть. Есть такие, кто поступает на заочные курсы или влюбляется после похвалы инструктора-добровольца своим акварелям. Обмылок не учился живописи, но много думал об искусстве. Именно из-за искусства он и попал в тюрьму. Это звучит романтично, но на самом деле он туда попал по глупости.

Еще до того, как он и Майк сели в тюрьму, Обмылок был уверен, что разбирается в искусстве, хотя и не слишком много о нем знает. То же самое он думал о тюрьме. У многих из нас есть собственное мнение об искусстве и о тюрьме, даже если мы о них почти ничего не знаем. Обмылок и сейчас не слишком разбирается в искусстве. Вот что было ему известно до тюрьмы: он мог определить, нравится ли ему то, что он видит. Как выяснилось, он знал, что ему нравится, даже если не видел этого.

В музеях на него нападала икота. И в тюрьме он тоже очень часто икал.

А вот что он узнал об искусстве, пока был в тюрьме.

Великое искусство является последствием великих страданий. А из-за искусства ему пришлось порядочно наглотаться дерьма.

Есть большая разница между искусством, когда ты просто смотришь, и предметами, вроде мыла, которыми ты пользуешься. Даже если мыло пахнет так приятно, что не хочется

им мыться, а только нюхать. Вот почему люди так помешаны на искусстве. Потому что его нельзя съесть, на нем нельзя спать, нельзя даже сунуть в него свой нос. Есть много людей, которые любят заявлять: «Это не искусство», когда речь заходит о таких вещах, которые не могут быть ничем иным, как произведениями искусства.

Когда размышлять об искусстве надоедало, Обмылок начинал думать о зомби. Он даже выработал собственный план на случай встречи с зомби. Думать о зомби было не так утомительно, как об искусстве. Вот что он знал о зомби.

Зомби не занимались сексом.

Зомби не интересовались искусством.

Зомби были незатейливыми существами. К примеру, они совсем не похожи на призраков, оборотней или вампиров, занимавших верхние или выше среднего уровни в иерархии сверхъестественного мира. Кое-кто считал вампиров рок-звездами, но на самом деле они ближе к Марте Стюарт[1]. Вампиры отличаются чопорностью. Они обязаны следовать определенным правилам. Они должны хорошо выглядеть. Для зомби все это не обязательно. Зомби невозможно изгнать. Нет необходимости в такой роскоши, как серебряные пули, или распятия, или святая вода. Вы должны просто выстрелить зомби в голову, или сжечь их, или хорошенько стукнуть по голове. Некоторые парни в тюрьме знали об этом. В тюрьме были люди, которым было известно все, о чем ты хотел бы узнать. А были такие, кто знал все, о чем ты знать не хотел. Как в библиотеке, только совсем по-другому.

Зомби не привередливы. Им все люди одинаковы по вкусу. И каждый мог *стать* зомби. Для этого не требовалось ни особых достижений, ни успехов в спорте, ни привлекательной наружности. Можно не обладать хорошим за-

[1] *Марта Стюарт* — американская ведущая шоу на радио и телевидении, автор множества книг на тему «стиль жизни», владелица многомиллиардного состояния. Осуждена за мошенничество в 2004 г.

пахом, не носить стильную одежду, не слушать какую-то особую музыку. Надо только быть медлительным.

Эта особенность зомби нравилась Обмылку.

Но в его мыслях присутствовали не только зомби.

В клоунах было нечто такое, что делало их еще страшнее зомби. (Или, по крайней мере, такими же страшными.) При виде зомби вам в первый момент становится смешно. А при виде клоуна большинство людей начинают немного нервничать. Наверное, из-за смертельной бледности, аляповато-раскрашенных лиц и всклокоченных париков. Но клоуны отличаются злобностью и быстро передвигаются на своих крошечных велосипедах или маленьких неуклюжих машинках. С зомби же все иначе. Они не носят с собой музыкальных инструментов, и их не волнует, смеются над ними или нет. Всегда можно понять, чего хочет зомби. Будь у него такая возможность, Обмылок, вероятно, предпочел бы зомби, а не клоунов. Один белый парень, прежде чем попасть в тюрьму, был клоуном. Никто не догадывался, за что он сидел.

Как выяснилось, в тюрьме у каждого имелся свой план на случай встречи с зомби, как имелся и свой план побега, только никто не хотел о них рассказывать. Обмылок старался не задерживаться на мыслях о побеге, хотя порой ему снилось, что он сбежал. А потом появлялись зомби. Они всегда присутствовали в снах о побеге. Можно убежать из тюрьмы, но от зомби не убежишь. Так всегда было в снах Обмылка и в фильмах. Больше никаких доказательств ему не требовалось.

По словам приятеля Обмылка, Майка, который тоже сидел в тюрьме, люди слишком беспокоились насчет зомби и мало внимания обращали на айсберги. Хотя айсберги существовали на самом деле. Майк подчеркивал, что айсберги тоже движутся медленно, как и зомби. Возможно, план спасения от зомби надо немного переработать, и он приго-

дится для спасения от айсбергов. Майк просил Обмылка подумать об айсбергах. Больше никто не соглашался. Надо же, чтобы и об айсбергах кто-то побеспокоился.

Даже после того как Обмылок вышел из тюрьмы и было уже поздно, ему все еще снились сны о побеге.

— Так чей это дом? — интересуется Уилл у Карли.

Девчонка поднимается по лестнице впереди него. Если протянуть руку, можно развязать завязки ее лифчика, и тогда он просто упадет.

— Одной девочки, — отвечает Карли и рассказывает довольно длинную историю: — Это моя подруга. Родители взяли ее с собой во Францию, в велосипедный тур. Они из компании «Амвей». А поездка — что-то вроде бонуса. Отец продал больше всех водяных фильтров, и теперь все должны ехать во Францию и тащить с собой велосипеды. В Марсель. Разве это не глупость? Она даже не говорит по-французски. Она франкофоб. Она недотепа. Даже родители ее не любят. Если бы они могли, оставили бы ее дома. А может быть, они оставят ее во Франции. Черт, хотела бы я посмотреть, как она попытается прокатиться на велике по Франции. Она упадет с вершины Альп. Я ее ненавижу. Мы собирались вместе устроить эту вечеринку, а потом она заявила, что я должна все делать одна и обойтись без нее. Она достала меня вместе со своими родителями.

— Это ванная комната? — спрашивает Уилл. — Задержись на минутку.

Он заходит пописать. Потом спускает воду, а когда собирается помыть руки, замечает, что хозяева дома оставили у раковины кусок необычного мыла. Он нюхает мыло. Затем открывает дверь. Карли стоит напротив и разговаривает с девушкой-азиаткой в платье без бретелек и с маленькими блестящими пластмассовыми цветочками. Платье слишком велико в груди, и девушка придерживает его спереди, словно ждет, чтобы кто-то подошел и заглянул туда. Уиллу интересно, чье это платье и почему девчонка решила надеть такую уродливую одежду.

Он протягивает мыло Карли.

— Понюхай. — Она наклоняется. — Чем оно пахнет?

— Не знаю, — говорит она. — Мармеладом?

— Это лемонграсс.

Уилл возвращается в ванную и открывает окно. Внизу плавательный бассейн, и в нем кто-то плавает. Он бросает мыло в воду, и какой-то парень кричит из бассейна: «Эй!»

— Зачем он это сделал? — спрашивает девушка, а Карли в ответ начинает смеяться.

У его приятеля Майка была подружка по имени Дженни. Она ни разу не приехала навестить Майка в тюрьме. Обмылку это не понравилось.

Отец Обмылка жил в Новой Зеландии и время от времени присылал оттуда открытки.

Его мать жила в Калифорнии, неподалеку от Манхэттенского пляжа. Она была слишком занята и слишком сердита на него, чтобы навещать в тюрьме. Мать Обмылка не терпела глупости и неудачников.

Из всей семьи в тюрьму приезжала только Бекка, его старшая сестра. Она была актрисой-официанткой и однажды снялась в малобюджетном фильме про зомби. Обмылок разок посмотрел фильм и не мог определить, что его больше всего поразило: вид обнаженной сестры или вид обнаженной сестры, пожираемой зомби. Бекка обладала достаточно привлекательной наружностью, чтобы сниматься в ежедневных реалити-шоу, но была не настолько смешной или грустной, чтобы принимать в них участие. Бекка обожала быть на виду. Тогда мать купила ей билет, чтобы она навестила Обмылка. Он подозревал, что должен был стать для сестры примером: найди хорошую работу и держись за нее, иначе попадешь в тюрьму, как твой братец.

Для Лос-Анджелеса Бекка выглядела средненько, но в комнате для свиданий федеральной тюрьмы Северной Каролины ее появление было равнозначно визиту марсианской королевы. Парни потом замучили Обмылка вопросами, когда его сестру покажут по телевидению.

Мать Обмылка владела маленьким магазинчиком прямо на Манхэттенском пляже. Он назывался «Поплавок».

Бекка и Обмылок называли его «Вымой-Рот». В магазинчике продавались только мыло и шампуни, ничего больше. И мыло, и шампуни должны были иметь запах еды. На самом деле все это пахло так же, как те свечи, что должны имитировать запах еды, а в действительности пахнут освежителями воздуха, вроде тех, что висят на зеркалах заднего вида в такси и в украденных машинах. Как будто смотреть назад и нюхать клубнику — это одно и то же. Как будто удачный побег пахнет комнатным освежителем воздуха, которым Бекка и Обмылок пользовались перед приходом матери, когда курили марихуану из ее запасов.

Когда Бекка и Обмылок еще учились в средней школе, они однажды купили совершенно черствый пирожок. От него пахло мятными лепешками. Они вынули пирожок из упаковки и переложили в красивую коробочку с упаковочной бумагой и ленточкой. Обмылок завязал бантик и сделал подарок ко Дню матери. Он сказал, что это мыльная пемза для обработки ног. Обмылок предпочитал, чтобы от мыла пахло мылом. А его мать вечно отсылала упаковки с мылом, от которого пахло оливковым маслом, нероли, мятой, коричневым сахаром, огурцом, мартини и поджаренным алтеем.

В тюрьме не разрешалось иметь бруски мыла. Если положить такой брусок в носок, можно ударить кого-нибудь по голове. Можно кого-то покалечить. Но Бекка договорилась с охранниками в комнате для свиданий, а те договорились с охранниками в отделе передач. В тюрьме Обмылок всем раздавал куски мыла, полученные от матери. Всем, кому они нравились. Как выяснилось, каждый хотел получить мыло, от которого пахло едой: и социальные работники, и тюремные сторожа, и торговцы наркотиками, и убийцы, и даже те, кому были не по карману дорогие адвокаты. Неудивительно, что магазин его матери процветал.

Пока Обмылок сидел в тюрьме, Бекка хранила для него картину. Иногда он просил ее привезти, и сестра брала картину на очередную встречу. Она поклялась не отдавать картину матери, не закладывать ее в ломбард, хранить под кроватью и не пускать в комнату кошку своей соседки. Бекка пообещала, что в случае пожара или землетрясения

картину будет спасать в первую очередь. Даже раньше, чем свою соседку или ее кошку.

Карли приводит Обмылка в спальню. На стене висит большая картина с цветущим садом, а под картиной стоит огромная двуспальная кровать с грудой одежды на ней. Часть одежды даже валяется на полу.

— Проходи и звони своему отцу, — предлагает Карли. — Я сейчас вернусь и принесу еще пива. Тебе тоже принести?

— Почему бы и нет? — отвечает Уилл.

Он дожидается, пока девчонка выйдет из комнаты, а потом набирает номер.

— Привет, па, как дела? — спрашивает он, когда отец поднимает трубку.

— Сынок! — откликается папа. — Как ты там?

— Я тебя не разбудил? Который у вас час?

— Не важно, — говорит ему отец. — Я как раз собираю мозаику. Но в коробке нет картинки. Я думаю, это лемур. Или, может быть, виверра.

— Какая разница, — замечает сын. — Лишь бы не кусался.

— Супер! — восклицает отец. — Это здорово.

— Я подумал о том, что мы обсуждали в прошлый раз. Может, я смогу приехать и навестить тебя? — говорит сын.

— Конечно, — соглашается отец. Он всегда с энтузиазмом поддерживает идеи сына. — Эй, это было бы отлично. Выбирайся из этой треклятой страны, пока можешь. Навести своего старика-отца. Мы могли бы заняться чем-нибудь вдвоем. Например, прыгнуть с моста на эластичном шнуре.

В спальне появляется девица в платье с пластмассовыми цветочками. Она снимает платье и бросает его на кровать. Потом проходит в гардеробную и выносит оттуда платье, сделанное из черных и красных перьев. Оно выглядит так, словно принадлежит какой-нибудь танцовщице из Лас-Вегаса.

— Ко мне зашла какая-то девчонка и сняла с себя всю одежду, — рассказывает сын отцу.

— Передай ей мои наилучшие пожелания, — отзывается отец и вешает трубку.

— Мой отец передает тебе привет, — говорит сын обнаженной девице. А потом добавляет: — У нас с отцом есть к тебе вопрос. Ты боишься зомби? У тебя есть план спасения на случай встречи с ними?

Девчонка улыбается, будто вопрос ей очень понравился. Она надевает новое платье. И уходит. Уилл звонит своей сестре, но телефон Бекки не отвечает. Тогда Уилл собирает всю одежду и несет в гардеробную. Там он развешивает платья. Люди убирают за собой. А зомби — нет.

Уилл считает, что пригороды притягивают к себе зомби точно так же, как трейлерные стоянки притягивают торнадо. Возможно, это из-за окон. В загородных домах очень много окон, и это привлекает чокнутых зомби.

Если зомби сегодня появится, Уилл забаррикадирует дверь спальни тяжелым дубовым комодом. Но сначала он впустит ту голую девчонку. И Карли тоже. Они втроем свяжут из одежды веревку и спустят ее в окно. А может быть, сумеют сделать крылья из перьев на платье и улетят. Уилл мог бы стать Человеком-Птицей из Пригорода.

Уилл заглядывает под кровать, чтобы проверить, нет ли там зомби, или чемоданов, или подвыпившего парня, которого он видел внизу.

Под кроватью, свернувшись калачиком, спит маленький чернокожий мальчик в пижаме с Суперменом.

В детстве Бекка всегда держала под кроватью чемодан. В чемодане она хранила вещи, которые в случае пожара, нападения или землетрясения нужно было выносить в первую очередь. Кроме того, чемодан выполнял еще одну важную функцию — занимал часть опасного, темного пространства под кроватью, куда, не будь его, могли забраться чудовища или мертвецы. Чемодан им мешал. Бекка хранила там свечу в форме дракона, ту, что она купила в магазине на подаренные в день рождения деньги и так и не решилась зажечь. Там же лежали фарфоровая собачка, любимые мягкие зверушки, красивый браслет матери, фотоальбом, «Черная красавица» и много других книг. Время от времени Бекка вместе с младшим братом вытаскивала чемодан из-под

кровати и проводила ревизию. Бекка вынимала оттуда какие-то предметы, а потом укладывала новые. Ее брат, помогая ей, чувствовал себя счастливым и уверенным. Когда что-то случится, они спасут, что смогут.

Современное искусство — пустая трата времени. Когда придут зомби, будет не до искусства. Искусство существует для людей, не боящихся зомби. Но Обмылок размышлял не только о зомби и айсбергах. Цунами, землетрясения, дантисты-фашисты, пчелы-убийцы, муравьи-воины, черная чума, старики, адвокаты по семейным делам, женщины-активисты, Джимми Картер, гигантские кальмары, бешеные лисы, бродячие собаки, дети-актеры, ведущие новостных программ, нацисты, самовлюбленные типы, психологи, палачи, безответная любовь, примечания, цеппелины, Святой Дух, католические священники, Джон Леннон, учителя химии, рыжеволосые люди с британским акцентом, библиотекари, пауки, книги по естествознанию с фотографиями пауков, темнота, преподаватели, плавательные бассейны, хорошенькие девчонки, красивые девчонки, богатые девицы, злые девицы, высокие девицы, гигантские ящерицы, незнакомцы с нарколепсией, злобные обезьяны, продавцы женского белья, комедии о пришельцах, предметы под кроватью, контактные линзы, ниндзя, артисты театра, мумии, самовозгорание. В тот или иной период Обмылок боялся всех этих вещей. Ему оставалось только составлять планы. Надо быть готовым. Вроде как бойскауты, только еще тщательнее готовиться. Ты должен быть готовым ко всему, к чему тебя не подготовили бойскауты, а это немало.

Шампунь тоже пустая трата времени. Какая может быть польза от шампуня при встрече с зомби? Иногда Обмылок воображает, что его застигли в магазине матери. Зомби поднимаются из полосы прибоя, мокрые, чудовищно голодные и, как обычно, очень медлительные. Они едва передвигают ноги и уныло бредут по песку Манхэттенского пляжа. Обмылок забаррикадировался в «Поплавке» вместе со своей матерью и какими-то светловолосыми туристами из Японии с досками для серфинга. «Сынок, сделай что-нибудь!» —

просит его мать. Тогда Сынок разливает по всему полу воду. Под прилавком у него имеются доски для серфинга, бейсбольная бита, несколько рулонов упаковочной бумаги, а на стене висит чучело рыбы-меч, но Сынок выбирает для драки кассовый аппарат. Японским туристам он приказывает встать на четвереньки и натереть пол мылом. Когда зомби в конце концов ворвутся в «Поплавок», он с матерью и туристами спрячется за прилавком. Зомби поскользнутся на полу, и тогда Сынок примется бить их кассовым аппаратом по головам. Это будет как в музыкальном шоу Басби Беркли.

— Что происходит? — спрашивает Карли. — Как себя чувствует твой отец?

— Все отлично, — кивает Уилл. — Если бы не операция на сердце завтра утром. А в остальном все хорошо. Я только что заглянул под кровать. Там спит маленький мальчик.

— А! — говорит Карли. — Это он. Младший братишка. Моей подруги. *Le bro de mon ami.* Я за ним присматриваю. Ему нравится спать под кроватью.

— А как его зовут? — интересуется Уилл.

— Лео, — отвечает Карли.

Она протягивает ему пиво и усаживается рядом на кровать.

— Ну, так расскажи мне про тюрьму. Что ты натворил? Может, я должна тебя бояться?

— Вероятно, нет, — говорит Уилл. — Страх не приведет ни к чему хорошему.

— Тогда расскажи, что ты сделал.

Карли так громко рыгает, что удивительно, как это ребенок под кроватью не проснулся. Лео.

— Хорошая была вечеринка, — говорит Уилл. — Спасибо, что позаботилась обо мне.

— Кого-то только что вырвало из окна гостиной. А еще кого-то чуть не стошнило в бассейн, но я вовремя его оттащила. Если они наблюют в пианино, у меня будут большие неприятности. Из клавиатуры эту дрянь ничем не вывести.

Уилл подумал, что Карли говорит со знанием дела. Есть девчонки, которые проводят за фортепьянными уроками не один год, а есть и такие, кто не только берет уроки игры на пианино, но еще и умеет организовать вечеринку, и знает, как отчистить блевотину. Есть что-то сексуальное в этой девице, которая умеет играть на пианино, и клавишах, которые почему-то залипают. В планах Уилла пианино не предусмотрено, и это ему не нравится. Как же он мог забыть про пианино?

— Я могу помочь тебе прибраться, — предлагает он. — Если ты не против.

— Знаешь, тебе не обязательно так напрягаться, — говорит Карли.

Она уставилась на Уилла, словно у него на лице появился паук или какая-то необычная татуировка, какое-то слово, написанное задом наперед, да еще на незнакомом языке, и она пытается понять, что оно означает. У него нет никаких татуировок. Уилл убежден, что татуировки — это что-то вроде искусства, только хуже.

Уилл тоже смотрит на нее.

— Знаешь, какую историю я услышал на одной вечеринке в пригороде Канзаса? — начинает Уилл. — Один парень воспользовался отсутствием родителей и все время устраивал в доме вечеринки. Перед возвращением родителей он посмотрел, как загажен дом, и поджег его.

Уилл всегда смеялся над этой историей. Что за идиот этот парень.

— Ты хочешь помочь мне сжечь дом моей подруги? — спрашивает Карли, а потом улыбается своей шутке. — Который час? Два? Если это два часа ночи, ты должен рассказать, почему сидел в тюрьме. Это почти закон. Мы знакомы почти целый час, и уже совсем поздно, а я все еще не знаю, почему ты сидел в тюрьме, хотя и знаю, как тебе хочется об этом рассказать, иначе ты просто не упомянул бы о том, что побывал в тюрьме. Ты сделал что-то очень плохое?

— Нет, — говорит Уилл. — Скорее, совершил глупость.

— Глупость — это хорошо, — заявляет Карли. — Продолжай. Пожалуйста.

Она откидывает покрывало на кровати и забирается под него, а потом натягивает до самого подбородка. Спокойной ночи, Карли. Спокойной ночи, потрясающие сиськи Карли.

Она такая маленькая и далекая, даже если рассматривать вблизи. Обмылок сказал, что это лес. Деревья. Майк сказал, что там нарисован айсберг.

Когда Обмылок думает о зомби, он думает о том, что от зомби нигде нельзя спрятаться. Даже в сказках, которые читала ему Бекка. Али-Баба и сорок зомби. Голый зомби. Белоснежка и семь маленьких зомби.

Стоит ему подумать о каком-то месте, и там рано или поздно появляются зомби. Он представляет себе все эти места в виде картин и развешивает их в галерее, потому что, пока место просто нарисовано на картине, там безопасно. Пейзажи в рамах, не дающих туда проскользнуть. Рама не пускает зомби. Лыжный курорт летом, и эти пустые вагончики подъемника. Нефтяная вышка в ночном море. Музей естествознания. Особняк плейбоя. Эйфелева башня. Дом Дэвида Леттермана. Букингемский дворец. Кегельбан. Прачечная. Он переносится в цветущий сад с картины над кроватью, где они сидят с Карли, и там тепло, солнечно, красиво и безопасно. Но стоит ему только оказаться в картине, как там, как всегда, появляются зомби. Космическая станция. Новая Зеландия. Уилл уверен, что его отец считает себя в безопасности в Новой Зеландии, потому что это остров. Его отец просто глупец.

Люди всегда рисовали деревья. Всякие деревья. Наверное, все искусство посвящено таким темам, как деревья. Или айсберги, хотя изображений деревьев гораздо больше, чем изображений айсбергов, так что Майк просто не понимает, о чем говорит.

— Я недолго пробыл в тюрьме, — говорит Обмылок. — Мы с Майком не так уж сильно провинились. Мы никому не причинили большого вреда.

— Ты не похож на плохого парня, — замечает Карли.

А Уилл смотрит на Карли, и она выглядит славным ребенком. Славная девочка со славными сиськами. Но Обмылок знает, что не стоит судить по внешнему виду.

По окончании колледжа Майк и Обмылок собирались разбогатеть. Они заранее все просчитали. Как только они узнали, что это такое и как называется, они решили организовать свой собственный веб-сайт. А пока сидели в тюрьме, они договорились, что сайт будет посвящен зомби. Это будет чертовски необычно.

Голодныйзомби.ком, Нагойзомби.ком, Женатназомби.ком, Защитаотзомби.ком, Инеткомпаниязомби.ком — вот лишь несколько названий, которые они придумали. Уилл был уверен, что люди пойдут куда угодно, если там есть зомби.

Солидные люди заглядывали бы на сайт и становились постоянными посетителями. Они разговаривали бы о старых фильмах ужасов или о своей ужасной временной работе. На сайте были бы комиксы и музыка. У них появились бы спонсоры, реклама и киношники. Обмылок мог бы взять на себя искусство. Он покупал бы картины Пикассо и Вермеера и настоящие книги по искусству с иллюстрациями. Он покупал бы напитки для женщин. Для красивых, бисексуальных, выносливых женщин с непроизносимыми именами и странными привычками в постели.

Только к тому времени, когда Обмылок, Майк и их друзья окончили учебу, все было кончено. Собственным сайтом уже никого нельзя было удивить. Личный сайт имелся почти у каждого. И никто не дал бы им денег.

Появилось множество парней, которые знали то, что знали Майк и Обмылок. Так получилось, что родители Обмылка и Майка заплатили кучу денег, чтобы они научились делать то, что уже умели другие.

У Майка была подружка по имени Дженни. Обмылку Дженни нравилась, потому что всегда его поддразнивала, но ее роль в этой истории не слишком важна. Она даже не собиралась влюбляться в Обмылка, и он это прекрасно понимал. Важно то, что Дженни работала в музее, и Обмылок с Майком стали посещать разные музейные мероприятия, потому что там можно было поесть крекеров с сыром бри,

выпить вина или мартини. Дармовая еда. Все, что требовалось, — это только надеть костюм и слушать, как люди рассуждают об искусстве, закладных и о своих детях. Там бывало много пожилых женщин, напоминавших Обмылку его мать, а он, в свою очередь, напоминал им их сыновей. Вот только неясно, они на самом деле флиртовали с ним или им был нужен его совет о вещах, в которых они сами не могли разобраться.

Однажды утром, проснувшись в тюрьме, Обмылок понял, что тогда ему представилась великолепная возможность, а он ее не рассмотрел. Им с Майком надо было создать сайт для пожилых женщин среднего класса с прекрасным воспитанием и застенчивых обидчивых взрослых детей со степенями бакалавров, но без работы. Это было бы лучше, чем зомби. Они могли бы принести хоть какую-то пользу.

— Ладно, — говорит Уилл. — Я расскажу, почему я попал в тюрьму. Но сначала ответь, что бы ты стала делать, если бы сегодня вечером в этот дом забрались зомби. Я всех спрашиваю об этом. И у каждого есть свой план спасения.

— Это как при поступлении в колледж? Вдруг не пройдешь конкурс?

Карли приподнимает пальцем веко, пальцем другой руки тычет себе в глаз и достает контактную линзу. Она кладет ее на столик у кровати. Вторую линзу она не вынимает. Наверное, второй глаз линза не раздражает.

— Ну вот, на самом деле у меня не зеленые глаза. Но грудь, между прочим, настоящая. Я не слишком часто смотрю фильмы ужасов. От них снятся кошмары. Это Лео любит такую чепуху.

Уилл сидит на кровати с другой стороны и смотрит на нее. Она задумалась. Возможно, ей нравится, как выглядит мир через одну зеленую контактную линзу.

— У моих родителей в холодильнике хранится ружье. Наверное, надо взять его и застрелить зомби? А может, спрятаться в маминой гардеробной, среди всех ее тряпок и туфель? Я бы наверняка расплакалась. Звала бы на помощь. И я позвонила бы в полицию.

— Хорошо, — говорит Уилл. — Я просто поинтересовался. А как же твой брат? Как ты будешь его защищать?

Карли зевает, словно ничуть не удивлена, но Уилл видит, что произвел на нее впечатление.

— Умница Уилл. Ты давно понял, что это мой дом. И что Лео мой брат. Неужели я так плохо вру?

— Да, — кивает Уилл. — Здесь на комоде стоит твоя фотография с родителями и Лео.

— Ладно, — говорит Карли. — Это спальня моих родителей. Они сейчас во Франции, ездят на велосипедах, а меня и Лео оставили здесь. И я устроила вечеринку. Не хватало только, чтобы кто-то поджег их дом.

— Мне кажется, что я тебя знаю уже целую вечность, — признается Уилл. — Хотя мы познакомились совсем недавно. Я, например, знал, что у тебя не зеленые глаза.

— Мы не так уж хорошо друг друга знаем, — возражает Карли, но возражает очень дружелюбно. — И я пытаюсь узнать о тебе побольше. Спорим, ты не знал, что я хочу когда-нибудь стать президентом.

— А ты не знала, что я много думаю об айсбергах, хотя и не так часто, как о зомби, — парирует Уилл.

— Мне бы понравилось жить на айсберге, — говорит Карли. — И президентом быть тоже понравилось бы. Может, я сумею совместить и то и другое. Я буду первой темнокожей женщиной-президентом, которая живет на айсберге.

— Я буду за тебя голосовать, — обещает Уилл.

— Уилл, — говорит Карли, — а ты не хочешь забраться вместе со мной под одеяло? Тебя смущает тот факт, что я собираюсь стать президентом? Тебя пугает уверенная и преуспевающая женщина?

— Ты хочешь развлечься или хочешь узнать, почему я оказался в тюрьме? Дверь А или дверь Б. Я отлично целуюсь, но под кроватью спит Лео. Твой брат.

Майк и Дженни нередко уходили куда-то в дальние залы, чтобы целоваться в музее, где работала Дженни, но Обмылок никогда не целовался с Дженни. Однажды в колледже Обмылок поцеловал Майка. Тогда они оба были совершенно пьяны. В тюрьме мужчины тоже иногда целовались. Белый парень жил с темнокожим. Бекка частенько занималась сек-

сом со своим приятелем на пляже, а ее брат прятался за дюнами и подглядывал. В фильме ужасов зомби съел губы Бекки. Вряд ли кому-то захочется целоваться с зомби.

— Он крепко спит, — говорит Карли. — Может, ты все-таки расскажешь, что натворил, а потом мы решим, что делать дальше.

Обмылок, Майк и еще пара их приятелей пришли на очередной прием в частный музей, где работала Дженни. Они довольно много выпили и почти ничего не ели, кроме нескольких оливок. Дженни была занята, так что Обмылок с Майком и приятелями выбрались из галереи, где подавали вино и сыр, где доценты и богачи знакомились друг с другом, и пошли бродить по всему музею. Они уходили все дальше и дальше от места проведения вечеринки, но никто не попросил их вернуться, никто не вышел и не спросил, что они здесь делают. В остальных галереях было темно, и кто-то уговорил Майка зайти в одну из них. Они хотели проверить, сработает ли сигнализация. Майк вошел, но сигнализация молчала.

В следующую галерею вошел Обмылок. Тогда его еще не называли Обмылком. Его имя было Артур, но все звали его Арт. Ха, ха. В галерее царила кромешная тьма. Артуру надоело стоять, он вытянул перед собой руки и пошел вперед в темноте, пока пальцы не уперлись в стену. Не отрывая пальцев от стены, он обошел весь зал. Время от времени он касался краев рамы и тогда передвигал руки вверх, вниз и в стороны, чтобы определить размер картины. Вскоре он снова оказался у двери.

Потом еще кто-то пошел внутрь, и это был Марксон. Когда Марксон вышел, в его руках была картина. Приблизительно три на три фута. На картине был изображен корабль со множеством мачт и парусов. Все в мелких голубых мазках. Маленькие человечки на палубе, очень встревоженные на вид.

— Дьявол! — воскликнул Майк. — Марксон, что ты наделал?

Надо вам сказать, Марксон был настоящим идиотом. Это все знали. А в тот момент еще и пьяным идиотом, но они все тогда изрядно напились.

— Я только хотел посмотреть, как она выглядит, — сказал Марксон. — Я не ожидал, что она такая тяжелая.

Он опустил картину на пол и прислонил к стене.

Сигнализация не сработала и в этот раз. В следующем зале тоже было темно, и они затеяли игру. Все по очереди входили в зал, обходили его вдоль стены и выбирали по картине. А потом выходили и разглядывали, кому что попалось. Одному парню достался Сера. Кто-то вынес Мари Кассат. Еще кому-то попался Уинслоу Хомер. Попадались картины никому из них не известных художников. Это не считалось. Арт вернулся в первый зал. На этот раз он не спешил. На стене галереи уже попадались пустые места. К некоторым картинам он прикладывал ухо. Ему казалось, что он что-то слышит, только вот непонятно, что именно.

Он выбрал очень маленькую картину. Когда Арт вынес ее на свет, оказалось, что полотно написано маслом. Сплошная масса голубовато-зеленых мазков могла обозначать и воду, и деревья, и чье-то лицо. Лес, если на него смотреть издалека. Что-то медленное и далекое. Он даже не смог разобрать подпись художника.

Майк в это время был в другом зале. Он вышел, и в его руках оказалась картина Пикассо. Какая-то грустная странная женщина со своей грустной странной собачкой. Все единодушно решили, что Майк выиграл. А потом этот идиот Марксон заявил:

— Спорим, что ты не сможешь выйти из музея с этим Пикассо.

Обмылок иногда очень плохо себя чувствует в чужих домах. Он не должен быть здесь. Он не принадлежит какому-то определенному месту. Его никто толком не знает. Если бы знали, он им не понравился бы. Похоже, все вокруг счастливее, чем Обмылок. Им, наверное, известно что-то такое, чего он не знает. Он утешает себя тем, что все изменится с приходом зомби.

— Вы украли картину Пикассо? — спрашивает Карли.

— Это был сомнительный Пикассо. Возможно, и вовсе не Пикассо. И мы не собирались его красть, — оправдывается

Уилл. — Мы подумали, что было бы забавно вытащить его из музея, где работала Дженни, и посмотреть, далеко ли мы сумеем уйти. Мы просто вышли из музея, и нас никто не остановил. Мы положили Пикассо в машину и вернулись к себе домой. А я еще прихватил ту маленькую картину, чтобы Пикассо не было скучно. И я хотел посмотреть на нее еще немного. Я положил ее под мышку, сверху накинул пальто, а остальные парни в это время помогали Майку незаметно выбраться с приема. Дома мы повесили Пикассо в гостиной, а маленькую картину я оставил в спальне. Мы еще не успели протрезветь, когда пришли полицейские. Дженни лишилась работы. Мы с Майком отправились в тюрьму. Марксон и еще один парень отделались общественными работами.

Он замолкает. Карли берет его за руку. Сжимает ее.

— Это самая странная история из всех, что я слышала,— признается она.— Ну почему, когда напьешься, все становится печальнее и смешнее и все видишь в истинном свете?

— О самом странном я тебе еще не рассказал,— говорит Уилл.

Он не может решиться рассказать о самом странном, хотя, может быть, сумеет ей это показать.

— Я не говорила тебе, что была членом школьного дискуссионного клуба? — спрашивает Карли.— Это самый странный факт в моей биографии. Я обожаю спорить. Помнишь того парня, что лежал под моим стулом? Я разбила его в пух и прах в споре о марихуане. Я размазала его по стенке.

Уилл больше не употребляет наркотики. Это вроде как снова оказаться в музее. Все вокруг похоже на произведения искусства, и кажется, что вот-вот появятся зомби.

— В музее заявили, что я не похищал маленькую картину, они сказали, что это не их картина. Даже после того, как я во всем сознался. Я говорил правду, а все считали, что я вру. Полицейские провели опрос в других музеях, на тот случай, если мы с Майком проделали то же самое где-то еще. Но никто не заявил о пропаже. Никто даже не определил имени художника. Так что в конце концов картину вернули мне. Они решили, что я пытаюсь провернуть какую-то аферу.

— А что с ней стало? — спрашивает Карли.

— Картина до сих пор у меня. Пока я был в тюрьме, ее хранила моя сестра, — сообщает Уилл. — Уже два года, с тех пор как я освободился, я подыскиваю для нее подходящее место. Я даже оставлял ее пару раз, но потом выяснялось, что я забывал это сделать. Я не могу ее оставить. Как бы я ни старался. Она мне не принадлежит, но я не могу от нее избавиться.

— Одна моя подруга так поступает, она называет это «покупка наоборот», — говорит Карли. — Когда кто-нибудь дарит ей на день рождения уродливую ночную сорочку, или она сама покупает книгу, но не хочет ее читать, она оставляет рубашку на плечиках, а книгу ставит на полку в магазине. Как-то раз ее так достал попугай, что она отнесла его в обувной магазин и засунула там в коробку. А что произошло с твоим приятелем? С Майком?

— Он уехал в Сиэтл. Организовал веб-сайт для бывших заключенных. Он получил огромные пожертвования. В тюрьмах побывало очень много людей. Такой веб-сайт очень нужен.

— Это здорово, — улыбается Карли. — Похоже на хеппи-энд.

— А картина у меня в машине, — продолжает Уилл. — Хочешь на нее посмотреть?

— Мне нравится Ван Гог, — заявляет Карли. — И Джорджия О'Кифф.

— Сейчас я за ней схожу, — говорит Уилл.

Он быстро спускается, не давая Карли возможности его остановить. Парни на диване смотрят теперь видеозапись чьей-то свадьбы. Интересно, что они подумали бы, если бы знали, что Карли ждет его в кровати наверху. Танцующая девица вместе с подвыпившим парнем сидят на кухне. Девица в платье из перьев стоит на лужайке. Она ничем не занята, разве что созерцанием звезд. Но она смотрит, как Уилл открывает багажник и достает картину. Из-за дома доносятся голоса парней в бассейне. Уилл давно не чувствовал такого умиротворения. Все как в первой, медленной части фильма ужасов, пока еще ничего плохого не случилось. Уилл знает, что не надо пытаться предугадывать ужасные события. Иногда стоит просто прислушаться к голосам

купальщиков в бассейне. Людей, которых не видно. Ночь, луна и девушка в платье. Уилл с картиной в руке ненадолго задерживается на лужайке. Ему хочется, чтобы рядом оказалась Бекка. Или Майк.

Уилл приносит картину в хозяйскую спальню. Он гасит свет и будит Карли. Она плакала во сне.

— Вот она, — говорит он.

— Уилл? — окликает Карли. — Ты погасил свет. Это океан? Очень похоже на океан. На самом деле я не могу ничего разобрать.

— Можешь, — возражает Уилл. — Здесь светло от луны.

— У меня только одна контактная линза, — напоминает Карли.

Уилл забирается на кровать и снимает картину с цветущим садом. Как могут быть такими тяжелыми нарисованные цветы? Он ставит ее к стене у кровати и вешает на ее место картину из машины. Айсберг, зомби, лес. Что-то неопределенное и непостижимое. Как же догадаться, что это такое? Иногда ему из-за этого хочется умереть.

— Вот здесь она будет висеть, — объявляет он. — Она твоя.

— Красивая, — говорит Карли. Уиллу кажется, что она снова плачет. — Уилл? Ты не мог бы просто полежать рядом со мной? Немножко?

Обмылку иногда снится сон. Он не может понять, то ли это сон про тюрьму, или про искусство, или про зомби. Может, про что-то совершенно другое. Ему снится, что он в темной комнате. Иногда это очень большая комната, очень длинная и узкая. Иногда в ней присутствуют люди, они молча стоят, прислонившись к стене. Он может только понять, насколько велика эта комната и есть ли в ней люди. А потом вытягивает перед собой руки и идет вперед. Он не знает, что здесь делают эти люди. И совершенно не представляет, что он сам должен делать. Иногда эта комната очень маленькая. Там темно. Темно.

— Привет, парень. Привет, Лео. Просыпайся. Нам надо идти.

Обмылок лежит на полу рядом с кроватью и старается не кашлять от пыли. Ему приходится говорить шепотом. На огромной кровати под одеялом спит Карли.

Лео вытягивается. Он ползет вперед, навстречу Уиллу. А потом вдруг пятится. Ему всего шесть или семь лет.

— Ты кто? — спрашивает Лео. — А где Карли?

— Карли послала меня за тобой, Лео, — говорит Обмылок. — Тебе надо вести себя очень-очень тихо и выполнять все, что я скажу. В дом проникли зомби. Зомби — пожиратели мозгов. Надо быстро перебираться в безопасное место. Надо забрать с собой Карли. Ей без нас не справиться.

Лео протягивает руку. Обмылок вытаскивает его из-под кровати. Поднимает Лео. Лео крепко вцепляется в него. Он не слишком тяжелый, но удивительно теплый. У маленьких детей очень быстрый обмен веществ.

— Зомби охотятся за Карли? — спрашивает Лео.

— Верно, — говорит Обмылок. — Мы должны ее спасти.

— А можно, я возьму своего робота? — просит Лео.

— Я уже положил его в машину. И твою футболку с динозавром, и баскетбольный мяч.

— А ты росомаха? — спрашивает Лео.

— Правильно, — говорит Росомаха. — Я Росомаха. Давай скорее выбираться отсюда.

— А покажи свои когти, — просит Лео.

— Не сейчас, — возражает Росомаха.

— Сначала мне надо сходить в туалет, — заявляет Лео.

— Хорошо, — говорит Росомаха. — Это прекрасная идея. Я горжусь, что ты мне об этом сказал.

Вот некоторые приемы, которые вы можете применить при встрече с зомби, но они не помогут:

Паниковать.

Не паниковать, сохранять спокойствие.

Звонить в полицию.

Приглашать их к обеду. Угощать напитками.

Просить зайти попозже.

Игнорировать их.

Впустить в дом.

Шутить с ними. Играть в настольные игры.
Уверять, что вы их любите.
Спасать их.

Росомаха и Лео взяли рюкзак. Они положили туда коробку крекеров, и несколько бананов, и ружье родителей Карли и Лео, и несколько батареек, и пакет на молнии, набитый двадцатидолларовыми купюрами, из гардеробной в хозяйской спальне. Телевизор показывал полночный фильм ужасов, но никто его не смотрел. Девица в платье уже ушла с лужайки. Если в бассейне кто-то и остался, они вели себя тихо.

Росомаха и Лео сели в машину и уехали.

Карли снится, что она стала президентом Соединенных Штатов Америки. Она живет в Белом доме — оказывается, он построен изо льда. Он стал Зеленовато-Белым домом. Все носят длинные меховые шубы, и когда президент Карли обращается к ним с речью, она видит свое дыхание. Все ее слова повисают в воздухе. Она общается с рок-звездами и лауреатами Нобелевской премии. Удивительный сон. Карли намерена спасти мир. Ее все любят, даже родители. Ее родители гордятся дочерью. Когда она просыпается, она обнаруживает первую пропажу — до того, как обнаружит остальные. Вместо написанной маслом картины, на которой изображен лес, где никто не живет, картины, которую никто не рисовал и никто не крал, на стене над кроватью в родительской спальне осталось только пустое место.

ДЕЙЛ БЕЙЛИ

Смерть и право голоса

Перу Дейла Бейли, в соавторстве с Дж. Слаем-младшим, принадлежат такие повести, как «Падшие» («Fallen»), «Дом костей» («House of Bones») и «Спящий полицейский» («Sleeping Policeman»). Его первые рассказы печатались в журналах «F&SF», «Amazing Stories» и «SCI FICTION». Также он является автором документальной книги «Американские кошмары: Дом с привидениями в популярной художественной литературе» («American Nightmares: The Hounted House Formula in American Popular Fiction»). Бейли дважды выдвигался на премию «Небьюла», а один из его рассказов получил награду Международной гильдии писателей жанра «хоррор».

В своем собрании сочинений «Наследие воскрешенного» («The Resurrection Man's Legacy») Бейли отметил связь сюжета рассказа «Смерть и право голоса» с реальными событиями и в очередной раз убедился в верности утверждения, что писатель больше не в силах угнаться за странностями современного мира. «Этот рассказ также является наглядным примером того, насколько сильно может авторский замысел отклониться от курса. Я хотел написать короткую, легкую вещь, под стать названию. Но рассказ получился длинным и достаточно мрачным».

Но как же насчет реальных событий, которые нашли отражение в рассказе? Просто задумайтесь о том, что «Смерть и право голоса» был отослан в редакцию в октябре 2000 года, за месяц до президентских выборов.

«Забавно, как устроен мир», — любил говорить мне Бертон. Вот занимаешься ты чем-то настолько мелочным, что зубы от скуки сводит, — подрезаешь ногти на ногах или, например, переворачиваешь диванные подушки в поисках пульта от телевизора, — а мир вокруг тебя меняется с каждой секундой. Ты чистишь перед зеркалом зубы, а на другой стороне планеты поднимается паводок. Каждый

день, каждый миг наш мир преображается самым удивительным образом, а мы сидим в пробке, или гадаем, что приготовить на обед, или просто блаженно пялимся в окно. «Пока ты строишь планы, история идет вперед», — всегда говорил Бертон.

Теперь я это знаю. Думаю, теперь мы все это знаем.

Что касается меня, то, когда все началось, я был в Чикаго, на шестом этаже большого офисного здания, составлял резюме. Вокруг творился привычный хаос: разрывались телефоны, бегали люди, по телевизорам сообщали итоговые результаты голосования, — но во всем чувствовалась наигранность. Кампания закончилась. Наши аналитики сообщили нам все, что следовало знать: утром, когда открылись избирательные участки, Стоддард лидировал на семнадцать пунктов. И вот я сидел в предвкушении увольнения, закинув ноги на взятый в аренду стол и придерживая на коленях ноутбук, и ломал голову над синонимами к слову «руководил». Например, «руководил коллективом из пятнадцати человек». Или «руководил связями с общественностью Демократического национального комитета». Или, например, «руководил политической кампанией и доруководился до ручки».

Тут по Си-эн-эн заиграла короткая увертюра, которая означала, что где-то творится история, точь-в-точь как любил говорить Бертон.

Льюис выключил телевизор, и я поднял голову.

— Ну и зачем ты это сделал?

В ответ он перегнулся через стол и выключил мой компьютер.

— Сейчас покажу.

Я последовал за ним через офис, мимо сгрудившихся перед телевизорами людей. Никто не повернул в мою сторону головы. Никто не смотрел мне в глаза с воскресенья. Я попытался прислушаться к передаче, но поверх возбужденного гомона до меня доносились лишь обрывки репортажей с места. Бертона я тоже не заметил — он, скорее всего, заперся где-нибудь и писал поздравительную речь своему сопернику. «Какой смысл откладывать неизбежное», — сказал он мне утром.

— И чего ты хочешь? — спросил я Льюиса, когда мы вышли в коридор, но он только покачал головой.

Льюис — крупный мужчина, ему около пятидесяти, и у него сутулые плечи и выражение лица как у пристыженного подростка. Он стоял в лифте и смотрел на мигающие огоньки, потирая оставшуюся от угревой сыпи оспину. Оспин у него много, они покрывают все лицо, как напоминание о худшем в истории человечества пубертатном периоде. Он мне никогда не нравился, а в данный момент особенно, но даже я не мог не восхищаться светящимся в его глазах умом. Стань Бертон президентом, Льюис хорошо бы ему послужил. Теперь же ему тоже придется искать работу.

Двери лифта открылись, и Льюис вывел меня из вестибюля в типичное ноябрьское утро в Чикаго: с озера дул кусачий, будто пересыпанный алмазной крошкой, ветер, а с потрепанного неба сыпало нечто, что никак не могло определиться, чем оно хочет стать в жизни — снегом или дождем. Я вырос в Южной Калифорнии (меня растили дедушка с бабушкой) и больше всего на свете ненавижу чикагскую погоду; но тем утром я стоял на улице в рубашке с закатанными по локоть рукавами, мой галстук развевался на ветру, а я ничего не чувствовал.

— Боже мой,— произнес я, и на мгновение все мои мысли остановились. Я мог думать только о том, что всего два часа назад стоял на том же самом месте и смотрел, как Бертон обрабатывает толпу, а мир еще не сошел с ума.

Потом Бертон дошел до участка, чтобы отдать свой голос, а когда он вышел из кабинки, его ждали репортеры. Бертон, политик до мозга костей даже после поражения, их очаровал. Нас могли ожидать великие дела.

Но даже тогда мир еще не сошел с ума.

Зато теперь он спятил по полной программе.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что происходит; мимо с выпученными глазами проталкивались прохожие, перед гостиницей на углу застыл с раскрытым ртом посыльный. Выше по улице столкнулись три таксиста, из сцепившихся машин валил пар, а в конце квартала выброшенным на берег морским чудовищем возвышался перевернутый автобус. Где-то немузыкально крича-

ла женщина — снова, и снова, и снова, перемежая крики стаккато сдавленных всхлипов. Вдали завывали сирены. Телевизионная группа снимала без остановки, и впервые с того момента, как я продул шанс Бертона занять самый высокий пост страны, ни один журналист не совал мне в лицо микрофон и не спрашивал, что на меня нашло.

Но я был слишком поражен, чтобы наслаждаться неожиданным подарком судьбы.

Мы Льюисом не отрывали глаз от избирательного участка. Там собралось полтора или два десятка мертвецов, и все время прибывали новые. Даже тогда у меня не возникло сомнения, что все они мертвы. Это становилось очевидным по осанке — деревянной, как у марионеток; по шаркающей походке и нездоровому, призрачному блеску в глазах. Очевидно по зияющим из разрезов кольцам внутренностей, по случайной наготе и неожиданной одежде: больничным халатам, залитым кровью джинсам и безупречным костюмам из только что открытых гробов. По темным пятнам разложения, что цвели на их телах. Очевидно с первого взгляда, что они мертвы. Происходящее давало фору любому фильму о зомби, который вам доводилось видеть.

По моим рукам побежали мурашки, но вовсе не от дующего с озера Мичиган ветра.

— Бог ты мой, — произнес я, когда сумел наконец заговорить. — И чего они хотят?

— Голосовать, — ответил Льюис.

* * *

«На выборах в Чикаго мертвые голосовали задолго до того, как Ричард Дейли стал мэром, — написал один остряк в утреннем выпуске „Трибьюн“ на следующий день, — но вчерашние события придали этой традиции совершенно новый смысл».

Да уж.

Мертвые проголосовали, и не только в Чикаго. В каждом избирательном округе страны они вставали с больничных носилок и полок в морге, из открытых гробов и с бальзамировочных столов, и в большинстве случаев им удалось отдать свой голос без помех. Да и кто мог их остановить?

Большая часть работников избирательных участков бежала с корабля, стоило первым зомби проковылять в двери, но даже те, кто остался на посту, предпочитали не вмешиваться. Мертвецы никому не угрожали — если подумать, они не делали ничего зловещего, чего можно было бы ожидать от мертвецов. Но многих людей нервировал их непроницаемый взгляд. Проще дать им проголосовать, чем терпеть на себе знающий блеск этих странных глаз.

А когда голоса подсчитали, мы узнали еще кое-что — они проголосовали за Бертона. Все как один проголосовали за Бертона.

* * *

— Это твоя вина, — сказал на следующий день за завтраком Льюис.

Я видел, что с ним согласны все до единого, весь старший руководящий персонал, измотанный и невыспавшийся. Пока Льюис произносил свою тираду, они пристально изучали содержимое своих тарелок, поверхность стола для совещаний или лихорадочно записывали что-то в ежедневники. Что угодно, лишь бы не смотреть мне в глаза. Даже Бертон, который сидел в одиночестве во главе стола, жевал бублик и смотрел без звука репортаж Си-эн-эн, где ковыляли по своим непостижимым делам зомби. Ближе к рассвету, когда из восточных штатов поступили последние подсчеты, толпы мертвецов стали подтягиваться к кладбищам. Зачем, пока что не знал никто.

— *Моя* вина? — переспросил я, но возмущение получилось наигранным.

В пять утра, когда я проснулся от кошмара в темном гостиничном номере, я пришел к тому же выводу, что и все остальные сидящие за столом.

— То чертово ток-шоу, — заявил Льюис, будто это все объясняло.

Вполне возможно, что так оно и было.

Чертово ток-шоу называлось «Перекрестный огонь», и я попал на него в последнее воскресенье перед выборами. Я нарушил первую заповедь политика — заповедь, которую я безжалостно вбивал в окружающих в течение по-

следнего года. Не отклоняться от основной мысли, придерживаться тезисов.

Не говори от сердца своего.

Причиной этой дилетантской ошибки послужила шестилетняя девочка по имени Дана Макгвайр. За три дня до моего выступления в эфире пятилетний мальчик застрелил Дану после занятий в школьном кружке. Он нашел пистолет в прикроватной тумбочке своего отца и, как раз когда мать Даны входила в школу, чтобы забрать дочь, вытащил оружие из своей сумки с полдником и выстрелил девочке в шею. Дана умерла на руках у матери, а мальчишка рыдал рядом.

Обычный американский денек, только что-то оборвалось у меня в груди, когда я впервые увидел фотографию Даны в новостях. Я помню тот момент как сейчас: в окна гостиницы падает тусклый октябрьский свет, тихо бормочет телевизор, а я разговариваю по телефону со своей калифорнийской бабушкой. У меня мало родственников. У меня есть дядя со стороны отца, но после смерти родителей мы постепенно перестали видеться, и меня воспитывали родители матери. Дед умер пять лет назад, так что мы остались вдвоем, и даже в разгар предвыборной кампании я старался звонить бабушке каждый день. По большей части она болтает о знакомых стариках — длинный перечень имен и недугов, которые я и в хороший день с трудом могу удержать в голове. А в тот полдень, вполглаза посматривая, как бойкий, накачанный ведущий с Си-эн-эн ведет репортаж у фасада школы, я совсем потерял нить разговора.

И вдруг я слышу, как она взволнованно повторяет: «Роберт, Роберт!», а я...

Я сижу на гостиничной кровати в Дейтоне, штат Огайо, и рыдаю о смерти маленькой девочки, которую никогда в жизни не видел. Горе, шок — называйте, как хотите, но за десятилетие общественной деятельности такое со мной случилось впервые. И после я уже не мог думать о ее смерти на уровне политических терминов. Смерть Даны Макгвайр стала моим личным делом.

Как и следовало ожидать, вопрос поднялся на «Перекрестном огне». Джо Стерн, руководитель кампании Стод-

дарда, которого я знаю уже много лет, наклонился к камере и выдал стандартную фразу — о конституционном праве на ношение оружия, будто Джефферсон лично мог предусмотреть появление скорострельного полуавтоматического пистолета с обоймой на шестнадцать патронов. Услыхав ее из уст мясистого, самодовольного идеолога, которому следовало лучше понимать, о чем он говорит, я разъярился.

Я не сразу узнал ответивший ему голос. Мне казалось, что через меня говорит кто-то другой, будто голос раздается из пробитой в груди дыры.

И голос сказал вот что:

— Если Гранта Бертона изберут президентом, он добьется того, чтобы все личное огнестрельное оружие переплавили на болванки. Он сделает все от него зависящее, чтобы спасти следующую Дану Макгвайр.

— Мы говорим вовсе не о Дане Макгвайр... — надулся жабой Джо Стерн.

Голос прервал его.

— Если есть в нашем мире справедливость, Дана Макгвайр встанет из могилы и придет за тобой, — возвестил он. — И если мы говорим не о Дане, то о чем мы тогда говорим?

К концу дня Стоддард уже запустил в оборот новый ролик — фотография Бертона и мой голос: «Если Бертона изберут президентом, он добьется того, чтобы все личное оружие переплавили на болванки». К понедельнику наш рейтинг опустился на шесть пунктов, и Льюис перестал со мной разговаривать.

Зато сейчас он не замолкал.

Он перегнулся через стол и ткнул в меня толстым пальцем, заодно опрокинув пластиковый стаканчик с кофе. Пока он кричал, я смотрел, как расплывается по столу черное пятно.

— Мы лидировали на пять пунктов, мы выигрывали, пока ты не открыл свой чертов рот!..

Нас прервала Анжела Дей, наш главный специалист по общественному мнению.

— Смотрите! — Она показывала на экран телевизора.

Бертон прибавил культом громкости, но происходящее и так было предельно ясным: кладбище на севере штата

Нью-Йорк, причем одно из новомодных, где плиты расположены вровень с землей, чтобы удобнее было косить траву. Трое или четверо зомби опустились на колени рядом с недавно вырытой могилой.

— Боже мой, — прошептала Дей. — Что они делают?

Ей никто не ответил, и я думаю, что она и не ждала ответа. Она видела происходящее не хуже нас. Мертвецы голыми руками разгребали свежую землю.

В голове у меня всплыла строчка из старой поэмы, которую я прочел еще в колледже: «Ах, кто копает на моей могиле?»[1] Она стучала в голове, и впервые меня посетила истерика, которая со временем не минует ни одного из нас. Могилы отверзлись, мертвые ходили среди нас. Род людской трепетал.

«Ах, кто копает на моей могиле?»

Льюис откинулся на спинку стула и смерил меня сердитым взглядом.

— Это твоя вина.

— По крайней мере, они голосовали за нас, — ответил я.

* * *

Не могу похвастаться, что мы ворвались в Белый дом во главе триумфального шествия зомби. На самом деле все произошло совсем наоборот. Как оказалось, право голоса мертвых представляет из себя серьезный конституционный вопрос, и Стоддард направил жалобу в Федеральную избирательную комиссию. Он утверждал, что мертвецы не имеют права вмешиваться в дела живых, и к тому же ни один из них не зарегистрировался законным образом. Предчувствуя поражение, Демократический национальный комитет подал встречный иск с заявлением, что одно лишь присутствие мертвых помешало обычным избирателям прийти на участки.

Пока суды за закрытыми дверями обдумывали эти притязания, мир содрогнулся. Люди повалили в церкви. Президент созвал экспертов и специально подобранные комиссии, в сенате проходили слушания. Центр по контролю за

[1] «Ah, are you digging on my grave» — ироничное стихотворение Томаса Харди.

заболеваниями собирал отряды для поиска биологически опасных веществ. В ООН обсуждались карантинные меры против Соединенных Штатов; фондовая биржа потеряла пятнадцать процентов.

В то же время мертвые беспрепятственно занимались своими делами. Они ни с кем не разговаривали и не пытались вступить в контакт, но за массовым воскрешением ощущался интеллект, нечеловеческий и отчужденный. В последующие за выборами недели они разрывали свежие могилы и освобождали товарищей из недавних захоронений. Голыми руками рыли землю, напором рушили бетонные склепы и вскрывали заколоченные гробы. Бродили по улицам, распространяя вокруг себя запахи формалина и разложения, — руки исцарапаны и изорваны, под ногтями черная могильная земля.

Их число росло с каждым днем.

Люди по-прежнему умирали, но они перестали быть покойниками: недавно воскрешенные неустанно трудились у свежих могил. Через неделю после выборов Верховный суд принял решение считать результаты голосования недействительными. Срочная сессия Конгресса назначила повторные выборы на первую неделю января. Неразбериха во Флориде в 2000[1] году научила нас ценить проворство.

Вечером ко мне в номер с новостями зашел Льюис.

— Мы снова в деле, — заявил он.

Я не ответил, и он уселся в кресло напротив. Мы в тишине смотрели на затянутый туманом город. Высоко над озером в небе висели нити дождя. Сегодня мертвым повезло с погодой. Рыть будет легче.

Льюис развернул бутылку на столе, чтобы прочесть ярлык. Я-то знал, что в ней: «Гленфиддик», отличный односолодовый виски. Я потягивал его из гостиничного стакана почти весь день.

— Почему ты не включишь свет? — спросил Льюис.

— Мне и в темноте неплохо.

Льюис хмыкнул. Повременив, он нашел еще один стакан, протер его платком и налил себе виски.

[1] В 2000 году после голосования во Флориде исчезла часть бюллетеней.

— Ну говори.

Льюис отпил из стакана, поморщился.

— Четвертого января. Двадцать минут назад президент подписал указ. Защитные кордоны в пятидесяти ярдах от избирательных участков. Голосуют только живые. Господи. Не могу поверить, что говорю такое. — Он подпер голову руками. — Ты с нами?

— А он меня примет?

— Да.

— А как насчет тебя, Льюис? Ты меня примешь?

Льюис промолчал. Мы сидели, вдыхали лесной аромат скотча и смотрели, как ночь окрашивает небо темнотой.

— На днях ты отчитал меня на совещании. Ты сделал из меня козла отпущения перед всеми. Мы не сможем работать вместе, если ты все время будешь выбивать у меня из-под ног почву.

— Да черт тебя побери, я же был прав! За десять секунд ты разрушил все наши труды! Выборы были у нас в кармане.

— Ладно тебе, Льюис. Не будь «Перекрестного огня», еще неизвестно, какими бы могли оказаться результаты. Пять пунктов — это мелочь. Мы лидировали с крошечным отрывом, и ты сам это знаешь.

— И все же. Зачем ты это сказал?

Мне вспомнилось то странное чувство, что охватило меня на передаче: будто через меня говорит чужой голос. Рупор мертвых и все такое.

— Ты когда-нибудь думаешь о той девочке, Льюис?

— Да. Думаю, — вздохнул он и поднял стакан. — Слушай. Если ты добиваешься извинений...

— Мне не нужны извинения.

— Отлично. — Он помолчал и неохотно добавил: — Роб, ты нам нужен. И сам это знаешь.

— Январь, — произнес я. — У нас есть почти два месяца.

— На данный момент мы лидируем с большим отрывом.

— Стоддард тоже сидеть сложа руки не будет, вот увидишь.

— Да. — Льюис коснулся лица — трогал оспины. Даже в темноте я узнал жест, ведь я знал его достаточно долго.

— Хотя не знаю, — добавил он. — Вполне возможно, правые вообще пропустят эти выборы. Они считают, что грядет Второе пришествие, какое им дело до политики?

— Посмотрим.

Льюис залпом допил скотч и поднялся.

— Да. Посмотрим.

Я не двинулся с места, когда он пошел к двери, лишь наблюдал за его отражением в большом панорамном окне. Он открыл дверь и обернулся — высокий силуэт на фоне освещенного коридора, чье лицо терялось в тенях.

— Роб?

— Что?

— Ты в порядке?

Я осушил стакан и покатал скотч во рту. Мне хотелось сказать: «В последнее время мне плохо спится. Мне снятся странные сны».

Но вслух я произнес:

— Я в порядке, Льюис. Я в полном порядке.

* * *

Хотя я вовсе не был в порядке.

Никто из нас не был в порядке, но даже сейчас (а может, особенно сейчас) первое, что приходит в голову о тех первых неделях, — это как незначительно воскрешение мертвых затронуло нашу повседневную жизнь. Отдельные случаи попадали в новости — я помню сюжет об аресте серийного убийцы, чьи жертвы вылезли из неглубоких могил на заднем дворе, — но в большинстве своем люди жили как раньше. После первого шока рынок успокоился. На прилавках к Дню благодарения появились индейки; на радиостанциях отсчитывали дни до Рождества.

Тем не менее, думаю, под видимым спокойствием и тогда уже пряталась истерия, как омут под гладью невозмутимого озера. Омут, в котором неосторожные могут утонуть. В большинстве своем люди выглядели нормальными, но копни чуть глубже — и все мы тихо сходим с ума тысячей разных способов.

«Ах, кто копает на моей могиле» и все такое.

Лично я не мог спать. Предвыборный стресс нарастал еще до провального выступления на «Перекрестном огне», и в последние перед голосованием дни, особенно с опросами (и милейшими делегатами женского пола) в Калифорнии, я просыпался, зевая во весь рот и с трудом продирая глаза. К тому же меня мучило чувство вины. Три года назад бабушка сломала ногу и оказалась в доме для престарелых «Лонг Бич». Хотя мы созванивались каждый день, я так и не сумел вырваться на денек-другой и навестить ее, несмотря на то что в Калифорнии наша кампания продолжалась довольно долго.

Но воскрешение мертвых поставило в моей бессоннице новую веху. В ночь выборов я из последних сил добрался до постели, причем в голове у меня кружились воспоминания о разгуливающих по улицам зомби, и заснул тяжелым, лихорадочным сном. Во сне я бродил по заброшенному городу. Окружающий пейзаж носил отпечаток свойственной снам мрачной многозначительности: каждый выпавший из стены кирпич, парящие в ущельях между высотными зданиями газетные обрывки, сгустки темноты в заброшенных подземных переходах — все вызывало тревогу. Но сильнее всего меня напугал звук, единственный звук в этом океане тишины — смутно тревожный, далекий отзвук часов, эхом разносящийся по пустым бульварам и забытым проспектам.

Воздух звенел от этого звука, он преследовал меня и в конце концов загнал в квартал, где дома нависали над узкими, крутыми улочками, а небо виднелось узкой полоской. Впереди черным провалом в стене узкого, высокого дома манила открытая дверь. Я толкнул калитку ограды, поднялся по сломанным ступенькам и замер на пороге. Внутри громоздились огромные напольные часы, их стрелки показывали минуту до полуночи. Я зачарованно наблюдал, как тяжелый маятник качнулся, принося наступление нового часа.

Массивные стрелки вытянулись вверх.

Воздух вокруг меня дрогнул. Когда часы начали бить, содрогнулась даже каменная кладка. Я зажал уши руками и собирался бежать, но бежать было некуда. Во дворе, на улице — насколько охватывал взгляд — везде собрались мертвые. Пока часы отбивали полночь, они стояли и смотрели

на меня своими нездешними глазами, и я знал, внезапно и бесповоротно, как обычно знаешь, что должно произойти во сне, что они пришли за мной, что они всегда охотились за мной, за всеми нами, только мы и не подозревали об этом.

И тут, охваченный ледяным страхом, я проснулся.

Сквозь занавески просачивались серые рассветные лучи, но меня не покидало предчувствие, что рассвет не наступит, а если и наступит, то он будет совсем не похож на начало любого другого дня.

* * *

Имея в запасе еще две недели, Стоддард повел решительную атаку.

Четырнадцатое декабря, мы в тридцати семи тысячах футов над землей, в зафрактованном «Боинге-737», и тут Анжела Дей радует нас новыми цифрами.

— Господа, — заявила она, — мы попали в зону небольшого волнения.

Теперь я вижу, что это и стало поворотным пунктом. Но в тот момент никто из нас не оценил шутки.

Воскрешение мертвых заметно оживило предвыборную гонку и где-то на месяц даже значительно подняло наш рейтинг, но в последние недели Стоддард упорно рвался наверх, честя нас на чем свет стоит в земледельческих районах из-за пары аграрных законов, где Бертону принадлежал решающий голос, а на юге поминая ваучеры. Конечно, мы знали о его выступлениях, но никто не мог предвидеть, насколько близко он подойдет к нам на финишной прямой.

— Мы лидируем в Калифорнии на семь пунктов, — сказала Дей. — Нас держат на плаву голоса геев, но цифры достаточно расплывчатые. Стоддард продолжает набирать голоса.

— Боже, — вздохнул Льюис, но Дей уже показывала другой список.

— Дальше хуже, — продолжала она. — Во Флориде у нас два пункта. Статистическое болото. Меньшинства за нас, основное население за Стоддарда. Результаты будут зависеть от явки на избирательные участки.

Либби Диксон, пресс-секретарь Бертона, прочистила горло:

— У нас достаточно крепкие связи с испанской диаспорой...

— Основное население выиграет,— покачала головой Дей.

— Испанцы никогда не ходят голосовать, — добавил Льюис.— Можно просто обвязать Флориду бантиком и отослать Стоддарду в подарок.

Дей раздала следующие листы. Она организовала свое сообщение так, чтобы оно произвело максимальное впечатление, объявляя новости по листу зараз. Льюис сгорбился в своем кресле, трогая оспины, пока она продолжала перечислять: Мичиган, Нью-Йорк, Огайо — все три штата богаты на избирателей, во всех трех мы идем голова в голову со Стоддардом. Три практически физических удара под дых, как читалось на лицах сидящих за столом.

— Что за чертовщина? — проворчал Льюис, когда Дей передала ему следующий лист, но техасские новости лишили дара речи даже его. Стоддард опережал нас на шесть пунктов.

Я обдумывал пару сравнений с Аламо[1], но в конце концов решил благоразумно промолчать.

— Я думал, что наш рейтинг в Техасе растет,— сказал Льюис.

Дей пожала плечами.

— Я только сообщаю цифры, а не выдумываю их.

— Могло бы быть и хуже,— неуверенно произнесла Либби Диксон.

— Могло, но Робу запретили выступать на «Перекрестном огне»,— заявил Льюис, и среди сидящих пробежал смешок.

Не отрицаю, Льюис знает, что делает. Я и сам почувствовал, как спало напряжение за столом.

— Предложения? — спросил Бертон.

— Опросы в целевых группах показали озабоченность системой образования. Может, выпустить ролик, поясняющий нашу позицию по...— начала Дей.

— Да черт с ней, с позицией,— перебил ее кто-то.— Нам надо остаться во Флориде. Потягаться со Стоддардом на его поле.

---

[1] В 1836 году в Аламо состоялось сражение между техасскими и мексиканскими войсками, в котором техасцы были разбиты.

— Может, серию встреч в небольших городах? — предложил Льюис, и некоторое время они перебрасывались идеями.

Я пытался прислушиваться, но шуточка Льюиса напомнила мне о снах. Я помнил, где нахожусь — тридцать семь тысяч футов пустоты под крылом, летим на дебаты в Виргинию, — но в своем сознании я не двинулся с места. В моей голове я стоял на пороге того дома и смотрел в глаза мертвых.

«Мир изменился, и изменился непоправимо», — внезапно подумал я.

Думаю, что заключение было очевидным, но в тот момент оно озарило меня откровением. Дело в том, что все мы — и я имею в виду не только предвыборную кампанию, но всех, всю нашу культуру — делали вид, будто ничего не произошло. Да, в ООН проходят дебаты, а по Си-эн-эн идут передачи, похожие на вырезки из фильмов Джорджа Ромеро, но последствия — духовные последствия — массового воскрешения мертвых до нас еще не дошли. Мы пребывали в счастливом отрицании. И в тот момент, когда под ногами мягко гудел двигатель самолета, а кто-то из наших — кажется, Тайлер О'Нил, мышиного вида ассистент Либби Диксон, — нудно твердил о негативном подходе, мне вспомнились слова одного из профессоров в Нортвестерне: Коперник выдвинул гелиоцентрическую теорию Солнечной системы в середине шестнадцатого века, но у Церкви не доходили руки кого-нибудь за нее наказать, пока почти столетие спустя не посадили в темницу Галилея. Церковь сто лет старалась игнорировать тот факт, что кто-то одним взмахом руки перевернул фундаментальную географию их мира.

И то же самое случилось с нами.

Мертвецы встали из могил.

Четыре слова, но по сравнению с ними бледнело все остальное: социальные гарантии, финансовая реформа кампании, образовательные ваучеры. *Все.*

Я с шумом скомкал один из листов Дей в комок и перебросил его через стол. Тайлер О'Нил поперхнулся и замолчал, и несколько секунд все молча смотрели на ком бумаги. Можно было подумать, будто я кинул ручную гранату, а не два параграфа, подытоживающие идиотизм избирателей штата Техас.

— Я не думаю... — прочистила горло Либби Диксон.

— Замолчи, Либби, — ответил я. — Вы сами себя послушайте. По улицам разгуливают зомби, а вы переживаете о негативном подходе?

— Все эти... — Дей помахала в воздухе рукой, — зомби, они ни на что не влияют. Цифры...

— Людям свойственно лгать, Анжела.

Либби Диксон громко сглотнула.

— Когда дело доходит до денег, смерти и секса, лгут все. Ты думаешь, что если домохозяйке позвонит полнейший незнакомец, она поделится своими переживаниями о полуистлевшем трупе дедушки, который гуляет по соседней улице?

Теперь все внимание принадлежало мне, без остатка.

Целую минуту самолет заполнял гул моторов. Люди в салоне не издавали ни звука. А потом Бертон... Бертон улыбнулся.

— Что ты задумал, Роб?

— Союз личности и момента — вот что делает президента великим, — ответил я. — Вы сами так говорили. Помните?

— Помню.

— Вот он, ваш момент. Перестаньте убегать от него.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Льюис.

Я ответил на вопрос, но даже не взглянул в его сторону. Я не сводил глаз с Гранта Бертона. Будто никого больше не было в салоне самолета, только я и он, и, несмотря на все дальнейшие события, именно тогда свершился мой вклад в историю.

— Я хочу отыскать Дану Макгвайр, — заявил я.

* * *

Я начал заниматься политикой еще в Нортвестерне, на втором курсе. Это случилось неожиданно для меня (да и кто отправляется в колледж, собираясь стать помощником сенатора?), но в те годы я отличался идеализмом, к тому же мне нравилась позиция Гранта Бертона, так что осенью я присоединился к его штату в качестве добровольца и сидел на телефоне. Одно за другим: стажировка на

Холме[1], работа референтом после окончания колледжа — и каким-то образом я оказался среди богемы политического мира.

Я часто задумывался о том, а как бы сложилась моя жизнь, выбери я другой путь? На четвертом курсе я встречался с девушкой по имени Гвен, веснушчатой блондинкой на год младше меня; довольно симпатичная, она чуть-чуть недотягивала до красавицы. Уж не помню, по какому предмету нам задали совместную лабораторную работу, но в ее процессе мы обнаружили, что выросли в получасе езды друг от друга. Землячество — двое заброшенных на холодный север калифорнийцев — помогло нам продержаться вместе всю зиму и часть весны. Но после окончания колледжа наши пути разошлись, и последнюю рождественскую открытку я получил от нее пять или шесть лет назад. Помню, как из открытки выпал листок бумаги и медленно спланировал на пол. Телефон и адрес в Лагуна-Бич и приписка: «Позвони мне как-нибудь». Но я так и не позвонил.

Так что вот так.

В тридцать два года я все еще жил один, и самые долгие романтические отношения в моей жизни продлились восемь месяцев. Моим самым близким другом оставалась бабушка, и при большой удаче я виделся с ней раза три в год. Я ходил на десятилетнюю встречу выпускников в Эванстоне, и все мои бывшие одноклассники давно уже жили в другом мире. У них были семьи, дети, религия.

А у меня была моя работа. Двенадцать часов в день, пять дней в неделю. По субботам я проводил в офисе три-четыре часа, чтобы доделать отложенные на неделе дела. По воскресеньям я смотрел ток-шоу, и с понедельника все начиналось заново. Так я жил уже десять лет, и ни разу мне не пришло в голову задаться вопросом: как я загнал себя в этот угол? Мне даже не пришло в голову, что вообще следует задаваться подобными вопросами.

---

[1] Имеется в виду Капитолийский холм в Вашингтоне, где находится здание Конгресса.

Четыре года назад, во время кампании по переизбранию Бертона в сенат, Льюис сказал мне одну забавную вещь. Мы сидели в баре, пили «Миллер лайт» и закусывали арахисом, и вдруг он поворачивается ко мне и спрашивает:

— У тебя кто-нибудь есть?

— Кто-нибудь?

— Ну, сам понимаешь — девушка, невеста, дорогой тебе человек?

На миг у меня перед глазами мелькнула Гвен, но только на миг.

— Нет, — ответил я.

— Вот и славно, — кивнул Льюис.

Он всегда выдавал подобные заявления, ехидно, немного зло. Обычно я не обращал внимания, но в ту ночь у меня в крови курсировало уже немало алкоголя, и я решил не давать спуску.

— И что это значит?

Льюис повернулся ко мне.

— Я хотел сказать, что если у тебя есть по-настоящему дорогой человек, с кем ты хочешь прожить вместе всю жизнь, то тебе лучше бросить эту работу.

— С чего бы это?

— Она не оставляет места для личной жизни.

Он допил пиво и отодвинул бутылку, не спуская с меня чистого, трезвого взгляда. Полумрак скрадывал оспины на его лице, и в тот момент я увидел его таким, каким он мог быть в лучшем мире. Всего на миг Льюис стал почти красавцем.

И тут миг закончился.

— Спокойной ночи, — сказал он и отвернулся.

Через несколько месяцев, незадолго до того, как Бертона переизбрали еще на шесть лет, Либби Диксон рассказала мне, что жена Льюиса подала на развод. Наверное, в ту ночь в баре он уже знал, что его брак рушится.

Но тогда я ничего не подозревал.

Я остался сидеть в баре, снова и снова повторяя про себя его слова: «Эта работа не оставляет места для личной жизни», и я понимал, что Льюис пытался предупредить

меня. Но я ощущал только бездонное облегчение. Меня полностью устраивало одиночество.

* * *

Бертон присутствовал на каком-то мероприятии в Сант-Луисе, когда мне позвонили из дома престарелых и сообщили, что бабушка опять упала. В восемьдесят один год кости уже очень хрупкие, и в последний мой визит в дом престарелых — как раз после конференции — бабушкин куратор позвала меня в свой кабинет и сообщила, что следующее падение может стать последним.

— Последним? — переспросил я.

Куратор отвела взгляд и принялась перекладывать бумаги на столе, и тут я понял, что она имела в виду: следующее падение убьет бабушку.

Наверное, глубоко в душе я и так это понимал, но услышать подобное от другого человека, к тому же в такой формулировке... заявление куратора меня потрясло. С тех пор как мне исполнилось четыре года, бабушка оставалась единственным незыблемым маяком в моей жизни. Я гостил у нее в Лонг-Бич, за полконтинента от родного дома, когда моя семья — родители и сестра — погибла в автомобильной аварии. Полиции родного штата Пенсильвания потребовались почти сутки, чтобы разыскать меня. Я хорошо помню тот день: каменное лицо бабушки, когда она положила трубку телефона, ее холодные руки на моих щеках, когда она наклонилась ко мне.

Плакала она совершенно беззвучно. Слезы стекали по щекам, оставляя грязные дорожки в макияже, но она не издала ни звука.

— Я люблю тебя, Роберт, — сказала она. — Ты должен быть сильным.

И это мое первое настоящее воспоминание.

Я совершенно ничего не помню ни о родителях, ни о сестре. У меня есть фотография, сделанная на пляже, где-то за полгода до моего рождения: отец, стройный, с сигаретой во рту, и улыбающаяся мать с едва заметным животом. На фотографии Алиса (тогда ей было около четырех) стоит перед ними как образцово-счастливый светловоло-

сый ребенок, в обнимку с пластмассовой лопаткой. В детстве я часто смотрел на фотографию и недоумевал, как можно скучать по людям, которых толком и не знал никогда. Но тем не менее я скучал по ним, и тоска разливалась где-то глубоко почти ощутимой физической болью, подобно воображаемой боли, которую чувствуют люди с ампутированными конечностями.

И когда куратор сообщила мне о падении бабушки, сердце у меня сжалось призраком той старой боли.

— Нам повезло, — поспешила она успокоить меня. — Ваша бабушка проведет пару месяцев в инвалидном кресле, но с ней все будет хорошо.

Потом я поговорил с бабушкой.

— Роберт, — просила она тонким, дрожащим голосом, невнятно выговаривая слова из-за болеутоляющего. — Я хочу, чтобы ты приехал. Я хочу повидаться с тобой.

— Я тоже хочу повидаться с тобой, — ответил я. — Но я не могу вырваться прямо сейчас. Как только закончатся выборы...

— Я старая женщина, — сердито оборвала она. — Я могу не дожить до конца выборов.

Я сумел выдавить смешок, но и сам слышал, что звучит он натянуто. От ее слов в голове у меня начал прокручиваться мрачный отрывок: как холодное тело бабушки с трудом поднимается на ноги, а глаза ее сияют тем невозможным замогильным светом. Думаю, многим представлялось что-то подобное в те страшные недели, но меня это потрясло до глубины души. Видение напомнило о преследующих меня снах. Мне казалось, что я снова смотрю в неумолимые лица мертвецов рядом с тем домом, где, не переставая, бьют огромные часы.

— Роберт, — повторяла бабушка, и я слышал, как поет в ее голосе петидин[1], — ты слышишь меня, Роберт?

И ни с того ни с сего у меня вырвался вопрос:

— У моих родителей были часы?

— Часы?

— Большие напольные часы с маятником?

[1] *Петидин* — обезболивающее с седативным эффектом.

Бабушка молчала так долго, что на сей раз я начал думать, что она повесила трубку.

— У твоего дяди были часы, — наконец ответила она низким, чужим тоном.

— У дяди?

— Его звали Дон. Он тебе дядя по отцу.

— Что случилось с теми часами?

— Роберт, я хочу, чтобы ты приехал...

— Что случилось с часами, ба?

— Откуда я знаю? Не мог же он их оставить, правда? Наверное, он их продал.

— Что ты имеешь в виду?

Но она не отвечала.

С минуту я прислушивался к ее петидиновому сну, потом в ухе у меня зазвучал голос куратора:

— Она задремала. Если вы хотите, я могу перезвонить позже...

Краем глаза я увидел чью-то тень и поднял взгляд. В дверях стоял Льюис.

— Нет, не стоит. Я позвоню утром.

Я повесил трубку и уставился через стол на Льюиса. По его лицу блуждало странное выражение.

— Что? — спросил я.

— Я насчет Даны Макгвайр.

— И что насчет нее?

— Мы ее нашли.

* * *

Восемь часов спустя я приземлился в облачную полночь в Логане. Для поиска Даны Макгвайр мы обратились в частное сыскное агентство, и один из сыщиков, мужчина спортивного телосложения, с абсолютно ничего не выражающим лицом, встречал меня в аэропорту.

— Вы договорились со студией? — спросил я в машине, и по его ответу, краткому «да», сразу становилось понятно, что он думал о студийных работниках.

— Команда на месте?

— Устанавливают освещение.

— Как вы ее нашли?

Он перевел взгляд с дороги на меня; свет и тени от уличных фонарей волнами переливались по его лицу.

— У мертвых мало фантазии. Стоит закопать свежего покойника, и они уже там, роют. — Он издал невеселый смешок. — Пора бы перестать их хоронить.

— Думаю, дело в традиции.

— Возможно. — Он ненадолго замолчал, потом продолжил: — Нашли так: разослали наших агентов по кладбищам и ждали. Вот и все.

— А почему тогда так долго?

Какое-то время тишину нарушало только шуршание шин по мостовой да где-то далеко в ночи заливалась сирена. Агент опустил стекло со своей стороны и с чувством сплюнул в окно.

— В таком городе, как Бостон, — сказал он, — чертова туча кладбищ.

Кладбище, к которому мы подъехали, оправдало все мои ожидания: расположенное на дальней окраине, неухоженное, с источенными непогодой готическими памятниками будто с голливудской съемочной площадки. И когда я выходил из машины, мне подумалось, что было бы гораздо уютнее, будь оно так на самом деле: кольцо огоньков на вершине холма всего лишь декорации, а старый добрый мир остался прежним. Но мир изменился, и оборванные фигуры, разрывающие могилу, не были актерами. Не говоря о том, что унюхал я их еще издалека — от них исходила тошнотворная вонь разложения. К тому же начал накрапывать дождь, настоящий бостонский дождь, холодный и нескончаемый, как и полагается в конце блеклого, изнурительного декабря.

Режиссер по имени Энди повернулся, когда услышал мои шаги.

— Все нормально? — просил я.

— Ага. Им все равно, чем мы заняты, лишь бы не вмешивались в их дела.

— Хорошо.

— Вон она, видишь? — указал Энди.

— Вижу.

Дана стояла на коленях в траве, все еще в том платье, в котором ее похоронили. Она упорно разрывала землю,

слой грязи покрывал ее руки до локтя, а в лице не осталось ничего человеческого. Я стоял и смотрел на нее и никак не мог понять, что же я чувствую.

— С тобой все в порядке? — спросил Энди.

— Что?

— Я говорю, с тобой все в порядке? Я уж было решил, что ты плачешь.

— Нет, — ответил я. — Со мной все хорошо. Это просто дождь.

— Как скажешь.

Так что я стоял и слушал, пока Энди вводил меня в курс дела. Он вел съемку на несколько камер, под различными углами и фильтрами, пытался добиться интересных эффектов с освещением. Его речь не имела для меня никакого смысла. Мне было все равно, что он делает, лишь бы получить необходимые кадры. До тех пор делать здесь мне было нечего.

Наверное, Энди подумал о том же, потому что, когда я собирался уходить, он окликнул меня:

— Слышь, Роб, тебе совсем не обязательно было приезжать сегодня.

Я оглянулся. От дождя волосы прилипли ко лбу, и капли стекали мне в глаза. Меня пробирала дрожь.

— Я знаю, — сказал я и через несколько секунд добавил: — Просто... я хотел ее увидеть.

Но Энди уже отвернулся.

* * *

Я все еще прекрасно помню наш ролик — мой персональный кошмар, приодетый в лучшие достижения кинематографии. Мы с Энди состряпали его в темной бостонской студии в сочельник, незадолго до полуночи, а по наступлении Рождества отметили конечный просмотр бутылкой бурбона. Стоило на экране появиться первым кадрам, и на меня накатила тошнота. Энди снял черно-белый, зернистый фильм с размытым ракурсом и оставил пленку проявляться чуть дольше, чем следовало, чтобы усилить контраст. Шестьдесят секунд вольного экспрессионизма, как позже выразился один из критиков, но даже он признал, что ролик производит сильное впечатление.

Думаю, вы тоже его видели.

«Она встанет из могилы и придет за тобой» — такой надписью начинался ролик, и она висела на экране в полной тишине на полсекунды дольше, чем требовалось для прочтения. Достаточно долго, чтобы внести смятение, по словам Энди, и я представлял себе, как рассеянные телезрители настораживаются, пытаясь понять, что случилось со звуком.

Слова на экране растворяются и сменяются кадрами, где бледные, бескровные руки роют черную влажную землю. Детские руки, в синяках и ссадинах, перепачканные землей и могильной порчей, все роют и роют. Роют беспощадно, без передышки, и ты понимаешь, что они могут рыть вечно. И тут, постепенно, ты замечаешь звук: падающий с ночного неба дождь, шорох мокрой земли и что-то еще, что-то упущенное, практически ощутимое в своей пустоте — потустороннее молчание мертвых. Ролик застывает на картине, достойной кисти Босха и Гойи: семь или восемь полуодетых, разлагающихся зомби без устали трудятся над свежей могилой.

Чернота на экране и другая медленно тающая надпись: «Возвращение Даны Макгвайр».

Долгий кадр стоящей на коленях у разрытой могилы девочки. Мокрое платье липнет к ее ногам, и сразу видно, что кто-то позаботился о выборе белого кружевного наряда, подходящего для похорон маленькой девочки, но теперь платье безвозвратно испорчено. Вся любовь и сердечная боль, вложенные в выбор платья, полностью испорчены. Платье порвано, испачкано, вымочено. Дождь зачесывает назад светлые волосы. Камера приближается к скрытому в тени лицу Даны Макгвайр, и когда оно занимает две трети экрана, можно разглядеть бледную рану на шее. Темные розы разложения цветут на ее щеках. В глазах горит холодный, тяжкий свет истин, которые ты предпочтешь никогда больше не видеть, даже во сне.

Кадр замирает на миг немой укоризной и, к облегчению зрителя, пропадает. Три фразы появляются и растворяются на черном экране:

«Мертвые уже проголосовали».

«Теперь ваша очередь».

«Бертона в президенты».

Энди нажал кнопку на пульте. Фильм остановился и начал перематываться. Экран посерел, и только тут я понял, что на время просмотра затаил дыхание. Я отпил из бокала.

Виски обожгло горло, и я снова почувствовал себя живым.

— Что скажешь? — спросил Энди.

— Не знаю. Не знаю, что думать.

Он улыбнулся, вынул из видеомагнитофона кассету и кинул ее мне на колени.

— С Рождеством, — заявил он. — С Рождеством Христовым.

И мы выпили.

Когда я вернулся в гостиницу, от усталости у меня кружилась голова, и я упал на кровать и проспал одиннадцать часов без перерыва. Проснулся я после полудня на Рождество и через час уже садился в самолет.

* * *

К тому времени, когда я догнал команду в Ричмонде, Льюис рвал и метал, и его оспины яркими красными пятнами выделялись на бледном лице.

— Ты это видел? — спросил он и сунул мне стопку бумаг.

Я наскоро их проглядел — снова плохие новости от Дей, рейтинг Бертона опускался все ниже — и отложил в сторону.

— Может быть, нам поможет вот это. — Я протянул ему состряпанную нами кассету.

Мы смотрели ее все вместе: я и Льюис, старшие представители предвыборной кампании, сам Бертон. Когда на экране появились первые кадры, его лицо приняло мрачное выражение. Даже при втором просмотре я чувствовал силу ролика. И я видел, что на остальных он тоже произвел впечатление: Дей замерла с открытым ртом, а Льюис фыркал, будто не мог поверить своим глазам. На экране замер предпоследний кадр — изуродованное разложением лицо Даны Макгвайр, и Либби Диксон отвернулась.

— Мы не можем пустить его в показ, — заявила она.

— У нас... — начал я, но Дей меня перебила.

— Она права. Это не предвыборный ролик, а фильм ужасов. — Она повернулась к Бертону, который в молчании задумчиво барабанил пальцами по столу. — Если показать его избирателям, я вас заверяю, что мы потеряем еще десять пунктов.

— Льюис? — спросил Бертон.

Льюис задумался на минуту, потирая пальцем изрытую шрамами щеку.

— Согласен, — в конце концов решил он. — Это не ролик, это чертов кошмар. Это не ответ.

— Ролик омерзительный, — добавила Либби. — Пресса съест нас живьем за использование смерти ребенка в политических целях.

— Но мы должны ее использовать, — возразил я. — Мы не можем просто замять ее.

— Роб, если мы запустим этот ролик, — откликнулся Льюис, — вся американская деревенщина тут же вспомнит, что ты собирался отнять у них оружие. Ты хочешь совершить ту же ошибку дважды?

— А разве это ошибка? Посмотри вокруг, Льюис. Мертвые ходят среди нас. Старые правила больше не работают. Что говорит Стоддард? — Я повернулся к Либби.

— Он не трогал этот вопрос со дня выборов.

— Именно. Он не сказал ни слова ни о Дане Макгвайр, ни о ковыляющих по улицам мертвецах. С того момента, как комитет объявил результаты выборов недействительными, он уклоняется от проблемы...

— Потому что это политическое самоубийство, — вмешалась Дей. — Он уклоняется, потому что это правильное решение.

— Черта с два! — отрезал я. — Это неправильное решение. Это потакательство и трусость — моральная трусость, и если мы последуем его примеру, мы заслуживаем поражения.

В воцарившейся мертвой тишине можно было услышать, как по улице проезжают машины, администратор в соседней комнате говорит по телефону, а пальцы Бертона барабанят по пластмассовой столешнице. Я внимательно смотрел на него,

и меня снова посетило ощущение, будто моим голосом говорит кто-то другой.

— Что вы думаете об оружии, сэр? — спросил я. — Что вы на самом деле о нем думаете?

Бертон долго молчал. Думаю, его ответ удивил всех нас:

— Количество смертей от огнестрельного оружия у нас в три раза больше, чем в любой другой развитой стране. Как сказал Роб, мы переплавим его на болванки. Запускайте ролик.

— Сэр! — Дей вскочила с места.

— Я принял решение, — ответил Бертон. Он взял со стола распечатки и пролистал их. — Мы проигрываем в Техасе и Калифорнии и теряем голоса в Мичигане и Огайо. — Он с отвращением швырнул распечатки обратно. — Анжела, Стоддарда и так любят на юге. Нам нечего терять.

* * *

Даже при желании мы бы не смогли выбрать лучшее время.

Ролик вышел в эфир тридцатого декабря, накануне странного наступающего года. По телевизору я его увидел, когда сидел у себя в номере и смотрел последний бейсбольный матч сезона. Меня обдало холодом, будто я смотрел ролик впервые. После рекламы номер снова заполнили звуки игры, но теперь они казались ненастоящими. Крики болельщиков звучали натянуто, стук бит отличался характерной для спецэффектов резкостью. Меня пронзило одиночество: я бы позвонил кому-нибудь, но мне было некому звонить.

Я выключил телевизор и сунул в карман ключ от номера.

Внизу шла та же игра, но там подавали спиртное и в воздухе висели разговоры. Несколько журналистов из пула Бертона сгрудились у бара, но я отговорился от приглашения присоединиться. Я уселся за столиком в углу, уставился невидящим взглядом в телевизор и без особой спешки, но и не следя за количеством, попивал скотч. Не знаю, сколько я тогда выпил, но на ногах я держался с некоторым трудом.

По дороге обратно меня постигла неприятность. Когда двери лифта открылись, я обнаружил, что не могу вспомнить номер своей комнаты. Я даже не мог с уверенностью утверж-

дать, что вышел на нужном этаже. Передо мной тянулся гостиничный коридор, тусклый и невыразительный — ряд запертых дверей, за которыми спали чужие мне люди. На меня накатила усталость от затянувшейся кампании, и внезапно меня затошнило от всего этого: от гостиничных прачечных и бесконечных перелетов, сплошного пятна городов и улыбающихся лиц. Больше всего на свете мне захотелось домой. Но не в тесную квартиру, где я обитал.

Домой. Где бы он ни был, мой дом.

Пальцы без моего разрешения нащупали магнитный ключ — карту. Я вынул его из кармана и хмуро его осмотрел. Как оказалось, я все же доехал до нужного этажа.

Как был, в одежде, я рухнул на кровать и заснул. Не помню, что мне снилось, но в долгий, холодный предрассветный час меня разбудил телефонный звонок.

— Включи Си-эн-эн, — сказал Льюис.

Под его мерное дыхание в трубке я нашарил пульт и, найдя нужный канал, прибавил громкость.

— ...Неподтвержденные сообщения из Китая касательно недавно восставших из могил мертвых в отдаленных районах Тибетского плато...

Я проснулся сразу и окончательно. Голова гудела. Во рту пересохло так, что заговорить я сумел не сразу.

— У кого-нибудь есть твердые факты? — спросил я.

— Я сейчас работаю над этим вместе с одним знакомым из МИДа. Пока что у нас нет ничего, кроме слухов.

— Но если это правда?

— Если это правда, — ответил Льюис, — то ты гений.

* * *

Наутро наш рейтинг выглядел неуверенно, но к полудню дела начали улучшаться. Китайцы молчали как партизаны, и никому еще не удалось заснять тибетских мертвецов, но изо всех уголков мира поползли слухи. Не подтвержденные официально донесения миротворцев из Косово сообщали о женщинах и детях, выкарабкивающихся из доселе неизвестных массовых захоронений.

К новому году слухи сменились доказанными фактами. На телевизионном экране замелькали зернистые кадры из

Грозного и Аддис-Абебы. В рассыпанных по всему миру «горячих точках» вставали мертвые. А на родине рейтинг постепенно, но верно менялся. На каждой встрече с избирателями сторонников Бертона становилось все больше, и, пока наш самолет летел сквозь ночь к Питсбургу, я смотрел как Стоддард отвечает на вопросы общественно-политической кабельной телесети. Он выглядел усталым, на посеревшем лице поселилось выражение неуверенности. Он опоздал, проблема принадлежала нам с потрохами, и я видел, что он тоже это понимает. Он просто соблюдал формальности, вот и все.

Когда самолет опустился на посадочную дорожку, в воздухе витало праздничное настроение. Бертон произнес небольшую речь в аэропорту, потом служба безопасности плотнее сомкнула ряды, и мы всей компанией двинулись к ожидавшему кортежу. Перед тем как сесть в лимузин, Бертон отпустил своих ассистентов и положил руку мне на плечо.

— Садись со мной, — предложил он.

Сначала мы ехали молча, но, когда в ночи стали видны центральные высотки, Бертон повернулся ко мне:

— Я хотел сказать тебе спасибо.

— Не за что...

Он остановил меня взмахом руки.

— Если бы ты не подтолкнул меня, мне бы не хватило смелости запустить тот ролик. Я много об этом думал. Будто ты знал что-то, знал, что скоро нас ожидают новости.

Я уловил невысказанный вопрос: «Ты знал, Роб? Знал?» — но ответа у меня не было. Только то ощущение, будто моим голосом говорит кто-то другой, издалека, за пределами реальности, и, поскольку такое объяснение казалось бессмысленным, мне не хотелось им делиться.

— Когда я только начинал заниматься политикой, — продолжал Бертон, — у меня был знакомый деятель в Чикаго — я бы даже назвал его учителем. Он мне как-то сказал, что можно понять, с каким человеком имеешь дело, если приглядеться к тем, кто его окружает. Когда я вспоминаю его слова, у меня становится легче на душе, Роб, — вздохнул он. — Нет сомнений, что мир сошел с ума, но мы справимся, если на нашей стороне будут такие люди, как ты. Я просто хотел тебе это сказать.

— Благодарю вас, сэр.

Бертон кивнул. Я отвернулся к окну и чувствовал, как он изучает меня, но вдруг оказалось, что больше мне нечего сказать. Я сидел и смотрел, как пролетает мимо город, а внутри меня накипало прошлое. Неприятные истины скрывались подводными камнями под самой поверхностью. Но каким-то образом я их чуял.

— Роб, ты в порядке?

— Просто задумался, — ответил я. — С Питсбургом у меня связано много воспоминаний.

— Я думал, что ты вырос в Калифорнии.

— Да. Но родился я здесь. И жил до смерти родителей.

— Сколько тебе было?

— Четыре. Мне было четыре года.

К тому моменту мы уже подъезжали к отелю. Кортеж свернул на подъездную дорожку, и тут слова бабушки: *«...часы твоего дяди, не мог же он их оставить...»* прозвучали у меня в голове. Лимузин подъехал к тротуару, захлопали двери. Агенты службы безопасности выскочили из машин и выстроились кордоном перед входом. Наша дверь открылась, внутрь ворвался холодный январский ветер. Бертон собирал вещи.

— Сэр...

Он обернулся ко мне.

— Могу я завтра взять отгул?

— Даже не знаю, Роб, у нас плотный график, — нахмурился он.

— Нет, я имею в виду на пару часов.

— Что-то случилось?

— Я бы хотел кое-что разузнать. Насчет родителей. Всего на час-другой, если у меня не будет срочных дел.

Он еще секунду смотрел мне в глаза, потом кивнул:

— Ладно, Роб, — потянулся и сжал мое плечо. — Приезжай к двум в аэропорт.

* * *

В ту ночь мне снилось место, похожее — и в то же время не похожее, на детский сад Даны Макгвайр. На первый взгляд я бы счел его детским садиком: полдюжины визжа-

щих детей, крупные пластиковые игрушки, ковер, которому ничего не страшно... Но некоторые детали не вписывались в общую картину: в углу стояли массивные старинные часы (часы моего дяди), а мои родители танцевали под камерный джаз, причем я не мог понять, откуда исходит музыка.

Я пытался разгадать загадку этого места, когда увидел ребенка, сжимающего в руках бумажный пакет для завтраков. На его лице застыло загнанное, убитое выражение, но я слишком поздно понял, что должно произойти. Когда он вытащил из пакета пистолет, я попытался сдвинуться с места, крикнуть, сделать хоть что-нибудь. Но губы будто склеились, а глянув вниз, я обнаружил, что прирос к полу. В буквальном смысле. На моих босых ногах выросли длинные скрюченные корни. Там, где они вросли в пол, нити ковра распустились и перекрутились узлами.

Родители кружились в энергичном фокстроте, их лица искажал безумный смех. Музыка нарастала ужасающим крещендо, ударные слились единым всплеском: безупречный ритм барабана, гулкий бой часов, резкая отдача выстрела.

Я увидел, как отлетела назад девочка, как она дергалась на полу и скребла руками шею. Меня окатило фонтаном бьющей из артерии крови — кожу обожгло ее теплом, — и пятилетний мальчик обернулся ко мне. По его щекам текли слезы, и у этого ребенка — и я мог думать только о том, что это *«всего лишь ребенок, всего лишь ребенок»*, — было мое лицо.

С трудом сдержав крик, я проснулся. Комнату, коридор за дверью и город за коридором сжала в объятиях тишина. Мне казалось, будто мир утонул и лежит кораблем-призраком в укромной тишине могилы.

Я подошел к окну и отодвинул занавеску. За стеклом, внизу, непонятным иероглифом сияла сетка электрических огоньков и пульсировала с загадочной многозначительностью. Глядя на нее, меня внезапно охватило понимание, насколько все хрупко в нашем мире, насколько тонок барьер, что отделает нас от пропасти. Я отпрянул от окна, настолько меня ужаснуло осознание, что мир стал неизмеримо более вместительным и странным по сравнению со

вчерашним днем — осознание огромных, бесформенных сил, ворочающихся там, в темноте.

* * *

Утро я провел в библиотеке Карнеги в Окленде, проглядывая архивные выпуски газеты «Пост». Статью о несчастном случае я обнаружил довольно быстро, поскольку хорошо помнил дату, но я оказался не готов к ее содержанию. Бабушка всегда неохотно говорила об аварии, да и в целом о моей жизни в Питсбурге, но я никогда об этом не задумывался. В конце концов, она тоже потеряла семью — внучку, зятя, единственную дочь; и даже в детстве я понимал, почему она не хочет говорить о них.

Но мелькнувший на аппарате для чтения микрофильмов заголовок едва не сбил меня с ног. «Супружеская пара погибла в аварии», и, прежде чем в голове оформился вопрос: *«Их же было трое?»* — я уже проглядывал статью. Газетные колонки расплывались несвязными фразами: опора моста, превышение скорости, алкоголь в крови, и вдруг в глаза бросился абзац из середины статьи:

«Друзья семьи предполагают, что авария могла быть задумана в качестве согласованного парой самоубийства. По их словам, супруги были раздавлены горем после смерти девятилетней дочери Алисы, которая три недели назад погибла от огнестрельного ранения в результате несчастного случая».

Меня внезапно замутило, и я вскочил, испугавшись читать дальше.

— Мистер, вы плохо себя чувствуете? — подошла ко мне библиотекарша.

Но я отмахнулся и выскочил на улицу.

Машины с трудом продирались сквозь слякоть на авеню Форбса. Я присел на скамью и, спрятав лицо в ладонях, некоторое время боролся с тошнотой. Начинался снегопад, и, когда мне стало лучше, я поднял лицо к небу в надежде на обжигающий холод снежных хлопьев. Где-то в этом же городе давал интервью Грант Бертон. Где-то ожившие мертвецы скребли смерзшуюся землю могил.

Мир ковылял вперед.

Я встал, завязал пояс пальто. Меня ожидал самолет.

* * *

Еще два дня, в течение которых мы прошлись последним, запланированным на третье января туром по западным штатам, и во время последовавших выборов я держал себя в руках, но уже тогда я сознавал, что решение принято. Думаю, что о нем догадывались все старшие члены команды. Меня поздравляли с настойчивостью, с которой я уговорил Бертона запустить ролик, но в последние перед выборами часы они уже почти не обращались ко мне за советом. Казалось, что меня отделили от команды, изолировали, как заразного больного.

Когда мы досмотрели результаты выборов, Льюис хлопнул меня по плечу:

— Бог ты мой, Роб. Ты должен быть счастлив.

— А ты, Льюис?

Я смотрел на его ссутуленную спину, воинственную россыпь оспин на лице.

— Чем тебе пришлось пожертвовать, чтобы поднять нас на эту вершину? — спросил я, но он не ответил. Я и не ждал ответа.

Выборы прошли без сучка без задоринки. Мертвые прервали свою работу на кладбищах и собрались у избирательных участков, но даже они понимали, что на сей раз что-то изменилось. Теперь они не пытались голосовать. Просто молча и неподвижно стояли за возведенным национальной гвардией ограждением и рассматривали происходящее пустыми, беспощадными глазами. Торопясь мимо них, избиратели опускали голову и зажимали от запаха тления носы. В программе «Найтлайн» Тед Коппел заметил, что явка избирателей, что-то около девяноста трех процентов, побила все рекорды в истории Соединенных Штатов.

— Как вы считаете, почему сегодня на участки пришло *так много* избирателей? — спросил он гостей передачи.

— Возможно, они боялись не прийти, — ответил Куки Робертс, и его слова отозвались во мне правдой.

Уж кто-кто, а Куки знал толк в людях.

После закрытия избирательных участков в западных штатах Стоддард признал поражение. К тому времени исход выборов стал очевиден. В победной речи Бертон говорил о не-

обходимости перемен. «Народ сказал свое слово», — заявил он, и, хотя так и было, я не переставал гадать, что говорило через людей и что именно оно пыталось до нас донести. Многие журналисты считали, что после выборов все должно закончиться: мертвые улягутся обратно в могилы и мир вернется на круги своя.

Но получилось по-другому.

Пятого января мертвецы все еще продолжали копать, их число по-прежнему увеличивалось. По Си-эн-эн как раз показывали один из таких сюжетов, когда я протянул Бертону заявление об увольнении. Он медленно его прочел и поднял на меня взгляд.

— Роб, я не могу его принять. Ты нам очень нужен. Самая трудная работа только начинается.

— Простите, сэр. У меня нет выбора.

— Наверняка мы сумеем прийти к какому-то соглашению.

— Боюсь, что нет.

Мы прошли еще через несколько вариаций этого разговора, прежде чем он неохотно кивнул.

— Нам будет тебя не хватать, — сказал Бертон. — Возвращайся, когда почувствуешь, что готов снова включиться в игру.

У двери он остановил меня вопросом:

— Роб, я могу тебе как-то помочь?

— Нет, сэр, — ответил я. — Я должен разобраться сам.

* * *

Еще неделю я провел в Питсбурге, ходил по крутым улочкам моего детства, которые помнил только во снах. Потратил целое утро, чтобы разыскать дом, где жили мои родители, а одним холодным, ясным днем остановился на обочине Семьдесят шестой магистрали, в сотне ярдов от моста, где они погибли. Поднимая сверкающие всплески воды, мимо с грохотом проносились огромные грузовики, и меня окружали запахи дороги: бензин и железо. Как я и ожидал, место гибели родителей не отличалось ничем примечательным — безликий блок бетона, только и всего.

От нас не остается никакого следа.

По вечерам я в одиночестве ужинал в кафе и разговаривал по телефону с бабушкой. В основном разговоры состояли из безмятежных сплетен об обитателях дома престарелых, ничего существенного. Потом я пил коктейль «Железный город» и смотрел кино по кабельному, пока не напивался настолько, чтобы уснуть. По мере возможностей я избегал новостей, хотя мне все же попадались отрывки, пока я переключал каналы. Мертвые вставали по всему миру.

Они также вставали в моих снах, пробуждая воспоминания, которые я бы предпочел не будоражить. По утрам я просыпался с ощущением невнятного ужаса и думал о Галилее, о Церкви. Я уговаривал Бертона не прятаться от изменившегося уклада мира, но в то же время одна лишь мысль о принятии собственного прошлого, о вытекающем из заметки в «Пост» и ночных видений логическом заключении приводила меня в ужас. Думаю, что на тот момент мне оставалось лишь подтвердить свои подозрения и страхи, и я уже подозревал, какой будет результат. Но драгоценная неизвестность, возможность ошибки была для меня желанным прибежищем, и я отчаянно цеплялся за нее еще несколько дней.

В конце концов я больше не мог откладывать.

Я сел в машину и поехал к старому архиву на улице Гранта. Седая женщина-архивист принесла мне нужную папку. В ней, изложенное косноязычным бюрократическим слогом, я нашел все, что искал. С блестящими черно-белыми фотографиями. Больше всего на свете мне не хотелось глядеть на них, но тем не менее я считал, что обязан это сделать.

Через некоторое время кто-то тронул меня за плечо. Это оказалась архивист; на ее круглом лице читалась тревога. Она наклонилась надо мной, и ее очки раскачивались перед глазами на короткой серебряной цепочке.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросила она.

— Нет, со мной все в порядке.

Я встал, закрыл папку и поблагодарил ее за потраченное время.

* * *

На следующий день я покинул Питсбург. Самолет выпырнул над тяжелым покровом облаков, и я оставил позади

промозглый холод. В аэропорту Лос-Анджелеса я пересел на рейс 405 до Лонг-Бич. В машине я опустил стекло, с благодарностью ощущая на руке теплый ветерок, поглядывая на качающиеся на фоне неба пальмы. В воздухе пахло цветущим миром и свежестью, еще не определившимся будущим, а пейзаж выглядел менее изуродованным историей, чем отравленные городские улицы, которые я оставил позади.

Но даже здесь ощущалось прошлое. Ведь именно оно привело меня сюда.

Дом престарелых представлял собой живописный парк с раскиданными по нему приземистыми оштукатуренными домиками в испанском стиле. Я нашел бабушку в садике с видом на океан, в беседке и некоторое время разглядывал ее с порога, прежде чем она меня заметила. На коленях у нее лежала книга, но она не читала ее, а задумчиво смотрела на волны. Соленый бриз играл ее седыми волосами, и на мгновение, вглядываясь в худое лицо с ясными глазами, я снова увидел перед собой ту женщину, какой я помнил ее из детства.

Но годы, как обычно, оставили свой след. Я не мог не заметить, как она усохла, и кресла-каталки, в котором она сидела, выставив вперед сломанную ногу.

Должно быть, я вздохнул, потому что она развернула кресло и воскликнула:

— Роберт!

— Бабушка.

Я присел рядом на каменную скамью. Затянувшие с утра облака таяли, и на гребнях волн играли отблески солнца.

— Я думала, что ты будешь слишком занят для поездок, — сказала она. — Особенно теперь, когда твой сенатор выиграл выборы.

— Я сейчас не очень занят. Я больше не работаю на него.

— Что ты имеешь в виду...

— Я уволился.

— Почему? — спросила она.

— Я был в Питсбурге. Я искал там кое-что.

— Искал? Что там можно найти, Роберт? — Бабушка трясущимися руками разгладила на коленях плед.

Я накрыл ее руку своей, но она отдернула ее.

— Бабушка, нам надо поговорить.

— Поговорить? — с натянутым смешком переспросила она. — Мы и так разговариваем каждый день.

— Посмотри на меня, — сказал я, и не сразу, но она послушалась. В ее глазах плескался страх, и я не знал, как долго он там жил и почему я раньше никогда его не замечал. — Нам нужно поговорить о прошлом.

— Прошлое мертво, Роберт.

Пришел мой черед засмеяться.

— Нет, ба. Включи телевизор и увидишь. Ничто больше не остается мертвым. Ничто.

— Я не хочу об этом говорить.

— Тогда о чем ты хочешь говорить? — Я махнул рукой в сторону здания с пропахшими нашатырем коридорами и бесчисленными дверьми, за которыми обитали выцветшие старики — призраки мертвецов, которыми они вскоре станут. — Ты хочешь поговорить о Коре из двести третьей палаты, которую сын никогда не навещает, или о Джерри из сто сорок седьмой, у которого опять обострилась эмфизема, или...

— Или о чем? — отрезала бабушка.

— О той ерунде, о которой мы обычно болтаем!

— Не смей так со мной разговаривать! Я тебя вырастила, это благодаря мне ты стал таким, как сейчас!

— Я знаю, — ответил я. И повторил еще раз, уже тише: — Я знаю.

Бабушка стиснула руки на коленях.

— Доктора заверяли меня, что ты забудешь, что такое часто случается при сильных потрясениях. Ты был так мал. Дать тебе забыть казалось лучшим выходом.

— Но ты лгала мне.

— Не по своему выбору. После несчастного случая твои родители отослали тебя ко мне. Ненадолго, как они говорили. Им требовалось время, чтобы смириться со случившимся.

Она замолчала, уставившись на прибой внизу. Над нами раскаленным добела шаром палило с далекого неба солнце.

— Я даже не предполагала, что они это сделают, — произнесла бабушка. — А потом было уже поздно. И как я могла сказать тебе? — Она стиснула мою руку. — Ты выглядел

нормальным, здоровым ребенком, Роберт. Мне казалось, что у тебя все хорошо.

Я встал и отнял свою руку.

— Откуда ты могла знать?

— Роберт...

В дверях я обернулся. Бабушка развернула кресло ко мне. Нога в гипсе торчала вперед, как бушприт корабля. По лицу бабушки текли слезы.

— Зачем, Роберт? Почему ты просто не можешь оставить все в покое?

— Не знаю, — ответил я, но я думал о Льюисе, о его привычке поглаживать оспины, будто однажды он снова обнаружит при прикосновении гладкую кожу. Думаю, что к этому все и сводилось — все мы искалечены, все до последнего.

И мы не можем не бередить шрамы.

* * *

Еще пару дней я провел в безделье — я жил в гостиницах и бродил по местам моего детства. Они изменились, как и все вокруг нас, когда мир торопится вперед, но я не знал, что мне делать, куда идти. Я не мог покинуть Лонг-Бич, пока не помирюсь с бабушкой, но что-то удерживало меня.

Я чувствовал неловкость, беспокойство. И в одном из баров, когда я копался в бумажнике, оттуда выпал крохотный обрывок бумаги. Конечно, я знал, что на нем написано, но все равно поднял его с пола. Трясущимися руками я развернул его и уставился на слова «Позвони мне как-нибудь» с аккуратно приписанным внизу адресом и номером телефона.

За пятьдесят минут я добрался до Лагуна-Бич. Адрес привел меня к вылизанному двухквартирному дому на углу, в миле от побережья. Наверняка она уже переехала — пять лет прошло, — а если нет, то, без сомнения, успела выйти замуж. И все равно я припарковался у тротуара и подошел к двери. Сквозь открытое окно я слышал звонок, приближающиеся шаги, негромкую музыку в глубине дома. Открылась дверь, и на пороге, вытирая руки полотенцем, стояла она.

— Гвен, — сказал я.

Она не улыбнулась мне, но и не захлопнула дверь. Это можно было считать хорошим началом.

* * *

Дом оказался небольшим, но светлым; высокие окна кухни выходили на ухоженную лужайку. Через сетку влетал легкий ветер и наполнял кухню запахом свежескошенной травы и далекого океана.

— Я не вовремя?

— В любом случае неожиданно, — ответила Гвен, с сомнением приподнимая одну бровь, и в этом жесте я узнал студентку из Нортвестерна: немного печальную, ироничную и всегда готовую посмеяться.

Я изучал ее, пока она готовила кофе, — Гвен все еще немного походила на усыпанного веснушками сорванца, но и она изменилась. В глазах появилась настороженность, а от тонкой верхней губы пролегли складки. Она села за стол напротив меня, вертя в руках чашку с кофе, и я заметил тонкую полоску незагорелой кожи на пальце — след от кольца.

Наверное, я тоже постарел, и когда Гвен глянула на меня из-под светлой челки, на губах у нее появилась улыбка.

— По телевизору ты выглядишь моложе, — заметила она, и ее замечания оказалось достаточно для того, чтобы разговориться.

Гвен знала достаточно много о моей биографии (участие в предвыборной кампании Бертона принесло мне некоторую известность), и ее собственная звучала похоже. Юриспруденция в университете Лос-Анджелеса, пять или шесть лет в крупной юридической фирме, прежде чем беспощадность нашей культуры стала невыносимой, и она уволилась, перейдя в Американский союз гражданских свобод и променяв длинный рабочий день и увесистую зарплату на еще более долгие часы и мизерное жалованье. Примерно в тот же период развалился ее брак.

— Не то чтобы мы начали испытывать взаимную неприязнь, — сказала она, — скорее, мы просто потеряли интерес друг к другу.

— А сейчас? Ты с кем-нибудь встречаешься?

Вопрос получился неожиданно серьезным.

Гвен замешкалась.

— Нет, у меня нет никого особенно близкого. — Она снова приподняла бровь. — Привычка со времен разбора тяжб. Избегание риска.

К тому времени небо за окном смягчилось сумерками, а наш кофе давно остыл. В маленькой кухне залегли тени, и я заметил, что Гвен поглядывает на часы.

У нее были какие-то планы.

Я поднялся.

— Пора идти.

— Да, наверное.

У двери она подала мне руку, и, хотя это было обычное рукопожатие, я почувствовал, как между нами, будто искра, пробежало воспоминание о прежней близости. А может, ничего и не было, просто мечтательные домыслы (судя по всему, Гвен не возражала против того, чтобы я снова исчез из ее жизни), но меня охватило бесшабашное отчаяние.

Назовите это ностальгией или одиночеством. Как вам будет угодно. Но внезапно перед глазами возник ее насмешливый взгляд из-под челки.

Я хотел увидеться с ней снова.

— Слушай,— сказал я,— знаю, что предложение неожиданное, но может, поужинаем вместе?

Гвен ответила не сразу. Тень от открытой двери скрывала ее лицо. Она неуверенно засмеялась и ответила чуть хриплым, запинающимся голосом:

— Даже не знаю, Роб. Это было давно. Как я уже говорила, я больше не люблю рисковать.

— Ладно. Ну, приятно было повидаться.

Я кивнул на прощание и пошел по лужайке. Я уже открыл дверцу машины, когда Гвен окликнула меня.

— Да в конце-то концов, — сказала она, — мне только нужно позвонить. Ведь это обычный ужин, верно?

* * *

На церемонию вступления Бертона в должность я вернулся в Вашингтон.

Мы с Льюисом стояли рядом, в ожидании начала церемонии глядя на мертвецов. Уже несколько дней толпы зомби

стекались в город, и сейчас они заполняли всю площадь. Небольшую кучку живых, не больше двухсот человек, согнали на лужайку перед помостом как ширму из теплых тел перед камерами, но я понимал, что истинные избиратели Бертона ожидали за кордонами, безмолвные, неподвижные и несказанно терпеливые — плавильный котел во плоти: люди разных национальностей, цвета кожи, убеждений и возраста, в разных степенях разложения. Где-то среди них могла стоять и Дана Макгвайр. Скорее всего, она там была.

Запах сбивал с ног.

Льюис по секрету рассказал мне, что мертвые начали собираться по всему миру. Наблюдение со спутников это подтвердило. На Кубе и в Северной Корее, в Югославии и Руанде мертвые куда-то шли, с неизвестной, а может, и недоступной для нашего понимания целью.

— Роб, ты нам нужен, — сказал он. — Больше, чем когда бы то ни было.

— Я еще не готов, — ответил я.

Он повернулся ко мне, и его длинное, изрытое оспинами лицо погрустнело.

— Что с тобой произошло, Роб?

И я рассказал.

Впервые я рассказывал об этом вслух, и с каждым словом ноша на моих плечах становилась легче. Я рассказал ему все: об увертках бабушки и моей реакции на новости о Дане Макгвайр, об ощущении во время «Перекрестного огня» будто через меня говорит что-то далекое, безличное и громадное и зовет их всех из могил. Я рассказал ему о старом, почти тридцатилетней давности, полицейском деле, и как за исцарапанным столом на меня нахлынули воспоминания.

— Была вечеринка, — рассказывал я. — Мой дядя пригласил гостей, а у нашей няни в последнюю минуту оказались дела, и Дон посоветовал родителям взять нас с собой. Он жил холостяком. У него не было детей, и он никогда не думал об их безопасности в доме.

— И он не запирал пистолет?

— Нет. Было уже поздно, около полуночи. Гости выпивали, музыка становилась все громче, а Алиса совсем не

хотела играть со мной. Я сидел в спальне дяди, развлекал себя как мог, а пистолет лежал в тумбочке у кровати.

Я замолчал, на меня снова нахлынули воспоминания, и внезапно я превратился в того мальчика. Внизу играл джазовый оркестр. Я знал, что взрослые танцуют, отец целует мамину шею, и когда он поцелует меня на ночь, я учую экзотические запахи сигар и бурбона, пронизанные легким цветочным ароматом маминых духов. И тут мой взгляд упал на пистолет. В свете коридорной лампы иссиня-черное дуло обрело загадочную глубину.

Я взял в руки холодное, тяжелое оружие.

Я только хотел показать его Алисе. Я просто хотел показать ей. Я не хотел никого убивать. Я не хотел убивать ее.

— Я не хотел убивать ее, — сказал я Льюису, и он отвернулся, не в силах смотреть мне в глаза.

Я помню, как спустился с пистолетом в руках по лестнице в прихожую, как папа и мама танцевали за открытой дверью в комнату, а Алиса стояла и смотрела на них.

— Я все помню, — сказал я Льюису, — все, кроме того, как нажал на курок. Я помню, как с визгом оборвалась музыка, как проехалась по пластинке игла, как кричала мама. Я помню, как Алиса лежит на полу, и вес пистолета в руке. Но самое странное, лучше всего я помню свои мысли в тот момент.

— Твои мысли, — повторил Льюис.

— Да. Пуля разбила стекло на часах — такие массивные напольные часы, они стояли у дяди в прихожей, — и они били и били, будто пуля повредила механизм. Вот что я помню лучше всего. Часы. Я боялся, что дядя сильно рассердится из-за часов.

Тут Льюис сделал что-то странное. Он сжал мое плечо — впервые в жизни он дотронулся до меня, — и я осознал, что этот человек, ожесточенный, покрытый оспинами человек стал моим единственным другом. И я понял кое-что еще: как редко я чувствовал прикосновения людей и как я по ним изголодался.

— Ты был ребенком, Роб.

— Я знаю. Я ни в чем не виноват.

— Но это не причина уходить, особенно сейчас, когда ты нам нужен. Бертон возьмет тебя обратно, стоит только

намекнуть. Он знает, что обязан своим избранием тебе. Возвращайся.

— Пока не могу, — ответил я. — Я еще не готов.

Но сейчас, глядя на поднятые лица мертвецов, слыша, как свистит по площади холодный январский ветер, я ощущал неодолимое притяжение прежней жизни. Бертон назвал ее игрой, да политика и была игрой, самой большой в мире «Монополией», и я любил ее и впервые понял за что. Но впервые в жизни я также понял кое-то еще: почему мне потребовались годы, чтобы позвонить в дверь Гвен, почему даже тогда только усилием воли я удержал себя на пороге. По той же самой причине: это *игра*, игра с явными победителями и проигравшими, с правилами древними и сложными, как правила кадрили, но главное — эта игра так далека от беспорядочных перипетий обычной жизни. Ставки выглядели высокими, но на деле обстояло не так. Ведь эта игра представляла из себя всего лишь ритуал, движение без решительных действий, танец по кругу; стратегию, где все сводилось к поддержанию статус-кво. Я влюбился в политику потому, что ничем в ней не рисковал. Мы так увлеклись передвижением фишек по доске, что позабыли идеалы, из-за которых уселись играть. Мы забыли говорить от сердца. Может, когда-нибудь, в силу правильных причин, я вернусь. Но пока — нет.

Должно быть, я произнес последнюю мысль вслух, потому что Льюис глянул на меня и переспросил:

— Что?

Я покачал головой и посмотрел на кучку живых, задвигавшуюся с началом церемонии. За их спинами ожидали мертвецы, ряд за рядом, с могильной землей под ногтями и холодным светом в глазах.

Я повернулся к Льюису.

— Как ты думаешь, чего они хотят?

— Думаю, что справедливости, — вздохнул он.

— И когда они ее получат?..

— Возможно, тогда они будут покоиться с миром.

* * *

Прошел год, и его слова «думаю, что справедливости» все еще не дают мне покоя. Осенью, когда над Потомаком

начали желтеть листья, я вернулся в округ Колумбия. Гвен переехала со мной, и порой, когда я лежу ночью в ее теплых объятиях, я возвращаюсь в прошлое.

Я вернулся из-за бабушки. Гипс сняли в феврале, и однажды в марте мы с Гвен заехали к ней, с удивлением застав ее на ногах. Она выглядела очень хрупкой, но шагала по коридору при помощи ходунков с решимостью в глазах.

— Давай присядем и передохнем, — предложил я, когда она устала, но бабушка покачала головой и продолжала двигаться.

— Кости срастаются, Роб, — сказала она. — И раны заживают, если дать им возможность.

Ее слова тоже не дают мне покоя.

Она умерла в августе и перед смертью успела сменить ходунки на трость. Ее куратор с восхищением говорила, что через месяц-другой бабушка сумела бы обходиться и без нее. Мы похоронили ее рядом с дедом, но после похорон я больше не возвращался на могилу. Я знал, что́ увижу там.

Мертвые не спят.

Они молча ковыляют по городам нашего мира, их тела обмякли и разят могилой, глаза горят. В сентябре пал Багдад — его снесли батальоны революционеров, выступающие за авангардом мертвых. МИД кишит похожими докладами, и Си-эн-эн расследует один слух за другим. Беспорядки в Пхеньяне, волнения в Белграде.

Некоторые считают, что администрация Бертона заслуживает признания как самая успешная в истории Америки. По всему миру наши враги терпят поражение. И все же я все чаще ловлю президента на том, что он тревожно смотрит на кишащие мертвецами улицы Вашингтона. Он начал звать их нашей совестью, но я не согласен. Ведь они ничего от нас не требуют. Мы не в состоянии понять, чего они ищут в нашем мире. Возможно, они — всего лишь то, во что мы сами их превратим или во что превратимся с их помощью. И мы продолжаем жить, не более чем квартиранты в мире незанятых могил, всегда под бдительным, беспощадным наблюдением мертвых.

ДЭВИД ДЖ. ШОУ

Расцвет

Дэвид Дж. Шоу — легендарное имя в летописи о зомби. Он автор знаменитого рассказа «Дети Джерри и Червь» («Jerry's Kids Meet Wormboy»), а также целого ряда других рассказов, составивших сборник «Избранное о зомби» («Zombie Jam»). Ему принадлежат романы «Смертельный риф» («The Kill Riff»), «Ствол» («The Shaft»), «Свинцовый дождь» («Bullets of Rain») и «Камень, ножницы, бумага» («Rocks, Breaks, Scissors»). Скоро выйдет его самый свежий роман «Стрельба» («Gun Work») — жесткий детектив. Шоу является соавтором сценария к фильму «Ворон» («The Crow»), который написан им совместно с Джоном Шерли, а также автором сценариев телепостановок для шоу «Мастера ужаса» («Masters of Horror»). Он отметился и в нехудожественном жанре, написав «Внешние границы: официальный путеводитель» («The Outer Limits: The Official Companion») и собрание эссе «Дикие волосы» («Wild Hairs»).

В комментариях к «Избранному о зомби» Шоу поясняет: «Расцвет — это простой рассказ, написанный за один день. Отправной точкой послужил образ прекрасной обнаженной женщины, поедающей цветы, а затем мысль работала в обратном направлении от образа. По ходу дела я решил, что эта история произойдет за два дня до того, как распространение вируса зомби поставит под вопрос выживание человечества, и эта идея незримо присутствует на заднем плане повествования».

— У каждого человека в жизни бывает такой особенный миг, — говорил ей Квинн, — момент, который возносит его на вершину. Мгновение, когда он сияет, как звезда. И у каждого есть какое-нибудь отклонение... Какая-нибудь маленькая тайна. Иногда ее называют извращением, но это чересчур сильно сказано. Грубо, неопределенно. Разве можно считать извращением то, что возносит человека

на вершину и позволяет насладиться его индивидуальным, уникальным мигом?

Амелия едва заметно кивнула, наблюдая за стариком сквозь бокал «Совиньон блан». Сейчас он сам ответит на свой тупой вопрос, и ответом, который он уже давно для себя выбрал, будет: нет, нельзя. Весь этот треп на самом деле является прелюдией к совсем другому вопросу: даст она ему сегодня или нет? Амелия была уверена, что ответ у него в голове уже готов. Он выложил девяносто пять баксов только за обед, не считая вина и чаевых. Он заказал дорогущий десерт, калорийный, шоколадный, изысканный. Он брал такси и дарил подарки.

Она девять месяцев проработала секретарем приемной в отделе кредитов Сберегательного банка округа Колумбия. Пожилые клиенты довольно часто приглашали ее на свидания. Когда Квинн предложил составить ему компанию за обедом в выходные, она отыскала его данные, посмотрела на цифры и согласилась. Абсолютно все девушки в офисе поступали так же. Ведь он ездил на «Ягуаре XJS» и занимался строительством жилых домов.

Обеденная часть свидания закончилась два часа назад. Сейчас они находились у него дома. Когда доход вашего визави представляет собой шестизначное число, то понятие «изнасилование на свидании» к вам не применяется. У Амелии был герпес, в настоящее время в пассивной форме. Но лучше держать рот на замке. Пусть это будет ее компенсацией. Насколько ей было известно, она никогда не спала с бисексуалами и наркоманами и боялась заразиться СПИДом так же сильно, как попасть под автобус на пешеходном переходе. Это могло произойти. А могло и не произойти. Пока не придумали презерватив, который можно было бы натянуть на рот, то теоретическая вероятность всегда есть, не так ли?

Поблескивая своими бледно-серыми глазками, Квинн продолжал распространяться на тему отклонений и особенных моментов. Вино брало свое. Амелия почувствовала, что пьяна, около получаса назад. Окутанная мягким облаком винных паров, она отключила звук у Квинна, смотрела сквозь него, периодически кивала и тихо поддакивала, создавая впечатление, будто внимательно слушает. На самом деле

она давно не следила за разговором и чувствовала себя превосходно. Глубоко и равнодушно вздохнув, она посмотрела на него сквозь бокал с вином и едва сдержала смех. Такое приятное ощущение, будто голову накачали воздухом и мозг поплыл. Она собиралась точно так же смотреть сквозь него тогда, когда он, сопя и потея, залезет на нее в полной уверенности, что соблазнил... Точно так же, как сейчас он верит, что она его слушает.

Она отмотала назад до последней запомнившейся ей фразы и сыграла на этом.

— И у меня есть отклонение, — произнесла она, добавив к словам ослепительную улыбку и играя своим длинным медным локоном. Само очарование.

Это вызвало невероятно бурный интерес с его стороны.

— Серьезно? Правда? — Он поставил свой бокал на прозрачную акриловую столешницу и подался вперед, чтобы выслушать ее откровение.

А она играла с ним, как кошка с мышью.

— Ну... на самом деле это так, глупости, — сказала она, скомандовав про себя: «Смотри на мои ноги».

Сквозь прозрачную столешницу он проследил, как она кладет ногу на ногу. Его бросило в жар от звука трения капрона о капрон. Мысли унеслись далеко вперед, к предстоящему им сексу.

— Расскажи, пожалуйста, — вежливо попросил он заботливым голосом.

Она тонко чувствовала, что он уже теряет контроль. Своей очаровательной улыбкой она стабильно удерживала рыбку на крючке.

— Ну хорошо.

Она поднялась с места, стройная, изящная женщина тридцати четырех лет, старавшаяся изо всех сил удержаться в жизни на плаву, но добившаяся лишь места в приемной банка, работы, которая годилась и для пустоголовых девиц. Он понятия не имел, сколько горечи скрывалось за маской накрашенной кокетки.

На антикварном столике возле камина стояла высокая ваза с ирисами. Свет от огня смягчал блики на всех стеклянных и хромированных предметах, находившихся в ком-

нате, и танцевал на стекле громадных окон, занимавших все пространство от пола до потолка и открывавших из логова Квинна панорамный вид на город.

Квинн не отрывал от нее взгляда. Язычки пламени отражались у него в глазах.

Неисправимая кокетка Амелия откусила нежный лепесток у одного из ирисов, прожевала его, проглотила... И улыбнулась.

Лицо Квинна напряглось от удовольствия. Взгляд старика прояснился.

— Это у меня еще с детства, — объяснила Амелия. — Может, из-за моего кота Стерлинга: я наблюдала за тем, как он ел траву. Не знаю, мне нравится этот вкус. А раньше я считала, что жизнь цветка прибавляется к моей.

— Это и есть твое... — Квинн кашлянул, прочищая горло, — отклонение. Понятно.

Он встал и приблизился к ней. Стало видно, что эрекция мешает ему передвигаться.

Амелия на секунду опустила взгляд и, достаточно впечатлившись, сжевала еще один цветок. Она делала намеки раньше, что любит цветы, и его золотая кредитка сделала все, чтобы доставить ей удовольствие. По всему пентхаусу стояли розы на длинных стеблях, букеты гвоздик, букетики весенних цветов и хризантем.

У Квинна перехватило дух от созерцания Амелии, жующей цветы, — настолько эротичным ему казалось это зрелище. Хриплым голосом он повторял ее имя. Настал момент для хищного прыжка.

— Моя дорогая Амелия... Позволь теперь я покажу тебе свою изюминку. Свое отклонение...

Ее и раньше связывали. Ничего особенного, по крайней мере пока. Полосками шелка Квинн привязал ее за запястья и щиколотки к столбикам кровати из красного дерева. Затем длинным ножом с изогнутым лезвием и эбеновой рукоятью он разрезал посередине ее платье. Уткнувшись в белые мягкие полушария ее грудей, он бормотал, что купит ей другую, по-настоящему дорогую одежду. Его прикосновения постепенно потеряли изысканность и стали грубыми. В похотливой спешке он разодрал на ней колготки и схва-

тил за промежность, проверяя, что она действительно течет так же сильно, как он воображает. И всадил ей. Сотрясаясь от толчков, Амелия имитировала оргазм. Значит, все пройдет быстро и в спешке. Подумаешь.

Он вышел из нее все еще в сильном возбуждении и сказал:

— Не бойся.

А Амелия потихоньку засыпала.

Она предположила, что он опять возьмет нож и начнет гладить ей лезвием соски или станет щекотать нервы фальшивыми угрозами. Но вместо этого из ящика над изголовьем кровати он достал резиновую маску с кожаными вставками, какими-то пряжками и молниями. Амелии стало смешно, и она пыталась протестовать. Изделие обтянуло ей лицо, как толстая, тугая перчатка. Амелии пришло в голову сравнение с узкой горловиной свитера, с той разницей, что материал маски не пропускал воздух. На мгновение она поддалась панике, почувствовав трудности с дыханием, но успокоилась, когда маска была надета и она смогла глотнуть воздуха через полагающиеся отверстия.

Квинн снова ей вставил и на этот раз стал делать более резкие толчки. Он выходил из ритма только для того, чтобы одну за другой застегивать молнии на отверстиях в маске.

Страх зародился в душе Амелии и постепенно разрастался, пока не запылал, как огонь. Она едва успела глубоко вдохнуть перед тем, как Квинн покончил с последней открытой молнией носового отверстия, и только зря потом потратила этот воздух на невнятое мычание, пытаясь говорить через плотно застегнутую ротовую щель маски. Теперь она не могла рассказать ему о том, что у нее с рождения нездоровые легкие и что иногда просто дышать для нее — тяжелая работа. В определенную погоду ей даже приходилось пить лекарства. В течение свидания болезнь ни разу не проявила себя. Они слишком увлеклись поеданием цветов и разговорами об отклонениях, возносящих на вершины...

Сейчас она чувствовала только медленно набирающий силу взрыв в легких и ритмичные толчки во влагалище. Туда-сюда. Пытаясь освободиться, она стала брыкаться и извиваться. Но Квинн получил от этого еще более острое удовольствие, с вожделением вколачивая в нее свой член,

несмотря на то что вся смазка уже высохла, пока он возился внутри нее.

Запыхавшись, он слез с нее и, тяжело переступая, поплелся в ванную. Вернувшись через некоторое время, он нашел Амелию все в той же позе и наконец заметил, что она больше не дышит.

Да, иногда все заканчивалось именно так. Нужно платить цену настоящей страсти, каким бы извращением она ни казалась. Но в Амелии еще осталась влага, и лежала женщина в позе готовности, поэтому Квинн решил проделать упражнение еще раз.

Когда она вдруг стала снова извиваться под ним, он даже разозлился. Со стоном он увеличил частоту движений. Значит, она просто потеряла сознание. Такое иногда происходило: оргазм начисто отшибал у них мозги. Вот она пришла в себя, все еще находясь под кайфом, и сейчас слетит с катушек от восторга.

Неожиданно ее челюсть вывернулась под странным углом и, вцепившись в кожаный намордник изнутри, прокусила его. Капля пота Квинна упала ей в рот, смешавшись с кровью у нее на зубах и рвотной массой, забившей горло. Квинн еще не успел осознать происходящего, как она приподнялась и откусила ему нос.

За секунду до того, как нахлынула боль, в голове Квинна мелькнула мысль о бредовых сообщениях в новостях. Нападения каннибалов на Восточном побережье. Какой-то ублюдочный спец по тарелочкам вопил, что трупы ходят по улицам и поедают живых людей. Все это смахивало на городские легенды Нью-Йорка. Но все же мысль возникла у Квинна, потому что Амелия только что откусила ему нос и сейчас жевала и глотала откушенное.

Он почти захлебнулся вспенившейся кровью. Булькая, он попытался отступить, выйти из нее, убраться подальше от этой чокнутой сучки, — но она крепко вцепилась в него там, ниже пояса.

Потом Квинн открыл для себя, что еще может кричать, и в панике заорал, потому что почувствовал, как кольцо вагинальной мышцы усиливает давление, закрываясь у основания его члена. Чем отчаяннее он пытался высвободиться,

тем тверже становилась эрекция. Ему приходилось слышать истории, как мужчины, занимавшиеся самоудовлетворением, застревали подобным образом в бутылках. Невозможно сдавить жидкость. Кровь — это жидкость. У него не было выбора: паника подхлестнула возбуждение. Он яростно бился на кровати, истекая кровью, хлеставшей из дыры у него на лице. Он бил Амелию обоими кулаками, но она была за гранью ощущения боли.

Когда он почувствовал, что мышечное кольцо отрезает ему член, как проволочная петля, то хрипло заверещал. Но никто из соседей не обратит на это внимания: рискованные игры и извращения всегда входили в меню Квинна. Неожиданно освободившись, старик опрокинулся навзничь. Кровь, выплескивавшаяся из раны, лилась на ковер. Падая, он успел увидеть, как все еще твердый обрубок его достоинства исчезает в скользкой красной щели между ног Амелии, и ужаснулся от вида того, как член целиком заглатывает откусившая его вагина.

Квинн рухнул на пол, заходясь криком, и визжал, пока не потерял сознание.

У Амелии ушло примерно полчаса на то, чтобы перегрызть путы, державшие ее. Следующие полтора часа она ела Квинна. Пока она его глодала, он умер, и паранормальные излучения, о которых упоминали в новостях, возымели свое действие. Но к этому времени от Квинна осталось уже совсем мало, и он не мог подняться, чтобы сожрать кого-нибудь другого. Оставшиеся от него куски дергались на полу в приступе неведомого раньше голода, нечеловеческого и неутолимого.

Растерзанное платье соскользнуло с ее тела. Пошатываясь, Амелия нашла вход в комнату, в которой они обедали, когда были живы. Прежде чем исчезнуть навсегда, прежняя модель поведения в последний раз встрепенулась в умирающем мозгу. Амелия начала объедать головки стоявших в вазах цветов, не спеша пускаться в ночное путешествие по улицам.

Каждую минуту умирал один цветок. Их жизнь могла бы стать ее жизнью... Она остановилась только тогда, когда обезглавила все букеты до одного.

Затем она нашла входную дверь и вышла в мир, чтобы присоединиться к себе подобным.

Она словно расцвела. Никогда больше она не будет так прекрасна. Как сказал бы Квинн, она достигла своей вершины. Очертания ее фигуры постепенно растворялись в ночной мгле. Она шла, удивительно красивая обнаженная женщина, с приоткрытых губ которой опадали цветочные лепестки, красные, лиловые, бордовые, и летели вслед за ней, словно шлейф.

НИНА КИРИКИ ХОФФМАН

Третье тело

Нина Кирики Хоффман — автор нескольких романов: «Нить, связующая кости» («The Thread That Binds the Bones», удостоен премии Брэма Стокера), «Пригоршня небес» («A Fistful of Sky»), «Шевеление костей» («A Stir of Bones»), «Духи, бродящие во тьме» («Spirits That Walk in Shadow») и «Катализатор» («Catalyst», финалист премии Филиппа К. Дика).

Рассказы писательницы выходили в таких журналах, как «Weird Tales», «Realms of Fantasy», «F&SF», а также в антологиях «Firebirds», «The Coyote Road», «Redshift». Четыре раза ее произведения становились номинантами Всемирной премии фэнтези и премии «Небьюла».

В девяностых годах прошлого столетия Хоффман целое лето предавалась чтению биографий серийных убийц. «Меня снедало жуткое любопытство: где та грань, до которой может дойти человек, — говорит автор. — Тем летом меня больше всего интересовали „Поиски убийцы из Грин Ривера", принадлежащие перу Карлтона Смита и Томаса Гуиллена. В рассказе „Третье тело" я хотела наделить жертву правом голоса. А жертв было так много. В этом случае, где серийный убийца оказывается знаменитостью — как часто случается, — мне хотелось сфокусироваться на чем-то другом».

Ричи я даже не знала и, уж конечно, вовсе не собиралась влюбляться в него. Но после того как он меня убил, я сочла его неотразимым.

Я открыла глаза, в них попали соринки. Я всегда ужасно боялась того, что в глаза может что-то попасть, но теперь просто моргнула и потрясла головой. Сор выпал, и я почувствовала себя вполне нормально. Итак, я поняла, что со мной случилось нечто действительно из ряда вон выходящее.

Закрыв глаза, я стерла с лица грязь. И тут поняла, что во рту у меня что-то не так. Я стала водить языком, весьма натренированным и искусным, и вскоре обнаружила, что вместо ровных зубов торчат лишь корявые пеньки. Удивительно: ни остатки зубов, ни глаза, раздраженные попавшей в них землей, ни капельки не болели. Беспокоили меня — да, но боли не было.

Нахмурившись, я попыталась выяснить, что же все-таки чувствую. Не так уж и много. В моих ощущениях не было места ни страху, ни злости, ни жаре или холоду. Это тоже показалось мне непривычным. Крайне непривычным. Обыкновенно меня пробирал страх, пока я стояла на углу в ожидании позарившегося на меня незнакомца, и еще холод, поскольку одежда годилась лишь для того, чтобы выставлять напоказ мои прелести.

Сейчас же ничего подобного я не ощущала.

Я села; с моего тела посыпались земля и листья, а голова уперлась в ветви, закрывавшие мне обзор. Они оказались увядшими и явно не росли на дереве или кусте. Я принялась руками расчищать себе путь и тут обратила внимание на то, что кончики пальцев темнее обычного цвета моей кожи — цвета какао. Я принялась разглядывать свои пальцы, силясь припомнить, что же такое произошло, до того как я заснула. Или что там еще со мной приключилось?.. Макала ли я пальцы в чернила? Вовсе нет. Кожа была явно выжжена. У меня теперь не было отпечатков пальцев, которые смогли бы рассказать полицейским, что перед ними тело Таванды Фути — так меня звали на улицах.

По зубам полицейские могли бы признать во мне Мэри Джефферсон, но с тех пор как два года назад я покинула родительский дом в возрасте пятнадцати лет, этим именем я не пользовалась.

Еще меня звали Шейлой. Этим могущественным именем я сама себя нарекла. Никому не дано было узнать его ни из каких источников.

Ни зубов, ни кожи на пальцах... Чтобы меня не опознали, Ричи постарался на славу. Впрочем, искать меня все равно было некому.

Ричи.

Обожженными пальцами я попыталась нащупать пульс, но отыскать вену среди следов, оставленных на запястьях веревкой, оказалось нелегко. Взгляд скользнул по голой груди. Там, где Ричи касался меня тлеющей сигаретой, остались обугленные язвы. Пульс нащупать мне так и не удалось. Может, оттого, что пальцы лишились нервов. К тому же я не дышала. Простого объяснения этому феномену я не нашла, поэтому пришлось довольствоваться весьма необычным.

Мертва.

Я умерла.

Убрав накиданные на тело ветви, мешавшие созерцать деревья и небо над головой, я уселась в своей земляной могиле и попыталась разобраться во всем этом.

Моя бабушка назвала бы землю вокруг меня могильной землей; любая земля, попавшая на гроб или прямо на труп, превращается в могильную. Бабушка говорила, что земля подле мертвеца обладает удивительной силой.

Чего только мне не рассказывала бабушка! Даже о ходящих мертвецах. Правда, они были, по ее словам, всего лишь большими страшными куклами, подчиняющимися приказам. Когда я допоздна зачитывалась книгами, спрятавшись с фонариком под одеялом, бабушка заходила в мою комнату и говорила: «Может, ты знаешь кого-нибудь, кто умеет повелевать мертвецами-сомнамбулами? Может, стоит позвать их сюда, чтобы помогли выключить свет?»

Она учила меня распознавать травы и собирать компоненты всевозможных снадобий. Все это было до того, как я рассказала пастору правду о бабушке, после чего у нее случились неприятности с Церковью, затем с прихожанами. Кузенов у меня было предостаточно, и кое-кто принялся судачить о бабушке, но заварила-то кашу я. Полицейские забрали бабушку, и она призвала проклятие на мою голову: «Ты полюбишь то, что причинит тебе боль, и будешь любить, после того как оно тебя убьет!» Она скрепила слова кровью девственницы, воском черных свечей и тремя пауками.

Я подумала, что если уеду из Луизианы, то смогу избавиться от проклятия. Но я не знала никого, кто сумел бы

мне помочь, поэтому проклятие вместе со мной оказалось в Сиэтле.

Я сидела посреди того, что называлось могильной землей, а рядом находилось что-то еще. Протянув руку, я коснулась этого неведомого. Оно оказалось еще одним трупом.

— Очнись, — позвала я лежавшую в одной могиле со мной женщину.

Но та двигаться не хотела.

Итак: ни зубов, ни отпечатков пальцев. Я мертва, причем оказалась в одной могиле среди неведомых лесов с кем-то еще более мертвым. Я оценила собственное тело, как делала всякий раз, выходя из состояния оцепенения, в котором проводила большую часть жизни. Обнаружила, что мне не хочется ни есть, ни пить. Меня вовсе не беспокоили увечья, что нанес мне последний клиент — Ричи, перед тем как затянуть у меня на шее петлю нейлонового шнура, с которым ему так нравилось забавляться. Зато в промежности у меня бушевал настоящий огонь желания, перед глазами словно плясали пылающие буквы, вопиющие: «Вставай же, и вперед! Мы знаем, куда тебе идти!»

Я огляделась по сторонам. Позади меня косогор уходил вверх, на его вершине сквозь сплетение ветвей пробивалось солнце. Впереди же простиралась темная чаща. По обе стороны — еще деревья и кусты, незнакомые травы, о которых мне никогда не доводилось слышать от бабушки, неведомые, словно чужой язык...

Я пошевелила ногами, вытянула их из могильной земли. Одежды на мне вовсе не было, кудрявые волосы испачкались в земле. Я поднялась на ноги, и что-то вывалилось из «денежного мешка», как называл мою промежность сутенер Блейк. Я взглянула на выпавший из меня предмет. Это оказался камень в форме клинка, размером с ладонь; он поблескивал в лучах заходящего солнца. Темный, влажный от моих собственных выделений — и, наверное, от спермы Ричи тоже.

Пуще прежнего разгорелся жар в моем чреве, но больно мне не было. Нарастало желание.

Я провела руками по шее и ощупала глубокие следы от веревки. Жар пульсировал в голове и сердце. Я жаждала отыскать руки, что обвязали веревку вокруг моей шеи, за-

пястий, коленей... Мечтала заглянуть в глаза, созерцавшие, как поцелуй сигареты заставляет шипеть мою кожу. Стремилась отыскать разум, решивший вогнать в меня грубый каменный нож. Позвонки свело от непреодолимого желания, струя адреналина ударила в мышцы. Я выпрямилась и окинула окрестности взглядом. Мне необходимо отыскать Ричи. Я знала, в какую сторону следует обернуться: что-то в голове дразнило, подталкивало меня, перед глазами плясали огоньки, манившие назад, в город.

Подавив стремление немедленно двинуться в путь, я решила немного расчистить место, где только что лежала. Если мне предстоит оказаться в Сиэтле, то следует позаботиться об одежде. Вряд ли кто-нибудь остановится и подвезет меня в таком виде. Я уже поняла, что Ричи потрудился на славу и избавился от всех улик, способных навести на догадку о том, кем я была на самом деле, но вдруг у лежащего рядом трупа осталось хоть что-то? Я разбросала скрывавшие ее ветви и землю и обнаружила, что она там не одна. Кроме меня, в могиле лежало два абсолютно голых тела без каких-либо признаков жизни после смерти. На мысль о жизни наводили разве что опарыши... Одна из покойниц была даже более темной, чем я, кожа ее пострадала меньше моего, но на шее виднелся такой же след от веревки. Кожа второй оказалась светлей: возможно, женщина была даже белой. Она буквально разваливалась на части. Глядя на них, я понимала, что смердеть они должны ужасно, но запаха разложения не чувствовала. Впрочем, как и всех прочих запахов тоже. Я могла видеть и слышать, мышцы работали должным образом, но я ничего не чувствовала, кроме нараставшего во мне огня, вопиющего о Ричи.

Я закидала тела женщин землей и прикрыла ветками.

Чем ниже по склону, тем гуще росли деревья, под их ветвями царил полумрак. Вверху же деревья расступались, оттуда проникали солнечные лучи. Возможно, там проходила дорога. Я стала карабкаться вверх, к свету.

Огонь в моей голове, в сердце и животе разгорался с каждой минутой. Я одолела горный откос и вышла на солнце.

Передо мной простиралось двухрядное шоссе; на солнце ярко отсвечивала прерывистая желтая разделительная по-

лоса посередине. Обочины были посыпаны гравием. В придорожных кустах валялись мятые бумажные пакеты, банки из-под пива и кока-колы, блестел целлофан. Я перешла дорогу и осмотрела лесистый холм, потом поискала в канаве. Никакой одежды. Не нашлось даже достаточно большого целлофанового пакета, которым можно было хоть как-то прикрыться.

Поселившийся во мне жар возбуждения напоминал крикливого толстяка-пьяницу, что уже набрался, но требует еще и еще пива. Я тронулась в путь, даже не задумываясь, в какой стороне находится город, — просто знала это, и все.

Немного погодя меня стал нагонять автомобиль. Думаю, что сзади я выглядела лучше всего. Множество тонких косичек скрывало неприглядные отметины на шее, и, насколько я помнила, Ричи не вывел никаких граффити сигаретой у меня на спине. Не раз клиенты говорили, что моя попка хороша и ноги тоже. Даже мой сутенер подтверждал это, а он никогда не делал комплименты, если они не были правдой или же если он с помощью лести не намеревался урвать что-то себе. От меня же он и так в любой момент мог получить все, что хотел.

Я слышала, что машина притормозила, но оглянуться боялась. Знала, что мой беззубый рот выглядит весьма... забавно, а на что похоже лицо — оставалось только гадать... Боли я не чувствовала, а значит, произойти со мной могло все, что угодно. Я склонила голову так, чтобы солнце не светило в лицо.

— Мисс? Боже мой, мисс! — Из машины донесся то ли низкий голос немолодой женщины, то ли высокий мужской.

Мотор работал вхолостую: автомобиль остановился рядом со мной. Это оказался красный «фольксваген»-«кролик».

Я скрестила на груди руки, прикрыв ожоги и спрятав под сгибами локтей отметины от веревки, похожие на браслеты.

— Мисс?

— Да? — Я попыталась заставить голос звучать дружелюбно, но вовсе не была уверена в том, что у меня он вообще был.

— Мисс, вы попали в беду?

Я кивнула, косички скользнули по плечам и скрыли лицо.

— Могу я вам чем-то помочь, мисс?

Я откашлялась и вздохнула.

— Да. Вы в центр? — удалось мне выдавить из себя весьма нечленораздельно.

— Что?

— Туда. — Я махнула рукой вперед. — В Шиэтл.

— Ах. Да. Вас подвезти?

— Мм... — промямлила я. — Далеко дотуда?

На этот раз я заглянула в салон, чтобы узнать, кто сидел за рулем: мужчина или женщина. Мужчина мог бы одолжить мне свою рубашку, а вот женщине, скорее всего, нечего было бы мне предложить, если она, конечно, не везла с собой чемодан.

— Ах ты, бедняжка, что же с тобой приключилось?

Автомобиль припарковался чуть впереди меня, водитель вышел и оказался высокой, тучной белой женщиной в джинсах и клетчатой фланелевой рубашке. Дама деловито, большими шагами подошла ко мне: темные волосы коротко подстрижены, на голове — мужская шляпа цвета хаки, украшенная тесьмой.

— Что за...

Одной рукой я прикрыла рот.

— Что случилось? — еле слышно шепнула женщина, остановившись, так и не дойдя до меня.

— Мой бойфренд шкверно шо мной поштупил, — прошепелявила я из-под ладони. Язык по привычке пытался нащупать зубы, которых уже не было. Вырвавшееся изо рта неясное бормотание ужасно меня расстроило. Я подумала, что смогу произносить слова более внятно, если стану касаться языком нёба.

— Мой бойфренд, — еще раз попыталась я, — поступил со мной скверно.

— Бедняжка, ах, бедняжка, — прошептала женщина.

Потом вернулась к машине, порылась на заднем сиденье и достала коротенькую курточку фирмы «Левис», которую и протянула мне.

Я кивнула в знак благодарности и взяла куртку. Женщина чуть не задохнулась, когда я убрала руки от груди. Куртка оказалась весьма свободной, но прикрывала меня лишь до пояса. Впрочем, мое тело ниже пояса выглядело

весьма недурно. Я подняла воротник, чтобы закрыть шею и нижнюю часть лица.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Ее глаза были распахнуты, широкое лицо — очень бледно, несмотря на загар.

— Тебе нужна помощь, — заключила она. — Отвезти в больницу? Или в полицию?

— В Сиэтл, — ответила я.

— Но медицинская помощь?

— Сейчас она мне не нужна... — Я пожала плечами.

— Вдруг начнется воспаление, тогда ты можешь умереть от сепсиса! У меня есть автомобильная аптечка. Дай я хотя бы обработаю...

— Зеркало, — сказала я. Вот что мне действительно было нужно на данный момент.

Она вздохнула и понурилась. Обошла вокруг машины и открыла дверцу со стороны пассажирского сиденья. Я двинулась следом. Заглянула в распахнутую дверцу. Сиденье оказалось таким чистым, меня же по-прежнему покрывала могильная земля.

— Я все тут испачкаю, — предупредила я.

— Боже мой, вот об этом сейчас я думаю меньше всего! — воскликнула она. — Садись. Опусти козырек от солнца, там зеркало.

Я забралась внутрь и опустила козырек. Увидела свое отражение и вздохнула с облегчением. Ничего особенного, разве только подбородок оказался ближе к носу, чем полагалось, да губы — слишком пухлыми и темными. Кожа вокруг глаз не почернела, нос не сломан. Сойдет. Потом я немножко опустила воротник куртки и содрогнулась при виде жутких темных отметин, оставленных веревкой. Скорей подняла и запахнула воротник.

Женщина устроилась за рулем.

— Меня зовут Марти, — сообщила она и протянула руку.

Все еще придерживая воротник левой рукой, я подала ей правую, и Марти пожала ее.

— Шейла, — сказала я.

Впервые я произнесла это имя вслух. Шей-ла. Я улыбнулась и тут же быстро кинула взгляд на зеркало: так и есть,

улыбка оказалась весьма скверной, как я и опасалась. Рот напоминал кладбище изломанных зубов с запекшимися островками крови. Я скорей вновь прикрыла рот рукой.

— Господи! — ахнула Марти. — Как зовут твоего бойфренда?

— Не важно.

— Если он сотворил такое с тобой, значит, еще кого-нибудь может искалечить. Моя дочь живет в Рентоне. Необходимо заявить в полицию. Кто он? Где живет?

— Неподалеку от Си-Така[1]. От аэропорта.

Марти глубоко вздохнула. Перевела дух.

— Ведь ты понимаешь, что полиция обязательно должна заняться этим делом?

Я покачала головой. В груди все нарастал жар, понуждавший меня скорей тронуться в путь.

— Мне нужно в город, — твердо сказала я и закрыла дверцу.

— Пристегнись.

Марти хлопнула своей дверцей и завела мотор.

Стоило нам только тронуться, как стало ясно, что Марти — адская гонщица. Ей даже удалось напугать меня — хотя я при всем старании не смогла выдумать что-либо, способное причинить мне боль.

— И где же мы сейчас? — спросила я, когда привыкла к дикому визгу, с которым мы вписывались в каждый поворот.

— Я еду из Канаската в Рентон, чтобы увидеться с дочерью. Сегодня вечером она выступает с сольным концертом, занимается танцем живота, и... — Марти уставилась на меня, затем покачала головой и сосредоточилась на дороге.

Холмистая местность сменилась равниной. Мы добрались до автомагистрали, трассы Сто шестьдесят девять, и Марти повернула на север.

Пылавший в груди жар разбушевался с неистовой силой и устремился прямо в горло.

— Нет! — вскрикнула я и схватила ее за руку, лежавшую на руле.

---

[1] *Си-Так* — аэропорт Сиэтл-Такома.

— Что — нет?

— Нет. Нам туда. — Я кивнула на дорогу, по которой мы ехали раньше.

На самом деле интуиция не могла подсказать мне наверняка, какой путь избрать из двух возможных, но прежняя узкая дорога скорее соответствовала нужному направлению.

— Эта дорога ведет в Мапл-Вэлли, — сказала Марти, не собираясь подчиняться мне. — Там мы обратимся в полицию и найдем врача.

— Нет.

Она взглянула на меня и заключила:

— В твоем состоянии невозможно принимать правильные решения.

Тогда я вцепилась в ее запястье и сжала. Она вскрикнула. Выпустила руль и попыталась стряхнуть мои пальцы. Я в упор смотрела на нее и не отпускала, вспоминая бабушкины сказки о сверхъестественной силе мертвецов.

— Остановись, — приказала я.

Я чувствовала себя странно, очень странно, помыкая женщиной так, как сделал бы на моем месте сутенер. К тому же я знала, что причиняю ей боль. Знала, что могу стиснуть пальцы еще сильнее и сломать ей кости руки, и к этому я была готова, но тут Марти съехала на обочину и остановилась.

— Мне нужно в Си-Так. — Я отпустила ее руку, открыла дверь и вылезла из машины. — Благодарю, что подкинула. Вернуть куртку? — Двумя пальцами я приподняла краешек джинсовой материи.

— Господи, детка, оставь ее себе. — Марти потирала запястье. Она глубоко вздохнула. — Залезай. Я отвезу тебя туда, куда тебе угодно. Не могу бросить тебя здесь.

— А как же выступление твоей дочки? — спросила я.

— Я позвоню ей. Ведь мы когда-нибудь доберемся до телефона, верно?

Я не могла сказать наверняка, где закончится наш путь. Узнаю об этом лишь тогда, когда окажусь на месте...

Как было дома у Ричи, я помнила. Но не его дом оказался первым пунктом программы. Сперва Ричи притормозил там, где я стояла на хайвее, опустил со стороны пассажирского

сиденья стекло своего громадного золотистого четырехдверного «бьюика» и сказал, что ему хочется поразвлечься и он знает отличное местечко. Все как обычно, с той только разницей, что я привыкла сама указывать клиентам место: через одну из боковых улочек можно было проехать на подъездную аллею за заброшенным домом. Я спросила Ричи, насколько далеко он желает зайти. Мой сутенер частенько предлагал мне кокаин, но я до сих пор не пристрастилась к наркотику, поэтому мне не было совершенно безразлично, кто окажется клиентом. Ричи выглядел симпатичным и опрятным, машина — дорогой, хоть и не новой. Я решила, что деньги у него водятся.

— Мне хочется получить от тебя все,— ответил Ричи.— Плачу сто баксов.

И я села в машину.

Он съехал с ведущего к Си-Таку хайвея и отвез меня в местечко, схожее с тем, куда я обычно привозила своих клиентов. Мы оказались возле одного из заброшенных домов неподалеку от аэропорта — все их непременно когда-нибудь снесут. В окрестностях найдется два-три подобных строения. Я спросила про деньги, получила обещанную стошку и следом за Ричи вошла в дом. Тут-то все и пошло наперекосяк. Именно здесь я впервые увидела и почувствовала на себе веревку, услышала в свой адрес страшную брань, отведала его потных носков — если не самое отвратительное, что мне доводилось пробовать в жизни, то близко к тому.

Потом он вставил мне в рот кляп, связал и швырнул в машину на пол у заднего сиденья. Мы снова поехали куда-то. Не могу точно сказать, сколько времени прошло в пути. Мне показалось, что не меньше двух часов, но на самом деле вполне возможно, что мы ехали пятнадцать или двадцать минут. Звуки изменились, и я поняла, что автомобиль въехал в подземный гараж. Мне на голову Ричи надел хозяйственную сумку, втащил в лифт (опять я поняла это по ощущениям), потом провел через холл к своей квартире. Именно там я узнала о нем столько, сколько не хотела бы знать ни о ком...

Адреса я не знала, зато чувствовала, где находится Ричи. Если он сейчас в квартире, я бы указала Марти путь и без

карты. Жар во мне стремился к Ричи, подобно тому, как магнит притягивается к железу.

Тщательно подбирая слова, я сказала:

— Поехали к Си-Так-хайвею. Там сколько угодно телефонных будок.

— Точно, — согласилась Марти.

— Только по другой дороге. — Я показала назад.

— Садись, — вздохнула она.

Я опять устроилась на переднем сиденье. Марти подождала, пока нас обгонит автофургон, затем отъехала и развернулась.

Теперь мы двигались в нужном направлении, и пожар во мне слегка поостыл. Я откинулась на спинку сиденья и расслабилась.

— Почему мы едем к... к тому хайвею? — поинтересовалась Марти. — И что ты собираешься сделать, когда мы там окажемся?

— Пока не знаю, — ответила я.

Мы ехали прямо к заходящему солнцу. При жизни меня ужасно раздражал яркий свет, бьющий в глаза, но теперь он причинял столь же мало беспокойства, как и песчинки. Я моргнула несколько раз, обдумывая этот феномен, но вскоре перестала обращать внимание на бьющее в глаза солнце.

— Ты не скажешь мне даже имени своего бойфренда? — спросила Марти.

— Ричи.

— У Ричи есть фамилия?

— Не знаю.

— Ты собираешься вернуться к нему?

Жар подступил к моему горлу, словно рвота. Я хотела выдохнуть его: казалось, сразу станет легче и лучше. Но в животе уже разлилось приятное чувство. Я упивалась им.

— О да.

— Да как ты можешь! — вскричала Марти. И затрясла головой. — Я просто не могу отвезти тебя к тому, кто так издевается над женщиной!

Но она не остановила машину.

— Я должна вернуться, — сказала я.

— Вовсе нет. Ты можешь избрать другой путь. В конце концов, для несчастных женщин существуют приюты. Ты будешь под защитой властей. Полиция...

— Ты не понимаешь, — прервала я.

— Понимаю. — Марти заговорила спокойнее. — Я знаю, каково жить с тем, кто тебя не уважает. Знаю, насколько тяжело вырваться из замкнутого круга. Но ты-то *уже* вырвалась, Шейла! И можешь начать жизнь заново.

— Нет. Не могу.

— Можешь. Я помогу тебе. Можешь пожить у меня в Канаскате, там негодяй тебя не найдет. Или если захочешь вернуться домой, где бы ни был твой дом, я тоже помогу купить билет на автобус.

— Ты не понимаешь, — повторила я.

Довольно долго Марти хранила молчание. Затем попросила:

— Так помоги мне понять.

Я откинула косички назад и опустила воротник, развела в стороны отвороты куртки и показала ей голую шею. Впивалась в Марти взглядом до тех пор, пока она не посмотрела на меня.

Пронзительно закричав, она вылетела за двойную разделительную черту. Хорошо еще, что встречных машин не было. Продолжая вопить, Марти все же совладала с рулем и выровняла машину. Быстро съехала на обочину, выскочила из автомобиля и унеслась прочь.

Я заглушила двигатель и выбралась на дорогу.

— Марти! — крикнула ей вслед. — Я ухожу. Машина в твоем полном распоряжении. Ты в безопасности. Спасибо за куртку. Счастливо!

Я застегнула куртку, подняла воротник, сунула руки в карманы и пошла по дороге вперед, к Ричи.

Я прошла около четверти мили, когда она нагнала меня. Солнце село, и сумерки постепенно сгущались в ночь. Мимо проехало шесть машин, но я не голосовала, и ни одна из них не остановилась. Какой-то подросток прокричал что-то в окно; кто-то сигналил и вилял, заглядевшись на меня...

До встречи с Ричи ловить машины было так просто. Теперь почему-то не получалось.

Я услышала за спиной пыхтение «кролика», но продолжала свой путь, не оборачиваясь, не глядя на Марти. Но она притормозила и ехала рядом.

— Шейла, — окликнула она меня хриплым голосом. — Шейла!

Я остановилась и посмотрела на нее. Она боялась меня, я знала это. Марти звала меня выдуманным мною самой именем, и от этого я чувствовала себя необычно. Я становилась сильной, словно у меня был шанс распоряжаться своей жизнью, а не подстраиваться под свалившиеся обстоятельства. Впрочем, я не знала, как это может пригодиться мне сейчас, когда я жила лишь затем, чтобы повиноваться горящему внутри пламени.

Марти заморгала и отвернулась, потом опять взглянула на меня.

— Садись, — предложила она.

— Тебе не обязательно подвозить меня, — сказала я. — Рано или поздно я доберусь туда, куда мне надо. Не важно, когда это произойдет.

— Садись.

Я вновь оказалась в машине.

Полчаса мы ехали молча. Она пересекла межштатную Пятую автомагистраль и притормозила, когда мы добрались до трассы Девяносто девять, хайвея Си-Так.

— Куда?

Я указала направо. Огонь внутри меня пылал столь жарко, что я бы не удивилась, если бы из кончиков пальцев повалил дым.

Марти свернула направо, и мы помчались на север, к аэропорту Си-Так, мимо моих постоянных рабочих мест. Мы проезжали мимо дорогих гостиниц и дешевых мотелей, магазинчиков самообслуживания и модных ресторанов. Ярко освещенные здания чередовались с темными провалами дворов. Мы быстро привыкли к реву взлетавших и заходивших на посадку самолетов, к огням, что метались в небесах прямо перед нами. Мы миновали мотель «Златовласка», где я и Блейк снимали комнату. Я ничего не почувствовала. Но когда мы проезжали перекресток, где на углу Сто восемьдесят восьмой улицы и Тихоокеанского хайвея растянулся

«Красный лев», под каждой клеточкой моей кожи заполыхал дикий пожар.

— Теперь помедленней, — сказала я Марти.

Она взглянула на меня и слегка притормозила. Где-то через милю влево уходила маленькая дорожка. Я указала на нее.

Марти перестроилась в левый ряд, повернула, заехала на бензоколонку прямо у поворота и припарковалась возле туалетов.

— Теперь объясни мне, — сказала она, — что мы здесь делаем?

— Ричи, — шепнула я.

Я чувствовала его присутствие совсем рядом. Все мои раны теперь резонировали, его близостью были исполнены все части тела, куда он впечатался с помощью веревки, сигареты, носка, каменного ножа и полового члена, сделав меня своей собственностью. Так же как нож врезается в кору дерева, Ричи заклеймил меня собою.

— Ах да, — хмыкнула Марти, — Ричи. Ты уже придумала, что будешь делать, когда разыщешь его?

Я вытянула руки ладонями вверх. Жар был настолько силен, что мне казалось: стоит тронуть какой-либо предмет — и он запылает.

— Что ты собираешься сделать, задушить его? У тебя есть что-то с собой? — Ее голос звучал весьма саркастично.

Я с трудом внимала Марти. Все внимание сконцентрировала на дороге. Знала: там находится машина Ричи, а в ней — он сам. Именно сюда он меня привез, чтобы связать. В любую секунду он мог проехать мимо. Но я больше не намеревалась откладывать наше воссоединение, хотя знала точно: нет места, где он смог бы от меня спрятаться, где бы я его не нашла. Ведь сейчас мною движет всепоглощающая любовь к нему.

— Задушить? — переспросила я, качая головой. И вышла из машины.

— Шейла! — окликнула Марти.

Я позволила звуку имени, данного самой себе, наполнить меня силой. На секунду застыла недвижимой, пытаясь унять внутренний пожар. Затем вышла на улицу и остановилась

посередине, чтобы пропустить вынырнувшую из тьмы машину. Двинулась вперед, в темноту, прочь от огней и шума хайвея. Собственные ноги казались мне спичечными головками, готовыми вот-вот полыхнуть огнем.

Вот закончился асфальт, уступив место рытвинам и гравию. Я прошла мимо стоявших по обе стороны от дороги трех темных домов — неясных теней в ночном мраке, пронизанном прожекторами самолетов. Ночь выдалась беззвездной. Я свернула налево к четвертому дому, такому же темному, как и все остальные, но пылавшему изнутри светом, невидимым для моих глаз, но ощущаемым каждой косточкой. Внутри меня пульсировал и плясал жар.

Я прошла мимо буйных зарослей сирени и шагнула на широкую подъездную аллею. Как я и думала, там стоял автомобиль. Темный, безмолвный. С закрытыми дверьми.

Послышался сдавленный крик, и в салоне зажегся свет. На заднем сиденье, спиной ко мне, сидел Ричи.

Ричи.

Глядя на его темноволосую голову, я шла по хрустящему гравию. На Ричи была белая рубашка. Он сосредоточенно смотрел вниз, его руки двигались. Когда я подошла ближе к машине, то поняла, что он сидит на женщине. Она все еще была в одежде (до тех пор, пока я не оказалась в квартире Ричи, он меня тоже не раздевал). Рот женщины был заклеен скотчем, голова моталась из стороны в сторону; кисти рук судорожно подергивались, в то время как Ричи связывал ее запястья тонким нейлоновым шнуром, ноги дрыгались. На мгновение я замерла у окна автомобиля. Женщина увидела меня и вытаращила глаза. Рот с кляпом из носка Ричи, заклеенный скотчем, издал булькающий, глотающий звук.

Я подумала: она ему не нужна. Ведь у него есть я.

Я помнила, как лихорадочно бился мой мозг, в то время как боролось мое тело; как я вскрикивала беззвучно: о нет! Нет! Блейк, где же ты? Никто мне не поможет, как никто и никогда не помогал, а я не в состоянии спастись сама. Больно, о как больно! Может... если я буду вести себя хорошо, очень послушно, тогда он поиграет со мной и отпустит? Боже мой! Что же ты хочешь от меня? Скажи, и я сделаю все,

что нужно. Не делай мне больно! Хорошо же, выпори меня, не ты первый, только не делай мне больно!

Делай мне больно...

Я люблю тебя! Я так тебя люблю.

Через стекло я пожирала его глазами. Женщина затихла под Ричи, она не отрываясь глядела на меня. Наконец это заметил он и обернулся.

Я улыбнулась, обнажив пеньки зубов, и голубые глаза Ричи распахнулись от изумления... или страха.

Я взялась за ручку и открыла дверцу, прежде чем он смог ее заблокировать.

— Ричи, — позвала я.

— Нет! — вскрикнул он и что есть силы замотал головой, словно пес, выбравшийся из воды на берег. Медленно, очень медленно поднял руку и протер глаза. В другой руке Ричи зажал нож для хлеба: им он отрезал веревку, после чего хлестнул ею по женской щеке, оставив темный след. Он снова взглянул на меня. Желваки на скулах ходили ходуном.

— Ричи.

— Нет! Не... не мешай мне.

Я протянула к нему руки. Обгоревшие дочерна кончики пальцев казались специально выкрашенными или расписанными татуировкой, из-под рукавов выглядывали запястья с темными следами веревки.

— Ричи, — вновь нежно позвала я. Пылавший внутри огонь фейерверками взмывал ввысь, сиял ярче звезд. — Я ведь твоя.

— Нет, — отрезал он.

— Ты сделал меня своей!

Я глядела на него. Таванду он сделал своей, а потом убил ее. Мэри он тоже сделал своей и тоже убил. Хоть он уничтожил и Таванду, и Мэри, но во мне жили чувства Таванды: *мною станет управлять тот, кто причинит мне боль*; и Мэри: *однажды я заговорила, и теперь надо мной тяготеет проклятие, от которого не избавиться. Если буду вести себя тихо, может, все обойдется.*

Но Шейла? Шейлу Ричи не убивал. Он даже никогда с ней не встречался.

Ведь говорила-то Таванда.

— Ты убил меня и сделал своей, — так она сказала. Я расстегнула куртку, сбросила ее с себя. — Я всецело принадлежу тебе. Только благодаря тебе я сейчас такая, какая есть.

— Я... — начал было он, но закашлялся. — Нет.

Вблизи послышалось урчание автомобильных двигателей, причем доносилось оно явно не с хайвея, где движение гудело ровным мерным звуком, а прямо из-за моей спины.

Я пагнулась, схватила Ричи за руку. И вытащила его из машины, несмотря на то что он сопротивлялся и цеплялся за дверь свободной рукой. Мои пальцы крепко вцепились ему в мускулы, я чувствовала кость в его предплечье.

— Ричи, — шепнула я, обвила руками его шею и положила голову на плечо.

На какое-то время он напряженно замер, словно окостенел в моих объятиях. Потом по телу его пробежала дрожь и он расслабился. Обхватил меня руками.

— Так ты моя? — переспросил он.

— Твоя, — отвечала Таванда.

— Значит, ты будешь делать то, что я скажу? — спросил он голосом маленького мальчика.

— Все, что захочешь.

— Опусти руки по швам, — приказал он.

Я повиновалась.

— Замри, — последовала новая команда.

Он отошел назад и принялся меня изучать. Обошел вокруг, разглядывая мое тело со всех сторон.

— Подожди-ка секундочку, возьму фонарик. — Ричи, открыв багажник, вынул оттуда длинный фонарь и включил. Яркий луч скользил по моей груди, по шее. — Я тебя сотворил, — кивнул он. — Я сотворил тебя. Ты была хороша. Почти столь же хороша, как и первая. Теперь еще разок покажи мне руки.

Я протянула ему руки, и он внимательно рассмотрел мои почерневшие пальцы. Улыбнулся, поднял глаза и встретился со мной взглядом.

— А ведь я собирался тебя навестить, — сообщил он. — Когда бы покончил с этой. Мне хотелось взглянуть на тебя.

— Я не могла ждать, — ответила Таванда.

— Не разговаривай, — мягко приказал Ричи.

Не разговаривай! Таванда и Мэри восприняли эти слова как должное, но мне, Шейле, надоело, что все велят мне замолчать. Что мне было терять?

С другой стороны, что я могла сказать? Я даже не знала, чего хочу. Сложно было противостоять Тавандиной любви к Ричи. Она пылала внутри меня, ярко горела под кожей: ведь это было все, что у меня осталось от жизни.

— Ты закричишь, когда я скажу? — голосом маленького мальчика спросил Ричи.

— Да, — согласилась Таванда.

Но внезапно все вокруг нас вспыхнуло ярким светом, а из темноты за его пределами донеслись голоса, усиленные мегафоном:

— Не двигайся, приятель! Руки за голову!

Ричи заморгал и медленно поднял руки: в одной поблескивал нож, в другой — фонарь.

— Отойдите от него, мисс, — велел другой голос.

Я не мигая огляделась вокруг: слепящий, резкий свет был мне нипочем. Но я не могла заглянуть за освещенный круг. И не знала, кто говорит.

— Мисс, отодвиньтесь от него, — донесся из темноты уже другой голос.

— Подойди ко мне, — шепнул Ричи, и я шагнула к нему. Выпустив из рук фонарь, он схватил меня, приставил нож к шее и заорал: — Ни с места!

— Шейла! — На сей раз подала голос Марти, мегафона у нее не было.

Я посмотрела туда, откуда донесся ее голос.

— Шейла, отойди же от него! — вопила Марти. — Ты что, хочешь, чтобы он убежал?

Таванда хотела этого. И Мэри тоже. Ведь они наконец отыскали то, к чему стремились, попали туда, где должны были быть. В кольце рук Ричи мое тело пылало, но жар был спокойный и ровный.

Он приставил лезвие еще ближе к моей вывернутой шее. Я едва ли не чувствовала острие ножа. Я вновь положила голову ему на плечо и украдкой любовалась лицом Ричи. От яркого света его глаза выглядели более синими. Рот был при-

открыт; поблескивала влажная изнутри нижняя губа. Он заглянул мне в лицо, и уголки губ искривила легкая усмешка.

— Отлично, — шепнул он мне. — Теперь нам надо забраться в машину.

Ричи повысил голос, обращаясь к темноте:

— Делайте, что я приказываю, и не приближайтесь!

Загородившись мною как ширмой, он пинком закрыл заднюю дверцу, обошел машину и добрался до водительского места. Двигаясь тандемом, мы оказались за рулем, и руки Ричи отпустили мою шею.

— Оставайся ближе ко мне, — сказал он. — Переберись чуть пониже. Так, чтобы я смог переключать передачи, но будь ближе ко мне.

— Шейла! — крикнула Марти.

Окно со стороны водителя было опущено.

Ричи завел машину.

— Шейла! На заднем сиденье живая женщина!

Таванде было все равно, и Мэри тоже, и я вовсе не была уверена в том, что это интересно мне. Ричи переключил передачу с нейтральной на первую и перенес ногу с педали тормоза на газ. Я чувствовала, как движутся его ноги под моим левым плечом. С заднего сиденья донесся приглушенный стон. Я взглянула в лицо Ричи. Он улыбался.

Когда он собрался дать полный газ, я потянулась вверх — туда, где на рулевой колонке была коробка передач, — и перевела механизм на парковку. Затем сломала рычаг переключения передач.

— Ты обещала слушаться меня, — упрекнул он, вглядываясь в мое лицо.

Ричи выглядел так, словно его предали: глаза широко распахнуты, брови нахмурены, линия рта обмякла... Двигатель рычал, но машина не трогалась с места.

Во мне полыхнул огонь. На этот раз он причинил мне немалую боль в наказание за то, что я сделала больно Ричи. Мука скрутила меня. Я закашлялась, подавилась собственным языком, горло распухло и запылало, как в огне; запястья и лодыжки тоже горели, и грудь жгло неимоверно, а между ног бушевал целый столб пламени, устремлявшийся вверх, в меня... Я хотела попросить прощения, но лишилась голоса.

— Ты же обещала, — голосом маленького обиженного мальчика повторил Ричи, глядя вниз, на меня.

Я кашляла. И чувствовала, как силы покидают меня, руки и ноги коченеют, как, впрочем, и полагается трупу. Я с мольбой подняла парализованные руки ладонями вверх так высоко, как только смогла, но теперь я могла лишь сгибать локти. Таким был последний жест Таванды.

— Не двигайся, — послышался голос. — Руки на руль.

Мы обернулись на голос. Рядом с машиной стоял человек и через открытое окно целился в Ричи.

Рука Ричи, минуя руль, незаметно потянулась ко мне.

— Еще одно движение, и я стреляю, — предупредил мужчина. Рядом с ним возник еще один человек; первый немного подвинулся, все так же держа голову Ричи под прицелом, а второй надел на Ричи наручники.

— Вот и все, — проговорил первый, и оба они — первый и второй — вздохнули с облегчением.

Скрючившись, я лежала на сиденье: руки согнуты в локтях, ноги — в коленях. Когда они вытащили Ричи из машины, я соскользнула с его коленей и так и осталась лежать окоченевшей. Шея изогнулась под неестественным углом, голова откинулась на сторону.

— Ей нужна медицинская помощь! — крикнул кто-то.

Я слышала, как с заднего сиденья вытаскивают женщину, и размышляла о смерти Таванды и Мэри.

Таванда подняла меня из могилы и унесла за столько миль от нее. Мэри, должно быть, умерла в тот час, когда бабушка прокляла меня и выгнала из дома. Но Шейла? Можно сказать, что я была годами беременна Шейлой, и родилась она в могиле. Она все еще смотрела на мир моими глазами и слышала моими ушами, пусть даже остальная часть меня умерла. Шейла бодрствовала во мне и все чувствовала в то самое мгновение, когда смертная боль уступила место ясным воспоминаниям о том, что вытворял со мной Ричи, пока в последний раз не накинул мне на шею петлю.

— Да она в стадии трупного окоченения! — воскликнул кто-то.

Я почувствовала на руке манжетку аппарата, измеряющего давление. Мое тело соскользнуло с сиденья, съехало к двери.

— Погоди, — сказал кто-то еще, — мне надо сфотографировать.

— О чем вы говорите? — послышался еще один голос.— Всего десять минут назад она ходила и говорила!

Вспышки сверкали у меня под носом, но я не мигала.

— Ты что, с ума сошел? — снова заговорил первый.— Даже скоротечное трупное окоченение не наступает так быстро.

— Спроси кого хочешь, Тони. Мы все ее видели.

— Попытайся нащупать пульс. Может, он просто поддерживал ее и передвигался с ней как с куклой? Но это не объясняет...

— Ты закончил со снимками, Крейн? — спросил один из полицейских. Потом он же весело обратился ко мне: — Давай-ка, подружка, вставай скорее. Что ты лежишь здесь и позволяешь ему фотографировать тебя, словно какой-нибудь труп? Ты же не знаешь, что он потом сделает с твоими фотографиями.

— Подожди, когда здесь не останется гражданских, а потом уж шутки шути, — сказал кто-то другой. — Может, она просто в шоке.

— Шейла? — со стороны пассажирской дверцы раздался голос Марти.

— Марти, — слабо шепнула я.

Я задыхалась.

— Шейла, ты сделала это. Ты смогла.

Что сделала? Позволила ему меня убить, а потом убить во второй раз? Внезапно я так разозлилась, что просто не смогла лежать недвижимой. Гнев напоминал прежде живший во мне огонь, но не такой сильный и явственный. Я вздрогнула и села.

Кажется, теперь воздух с трудом ловил мужчина со стороны водительского сиденья.

— Вот видите! — торжествующе воскликнул тот, кто ратовал за теорию шокового состояния.

У одного из них в руках оказался фонарик, и он направил луч на меня. Я вздернула подбородок и посмотре-

ла ему прямо в глаза, тоненькие косички рассыпались по плечам.

— Господи!

— Боже мой!

Они попятились.

С трудом пропустив воздух в распухшее горло, я сказала:

— Мне нужно прокатиться. Вы хотите пощупать мне пульс? Думаю, не стоит этого делать, сами здоровее будете.

Марти вновь подала мне свою куртку. Мы вместе ехали в «кролике», за нами следовали машины полицейских и фургончик судебно-медицинских экспертов. Марти лучше меня самой знала, где нашла меня.

— Как тебя зовут на самом деле? — спросила она по дороге. — Могу ли я с кем-нибудь связаться и рассказать о тебе?

— Нет. Для них я уже несколько лет как мертва.

— Ты уверена в этом? Ты хоть созванивалась с ними?

Я призадумалась, а потом спросила:

— Если бы твоя дочь стала проституткой, а потом умерла, ты бы хотела узнать о таком?

— Да, — тут же ответила Марти. — Всегда лучше знать горькую правду, чем пребывать в неведении.

Я опять немного помолчала, а потом назвала имена родителей и их телефон. По правде говоря, меня не заботило, расстроит их новость или нет.

Марти подала мне маленький блокнотик и попросила записать, даже включила в салоне свет, чтобы было лучше видно. Вновь из моих пальцев ушла обжигающая боль. Держать ручку было ужасно неудобно, и все же я умудрилась написать то, что хотела Марти. Покончив с этим, я сунула блокнотик в ее сумочку и выключила свет.

— Где-то здесь, — сказала она через полчаса. — Тебе не кажется? Ты ничего не чувствуешь?

— Нет, — ответила я. Моя могила не давала о себе знать так, как звал меня Ричи. Фары «кролика» осветили три банки из-под кока-колы, лежавшие рядком у обочины, и я вспомнила, что уже видела эту гроздь жестянок, когда забралась по склону и вышла на дорогу. — Здесь, — сказала я.

Марти остановилась, следом за ней встали три полицейские машины. Кто-то дал мне фонарь, и я пошла по краю обочины, отыскивая собственные следы или что-то знакомое. Сломанный куст ежевики, раздавленный папоротник, дерево с причудливо изогнувшимися ветвями — все это осталось в моей памяти с полудня.

— Вон там. — Я показала вниз по склону.

— Хорошо. Не трогайте ничего, — отозвался полицейский по имени Джо.

Другой коп принялся натягивать вдоль дороги желтую ленту.

— Но...

Сейчас меня посетило странное чувство. Я подумала, что Шейла прожила ровно столько, сколько хотела. Мне ничего не было нужно — только одеяло из могильной земли, под которым я вновь забудусь вечным сном. Когда Джо пошел за чем-то к своей машине, я ступила на склон и направилась домой.

Я отбросила ветки с двух других женщин и легла рядом с их телами, думая о своей короткой жизни. Кому-то я помогла, кому-то — причинила боль, и столько же я успела сделать за свои две первые жизни.

Я посыпала свое тело землей, даже на лицо насыпала и не моргала, когда земля попала в глаза. Но потом подумала, что рано или поздно меня увидит Марти, которой, наверное, лучше видеть меня с закрытыми глазами. И я их закрыла.

МАЙКЛ СУЭНВИК

Мертвый

Майкл Суэнвик является автором романов «Кости земли» («Bones of the Earth»), «Яйцо грифона» («Griffin's Egg»), «В зоне выброса» («In the Drift»), «Дочь железного дракона» («The Iron Dragon's Daughter»), «Джек Фауст» («Jack Faust»), «Путь прилива» («Stations of the Tide»), «Вакуумные цветы» («Vacuum Flowers») и «Драконы Вавилона» («The Dragons of Babel»). Его рассказы печатались в «Azimov's», «Analog» «F&SA», выходили в сборниках «Фауст из табакерки» («Cigar-Box Faust»), «География неведомых земель» («A Geography of Unknown Lands»), «Ангелы гравитации» («Gravity's Angels»), «Лунные гончие» («Moon Dogs»), «Азбука Пака Эйлшира» («Puck Aleshire's Abecedary»), «Сказки старой Земли» («Tales of Old Earth») и «Пес сказал гав-гав» («The Dog Said Bow-Wow»). Он является лауреатом многочисленных премий, в том числе «Хьюго», «Небьюла», премии Стардженна, журнала «Локус» и Всемирной премии фэнтези.

Рассказ «Мертвый» впервые увидел свет в издании «Starlight 1» и был финалистом премий «Небьюла» и «Хьюго». В нем вы найдете и зомби, и безжалостных бизнесменов — трудно сказать, кого надо бояться больше. Но на этот раз зомби никому не угрожают — они являются товаром, предметом роскоши, который можно приобрести в свободной продаже.

Наш столик обслуживали три мальчика-зомби в одинаковых красных куртках: приносили воду, зажигали свечи, смахивали крошки между переменами. Их темные, внимательные, безжизненные глаза резко выделялись на фоне бледной кожи, настолько белой, что в приглушенном свете казалось, будто она светится. Я бы отнес их присутствие на счет дурного вкуса, но как сказала Кортни:

— Это Манхэттен. Легкий, продуманный вызов вкусу здесь в моде.

Один из мальчиков, блондин, принес меню и ожидал нашего заказа.

Мы оба заказали фазана.

— Прекрасный выбор, — откликнулся мальчик чистым, бесстрастным голосом.

Он удалился, но вскоре вернулся, держа в руке связку только что задушенных птиц, и предложил нам сделать выбор. На момент смерти ему было не больше одиннадцати, а его кожа отличалась тем редким цветом, который знатоки называют «матовое стекло» — гладкая, без единого пятнышка и почти прозрачная. Я не сомневался, что он стоил целое состояние.

Мальчик собирался уходить, но, повинуясь неожиданному импульсу, я тронул его за плечо. Он повернулся ко мне.

— Как тебя зовут, сынок? — спросил я.

— Тимоти.

С такой же интонацией он мог перечислять фирменные блюда. Он подождал еще секунду — убедиться, что дальнейших распоряжений не последует, — и покинул нас.

Кортни проводила его взглядом.

— Он бы чудесно выглядел обнаженным, — мечтательно произнесла она. — В лунном свете, у обрыва. Определенно у обрыва. Возможно, того самого, где встретил свою смерть.

— Вряд ли он бы так хорошо выглядел, если бы в свое время упал с обрыва.

— О, не будь таким занудой.

Официант принес наше вино.

— «Шато Латур 17»? — Я поднял брови.

Лицо официанта отличалось сложностью черт — такие любил писать Рембрандт. С беззвучной легкостью он разлил вино по бокалам и исчез в полумраке ресторана.

— Бог мой, Кортни, ты соблазнила меня при помощи более дешевой марки.

Она покраснела, но без удовольствия. Карьера Кортни продвигалась успешнее моей. Если подумать, она продвигалась успешнее меня во всем. Мы оба понимали, кто умнее, обладает лучшими связями и имеет большую вероятность получить угловой кабинет с дорогим антикварным

столом. Единственным моим преимуществом на рынке брачных предложений оставалась принадлежность к мужскому полу. Чего было вполне достаточно.

— Это деловой ужин, Дональд, — ответила она. — Ничего больше.

Я придал лицу выражение вежливого сомнения, поскольку по опыту знал, что оно приведет Кортни в ярость. И, приступая к фазану, пробормотал:

— Несомненно.

Мы не затрагивали важные темы до десерта, но наконец я спросил:

— Как идут дела у Лоэб-Соффнер?

— Планируем расширение компании. Джим готовит финансовую часть предложения, а я занимаюсь персоналом. Мы думали о тебе, Дональд. — Она одарила меня хищным блеском зубов, который означал, что Кортни положила глаз на желаемое.

Кортни даже с натяжкой нельзя было назвать красивой женщиной. Но от нее исходила некая свирепая аура, будто что-то первобытное удерживается в тугой и ненадежной узде, и эта аура заставляла меня неудержимо ее желать.

— Ты талантлив, склонен к авантюрам и не слишком крепко держишься за свое место. Нам как раз требуются люди с подобными качествами.

Она поставила на стол сумку и достала из нее сложенный лист бумаги.

— Вот наши условия.

Кортни подвинула лист к моей тарелке и с наслаждением принялась за свой торт.

Я развернул бумагу.

— Но ведь это перевод без повышения.

— Зато неограниченные возможности для продвижения, — ответила она с полным ртом. — Если ты хорошо себя покажешь.

— Хм...

Я проверил обещаемый социальный пакет — он полностью соответствовал тому, что я имел сейчас. И моя теперешняя зарплата, с точностью до доллара; не иначе как мисс Соффнер хотела показать свою осведомленность. Пред-

ложение также включало право на приобретение акций компании.

— Странные условия для перевода.

И снова эта улыбка, словно акулий плавник в мутных водах.

— Я знала, что тебе понравится. Мы составили предложение по максимуму, потому что нам нужно получить твой ответ в короткие сроки, лучше всего сегодня. В крайнем случае завтра. И без торгов. Нам необходимо оформить договор как можно скорее. Когда дело станет достоянием общественности, разразится буря. Мы собираемся поставить фундаменталистов и либералов перед свершившимся фактом.

— Господи, Кортни, что за чудовище ты собираешься запустить в мир на этот раз?

— Огромное. Больше, чем «Эппл». Больше, чем «Хоум Виртуал». Больше, чем «Хай-Вак-IV», — с наслаждением произнесла Кортни. — Ты когда-нибудь слышал о биологических лабораториях Кестлера?

Я отложил вилку.

— Лаборатории Кестлера? Вы решили торговать трупами в розницу?

— Я тебя умоляю. Посмертными биологическими человеческими ресурсами. — В ее легком тоне слышалась должная ирония. И все же мне показалось, что я также уловил небольшую неловкость касательно природы товара.

— Вы на них много не заработаете. — Я махнул рукой в сторону наших заботливых официантов. — Они составляют от силы два процента от годового дохода. Зомби — это предмет роскоши: прислуга, обслуживающий персонал реакторов, голливудские каскадеры, экзотические услуги, — (мы оба знали, что я имею в виду), — максимум несколько сотен в год. На них нет спроса. Слишком велико отвращение.

— Недавно произошел прорыв в технологиях. — Кортни подалась вперед. — Они научились устанавливать инфраструктуры и чипы управления и готовы предложить новый продукт по заводской цене не дороже новой малолитражки. Что намного выше рентабельности производственных рабочих. Посмотри на предложение с точки зрения обычного фабриканта. Он и так урезает все затраты, а оплата труда

выжимает из него последние соки. Как еще ему конкурировать на сокращающемся потребительском рынке? А теперь представь, что он покупает наш пакет. — Она достала перьевую ручку и начала выписывать пункты на скатерти. — Никаких компенсаций. Никаких страховых обязательств. Никакой оплаты больничных. Никакого хищения. Мы говорим о возможности сократить затраты на персонал на две трети. Как минимум! От такого предложения невозможно отказаться, и мне наплевать на отвращение. По предварительным подсчетам, уже за первый год мы продадим пятьсот тысяч единиц.

— Пятьсот тысяч, — повторил я. — Это безумие. И где вы возьмете материал?

— В Африке.

— Боже мой, Кортни!

Я потерял дар речи от цинизма, который требовался для того, чтобы просто задуматься об извлечении прибыли из сахарской трагедии, о беззастенчивом перекачивании денег в карманы местных гитлеров, охраняющих тамошние лагеря. Кортни улыбнулась и слегка наклонила голову, что означало, что она украдкой проверяет время.

По ее знаку мальчики-зомби установили вокруг нас лампы, настроили проектор и включили его. Затрещали и замелькали помехи, вокруг нас поднялись стены темноты. Кортни достала плоский пульт управления и положила перед собой на стол. Три движения ухоженных ноготков, и на экране возникло лицо Марвина Кестлера.

— Кортни! — радостно воскликнул он. — Ты в Нью-Йорке, верно? В Сан-Морице. С Дональдом. — Крохотная пауза после каждого утверждения. — Вы пробовали медальоны из антилопы? — В ответ на наше отрицание он чмокнул кончики пальцев. — Они восхитительны! Слегка подвялены, а потом залиты моцареллой. Нигде больше их не умеют так готовить. Недавно я пробовал это же блюдо во Флоренции, но его даже сравнивать нельзя.

Я прочистил горло.

— Значит, вы в Италии?

— Давайте не думать, где я. — Кестлер пренебрежительно махнул рукой, отметая мелочи. Но лицо Кортни помрач-

нело. Индустрия похищения видных бизнесменов неудержимо развивалась, так что я сел в лужу. — Вопрос в другом — что вы думаете о моем предложении?

— Оно довольно... интересно. Для перехода.

— Это для начала. У нас полно кредитов. В долгосрочной перспективе ты выиграешь.

Внезапно он одарил меня широкой лихой улыбкой. Этакий деловой корсар. Потом наклонился вперед, понизил голос, заглянул мне в глаза. Классические приемы обращения с людьми.

— Тебя не надуют. Ты же знаешь, что Кортни тщательно проверила финансовую сторону. И тем не менее ты думаешь, что план не сработает. Чтобы получать прибыль, товар должен быть притягателен, а наш просто не может таким быть.

— Да, сэр, — ответил я. — Верно подмечено.

— Давай-ка заинтересуем молодого человека, — кивнул он Кортни. И добавил, обращаясь ко мне: — Мой лимо внизу.

Экран погас.

* * *

Кестлер ждал нас в лимузине, присутствия в виде призрачного розоватого изображения. Голограмма — или, скорее, зернистый призрак, парящий в золотистом свете. Он обвел гостеприимным иллюзорным жестом салон машины и предложил:

— Будьте как дома.

Водитель надел военные фотоувеличительные очки. Они придавали ему сходство с насекомым, и я не мог бы сказать с уверенностью, мертв он или нет.

— Отвези нас в «Небеса», — приказал Кестлер.

Швейцар отошел от дверцы, оглядел улицу и кивнул водителю. Автоматические камеры-пушки следили за нашим продвижением по кварталу.

— Кортни сказала мне, что вы получаете сырье из Африки.

— Несколько неприятно, но необходимо. Для начала. Прежде всего нам необходимо продать идею, так что не стоит усложнять себе жизнь. Но не вижу причин, почему бы позже

нам не использовать национальные ресурсы. Что-то в духе обратной закладной[1] — возможно, своего рода страховка, которая выплачивается при жизни. В любом случае таким образом мы избавимся от малообеспеченных семей. К чертовой матери. Слишком долго они получали все задаром; пришла пора платить по счетам — пусть умирают и становятся нашими слугами.

Я был почти уверен, что Кестлер шутит. Но на всякий случай улыбнулся и наклонил голову.

— Что такое «Небеса»? — спросил я, чтобы перевести разговор на более безопасную территорию.

— Место испытания будущего, — с удовлетворением пояснил Кестлер. — Вы когда-нибудь видели кулачные бои?

— Нет.

— О, это спорт джентльменов! Самая сладкая наука. Без раундов, без правил, без судей. Только там можно узнать истинную цену человека, не только его силу, но и характер. Как он себя держит, умеет ли сохранять хладнокровие, как терпит боль. Служба безопасности не разрешает мне посещать клубы лично, но я принял меры.

* * *

«Небеса» оказались перестроенным кинотеатром в захудалом квартале Куинса[2]. Водитель вышел из машины, ненадолго скрылся позади нее и вернулся с двумя телохранителями-зомби. Как фокусник.

— Вы держите их в багажнике? — спросил я, когда он открыл нам дверь.

— Это новый мир, — ответила Кортни. — Привыкай.

Клуб оказался переполнен. Две, а может, три сотни мест, причем только стоячие. Смешанная клиентура, в основном черные, ирландцы и корейцы, но среди них встречались и люди более высокого класса. Не только бедным требуется периодический всплеск адреналина. Никто не обратил на нас внимания. Мы подоспели как раз к представлению бойцов.

---

[1] *Обратная закладная* — закладная, по которой банк предоставляет заем на сумму, составляющую определенный процент от оценочной стоимости дома. Заем выплачивается домовладельцу в виде ренты.

[2] *Куинс* — район Нью-Йорка.

— Вес двести пятьдесят фунтов, черные шорты с красной полосой, — надрывался рефери, — страшный гангстер, задира, человек с...

Мы с Кортни поднялись по черным грязным ступенькам. Начинали и замыкали нашу процессию телохранители, будто мы шли в патруле по джунглям во время какой-нибудь войны двадцатого столетия. Тощий, с пивным животом старикашка с влажной сигарой во рту отпер нашу ложу. Липкий пол, плохие сиденья, отличный вид на ринг внизу. Серые пластиковые маты, клубы дыма.

Кестлер уже ждал нас в виде новенькой, с иголочки голограммы. Он напомнил мне пластмассовых Мадонн в раскрашенных ванночках, которых католики выставляют у себя во дворах.

— Ваша постоянная ложа? — спросил я.

— Все это ради вас, Дональд, ради вас и других избранных. Мы выставляем наш товар против одного из местных талантов. По договоренности с администрацией. То, что вы сейчас увидите, навсегда развеет все сомнения.

— Тебе понравится, — добавила Кортни. — Я хожу сюда уже пять дней подряд. Включая сегодняшний.

Зазвенел колокол, схватка началась. Кортни жадно наклонилась вперед, облокотившись на перила.

Зомби с серой кожей выглядел умеренно мускулистым, особенно для бойца. Но он держал руки в боевой готовности, отличался подвижностью и удивительно спокойным и знающим взглядом.

Его оппонент был настоящим амбалом: высокий черный парень с типичными африканскими чертами, слегка скособоченными, так что его рот постоянно кривился в ухмылке. На груди красовались бандитские шрамы, но еще более уродливые отметины украшали спину, причем они не выглядели искусственными, он явно заработал их на улицах. Его глаза горели напряжением на грани безумия.

Он двинулся вперед осторожно, но без страха и сделал несколько быстрых ударов, чтобы примериться к противнику. Удары были отражены, контрудары нанесены.

Бойцы обходили друг друга по кругу, выискивая слабое место.

Примерно с минуту ничего не происходило. И тут гангстер нанес обманный удар в голову зомби, заставив того поднять защиту, нырнул в открывшуюся брешь и ударил его ниже пояса так сильно, что я поморщился.

Никакой реакции.

Мертвый боец ответил серией ударов и сумел вскользь задеть бандита по щеке. Бойцы отскочили в стороны и снова закружили по рингу.

Потом амбал ринулся в атаку, нанося сокрушительные удары, — казалось, он должен переломать противнику все ребра. Толпа вскочила на ноги, ревом выказывая одобрение.

Зомби даже не пошатнулся.

Он перешел в контратаку, тесня гангстера к канатам, и в глазах того появилось странное выражение. Я с трудом мог себе представить, каково это — всю жизнь полагаться на свою силу и способность терпеть боль и вдруг встретить противника, для которого боль ничего не значит. Схватку можно выиграть или проиграть, если не вовремя дернуться или замешкаться. Если соблюдать хладнокровие, ты выиграл. Если позволить себя смутить, ты проиграл.

Несмотря на самые сильные удары, зомби сражался спокойно, методично, без устали. Как ему и полагалось.

Должно быть, на гангстера это действовало уничтожающе.

Схватка все продолжалась. На меня она производила странное и отвратное впечатление. Спустя некоторое время я уже не мог смотреть на ринг и принялся изучать линию подбородка Кортни, думая о сегодняшней ночи. Ей всегда нравился секс на грани нездоровых фантазий. Когда я находился с ней в постели, меня не покидало чувство, что она очень хочет попробовать что-то по-настоящему грязное, но никак не наберется смелости предложить.

Поэтому меня постоянно подстегивало желание заставить ее переступить через себя и попробовать что-то, ей неприятное. Кортни обычно отличалась упрямством; я никогда не решался предложить более одного эксперимента зараз. Но я всегда мог уговорить ее на этот один эксперимент. Потому что в возбуждении она становилась податливой. Ее можно было уговорить на что угодно. Ее можно было заставить просить об этом.

Наверное, узнай Кортни, что я вовсе не гордился тем, что с ней делал, — скорее, наоборот, — она бы очень удивилась. Но я был одержим ею, так же как она была одержима чем-то своим.

Вдруг Кортни с криком вскочила на ноги. Голограмма показывала, что Кестлер тоже поднялся. Амбал висел на канатах, и зомби избивал его. С каждым ударом изо рта гангстера летели слюна и кровь. Потом он упал; с самого начала у него не было шансов. Должно быть, он и сам понимал, что схватка безнадежна, что ему не выиграть, но он отказался признать поражение. Для этого его пришлось избить до смерти. Он проиграл, но проиграл яростно, гордо и без жалоб. Я не мог не восхищаться им.

Тем не менее он все равно проиграл.

Я понимал, что послание предназначалось мне. Рекламировалась только конкурентоспособность товара, но и тот факт, что выиграют лишь те, кто его поддержит. В отличие от зрителей клуба я понимал, что наблюдаю конец эпохи. Человеческое тело больше ничего не стоило. Технология могла все сделать лучше. Число неудачников во всем мире только что удвоилось, утроилось, достигло максимума. Дураки вокруг ринга болели за гибель своего будущего.

Я поднялся и присоединился к радостному реву.

* * *

— Ты увидел свет. Теперь ты веришь, — заявил Кестлер потом, в лимузине.

— Я еще не решил.

— Хватит валять дурака. Я хорошо подготовился, мистер Николс. Ваша теперешняя должность не особо надежна. «Мортон-Вестерн» летит в трубу. Весь сектор обслуживания летит в трубу. Придется признать, что старый экономический порядок практически мертв. Конечно же, вы примете мое предложение. У вас нет другого выбора.

Факс выплюнул пачку листов контракта. Тут и там мелькали слова «наш продукт». Трупы нигде не упоминались.

Но когда я полез в куртку за ручкой, Кестлер меня остановил.

— У меня есть производство. Три тысячи подчиненных. Очень сознательных подчиненных. Чтобы сохранить свою работу, они пройдут сквозь огонь и воду. Хищения на нуле. Больничные тоже. Приведите мне одно преимущество, которое ваш товар имеет перед моими рабочими. Продай мне его. Я даю тебе тридцать секунд.

Я никогда не занимался маркетингом, да и работу мне уже пообещали. Но стоило мне потянуться за ручкой, как я показал, что хочу ее. И мы все знали, кто держит в руках кнут.

— Им можно вставить катетеры, — сказал я. — Не придется отпускать в туалет.

Долгое время Кестлер тупо смотрел на меня. Потом он взорвался смехом.

— Бог ты мой, впервые такое слышу! У вас большое будущее, Дональд. Добро пожаловать в команду.

Голограмма погасла.

Какое-то время мы ехали молча, без определенной цели. Потом Кортни наклонилась вперед и постучала по плечу шофера.

— Отвези меня домой, — приказала она.

* * *

Когда мы проезжали по Манхэттену, меня терзали видения, что мы едем по городу трупов. Серые лица, безжизненные движения. В свете фар и тусклых натриевых фонарей все вокруг выглядели мертвыми. Проезжая мимо Детского музея, через стеклянные двери я увидел женщину с коляской и двумя маленькими детьми. Все трое стояли неподвижно и глядели в никуда пустыми глазами. Мы проехали магазинчик, и на тротуаре около него стояли зомби и попивали из спрятанных в бумажные пакеты бутылок. Через окна верхнего этажа я видел грустную радугу виртуальных каналов, мелькающую перед пустыми глазами. Зомби гуляли в парке, зомби курили сигареты, зомби вели такси, сидели на ступеньках и болтались на углах улиц, и все они ждали, пока пройдут годы и плоть опадет с их костей.

Я чувствовал себя последним живым человеком.

* * *

После схватки Кортни все еще была потной и возбужденной. Когда я шел за ней по коридору к ее квартире, феромоны расходились от нее волнами. Она воняла страстью. Я невольно вспоминал ее перед оргазмом: доведенной до грани, такой желанной. После она становилась другой, ее накрывала волна спокойной уверенности, схожей с той, что она демонстрировала в деловой жизни, — тот апломб, который она отчаянно и безуспешно искала во время самого акта.

И когда отчаяние покидало ее, вместе с ним уходил и я. Потому что даже я понимал, что меня влекло к ней только это отчаяние, именно оно заставляло меня проделывать все то, что ей требовалось. За все годы, что я ее знал, мы ни разу не завтракали вместе.

Я мечтал найти способ вычеркнуть ее из уравнения. Мне хотелось, чтобы ее отчаяние превратилось в жидкость, и тогда я бы выпил ее до дна. Бросил ее в винный пресс и выжал досуха.

Кортни отперла дверь квартиры, одним замысловатым движением протиснулась внутрь и повернулась лицом ко мне.

— Ну, — сказала она. — Очень продуктивный вечер. До свидания, Дональд.

— «До свидания»? Разве ты не собираешься меня пригласить?

— Нет.

— Как это «нет»? — Я начинал злиться. Даже слепой с другого конца улицы мог увидеть, что ей не терпится. Любой шимпанзе без проблем залез бы ей под юбку. — Что за идиотскую игру ты затеяла?

— Дональд, ты знаешь, что означает слово «нет». Ты не дурак.

— Это точно, и ты тоже не дура. Мы оба прекрасно знаем ставки. А теперь впусти меня.

— Надеюсь, тебе понравится подарок, — сказала она и захлопнула дверь.

* * *

Подарок Кортни я обнаружил в своем номере. Меня все еще распирало от злости, когда я вошел в номер и хлопнул

дверью. Я оказался практически в полной темноте. Единственный свет проникал через задернутые занавески на окне в дальнем конце комнаты. Я потянулся к выключателю, и тут в темноте комнаты кто-то шевельнулся.

«Воры!» — промелькнуло в голове, и я в панике рванулся к выключателю, сам не зная, чего собираюсь этим добиться. Кредитные воры всегда работают втроем: один выбивает пароли, другой по телефону переводит деньги с вашего счета, а третий стоит на стреме. Может, я надеялся, что если включить свет, то они разбегутся, как тараканы? Так или иначе, я едва не споткнулся, торопясь добраться до выключателя. Но меня ожидало совсем не то зрелище, которого я опасался.

Меня ждала женщина.

Она стояла у окна в белом шелковом платье, которое не умаляло ее воздушной красоты, не затмевало фарфоровой кожи. Когда зажегся свет, она повернулась ко мне: глаза распахнулись, губы приоткрылись. Она грациозно подняла обнаженную руку — полные груди слегка качнулись — и протянула мне лилию.

— Здравствуй, Дональд, — с придыханием сказала она. — Сегодня я буду твоей.

Она была само совершенство.

И конечно, она была мертва.

* * *

Двадцати минут не прошло, как я уже ломился в квартиру Кортни. Она открыла дверь в пеньюаре от Пьера Кардена, и по тому, как она придерживала пояс, и беспорядку, в котором пребывали ее волосы, я сразу понял, что меня не ждали.

— Я не одна, — сразу заявила Кортни.

— Я пришел сюда вовсе не за сомнительными дарами твоей белоснежной плоти.

Я протиснулся в квартиру. Но поневоле мне вспомнилось ее красивое тело — пусть не настолько совершенное, как у мертвой проститутки, — и тут мысли неумолимо перепутались у меня в голове: смерть и Кортни, секс и трупы... Гордиев узел, и я не знал, сумею ли его распутать.

— Тебе не понравился мой подарок? — Кортни открыто улыбалась.

— К чертям собачьим твой подарок!

Я шагнул к ней. Меня трясло, руки сами собой сжимались в кулаки и разжимались.

Она отступила на шаг. Но самоуверенное, странно выжидающее выражение не покидало ее лица.

— Бруно, — негромко позвала она. — Выйди к нам.

Краем глаза я уловил движение. Из затемненной спальни вышел Бруно. Мускулистый бык, накачанный, с перекатывающимися мускулами и иссиня-черной кожей, как боец, чье поражение я видел сегодня вечером. Он встал за спиной Кортни, не стесняясь своей наготы: узкие бедра, широкие плечи и такая гладкая чистая кожа, какой я сроду не видел.

Мертвый.

В одно мгновение меня озарило.

— О господи, Кортни! — с отвращением воскликнул я. — Не могу поверить, что ты... Ведь это всего лишь послушное тело. В нем ничего нет — ни страсти, ни близости, одно только тело.

Кортни, не переставая улыбаться, дернула губами, будто обдумывала последствия того, что собиралась сказать. И все же не сдержалась:

— Теперь мы на равных.

И тут я сорвался. Я шагнул к ней, занося руку, и клянусь, я всерьез собирался стукнуть эту сучку головой о стену. Но она даже не дернулась — она даже не испугалась. Она просто отступила в сторону и сказала:

— По корпусу, Бруно. Он должен безупречно смотреться в костюме.

Мертвый кулак ударил меня в ребра с такой силой, что на секунду мне показалось, будто сердце вот-вот остановится. Потом Бруно ударил меня в живот, и я согнулся пополам, хватая ртом воздух. Два, три, четыре удара. Я уже не мог стоять и катался по полу, беспомощно рыдая от злости.

— Хватит, детка. Теперь выброси мусор.

Бруно выкинул меня в коридор.

Сквозь слезы я прожигал Кортни взглядом. Сейчас она вовсе не казалась мне красивой. Совсем не казалась. Мне

хотелось сказать ей, что она стареет. Но вместо этого я выдавил:

— Ты, сволочь... да у тебя некрофилия!

— Привыкай, — ответила Кортни. О, она откровенно мурлыкала! Сомневаюсь, что ей когда-нибудь снова удастся пережить такой же триумф. — Полмиллиона таких, как Бруно, скоро попадут на рынок. И тебе придется потрудиться, чтобы снять *живую* женщину.

* * *

Я отослал домой мертвую проститутку. Потом принял душ, но не почувствовал себя лучше. Не одеваясь, я вышел из душа в темный номер и отдернул занавеску. Долгое время я смотрел на темное великолепие Манхэттена.

Я боялся сильнее, чем когда-либо в жизни.

Трущобы внизу простирались до бесконечности. Огромный некрополь, нескончаемый город мертвых. Я думал о миллионах людей, которые вскоре навсегда лишатся работы. Я думал о том, как сильно они должны ненавидеть меня — меня и мне подобных — и как они беспомощны перед нами. И все же. Их так много, а нас так мало. Если они поднимутся разом, все вместе, как цунами, их будет не остановить. И если в них осталась хоть крохотная искра жизни, именно так они и поступят.

Так выглядел один из вероятных путей будущего. Но оставался и другой, а именно — ничего не случится. Абсолютно ничего.

И я не знал, чего бояться больше.

ДАРРЕЛЛ ШВЕЙЦЕР

Мертвый мальчик

Даррелл Швейцер — автор романов «Расколотая богиня» («The Shattered Goddess») и «Колдовская маска» («The Mask of the Sorcerer»), а также многочисленных коротких рассказов, вышедших в таких сборниках, как «Мимолетное» («Transients»), «Пейзажи ночи» («Nightscapes»), «Беглецы из страны воображения», («Refugess From an Imaginary Country») а также «Некромантия и адские миры» («Necromancies and Netherworlds»). Широко известный в качестве редактора и критика, Швейцер в течение нескольких лет участвовал в издании журнала «Weird Tales», а в данный момент, совместно с редактором Мартином Х. Гринбергом, — антологий для «DAW Books», таких как, например, «Секретная история вампиров» («The Secret History of Vampires»).

Как говорит сам Швейцер, вдохновение для рассказа «Мертвый мальчик» он черпал, помимо прочего, в реальной истории «Мальчика-из-Коробки», чье тело было найдено в лесах Северо-Восточной Филадельфии в 1957 году. Это происшествие так и не было раскрыто, хотя некоторые из полицейских следователей буквально помешались на нем, не оставляя расследования на протяжении всей своей службы и даже после выхода на пенсию. «Они не узнали даже его имени, — замечает Швейцер. — Абсолютная загадка».

Швейцер однажды сказал, что, учитывая всю таинственность, окружающую этот случай, рассказ про зомби был бы не худшим объяснением, чем любое другое. Из одного — весьма ненадежного — источника мы узнали, что мальчика звали Джонатан, как и в этом рассказе.

Так что, возможно, это и есть настоящее объяснение.

С тех пор прошло немало лет, но, кажется, страх перед Люком Брэдли — и перед тем, что он тогда показал, — все еще не оставил меня.

Я знал Люка с первого класса. Уже в то время Брэдли был крутым парнем — таким, который будет сидеть на

канцелярской кнопке и утверждать, что ему совершенно не больно, а потом заставит тебя сесть на ту же кнопку, и ты послушаешься как миленький (как бы взаправду больно это ни было) из страха, что, если откажешься, он сделает с тобой нечто еще похуже. Однажды он нашел на дереве гнездо пятнистых ос, отломал его вместе с веткой и, размахивая ею и завывая, бежал по улице, пока гнездо не развалилось и осы не высыпали из него, подобно жужжащему облаку. Никто не знал, что случилось дальше, потому что все мы, остальные, к тому времени разбежались кто куда.

Несколько дней мы не видели Люка в школе: полагаю, его все-таки здорово покусали. Объявился он, впрочем, ничуть не изменившимся и в первое же утро побил троих других мальчишек. Двоим из них пришлось накладывать швы.

Когда мне было около восьми, по округе пронесся слух, что Люка Брэдли сожрал волк-оборотень.

— Идемте, — сказал Томми Хитченс, подпевала Люка на тот момент. — Я покажу вам, что от него осталось. Там, на дереве.

Сам я не верил, что какой-то оборотень мог бы справиться с Люком Брэдли, но все равно пошел. Когда Томми показал нам то, что должно было изображать человеческие останки высоко в ветвях, я уже издали понял, что это всего лишь футболка и джинсы, набитые газетами.

О чем я и заявил, а в ответ Томми сбил меня с ног своим коронным ударом справа, сломав мне кулаком нос и очки.

Нос мой оказался в гипсе, а Люк на следующий день как ни в чем не бывало появился в школе, обозвал меня «девчонкой» и врезал по яйцам.

Уже тогда он был огромным — и, вероятно, старше на пару лет всех остальных детей в классе. Хотя он ни за что не признался бы в этом, каждому было известно, что Люк оставался на второй год даже в детском саду.

Однако же он не был глуп. Он был безумен. Именно в этом состояла вся прелесть того, чтобы ошиваться вокруг Брэдли, хотя в его компании было проще простого обеспечить себе различные телесные повреждения. Он вытворял

дичайшие вещи — такие, о которых никто другой и помыслить не мог. Например, та выходка с осиным гнездом или еще случай, когда Люк голыми руками собирал свежее собачье говно и утверждал, что съест его прямо на наших глазах, пока всех не затошнило и мы не разбежались, боясь, что он и нас заставит есть. Возможно, сам он и сожрал дерьмо. Люк был таким человеком, для которого правила, все правила, были не писаны. То, что его регулярно оставляли после уроков и пару раз даже задерживала полиция, только добавляло ему мистического ореола.

И вот тем летом, когда мне исполнилось двенадцать, Люк Брэдли показал мне мертвого мальчика.

Похождения Люка к тому времени становились все удивительнее. Никто не верил всему, что о нем рассказывали, хоть он и готов был выколотить дурь из любого, кто посмел бы высказать сомнения ему в лицо. Действительно ли он угонял машину? Висел ли он на подножке электропоезда Западно-Филадельфийской железной дороги до самой Филадельфии и не попался?

Никто не знал этого доподлинно, но когда Люк подошел ко мне и моему десятилетнему брату Альберту со следующими словами, нам вовсе не хотелось ни о чем его расспрашивать.

— Эй, вы, двое придурков! — Слово «придурок» было у Брэдли в то время излюбленным. — В лесу у Воровского ручья есть мертвый мальчик. Хотите глянуть?

Альберт повернулся и был уже готов бежать.

— Дэвид, не надо этого делать, — сказал он.

Но я-то знал, что было лучше для нас обоих.

— Конечно, — ответил я Люку. — Точно, мы хотим глянуть.

Люк на тот момент был выше на голову любого из нас и на пятьдесят фунтов тяжелее. Он уже тогда изображал из себя «настоящего хулигана», опираясь на побитый молью образ то ли Джеймса Дина, то ли Элвиса: зачесывал волосы сальным вихром, надевал черную кожаную куртку и не снимал ее даже в самые жаркие дни, вместо этого расстегивая рубаху — заодно показать, что у него уже растут волосы на груди.

На губах у него болталась сигарета, и теперь он выдохнул дым прямо мне в лицо. Я постарался не закашляться.

— Ну, тогда двинули, — ответствовал он. — Будет реально круто.

И мы с ним пошли впереди, а за нами потянулись двое ребят Люка, одного из которых все звали Зверь, а второго — Шип. Эти парни, как утверждал Брэдли, были его самой настоящей бандой, вместе с которой он однажды прославится и будет знаменитым на весь мир. Мой младший братик потащился следом за всеми: сперва с неохотой, но потом, зачарованный возможностью быть посвященным в тайну из разряда самых глубоких, запретных, наиболее взрослых и страшных, даже увлекся.

Люк обладал немалой способностью обставлять все, что вытворял, по-настоящему зрелищно. Он вел нас через кусты, пролезал по естественным туннелям под лозами и мертвыми деревьями, где мы, когда были младше, устраивали свои тайные убежища — как, я полагаю, делают все дети. Люк и его компания стали уже великоваты для подобного рода забав и просто ломились через подрост, подобно медведям. Я был достаточно мелким и тощим, Альберт — еще маленьким по своему возрасту. Поэтому мы не отставали от старших.

Играя на публику, Люк картинно приподнял покров из лоз, и мы вышли к наполовину заброшенному Рандорскому полю для гольфа. Было раннее субботнее утро, скверно ухоженная трава все еще дышала туманом. Вдали я увидел только одного игрока. В остальном мир целиком принадлежал нам.

Мы перебежали поле и железную дорогу на Ланкастер, затем устремились вверх по склону холма и снова углубились в лес на другой его стороне.

Я лишь на минуту задумался: «Подождите-ка, мы собираемся поглядеть на труп, на парня вроде нас, только мертвого...» Но, как уже было сказано, для Люка Брэдли и любого, кто увязался за ним, все правила временно отменялись. Так что мне определенно не хотелось спрашивать, отчего умер тот парень, тем более что вскоре я и сам должен был все увидеть.

И снова мы шли по лесу, скрытыми извилистыми дорожками пробираясь к старому форту — собственности многих

поколений мальчишек до нас. В то время он, конечно, находился в полной власти банды Люка Брэдли.

Не знаю, кто соорудил этот форт и для чего. Представлял он собой квадратное строение с наполовину земляными, наполовину сложенными из камня стенами и дощатой крышей. Все это настолько густо поросло лозами, что издалека было похоже на старый отвал земли или просто небольшой холм. Это составляло часть тайны: нужно было знать, что форт находится там, чтобы найти его.

И только Люк мог дать разрешение войти внутрь.

Он приподнял еще одно покрывало из лоз и, с поклоном взмахнув рукой, произнес.

— Добро пожаловать в мое поместье, козлы.

Шип и Зверь загоготали, а мы с Альбертом опустились на четвереньки и проползли внутрь.

И сразу же я едва не подавился ужасным зловонием, похожим на запах гниющего мусора, только гораздо хуже. Альберт закашлялся. Я подумал, что меня вот-вот вырвет. Но, прежде чем мне удалось что-то сказать или сделать, Люк и двое его подпевал залезли следом за нами, и всем нам пришлось сгрудиться вокруг ямы в земляном полу — раньше ее здесь не было. Теперь там зияла почти квадратная дыра футов четырех в глубину, и на дне ее стояла картонная коробка. Она, похоже, и была источником невообразимого зловония.

Люк достал карманный фонарик, затем дотянулся и открыл коробку.

— Это мертвый мальчик. Я его в лесу нашел, в этой коробке. Теперь он мой.

Я не мог удержаться от того, чтобы посмотреть. И правда, внутри лежал мертвый ребенок — истощенное бледное существо, нагое, если не считать того, что, вероятно, было остатками нечистых подштанников. Ребенок лежал на боку, скорчившись в позе эмбриона и сжав под подбородком руки, похожие на клешни.

— Мертвый мальчик,— повторил Люк.— Реально круто.

В это мгновение Альберта взаправду начало тошнить. Он закричал и закопошился, стараясь выбраться наружу, но Зверь и Шип поймали его за рубашку, словно котенка

за шкирку, и передали обратно Люку. Тот принялся тыкать головой Альберта вниз, в яму, приговаривая:

— Смотри, смотри, ты, долбаная девчонка, ты, пидор. Видишь, это реально круто!

Альберт уже не пытался бежать, только всхлипывал и давился соплями, когда Люк его отпустил. И я тоже остался на месте, даже когда Люк взял в руки ветку и начал тыкать ею в мертвого ребенка.

— Вот теперь будет самое интересное, — заявил он.

Да, я остался на месте. Я не мог не смотреть дальше — хотя бы для того, чтобы убедиться, что не сошел с ума из-за увиденного.

Люк ткнул мертвого мальчика, и тот пошевелился — сначала конвульсивно, затем слабо ухватился за ветку в руках Люка и наконец принялся ползать внутри коробки, подобно сонному, неуклюжему зверьку, цепляясь за картон кончиками иссохших пальцев.

— Что он такое? — не мог не проговорить я.

— Зомби, — ответствовал Люк.

— А зомби не должен быть черным?

— Ты имеешь в виду — ниггером? — Это было еще одно из любимых словечек Люка в тот год. Впрочем, так он называл всех подряд, вне зависимости от цвета кожи.

— Ну, сам понимаешь. Вуду... Гаити и все такое.

Пока мы говорили, мертвый мальчик приподнялся и едва не вылез из коробки. Люк толкнул его в лоб своей палкой и опрокинул назад.

— Думаю, если мы оставим его погнить еще какое-то время, он станет достаточно черным, чтобы даже тебе понравилось.

Мертвый мальчик теперь неотрывно глядел на нас, издавая блеющий звук. Самое ужасное заключалось в том, что у него не было глаз — только огромные впадины, заполненные грязной слизью.

Альберт к тому времени мог уже только хныкать и звать маму, а Люк и его приятели, еще немного потыкав и погоняв мертвого мальчика палкой, вскоре утомились этой забавой. Люк обернулся ко мне и сказал:

— Теперь можете идти. Но сам знаешь, если ты или твой ссыкун-братец расскажете кому-нибудь об этом, я вас убью обоих и принесу сюда, чтобы мертвый мальчик мог поесть.

Я не очень хорошо помню, что мы с Альбертом делали в продолжение того дня. Мы бежали сквозь лес — это точно, падали, окунались лицами в ручей... Потом бродили вдоль старой железнодорожной насыпи, переворачивая устилавшие ее плиты в поисках притаившихся там змей, и все это время Альберт не переставая говорил о мертвом мальчике и о том, что мы не можем просто так это оставить. Я позволил ему выговориться, затем мы отправились домой ужинать и сидели тихо-тихо, пока мама и отчим Стив пытались выяснить, чем мы занимались весь день.

— Просто играли, — отвечал я. — В лесу.

— Им полезно гулять и играть на природе, — сказал Стив маме. — В наше время слишком много детей проводят все время перед телевизором и впитывают оттуда всякие нездоровые вещи. Я так рад, что уж наши-то дети нормальные.

Но Альберту, как оказалось, еще долгие недели предстояло кричать во сне и мочиться в постель. В результате все события, что происходили тем летом, были как никогда далеки от нормальных. Проблемы брата с головой оказались слишком очевидны, так что именно ему из нас двоих предстояло в конце концов пережить визиты к специалисту. Но что бы Альберт ни наговорил в ходе терапевтических сеансов, ему не поверили. Никакая полиция не перевернула лес около Воровского ручья вверх дном, Люк Брэдли и его неандертальцы не были арестованы; про меня же все более или менее забыли.

Вышло так, что у меня оказалось гораздо больше свободного времени, чем было прежде. Я использовал это время для того, чтобы размышлять над своей собственной жизнью: например, над тем, как ненавистны мне школа и отчим Стив, невыносимый ханжа и педант. Со всей мудростью двенадцати лет и нескольких месяцев я принял решение, что если хочу выжить в этом грубом, жестком, злом мире, то и сам должен стать грубым, плохим и, скорее всего, злым.

И я решил, что Люк Брэдли сможет ответить на все мои вопросы.

Теперь уже я сам искал встречи с ним, и найти ее было не сложно. Люк обладал удивительной способностью оказываться в нужном месте именно в то мгновение, когда ты собирался продать ему душу. Короче, прямо как у дьявола.

Мы встретились в городе, перед витриной «Города игрушек» Уэйна, где я обычно покупал сборные модели. Мне нравилось строить эти модели, и еще собирать научные головоломки, но в этом я никогда бы не признался Люку Брэдли.

Так что мне оставалось лишь застыть на месте, увидев его там.

— Вот так вот, — произнес Люк. — Не маленького ли трусливого козла я вижу?

Он дохнул дымом своей неизменной сигареты.

— Привет, Люк, — отозвался я.

Затем кивнул его свите, состоявшей из Шипа, Зверя и почти лысого, бледного, похожего сложением на гориллу парня, который носил неожиданную для него кликуху Весельчак. Здороваясь, я успел сунуть в рюкзак свою последнюю покупку из магазина игрушек, надеясь, что никто не обратит на нее внимания.

Весельчак сграбастал меня за загривок и вопросил:

— Чего мне с ним сотворить?

Прежде чем Люк успел ответить, я обратился к нему:

— Эй, а мертвый мальчик все еще у тебя в форту?

Вся компания помедлила. Этого они не ожидали.

— Ну, просто он такой клевый, — продолжал я. — Хочу еще раз на него поглядеть.

— Хорошо, — отозвался Люк.

Поскольку никак иначе добраться до форта было невозможно, мы отправились пешком и почти час шли до леса возле Воровского ручья. На этот раз Люк не стал размениваться на церемонии. Мы просто залезли внутрь форта и сгрудились вокруг ямы.

Запах там, если это только возможно, был еще хуже.

И мертвый мальчик — на этот раз уже сам по себе — двигался внутри коробки. Когда Люк отогнул картонную крышку, зомби поднялся и уставился на нас ужасающими,

заполненными гноем глазными впадинами. Он снова издавал этот блеющий, жалобный звук и хватался пальцами за край коробки.

— По-настоящему клево,— выдавил я из себя и тяжело сглотнул слюну.

— Он у меня умеет выделывать трюки,— сказал Люк.— Гляди.

И мне ничего не оставалось, как смотреть. Люк продел палец сквозь кожу на подбородке мертвого ребенка и вытянул его из ямы, как попавшуюся на крючок рыбу. Мертвый мальчик вскарабкался на край коробки, затем, уставясь в никуда, припал к краю земляного пола.

Люк медленно провел рукой перед лицом мертвого мальчика. Щелкнул пальцами. Ребенок никак не отреагировал. Тогда Люк ударил его по щеке. Мертвый мальчик тихонько захныкал и вновь издал тот же блеющий звук.

— Всё, выходим,— скомандовал Люк.

Все мы выползли наружу, а затем Люк потянулся назад какой-то палкой, ткнул ею мертвого мальчика, и тот выбрался следом за нами. Он цеплялся за палку, пытался грызть дерево, но движения были неловкими, и по большей части зомби просто щелкал зубами в воздухе и обдирал о палку лицо.

Теперь он был передо мной как на ладони. И он действительно гнил — так, что кости торчали из коленей и локтей, на голове остались лишь жалкие островки темных волос, все ребра до единого выдавались на голой спине зловещим рельефом, а между ними в коже зияли настоящие дыры.

— Глянь сюда! — произнес Люк.— Смотри, как он танцует!

Он принялся вертеть палкой — еще и еще раз по кругу,— и мертвый мальчик, цеплявшийся за нее, спотыкаясь, кружился вместе с ней.

Подал голос Весельчак:

— Прикиньте, если у него голова закружится, его, думаете, вырвет?

Люк выдернул палку из рук мертвого мальчика и с отчетливым шмякающим звуком ударил его по спине. Ребенок упал на четвереньки и так застыл, свесив голову.

— Не может его вырвать. У него внутренностей не осталось!

На это все они рассмеялись. Мне было не очень понятно, что тут смешного.

Но, несмотря на свое отвращение, я старался как мог уловить, понять, что же во всем этом есть привлекательного. Хотелось мне этого или нет, но я все еще был более или менее нормальным ребенком, у которого в школьном ранце лежала несобранная пластиковая модель триплана марки «Фоккер»... И все же я хотел встать наравне с Люком Брэдли, несмотря на то что боялся его сильнее, чем когда-либо. Я решил для себя, что и необходимо бояться того, что ты делаешь, и тех, с кем водишься, для того чтобы быть по-настоящему плохим парнем. Нужно поступать так, как поступает Люк. В этом и состояла вся суть моего бунта.

Так что я расстегнул ширинку и помочился на мертвого мальчика. Он лишь снова заблеял. Остальные парни нервно захихикали, но Люк довольно ухмыльнулся:

— Круто, Дэви, очень круто, мой мальчик. Реально круто.

С этого момента Люк взял себе роль умудренного старшего брата. Он положил мне руку на плечи, отвел в сторону от остальных и проговорил:

— Ты мне нравишься. Кажется, у тебя есть в котелке что-то такое особенное.

Он постучал мне костяшками по голове, и больно, но я не поморщился и не отодвинулся.

Затем он отвел меня обратно к остальным и произнес:

— Думаю, надо взять Дэвида, вот этого парня, в нашу банду.

После чего мы все расселись на полянке, окружив мертвого мальчика, будто и он тоже был членом нашей компании. Люк вытащил из форта старый портфель, а из него — чрезвычайно помятые журналы с обнаженными моделями, и мы принялись передавать их по кругу, разглядывая картинки. Наш предводитель даже не забыл с большой показухой продемонстрировать один из разворотов мертвому мальчику, чтобы он тоже насладился зрелищем. И это было весьма забавно.

Люк курил и передал по сигарете остальным. Я никогда не пробовал курить, так что мне стало плохо, но Люк на-

учил меня, как задерживать дым в легких, а затем медленно выдыхать.

Я был ошеломлен, шокирован, когда на виду у всех он расстегнул ширинку и принялся мастурбировать. Остальные парни поступили так же, не забывая целиться в мертвого мальчика.

Люк глянул на меня.

— Ну же, присоединяйся к остальным джентльменам.

«Джентльмены» заржали как ослы.

Я не мог даже пошевелиться. По-настоящему желая стать таким, как они, я понял, что не смогу. Все, на что я мог теперь надеяться, — это сделать хорошую мину при плохой игре. Тогда, возможно, они бы не решили, что я девчонка, и, лишь немного потузив, отпустили восвояси.

Но у Люка были другие планы. Он снова положил руку мне на плечи. Этот жест казался почти дружелюбным, но если бы Люк вздумал сжать руку покрепче, он преспокойно сломал бы мне шею. И я ничего не смог бы поделать.

— Ну же, Дэвид, — произнес Люк. — Мне наплевать, есть ли у тебя вообще мужское достоинство, у тебя или вот у него, — он ткнул большим пальцем в мертвого мальчика, — но если ты хочешь присоединиться к нашей банде, если хочешь быть клевым, то должен соответствовать определенным стандартам.

Он раскрыл лезвие выкидного ножа прямо у меня перед лицом. Я подумал, что он мне нос отрежет; но Люк внезапным движением отхватил эту часть тела мертвому мальчику. Отрезанный нос ребенка подлетел в воздух. Весельчак поймал его и тут же отбросил в рефлекторном отвращении.

Мертвый мальчик захныкал. Лицо его представляло собой черную, сочащуюся слизью массу.

Затем Люк взял мою правую руку и резанул прямо по ней. Я вскрикнул и попытался зажать рану другой рукой.

— Нет, — произнес Люк. — Позволь ему слизать кровь. Ему нужно немного, время от времени, чтобы оставаться таким, как сейчас.

Тогда я закричал и заплакал, и хныкал ровно так, как Альберт в тот первый раз, но Люк держал меня крепко. Настала моя очередь дергаться, подобно пойманной на крю-

чок рыбе, в то время как он протягивал мою разрезанную руку мертвому мальчику.

У меня не было сил смотреть, но что-то мягкое и влажное коснулось руки. Мне только и оставалось, что думать про себя о том, какую, ради Господа Бога, инфекцию я могу подхватить таким образом!

— Ну хорошо, Дэвид, — сказал наконец Люк. — Ты нормально держишься, но есть еще один тест. Ты должен провести всю ночь в форте с мертвым ребенком. Мы все это делали. Теперь твой черед.

Они даже не стали ждать ответа — просто затолкали меня, смеясь, обратно внутрь форта. Затем Люк снова сцапал мертвого мальчика под подбородок и спустил в его яму и коробку.

Остальные выбрались наружу. Прежде чем последовать за ними, Люк обернулся ко мне:

— Ты здесь должен пробыть до завтрашнего утра. Сам знаешь, что я с тобой сделаю, если окажешься девчонкой и зассышь.

Так что я провел остаток дня и вечер внутри форта, вместе с мертвым мальчиком, который безостановочно скребся внутри своей коробки. В форту уже было совершенно темно. Я не мог сказать, сколько прошло времени. Вообще не мог связно думать. Мне было интересно, ищет ли меня кто-нибудь. Но я лежал очень тихо. Не хотел, чтобы меня нашли — и в особенности чтобы меня нашел мертвый мальчик. Мне было ясно, что он мог спокойно выбраться из своей коробки и ямы, если бы только захотел... А дальше — наверное, он разорвал бы мне горло и выпил кровь.

Рука болела ужасающе. Казалось, она распухла. Я был уверен, что она уже начала гнить. Воздух вокруг меня был густым и зловонным.

Но я оставался на месте, потому что боялся, и был слаб, и меня тошнило, но, что удивительно, еще и потому, что отчего-то где-то в глубине до сих пор чувствовал желание показать, как я крут; стать таким же клевым и сумасшедшим, как сам Люк Брэдли. Я знал, что слеплен не из того теста, но именно поэтому так хотел быть плохим. Чтобы никто больше никогда не побил меня. Чтобы, ненавидя от-

чима или своих учителей, я мог бы послать их катиться к черту, как это делал Люк.

Шли часы, а мертвый ребенок все кружил и кружил внутри картонной коробки, с шуршанием касаясь ее краев. Он издавал все тот же блеющий, кашляющий звук, как будто пытался говорить, но не мог, ибо у него не осталось языка. Некоторое время мне казалось, что я почти готов понять заложенный в этих звуках смысл, уловить некую последовательность. Затем он заверещал, как сверчок. И продолжал так долгие часы. Возможно, я даже заснул на какое-то время, провалился в некое подобие сновидения, где медленно тонул в зловонной жиже и где были тысячи вьющихся надо мной пятнистых ос, и у каждой из них было маленькое лицо Люка Брэдли. И все они повторяли: «Круто... очень круто...», пока их голоса не слились воедино и не превратились в жужжание, ставшее затем ветром в ветвях деревьев, а затем — ревом электропоезда Западно-Филадельфийской железной дороги, уносившегося к Филадельфии; мертвый мальчик и я сам болтались снаружи вагона, безумно раскачиваясь. Моя рука ударилась о придорожный столб, оторвалась, и из плеча принялась хлестать черная жижа, а осы облепили меня всем роем, понемногу съедая живьем...

По меньшей мере один раз, я уверен, мертвый мальчик все-таки выбрался из своей коробки и прикоснулся ко мне, очень нежно провел кончиками сухих, острых пальцев вниз по щеке. Он царапнул ее и отступил, унося, чтобы выпить, немножко крови и слез.

Но, что самое странное, я не боялся его тогда. Именно в тот миг мне удалось осознать, что у нас больше общего, чем различий. Мы оба боялись, оба страдали и вместе были затеряны во тьме.

Потом, каким-то чудом, наступило утро. Солнечный свет ослепил меня, когда Люк откинул покрывало из лоз со входа.

— Эгей. Ты был по-настоящему храбрым. Произвел на меня впечатление, Дэйви.

Я позволил ему вывести меня из форта, находя утешение в его приятельской манере, его игре в старшего брата.

Потрясение мое было слишком велико, чтобы я мог что-либо сказать.

— Ты прошел испытание. Ты один из нас, — произнес Люк. — Добро пожаловать в банду. Теперь осталась еще одна вещь, которую надо сделать. Не испытание. Ты уже прошел их все. Это просто кое-что, чем мы отметим наш праздник.

Его громилы снова собрались все вместе на поляне перед фортом.

У одного из них была с собой канистра с бензином.

Я стоял там, покачиваясь, едва не теряя сознание, неспособный сообразить, зачем бы им понадобился бензин.

Люк вытащил мертвого мальчика наружу.

Весельчак выплеснул горючее прямо на мертвого мальчика, который лишь слегка заблеял и замахал руками в воздухе.

Люк протянул мне зажигалку. Пощелкал ею, пока не появился огонь.

— Ну, вперед, — произнес он. — Это будет клево.

Нет, я не мог. Слишком испуган был, слишком больным себя ощущал. Вместо того чтобы сделать, как сказано, я упал на колени, затем на четвереньки, и меня начало рвать.

Так что Люк сам поджег мертвого мальчика, в то время как остальные завывали и хлопали в ладоши. Мертвый ребенок поднялся, подобно факелу, и принялся, спотыкаясь и кружа, метаться по поляне. Он оставлял за собой след черного, жирного дыма, а затем упал и сжался, превратился в горку почерневших, обугленных палочек.

Люк подтащил меня к тому месту, где упал мертвый мальчик, и заставил коснуться того, что от него осталось, моей распухшей со вчерашнего рукой.

И тогда мертвый мальчик пошевелился. Снова издал тот же блеющий звук. Захныкал.

— Видишь? Его не убить, потому что он уже и так мертвый.

И все они рассмеялись; меня же лишь снова вырвало. Наконец Люк поднял меня за плечи, развернул и подтолкнул, спотыкавшегося, в лес.

— Возвращайся, когда закончишь блевать, — напутствовал он.

Каким-то образом я добрался домой. Когда я появился на пороге, мама уставилась на меня в совершенном ужасе, спросив лишь:

— Господи, что это за ужасный запах?

Отчим же Стив встряхнул меня и потребовал, чтобы я сказал ему, где был и чем занимался. Знаю ли я, что меня ищет полиция? Волнует ли это меня вообще? (Нет, и еще раз нет.) Он отвел меня в ванную, промыл и перевязал руку, а затем взял так, чтобы я не мог отвернуться, и произнес:

— Ты принимаешь наркотики?

Это было настолько глупо, что я начал смеяться, и тогда он дал мне пощечину. До этого отчим редко доходил, но в тот раз, полагаю, он был твердо намерен выбить из меня правду. И мамочка, моя дорогая мамочка пальцем не пошевелила, чтобы остановить его, пока он лупил меня сначала рукой, а затем и ремнем, и мне оставалось лишь заходиться диким визгом.

Все, чего они от меня добились, — это признание того, что я был с Люком Брэдли и его дружками.

— Я не желаю, чтобы ты впредь водился с этими парнями. Они плохо на тебя влияют.

Он, конечно, не представлял и на одну десятую, насколько плохо, так что я вновь принялся смеяться, как будто и вправду был пьян или обкурился. Стив готов был уже снова меня ударить, когда мама все-таки заставила его остановиться.

Она приказала мне принять ванну, переодеться и отправляться в мою комнату. Мне не позволялось выходить, кроме как к еде и в уборную.

По мне, так это было именно то, что нужно. Я и не хотел выходить. Все, чего я желал, — это похоронить себя там, стать тихим и мертвым, подобным несчастному мальчику в его коробке.

Но когда мне удалось заснуть, я кричал и проснулся от этого крика в полной темноте, потому что снова наступила ночь.

Мама заглянула мельком в комнату, но ничего не сказала. Лицо ее выражало скорее отвращение, чем заботу. Как будто она с трудом удерживалась, чтобы не заявить: «Ну и поделом ему, но, боже ж мой, еще один сумасшедший ребенок на мою голову, которого надо вести к психотерапевту, а это так дорого, ну так дорого, и лучше бы я потратила деньги на соболью шубу, или машину, или еще что-нибудь...»

Зато младшенький брат, Альберт, пробрался ко мне в кровать и прошептал:

— Это ведь мертвый мальчик, правда?

— Чего?

— Мертвый мальчик. Он говорит со мной во сне. Все о себе рассказал. Он потерялся. Его отец колдун, и он до сих пор ищет своего сына. Была война между колдунами или что-то вроде этого, и именно тогда он потерялся.

— Чего, еще раз? Это ты в комиксах вычитал?

— Да нет же! Мертвый мальчик. Ты знаешь, что мы должны сделать. Мы должны пойти туда и спасти его.

Отдаю должное своему брату: именно он таким вот образом преподнес мне шанс на моральное искупление. Он словно бы протянул мне потерянное душевное здоровье на серебряном блюде и сказал: «Ну же, не будь девчонкой, бери».

Потому что он был прав. Мы должны были спасти мертвого мальчика.

И пускай мертвый ребенок говорил не со мной, а с Альбертом в его снах, я все-таки понял, чего он ждет от меня.

И в ту же ночь, очень поздно, Альберт и я оделись и выскользнули из окна нашей комнаты на газон возле дома. Младший братик совсем не боялся, ни капельки. Он вел меня нашей ритуальной тропой, под нависающими арками кустов, сквозь туннели из лоз, ко всем нашим потайным местам, как будто мы должны были оказаться там, чтобы обрести некую особенную силу, которая позволила бы справиться со стоящей перед нами задачей.

Под кустами в темноте мы остановились, чтобы нацарапать в пыли наши тайные знаки. И затем поспешили через поле для гольфа, через шоссе, в лес Воровского ручья.

К форту мы пришли при свете полной луны, что пятнами сеялся на траву сквозь колебавшиеся ветви. Ночь была ветреная. Лес полнился скрипом и потрескиванием деревьев, голосами перекликавшихся животных и хриплыми криками ночных птиц. Где-то очень близко ухала сова.

Альберт опустился на четвереньки перед дверью форта, просунул голову внутрь и позвал:

— Эй, мертвый мальчик! Ты здесь?

Он отодвинулся и подождал. Слышался шуршащий звук, но мертвый ребенок не появлялся. Тогда мы оба заползли внутрь и увидели почему. От него уже не так много осталось. Теперь он был просто сооружением из черных палочек, а голова напоминала обгоревшую тыкву, ненадежно водруженную сверху. Все, что он мог,— это неуверенно сидеть, глядя поверх края коробки.

Нам пришлось самим вытаскивать из ямы мертвого ребенка вместе с его картонным прибежищем.

— Пошли, — обратился к нему Альберт. — Мы хотим тебе кое-что показать.

Вместе мы понесли мертвого мальчика назад — через поле для гольфа, под кустами, в наши потайные места. Показали ему наши секретные знаки. Затем мы взяли его с собой в город, пронесли мимо торговых рядов и «Города игрушек» Уэйна, где я покупал сборные модели и где всегда были выставлены в витринах красивые миниатюры, поля сражений и монстры. Мы показали ему, где находится магазин «Все для домашних любимцев» и мороженица и где можно купить книжки комиксов.

Потом Альберт присел на карусели, осторожно придерживая коробку с мертвым мальчиком возле себя. Я медленно закружил их. Скрипнул металл.

Мы постояли немного напротив здания нашей школы. Альберт с мертвым мальчиком держались за руки, и это казалось естественным, как ничто другое.

Затем мы отправились прочь — пустынными улицами, под ярким светом луны. Никто не произносил ни звука: ведь все, что мог сказать или услышать мертвый мальчик, не могло быть облеченным в слова. Я до сих пор не мог слышать его. Альберт слышал.

В конце концов мертвый мальчик вылез из коробки. Каким-то образом он набрался сил, достаточных, чтобы идти самому. Непонятно как, но он начал исцеляться. В конце концов я понял, что уже не мы ему, а он нам хочет что-то показать.

Он повел нас через то же самое поле для гольфа, но теперь прочь от леса Воровского ручья. Мы пересекли футбольное поле средней школы Рэднора, затем — большую улицу. Потом свернули и прошли задворками зданий лабораторий Вайет к высокому мосту, переброшенному через железнодорожную ветку. Я боялся, что мертвый мальчик поскользнется на металлических ступеньках и упадет, но он продвигался вперед даже увереннее, чем мы (Альберт и я оба немного боялись высоты).

Он повел нас через еще одно поле и снова в леса; затем — через открытое пространство, где холодный ручей уходил под насыпь Пенсильванской железной дороги. Мы брели по щиколотку в ледяной воде и добрались наконец до старого поместья Грантов — обширных руин викторианского дома. Как знал любой парень, там обитали привидения. Родители запрещали нам приближаться к поместью: там было опасно, и много историй ходило о ребятах, что погибли под завалами или провалились сквозь этажи... Но теперь это были совсем не руины: ни разбитых стекол, ни дыр в потолке. Ярко освещенные оконные проемы сверкали в ночи.

Из высокого окна в башне на нас смотрел, не сводя глаз, мужчина в черном.

Мертвый мальчик бросил на него ответный взгляд и побежал.

Я поспешил за ним; Альберт оказался разумнее или, может быть, заробел... Так или иначе, он приотстал. Мне же удалось схватить мертвого мальчика за руку и ненадолго задержать. На мгновение мною овладело чувство собственника, словно у меня, подобно Люку Брэдли (как он считал), были на ребенка свои права.

— Эгей, мертвый мальчик, — спросил я, — куда это ты?

Он обернулся, и благодаря какому-то фокусу лунного света мне показалось, что у него снова есть лицо — бледное,

округлое, с темными глазами. И он ответил мне блеющим, хриплым голосом, но теперь звуки сложились в разборчивые слова:

— Меня зовут Джонатан.

Это было единственное, что я от него когда-либо услышал. Ведь он ни разу не говорил со мной в снах.

Он дошел до подъезда дома. Отворилась дверь. Свет, пролившийся изнутри, казалось, поглотил его. Мальчик обернулся на краткое мгновение и поглядел на нас. Как помнится мне, он уже не был тем мешком с костями, который мы привыкли видеть.

Затем он исчез, и все огни, мигнув, погасли. Наступил рассвет. Мы с братом стояли перед руинами поместья в утреннем полумраке. Не умолкая, почти до хрипоты, пели птицы.

— Поскорее бы добраться домой, — произнес Альберт. — А то будут неприятности.

— Ага, — отозвался я.

В ту осень я пошел в среднюю школу. Поскольку у меня не очень-то получилось стать плохим парнем, мои оценки были довольно высоки, и я не попал ни в один из классов, которые посещал Люк Брэдли. Но он все равно нашел меня в раздевалке после уроков, когда уже прошло несколько недель занятий. «Я знаю, что это ты сделал», — только и сказал он, а затем избил меня так жестоко, что сломал несколько ребер и руку, расквасил половину лица и сделал трещину в правой глазнице. Он засунул меня в ящик для одежды и оставил там умирать, так что я провел целую ночь в темноте и жестокой боли, среди ужасных запахов. Я всю ночь звал на помощь мертвого мальчика, чтобы он пришел и спас меня, как я спас его самого. Из горла вырывались блеющие, верещащие звуки...

Но он не пришел. На следующее утро меня нашел уборщик. Запах же был просто оттого, что я наложил в штаны.

Несколько недель я провел в больнице, а потом отчим Стив и мама решили переехать в другой штат. И меня, и Альберта они отправили в подготовительную школу колледжа.

Лишь закончив его, я снова приехал в город Рэднор, штат Пенсильвания, где вырос. Тут все поменялось. На месте поля для гольфа находилась штаб-квартира компании «Сирс». Большая часть леса Воровского ручья была сведена, чтобы освободить место под универмаг «Альтман»; и поместье Грантов исчезло, а взамен появился офисный центр.

Я не стал отправляться в остатки лесов, чтобы проверить, уцелел ли старый форт. Полагаю, он все еще там. И теперь им владеют совершенно другие ребята.

Позже кто-то рассказал мне, что Люка Брэдли (который действительно оказался на три года старше меня) выгнали из средней школы. Вскоре после этого он совершил со своими тремя мордоворотами несколько ограблений, и вся банда была убита в перестрелке с полицией.

Сам того не зная, Люк Брэдли еще раз сказал мне: «Это было круто, мой мальчик. По-настоящему круто». Да, я мог бы быть с ним и с его бандой до самого их жестокого и бессмысленного конца, если бы Альберт и мертвый мальчик, имя которого было Джонатан, вместе не спасли меня.

ДЖЕФФРИ ФОРД

Зомби доктора Мальтузиана

Джеффри Форд — автор нескольких романов, в числе которых «Физиогномика» («The Physiognomy»), «Портрет миссис Шарбук» («The Portrait of Mrs. Charbuque»), «Девушка в стекле» («The Girl in the Glass») и «Год тени» («The Shadow Year»). Форд четырежды получал Всемирную премию фэнтези, а также стал лауреатом премий «Небьюла» и «Эдгар». Он автор множества коротких произведений, которые печатались в журналах «F&SF», «SCI FICTION», а также в многочисленных антологиях. Вышли в свет два сборника его рассказов и повестей — «Ассистент писателя-фантаста и другие истории» («The Fantasy Writer's Assistant and Other Stories») и «Империя мороженого» («The Empire of Ice Cream»), готовится к печати третий — «Нарисованная жизнь» («The Drowned Life»).

Идея этого рассказа пришла Форду в голову, когда он читал монографию Джулиана Джейнса «Сознание как следствие развития двуполушарного мозга». «В этой книге утверждается, что глас Божий, который слышали представители древних культур, на самом деле результат общения полушарий между собой посредством мозолистого тела, через зону Вернике», — говорит Форд.

Кроме того, во время написания «Зомби доктора Мальтузиана» Форд, как и сейчас, изучал творчество Эдгара По. Автор утверждает, что рассказ построен по образцу произведений По: «Берем некую спекулятивную научную гипотезу, неподтвержденную теорию, идею, о которой знают лишь немногие, и на ее основе создаем жутковатый, вычурный сюжет».

1

Не знаю, к какому народу принадлежал Мальтузиан, но говорил он со странным акцентом, напевно бормоча и запинаясь, так что лишь несколько месяцев спустя стало понятно, что изъясняется он по-английски. У него

было больше морщин, чем у старой колдуньи, и пышная шевелюра гуще и белоснежнее, чем шерсть самоедской лайки. Так и вижу, как он стоит на тротуаре у моего дома, сгорбившись и опираясь на трость с рукоятью в виде женской головки с завязанными глазами. Костюм был ему велик на полтора размера — как и глаза, смотревшие из-за очков такой толщины, что весь мир, должно быть, казался старику исполинским. Однако я бросил сгребать листья и не ограничился простым добрососедским кивком — из-за двух мелочей: галстука-шнурка и лукавой усмешки, какую я до сих пор видел только у моей шестилетней дочурки, когда она принималась рисовать очередное чудовище.

— Мальтузиан, — представился старик с тротуара.

Я поприветствовал его и тоже назвался.

Он что-то пробормотал, я подошел поближе и извинился, что не расслышал. Тогда он повернулся и показал в сторону дома на углу. Я знал, что дом недавно продали, и решил, будто это его новый хозяин.

— Будем соседями, — сказал я.

Он протянул мне руку. Рукопожатие у него было очень сильное, и отпускать меня он не спешил. Но как только понял, что мне неприятно, усмешка превратилась в широкую улыбку, и он разжал пальцы. И медленно двинулся прочь.

— Рад был познакомиться, — произнес я ему в спину.

Старик обернулся, помахал мне и произнес что-то похожее на стихотворный пассаж. Что-то о плодах и листьях и в рифму. Только когда он скрылся в лесу за границей квартала, я понял, что это была цитата из Поупа:

> Слова как листья; где обилье слов,
> Там зрелых мыслей не найдешь плодов[1].

Я профессор литературоведения, и такая эрудиция удивила меня, вот почему я и решил присмотреться к Мальтузиану внимательнее.

В тот год я был в творческом отпуске — предполагалось, что я пишу книгу о структуре рассказов По: по моей

[1] Из поэмы «Опыт о критике». Пер. А. Субботина. — *Прим. перев.*

мысли, их сюжеты строились не на энергичной кривой от завязки через кульминацию к финалу, а держались исключительно на развязке. Эти сюжеты были похожи на дом Ашеров: читатель приходит к финалу, как в страшном сне, не располагая никакими логическими подсказками, и узнает истину в тот самый миг, как все кругом начинает рушиться. На деле же я предавался блаженному ничегонеделанию, проще говоря, сачковал — под весьма интеллигентным предлогом. Я целовал жену, когда она уходила на работу, провожал дочку в школу, а затем возвращался домой и смотрел по телевизору записи передач, которые мы с братом обожали в детстве. Ежедневный моцион Мальтузиана был прекрасной возможностью убить время, и стоило мне заметить, как старик проходит мимо дома, как я выходил и завязывал с ним разговор.

Поначалу мы сближались медленно, так как мне не удавалось привыкнуть к его странной манере речи. Ко Дню благодарения я уже мог полноценно с ним разговаривать, и мы стали вести длинные беседы о литературе. Как ни странно, его интересы были куда современнее моих. Он оказался поклонником Томаса Пинчона и западноафриканского писателя Амоса Тутуолы[1]. Я пришел к мысли, что слишком много времени посвятил капонам колониального стиля, и углубился в некоторые романы, которые упоминал мой новый друг. Как-то раз я спросил его, чем он занимался до пенсии. Старик усмехнулся и произнес что-то вроде «трахал мозги». Я был уверен, что плохо его расслышал. Неловко засмеялся и переспросил:

— Что, простите?

— Мозги трахал, — повторил он. — Был психологом.

— Интересное описание профессии, — заметил я.

Старик пожал плечами, улыбка его растаяла. Он перевел разговор на политику.

Всю зиму, невзирая на погоду, Мальтузиан совершал свой моцион. Вспоминаю, как он однажды днем продирал-

[1] *Томас Пинчон* (р. 1937) — известный американский писатель-постмодернист. *Амос Тутуола* (1920–1997) — нигерийский писатель, чьи произведения основаны на народных сказках. — *Прим. перев.*

ся сквозь метель — в черном пальто и черной тирольской шляпе, согбенный скорее под тяжестью какого-то невидимого бремени, нежели из-за слабости сложения. Мне пришло в голову, что я никогда не видел, как он возвращается. Тропинки в лесу вились на целые мили, и я не задумывался о том, что одна из них могла вывести старика прямо к дому в обход квартала.

Я познакомил Мальтузиана с моей женой Сьюзен и дочерью Лидой. Он поцеловал им руки прямо на улице — по крайней мере попытался. Когда Лида испуганно отдернула руку, он хохотал так, что я испугался, как бы он не лопнул. Сьюзен сочла его очаровательным, но потом, уже вечером, спросила:

— Что за абракадабру он нес?

На следующий день он принес ей букетик фиалок, а Лиде, которая успела показать ему свой альбом для рисования, он передал рисунок, свернутый в трубочку и перевязанный зеленой лентой. После обеда Лида развернула подарок и просияла:

— Чудище!

Это был великолепно выполненный карандашный портрет человека средних лет, в общем-то нормального, если бы на лице его и в позе не было устрашающего выражения полной пустоты. Глаза, прикрытые тяжелыми веками, остекленели, фигура обмякла, и рисунок был настолько реалистичен, что источал осязаемое ощущение вакуума. Внизу листа стояла каллиграфическая подпись: «Мальтузиан-зомби».

— Я ему говорила, что люблю чудищ, — сказала Лида.

— А разве это чудище? — спросила Сьюзен, несколько обескураженная жутковатым рисунком. — Скорее уж профессор в творческом отпуске.

— Он совсем ничего не думает, — сказала Лида и ткнула мизинцем зомби в голову.

Она упросила меня повесить рисунок с внутренней стороны двери в ее комнате — тогда получалось, что, если она не хочет смотреть на портрет, он обращен к стене. Целый месяц после этого она увлеченно рисовала зомби. Одни были в канотье, другие — в старомодных галстуках-бабоч-

ках, но все они, какими бы круглыми и пустыми ни были их глаза, лукаво усмехались.

Ранней весной Мальтузиан пригласил меня вечером сыграть партию в шахматы. Вечерний воздух был еще совсем холодным, но ветерок уже приносил аромат пробуждающейся зелени. Дом Мальтузиана, стоявший на угловом участке, был огромен — много больше всех остальных окрестных домов. Его окружали три акра леса, а дальняя граница участка примыкала к озеру, принадлежавшему соседнему городку.

Очевидно, Мальтузиан не любил работать в саду и по хозяйству — главная добродетель жителей этой части света. Зимой одно дерево сломалось и рухнуло да так и лежало, перегородив подъездную дорожку. Трехэтажное здание с четырьмя высокими колоннами портика нуждалось в покраске, доски крыльца подточила сухая гниль, а многочисленные окна были грязны и кое-где побиты. То, что Мальтузиан не предпринимал никаких шагов, чтобы это исправить, вызвало у меня еще больше симпатии к соседу.

Старик встретил меня у дверей и провел в дом. Я представлял себе этакую пыльную, полутемную кунсткамеру, такую же старомодную, как ее владелец, освещенную едва ли не свечами, и надеялся, что по выставленным в ней экспонатам, как в детективе, расшифрую подлинную натуру Мальтузиана. Ничего подобного. Дом был прекрасно освещен и обставлен скромно, но с большим вкусом.

— Надеюсь, вы любите мерло, — сказал хозяин, ведя меня в кухню по коридору, обшитому дубовыми панелями.

— Да, — ответил я.

— Полезно для сердца, — заметил он и рассмеялся.

Стены коридора были увешаны фотографиями Мальтузиана с разными людьми. Он шел быстро, а я из вежливости не стал задерживаться, но, кажется, успел разглядеть один портрет хозяина в детстве и довольно много его снимков с различными военными чинами. Если не ошибаюсь, на одном из них мелькнуло лицо экс-президента.

Обширная кухня была застелена старым линолеумом в черно-белую клетку и ярко освещена флуоресцентными лампами. На столе посередине была разложена шахматная

доска, большая бутылка темного вина, два изящных хрустальных бокала и плоская серебряная коробочка. Хозяин уселся по одну сторону и жестом указал мне на стул напротив. Он наполнил оба бокала, открыл коробочку, достал сигарету, зажег ее, затянулся и затем сделал первый ход конем.

— В шахматах я слабоват, — промямлил я и тоже сделал ход конем.

Мальтузиан махнул рукой, сбросил пепел на пол и ответил:

— Пусть это не помешает нам насладиться игрой.

Некоторое время мы играли молча, а затем я задал вопрос, который интересовал меня с тех самых пор, как я узнал о профессии хозяина дома.

— К какой же психологической школе вы принадлежали? К юнгианцам? Или к фрейдистам?

— Ни к тем ни к другим, — был ответ. — Это все детские забавы. Я глушил крыс током. И заставлял собак пускать слюни.

— Так вы бихевиорист? — догадался я.

— Извините, если я вас разочаровал, — засмеялся Мальтузиан.

— Я пользуюсь теми же методами, когда учу добропорядочных пуритан, — сказал я, отчего хозяин засмеялся еще громче. Он ослабил свой вечный галстук-шнурок и поправил очки, а затем пробил мою жалкую пешечную защиту своим слоном.

— Я не мог не заметить фотографий на стене, — сказал я. — Вы служили в армии?

— Обижаете! — ответил Мальтузиан. — Я был на правительственной службе США.

— В каком подразделении?

— В одном из довольно секретных. Иначе я не мог бы перевезти сюда мать, отца и сестру.

— Откуда?

— С родины.

— А где ваша родина?

— Ее больше нет. Знаете, как в волшебной сказке: целая страна исчезла по мановению геополитической волшебной

палочки. — С этими словами Мальтузиан поставил мне шах комбинацией пешки и ладьи.

— А что ваша сестра? — спросил я.

— Она была очень похожа на вашу девочку, на Лиду. Красивая, умная, а какая художница!

С этой минуты он завладел беседой, как и шахматной партией, и мало-помалу вынудил меня подробно рассказать всю свою биографию: где я учился, как познакомился с женой, как родилась моя дочь, как мы ведем семейную жизнь.

Это был допрос, но вполне тактичный, а вино сделало меня сентиментальным. Я рассказал ему все, и это, похоже, доставило Мальтузиану величайшее удовольствие. Он кивал, когда я клялся в любви к жене, и смеялся всем забавным шалостям Лиды, какие я только мог вспомнить, а помнил я все до единой. Я сам не заметил, как сыграл с ним три партии и был уже изрядно навеселе. Хозяин проводил меня по коридору к парадной двери. Словно из воздуха появилась коробка шоколадных конфет для моей жены.

— Это для леди.

Затем Мальтузиан вручил мне еще одну коробку, побольше. Затуманенным взглядом я различил изображение Рэт-Финка — отвратительной толстобрюхой крысы, талисмана лихих автогонщиков конца шестидесятых.

— Это конструктор, — сказал старик. — Помогите дочке его собрать, и чудище ей очень понравится.

Я улыбнулся, узнав картинку, которую видел только подростком.

— Папаша Рот[1], — сказал хозяин, деликатно подвел меня к двери и тихо закрыл ее за мной.

Хотя моей задачей было разрешить загадку Мальтузиана, визит сделал его образ лишь более таинственным. Я играл с ним в шахматы еще дважды, и оба раза все шло по тому же сценарию. Только раз я был близок к разгадке — когда мы с Лидой уже собрали Рэт-Финка и раскрашивали его. «Глушил крыс током», — вспомнились мне слова Маль-

[1] *Эд Рот* по прозвищу Папаша (1932–2001) — американский художник и карикатурист, создатель образа Рэт-Финка. — *Прим. перев.*

тузиана. Перед глазами на миг возникла картина: звенит звонок, и у меня течет слюна.

В день, когда Лида принесла мне первый весенний крокус, бледно-лиловый с оранжевой сердцевиной, Мальтузиана увезла «скорая помощь». Я очень волновался и попросил Сьюзен, дипломированную медсестру, использовать ее связи в больницах и выяснить, где он и что с ним. Сьюзен почти всю пятницу провела у телефона, но так ничего и не разузнала.

2

Шли дни, и я стал думать, что Мальтузиан, наверное, умер. Затем, спустя неделю после того, как его увезли на «скорой», я обнаружил в почтовом ящике записку. В ней было всего два слова: «Вечером шахматы».

Я дождался назначенного часа и, получив от Сьюзен список вопросов, которые необходимо было задать старику о его здоровье, а от Лиды — открытку с пожеланиями здоровья и изображением пляшущего зомби, отправился в дом на углу.

На звонок Мальтузиан не ответил, поэтому я открыл дверь и крикнул:

— Эй! Добрый вечер!

— Входите! — отозвался хозяин из кухни.

Я прошел по коридору и обнаружил, что Мальтузиан уже сидит за столом. На столе были и вино, и портсигар, но шахматная доска отсутствовала.

— Что с вами случилось? — спросил я, увидев его.

Мальтузиан стал еще сутулее и морщинистее, он обмяк в кресле, словно мешок тряпья. Белоснежная шевелюра заметно поредела и приобрела желтоватый оттенок. В руках старик сжимал трость, с которой я раньше видел его только на улице, а детская лукавая усмешка, смесь невинности и злорадства, сменилась нездоровой, натужной ухмылкой Рэтфинка.

— Шахмат не будет? — спросил я, чтобы скрыть потрясение и жалость.

— Сегодня поиграем в другие игры, — вздохнул хозяин в ответ.

Я хотел снова спросить его, что с ним случилось, но старик сказал:

— Сначала выпейте бокал вина, а потом вы все услышите.

Мы молчали, пока я наливал себе вина и пил его. Раньше я не замечал, что повязка на костяной женской головке не полностью закрывает ей левый глаз. Пока я делал, что велел хозяин, она глядела на меня. Когда же стакан опустел и я налил себе еще, Мальтузиан поднял глаза и проговорил:

— А теперь слушайте меня внимательно. Я исповедуюсь вам и сообщу последнюю волю умирающего.

Я собрался было возразить, но старик прижал к губам набалдашник трости, давая мне знак молчать.

— В сентябре тысяча девятьсот шестьдесят девятого года я был на конференции Американской психологической ассоциации в Вашингтоне. С докладом выступал один принстонский профессор, некто Джулиан Джейнс. Вы о нем слышали?

Я помотал головой.

— Значит, услышите. Его скандальный доклад был озаглавлен: «Сознание как следствие развития двуполушарного мозга». Одно название подействовало на многих присутствовавших как красная тряпка на быка. Когда мистер Джейнс принялся излагать свою теорию, все были уверены, что он сущий еретик. Он заявил, что индивидуальное сознание в том виде, в каком мы знаем его сейчас, появилось лишь на самом последнем этапе истории человечества. До этого люди, словно шизофреники, слышали голоса в голове и руководствовались их повелениями. Собирателям и охотникам, жившим уже после ледникового периода, было важно обладать одним разумом на всех. Они слышали голос уважаемого старейшины их племени, который, вероятно, уже отошел в мир иной. Это и был хваленый «глас Божий». Индивидуального «я» тогда, по всей видимости, не существовало.

— Вы хотите сказать,— проговорил я,— что, когда древние говорят о слове Божьем, это следует понимать буквально?

— Да, вы уловили мою мысль. — Мальтузиан улыбнулся и дрожащей рукой поднес к губам бокал. — Пожалуй, этот феномен имеет отношение к речевому центру в правом полушарии и к особому участку, который называется «зона Вернике». Когда в ходе современных лабораторных экспериментов испытуемым раздражали эту зону, они зачастую слышали властные голоса, которые либо убеждали их в чем-то, либо отдавали приказы. Но эти голоса были очень слабые и далекие. По мнению Джейнса, это объясняется тем, что подобные слуховые галлюцинации поступают из правого полушария в левое не через мозолистое тело — так сказать, мост между полушариями, — а по другому пути, через переднюю спайку.

— Ну, теперь-то мне все понятно, — усмехнулся я.

Мальтузиан не оценил моего остроумия, а закрыл на миг глаза и заговорил быстрее и настойчивее, словно скоро все должно было проясниться.

— Джейнс предлагал много объяснений тому, что глас Божий становился все слабее: геноцид, природные катаклизмы, естественный отбор, изменения окружающей среды, для приспособления к которым требовалась вся чудесная пластичность человеческого мозга, однако мы с коллегами считали, что ослабление голоса стало результатом быстрого сокращения передней спайки до ее нынешних размеров — всего около одной восьмой дюйма в поперечнике. Мы полагали, что именно эта физиологическая перемена и разбила групповое сознание на индивидуальные разумы. «Боже мой, Боже мой! Для чего Ты меня оставил?» Понимаете? Тут все гораздо сложнее, но это главное.

— От этой перемены зависело выживание человечества как вида? — спросил я.

— Развитие цивилизации потребовало разнообразия.

— Интересно, — только и выдавил я.

— Как я уже сказал, — продолжил Мальтузиан, — лишь немногие отнеслись к Джейнсу серьезно, но я с ним согласился. Его идеи были революционными, но не безосновательными.

Он достал из серебряного портсигара сигарету и закурил.

— Может быть, не стоит? — Я кивнул на сигарету. — Ведь вы плохо себя чувствуете.

— Условный рефлекс, который выработала у меня фирма «Филип Моррис», — улыбнулся старик.

— Надо полагать, эта теория — только начало, — сказал я.

— Отлично, профессор, — прошелестел Мальтузиан. — Как мог бы написать Фарид Ад-дин Аттар[1], если бы историю, которую я собираюсь вам поведать, написали иглой в уголке глаза, она все равно послужила бы уроком осмотрительному слушателю. — Он взял бутыль и налил мне еще бокал вина. — Начнем с того, что если вы кому-то расскажете о том, что расскажу вам я, то навлечете и на себя, и на свою семью пещуточные беды. Ясно?

Я тут же вспомнил все фотографии Мальтузиана с военными и его слова о том, что он служил в секретных правительственных подразделениях. Комнату залила мрачная тишина, и я замер под пристальным взглядом его огромных глаз. Я подумал, что надо встать и уйти, но вместо этого медленно кивнул.

— Я участвовал в секретном правительственном проекте под названием «Каруселька». Дурацкое название — если не думать о том, какой чудовищной была наша работа. Нам как психологам дали задание создать преданных своему делу наемных убийц, лишенных личной воли, которые делали бы все — *буквально все*, — что им прикажут. Иногда это называют «контроль над сознанием». Некоторое время ЦРУ полагало, будто для этой цели годится наркотик ЛСД, но он порождал не биороботов, а субъектов с беспредельно расширенным сознанием. Потерпев эту неудачу, правительство обратилось к бихевиористам. Моя лаборатория находилась в просторном старинном викторианском особняке в глухом лесу. Никто не заподозрил бы, что в подвале особняка идет кошмарный эксперимент, связанный с «холодной войной». У меня было двое коллег, и мы, руководствуясь

[1] *Аттар Фарид Ад-дин Мохаммед бен Ибрагим* (1150—1230) — персидский поэт-мистик. Его поэмы считаются памятниками суфийской литературы. — Прим. перев.

теорией Джейнса, расширяли и укрепляли внешнюю спайку в мозге испытуемого, чтобы усилить слуховые галлюцинации, для чего вживляли ему свиные артерии и обезьяньи нейроны. Я выработал у испытуемого условные рефлексы, благодаря которым стал для него гласом Божьим. Мои слова неумолчно звучали в его голове. Стоило мне один раз отдать ему команду — и он слышал ее, пока не выполнял приказ.

Как мне было не подумать, что Мальтузиан меня дурачит?

— Неужели я кажусь вам таким легковерным? — спросил я и расхохотался, да так, что пролил вино на стол.

Старик даже не улыбнулся.

— Мы создали зомби, — продолжал он. — Вот вы смеетесь, а должны бы смеяться над собой. Вы не понимаете, как невероятно внушаем человеческий разум — даже без нашего вмешательства. В десятке языков слова «слушать» и «слушаться» — однокоренные. В итоге нашего эксперимента тот человек делал все, что ему говорили. Результаты поразили даже нас самих. Я приказал ему за неделю выучиться бегло говорить по-французски. Он выучился. Я приказал ему сыграть ноктюрн Шопена, прослушав его всего один раз. Он сыграл. Я приказал ему выработать у себя фотографическую память. Я приказал ему перестать стареть. Для определенных заданий я даже приказывал ему становиться толще, тоньше, даже ниже ростом.

— Это невозможно, — сказал я.

— Чушь! — отрезал Мальтузиан. — Уже давно известно, что мысль способна изменить физиологическую структуру мозга, если она достаточно глубока. Если бы мы с коллегами имели возможность опубликовать наши открытия, люди узнали бы, что длительные и весьма сосредоточенные размышления способны изменить физиологическую структуру — не только мозга.

Мне было очевидно, что из-за болезни Мальтузиан повредился в уме. Я сделал серьезное лицо и со смешанными чувствами интереса и горечи сделал вид, что внимательно слежу за его рассуждениями.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — спросил я.

— Зачем? Да-да, зачем? — повторил он, и на глаза его набежали слезы, что поразило меня даже больше, чем рассказ. — Зомби оказался полезным. Только, пожалуйста, не спрашивайте, чем именно, — скажем так, его деятельность привела к снижению выступлений против демократии. Но затем, когда «холодная война» закончилась, наш проект закрыли. Нам приказали уничтожить зомби и сжечь лабораторию и вручили крупные суммы наличными, чтобы мы могли возобновить нормальную жизнь, пригрозив, что, стоит нам лишь намекнуть о «Карусельке» кому угодно, нас убьют.

— Уничтожить зомби? — спросил я.

Старик кивнул.

— Но меня замучила совесть. Во мне заговорил мой собственный бог. Ведь этого человека, которого мы создали и набили моими командами, — этого человека похитили. Простого среднего гражданина, у которого были жена и маленький ребенок, среди бела дня увезли прямо с улицы в длинном черном автомобиле. Его близкие так и не узнали, что с ним стало. А ведь и я, согласившись работать на «Карусельку», подписал договор, по которому был обязан больше никогда не видеться с родными. Я исчез уже после того, как родители и сестра переехали в эту страну. И прекрасно знал, что, стоит мне подать им хоть какую-то весточку, они погибнут. Все эти годы я невыносимо тосковал по ним, особенно по сестре, с которой нас очень сблизило ужасное прошлое на родине. Поэтому уничтожить зомби я не мог.

— Это было бы убийство, — сказал я и тут же пожалел о сказанном.

— Это в любом случае было бы убийство, — поморщился Мальтузиан. — Либо я убил бы зомби, либо нас всех убили бы вместе с зомби. Так вот, я воспользовался случаем и бросил в огонь труп, который несколько лет хранился у нас в морге. Мы надеялись, что никто ни о чем не догадается и что, если на пепелище найдут человеческие останки, этого будет довольно. Не забывайте, мы говорим о правительстве. Мы имели возможность изучить его методы и поняли, что для него главное — молчание.

Мальтузиан и сам умолк и уронил голову на грудь. Мне подумалось, что он уснул. Я вежливо кашлянул, и он протянул руку за вином, но передумал. То же самое повторилось с портсигаром. Затем он поднял глаза на меня.

— Я умираю, — проговорил он.

— Прямо сейчас? — спросил я.

— Скоро, очень скоро.

— Вам об этом сказали в больнице?

— Я сам врач. И понимаю, что происходит.

— Вы хотите, чтобы я что-то для вас сделал? Может быть, я должен найти вашу сестру?

— Нет, об этом даже не упоминайте. Но у меня к вам есть одна просьба, — произнес старик.

— Вызвать «скорую»?

— Я хочу, чтобы вы позаботились о зомби, пока не завершилась трансформация.

— Я вас не понимаю, — улыбнулся я.

— Он здесь, у меня в доме. Он жил у меня с тех самых пор, как мы сожгли лабораторию.

Мальтузиан уронил на пол трость, перегнулся через стол и протянул ко мне левую руку. Я поспешно отодвинул стул и встал, чтобы старик не схватил меня.

— Я работал с ним, пытался изгладить последствия эксперимента. Он начал меняться, но для этого нужно больше времени, чем мне осталось. Помогите мне вернуть этого несчастного в семью, чтобы он успел насладиться последними годами жизни. Он уже кое-что вспомнил, и в нем понемногу начинается процесс старения, который вернет ему сообразный возраст. Я лишь прошу вас, чтобы, если я умру, зомби пожил у вас, пока не вспомнит, откуда он. Осталось совсем недолго.

— Доктор Мальтузиан, — отчеканил я, — вам нужно отдохнуть. Вы городите чушь.

Старик медленно поднялся.

— Не смейте уходить! — закричал он на меня, подняв палец. — Я вам его покажу!

Я промолчал, глядя, как Мальтузиан с трудом нагибается за тростью. Он заковылял из кухни, бормоча что-то себе под нос. Дождавшись, когда он благополучно подни-

мется на второй этаж, я на цыпочках прокрался по коридору к парадной двери и выскользнул на крыльцо. На улице я пустился бежать, словно десятилетний мальчишка.

Уже ночью, тщательно заперев все окна и двери и улегшись наконец в постель, я разбудил Сьюзен и передал ей весь рассказ Мальтузиана. Стоило мне упомянуть о зомби, как жена рассмеялась.

— Он хочет, чтобы ты нянчил его зомби? — спросила она.

— Не смешно! — вспылил я. — Он работал над секретным правительственным проектом!

— Да-да, таким секретным-секретным, куда набирали только двинутых, — отозвалась жена. — Знаешь, по-моему, тебе просто нечем заняться.

— Он говорил очень убедительно, — сказал я, не сдержав улыбки.

— А если я тебе скажу, что мы в подвале больницы собираем из кусочков монстра Франкенштейна? Если он в своем уме, то наверняка пытается тобой манипулировать. По-моему, он тот еще пройдоха. Этот его галстук-шнурок — верный признак жулика.

Мои сомнения рассеялись не полностью, однако Сьюзен сумела отмести все страхи настолько, что я задремал. В мои сны то и дело вторгались огромные глаза, которые пристально на меня смотрели, и слышалась фортепианная музыка.

Я заставил себя поверить, что Сьюзен права и что мне следует выкинуть Мальтузиана из головы и заняться книгой. Стремительно приближалось лето, а осень должна была снова отправить меня преподавать. Было бы крайне неловко вернуться в сентябре на службу, так ничего и не сделав. Я вернулся к рукописи, которую забросил несколько месяцев назад, к главе, посвященной рассказу «Правда о том, что случилось с мсье Вальдемаром». Работа послужила мне якорем в бурных водах мальтузиановского безумия, но именно в этом рассказе великого американского мошенника, сравнимого разве что с Ф. Т. Барнумом[1], на каждой странице громадными буквами было написано «зомби».

[1] *Финеас Тейлор Барнум* (1810—1891) — создатель американского цирка, готовый на все, лишь бы завлечь публику. — *Прим. перев.*

Однажды днем, когда я собирался отправиться в местный книжный магазинчик, я выглянул из окна гостиной и увидел старика, плетущегося по улице. Я не видел и не слышал Мальтузиана уже две недели, с того вечера, когда сбежал от него, став свидетелем приступа умопомешательства. Было бы проще простого уйти из гостиной в кухню, но я зачем-то присел и спрятался под подоконник. Скорчившись, я сам дивился тому, какой страх напустил на меня сосед.

Прошло пять минут, и я, решив, что он уже дошел до леса в конце квартала, поднял голову над подоконником. Старик стоял на прежнем месте у ограды, сгорбившись и глядя прямо на меня, словно угрюмая, омерзительная доисторическая птица. Я сдавленно ахнул от испуга, а он, словно услышав меня, поднял трость и дважды легонько постучал рукоятью по полям тирольской шляпы. Затем он повернулся и двинулся прочь. Эта сценка повергла меня в панику. Ни в какой книжный магазин я не пошел, а когда у Лиды закончились уроки, поехал в школу на машине, чтобы ей не пришлось возвращаться на школьном автобусе, который высадил бы ее на углу. Паника моя продолжалась недолго — тем же вечером, за обедом, когда я как раз собрался рассказать о случившемся Сьюзен, мы услышали сирену «скорой помощи».

Мне стыдно признаться, но смерть Мальтузиана стала для меня облегчением. Мы с Лидой смотрели с почтительного расстояния, как его вывозят из дома на каталке. Сьюзен, которая не боялась ничего на свете, особенно смерти, дошла до самого дома на углу и поговорила с врачами. Она пробыла там недолго, и вскоре мы увидели, как она возвращается.

— Обширный инфаркт, — сказала она, подойдя поближе и качая головой.

— Как жаль, — ответил я.

Лида обняла меня за ногу.

На следующее утро, когда я бродил по дому в поисках вдохновения — мне было никак не сеть за своего По, — оказалось, что Лида вытащила из букета, которым Сьюзен украсила стол в гостиной, лиловый искусственный цветок и пове-

сила его на шею Рат-Финку. При виде этого трогательного знака я улыбнулся и протянул руку, чтобы коснуться иллюзорных шелковых лепестков, и тут в дверь постучали. Я вышел из комнаты дочери и направился вниз. Открыв парадную дверь, я никого там не обнаружил. Я растерянно глядел на улицу, и тут стук раздался снова. Несколько долгих секунд ушло на то, чтобы понять: стучали в заднюю дверь.

«Кто бы это мог быть?» — спросил я себя, шагая через кухню.

3

Глаза у него были овальные и плоские, как у персонажей японских мультфильмов, остекленелые, переполненные пустотой. В них, словно в белизне мелвилловского кита, можно было прочитать все что угодно, и пока мы с Лидой сидели и смотрели, как он глядит в стену, я стремился увидеть в этих зеркалах отражения всех своих желаний и разочарований — причем с таким рвением, на какое капитан Ахав едва ли был способен.

— Пустая скорлупа, — нарушила молчание Лида.

В конце концов оказалось, что она права. От него веяло утонченной пустотой. У него были изможденное лицо и худые, но очень мускулистые руки и ноги. Такой человек мог бы работать автомехаником или курьером по доставке экспресс-почты. Мне показалось, что лет ему около сорока, однако со слов Мальтузиана я знал, что его молодость — результат повиновения приказу. Интересно, на сколько он состарится теперь, когда заклятие с него снято. «Быть может, он, как Вальдемар из рассказа По, превратится в полужидкую, отвратительную, гниющую массу», — подумал я.

Мы просидели с зомби больше часа, когда с работы вернулась Сьюзен. Лида вскочила со стула и побежала в гостиную сказать матери, что у нас гость.

— Угадай, кто у нас? — послышался ее голос.

Она за руку ввела Сьюзен в кухню. Первое слово, которое вырвалось у моей жены, когда она увидела, кто к нам пожаловал, было «нет». Это был не визг прелестной герои-

ни фильма ужасов, на которую напало кровожадное чудище. Таким «нет» пресекают поползновения подвыпившего поклонника на затянувшейся вечеринке или отвечают на Лидины просьбы не ложиться до одиннадцати, когда завтра в школу.

— Давай рассуждать логически, — предложил я. — Как нам поступить?

— Вызвать полицию, — отозвалась Сьюзен.

— Ты с ума сошла! — возмутился я. — То, что он здесь, доказывает, что Мальтузиан рассказал мне правду. Нас могут убить!

— Иди поиграй, — велела Сьюзен Лиде.

— А зомби умеет играть? — спросила она.

— Зомби останется здесь, — отчеканил я и кивнул в сторону двери.

Когда Лида ушла, Сьюзен села за стол, и мы с ней еще немного поглядели на зомби. Дыхание у него было очень слабое, и, если не считать легчайших движений груди, он совсем не шевелился. Почему-то его присутствие действовало на нас умиротворяюще.

— Ерунда какая-то, — сказала жена. — Как нам с ним поступить?

— Мальтузиан говорил, он скоро вспомнит, откуда он, и, когда его память прояснится, мы должны доставить его домой.

— А нельзя завезти его подальше от дома и выпустить из машины? — спросила Сьюзен. — Оставим его на парковке у торгового центра...

— Ты бы и с кошкой так не поступила. Разве можно взять и бросить живого человека?!

Сьюзен раздраженно тряхнула головой.

— Ну скажи, вот чем он занят? По-моему, ничего у него не проясняется, — сказала она.

Я повернулся к зомби:

— Как вас зовут?

Он не шелохнулся.

Сьюзен протянула руку и щелкнула пальцами у него перед глазами:

— Эй, мистер Зомби, как прикажете вас называть?

— Погоди, — сказал я, — он не отвечает на вопросы, только исполняет приказы.

— Скажите, как вас зовут, — велела Сьюзен.

Зомби чуть повернул к ней голову и медленно задвигал губами.

— Том, — произнес он, и слово как будто бы вывалилось у него изо рта, плоское и тусклое, как старинная монетка.

Сьюзен прижала руку к губам, сдерживая смех.

— Томми-зомби, — фыркнула она.

— Глупости, — сказал я и тоже не смог сдержать смеха, хотя сильные мира сего были, наверное, уже готовы организовать наше устранение.

Такого нетребовательного гостя у нас еще никогда не было. Том был словно веник, который стоит в кухонной кладовке, пока не понадобится. Послушание его скоро перестало быть нам в новинку. Конечно, поначалу мы сполна насладились фокусами гипнотизера-иллюзиониста — «залайте, как собака», «попрыгайте, как цыпленок». Я понимаю, мы вели себя жестоко, словно невоспитанные дети, но мне кажется, это происходило просто потому, что иначе мы не могли — нами двигала примерно та же сила, что и правительством, которое в свое время так обошлось с этим беднягой. Конец этим дурачествам положила Лида. Она сурово прочитала нам целую лекцию о том, что мы должны уважать нашего зомби. Ее слова нас пристыдили, но в то же время нам было приятно, что мы вырастили такую чуткую девочку. Как выяснилось, она по-настоящему привязалась к зомби. Для Лиды он был словно щенок, которого мы ей не разрешали заводить.

Было нетрудно запомнить, что нужно приказать ему сходить в туалет дважды в день, поесть, принять душ. Гораздо сложнее оказалось сохранить тайну. Мы принесли друг другу страшную клятву, что никому о нем не расскажем. Мы с женой боялись, что Лида, очарованная своим новым другом, проболтается о нем, не сдержавшись, в школе. Только представьте себе, какой популярности можно добиться в третьем классе, если сказать, что у тебя дома живет настоящий зомби. Однако в пору испытаний именно

Лида оказалась самой практичной, самой заботливой, самой мудрой из нас троих.

Лишь на следующую ночь, когда я с пересохшим ртом очнулся от дурного сна, до меня дошла вся странность нашего положения. В полудремоте я выбрался из постели и спустился в кухню налить себе воды. Взяв стакан, я присел на диванчик в гостиной. Почему-то я стал думать о рассказе По «Падение дома Ашеров» и о том, почему Д. Г. Лоренс[1] назвал его историей о вампирах. Я проследил за нитью этого затейливого сюжета до того эпизода, когда эфемерная и летаргичная прежде Мэдилейн вскакивает из гроба и бросается на Родерика. Тут я случайно покосился влево и сам вскочил от неожиданности, обнаружив, что все это время зомби сидел рядом со мной.

Том восхитительно варил кофе. Пылесосил, как заслуженная горничная. Сьюзен показала ему, как по-больничному аккуратно застилать постели. Когда ему было нечего делать, он просто сидел на диване в гостиной и глядел на противоположную стену, на циферблат напольных часов. Было ясно, что он имеет представление о времени, поскольку его можно было запрограммировать, словно видеомагнитофон. Уходя из дома, можно было сказать ему: «В час дня приготовьте и съешьте сандвич с „болонской" колбасой, в три часа сходите в туалет».

К середине второй недели, которые он провел в нашем доме, я заметил, что мои приказы становятся изобретательнее. Я вспомнил, что рассказывал Мальтузиан — что-де наш зомби способен сыграть Шопена, единожды услышав пьесу. Мои же приказания ломаного гроша не стоили. Я поднял ставки и велел зомби перепечатывать мои рукописные заметки к книге о По. Он безупречно скопировал все, что я написал. Восхищенный этим достижением, я велел ему прочитать справочник по грамматике и выправить ошибки. Вуаля!

Скоро стало понятно, что нужно раздобыть Тому новую одежду, так как он день за днем носил одну и ту же серую

---

[1] *Дэвид Герберт Лоренс* (1885–1930) — выдающийся английский писатель, поэт и философ. — *Прим. перев.*

униформу — рубашку с короткими рукавами и штаны фирмы «Сирз». Мы не сомневались, что он будет носить их, пока они не рассыплются в прах. Как-то вечером по дороге с работы Сьюзен зашла в магазин и купила ему обновы. На следующий день мы в порядке эксперимента велели ему переодеться, самостоятельно выбрав одежду из груды, которую мы перед ним разложили. Том вышел из гостевой спальни в мешковатых камуфляжных брюках и в черной футболке, на которой белыми печатными буквами было написано: «Кто тут дурак? Я с вами». Мы не упустили случая позабавиться.

— Смейся, Том! — велела Лида.

Зомби широко открыл рот, и откуда-то из глубины его глотки донеслось писклявое «Ха... ха...».

От ужаса улыбка застыла у меня на лице, и я задумался, так ли уж случаен его выбор футболки. Именно тогда я и заметил, что на его подбородке и впалых щеках проступает щетина.

«Господи, — подумал я, — он стареет». Сьюзен и Лиде я ничего не сказал.

Если Том не слонялся бесцельно по дому, то Лида обычно привлекала его к играм. Они играли в мяч, в карты, в Барби, а если они в чем-то соревновались, Лида говорила Тому, когда наставала его очередь выигрывать, и он выигрывал. Однако по большей части они рисовали. Сидели за кухонным столом с карандашами в руках и придумывали чудищ. Лиде нужно было говорить Тому, что именно рисовать.

— Теперь нарисуй вервольфа в платье и в шляпке. Госпожу Вервольф, — велела она.

Это зомби умел. У него получился ошеломляюще точный, великолепно прорисованный, с изумительной светотенью и штриховкой портрет Лона Чейни в женском платье, этакой оволосевшей Минни Перл[1]. Сьюзен прикрепила рисунок магнитом на холодильник.

---

[1] *Лон Чейни* (1883—1930) — американский мим и актер немого кино; *Минни Перл* (1912—1996) — американская эстрадная комедийная актриса и певица.

— Поклонись,— сказала Лида, и Том изящно изогнулся в талии под углом ровно сорок пять градусов.

Жена и дочь не замечали, что Том изменился, но я заметил. Всего за несколько дней волосы его ощутимо поредели, в уголках глаз наметились «гусиные лапки».

Превращение, первые стадии которого я наблюдал, меня ошеломило. Я задумался, что же такого сделал Мальтузиан, чтобы загладить следы хирургических операций. Должно быть, это была серия команд, своего рода суровая бихевиористская тренировка. Мне не хотелось думать, что старик копался у Тома в голове в шахматной кухне, при свете флуоресцентных ламп. Кроме того, я не понимал, как Мальтузиан передал нам — то есть мне и моим близким — способность командовать зомби. Я стал присматриваться к Тому внимательнее прежнего, чтобы не упустить признаки пробуждающейся памяти.

4

Я показал рисунок Лиде и спросил:

— Кто это нарисовал?

Она взяла его у меня и, увидев картинку, улыбнулась:

— Это Том. Я вчера сказала ему нарисовать, что он хочет.

— Хорошо нарисовано, правда? — спросил я.

— Просто отлично,— ответила Лида и снова уставилась в телевизор, где шла ее любимая передача.

Рисунок, который я держал в руке, был портретом молодой женщины с длинными темными волосами. Она была отнюдь не чудищем. Рисунок был сделан с тем же тщанием, какое было уделено госпоже Вервольф, но эта девушка была настоящей красавицей — прекрасной незнакомкой. В особенности мое внимание приковали глаза — светящиеся, полные несказанной теплоты. Лицо ее выражало удивление — еле заметная улыбка и словно бы нарочитый излом бровей. Я направился в кухню и позвал из гостиной Тома.

Я велел ему сесть на то место, где он обычно рисовал, и вручил ему портрет.

— Сейчас вы мне расскажете, кто это, — приказал я.

Он посмотрел на портрет застывшим взглядом, и тут это произошло: по лицу его пробежала мгновенная судорога боли. Рука чуть задрожала.

— Вы должны мне сказать.

— Марта, — произнес он, и хотя это было всего лишь слово, я готов был поклясться, что за ним стоит чувство.

— Если это ваша жена, скажите мне, — велел я.

Он медленно поднес ко рту левую руку, словно робот, которого запрограммировали, чтобы он изобразил, как человек выражает благоговение.

— Расскажите мне все, — велел я.

— Моя любовь, — прошептал он, не отнимая пальцев от губ.

Глупости, конечно, но я зааплодировал. А Том, как будто звуки хлопков погасили в нем пробудившееся сознание, уронил руку и снова стал прежним зомби.

Я сел и внимательно посмотрел на него. Волосы начали седеть на висках и затылке, а щетина стала очень заметной. Морщинки, первые признаки которых я разглядел несколькими днями раньше, стали глубже, а кожа на подбородке начала заметно обвисать. Выражение абсолютной пустоты сменилось смутным ощущением усталости. Я знаю, что это невозможно, но мне почудилось, что он даже стал ниже ростом на сантиметр-другой.

— Моя любовь, — повторил я вслух.

Как восхитительно, что именно эти слова стали тем клочком человечности, который вырвался на поверхность первым, — не только из-за их драматизма, а, скорее, потому, что Том не исполнил моего приказа и не ответил на прямо поставленный вопрос.

На время я оставил его в покое, так как увидел, что первое воспоминание его всерьез опечалило, однако позже, когда Сьюзен пришла с работы, после обеда мы расчистили кухонный стол и попытались продолжить эксперимент. Лиду мы посвятили в наш замысел, так как именно по ее просьбе Том нарисовал портрет Марты.

— Скажи ему, чтобы он нарисовал свой дом, — шепнул я.

Лида кивнула, и мы со Сьюзен ушли из кухни и отправились ждать в гостиную.

— Он ужасно выглядит, — сказала мне Сьюзен.

— Чары понемногу рассеиваются, — ответил я. — Он становится таким, каким должен быть.

— Страшная штука — человеческий разум.

— Дом с привидениями, — согласился я.

Спустя двадцать минут Лида, сияя, выбежала к нам с рисунком.

— Поглядите, что он нарисовал! — рассмеялась она.

Это был автопортрет в полный рост. Ниже Том нацарапал: «Зомби Томми».

Показав на подпись, я заметил:

— Получилось не то, что я планировал, но результат интересный.

— Чувство юмора? — предположила Сьюзен.

— Нет, — замотала головой Лида. — Это грустная картинка!

— Может быть, не стоит слишком уж на него наседать? — сказал я.

— Погодите! — Сьюзен подалась вперед. — А теперь прикажи ему нарисовать свой дом!

Лида кивнула и убежала.

Прошел час; мы со Сьюзен молча ждали результатов. Из кухни доносился Лидин голос. Она рассказывала Тому про своего одноклассника, который вечно грызет ногти.

— Миссис Браун спросила Гарри, почему он грызет ногти, и знаешь, что он ответил? — спросила Лида.

Настала тишина, а потом мы услышали, как глухой, невыразительный голос отозвался:

— Что?

Мы с женой переглянулись.

— Гарри сказал, — продолжала Лида, — что кусает ногти, потому что тогда его папа не умрет, а папа у него очень старенький.

Прошло несколько минут — и раздался невыносимый, душераздирающий стон, словно в страшном сне. Мы с женой вскочили и бросились в кухню. Лида сидела, разинув рот, и глядела, как Том дрожащей рукой нажимает на ка-

рандаш с такой силой, как будто пытается процарапать свои инициалы на древесном стволе. На его лбу проступил пот, в глазах стояли слезы. Я зашел сзади и посмотрел ему через плечо. На рисунке был домик вроде ранчо с покосившимся навесом для автомобилей слева. В окне виднелись черный кот и женское лицо. Под рисунком Том выводил цифры и буквы.

— Грисуолд-плейс, двадцать четыре, — вслух прочитал я. А когда Том закончил писать и в изнеможении откинулся на спинку стула, я увидел и произнес название города: — Фоллс-Парк.

— Всего в часе езды к северу, — заметила Сьюзен.

Я похлопал Тома по спине и сказал ему:

— Мы отвезем вас домой.

Но сознание в нем снова угасло.

Наутро я встал затемно и велел Тому пойти по коридору в гостевую спальню и переодеться. Он отправился выполнять задание — послушно, как зомби, но словно бы неохотно; он стремительно старел и начал шаркать и слегка сутулиться при ходьбе. Буквально за одну ночь его волосы почти совсем поседели, и от него повеяло пугающей хрупкостью. Пока он одевался, я поднялся в спальню, поцеловал на прощание Сьюзен и сказал, что я увезу Тома, как мы и планировали.

— Удачи, — сказала жена.

— Хочешь на него посмотреть? — спросил я.

— Нет, хочу еще немного поспать — так что, когда проснусь, смогу считать всю эту историю скверным сном.

— Надеюсь, что успею довезти его до места прежде, чем он отдаст концы, — сказал я. — Он уже совсем старик.

Я устроил Тома на заднем сиденье машины и велел пристегнуться. Потом сел за руль и поехал. Когда я свернул на дорогу, ведущую из города, было еще темно.

Конечно, я делал слишком большую ставку на то, что по адресу, который написал Том, до сих пор живут его близкие или хотя бы знакомые. С тех пор как его похитили, прошло несколько десятков лет, но мне было все равно. Можете считать меня безумцем, но вспомните юриста из мелвилловского «Писца Бартлби», который в конце концов

бросил переписчика на произвол судьбы, — однако кто из вас смог бы столько для него сделать? Наплевать мне на сильных мира сего — пора положить этому конец.

— Я везу вас домой, — бросил я через плечо.

— Да-да, домой, — отозвался Том, и я решил, что это хороший признак.

Я взглянул в зеркало заднего вида, но разглядел только макушку Тома. Кажется, он съежился еще больше. Я стал готовиться к наихудшему варианту развития событий и представил себе, сколько с меня возьмут за химчистку салона, в котором разлилась полужидкая, отвратительная, гниющая масса.

Примерно на полпути Том начал издавать очень странные звуки — кашлять и придушенно хрипеть. За этим последовали длинные, затянувшиеся на несколько миль тирады на каком-то рокочущем гортанном языке. Я не мог разобрать, что он говорит, и в конце концов включил радио, чтобы его не слышать.

Хотя у меня были карта, адрес и рисунок, на поиски дома ушло час сорок пять минут. Солнце только-только показалось на горизонте, когда я притормозил у дома номер 24 по Грисуолд-плейс. Рисунок оказался просто великолепным.

— Идите и постучитесь вон в ту дверь, — показал я.

Я собирался выйти из машины и помочь ему, но не успел отстегнуть ремень, как услышал хлопок задней дверцы. Я обернулся и увидел, что зомби бредет прочь от машины. Он стал самым настоящим стариком, согбенным под бременем лет, которое навалилось на него и одолело всего лишь за время пути. Оставалось лишь надеяться, что трансформация подошла к концу.

Меня захлестнула волна печали, и я не мог отпустить нашего зомби, не попрощавшись. Я нажал кнопку на окне с его стороны. Когда стекло опустилось, я крикнул:

— Всего доброго!

Он остановился, медленно повернулся ко мне, и тогда я понял: да, трансформация совершилась. Волосы старика стали белоснежными, а лицо было покрыто сетью морщин. Это был Мальтузиан. Он стоял и смотрел на меня, и глаза у него были огромные даже без очков.

Меня затрясло от гнева — я почувствовал себя предателем и преданным одновременно.

— Мерзавец! — закричал я.

— Пусть это не помешает нам насладиться игрой, — ответил он с сильным акцентом, повернулся и поднялся по ступенькам.

Я остолбенел. Он постучал в дверь. Почти сразу же ему открыла женщина — такая же древняя старушка. Я услышал, как она ахнула, а потом обняла его.

— Ты вернулся! — воскликнула она с тем же акцентом, увела гостя в дом, и дверь захлопнулась.

— Марта Мальтузиан, его сестра, — пробормотал я и ударил кулаком по рулю.

Не знаю, сколько я просидел, глядя в никуда и пытаясь разобраться в хитросплетениях любви и предательства, во всем том, что заставило этого безумца превратить зомби в зомби себя самого. Но в конце концов я завел машину, вытер ладонью подбородок и поехал домой.

СЬЮЗАН ПАЛВИК

Прекрасные вещи

Сьюзан Палвик — автор романов «Полет в пространстве» («Flying in Place»), «Необходимый бедняк» («The Necessary Beggar») и «Приют» («Shelter»). Большая часть ее коротких рассказов, которые публиковались в «Azimov's», «Amazing Story», «F&SF» и в других изданиях, недавно были собраны в одном томе «Предназначение мышей» («The Fate of Mice»). Палвик лауреат Всемирной премии фэнтези, премии журнала «Locus», Мифопоэтической премии, а ее первый роман «Flying in Place» получил премию Кроуфорда как лучший дебютный роман фэнтези. Сьюзан Палвик — адъюнкт-профессор английского языка в Университете Невады, Рино. Она живет в предгорье Сьерра-Невады с мужем и тремя кошками.

Рассказ «Прекрасные вещи» вдохновлен гневом, который вызывают у Палвик разного рода политики, пытающиеся использовать трагедию одиннадцатого сентября как подпитку для своих кампаний или для разжигания войны. «Я начала задаваться вопросом: если бы все эти мертвые люди вернулись, о чем бы они нас попросили?» — говорит она. Судя по этой истории, автор не думает, что у мертвых были бы те же планы, что у живых.

Расти Керфаффл стоял на брезенте в роскошном офисе в деловой части города. Брезент был расстелен на чудесном шерстяном ковре, стены офиса оклеены спокойными однотонными обоями, стол перед Расти сработан из полированной древесины лиственных пород. На столе стояло пресс-папье — хрустальный шар с пурпурным цветком внутри. Шар сверкал в струившемся из окна солнечном свете, а цветок светился, будто горел. Расти желал это пресс-папье; любовь к хрустальному шару была сравнима с голодом. Но мужчина, который сидел за столом, не дал бы Расти пресс-папье.

Мужчина, сидевший за столом, был в дорогом костюме и имел напряженное выражение лица. Рядом с ним помощник блевал в ведро для бумаг.

— Сэр, — сказал помощник, подняв голову над ведром ровно настолько, чтобы успеть выдохнуть свое замечание. — Сэр, я думаю, это будет пиар-катастрофа.

— Заткнись, — сказал мужчина за столом, и помощник возобновил свое занятие. — Ты. Ты понимаешь, что мне от тебя надо?

— Конечно, — отвечал Расти, стараясь не глазеть на пресс-папье. Он знал, каким гладким и тяжелым будет оно в его руках, он жаждал обладать им. В этой драгоценной сфере был свет, была жизнь — маленький мир.

Наряд Расти когда-то был костюмом, теперь он превратился в сплетение сгнивших волокон. У Расти зудело ухо, но, если бы он его почесал, оно бы отвалилось. Он был мертв уже три месяца. Если ухо упадет на пол в этом роскошном офисе, мужчина за столом может и не разрешить Расти прикоснуться к пресс-папье.

Мужчина выдохнул, издав звук, напоминающий храп лошади.

— Хорошо. Ты сделаешь то, что мне от тебя надо, и получишь право на еще одну дневную прогулку. Все понял?

— Конечно, — сказал Расти.

И еще он понял, что прогулка будет первой частью. Мужчина за столом должен будет переоживить Расти и остальных, прежде чем они сделают то, о чем их просят. При оживлении они получают право на однодневную прогулку вне зависимости от того, выполняют они приказы или нет.

— Теперь я могу подержать пресс-папье?

Мужчина улыбнулся. Улыбка его не была дружеской.

— Нет, пока нет. Ты был не очень симпатичным человеком, когда был жив, Расти?

— Это правда. — Расти старался не обращать внимания на зудящее ухо. Пальцы его тоже покалывало от желания прикоснуться к пресс-папье. — Не был.

— Я все о тебе знаю. Я знаю, что ты обманывал жену. Мне известно о твоих инсайдерских операциях. Ты был мо-

ральным уродом, Расти. Но сейчас ты герой, не так ли? Потому что ты мертв. Твоя жена считает, что ты был святым.

«Это маловероятно», — подумал Расти. Линда умела наставлять рога не хуже его самого, а может, даже и лучше. Если она извлечет из его смерти выгоду, он не станет ее винить. Он бы так же поступил, если бы умерла она. Расти был рад, что для него все это в прошлом. Жизнь была слишком сложной и запутанной штукой.

Расти невозмутимо смотрел на мужчину за столом; галстук мужчины отражал искры от пресс-папье. Помощник продолжал блевать. Мужчина за столом выдал еще одну фальшивую улыбку и сказал:

— Это твой шанс стать настоящим героем, Расти. Ты это понимаешь?

— Конечно, — ответил Расти, потому что именно это хотел услышать мужчина.

Солнце скрылось за облаком, и пресс-папье сверкало не так ярко. Оно было столь же соблазнительно, как и прежде, но не таким мучительным образом.

— Хорошо. Потому что, если ты не справишься, если скажешь не то, что надо, я расскажу твоей жене, чем ты в действительности занимался при жизни, Расти. Я расскажу ей, каким ничтожеством, каким дерьмом ты был. Ты больше не будешь героем, Расти.

Помощник снова поднял голову от ведра. Вид у него был изумленный. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут же захлопнул его вновь. Расти улыбнулся бедолаге. «Может, я и был дерьмом и ничтожеством, — подумал он, — но я никогда не шантажировал трупы. Даже твой подхалим помощник понимает, какой ты моральный урод».

Солнце вышло из-за облака, и пресс-папье снова засверкало.

— Договорились, — сказал осчастливленный Расти.

Мужчина за столом наконец немного расслабился. Он откинулся в кресле. Он стал снисходительным и откровенным.

— Хорошо, Расти. Превосходно. В виде исключения ты совершишь один правильный поступок, так? Ты поможешь мне убедить всех этих трусов, что пора оторвать задницы от насиженных мест и заняться делом.

— Да, — сказал Расти. — Я совершу правильный поступок. Спасибо за предоставленную возможность, сэр. — На этот раз он был серьезен.

— Не за что, Расти.

Расти чувствовал, что вот-вот начнет ерзать, как щенок.

— Теперь я могу взять пресс-папье?

— Да, Расти. Подойди и возьми.

Расти осторожно, чтобы не сойти с брезента, шагнул вперед и схватил пресс-папье. Оно было таким же гладким, таким же тяжелым и восхитительным, как он и предполагал. Расти прижал пресс-папье к груди. Хрустальный шар приятно холодил пальцы, и Расти начал укачивать его, как младенца.

Расти никогда не понимал тонкости науки оживления мертвых, но полагал, что это и не важно. Вот результат — он воскрешен. Но Расти знал, что технология оживления жутко дорогая. Когда ее только придумали, горюющие родственники умерших раскошеливались на страховки, перезакладывали имущество, залезали в страшные долги только ради того, чтобы провести еще один день с любимыми, которых они потеряли.

Эта тенденция не продлилась долго. Мертвые не были приятны в общении. Технология работала только с теми, кто не был забальзамирован или кремирован, потому что оживлять следовало более или менее целые и более или менее не изменившиеся химически трупы. Таким образом, чаще всего оживляли жертвы несчастных случаев и самоубийц — внезапно умерших, неожиданно умерших, тех, кто умер не попрощавшись. Нелюбимых, искалеченных, израненных.

Мертвые пахли, они на глазах разлагались — быстрее или медленнее, в зависимости от того, сколько времени прошло между смертью и тем мгновением, когда их оживили. Они теряли пальцы и носы. Они оставляли после себя собственные частички, будто сувениры на память. И оживленных очень мало интересовали хитросплетения мира живущих. Их притягивали другие вещи. Они любили цветы и животных. Они любили играть с едой. Открытые краны приводили их в восторг. Первый из оживленных, мистер Отис Мэгрудер, погиб, врезавшись в дерево, когда катался на лыжах. Все двадцать

четыре часа своей второй жизни он просидел на подъездной дорожке к своему дому и лепил пирожки из земли, пока его жена и дети рассказывали ему, как сильно они его любят. Всякий раз, когда кто-либо из родственников мистера Мэгрудера страстно признавался ему в любви и преданности, он кивал и произносил: «Угу». Потом Отис в очередной раз запускал пальцы в землю и улыбался. На восемнадцатом часу, когда его жена, отчаявшись, спросила, что еще ему рассказать и может ли она ему что-нибудь дать, он поднял голову и спросил: «У тебя есть пластмассовое ведерко?»

Шестью часами позже, когда мистер Мэгрудер благополучно вновь ушел из жизни, его жена сказала журналистам: «Ну, Отис всегда витал в облаках. Думаю, поэтому он и врезался в то дерево». Однако оказалось, что следующие оживленные мертвые — промышленные магнаты, ученые, гангстеры — тоже были со странностями. Мертвых не привлекали вещи, которые интересовали живых.

В те времена мертвых оживляли крайне редко: большей частью для дачи свидетельских показаний по делу об их собственной смерти или по гражданским делам, касавшимся их финансового состояния. Они были плохими свидетелями. Их отвлекали яркие галстуки, блики ламп на полированном дереве скамеек в зале суда, тихое щелканье машинки секретаря. Было очень сложно удерживать их внимание, напоминать, о чем они должны думать. С другой стороны, когда их удавалось отвлечь от предметов, которые были в данный момент перед ними, мертвые демонстрировали поразительную память. Отлично срабатывали взятки в виде воздушных шаров и маленьких, ярко раскрашенных игрушек. Присяжные привыкли к виду безутешно рыдающего оживленного мертвого, пока склочные адвокаты вертели в руках, вне досягаемости свидетеля, разноцветные игрушки и машинки из спичечных коробков. Но если мертвые давали информацию, которая была необходима живым, это всегда была правда. Никто и никогда не поймал ни одного мертвого на лжи — и не важно, насколько лживым он был при жизни.

Мужчине за столом было крайне трудно пробиться сквозь влюбленность Расти в пресс-папье. Потребовалось немало усилий, чтобы привлечь внимание Расти. Грязные

подробности об изменах и инсайдерских сделках не подействовали. Все это уже не имело значения. Это был набор внешних деталей, далеких, как луна, и абстрактных, как мораль, которая также не имела влияния на Расти.

Его чувства, его привязанности были теперь гораздо предметнее.

Расти стоял в роскошном офисе, укачивал пресс-папье, как младенца, напевал ему вполголоса, временами держал хрустальный шар перед собой на вытянутой руке, любовался им и снова нежно прижимал к груди. У него оставалось еще два часа существования. Через месяц мужчина за столом оживит его и других на следующие двадцать четыре часа. Расти твердо намерсвался посвятить каждую минуту из своих нынешних двух часов созерцанию пресспапье. Когда его оживят снова, он влюбится во что-нибудь другое.

— Ты идиот, — сказал мужчина из офиса.

В данный момент он не сидел за столом. Прошел месяц после встречи с Расти, и мужчина был на рефрижераторном складе. Он орал на своего помощника. Вокруг него стояли оживленные мертвые, ожидавшие посадки в грузовики-рефрижераторы для поездки на митинг. Стоял чудесный теплый весенний день, и от них пахло бы гораздо меньше, если бы их как можно дольше держали в холоде.

— Эти мне не нужны. — Мужчина махнул рукой в сторону двух мертвых, которые были искалечены больше других: обугленные и изодранные тела едва походили на человеческие. Один играл со скрепкой, которую нашел на полу, второй сжимал и разжимал ладонь, пытаясь поймать пылинки в лучах света, проникавших из окна.

Помощник вспотел, несмотря на прохладу, царившую в помещении.

— Сэр, вы говорили...

— Я знаю, что я говорил, недоумок!

— Вы сказали, все, кто собран здесь...

— Идиот. — На этот раз голос звучал тихо и очень угрожающе. — Идиот. Ты знаешь, зачем мы здесь? Ты отдаешь себе отчет?

— Д-да, — запинаясь, отвечал помощник. — Да, сэр.

— О, что ты говоришь? Если ты отдаешь себе отчет, они не должны быть здесь!

— Но...

— Докажи мне, что ты понял задачу. — Голос был таким же тихим и угрожающим. — Скажи мне, зачем мы здесь?

Помощник нервно сглотнул.

— Чтобы напомнить людям, что значит верность и преданность. Сэр.

— Верно. И кому же они верны и преданны? Или должны быть верны и преданны?

— Безвинным жертвам, сэр.

— Да. Именно. И эти, эти существа здесь. — Рука нервно махнула в сторону двух искалеченных трупов. — Это — безвинные жертвы?

— Нет, сэр.

— Нет. Это не жертвы. Это монстры, которые несут ответственность за все эти другие невинные жертвы! Это они виновны, не так ли?

— Да, сэр.

— Они мертвы, и они это заслужили, так?

— Так, сэр. — Помощник нервно ломал руки.

— Все, ради чего собрали этот митинг, — это чтобы продемонстрировать, что некоторые люди заслужили быть мертвыми, верно?

— Да, сэр!

— Верно. Так почему же, ради всего святого, этих монстров оживили?

Помощник закашлялся.

— Мы использовали новую технологию, сэр. Ковровое оживление. Оно охватывает заданное географическое пространство. Эти смешались с остальными. Мы не могли соблюсти точность.

— Насрать, — отрезал тихий голос.

— Было бы слишком дорого оживить каждого из них по одному, — сказал помощник. — Благодаря новой технологии мы смогли сэкономить...

— Да я знаю, сколько мы смогли сэкономить! И я знаю, сколько мы потеряем, если наш план не сработает! Избавь-

тесь от них! Их не должно быть в грузовике! Их не должно быть на митинге!

— Сэр! Да, сэр!

Помощник, как только его босс ушел, принялся исправлять ситуацию. Он сказал двум нежелательным оживленным трупам, что в них не нуждаются. Он старался быть вежливым. Было трудно отвлечь их от скрепки и пылинок, пришлось использовать для этого фонарик и мячик. Подействовало; вот только на некоторых других оживленных это подействовало тоже, и они начали собираться вокруг помощника, курлыкая и протягивая руки к мячику. Их было около двадцати — тех, кто подобрался ближе. Другие, слава богу, оставались в своих маленьких мирах. Но эти двадцать хотели заполучить мячик. Помощнику казалось, что он угодил в детсад в преисподней или на голубятню с изуродованными и обезумевшими птицами.

— Послушайте! — Помощник возвысил голос, стараясь перекрыть воркование оживленных. — Послушайте меня! Вы двое! Вы со скрепкой и пылинками! Вы нам не нужны, понимаете? Все остальные нужны! Вы двое, не забирайтесь в грузовик! Вы поняли? Да? Вы кивнули, я не ошибся? Это значит — да?

— Ага, — сказал труп со скрепкой, а тот, который был в восторге от пылинок, закивал.

— Тогда хорошо, — сказал помощник и закинул мячик через их головы в угол склада.

Оживленные хором заверещали и гурьбой бросились в угол. Помощник воспользовался случаем, чтобы ускользнуть со склада на свежий воздух. Его противорвотное перестало действовать. Он не знал, дошло ли до нежелательных оживленных то, что он им сказал, да и насрать — вся эта затея грозила превратиться в пиар-катастрофу, не важно, кто из них заберется в рефрижератор. Помощника больше не волновало, уволят его или нет. На самом деле он надеялся, что его уволят, потому что тогда он смог бы получать пособие. Как только закончится митинг, он отправится домой и начнет работать над своим резюме.

А на складе тем временем Расти крепко схватил мячик. Он намеренно держался в задних рядах толпы. Он знал, что ему надо сделать, и ему пришлось сильно напрячься, чтобы сконцентрироваться, ведь было очень тяжело не обращать внимания на все эти прекрасные вещи вокруг: галстук помощника, клочок газеты на полу, блестящие колпаки на колесах грузовика... Мозг Расти работал не так хорошо, как во время первого оживления, потребовалась вся его энергия, чтобы сосредоточиться. Он стоял в задних рядах толпы и не сводил глаз с мячика, и когда помощник бросил его в угол склада, Расти первым оказался у цели. Мяч был у него. Расти схватил его и, трепеща от прикосновения к резиновым ворсинкам, сделал самую тяжелую вещь из всех, что ему приходилось делать: он пожертвовал наслаждением от обладания мячиком. Расти заставил себя отказаться от него ради большего блага. Он забросил мячик вглубь ближайшего грузовика и наблюдал за тем, как двадцать оживленных собратьев радостно кинулись по пандусу в рефрижератор. Была среди них неугодная парочка или нет? Да, они были там! От возбуждения они забыли о своем обещании помощнику.

Расти подбежал к грузовику. Он забрался в рефрижератор и боролся с желанием присоединиться к общей свалке за обладание мячиком. Вместо этого Расти Керфаффл, который не был героем и не был симпатичным человеком, достал что-то из кармана. У него был карман, потому что мужчина с тихим голосом дал ему новый синий блейзер, чтобы Расти выглядел более презентабельно, а в кармане блейзера лежало хрустальное пресс-папье с пурпурным цветком внутри. В прошлый раз Расти позволили оставить пресс-папье у себя, потому что до него больше никто не хотел дотрагиваться. «Оно теперь всё в гребаных трупных микробах», — сказал мужчина с тихим голосом, и Расти задрожал от радости. Ему не придется влюбляться во что-то другое, он может остаться с этой любовью.

И теперь Расти использовал пресс-папье, чтобы отвлечь от мячика двоих нежелательных трупов и еще нескольких, что были ближе к нему. А потом он стал с ними разговаривать, хотя было очень и очень трудно говорить связно.

Все, чего Расти на самом деле хотел, — это ласкать пресспапье.

Он ждал, когда закроются двери фургона.

За стенами склада была весна — благоуханное, цветущее время. Рефрижератор ехал мимо клумб, усаженных яркими цветами, мимо пешеходов, которые шли по тротуарам, подняв лица к солнцу, мимо парков, где дети в восторге взлетали на качелях к небу. Конвой грузовиков въехал в центральный городской парк и по трехполосной дороге проследовал к открытой эстраде в глубине этого парка. На сцене стоял мужчина с тихим голосом, рядом — его помощник. Одна часть собравшейся публики размахивала плакатами в поддержку мужчины с тихим голосом, вторая — осуждавшими его плакатами. И там, и там были вкрапления репортеров с камерами и микрофонами. Мужчина с тихим голосом без выражения смотрел в проход, разделявший публику на две части, и читал приготовленную помощником речь.

— Четыре месяца назад, — говорил он, — этот город пострадал от разрушительного, чудовищного нападения. Сотни невинных людей были убиты. Эти люди были вашими мужьями и женами, вашими детьми, вашими братьями и сестрами, вашими друзьями. Эти люди погибли в расцвете лет. Их жизни отобрали враги, которым они не причинили никакого вреда. Враги, которые хотели только одного — уничтожить их, которые и теперь хотят только одного — уничтожить нас. Этих людей уничтожило абсолютное зло.

Мужчина с тихим голосом выдержал паузу, ожидая, что толпа зашевелится. Но движения не последовало. Толпа наблюдала за ним и ждала. Только листья дрожали на легком весеннем ветру. Мужчина на сцене откашлялся и продолжил:

— В результате этого неслыханного акта разрушения мужественные лидеры нашей великой нации решили, что мы должны нанести ответный удар. Мы не можем оставить зло безнаказанным. И мы посылаем наших храбрых солдат на битву со злом, они уничтожат зло, уничтожат силы, которые забрали у нас наших любимых.

И снова пауза. На этот раз публика зашевелилась... немного. Кто-то с одной стороны собравшихся махнул плака-

том «МЫ НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ!». Кто-то на другой стороне махнул плакатом «ГЛАЗ ЗА ГЛАЗ – ВЕСЬ МИР БЕЗ ГЛАЗ!». Застрекотали камеры. Защебетали птицы. Рефрижераторы подъехали к навесу для оркестра, и мужчина на сцене улыбнулся.

— Я поддержал мужественное решение наших отважных лидеров,— сказал он. Голос его зазвучал чуть громче.— Существует только один способ среагировать на это ужасное зло, на насилие, жертвами которого стали те, кого мы любили, и то, что для нас свято. Эту принципиальную позицию поддерживают миллионы людей нашего великого народа. Но есть среди нас, среди вас,— тут мужчина свирепо глянул на человека, который размахивал вторым плакатом,— и те, кто заявляет, что эта позиция делает меня недостойным моего положения в кабинете, недостойным продолжать быть вашим лидером. Если это правда, тогда многие лидеры этой страны тоже недостойны.

Голос мужчины звучал все громче. Женщина, стоявшая рядом с мужчиной, который размахивал вторым плакатом, поднесла ладони рупором ко рту и бодро крикнула:

— Нет возражений, босс!

Кто-то в толпе засмеялся, кто-то загудел; камеры жужжали. Мужчина на сцене сверкнул глазами и продолжил уже совсем не тихим голосом:

— Но это ложь! Лидеры этого города, этого штата, этой нации должны быть мужественными! Должны быть принципиальными! Должны быть готовы дать бой злу, где бы оно ни находилось!

— Должны быть готовы послать одних невинных молодых людей убивать других невинных молодых людей! — крикнула та же женщина из толпы.

Толпа загудела еще громче.

Мужчина на сцене мрачно улыбнулся.

— Давайте вспомним, кто действительно невинен. Вспомним, кто был невинен четыре месяца назад. Если бы они могли говорить с нами, что бы они нам сказали? Что ж, скоро вы это узнаете. Сегодня я привел их сюда, наших мертвых возлюбленных, чтобы они поговорили с нами. Чтобы сами сказали, чего они от нас ждут.

Мужчина подал сигнал. Двери грузовика открылись. Трупы заковыляли из рефрижератора: они моргали от великолепного солнечного света, они глазели, разинув рты, на цветы и деревья, на складные стулья и стрекочущие кинокамеры. Толпа ахнула, некоторые начали рыдать. Остальных затошнило. Дополнительная команда помощников, хорошо подготовленных ко всякого рода случайностям, приступила к раздаче платков и пакетов; и на тех и на других были напечатаны слоганы компании.

Расти Керфаффл упрямо не обращал внимания на деревья и цветы, на складные стулья и камеры репортеров. Он упрямо отказывался думать о любимом пресс-папье, которое лежало у него в кармане. Он продвигался к сцене и тащил за собой нежелательных мертвых. В рефрижераторе Расти удалось решить сложную задачу: он снял с других трупов кое-какую одежду и обрядил в нее нежелательных. Так у него был шанс, что мужчина с тихим голосом не поймет, что́ Расти задумал, и не попытается его остановить. Пока все шло гладко.

Мужчина с тихим голосом говорил что-то о любви, о потерях и о насилии. Его помощники пытались организовать разбредавшихся мертвых. Большинство людей в толпе у сцены рвало. Расти прикрыл глаза, чтобы не видеть окружавшие его привлекательные вещи, и взял каждого из нежелательных за руку. Так они, как трое маленьких детей, переходили через дорогу. Сосредоточься, Расти. Иди к сцене...

Он добрался до сцены. Три ступеньки — и он стоит наверху, и два нежелательных трупа рядом с ним. Мужчина с тихим голосом повернулся к Расти и улыбнулся.

— А теперь, леди и джентльмены, перед вами Расти Керфаффл, героический муж Линды Керфаффл, которого вы видели по телевизору. Линда, ты с нами?

— Дорогой! — воскликнула женщина в толпе.

Она побежала к сцене, но на полпути ее остановил позыв к рвоте. Расти попробовал догадаться, сколько ей заплатили.

Один из помощников похлопал Линду по спине и передал ей пакет. Помощник на сцене пробормотал: «Пиар-катастрофа», — но слишком тихо для микрофонов. Мужчина с тихим голосом кашлянул, прочищая горло, и толкнул Расти в спину.

Расти догадался, что это сигнал к действию.

— Привет, Линда, — сказал он.

Он не мог понять, уловили ли микрофоны его слова, и поэтому помахал рукой. Линда махнула ему в ответ, сделала несколько шагов к сцене, и ее снова одолела рвота.

Помощник на сцене застонал, мужчина с тихим голосом вышел вперед и мрачно сказал:

— Я вернул Расти и этих мужественных граждан, этих патриотов, любимых, которых вы потеряли, чтобы они рассказали вам о том, какой ужасной и бессмысленной была их смерть и насколько важно бороться со злом. Чтобы вы услышали их мольбы совершить правильный поступок, так как некоторые из вас стали жертвой пропаганды.

Расти краем глаза увидел бабочку. Ему потребовалось зажать в кулак всю свою волю, чтобы не побежать за ней, а подойти к микрофону. Но он выполнит свой долг.

Он подошел к микрофону и подтащил за собой компаньонов.

— Привет, — сказал он. — Меня зовут Расти. Да вы это знаете.

Толпа не сводила с него глаз, многие продолжали блевать. Линда вытирала рот. Люди начали расходиться.

— Подождите! — окликнул их Расти. — Это действительно важно. Действительно.

Некоторые остановились и повернулись к сцене, скрестив руки на груди, остальные продолжали растекаться. Расти должен был сказать что-то, чтобы остановить их.

— Подождите, — сказал он. — Этот парень ошибается. Я не был храбрецом. Я не был патриотом. Я изменял жене. Линда, я изменял тебе, но, думаю, ты знала об этом. Я думаю, ты тоже мне изменяла. Это ничего, это сейчас не важно. Я многих обманывал. Я обманывал налоговых инспекторов. Я виновен в инсайдерских операциях. Я был моральным уродом. — Расти указал на мужчину с тихим голосом. — Это его слова, не мои, но я таким и был.

Ну вот, теперь его нельзя шантажировать.

Большинство из тех, кто уходил, остановились. Хорошо. Мужчина с тихим голосом запищал:

— Расти, что ты делаешь?

— Я делаю то, о чем он меня попросил, — сказал Расти в микрофоны. — Я, как он там говорил, умоляю вас совершить правильный поступок.

Расти запнулся. У него не хватало слов, он изо всех сил сконцентрировался на том, что собирался сказать дальше. Слева от него мелькнуло что-то фиолетовое. Еще одна бабочка? Расти повернулся. Нет, это был великолепный фиолетовый платок. Помощник на сцене махал им Расти. Сердце Расти растаяло. Он влюбился в этот платок. Этот платок был самой совершенной вещью из всех, что Расти видел в своей жизни. Кто не жаждет обладать носовым платком? И действительно, один из компаньонов Расти, тот, что слева, вцепился в платок.

Расти шагнул в направлении платка, но заставил себя остановиться. Нет. Помощник пытается отвлечь его. Помощник играет нечестно. Платок — это трюк. У Расти все еще есть пресс-папье. Ему не нужен платок.

Расстроенный, едва не плача, Расти вернулся к микрофонам и подтащил за собой нежелательные трупы. Трупы хныкали, но Расти оказался сильнее. Он знал, что это очень важно. Это было так же важно, как пресс-папье у него в кармане. Он уже не мог вспомнить, почему так, но он помнил, что когда-то это знал.

— Дорогой! — закричала Линда и рванулась к нему. — Дорогой! Я прощаю тебя! Я люблю тебя! Дорогой мой Расти!

На ней была шляпка. Она никогда не носила шляпки. Это еще один трюк. Расти затрясло.

— Линда, — сказал он в микрофон. — Заткнись. Закрой рот и уходи, Линда. Я должен кое-что сказать.

Один из компаньонов Расти, тот, что справа, тихонько взвизгнул и попытался пойти за Линдой, за ее шляпкой.

— Нет. — Расти крепко держал нежелательного. — Ты останешься здесь. Линда, сними эту блестящую шляпку! Спрячь ее, Линда!

— Дорогой! — сказала она, и правый труп вырвался от Расти и спрыгнул со сцены.

Линда закричала и бросилась прочь, мертвец потрусил следом. Расти вздохнул; помощник снова застонал; мужчина с тихим голосом тихо выругался.

— Ладно, — сказал Расти. — Вот что я должен вам сказать.

Некоторые из тех, кто провожал взглядом убегавшую Линду и ее преследователя, снова посмотрели на Расти, но не все. Что ж, здесь он ничего не может поделать. Он должен сказать это. Он смог вспомнить, что должен сказать, но не смог вспомнить почему. Ничего страшного. Он скажет это, а потом, может быть, и вспомнит.

— Я должен сказать вам вот что: умирать больно, — сказал Расти. Толпа приглушенно загудела. — Умирать очень больно. Это больно... больно всем. — Расти мучительно пытался вспомнить, почему это имеет значение. Он смутно припоминал, как умирал сам, как умирали вокруг него другие. — Всем больно. Всем одинаково. Этому парню и тому, который убежал, им тоже больно. Это Ари. А тот — Ахмет. Они были из тех, кто устанавливал бомбы. Они не успели уйти вовремя. Они тоже погибли.

Толпа ахнула, загудела громче, ругательства мужчины с тихим голосом тоже стали громче. Теперь Расти определенно завладел вниманием всех и каждого.

Он подтолкнул Ари.

— Это больно, — сказал Ари.

— И?.. — спросил Расти.

— Нам жаль, — сказал Ари.

— Ахмету тоже жаль, — сказал Расти. — Он говорил мне. Он бы и вам сказал, если бы не побежал за блестящей шляпкой.

— Если бы мы знали, мы бы этого не сделали, — сказал Ари.

— Почему? — спокойно спросил Расти.

— Мы сделали это по неправильной причине, — сказал Ари. — Мы ждали, что случится то, чего не случилось. Рай и, ну, там девственницы. — Ари смутился и посмотрел вниз на свои разлагающиеся ступни. — Нам жаль.

— Еще, — сказал ему Расти. — Расскажи им еще.

— Умирать больно, — сказал Ари. — Это не делает счастливым. Это никого не делает счастливым.

— И поэтому, пожалуйста, совершите правильный поступок, — сказал Расти. — Не убивайте больше никого.

Мужчина с тихим голосом взвыл и подскочил к Расти. Он схватил его за правую руку и потянул от микрофона. Рука оторвалась от туловища, и мужчина начал дубасить ею Расти по голове.

— Ты гребаная развалина! Предатель! Ты говорил, что расскажешь им...

— Я говорил, что совершу правильный поступок, — сказал Расти. — Я никогда не говорил, что моя версия правильного поступка совпадает с вашей.

— Ты солгал!

— Нет, не солгал. Я ввел вас в заблуждение, но я сказал правду. Что вы собираетесь сделать? — Расти оглядел толпу. — Убить меня? Мы и есть мертвые. Кого-то из нас вы любили. Кого-то ненавидели. Мы — мертвецы. Мы здесь, чтобы сказать вам: пожалуйста, не убивайте больше никого. Все когда-нибудь умрут, убьете вы их или нет. Это больно.

Толпа смотрела на Расти. Работали камеры. Никому из живых, собравшихся на тот митинг, никогда не приходилось слышать такую длинную речь от мертвого. Это действительно был исторический момент. Группе помощников удалось оттащить подальше мужчину с тихим голосом, который продолжал размахивать оторванной рукой. Расти, с одной оставшейся рукой, стоял на сцене, и рядом с ним — Ари.

— Посмотрите, — сказал Расти. Он отпустил Ари и достал из кармана пресс-папье. Он поднял пресс-папье над толпой. Ари закурлыкал и как завороженный потянулся к хрустальному шару, но Расти держал его высоко над головой. — Посмотрите на это! Посмотрите на сверкающий шар. Посмотрите на цветок. Он прекрасен. В вашей жизни есть все эти вещи, все эти прекрасные вещи. Солнечный свет и трава, и бабочки. Шляпки. Носовые платки. У вас не будет этого, когда вы умрете. Поэтому умирать больно.

Расти содрогнулся и вспомнил. Он вспомнил, что такое умирать, — умирать, понимая, что никогда больше не увидишь деревьев, никогда не выпьешь чашечку кофе, никогда не почувствуешь запах цветов, не увидишь отражения в окнах домов. Он вспомнил эту боль — боль осознания того, что́ ты теряешь, — приходящую, когда уже слишком поздно. И он знал, что живые не поймут его, не смогут понять.

Или, может быть, кто-то поймет, но другие только посмеются над ними. Расти, запинаясь, нескладно закончил свою речь. Он понимал, что любой сочтет его слова штампом.

— Радуйтесь прекрасным вещам, пока они у вас есть.

Женщина, которая перебивала мужчину с тихим голосом, нахмурилась.

— Вы пропагандируете алчность! Вот что убивает людей. Люди убивают друг друга из-за вещей!

— Нет, — сказал Расти. Он выдохся. Она не поняла. Вероятно, она никогда не поймет, пока не умрет и ее не оживят. — Просто радуйтесь им. Смотрите на них. Не деритесь из-за них. Вы не понимаете, да?

— Нет, — сказала женщина, — не понимаю.

Расти пожал плечами. Он слишком устал, у него не осталось сил, чтобы сосредоточиться. Его больше не волновало, поняла его эта женщина или нет. Мужчину с тихим голосом куда-то увели, Расти сделал то, что хотел сделать, хотя теперь это уже казалось не таким важным, как месяц назад, когда его оживили в первый раз. Он смутно припомнил: никому не удавалось толком чему-нибудь научить живых. Едва ли кто-то из них способен понять. Но Расти сделал то, что мог. Он рассказал им о том, что важно.

Женщина больше не привлекала внимание Расти, толпа тоже. Он прижал пресс-папье к груди и присел на край сцены, Ари устроился рядом. Они сидели на солнышке, любуясь хрустальным шаром, трогали его и мычали от счастья.

Живые понаблюдали за ними некоторое время, а потом начали расходиться. Другие трупы тоже разошлись кто куда. Они слонялись по манящему парку, и каждый из них был влюблен. Кто-то в воробья на тропинке, кто-то в шелковый шарф, подаренный женщиной из публики на митинге, кто-то — в смятый пакет из-под молока, который она бросила в урну. Мертвые были влюблены: они ходили и сидели, носили с собой предмет своей любви или не сводили с него глаз, застыв на месте. Они любили свои прекрасные вещи весь оставшийся день, пока солнце не опустилось за горизонт, и тогда люди тоже опустились на землю, и сокровища лежали рядом с ними. Они вновь уснули, но больше уже не просыпались.

ДЭВИД ТАЛЛЕРМАН

Стокгольмский синдром

Рассказы Дэвида Таллермана печатались в ряде журналов, таких как «Flash Fiction Online», «Andromeda Spaceways Inflight Magazine» и «Pseudopod». Его работы также выходили в антологиях и сборниках. Дэвид окончил Йоркский университет, где специализировался в истории литературы.

В «Стокгольмском синдроме» повествование ведется от лица безымянного персонажа, который пережил начало апокалипсиса, но это стоило ему дома, семьи, привычного образа жизни. «Его трудно назвать плохим, — говорит Дэвид, — но и хорошим его тоже не назовешь. Он остался один-одинешенек, ему не с кем поговорить и нечего делать, причем он сталкивается с такой ситуацией впервые в жизни. Он понимает, что в чем-то до ужаса похож на расхаживающих по улице мертвецов, а такое неприятное открытие будет встряской для любого человека».

Таллерман считает, что встречу с единичным зомби обычно можно представить в забавном свете, но сотни, тысячи зомби уже не кажутся смешными. С другой стороны, Таллерман говорит: «Очень легко забыть об угрозе, которую представляет один зомби. По крайней мере, до тех пор, пока он не решит закусить вашими внутренностями».

Один из них — я назвал его Билли, — он выглядел более... как бы это сказать? Более живым, чем все остальные. Обычно они просто бредут себе незнамо куда. Порой поднимут что-то с земли, но находка быстро им надоедает, так что они бросают ее и снова бредут без цели. Шума от них немного. Наверное, они догадываются, что тут есть люди; несколько дней в самом начале они колотили по заколоченным досками окнам и толкались в двери. Они не умеют лазить и не слишком сильны, так что со временем они оставили эту затею. А теперь они ковыляют по улицам или просто лежат на земле.

Забавно, что иногда они очень походят на людей, а иногда нет. Самые первые — те, что вылезли из земли, или я уж не знаю откуда, можно назвать их первым поколением, — те выглядят вполне прилично. Их можно отличить по походке, они ковыляют, будто только учатся ходить, и все время смотрят под ноги. Конечно, другие — те, до которых добралось первое поколение, — вот им здорово досталось. С их тел свисают ошметки, зияют глубокие раны, а у некоторых недостает половины лица. Они как раз похожи на восставших из могил мертвецов. На них даже легче смотреть, хотя все равно дрожь пробирает. Но по крайней мере, ты знаешь, с кем имеешь дело.

Но я говорил о Билли. Вот уж кто был представителем первого поколения до мозга костей! Не знаю, что уж с ним произошло, но, когда он появился в наших местах недели две назад, на нем был костюм, очень хороший костюм, и даже с гвоздикой в петлице. Не знаю, может, его как раз хоронили, когда все произошло. Остается только догадываться, что подумали родственники, когда он взял да и встал во время похорон.

В общем, при первом появлении он прошелся по главной улице тем еще щеголем. Вернее, не столько прошелся, сколько прошаркал, как и все они, но каким-то образом он ухитрился выглядеть смышленее остальных, более проворным. И костюм напомнил мне о моем мальчике, когда мы его хоронили. Поэтому я и назвал его Билли.

Билли быстро освоился. Он сразу сообразил, что люди остались только в двух домах: в моем и доме через дорогу. Оба забаррикадированы до чердаков. Надо сказать, мне тут особенно нечем гордиться — когда моя машина встала на шоссе милях в трех отсюда, я нашел этот дом уже в таком состоянии. Они забрались в него через окно (оно так и стояло открытым); вернее, двое забрались через окно, а двое других, наверное, как раз и были хозяевами дома. В ближнем бою с четырьмя еще можно справиться, к тому же у меня был револьвер. Думаю, мне повезло, что я сумел разделаться с ними прежде, чем они разделались со мной. Могло выйти совсем наоборот.

Я выкинул тела в окно и поспешил заколотить его, прежде чем остальные зомби догадались, что произошло. Мне

действительно крупно повезло: в доме нашлись винтовка с оптическим прицелом, консервы и куча других полезных вещей. Хозяева запаслись всем необходимым, чтобы переждать напасть, а потом потеряли бдительность. Случается. Нелегко постоянно быть начеку, особенно когда вокруг такое творится. Я старался не портить их вещи, это было бы нехорошо. Мне хватает винтовки и еды.

Но я снова отвлекся — я ведь рассказываю о Билли, а не о себе. И что интересно — стоило ему появиться в городе, сразу стало понятно, что он не такой, как все. Надо было догадаться, что от него будут неприятности, но скучно сидеть целый день без дела, особенно когда по телевизору и радио передают одни помехи. Следовало пристрелить его сразу. Знаете, поначалу палишь по всему, что движется, но потом начинаешь понимать, что пуль на всех не хватит. Сколько бы у тебя ни было пуль, зомби все равно больше.

Может, я поэтому и не пристрелил Билли при первой встрече. Или потому, что, когда он шел по главной улице, он так походил на моего парня. Или потому, что мне было чертовски скучно и вдруг произошло что-то необычное. В общем, это неважно.

В любом случае с первого взгляда было заметно, что он умнее остальных и не станет просто бродить по улицам. Для начала он обошел вокруг дома через дорогу, время от времени постукивая по доскам, будто проверяя на прочность. Потом он проделал то же самое с моим убежищем, и я слышал, как он скребется в окно, через которое я попал в дом. Должен сказать, я исполнился уважения. Обычно они ведут себя как тупые, ленивые дети, и это довольно быстро начинает действовать на нервы. Мне понравилось, что один из них решил проявить инициативу, хотя я понимал, что он еще доставит хлопот.

О себе я не волновался: каждое утро я проверял доски и периодически забивал новые — скорее для того, чтобы чем-то заняться, поскольку, как я говорил, зомби давно перестали ко мне ломиться. Но я не знал, как обстоят дела у семьи через дорогу; не знал, принимают они меры предосторожности или нет. Снаружи их жилище выглядело неплохо. Зву-

чит это сейчас глупо, но я не люблю лезть в чужие дела. Я знал, что их четверо, вроде как муж, жена и двое детей, но больше мне было ничего не известно. Улица широкая, и без оптики я бы ничего не увидел, а подглядывать за ними в прицел — ну не знаю, мне бы казалось, что я извращенец какой-то. Даже при нашем плачевном состоянии дел у людей должно оставаться право на личную жизнь, разве не так?

Переговариваться мы никак не могли; работай телефонная линия, я бы нашел их в телефонной книге. Или вывесил знак, но я не знал, смогут ли они его прочитать. Поэтому я просто оставил их в покое.

Судя по всему, Билли решил, что они представляют собой более легкую добычу, потому что после первого дня он больше меня не трогал. Но я все равно наблюдал за ним: во-первых, он вел себя интереснее остальных, да к тому же зомби были повсюду и смотреть было больше не на что. И зомби тоже интересовались им в меру своих способностей: кто это ходит по району так, будто что-то замыслил?

А Билли нашел себе занятие: на второй день своего появления в городе он выбрал единственное окно на правой стене того дома, как раз где заканчивалась веранда. Даже через прицел я с трудом мог разглядеть его. Мешала и веранда и раскидистое старое дерево, и я плохо видел, как он там двигается. Конечно, и так было понятно, что он задумал: нашел уязвимое место и решил, что если постарается, то сможет пробраться в дом. Я бы на это не рассчитывал. Наверняка семья внутри его услышала (не могла не услышать), и если они считали, что у него есть хоть малейший шанс забраться внутрь, то взамен каждой оторванной им доски они бы прибивали две. По крайней мере, я бы поступил именно так.

Я считал, что через пару дней ему надоест и он начнет бродить вокруг, как остальные. От этой мысли мне почему-то становилось грустно. Бог свидетель, я вовсе не желал ему успеха, но мне не хотелось смотреть, как он сдастся. Черт, может, я просто не хотел, чтобы он пошел по той же дорожке, что и мой Билли. Звучит глупо, я знаю. Сам не знаю, о чем я думал, — но мне было бы жаль.

На следующий день, когда я проснулся, он все еще трудился над окном. Более того, он собрал вокруг себя зрите-

лей. Огромная толпа зомби — сотня, а может, и больше — собралась на лужайке. Некоторые стояли, но большинство расселись на траве, будто пришли на представление. Я все никак не мог разглядеть, что же делает Билли. Меня снедало любопытство — что же такое он делает, что сумел привлечь внимание своих собратьев? Я начал выискивать лучшую точку обзора и вдруг вспомнил о лестнице на чердак — и точно, когда я туда забрался, обнаружил большое окно с видом на улицу. Чердак в свое время переделали, он выглядел так, будто когда-то там жил ребенок, но потом он вырос и уехал, а родители не захотели ничего менять. Окно оказалось настолько большим, что мне удалось устроиться на подоконнике. И оттуда я сумел четко разглядеть Билли. Меня как током стукнуло. Я никогда не видел, чтобы зомби так на что-то набрасывались: он дергал и дергал доски. Пальцы у него были все в крови, и через прицел было видно, что некоторые ободраны до кости. Но Билли это не останавливало; думаю, он даже не чувствовал ран. Две доски он успел оторвать — они лежали рядом на траве. И все же я сомневался, что у него получится. Та семья просто приколотит другие доски изнутри, а если он доберется и до тех, они приколотят еще. Несмотря на то что Билли выглядел сильнее и смышленее остальных зомби, с людьми ему не сравниться.

Тем не менее я не мог глаз оторвать от его стараний. Не считая небольшого перерыва на обед, я наблюдал за Билли весь день, до темноты. К концу дня он сорвал половину внешних досок, и на этом я его оставил — думаю, темнота ему не мешала.

Наутро я проснулся рано и перенес все свои припасы на чердак, вместе с найденной в доме газовой плиткой. Ни с того ни с сего Билли стал центром моей жизни — я еще подумал, что ничем не отличаюсь от тупиц, которые сидят на лужайке и смотрят на него как на лучший аттракцион в паноптикуме.

Только когда я взгромоздился на свой насест у окна, они больше не сидели. Они сгрудились вокруг Билли в его приличном костюме и все до единого рвались в это окно. Не менее двадцати отрывали доски, и я сразу понял — что

бы там ни предпринимали изнутри люди, это бесполезно. Они возьмут массой.

И точно, прошло не более минуты, как я занял свой наблюдательный пункт, и баррикада рухнула — доски и тела посыпались внутрь. У меня еще мелькнула сумасшедшая мысль, что не иначе как Билли дожидался меня, что ему нравилось работать на зрителей.

Я не стал ничего предпринимать — а какой смысл? Если та семья находилась у окна, а я уверен, что так и было, они умерли в тот момент, когда сдали доски. Я почти ничего не чувствовал, как при шоке. Зомби все лезли и лезли в окно, отпихивая друг друга, словно им больше ничего не надо. Даже когда комната заполнилась до предела, они все равно продолжали лезть, пока на лужайке их не осталось всего ничего, да и те толкались у окна.

Стояла тишина — странная тишина, учитывая, что только что произошло, — но я даже не замечал ее, пока не раздался крик. И тогда, наоборот, странным показался звук, потому что я привык к тишине. Мне пришлось отложить винтовку, чтобы понять, откуда доносится крик. Кричали со второго этажа, с другой стороны дома — кричала дочка, девочка лет двенадцати. Должно быть, родители заперли ее в надежде, что там будет безопаснее. Она высунулась из окна и кричала; она не смотрела в мою сторону, и я даже не знал, догадывается ли она о моем присутствии, просит ли о помощи или просто кричит. Я ничего не мог для нее сделать. Если бы она спрыгнула на крышу веранды, а с нее на дорогу, то я мог бы ей помочь, но как дать ей знать? Я снова поднял винтовку. Не знаю зачем — может, я хотел пристрелить несколько зомби, прежде чем они доберутся до нее, или облегчить судьбу девочки. Думаю, так мне и следовало поступить; *не знаю, пришло мне тогда это в голову или нет.* Это трудное решение.

И, знаете, я сразу догадался, что первым до нее доберется Билли, поэтому я совсем не удивился, когда он появился в окне. *Девочка даже не заметила его,* поглощенная своим криком. Двойное окно было длинным, и между ними еще оставалась пара футов. Билли ковылял не спеша, и я бы без труда разнес ему голову.

Я положил палец на курок — и остановился. Я думал только о том, что стал счастливее с тех пор, как Билли появился на главной улице, о том, как он походил на моего парня. Пусть он зомби, но он сообразительный, и разве есть у меня право убивать его? И еще в голове вертелось: «Все равно всех не перестреляешь, пуль не хватит, один из них до нее доберется, и почему бы не Билли?» Я знаю, что был неправ, — если бы мне удалось выиграть время, девочка могла бы опомниться и спрыгнуть на веранду.

Я снова вскинул винтовку, но стало уже поздно.

Билли качнулся вперед, обхватил ее голову окровавленными обрубками пальцев и впился зубами в щеку девочки. Так он и остался стоять, и можно было подумать, что он ее целует, если бы не хлещущая кровь. Она заливала его красивый костюм. Через прицел я видел, как двигаются его челюсти. И тут он перестал походить на моего парня; он походил на чудовище. Я нажал на курок; на пару секунд его голова превратилась в кровавое облако, и кровь дождем осыпала на все вокруг. Когда облако рассеялось, он все еще стоял, и хотя голову его больше ничто не держало, она продолжала висеть на лице девочки. Я выстрелил еще раз, и они оба упали. Я знал, что девочка все равно мертва, но лучше мне от этого не стало.

Вот так закончилась история Билли. И думаю, что моей тоже пора заканчиваться. Вчера я нашел этот старый диктофон, и, наверное, мне захотелось выговориться. Вполне возможно, что никто не услышит мою запись. Но вдруг придет день, когда эта беда закончится, и сдается мне, что все мы можем чему-нибудь научиться из моего рассказа. Или же люди постараются как можно скорее забыть то, о чем лучше помнить. Потому как вот что я думаю: то, что они нас убивают, это не самое страшное. Самое страшное, что они превращают нас в себе подобных, отнимают у нас способность чувствовать. Даже если они до тебя не добрались, каждый день ты теряешь частичку своей человечности, и каждый день ты потихоньку умираешь.

А может, я всегда был таким. Я даже ни разу не плакал по Барбаре и моей малышке, хотя я до боли по ним скучаю. Но плакать не могу. Если подумать, по Билли я тоже не

плакал. Когда его закапывали, я был зол и никак не мог понять, зачем он решился на такой глупый, эгоистичный поступок. Черт, я знаю, что был плохим отцом, но, если бы он попытался со мной поговорить, я бы нашел, что ему сказать.

И все же сейчас я лучше понимаю Билли — ах, если бы он был здесь, я бы сказал это лично ему, а не этой глупой машине. Один из полицейских сказал мне, что Билли сам толком не знал, что делает, потому что никто не стреляется в грудь. Лучший способ — в рот, немного приподняв дуло.

С винтовкой это трудно проделать, но мне повезло, и в револьвере осталось несколько патронов — а мне понадобится только один.

Что я пытался сказать раньше, чему они научили нас, так это тому, что быть живым вовсе не означает жить. И я думаю, что я уже мертв.

По крайней мере, при данном раскладе я останусь мертвым.

ДЖО ХИЛЛ

Воскрешение Бобби Конроя

Джо Хилл — популярный писатель, автор романа «Коробка в форме сердца» («Heart-Shaped Box») и сборника рассказов «Призраки двадцатого века» («20th Century Ghost») — книг, которые были удостоены премии Брэма Стокера. За свою новеллу «Добровольное заключение» («Voluntary Committal») он получил Всемирную премию фэнтези, а за рассказ «Лучший новый ужас» («Best New Horror») — Британскую премию фэнтези и премию Брэма Стокера. В данный момент Хилл совместно с художником Габриелем Родригесом работает над созданием мини-серии комиксов «Замок и ключ» («Locke&Key»). Почти в то же время, что и данная антология, выходит включающее в себя все выпуски издание «Замка и ключа» в твердом переплете.

О «Воскрешении Бобби Конроя» Хилл говорит, что этот рассказ представляет собой историю о мужчине и женщине, в прошлом испытывавших друг к другу романтические чувства, которые случайно встречаются в массовке на съемках фильма «Рассвет мертвецов» в 1977 году. «Теоретически, это рассказ о любви, — комментирует Хилл. — Но на самом деле это рассказ о моей двадцатилетней любви к фильмам о зомби, снятым Джорджем Ромеро».

Бобби узнал ее не сразу. Она тоже была изувечена. У всех тридцати человек, прибывших первыми, были раны.

Грим накладывал Том Савини собственной персоной. Лицо этой женщины имело серебристо-голубой оттенок. Под вваливщимися глазами залегли темные круги. На месте правого уха зияла глубокая рваная рана, можно сказать, дыра в коже, и была видна мокрая красная кость. Они сели рядом на каменный парапет вокруг не работавшего сейчас фонтана. Она положила на колени свою часть сценария — всего-то три страницы, скрепленные степлером, — и просматривала ее, сосредоточенно хмурясь. Бобби уже прочитал свою часть, пока стоял в очереди на грим.

О Гарриет Резерфорд ему напомнили ее джинсы. На них было большое количество заплаток, похожих на кусочки платков: красные и синие квадратики ткани с набивным рисунком-пейсли. Гарриет всегда носила такие джинсы. Подобные заплатки на затянутых в джинсы женских попках мгновенно заводили Бобби.

Он провел взглядом вдоль ее согнутых ног, вниз по джинсовому клешу до голых ступней. Она сидела, скинув сандалии, и массировала пальцами одной ноги пальцы другой. Когда он это увидел, то почувствовал, как сердце подпрыгнуло в каком-то болезненно-радостном возбуждении.

— Гарриет? — позвал он. — Неужели передо мной малышка Гарриет, которой я в школе посвящал любовные стихи?

Она посмотрела на него через плечо, скосив взгляд. Она могла не отвечать, потому что он уже точно ее узнал. Смотрела она долго, основательно, и через некоторое время ее глаза будто расширились от удивления. Они были совершенно живого, ярко-зеленого цвета, и ему показалось, что в них на секунду промелькнуло волнение, означавшее, что она тоже его узнала. Но потом она отвернулась, снова уставившись в страницы.

— Никто мне никаких стихов не посвящал, — сказала она. — Я бы запомнила. И умерла бы от счастья.

— Когда нас оставляли после уроков отбывать наказание. Помнишь, как мы получили две недели за пародию на шоу поваров? Ты вырезала из огурца член. Потом сказала, что его нужно тушить в течение часа и засунула себе в штаны. Это же самая лучшая шутка в истории школьного комедийного кружка!

— Не знаю. У меня хорошая память, но что-то я не припомню никакого школьного комедийного кружка. — Она продолжала смотреть в листы бумаги, лежавшие на коленях. — Может, ты помнишь что-нибудь конкретное из этих воображаемых стихов?

— В смысле?

— Хотя бы строчку. Если ты процитируешь что-нибудь из этих стихов, — хоть одну душераздирающую строчку, — то, вероятно, я сразу все вспомню.

Сначала он не был уверен, что сможет. Он посмотрел на нее пустым взглядом и, уперев язык в нижнюю губу, судорожно попытался восстановить в памяти хоть самую малость, но голова отказалась работать.

Но затем его рот раскрылся, и он стал говорить, одно за другим вспоминая слова:

— Обожаю смотреть, как ты моешься в душе. Нет для меня зрелища лучше. Когда ты мылишь свою грудь...

— ...Мне сразу сильно джинсы жмут! — закончила Гарриет, поворачиваясь к нему всем корпусом. — Черт побери, Бобби Конрой, иди скорее сюда обниматься, только смотри не испорти мне грим!

Он наклонился и обнял ее худенькую фигурку. Потом закрыл глаза и сжал ее крепче, чувствуя себя нелепо счастливым, наверное, самым счастливым после переезда назад к родителям. И дня не проходило здесь, в Монровилле, чтобы он не вспоминал о ней. Он страдал от депрессии и мечтал об этой встрече, причем его мысли начинались именно с такой сцены. Хотя нет, не совсем с такой, так как он не предполагал, что когда они встретятся, то будут загримированы под полуразложившиеся трупы. Но в целом примерно с такой.

Просыпаясь по утрам в спальне, расположенной над родительским гаражом, он ощущал себя подавленным и вялым. Подолгу не вставая со старого слежавшегося матраса, он смотрел сквозь окна в крыше. Они были серыми от пыли, и через них небо всегда выглядело матово-белым и плоским. Ему не хотелось вставать вообще. Он еще помнил, как когда-то просыпался в этой самой постели с верой в безграничность собственных возможностей, так свойственной подросткам, и с полным зарядом энтузиазма на день. Эта память только усугубляла его состояние. Мысли о новой встрече с Гарриет, о возвращении к их старой дружбе, которые зачастую перетекали у него в мысли о сексе, потому что он не забыл, как бывал с ней в гараже ее отца, как она лежала на спине на заляпанном бетонном полу, широко раскинув худенькие ноги в носках, хоть как-то разгоняли его кровь, заставляя двигаться дальше. Все другие мысли были шипастые. Разбирая их, он получал очень болезненные уколы.

Они так и стояли обнявшись, пока их не привел в чувство детский голос поблизости:

— Мам, кто это?

Бобби Конрой открыл глаза и перевел взгляд направо, откуда слышался голос. На них пристально смотрел маленький синелицый мальчик-зомби с мягкими черными волосами и в фуфайке с капюшоном, который он натянул на голову. Бобби почувствовал, что объятия Гарриет становятся слабее. Медленно она опустила и убрала руки. Бобби еще некоторое время смотрел на мальчика, — он дал бы ему лет шесть, не больше, — а потом перевел взгляд на руку Гарриет и увидел на безымянном пальце обручальное кольцо. Бобби снова посмотрел на малыша и заставил себя улыбнуться. В течение этого года он побывал на более чем семиста прослушиваниях в Нью-Йорке, и у него был в запасе целый каталог фальшивых улыбок.

— Здорово, приятель. Я Бобби Конрой. Твоя мама и я знаем друг друга очень, очень давно, с первобытных времен, когда по земле бродили мастодонты!

— И меня тоже зовут Бобби, — отозвался мальчик. — А ты много знаешь про динозавров? Я очень люблю динозавров!

Бобби почувствовал, что у него сжимается сердце. Он бросил взгляд на Гарриет, хотя не хотел смотреть на нее в данный момент. Но не удержался и обнаружил, что Гарриет наблюдает за ним, улыбаясь. Натянуто, неестественно.

— Имя выбрал мой муж, — объяснила она, неизвестно почему похлопав его по ноге. — В честь кого-то из «Янкиз»[1]. Он сам из Олбани.

— Ну я знаю только про мастодонтов, — ответил Бобби малышу, удивившись при этом, что его голос даже не дрогнул. — Это такие огромные мохнатые слоны высотой со школьный автобус. Давным-давно они паслись по всему Пенсильванскому плато и везде оставляли какашки размером с маленькую гору. На одной из таких гор люди позже построили Питсбург.

[1] Видимо, имеется в виду знаменитая бейсбольная команда «Нью-Йорк Янкиз».

Малыш хихикнул и исподтишка посмотрел на мать, вероятно, чтобы увидеть, как она отреагирует на слово «какашки», произнесенное так запросто. Но она не возражала и только улыбалась.

Тут Бобби заметил руку мальчика и отпрянул.

— Фу-у! Это самая клевая рана из всех, которые я сегодня видел. Это что, накладная рука?

У малыша не хватало трех пальцев на левой руке. Бобби дернул ее, ожидая, что протез снимется. Но под слоем синего грима была теплая детская ручка, и мальчик отобрал ее у Бобби.

— Нет, — сказал он. — Это моя. Она просто такая.

Бобби залился краской стыда так, что у него запылали уши, и он обрадовался, что загримирован. Гарриет легко прикоснулась к его руке.

— У него на самом деле нет трех пальчиков, — сказала она.

Бобби посмотрел на нее, пытаясь сформулировать извинение. Ее улыбка сейчас была несколько напряженной, но вроде она не злилась, и то, что ее рука касалась его, было хорошим знаком.

— Я сунул ее в настольную пилу, но ничего не помню, потому что был маленький, — объяснил малыш.

— Дин занимается пиломатериалами, — сказала Гарриет.

— Дин тоже где-то здесь бродит? — спросил Бобби и стал озираться по сторонам, театрально вытянув шею, хотя, конечно, понятия не имел, как выглядит Дин.

Два этажа торгового центра, выходившие в основной зал, были наводнены людьми, загримированными, как и они, под недавно убиенных. Зомби сидели на скамейках, стояли группками, разговаривали, подшучивали на уродством друг друга или читали розданные им напечатанные страницы сценария. Торговый комплекс был закрыт, а стальные решетки у входных дверей опущены. В здании находились только зомби и съемочная группа.

— Нет, он привез нас сюда и уехал на работу.

— В воскресенье?

— У него свое собственное дело.

Нельзя было желать лучшего момента для какого-нибудь убойного каламбура, и Бобби задумался, подыскивая

нужные слова. Но потом ему пришло в голову, что изобретать шутки на тему воскресных занятий Дина в присутствии его жены и малолетнего сына скорее всего неправильно, даже несмотря на то, что они с Гарриет когда-то были закадычными друзьями и звездами школьного комедийного кружка. Бобби ограничился только простым:

— Вот как? Ну ладно.

— Мне нравится этот большой страшный порез у тебя на лице, — сказал малыш, показывая на лоб Бобби, украшенный жуткой раной. Кожа была разодрана до кости. — Правда ведь, человек, который нам это сделал, крутой?

Бобби действительно поражался тому, что вытворял Том Савини. Гримируя Бобби, он то и дело заглядывал в книгу с разными фотографиями со вскрытий: люди с несчастными изувеченными лицами были по-настоящему мертвы и никогда не восстанут из могил, чтобы насладиться чашечкой кофе за столиком кафе, обслуживающего съемки. Савини изучал раны как настоящий ценитель и знаток, как художник, созерцающий источник своего вдохновения.

Однако Бобби понял, что именно малыш имел в виду. Савини, в черной кожаной косухе, байкерских ботинках, при черной бороде и знаменательных бровях, густых, черных и загнутых вверх, как у Мистера Спока или Белы Лугоши[1], был похож на кумира поклонников дет-металла.

Кто-то захлопал в ладоши. Бобби огляделся. Режиссер Джордж Ромеро, человек-медведь, более шести футов ростом, с густой коричневой бородой, стоял недалеко от входа на эскалатор. Бобби отметил, что многие члены съемочной группы носили бороды и длинные волосы. Одеты они были в воинственно-неформальном стиле и обуты в берцы, как у Савини, так что они все сильно смахивали на диссиденствующих революционеров.

Бобби, Гарриет и маленький Боб подошли к другим статистам, собравшимся послушать, что скажет Ромеро. Говорил он уверенным басом, а когда ухмылялся, то у него на щеках появлялись ямочки, которые были видны даже сквозь

[1] *Мистер Спок* — герой сериала «Звездный путь». *Бела Лугоши* — актер, создавший классический типаж графа Дракулы.

бороду. Он спросил, знает ли кто-нибудь из присутствующих что-либо о кинематографе. Несколько человек, включая Бобби, подняли руки. Ромеро вознес за это хвалу Богу, и все засмеялись. Он сказал, что рад всех их приветствовать в мире крупнобюджетных голливудских картин, и все снова захохотали, потому что Ромеро снимал только в Пенсильвании, и все знали, что у «Рассвета мертвецов» бюджет ниже плинтуса, практически нулевой. Ромеро поблагодарил их за то, что они пришли, и сообщил, что за десять часов изматывающей работы, которая потребует от них огромного напряжения, им заплатят наличными сумму столь огромную, что он стесняется произнести ее вслух. Он поднял руку с зажатой в ней долларовой купюрой, и его слушатели опять заготовали. На этом Том Савини, который был на втором этаже, перегнулся через перила и крикнул:

— Чего смеетесь, это больше, чем мы сами получим за работу над этой фигней!

— Для многих из нас все это — работа ради любимой работы, — сказал Джордж Ромеро. — Вот, например, Том здесь именно потому, что обожает размазывать по физиономиям гной.

Кто-то в толпе, окружавшей Ромеро, простонал:

— Гной-то ненастоящий, искусственный!

— Ждите, ненастоящий, — откуда-то сверху отозвался Савини, которого уже не было видно у перил.

Снова раздался смех. Бобби было кое-что известно о комической разрядке на съемках, и у него возникло подозрение, что этот маленький диалог был отрепетирован и повторялся уже не один раз.

Ромеро стал рассказывать сюжет. Мертвецы возвращались к жизни, им нравилось пожирать людей, и правительство потеряло контроль над этой кризисной ситуацией. Четверо главных героев укрылись в торговом центре. Здесь Бобби отвлекся и обнаружил, что смотрит на другого Бобби, сына Гарриет. У малыша было длинное серьезное лицо, глаза цвета темного шоколада и спутанные прямые черные волосы. Откровенно говоря, ребенок был немного похож на самого Бобби, у которого тоже были карие глаза, худое лицо и густая черная шевелюра.

Бобби подумалось, что, может быть, они и с Дином похожи. От этой мысли его бросило в жар. Что, если Дин заедет проведать Гарриет и Боба и окажется, что внешне это его близнец? Эта мысль настолько его растревожила, что он почувствовал слабость, но потом опомнился. Он был загримирован под ходячий труп, синелицый, со страшной раной на голове. Даже если они с Дином и были похожи, то сходства никто не заметит.

Ромеро заканчивал давать указания насчет походки зомби. Он изобразил, как надо ходить, закатив глаза и ослабив мышцы лица, и потом объявил, что съемка первых сцен начнется уже через несколько минут.

Гарриет резко развернулась к нему, уперев руки в бока и часто театрально моргая. Но он повернулся к ней в тот же самый момент, и они практически врезались друг в друга. Она было открыла рот, чтобы заговорить, но не нашла подходящих слов. Они стояли совсем рядом, и эта физическая близость неожиданно ее напугала. Бобби тоже не знал, что сказать, все мысли разом будто исчезли. Гарриет засмеялась и помотала головой. Ее реакция показалась ему неестественной: она была скорее выражением беспокойства и нервного возбуждения, но никак не радости.

— Ну что, вперед, товарищ, — сказала она.

Бобби вспомнил, что когда не ладилась сценка и Гарриет это раздражало, то она начинала изображать персонаж в стиле Джона Уэйна[1]. Нервная привычка, которую он в свое время просто ненавидел, сейчас удачно разрядила атмосферу между ними.

— Скоро уже мы будем что-нибудь делать? — спросил маленький Боб.

— Скоро, — ответила Гарриет. — Давай-ка, потренируйся ходить, как зомби. Пошастай тут немножко.

Бобби и Гарриет снова присели на край фонтана. Сжав руки в маленькие костлявые кулачки, Гарриет положила их на колени. Странным взглядом, обращенным внутрь себя, она уставилась на руки на коленях. И снова принялась массировать пальцами одной ноги пальцы другой. Бобби нару-

[1] *Джон Уэйн* — актер, «король» американского вестерна.

шил молчание. В конце концов, кто-то из них должен был заговорить первым.

— Не могу поверить, что ты замужем и у тебя ребенок, — начал он веселым и удивленным тоном, который всегда использовал, когда друзья в очередной раз сообщали ему, что получили роль, на которую он только что прослушивался. — Мне нравится твой пацан. Симпатяга. Хотя как может не понравиться этакий полуразложившийся малец?

Она вернулась к нему из мира своих размышлений и робко улыбнулась.

— Давай-ка выкладывай все про твоего Дина, — продолжал Бобби.

— Он заедет чуть позже. Отвезет нас пообедать. Поедешь с нами?

— Ну конечно! — воскликнул Бобби, отметив про себя, что надо бы постараться демонстрировать поменьше энтузиазма.

— Дин всегда стесняется, когда его знакомят с новыми людьми, так что не жди от него многого.

— Да ладно. — Бобби снисходительно помахал рукой, давая Гарриет понять, что все будет нормально. — Мы найдем о чем потрепаться. Я всегда был неравнодушен к темам деревообработки и производства фанеры.

Подтрунивая над ее мужем, которого совсем не знал, Бобби шел наугад. Но Гарриет только усмехнулась и сказала:

— Да, пожалуйста, можешь выспросить у него все про размеры досок. Задавай любые неприличные вопросы, даже те, которые ты всегда стеснялся задать.

Какое-то время они оба немного глупо улыбались, сидя рядом и практически соприкасаясь коленями. Они так и не научились разговаривать друг с другом. Они ощущали себя наполовину на сцене, стараясь использовать слова друг друга в качестве отправной точки для какой-нибудь хохмы. Совсем ничего не изменилось.

— Мне никак не верится, что мы с тобой встретились тут, — сказала Гарриет. — Мне было очень интересно, что с тобой происходит. Вообще я много о тебе думала.

— Правда?

— Я думала, что ты уже знаменит.

— Ха, теперь нас таких двое, думавших, — сказал Бобби и подмигнул ей. И тут же раскаялся. Это были фальшивые эмоции, а он не хотел фальшивить с Гарриет. Он поспешно заговорил, отвечая на вопрос, который она не задавала: — Я собираюсь осесть. Вернулся сюда месяца три назад. Живу пока с родителями, повторно адаптируюсь к Монровиллю.

Она кивнула, не отводя от него взгляда, серьезного настолько, что Бобби стало не по себе.

— Ну и как, получается?

— Потихоньку, понемногу, — солгал Бобби.

В перерывах между сценами Бобби, Гарриет и маленький Боб сочиняли истории о том, как они покинули этот мир.

— Я работал комедийным актером в городе Нью-Йорке, — рассказывал Бобби, ощупывая рану у себя на голове. — И один раз, когда я был занят в спектакле, произошло ужасное.

— Ага, — встряла Гарриет. — Объявили твой выход.

— Произошло то, чего раньше никогда не случалось.

— Что? Неужели кто-то в зале засмеялся?

— Нет, я в тот день был в ударе. Зрители катались по полу от смеха.

— Они просто бились в агонии.

— И вот когда я вышел на поклон, произошло несчастье. Работник сцены, который находился наверху под потолком, уронил мне на голову сорокафунтовый мешок с песком. И я умер под гром аплодисментов!

— Просто зал аплодировал этому монтеру, — сказала Гарриет.

Малыш Боб серьезно посмотрел на Бобби и взял его за руку:

— Мне очень жаль, что тебя стукнули по голове. — Он прикоснулся сухими губами к костяшкам Бобби.

Бобби уставился на него сверху вниз. Его руку слегка щекотало в том месте, где малыш ее поцеловал.

— Он всегда был самым ласковым, самым жалостливым ребенком на свете, — объяснила Гарриет. — В нем столько сочувствия ко всем. При любом крошечном проявлении сла-

бости он готов кинуться человеку на шею, чтобы пожалеть.— Она потрепала сына по волосам. — А тебя что прикончило, малявка?

Малыш поднял руку и пошевелил обрубками пальцев:

— У меня пальцы попали в папину пилу, и я умер от потери крови.

Гарриет улыбнулась, но ее взгляд слегка затуманился. Она засунула руку в карман и выудила монетку.

— Иди купи себе жвачку, детка.

Мальчик схватил деньги и убежал.

— Мы, наверное, кажемся безответственными родителями, — сказала Гарриет, провожая сына отсутствующим взглядом. — Но в этой истории с пальцами никто не виноват.

— Я и не подумал, что вы виноваты.

— Пила была выключена, да ему и не было еще двух лет! До этого он никогда ничего не включал в розетку. Мы не думали, что он умеет. И Дин был с ним. Все случилось очень быстро. Ты представляешь себе, сколько разных обстоятельств должно было совпасть, чтобы это произошло? Дин думает, что его напугал звук заработавшей пилы и он протянул руку, чтобы ее остановить, потому что боялся, что ему влетит. — Она замолчала на минуту, наблюдая за тем, как ее сын покупает в автомате жвачку, а затем продолжила: — До этого я считала, что ребенок — это та часть моей жизни, в которой я все сделаю правильно. Не допущу никаких проколов. Ничего не испорчу. Я думала о том, как ему исполнится пятнадцать и в него влюбится самая красивая девчонка в школе. О том, как он у меня будет играть на пяти инструментах и как все обалдеют от его талантов. О том, что у него будет шикарное чувство юмора и все будут его знать. — Она немного помолчала и добавила: — Теперь ему точно придется научиться шутить. С шутниками всегда что-то не так. Поэтому им приходится шутить и смещать внимание людей с себя на другие вещи.

Во время паузы, которая последовала за этим утверждением, Бобби посетили одна за другой три мысли. Первая была о том, что он сам всегда шутил и слыл хохмачом в школе. Думала ли Гарриет, что с ним что-то не так и что

он компенсирует это шутками? Потом он подумал, что и Гарриет тоже все время хохмила, и спросил себя, что не так с ними обоими? Наверное, что-то в этом было, а иначе они были бы сейчас вместе, а малыш, стоящий у автомата со жвачкой, был бы их сыном. Следующая мысль была о том, что если бы маленький Боб был их маленьким Бобом, то у него были бы все десять пальчиков.

У Бобби вдруг появилось настоящее отвращение к Дину-дровосеку, невежественному тупице, который думает, что проводить время с ребенком означает таскать его по ярмаркам и смотреть, как грузовики тягают бульдозер.

На этой мысли помощница режиссера захлопала в ладоши и громко призвала зомби занять свои места. Маленький Боб вернулся к ним.

— Мам, ты еще не рассказала нам, как умерла, — сказал он, жуя жвачку и глядя прямо на ее оторванное ухо.

— А я знаю, — сказал Бобби. — В одном торговом центре она столкнулась со своим старым приятелем, и они заболтались. Заболтались, что надо, стояли несколько часов и трепались о том о сем. Ну потом ее приятель и говорит, слушай, у тебя от моей болтовни, наверное, уже уши вянут. А твоя мама и говорит...

— Один тип как-то попросил меня выслушать его, — перебила его Гарриет, — и я подставила ему ухо. Зря, зря я это сделала!

Единственным сходством между ним и Дином был черный цвет волос. На этом сходство заканчивалось. Дин был невысок. Бобби даже не ожидал, что он будет таким коротышкой. Он был ниже Гарриет, в которой было примерно пять с половиной футов росту. Когда Гарриет и Дин целовались, то Дину приходилось вытягивать шею. Он был плотно сложен, кряжист, широкоплеч, широкогруд и узок в бедрах. Он носил очки с толстыми стеклами в серой пластмассовой оправе. Глаза у него были цвета олова. Это были глаза застенчивого человека: он посмотрел в глаза Бобби, когда Гарриет представляла их друг другу, потом резко отвел взгляд, потом снова посмотрел в глаза и снова отвел взгляд.

Еще он был стар: в уголках глаз кожа была покрыта паутинкой мимических морщинок. Он был лет на десять старше Гарриет.

Едва они познакомились, как Дин воскликнул:

— А, ты тот самый Бобби, который шутник! Представляешь, мы чуть было не назвали сына в твою честь. Но я обязательно должен тебе объяснить,— извини, но мне четко вбили в голову, что должен, если тебя встречу, — что назвать сынишку Бобби было полностью моей идеей. В честь Бобби Мерсера. Как только я повзрослел настолько, что стал задумываться о том, что у меня когда-нибудь будут дети, я хотел...

— А я смешной! — перебил его малыш.

Дин поднял его, взяв под мышки, и подбросил в воздух:

— Без всякого сомнения!

Бобби не был уверен, что хочет идти с ними обедать, но Гарриет взяла его под руку и повела на выход, на парковку, и ее плечо, такое теплое, касалось его плеча. У Бобби просто не осталось выбора.

Он не замечал, как другие посетители кафе смотрят на них, и вообще не помнил, что они в гриме, до того момента, как подошла официантка. Совсем молоденькая, лет двадцати самое большее, с гривой белокурых кудряшек, которые пружинисто подпрыгивали при ходьбе.

— А мы зомби, — объявил маленький Боб.

— Ясно, — сказала девушка, кивая и указывая на них шариковой ручкой. — Я так думаю, вы либо снимаетесь в ужастике, либо уже попробовали наше специальное блюдо.

Дин засмеялся сухим, клокочущим смехом. Бобби еще не встречал человека, которого настолько легко было рассмешить. Дин хохотал практически над всем, что говорила Гарриет, и над большей частью того, что произнес Бобби. Иногда он так заходился смехом, что люди за соседними столиками начинали в беспокойстве оглядываться. Как только ему удавалось овладеть собой, он сразу начинал извиняться со всей серьезностью, краснея и поблескивая увлажнившимися глазами. И Бобби вдруг смог ответить на вопрос, который не давал ему покоя с той минуты, как он узнал, что Гарриет замужем за Дином: почему этот Дин? Потому что Дин был благодарной аудиторией.

— Если честно, я думал, что ты работаешь в Нью-Йорке, — наконец сказал Дин. — Что заставило тебя вернуться?

— Провал, — сказал Бобби.

— А... Извини. И сейчас чем занимаешься? Где-то здесь играешь в комедиях?

— Можно и так сказать. Только здесь это называется «внештатный учитель».

— Да ты что? Ты учитель! И как тебе?

— Супер. Я всегда мечтал работать либо в кино, либо в средней школе. И сейчас я внештатная звезда у восьмых классов школы. Так что мечта сбылась!

Дин заржал, и кусочки пережеванной куры вылетели у него изо рта.

— Извините. Ужас какой, — сказал он. — Наплевал везде, свинья несчастная.

— Да ладно, не страшно. Попросить официантку принести тебе стаканчик воды? Или удобнее корыто?

Дин захохотал, громко и прерывисто вдыхая воздух, будто в приступе астмы, и согнулся так, что почти попал лбом в тарелку.

— Слушай, перестань.

Бобби перестал, но не потому, что просил Дин. Он только что почувствовал, что Гарриет под столом толкает его коленом. Ему стало интересно, специально она или нет. Как только представилась возможность, он откинулся на спинку стула и заглянул под стол. Нет, она не специально. Она сбросила сандалии и вдавливала пальцы одной ноги в пальцы другой с такой силой, что иногда ее правая нога, раскачиваясь, задевала ногу Бобби.

— Здорово, я бы хотел учиться у такого учителя, как ты, — сказал Дин. — С которым весело.

Бобби что-то жевал, не разбирая вкуса. Казалось, что у еды вкуса нет.

Дин сделал длинный шумный выдох и промокнул уголки глаз.

— А вот я не умею шутить. Я не помню даже бородатых анекдотов. Ни на что, кроме работы, не гожусь. Вот Гарриет здорово умеет хохмить. Иногда она устраивает представления для нас с Бобом, знаешь, надевает грязные носки на

руки и вперед. Мы смеемся просто до потери пульса. У нее это называется «Кукольное шоу из грузовика, спонсор — пивоварня „Пабст Блу Риббон“»[1].

Дин загоготал, стуча кулаком по столу. Гарриет сосредоточенно смотрела на свои колени. Дин сказал:

— Было бы здорово, если бы она показала что-нибудь в этом духе на шоу у Карсона[2]. Эту, как ты их называешь? Ну, сценку. Какую-нибудь из твоих проверенных сценок.

— Звучит великолепно, — отозвался Бобби. — Странно, что его кореш Эд Макмахон[3] тянет время и не звонит ей с предложением.

После того как Дин забросил их обратно в торговый центр и укатил на свою лесопилку, настроение изменилось. Гарриет казалась отстраненной, и было сложно вовлечь ее в разговор, но Бобби особо и не старался. Он сам был раздражен. Все удовольствие от перевоплощения в ходячий труп куда-то испарилось. Осталось только ожидание: момента, когда рабочие настроят освещение; момента, когда Савини подправит рану, переставшую выглядеть натурально и приобретшую вид скорее латексной нашлепки, чем порванной плоти. Бобби от всего этого вдруг стало тошно. Его бесило то, что другим было весело. Несколько зомби стояли группой, играли в сокс[4] дрожащей красной селезенкой и хохотали. Каждый раз, когда селезенка падала на пол, получался сочный шлепок. Бобби захотелось зарычать на них за то, что они так веселятся. Они что, вообще не слышали о методах актерского мастерства? О методе Станиславского, например? Они сейчас все должны сидеть на почтительном расстоянии друг от друга, печально стеная и почесывая яйца. Уйдя в раздражение, он вдруг застонал вслух, выдал этакий сердитый стон с трудом сдерживаемо-

---

[1] *«Пабст Блу Риббон»* — популярный сорт пива.

[2] *Карсон* — американский шоумен, ведущий знаменитого «Шоу Джонни Карсона».

[3] *Эд Макмахон* — друг и коллега Джонни Карсона.

[4] *Сокс* (хаки-сак, футбэг) — игра, в которой используется маленький тряпичный или вязаный мячик. Площадка для игры — круг 2—3 м диаметром.

го разочарования, и маленький Бобби даже спросил, что случилось. Бобби солгал, что репетирует. Маленький Боб пошел смотреть, как играют в сокс.

Не поднимая глаз на Бобби, Гарриет заговорила:

— Неплохой получился обед, правда?

— Обалдеть просто, — сказал Бобби, тут же подумав, что надо быть осторожнее. Он был обеспокоен, заряжен энергией, которую не знал, к чему приложить. — По-моему, мы с Дином отлично поладили. Он напомнил мне деда. Знаешь, у меня был прадед, который умел шевелить ушами и всегда думал, что меня зовут Эван. Он давал мне четвертаки за то, что я складывал ему поленницы. И даже по полдоллара, если я при этом снимал рубашку. Сколько лет Дину?

До этого они медленно брели вместе по залу. После слов Бобби Гарриет остановилась, напряглась. Она резко повернула к нему голову, но ей на глаза упали волосы, и он не смог прочесть ее взгляд.

— Он старше меня на девять лет. И что?..

— Ничего. Я рад, что ты счастлива.

— Я счастлива, — сообщила Гарриет голосом, который был на октаву выше, чем обычно.

— Когда он делал тебе предложение, то стоял на коленях?

Гарриет кивнула, сжав губы, почувствовав подвох.

— И потом ты помогала ему подняться? — спросил Бобби тоже не своим голосом и подумал, что пора остановиться.

Ему представилась сцена из мультфильма: Вайл И. Койот[1] пристегнут ремнем к локомотиву поезда, он вонзает пятки в железнодорожное полотно, пытаясь затормозить поезд, подошвы его дымятся, багровеют, раздуваются...

— Ну ты и гад, — сказала Гарриет.

— Извини, извини, — усмехнулся он, разводя руками. — Шутка. Я же шутник Бобби. Ничего не могу с собой поделать.

Гарриет колебалась: она вроде хотела от него отвернуться, но пребывала в сомнении, доверять ему или нет. Бобби вытер рот ладонью.

---

[1] *Вайл И. Койот* — герой мультсериала «Луни Тьюнз» («Looney Tunes»).

— Итак, мы знаем, как рассмешить Дина. А как Дин смешит тебя? Что он делает, чтобы у тебя забилось сердце? Ну кроме как целует тебя, вытащив зубной протез?

— Отвали, Боб, — отрезала Гарриет.

Она отвернулась, чтобы уйти, но он обошел ее и встал на пути, не пропуская.

— Не отвалю.

— Перестань.

— Не могу, — сказал он, вдруг осознав, что зол на нее. — Дин не умеет шутить, но он же должен хоть что-то из себя представлять. Я хочу знать, что!

— У него есть терпение.

— Вот как, терпение, — повторил Бобби, шокированный таким ответом.

— Он терпелив со мной.

— С тобой.

— Да, и с Робертом.

— Терпелив, — сказал Бобби.

На некоторое время он потерял дар речи, потому что ему перестало хватать воздуха. Лицо вдруг зачесалось под слоем грима. Лучше было бы, чтобы, как только он начал давить на нее, она повернулась и ушла, или послала его подальше, или влепила пощечину, но только не говорила бы, что Дин «терпелив». Бобби сглотнул.

— Этого недостаточно. — Его уже несло. Поезд устремляется под откос, и у Вайл И. Койота глаза от ужаса выскочили из орбит метра на три. — Я хотел увидеть твоего мужа и умереть от ревности, но меня просто тошнит. Я думал, ты влюбилась в какого-нибудь красивого, умного и творческого человека, писателя, драматурга, человека с чувством юмора и четырнадцатидюймовым инструментом. А никак не в парня с ежиком на голове и лесопилкой в кармане, который считает, что эротический массаж делают не иначе как со спортивным бальзамом!

Гарриет размазывала по щекам слезы.

— Я знала, что он тебе не понравится, но не ожидала, что ты будешь язвой.

— Он мне не то чтобы не нравится. При чем здесь «нравится» или «не нравится»? Он делает то, что будет делать

любой другой человек в его положении. Если бы я имел два фута роста плюс старческие болезни, то я прыгал бы от счастья, если бы у меня получилось заарканить такую офигенную женщину, как ты. Конечно, он очень, очень терпелив. Еще бы. Он вообще должен, стоя на коленях, ежедневно умащивать твои ноги священными маслами и бальзамами за то, что ты посмотрела в его сторону.

— У тебя тоже был шанс, — сказала Гарриет, стараясь изо всех сил, чтобы не брызнули слезы. Ее лицо, подергивавшееся от усилия сдержать рыдания, превратилось в гримасу.

— Да я не про свои шансы, а про твои!

На этот раз она бросила его и ушла, закрыв лицо руками. Ее плечи тряслись, и она уже не могла скрыть, что плачет навзрыд. Бобби проводил ее взглядом. Она обошла фонтан, у которого они встретились, и встала у стены. Бобби вспомнил про малыша и стал осматриваться по сторонам. Его сердце тревожно забилось: он боялся, что маленький Боб мог что-то увидеть или услышать. Но ребенок носился по широкому проходу, гоняя ногами селезенку, которая уже собрала на себя всю возможную грязь. Два других мальчика-зомби бежали рядом, пытаясь отобрать у него игрушку.

Некоторое время Бобби наблюдал за игрой. Кто-то из них пнул селезенку слишком сильно, и она полетела по направлению к Бобби. Он остановил ее ногой. Под ботинком она неприятно пружинила. Мальчишки подбежали и остановились метрах в трех от него, запыхавшиеся, с нетерпением ожидающие паса. Бобби поднял селезенку на ноге.

— Лови! — крикнул он и сделал высокую передачу на Бобби, который поймал «мяч» ладонями и, прижав к груди и низко опустив голову, прорвался через заслон своих приятелей и умчался, преследуемый ими.

Когда он повернулся, чтобы взглянуть на Гарриет, то увидел, что она сидит, прижав руки к коленям ладонями вниз и смотрит на него. Он думал, что она отведет взгляд, но она не стала этого делать, и он понял это как приглашение подойти.

Он перебрался к фонтану и сел рядом с ней. Он еще не решил, с чего начать извиняться, но она заговорила первая.

— Я же тебе писала. А ты перестал мне отвечать, — сказала она, снова сражаясь пальцами одной ноги с пальцами другой.

— Вообще странно, что твоя правая нога так обижает левую, — сказал Бобби. — Почему она не дает ей покоя?

Гарриет его не слушала.

— Но это не имело значения, — продолжила она глухим, хрипловатым от слез голосом. Грим был на масляной основе и поэтому не потек от слез. — Я не злилась. Я знала, что у нас не могло быть отношений, если бы мы стали встречаться раз в год на Рождество. — Гарриет сглотнула. — Я думала, что ты обязательно попадешь в какой-нибудь телесериал. Каждый раз, когда я думала об этом, — как тебя покажут по телику и как все будут смеяться над твоими шутками, — я сразу начинала глупо улыбаться. Я не представляю, что могло заставить тебя вернуться обратно в Монровилль.

Но он уже говорил, что привело его обратно в родительский дом, в его комнату над гаражом. Дин тоже спрашивал, и Бобби ответил очень честно.

Однажды в четверг вечером, прошлой весной, он работал в клубе в Гринвич-Виллидж[1]. Он выступил с двадцатиминутной программой и получил в награду довольно приличный смех, хотя и не из ряда вон выходящий, и даже услышал жиденькие аплодисменты, когда сходил со сцены. Потом он занял место за барной стойкой, чтобы послушать выступления других артистов. Он почти уже соскочил с табурета, чтобы отправиться домой, как на сцену запрыгнул Робин Уильямс. Он был в городе для съемок «Субботнего вечера в прямом эфире» и бороздил клубные просторы, отрабатывая репертуар. Бобби быстро взгромоздился обратно на табурет и стал слушать, чувствуя, как от волнения где-то в горле стучит пульс.

Он не мог объяснить Гарриет важность того, чему стал свидетелем. А увидел он, как какой-то человек сидел, вцепившись одной рукой в столешницу, а другой в колено

[1] *Гринвич-Виллидж* — район Нью-Йорка, считающийся богемным.

своей спутницы, и сжимал и то и другое настолько сильно, что у него побелели костяшки пальцев. Он сгибался пополам, слезы текли у него из глаз, а смех был таким резким и даже истеричным, что больше походил на звуки, издаваемые животным, на лай собаки динго, чем на что-то человеческое. Он мотал головой из стороны в сторону, как бы умоляя: «Перестань, прекрати делать это со мной, пожалуйста». Это было веселье, граничившее с катастрофой.

Робин Уильямс заметил беднягу и, прервав монолог о мастурбации, показал на него и крикнул:

— Ты! Да, ты, человек бешеная гиена! Ты получаешь бесплатный пропуск на все шоу до конца моей долбаной жизни!

А потом среди слушателей поднялся шум — не просто смех или аплодисменты, а именно шум, который включал в себя и то и другое. Это был низкий, подобный далеким грозовым раскатам звук наслаждения, не поддающегося контролю, настолько сильный, что не просто был слышен, но ощущаем всем телом, и у Бобби даже заныли ребра.

Сам он ни разу не засмеялся, а когда уходил, у него от переживаний скрутило живот. В ногах появилось странное ощущение тяжести, они еле поднимались над асфальтом. Некоторое время он не понимал, куда шел. Оказавшись у себя дома, он сел на край кровати, стащил подтяжки, расстегнул рубашку и впервые за все время осознал, что все безнадежно.

Он вдруг заметил, как что-то блестит в руке Гарриет. Она подбрасывала на ладони несколько монет.

— Собираешься звонить? — спросил он.

— Да, Дину. Чтобы заехал за нами.

— Не уезжай.

— Я не останусь. Не могу.

Он посмотрел на ее замученные друг другом ноги, все еще занятые борьбой, и кивнул. Они поднялись с места одновременно. И снова оказались в неуютной близости.

— Ну пока, — сказала Гарриет.

— Ну давай.

Бобби хотел взять ее за руку, но не стал делать этого. Он хотел сказать что-нибудь, но не смог придумать что.

— Здесь найдется пара добровольцев получить порцию свинца? — вдруг раздался голос Джорджа Ромеро всего лишь в метре от них. — Это гарантирует вам крупный план в смонтированном фильме!

Бобби и Гарриет одновременно подняли руки.

— Я! — выкрикнул Бобби.

— Я! — отозвалась Гарриет и, наступив Бобби на ногу, вышла вперед, чтобы привлечь внимание Ромеро. — Я!

— Фильм будет отличный, мистер Ромеро, — говорил Бобби.

Они стояли плечом к плечу, ведя светскую беседу в ожидании того момента, когда Савини закончит обвязывать проводами Гарриет. Проводка делалась для хлопушки — презерватива, заполненного частично сахарным сиропом и частично пищевым красителем, — которая должна будет взорваться и создать при этом видимость пулевого ранения. Бобби был уже готов и на взводе.

— Когда-нибудь все в Питсбурге будут гордиться тем, что изображали в этом фильме ходячие трупы.

— Вы профессионально лижете зад, — ответствовал Ромеро. — У вас есть опыт работы в шоу-бизнесе?

— Шесть лет Бродвея. Плюс еще я выступал чуть ли не во всех комедийных клубах.

— Вон что, а теперь, значит, вернулись в великий Питсбург. Просто невероятный взлет карьеры, парень. Оставайся здесь, и ты в мгновение ока станешь звездой.

К ним подскочила Гарриет, да так, что у нее вверх-вниз подпрыгнули волосы.

— Мне отстрелят грудь! — сообщила она.

— Очаровательно, — отозвался Бобби. — Надо просто жить и радоваться, потому что никто не знает, в какой момент с нами может приключиться что-то удивительное.

Джордж Ромеро отвел их на места и объяснил, что от них хочет. Осветительные лампы были направлены в ярко-серебристые зонты, которые создавали ровный белый свет и сухое тепло в радиусе трех метров. Бугристый полосатый матрас покоился на плиточном полу, прижавшись к одной стороне квадратной колонны.

Сначала выстрелят в грудь Гарриет. Ей нужно будет шарахнуться назад, прогнуться, но потом продолжить наступление, по возможности не показывая никакой реакции на ранение. Следующая пуля предназначалась для головы Бобби и должна была его уложить.

Хлопушка скрывалась под одной из латексных складок раны, а провода прятались у него под волосами.

— Вы рухнете вниз, свалитесь на бок и исчезнете из кадра, — инструктировал Ромеро. — Если хотите, то перед тем, как убраться из кадра, упадите на одно колено. Если вы в хорошей физической форме, можете попробовать упасть назад на спину, но постарайтесь попасть на матрас. Главное — обойтись без травм.

В сцене участвовали только Бобби и Гарриет, и их снимали крупным планом по пояс. Остальные участники массовки выстроились вдоль стены коридора, наблюдая за происходящим. Их внимание и обсуждения вполголоса вызвали в крови Бобби выброс адреналина. Том Савини встал на колени, как раз на границе кадра, держа в руке металлическую коробку, из которой по полу ползли провода, заканчивавшиеся на Бобби и Гарриет. Рядом с ним устроился маленький Боб, положив подбородок на ладошки, в которых он все еще сжимал селезенку. В его глазах светилось нетерпение. Савини рассказал ему все, что должно произойти, подготовив ребенка к виду того, как из груди его матери хлынет кровь, но малыш совершенно не беспокоился:

— Я сегодня целый день вижу всякую гадость. И ничего, не страшно. Мне нравится.

Савини разрешил ему оставить себе селезенку в качестве сувенира.

— Поехали, — сказал Ромеро.

Бобби вздрогнул: что, уже начинают? Он же только-только закончил объяснять им задачу. Кошмар, Ромеро стоит перед камерой! На секунду Бобби схватил Гарриет за руку. Она сжала его пальцы в ответ.

Ромеро отступил в сторону:

— Мотор!

Бобби закатил глаза и перестал видеть, куда идет. Он ослабил мышцы лица и сделал тяжеловесный шаг вперед.

— Стреляйте в женщину, — скомандовал Ромеро.

Бобби не видел, как разорвалась ее хлопушка, потому что был на шаг впереди Гарриет. Но он слышал громкий, звенящий хлопок, который даже создал эхо. А еще он почувствовал, как в нос ударил едкий запах пороха. Гарриет негромко охнула.

— Та-а-ак, теперь второго, — сказал Ромеро.

Бобби показалось, что где-то рядом с его ухом выстрелил пистолет. Звук хлопушки был настолько громким, что на мгновение даже оглушил его. Он дернулся назад, резко повернувшись на каблуках, и налетел на что-то плечом. Он не видел, на что. Затуманенным взглядом ему удалось поймать вблизи от себя часть колонны, рядом с которой лежал матрас, и в этот миг его посетило вдохновение. Падая, он впечатался лбом в колонну и, отвалившись от нее, оставил после себя на белой штукатурке размазанное алое пятно.

Он свалился на матрас, который оказался достаточно упругим и смягчил падение. Он моргнул. Глаза слезились, искажая обзор, визуально деформируя предметы. Воздух над ним был наполнен синеватым дымом. Где-то в области макушки болела голова. Лицо было залито прохладной липкой жидкостью. Звон в ушах постепенно проходил, и он в один и тот же момент осознал две вещи. Первое — что слышен далекий, густой звук аплодисментов. Этот звук наполнил его, словно воздух. К нему двигался Джордж Ромеро, улыбаясь и демонстрируя ямочки на заросших бородой щеках. И второе: он заметил, что рядом с ним лежит Гарриет, обнимая его, и ее рука находится у него на груди.

— Я сбил тебя с ног? — спросил он.

— Ага.

— Я знал, что затащить тебя в постель — это всего лишь вопрос времени.

Гарриет улыбнулась легкой, довольной улыбкой, которую в этот день он видел в первый раз. Он чувствовал боком, как поднимается и опускается ее пропитанная кровью грудь.

Малыш Боб подбежал к матрасу и запрыгнул на него, присоединившись к ним. Гарриет взяла его под мышки и закатила в узкое пространство между собой и Бобби. Ма-

лыш хихикнул и засунул в рот большой палец. Его голова была рядом с головой Бобби, и он неожиданно учуял запах детского шампуня: он пах дыней.

Через малыша Гарриет наблюдала за Бобби, все так же легко улыбаясь. Бобби перевел взгляд на потолок, на окна в нем и ясное, синее небо за ними. Ему совершенно не хотелось вставать и двигаться дальше, к следущим мгновениям жизни. Он задался вопросом, чем занималась Гарриет, когда Дин был на работе, а малыш Бобби в школе. Завтра понедельник, он еще не знает, будут у него уроки или нет. Он надеялся, что нет. Ему предстояла рабочая неделя, не заполненная ничем важным и ответственным, представлявшая из себя сплошную неограниченную возможность. Они лежали на матрасе втроем, совсем рядом, и единственными движениями их тел были те, которые необходимы, чтобы дышать.

К ним подошел Джордж Ромеро, качая головой.

— Мне понравилось, как вы врезались в колонну и оставили этот кровавый отпечаток. Давайте повторим. На этот раз мы размажем по колонне немного мозгов. Что скажете, ребята? Будем переснимать?

— Да, — сказал Бобби.

— Да, — отозвалась Гарриет. — Да.

— Переснимите, пожалуйста, — разрешил малыш Боб, посасывая большой палец.

— Значит, единогласно, — подытожил Бобби. — Давайте переснимем.

ЛОРЕЛ К. ГАМИЛЬТОН

Алчущие прощения

Лорел К. Гамильтон — знаменитая писательница, автор вампирской саги об Аните Блейк, открывшейся романом «Запретный плод» («Guilty Pleasures»); совсем недавно вышел в свет очередной роман этой серии — «Черная кровь» («Blood Noir»). Еще один известный цикл писательницы — сериал о Мередит Джентри, первая книга которого называется «Поцелуй теней» («A Kiss of Shadows»), и в этом году планируется выход в свет еще одного романа — «Ласка сумрака» («Swallowing Darkness»). Первый роман писательницы был написан в жанре эпического фэнтези и назывался «Повелитель тьмы» («Nightseer»), также она принимала участие в новеллизациях по вселенным «Ravenloft» и «Star Trek». Рассказы писательницы выходили в журналах «Dragon» и «Marion Zimmer Bradley Fantasy Magazine», а также в антологиях «Sword and Sorceress».

«Алчущие прощения» — первый рассказ Лорел Гамильтон о культовом персонаже Аните Блейк. В предисловии к сборнику, в котором он вышел, автор пишет, что прототипом кладбища из рассказа «Алчущие прощения» стало кладбище, где похоронена ее мать. «Это место я знаю как свои пять пальцев, потому что мы очень часто приходили туда вместе с бабушкой, которая растила меня, — вспоминает писательница. — Думаю, изначально было предрешено, что я стану писать о мертвецах: детство мое прошло в тени мертвых. Не настоящих воплощенных призраков, конечно, а призраков воспоминаний и утраты».

— Не стоит недооценивать смерть, миссис Фиске. Люди, которые прошли через это, уже никогда не станут прежними.

Женщина качнулась вперед и спрятала лицо в ладонях. Несколько минут худенькие плечи сотрясались от беззвучных рыданий. Я подвинула к ней еще одну упаковку

бумажных носовых платков. Не глядя, она взяла их, затем подняла голову и посмотрела на меня:

— Знаю, вы не сможете его вернуть, само собой.

Она промокнула две слезинки, скатившиеся по скулам безукоризненной формы. В руках дама сжимала сумочку из крокодильей кожи, стоившую как минимум двести долларов. Все аксессуары — брошь, туфли на высоких каблуках, шляпа и перчатки — были черными в тон сумочке, костюм же был серым. Оба цвета не шли ей, зато подчеркивали бледность кожи и ввалившиеся глаза. Она принадлежала к тому сорту дам, глядя на которых, я чувствовала себя слишком маленькой, смуглой и темноволосой; к тому же в их присутствии меня обуревало странное желание похудеть фунтов на десять. В обычной ситуации женщина не пришлась бы мне по душе, но сейчас она была искренне убита горем.

— Мне нужно поговорить с Артуром. Это мой муж... был... — Она глубоко вздохнула и продолжала: — Артур умер внезапно. Обширный инфаркт. — Она вновь прервала речь и на этот раз деликатно высморкалась в платок. — В его роду не раз случались инфаркты, но муж всегда так заботился о своем здоровье. — Теперь она икнула. — Мисс Блейк, мне обязательно надо попрощаться с ним.

Я ободряюще улыбнулась:

— Когда смерть приходит внезапно, так часто случается. Многие не успевают сказать что-то очень важное близкому человеку. Но это вовсе не значит, что надо срочно вызывать покойника с того света и наверстывать упущенное.

Голубые глаза сидевшей напротив женщины пристально глядели на меня сквозь завесу слез. Я собиралась отбить у нее охоту к выполнению задуманного — точно так же, как для начала разубеждала каждого своего клиента. Но с этой номер точно не пройдет. Взгляд женщины сказал мне, что она непоколебима и настроена очень серьезно.

— Все не так просто, в этом деле есть свои недостатки, — начала я объяснять.

Шеф не разрешал нам в красках живописать зомби и тем более показывать клиентам слайды или фотографии, что и немудрено: взглянув на изображение разлагающегося

зомби, большинство клиентов заревели бы белухой от ужаса. Но все же сказать правду аниматоры были обязаны.

— Недостатки? — переспросила она.

— Да, его можно воскресить. Вы обратились по адресу. И хорошо, что не стали тянуть. Вашего мужа похоронили всего три дня назад. Но, встав из могилы в облике зомби, он сможет лишь частично пользоваться своим разумом и телом. И чем дальше, тем хуже.

Она поднялась, встала очень прямо, слезы высохли:

— Я-то думала, вы сможете оживить его вампиром.

Мое лицо было бесстрастно, когда я ответила:

— Миссис Фиске, вампиры незаконны.

— Но мне сказали, что... Что вы все-таки могли бы! — выпалила она, вглядываясь мне в лицо.

Я улыбнулась ей самой лучезарной из своих профессиональных улыбок:

— Вампирами мы не занимаемся. Но даже если бы это было в нашей компетенции, далеко не каждый обычный труп можно превратить в вампира.

— Не каждый обычный труп?.. — в замешательстве повторила клиентка.

Можно по пальцам перечесть посетителей нашей конторы, которые хотя бы отдаленно представляли себе, насколько редки вампиры и почему. Поэтому мне пришлось разъяснить:

— Чтобы превратиться в вампира, необходимо несколько условий. При жизни усопшего обязательно должен был укусить оборотень, вампир или другое сверхъестественное существо. Также хорошо похоронить его на неосвященной земле. Кусал ли вашего мужа Артура вампир?

— Нет. — По лицу миссис Фиске скользнула тень улыбки. — Разве что однажды его укусил йоркширский терьер.

Я улыбнулась, одобряя смену ее душевного состояния:

— Не думаю, что это нам поможет. Если вашего мужа можно воскресить, то только в облике зомби.

— Я согласна, — ответила она серьезно и очень тихо.

— Хочу предупредить вас, что большинство семей через некоторое время решают вновь отправить зомби на покой.

— Почему? — Она вновь села.

Почему? Я видела счастливые семьи, обнимавшие вернувшихся к ним близких. Видела и мрачных, измученных людей, что отправляли разлагавшиеся трупы восвояси. Оживший, улыбающийся родственник со временем превращается в ходячий кошмар.

— Чего вы ждете от Артура, когда он воскреснет?

Она опустила глаза и нервно скомкала очередной платок.

— Мне бы хотелось попрощаться с ним.

— Конечно, миссис Фиске. Но ведь вы хотите, чтобы он что-нибудь сделал?

Несколько минут она не произносила ни слова. Я решила подсказать, натолкнуть ее на мысль:

— Например, к нам обращалась одна женщина, которая хотела воскресить мужа, чтобы тот получил страховку. Я сказала ей, что большинство страховых компаний вряд ли захотят иметь дело с ходячими мертвецами.— На это миссис Фиске ухмыльнулась.— Именно таким Артур вернется в наш мир — ходячим трупом.

Ее улыбка потухла, и вновь хлынули слезы.

— Я хочу, чтобы Артур простил меня.— Она закрыла лицо рукам и зарыдала.— На протяжении нескольких месяцев у меня была любовная связь. Муж узнал об этом, у него случился инфаркт, и он умер.— Похоже было на то, что в словах женщина почерпнула некую силу. Слезы ее осушились.— Вы же видите, мне необходимо поговорить с ним в последний раз,— продолжала миссис Фиске.— Я бы сказала, что люблю Артура, только его одного! Как я хочу получить его прощение! Может ли он простить меня, если он... зомби?

— Я замечала, что умершие своей смертью покойники легко прощают живых. Умственных способностей вашего мужа окажется вполне достаточно для разговора. Сначала он будет как бы самим собой. Затем, с течением времени, потеряет память. Начнет разлагаться. Сначала психически, потом физически.

— Разлагаться?

— Да. Медленно. Ведь он все-таки мертв.

Родственники свежего зомби не могут до конца поверить, что он на самом деле мертв. Одно дело — умом по-

нимать, что вот это существо, способное разговаривать и улыбаться, на самом деле всего лишь движущийся покойник. Принять это душой — задача куда сложнее.

Лишь с течением времени, когда он или она действительно начинает выглядеть ходячим трупом, все встает на свои места.

— Значит... как зомби он оживет лишь на некоторое время? — спросила женщина.

— Не совсем так. — Я встала со своего места, обошла стол и села рядом с ней. — Возможно, он останется зомби навсегда. Но его психическое и физическое состояние будет ухудшаться. До тех пор, пока он не превратится в человекоподобного робота в лохмотьях истлевшей плоти.

— Истлевшей... плоти, — эхом повторила она.

Я коснулась ее руки:

— Знаю, выбор не из легких, но именно так обстоят дела.

Словами «истлевшая плоть» невозможно в красках передать вид белесых костей, просвечивающих сквозь прогнившие мышцы, зато это словосочетание дозволялось начальством.

Миссис Фиске схватила мою руку и улыбнулась:

— Благодарю вас за то, что сказали мне правду. Я все же хочу вернуть Артура. Пускай даже затем, чтобы сказать ему несколько слов.

Выходит, она все же решилась. Я и не сомневалась, что будет именно так.

— Значит, он вам нужен для разговора, а не на протяжении недель или дней?

— Думаю, так.

— Мне никоим образом не хочется торопить вас с решением, миссис Фиске. Но мне нужно знать его, прежде чем мы назначим время обряда. Видите ли, для того чтобы поднять зомби и вскоре вернуть его в могилу, требуется больше времени и энергии.

Зато, если проделать все это в короткий промежуток времени, миссис Фиске запомнит Артура с наилучшей стороны.

— О да, я понимаю. Если можно, я бы хотела поговорить с ним несколько часов.

— Тогда будет лучше, если вы на вечер заберете его домой. Назначим его упокоение на завтрашний вечер.

Я решила ратовать за скорейшее возвращение Артура в могилу. Вряд ли миссис Фиске сможет спокойно созерцать разложение собственного мужа.

— Хорошо. — Она глубоко вздохнула. Я наперед знала, что она сейчас скажет. — Я бы хотела присутствовать на обряде его воскрешения.

— Миссис Фиске, ваше присутствие необходимо. Видите ли, зомби лишены собственной воли. Вначале ваш муж сможет думать, но с течением времени для зомби становится все труднее и труднее принимать решения. За ним должны присматривать те, кто его воскресил.

— Вы и я?

— Да.

Она еще больше побледнела и крепче сжала мне руку.

— Миссис Фиске, пожалуйста, выпейте медленно. — Я протянула ей стакан воды. Когда она стала выглядеть чуть лучше, я спросила: — Вы уверены, что действительно хотите назначить обряд на сегодняшний вечер?

— Что мне принести?

— Хорошо было бы взять с собой костюм вашего мужа. Какую-нибудь любимую вещицу, например пиджак или памятный подарок, — это поможет ему сориентироваться. Остальное принесу я. — Я запнулась, не решаясь продолжать. Выглядела миссис Фиске не очень, но я все-таки должна была подготовить ее к тому, что вскоре произойдет. — На церемонии будет кровь.

— Кровь, — хриплым шепотом повторила она.

— Кровь курицы, которую принесу я. Еще нам нужно будет нанести на лицо и руки мазь, которая слабо светится в темноте и пахнет весьма странно, но не отталкивающе.

Следующий вопрос миссис Фиске нетрудно было предугадать, его задавали все мои клиенты:

— Что мы сделаем с кровью?

— Мы обрызгаем ею могилу и себя тоже, — как обычно, ответила я.

Она судорожно сглотнула и посерела еще больше.

— Можете отказаться сейчас, но не позже. Внесенный задаток не возвращается. Останавливать начатый обряд очень и очень опасно.

Она размышляла, опустив глаза. Мне это понравилось. Обычно тот, кто соглашался сразу, потом впадал в панику. Смелые же обдумывали ответ.

— Да, — уверенно кивнула миссис Фиске. — Я готова пойти на это, чтобы примириться с Артуром.

— Отлично. Значит, сегодня вечером.

— В полночь, — торжественно добавила она.

Я улыбнулась. Все считали, что мертвецов воскрешают именно в полночь. На самом же деле необходимым условием была темнота. Некоторые аниматоры придавали большое значение определенным фазам Луны, но связь с Луной мне никогда не казалась важной.

— Нет, давайте лучше в девять вечера, — предложила я.

— В девять?

— Если вам подходит это время. У меня на сегодня запланированы еще две встречи, а на девять пока свободно.

— Хорошо.

Все же рука миссис Фиске дрогнула, когда она подписывала чек на половину стоимости церемонии. Вторая половина оплачивалась после воскрешения.

Мы пожали друг другу руки, и вдова предложила:

— Зовите меня просто Карла.

— Меня зовут Анита.

— Значит, увидимся в девять на Веллингтонском кладбище.

— Между двумя высокими деревьями по ту стону единственного холма, — докончила я.

— Да. И спасибо вам. — Она вымученно улыбнулась и ушла.

Я позвонила секретарю:

— Мэри, на эту неделю у меня все расписано. Пожалуйста, не присылай ко мне клиентов по крайней мере до следующего вторника.

— Хорошо, Анита.

Я откинулась в кресле и погрузилась в тишину. За ночь я могла поднять не более трех мертвецов. Сегодня ничего интересного не предвиделось, обычная рутинная работа. Мне предстояло вернуть в мир живых ученого-исследователя. Трое коллег никак не могли разобрать его записи, сроки поджима-

ли, под угрозой оказался грант, на который они так рассчитывали. Дражайший мистер Ричард Норрис восстанет из мертвых, чтобы им помочь. Им было назначено на полночь.

В три часа утра мне предстоит встретиться с миссис Стейнер, вдовой. Ей хотелось, чтобы муж уточнил некоторые скользкие моменты относительно завещания.

Работа аниматором предполагала практически полное отсутствие ночной жизни. (Прошу заметить: никакого каламбура в моих словах нет!) Во второй половине дня надо встречаться с клиентами, а вечером и ночью поднимать мертвецов. Впрочем, мы с коллегами пользовались изрядным успехом на некоторых вечеринках — там, где хозяевам нравилось хвастаться дружбой со знаменитостями. Или, того хуже, просто хотелось поглазеть на нас. Я не люблю выставлять себя напоказ и по возможности избегаю выходов в свет. Но босс настаивает на том, чтобы мы показывались на людях, дабы рассеять слухи о том, что все аниматоры — ведьмы и хобгоблины.

Вечеринки с нашим участием представляют собой жалкое зрелище. Все мои коллеги держатся вместе и разговаривают между собой, как это обычно делают врачи. Только докторов никто не называет ведьмами, монстрами и повелительницами зомби. К сожалению, мало кому приходит в голову называть нас просто аниматорами. Более того, мы становимся объектами темных шуточек: «Познакомьтесь, это Анита. Она делает зомби, причем я имею в виду вовсе не коктейль». Все закатываются хохотом, а мне остается только вежливо улыбаться и лелеять мысль, что скоро я уеду домой.

Сегодня никакой вечеринки не намечалось, беспокоиться было не о чем, мне предстояло только работать. Работа — это власть, магия, удивительный темный импульс, что гораздо важнее денег. Сегодняшняя ночь, я в этом не сомневалась, обещала быть безоблачной, лунной и звездной. Особенность аниматоров в том, что мы любим ночь и не боимся смерти во всех ее проявлениях, ибо сочувствуем ей.

Сегодня ночью я стану поднимать мертвецов.

Веллингтонское кладбище было новым. Все надгробия примерно одного размера, квадратные или прямоугольные; они белели в ночи безупречно ровными рядами. Вдоль гра-

вийной дороги выстроились молодые деревца и тщательно подстриженный вечнозеленый кустарник. Высоко в небе ярко светила луна, заливая все мистическим светом, расцвечивая кладбище в серебристо-черные тона. Несколько высоких деревьев сразу бросалось в глаза. Среди кладбищенской новизны они выгладили как-то неуместно. Карла говорила, что только два дерева-великана росли близко друг к другу.

Аллея вела к холму и опоясывала его. Покрытый густой травой холм был явно творением рук человеческих: такой округлый, низкий и куполообразный. На нем сходились три другие дорожки. Чуть дальше по западной аллее высилось два огромных дерева. Под шинами моего автомобиля похрустывал гравий, и вот я уже смогла различить фигуру в белом. Спичка вспыхнула оранжевым огоньком, красноватой точкой затеплилась сигарета.

Я остановилась, ведь нечасто добропорядочные граждане разгуливают ночами по кладбищу. Странно, что Карла пришла раньше меня. Почти все клиенты, когда наступит темнота, предпочитают находиться вблизи могил как можно меньше.

Я не стала выгружать привезенное с собой, для начала пошла к женщине.

Вокруг было полно окурков, белыми червяками они усеивали землю под ногами Карлы. Должно быть, она провела здесь не один час в ожидании момента, когда зомби восстанет из могилы. Либо она решила наказать себя, либо ей понравилась идея побыть на кладбище в ночи. Но я не стала спрашивать об этом.

Белыми были платье, туфли и даже чулки Карлы. Она стояла, прислонившись к дереву; на фоне черного ствола белизна женской фигуры казалась ослепительной. Карла не шагнула мне навстречу, лишь повернула голову. В лунном свете блеснули серые глаза и серебряные серьги. Я не поняла выражение ее лица, но назвать его печальным не смогла бы.

— Не правда ли, ночь прекрасна?

Тут я с ней согласилась. Но все же спросила:

— Карла, вы в порядке?

Она с ужасающим спокойствием глядела на меня.

— Сейчас я чувствую себя гораздо лучше, чем днем, — ответила она.

— Рада за вас. Вы не забыли принести одежду и памятную вещицу мужа?

Карла показала на темный сверток у дерева.

— Отлично, пойду разгружу машину.

Помощь мне, как обычно, не предложили. Я понимала клиентов. Они не догадывались мне помочь, ведь их страхи при моем появлении разгорались с новой силой.

Вдруг я поняла, что моя «омега» была единственной машиной в поле зрения.

— Как вы добрались сюда? Машины вашей не вижу, — тихо спросила я, но все звуки летней ночью звучали особенно громко и отчетливо.

— Я приехала на такси, оно ждет у ворот.

Такси. Хотела бы я видеть лицо водителя, когда он высаживал дамочку у ворот кладбища...

Три черные курицы кудахтали в клетке на заднем сиденье. Совсем не обязательно брать для церемонии именно черных птиц, но сегодня почему-то мне попались только такие. Наш поставщик домашней птицы явно не был обделен чувством юмора.

Артур Фиске умер совсем недавно, так что я достала из багажника лишь мазь и мачете. Я сама изготавливала притирание белого цвета с зеленоватым отливом. Сверкающие частицы в ней — могильная плесень, которую здесь не сыщешь: она растет только на старых кладбищах, насчитывающих более ста лет. В состав мази обязательно входят паутина и всякие зловонные ингредиенты, а также травы и специи, для того чтобы отбить мерзкий запах и содействовать магии. Если, конечно, таковая имеет место быть.

Я смазала надгробие притиранием, затем окликнула Карлу:

— Теперь ваша очередь.

Она потушила сигарету и подошла ко мне. На руки и лицо клиентки я тоже нанесла мазь и сказала:

— Во время воскрешения вы должны просто стоять за могилой.

Карла молча обошла могилу и встала на указанном месте, пока я обмазывала себя мазью. Казалось, кожа мгновенно наполняется хвойным ароматом розмарина — для памяти, нотами корицы и гвоздики — для охранения, шалфеем — для мудрости, запахом тимьяна, чтобы связать все ароматы воедино.

Карла стояла не шевелясь, взгляд ее был прикован к могиле. Я вытащила из клетки самого крупного цыпленка и сунула под мышку. Можно запросто обезглавить курицу двумя руками, если знать как.

Я встала в ногах могилы и приготовилась убить цыпленка. Его голова упала на землю, артериальная кровь хлынула на надгробие, окрасила увядающие хризантемы, розы, гвоздики ярко-алым цветом. Потемнела белоснежная стрелка гладиолуса. Я двинулась вокруг могилы, кропя землю и очерчивая круг окровавленным мачете. Карла закрыла глаза, когда на нее попала теплая кровь.

Я размазала кровь и по себе, а затем положила все еще подергивающуюся куриную тушку среди цветов на могиле. Вновь встала на прежнее место. Теперь мы были отрезаны от прочего мира кровавым кругом, наедине с ночью и нашими мыслями. Когда я начала ритуальные песнопения, глаза Карлы вспыхнули белым.

— Услышь меня, Артур Фиске! Я вызываю тебя из могилы. Кровью, сталью и магией заклинаю и призываю тебя. Восстань, Артур, приди к нам, приди ко мне, Артур Фиске.

Голос Карлы присоединился к моему, как и следовало:

— Приди к нам, Артур, приди к нам, Артур. Артур, восстань. — Мы звали его по имени, и наши голоса звучали все громче и громче.

Дрогнули венки. Земля вспучилась, и цыпленок съехал в сторону. Высунулась одна рука, бледная, как сама смерть. Потом показалась вторая, и тут голос изменил Карле. Она обошла вокруг могильного камня, чтобы преклонить колени слева от разверзшейся земли. Я продолжала взывать к Артуру Фиске. Лицо моей клиентки выражало безмерное изумление, даже благоговейный страх.

Теперь освободились обе руки. За ними показалась темноволосая макушка, и это было практически все, что оста-

лось от головы Артура Фиске. Гримировщик, несомненно, постарался на славу, но все же Артура пришлось похоронить с закрытой крышкой гроба.

Правой части лица вообще не было, ее словно оторвало. Там, где полагалось находиться челюстям и щеке, сияли белые кости и соединявшие их серебристые скобы. Вместо носа зияли две беловатые дыры. Чтобы покойник выглядел хоть немного опрятнее, лохмотья оставшейся кожи обрезали. В левой глазнице дико вращался уцелевший глаз. Я видела, как среди переломанных зубов шевелится язык. Артур Фиске старался выбраться из могилы.

Надо попытаться сохранить спокойствие. Надо.

— Это Артур? — спросила я. Ведь могла произойти ошибка.

— Да, — долетел до меня хриплый шепот Карлы.

— Но ведь это не инфаркт.

— Нет. — Теперь ее голос стал спокойным, неправдоподобно спокойным. — Я выстрелила в него. В упор.

— Ты убила его, а потом попросила вернуть?!

Артур никак не мог совладать с ногами, и я подбежала к Карле, попыталась поднять ее с земли. Но она не двигалась.

— Вставай, вставай же, черт бы тебя побрал! Он убьет тебя!

Ее ответ прозвучал с удивительным смирением:

— Если он этого хочет...

— Господи, да это же самоубийство!

Я заставила ее посмотреть мне в лицо, а не пялиться на копошащееся в могиле существо. Попыталась заставить осознать мои слова:

— Карла, умерший не своей смертью зомби всегда первым делом расправляется с убийцей. Всегда! Прощения быть не может, таковы правила. Я не смогу его контролировать до тех пор, пока он тебя не убьет. Надо бежать, сейчас же!

Женщина смотрела на меня. Казалось, она понимает смысл моих слов. Но все же Карла промолвила:

— Существует лишь один способ освободиться от вины. Если он простит меня, я очищусь.

— Ты умрешь!

Артур выбрался наружу и уселся на помятых, усыпанных землей цветах. Пройдет немного времени, и он соберется с мыслями. Совсем скоро.

— Карла, он убьет тебя. В его взгляде тебе нет прощения. — Взгляд женщины вновь был прикован к зомби, и я дважды сильно хлестнула ее по щеке. — Карла, ты здесь умрешь, и ради чего? Артур мертв, на самом деле мертв. А тебе умирать пока не стоит.

Артур соскользнул с цветов и замер в нерешительности. Глаз вращался в глазнице, но вот он остановился на нас. С мимикой у Артура нынче были нелады, но все же на изуродованном лице явственно читалась радость. Он неуклюже двинулся к нам, на останках лица подергивалось подобие улыбки, и я начала оттаскивать Карлу. Она не сопротивлялась, застыла мертвым грузом. Очень непросто тащить кого-то, кто не хочет двигаться.

Я отпустила Карлу, и она вновь села на землю. Поглядев на неуклюжего, но полного решимости зомби, я все же решила попробовать. Встала перед ним, загородив собой Карлу. Призвала на помощь всю свою силу и заговорила:

— Артур Фиске, услышь меня и слушайся только меня.

Он остановился и посмотрел на меня в упор. Подействовало! Вопреки всему — подействовало!

Но Карла все испортила. Она окликнула его:

— Артур, Артур! Прости меня!

Зомби отвлекся и дернулся в сторону голоса. Я остановила его, упершись рукой ему в грудь:

— Артур, приказываю тебе: не двигайся! Я тебя подняла, мне тебе и приказывать.

Но Карла вновь позвала его. И теперь уж его было не остановить. Артур небрежным движением руки отбросил меня в сторону и едва ли даже заметил, как я упала и ударилась головой о надгробие. Крови было немного — куда меньше, нежели бывает от удара головой в фильмах, — но все же на минуту я потеряла сознание. Я лежала среди погребальных цветов, и мне казалось чрезвычайно важным слушать собственное дыхание.

Артур потянулся к ней. Очень медленно потянулся. Остатки лица дрогнули, он издавал звуки, в которых слышалось «Карла».

Неуклюжие руки погладили волосы женщины. Зомби то ли упал, то ли преклонил перед ней колени, и она испуганно отпрянула.

Я поползла к ним по цветам: нет, она не совершит самоубийство с моей помощью!..

Зомби коснулся лица Карлы, и она снова подалась назад, всего на несколько дюймов. Мертвец последовал за ней. Она еще быстрее попятилась, но зомби нагнал ее на удивление ловко. Артур подмял ее под себя, и женщина закричала.

Тут и я подоспела и навалилась на спину зомби.

Его руки шарили по телу Карлы, ощупывали плечи.

Несчастная впилась в меня взглядом:

— Помоги!

Я пыталась. Вцепилась в зомби и попробовала оторвать его от Карлы. Что бы ни болтали профаны, зомби не обладают никакой сверхъестественной силой, но Артур был крупным мускулистым мужчиной. Если бы зомби чувствовали боль, у меня был бы шанс оттащить его от жертвы, но сейчас отвлечь его мне было просто нечем.

— Анита, пожалуйста!

Руки зомби сжали ее шею.

Я схватила мачете. Оно было острым и запросто могло изувечить человека, но ведь Артур ничего не почувствует. Я рубанула зомби по голове и спине: безрезультатно, ему все равно. Даже обезглавленный, он бы продолжал начатое. Надо как-то справиться с руками. Я опустилась на колени и примерилась ударить по предплечью. Размахивать мачете ближе к лицу Карлы я не решалась. На лезвии плясали серебристые блики. Изо всех сил я опустила клинок на предплечье зомби, но кость сломалась только после пятого удара.

Отрубленная рука продолжала сжимать горло жертвы. Я отбросила мачете и принялась по одному отдирать пальцы от шеи. Они поддавались с трудом, время шло. Карла перестала биться. Я взвыла от бешенства и беспомощности,

но продолжала и продолжала разгибать пальцы. Сильные руки сдавливали горло до тех пор, пока не затрещали кости. В летней ночи прозвучал не тот острый звук треснувшего карандашного грифеля, с которым ломается рука или нога, а мягкий и сочный хруст. Теперь Артур удовлетворен. Оторвавшись от тела жертвы, он распрямился. Лицо уже ничего не выражало. Он был опустошен и ждал команды.

Я села в цветы, совершенно не понимая, что же теперь делать: то ли рыдать, то ли кричать, то ли просто удрать поскорей. Но ведь надо было что-то сделать с зомби. Не могла же я оставить его тут одного, чтобы он бродил повсюду.

Для начала я решила сказать, чтобы он стоял смирно, но голос не повиновался. Взгляд зомби был прикован ко мне, пока я, спотыкаясь, брела к машине. Вернулась я с пригоршней соли. В другую руку собрала земли с новой могилы и остановилась по внешнюю сторону круга. Без всякого выражения на лице Артур следил за моими действиями.

— Отправляйся обратно в землю, из которой вышел, — приказала я и бросила в него землю.

Он повернулся ко мне лицом.

— Солью повелеваю возвратиться в могилу. — Крупинки соли снежинками легли на черный костюм Артура. Я осенила его крестом, сотворенным мачете: — Сталью повелеваю вернуться обратно.

И тут я поняла, что совсем забыла о курице и начала ритуал без нее. Тогда я нагнулась, взяла мертвого цыпленка и распорола ему брюхо. Вытащила еще теплые окровавленные внутренности, которые влажно поблескивали в лунном свете.

— Плотью и кровью повелеваю тебе, Артур, вернуться в могилу и больше не вставать из нее.

Зомби лег в могилу. Она поглотила его, словно зыбучий песок или трясина. Земля сомкнулась над ним, и все стало почти таким же, как прежде.

Бросив выпотрошенного цыпленка на землю, я опустилась на колени подле тела женщины. Шея Карлы изогнулась под невозможным для живого человека углом.

Я встала, подошла к машине и захлопнула багажник. Звук прозвучал слишком громко и повторился эхом. Казалось, что в кронах высоких деревьев гудит ветер. Листья шелестели, перешептываясь. Деревья выглядели плоскими черными тенями. Ни в одной сущности не было глубины. Все звуки казались слишком громкими. Мир сделался одномерным и будто бы картонным. Я была в шоке. И какое-то время еще проживу словно в оцепенении. Приснится ли мне ночью Карла? Стану ли я пытаться спасти ее вновь и вновь? Надеюсь, обойдется.

Где-то в ночной вышине реяли козодои. Их высоким, жутким голосам громко вторило эхо. Я посмотрела на тело у могилы. Недавно сверкавшее белизной, теперь оно было выпачкано в грязи. Слишком высока оказалась цена второй половины причитавшейся мне суммы...

Я села в машину, вымазав кровью руль и ключ, — мне было все равно. Надо позвонить боссу и в полицию. И отменить два ночных обряда. Хватит на сегодня мертвецов. Еще нужно отпустить такси. Интересно, сколько денег набежало на счетчике...

Мысли кружили по унылой, оторопелой, замкнутой орбите. Меня затрясло, задрожали руки... Ручьями полились горячие, неистовые слезы. Я рыдала и выла, отгородившись в своей машине от всего остального мира. Когда я перестала всхлипывать, а руки — дрожать, я повернула ключ зажигания. Без сомнения, сегодня ночью я увижу во сне Карлу. И Артура. Какие еще кошмары явятся мне?

Я оставила Карлу в одиночестве, но зато с прощением мужа. Одна ее нога утонула в цветах на его могиле.

НОРМАН ПАРТРИДЖ

Во всей красе

Норман Партридж — автор романов «Кактусовая река» («Saguaro Riptide»), «Сиеста за девять унций» («The Ten Ounce Siesta»), «Падение во тьму» («Slippin' Into Darkness»), «Безумные мечты» («Wildest Dreams») и «Темная жатва» («Dark Harvest»), последний роман вошел в список ста лучших книг 2006 года, по версии журнала «Publishers Weekly». Партридж также написал роман по мотивам сериала «Ворон: Молитва грешника» («The Crow: Wicked Prayer»), на основе которого создана четвертая серия фильма «Ворон».

Рассказы Партриджа, публиковавшиеся в журналах «Amazing Stories» и «Cemetery Dance», а также в антологиях (например, «Dark Voices 6», «Love in Vein» и «Retro Pulp Tales»), вышли в трех сборниках: «Мистер Фокс и другие жуткие истории» («Mr. Fox and Other Feral Tales»), «Дурные намерения» («Bad Intentions») и «Человек из колючей проволоки» («The Man with the Barbed-Wire Fists»).

В предисловии к последнему сборнику Партридж подробно описывает, как он впервые увидел в местном кинотеатре для автомобилистов «Ночь живых мертвецов». «Рядом с кинотеатром в моем родном городке находится не одно, не два, а целых три кладбища. Когда я вспомнил об этом, где-то в недрах моего воображения зашевелилась смутная, но жуткая идея. Я не мог отогнать от себя мысль: а вдруг мертвецы с этих кладбищ выберутся из могил и, покачиваясь, перейдут через дорогу, чтобы нанести нам небольшой визит?»

Мне кажется, такова предыстория написания многих рассказов о зомби.

Пляж был пуст.

Каким-то образом они поняли, что следует держаться в тени.

Натан Граймз поставил локти на балконные перила и поднес к глазам бинокль. Пока он наводил на резкость, округлые, женственных форм холмы, окружавшие пляж, превратились в переплетение вьюнка и портулака, а зеленоватая

мгла, лежавшая за ними, рассеялась, открыв лоскутное одеяло кричащей расцветки. Здесь были изумрудный, угольно-черный, отблески алого — это тянулись до самого горизонта темные заросли манцинелловых деревьев, морского винограда и кокосовых пальм.

Натан шарил по теням, пока не обнаружил золотисто-бронзовую фигурку. Обнаженная, она прислонилась к слегка изогнутому стволу кокосовой пальмы, вне досягаемости солнечных лучей, и обмотала локон опаленных светлых волос вокруг единственного пальца, оставшегося на левой руке. Кончик пальца отсвечивал алым, но это была не кровь, а лак для ногтей. Она сунула палец в рот и принялась лизать волосы. В конце концов она выпустила мокрую прядь, которая мгновение развевалась на карибском бризе, затем беспомощно повисла.

Кара Норт, Мисс Декабрь.

Натан вспомнил свою первую встречу с Карой; это произошло в новоорлеанской студии, прошлым летом. Она позировала перед щедро разукрашенной рождественской елкой; Тедди Чинг собирался сделать ее фото на целый разворот. Натан только что сошел с самолета, прилетел из лос-анджелесского офиса «Граймзгерлз». Он появился как раз во время съемки и пошутил, что праздничные украшения заставляют его почувствовать себя каким-то небесным Рип-Ван-Винклем.

При этом воспоминании Натан улыбнулся. В тот августовский день под елкой лежало несколько коробок в красивых упаковках, но коробки, бутафория для фотосессии Тедди, были пусты. Кара почти сразу обнаружила сей печальный факт, и все немало посмеялись над ее меркантильностью, пока Тедди снимал ее в маленькой красной шапке Санта-Клауса и эротичных красных чулках. Кроме этого, на Каре ничего не было — лишь золотисто-бронзовая кожа.

Пустые коробки. Натан покачал головой. Когда съемки закончились, он увидел в глазах Кары алчность. Она сразу смекнула, в чем дело. Тут же поняла, что только он одним щелчком пальца может наполнить эти коробки.

А теперь она смекнула, что следует держаться подальше от солнечных лучей. Все они так делали. Натан наблюдал за ними уже два дня, с утра после катастрофы. Он не бо-

ялся, что они вломятся в дом. Его карибское убежище представляло собой мавританский дворец, надежно защищенный от назойливых папарацци и фанатичных противников порнографии: его окружали высокие стены, утыканные битым стеклом. Нет, в мертвых «Граймзгерлз» Натана волновало то, что они вели себя не так, как зомби, которых он видел по телевизору.

Большинство тех жалких мешков с костями выползли из могил и передвигались плохо. По правде говоря, Натан не помнил, чтобы по телевизору показывали зомби, хотя бы отдаленно напоминавших их «живых» собратьев. Хотя, вообще-то, журналисты склонны демонстрировать самых устрашающих членов вражеского лагеря. Это был старый трюк. Точно так же в шестидесятых они сосредоточивали внимание на слишком ретивых членах левых студенческих организаций и «Черных Пантер»[1], чтобы обратить против них общественное мнение. И вот теперь средства массовой информации фокусировались на наиболее отвратительных представителях нового движения.

Движение. Он выбрал странное слово — поколению Натана оно несло надежду. Но почему-то сейчас оно казалось ему подходящим, вызывало в воображении картины не демонстраций, а воскрешения. Кладбища с открытыми могилами, саваны, летающие над пустыми бульварами... полуночные видения армии теней, которую ведет вперед жажда человеческой плоти.

Натан представил себе, как репортеры обыграли бы Кару Норт. Он хорошо знал телевизионную кухню и сомневался, что, помимо прошлогодней Мисс Декабрь, существует много загорелых зомби. Если бы катастрофа, подобная той, что случилась у острова Граймза, произошла у американского побережья, то жертвы ее были бы съедены хищниками-зомби, не успев воскреснуть. Но этого не произошло, потому что на острове не было зомби, когда Кара и прочие погибли. Итак, здесь имело место нечто иное, возможно, то, что никогда нигде прежде не случалось.

---

[1] *«Черные Пантеры»* — афроамериканская организация, ставившая своей целью продвижение прав чернокожего населения (1960—1970-е годы).

Кара подняла уцелевшую руку и сделала слабый жест — словно помахала ему.

— Жалкие дурочки, — прошептал Натан, и на лице его невольно возникла характерная кривая усмешка. — Зомби-дурочки.

Он отложил бинокль — дорогой, немецкий: Натан предпочитал все самое лучшее, — и взял пистолет, «Heckler&Koch P7M13», тоже немецкий и тоже дорогой.

Солнце склонялось к горизонту. Волны превратились в серебряные зеркала, слепящие Натану глаза. Он надел солнечные очки, и яростное сияние сменилось мягким жемчужным светом. Пока на горизонте плавилось синее небо, а под кокосовыми пальмами сгущались тени, Кара Норт, Мисс Декабрь, покачиваясь, приблизилась к усаженной стеклами стене приморского дворца Натана. И снова она обвила палец прядью светлых волос. И снова принялась обсасывать опаленные локоны.

«Странно, она сосредоточилась на волосах и не замечает изуродованную руку», — подумал Натан, заряжая пистолет. Нутром он чуял, что ею руководит не просто инстинкт, и размышлял, насколько сохранился ее интеллект. Знает ли она, что мертва? Способна ли она задать себе подобный вопрос? Способна ли она думать?

Прядь упала, распрямившись, и Кара снова начала сосать ее. Натан вспомнил Рождество, праздничные запахи горячего рома и калифорнийской сосны, гул кондиционера, включенного на полную мощность, и треск сухих дубовых поленьев в камине. Он вспомнил, как спала Кара, вспомнил, как она целовала его, как ее красные ногти разрывали обертку подарков, купленных им для Ронни. А потом, когда он почти полностью отдался воспоминаниям, переменчивый июльский ветер пролетел над островом Граймза, принеся с собой реальность — вонь искореженного металла и обугленной резины.

Запахи разрушения.

Натан зажал нос и поднял пистолет.

Два дня назад Натан держал ситуацию под контролем. Разумеется, при таких обстоятельствах подготовка к бегст-

ву «Граймзгерлз» из США чуть не свела его с ума. И разумеется, подобная эвакуация была бы совершенно невыполнима, не имей Натан в своем распоряжении такую роскошь, как спутниковая связь, но подобными привилегиями обладают все медиамагнаты.

Два дня назад он был, коротко говоря, полностью доволен жизнью. В конце концов, его предусмотрительность, многими называемая паранойей, окупилась, и случайно возникший план покончить со всеми случайностями обрел форму. У него была собственная крепость на собственном острове, достаточный запас провизии и план пересидеть текущие неприятности в компании двенадцати красивых девушек, снимавшихся исключительно для фотографий на разворотах.

Итак, два дня назад Натан не волновался, когда стрелки его «Ролекса» миновали назначенный для прибытия «Граймзгерлз» час,— ведь самая опасная часть спасательной операции уже была выполнена с военной точностью. Три вертолета «Белл» один за другим приземлились на крыше принадлежавшего Натану особняка в Новом Орлеане, и «Граймзгерлз» были без происшествий переправлены на летное поле в пригороде, где частная охранная служба сторожила «Гольфстрим» Натана. Излишне упоминать, что самолет взлетел немедленно.

Разумеется, операция стоила немалых денег, но Натан счел это выгодным вложением. К тому времени, когда правительство возьмет ситуацию под контроль, он ожидал наступления серьезного дефицита привлекательной женской плоти. Публика, как обычно, немедленно ощутит нужду в его услугах. Натан рассчитывал, что люди, которых он насмешливо называл своими «читателями», не станут возражать против прошлогодних моделей, по крайней мере, пока не начнется конкуренция.

Если вообще остался кто-нибудь, способный вступить в конкуренцию. Натан налил себе текилы, вполуха слушая в ожидании рева самолета, краем глаза глядя на новости о зомби, передававшиеся по Си-эн-эн. Вскоре его главные конкуренты уже мерещились ему в виде живых мертвецов, один — с золотыми цепями на сломанной шее, в дорогом парике, прикрывающем изгрызенный череп, другой —

со своей фирменной закопченной трубкой, зажатой в гнилых губах, силящийся вдохнуть достаточно кислорода, чтобы зажечь в ней огонек.

Натан ухмыльнулся, уверенный, что его-то никогда не постигнет подобный унизительный конец. Он выжил. У него есть планы. И он приступит к их выполнению прямо сейчас, пока ждет самолет.

Он отыскал блокнот с желтой линованной бумагой и начал сочинять заголовки. «„ГРАЙМЗГЕРЛЗ": ГОД НА ОСТРОВЕ». Нет, слишком иронично. «„ГРАЙМЗГЕРЛЗ": ИЗ АДА В РАЙ». Уже лучше. Надо будет поискать верный тон, чтобы заткнуть тех, кто станет обвинять его в эксплуатации. И фото Тедди Чинга наверняка будут к месту. Он надеялся, что во время эвакуации Тедди наснимает кучу занятных картинок — разлагающиеся лица, прижатые к стеклам новоорлеанского особняка, улицы Французского квартала, забитые зомби, — снимки, от которых веет опасностью. Такие фотографии составят превосходный контраст с большими снимками, которые они сделают на острове.

«„ГРАЙМЗГЕРЛЗ": НАЦИОНАЛЬНОЕ СОКРОВИЩЕ СПАСЕНО». Натан уставился на написанные строки и улыбнулся. Патриотично. Гордо. Буквы сияли, словно символы доллара.

Ветер, ворвавшийся в открытое окно, подхватил бумажку, и Натан хлопнул по столу, чтобы удержать ее. Он вдруг заметил темноту, удушающую серую мглу, которая пришла задолго до заката. Самолет сильно опаздывал. Натан так углубился в планирование будущего журнала, что потерял счет времени. Господи. Возможно самолет попал в шторм и теперь сражается с бурей, а топливо заканчивается...

Шторм пронесся по верхушкам кокосовых пальм, с шумом, подобным звуку гигантской метлы, метущей остров. С черепичной крыши капала вода. Было всего пять вечера, но темнота казалась непроницаемой. Натан отправил на взлетно-посадочную полосу Бака и Пабло, вооруженных фонарями. Сам он надел пальто и шагал по балкону своих апартаментов до тех пор, пока рев приближавшегося «Гольфстрима» не загнал его внутрь. Натан уставился в темноту. Она казалась ему плотной, словно пудинг, и он по-настоя-

щему испугался, когда увидел в отдалении пламя взрыва. Ронни (Мисс Октябрь трехлетней давности) попыталась обнять его, но он оттолкнул ее и выбежал из комнаты. Прошло немало времени и ливень успел смениться моросящим дождиком, прежде чем Натан вышел на улицу и впервые вдохнул запах крушения.

Бак и Пабло не возвращались. Прошла ночь, наступило утро. Натан не пошел искать парней. Он боялся, что они, возможно, ищут его. Он спрятал пистолет и ключи от своего джипа и ударил Ронни, когда та назвала его трусом. После этого она замолчала, и молчала долго, тогда он поиграл в великодушие. Он открыл стенной сейф, выдал ей в знак примирения приличную дозу и ушел.

Спустившись, Натан спрятал желтый блокнот в тот ящик стола, который открывал реже всего. Затем закрыл ящик тщательно, медленно, беззвучно.

Так это началось два дня назад на острове Граймза, и теперь живые передвигались бесшумно, прислушиваясь к шагам мертвых.

Пистолет был теплым, и Натан, перезаряжая его, пожалел, что как стрелок он недостоин этого прекрасного оружия. Он положил пистолет на туалетный столик и спустился вниз, пытаясь отогнать воспоминание об иссиня-красной массе, в которую превратился лоб Кары, когда один из его выстрелов — пятый или шестой — достиг цели.

Он не хотел помнить ее такой. Он хотел помнить Мисс Декабрь. Никаких выстрелов, лишь щелканье камеры Тедди. Никакой крови, лишь красная шапочка Санты. Эротичные красные чулки. И золотисто-бронзовая плоть.

Натан достал из-за стойки бара бутылку золотой текилы «Куэрво». Из всех сортов текилы владелец «Граймз-герлз» предпочитал «Чинако», но в ночь катастрофы он прикончил последнюю бутылку, так что теперь пришлось довольствоваться более дешевой маркой.

— Я видела, что ты сделал. — Ронни встала перед ним, как детектив из бульварных книжонок, и швырнула на стойку пистолет. На красном дереве появилась длинная уродливая царапина. — Ты бы лучше пригласил Кару выпить, об-

легчил бы жизнь бедной девочке. Это было чертовски грубое прощание, Нат.

Натан насыпал в бокал льда, избегая встречаться глазами с Ронни, чтобы не видеть ее фирменного испепеляющего взгляда. Но это ее не остановило.

— Она так соблазнительно выглядела, когда обожала тебя на расстоянии, с этими своими огромными голубыми глазами. Ты заметил, что она пыталась завивать волосы? — Ронни прищелкнула языком. — Поразительно, как небольшая сырость может испортить прекрасную прическу.

Натан ничего не ответил, он нарезал лайм, и Ронни хихикнула.

— Сильный и молчаливый, а? Ну давай, Нат, ведь это ты снес ей полголовы. Расскажи, что при этом чувствуешь.

Натан уставился на кончик носа Ронни, чтобы не смотреть ей в глаза. Когда-то она была осенним видением с волосами цвета опавшей листвы. Мисс Октябрь. У нее были тщательно отработанные раскованные манеры, кожа цвета бренди и огромные шоколадные глаза, которые заставляли каждого мужчину в Америке мечтать о холодных ночах. Но Натан слишком хорошо знал могущество этих осенних глаз — одним-единственным ледяным взглядом они могли заморозить человека.

Он сунул пистолет в карман. Нужно быть более осторожным и не оставлять оружие там, где она может добраться до него. Бывает, у кокаиновых наркоманов сносит крышу. Он налил в бокал «Куэрво» и опрокинул его, сделав вид, что во всем мире его заботит лишь качество вышивки. Затем рискнул и бросил быстрый взгляд в шоколадные глаза, уже подернутые желтоватой пленкой, которую даже Тедди Чинг не мог убрать с фотографий.

Ронни взяла салфетку и принялась обрывать уголки.

— Почему именно она? Почему ты пристрелил Кару, а не кого-нибудь еще?

— Потому что она первой подошла на расстояние выстрела. — Натан поболтал в бокале вилочкой для коктейлей в виде стилизованной «Граймзгерлз» — такие штучки были приклеены на последней странице каждого выпуска. — Это было отвратительно. Когда я взглянул Каре в глаза, у меня

появилось ощущение, что она рада видеть меня. Рада! Тогда я поднял пистолет, и мне показалось, что она внезапно поняла...

Ронни разорвала салфетку на две, затем на четыре части.

— Они ничего не понимают, Нат. Они не могут думать.

— Они не похожи на тех чучел, которых показывают по телевизору, Ронни. Ты заметила, как она на меня смотрела? Иисусе, она на самом деле помахала мне сегодня. Я не говорю, что у них есть душа, но что-то такое там есть, и это мне не нравится.

Клочки пурпурной бумаги усеяли стойку из красного дерева. Ронни брала обрывки один за другим и лениво складывала из них салфетку. Натан чувствовал ее неодобрение. Он знал, чего она от него хочет: чтобы он пристегнул к поясу пистолет и отправился отстреливать «Граймзгерлз», словно Ли ван Клиф[1] в дешевом вестерне.

— Послушай, Ронни, они ведут себя непормально, не ломятся к нам в дом, как те существа по ящику. Нам просто надо быть немного поосторожнее, вот и все. Теперь их осталось одиннадцать, и рано или поздно все они приползут к воротам, так же как и Кара. Тогда я легко расправлюсь с ними. И мы снова сможем выходить, здесь станет безопасно.

— Откуда такая уверенность? — Он сделал ошибку — вздохнул, и в голосе женщины появились сердитые нотки. — Ты же знаешь, они не одни сюда прилетели. Там был пилот, второй пилот... может, даже несколько охранников. И Тедди. Значит, по крайней мере еще пять-шесть человек. — Теперь настала ее очередь вздыхать. — Не говоря уже о Баке и Пабло.

— Возможно, ты и права. Но, кто знает, может быть, их так покалечило, что они не сразу смогли добраться до берега или не добрались вообще. Или сгорели во время взрыва. Наверное, это случилось с Баком и Пабло.

Натан взглянул на нее, он не хотел говорить, что парни скорее всего послужили кому-то обедом, и она поджала

---

[1] *Ли ван Клиф* (1925–1989) — американский актер, снимавшийся в вестернах в ролях «плохих» парней.

губы, что далось ей не без труда — губы были большими и пухлыми.

— Дьявол, да они могли и уехать отсюда, — продолжал Натан, понимая, что хватается за соломинку. — Взяли лодку или еще что-нибудь. Мне отсюда не видно причала, я не могу быть уверен. А может быть, они договорились с девушками, как-то обманули их...

— Ты и вправду считаешь, что зомби могут думать? С ума сошел! Если они мертвы, они голодны. Вот и все — так говорят по телевизору. И Кара Норт, облизывающая слюнявую прядь, не убеждает меня в обратном.

Натан отрезал еще ломтик лайма и начал сосать его, наслаждаясь резким привкусом. Это был последний лайм на острове, и он решил получить удовольствие от его поедания.

— Может быть, все это как-то связано с катастрофой, — начал он, заходя с другой стороны. — Я не пойму, в чем тут дело. Я видел взрыв, но все девушки, насколько я могу судить, в неплохой форме. У Кары не хватало несколько пальцев и обгорели волосы, другие тоже немного пострадали, но ни у кого нет сильных ожогов, как можно было ожидать.

— Мы могли бы поехать к самолету и сами посмотреть, что там случилось, — предложила Ронни. — Джип они не догонят. — Она прикоснулась к его руке, легко, нерешительно. — Мы могли бы спасти кое-какие вещи с самолета. У кого-то, возможно, было ружье, может быть, даже с оптическим прицелом, а это гораздо лучше твоего пистолета.

Натан поразмыслил над ее предложением и, сообразив, что за ним скрывается, отдернул руку.

— Кто вез его? Ну, Ронни, ты же понимаешь, о чем я. Кто был твоим курьером на этот раз?

Она попыталась изобразить обиду. Приложила огромные усилия.

— Думаешь, ты сыщик, а? Ну, давай, кто у тебя подозреваемые? Ронни — наркоманка, ожидающая курьера. Бак и Пабло испарились, а может быть, у них тусовка с Карой и прочими первыми интеллектуальными трупами в мире. Давай, Нат, сочиняй, только заканчивай прежде, чем у этих

тварей испортится настроение и они придут за нами. — Она схватила остатки салфетки и швырнула пурпурное конфетти ему в лицо. — Проснись, босс. Вечеринка окончена. Меня ты купил, но их... Они мертвы, и они голодны, вот и все.

Ронни подождала минуту, давая ему возможность обдумать эти слова. Затем поднялась и направилась к лестнице, изящная, как струя бренди, льющаяся в бокал. «С мягкой грацией», — иронически подумал Натан. Он смотрел, как двигаются ее ноги, любовался покачивавшимися для него бедрами. Он возбужденно провел большим пальцем по маленьким пластиковым грудям мультяшной девушки на коктейльной вилочке.

«Меня ты купил». Она разыграла свой коронный взгляд через плечо, который три года назад появился на развороте журнала, затем повернулась и обхватила длинными пальцами обнаженные груди и маленькие соски. Палец Натана впился в зад пластиковой девицы; он бессознательно нажал на него, и пластик раскололся.

Ронни рассмеялась и, не оглядываясь, взбежала вверх по ступеням.

Натан кончил, отбросил шелковую простыню и открыл сейф. Он насыпал на зеркальце три полоски порошка и протянул его Ронни, затем сбежал вниз — он ненавидел звук, который она издавала, когда нюхала. В кухне он откупорил банку пепси и достал из холодильника замороженного жареного цыпленка. Выбрал две грудки и три бедра, положил их на кусок фольги и включил печь.

Дожидаясь, пока курица разогреется, Натан включил телевизор и пощелкал кнопками, пока не наткнулся на какое-то изображение. Он сразу же узнал купол Капитолия, расположенный в правом верхнем углу экрана, как раз под логотипом Си-эн-эн. Это любимая точка вашингтонских корреспондентов, но сейчас репортера на экране не было. Не было слышно и голоса за кадром.

Показался прихрамывающий зомби в больничном халате, он прошел мимо и исчез. За ним последовал другой, на этот раз без одежды, даже без плоти на костях. Натан смотрел как завороженный. Скоро зомби снесут камеру и разо-

бьют софиты. Почему камера еще работает? Он не мог понять, в чем дело.

А может, он поймал изображение с какой-то стационарной камеры. Которая была установлена здесь для наблюдения за зомби. Привинчена. Защищена. Что-то в этом роде.

Но посылать изображение на спутник? Нет смысла. Затем Натан вспомнил, что спутниковые картинки не предназначались для публичного просмотра. Наверное, он поймал прямую передачу для Си-эн-эн, а не передачу самой Си-эн-эн. Когда-то он развлекался, ловя подобные трансляции с помощью спутниковой антенны. Во время съемки можно было наслушаться злобных замечаний репортеров о несудобоваримой белиберде, которой политики потчуют американский народ, и узнать, что на самом деле происходит во время рекламных пауз, когда передача ведется в прямом эфире.

Натан уставился на логотип Си-эн-эн в углу экрана. Где его накладывают на картинку — во время обработки видео или прямо на месте? Он пожалел, что недостаточно знаком с технической стороной телевидения. Натан принялся переключать каналы в поисках других передач. Убедившись, что эфир пуст, он попытался снова поймать канал Си-эн-эн.

Но не смог его найти.

Его больше не было.

Комнату наполнило ровное шипение. Натан надавил кнопку выключения звука. Прошло несколько минут, прежде чем он заметил, что курица горит, но не смог заставить себя подняться и сделать что-нибудь, он был сейчас не в силах даже смотреть на еду. В его мозгу клубились какие-то образы, подобные рассерженным змеям, готовым броситься на него и ужалить. Взрыв, зомби-скелет, изуродованная рука Кары Норт.

Змеи ужалили; Натан скрючился над раковиной, и его вырвало пепси-колой.

Сначала, услышав ее крики, Натан вскочил с дивана и уже начал было подниматься по лестнице, когда вспомнил, что оставил пистолет на кухне. Он развернулся слишком быстро, потерял равновесие, прислонился к стене и затем

побежал за оружием. В ушах его звенели непрекращающиеся вопли Ронни.

Он вернулся к подножию лестницы как раз в тот момент, когда женщина начала спускаться.

— Он звал меня,— произнесла она, обезумевшими глазами глядя в пространство.— Снаружи. Я слышала его. Я вышла на балкон, но не видела его... Но я говорила с ним, и он мне ответил! Господи, мы должны впустить его!

— Ты говоришь, что там снаружи кто-то живой?

Ронни кивнула, она была без одежды, дрожала, взмокшие от пота волосы спутались. Ее вид понравился Натану еще меньше, чем ее рассказ. Может быть, она просто под кайфом. Может быть, ей что-то приснилось. Наверняка.

Один из мешков с костями стучал в ворота, а остальное она придумала.

А может быть, кто-то и в самом деле выжил во время катастрофы.

— Мы никому не откроем, пока я все не проверю,— объявил Натан.— Ты оставайся здесь. Никуда не уходи.— Он стиснул плечи Ронни, чтобы до нее дошел приказ.

Поднявшись наверх, он нажал несколько кнопок на стене спальни, затем вышел на балкон. Мертвенно-белый свет заливал участок, зловеще посверкивал на усаженных стеклом стенах и освещал пляж. У ворот стоял человек в синей форме. Пилот или его помощник. При искусственном освещении цвет его лица казался землистым, на подбородке виднелся багровый синяк. Человек взглянул вверх, и на лбу его появились морщины, словно он не ожидал увидеть здесь Натана.

Рот пилота открылся.

Где-то далеко на пляж обрушивались волны.

— Ронни... я пришел встретиться с... Ронни...

— Господи! — Натан опустил пистолет.— Что там произошло? Взрыв... как вы...

— Ронни... Ронни... Я пришел встретиться с... Рон... *ниииии*. Я пришел...

Мышцы рук Натана напряглись, не давая ему сделать то, что он хотел. Он заставил себя поднять пистолет и прицелиться.

Он выстрелил. И промахнулся.

Грязно-серые глаза уставились в холодную ночь. Дикие, свирепые. Тварь замахала руками, неистово приказывая Натану остановиться. Он выстрелил снова, но пуля просвистела над плечом зомби. Тот поспешно отпрянул, разрывая китель и покрытую пятнами пота рубашку.

Третий выстрел Натана срезал ухо зомби, как раз когда тот разорвал на себе одежду.

— Меня ждут, — проскрежетал он. — Ждут, я пришел увидеть...

Натан выругался, ошеломленный зрелищем полудюжины пластиковых мешочков с кокаином, прикрепленных к груди зомби лентами пластыря.

Курьер Ронни. Два дня как умер, но все еще пытается завершить сделку.

Тварь двинулась вперед. Теперь она улыбалась, уверенная, что Натан наконец понял.

Натан прицелился — «Натан, стой!» — но, прежде чем он смог нажать на курок, в его мозгу сверкнули огни. «Ты сумасшедший, Натан!» Он рухнул на пол балкона, поранив левую бровь о неровно положенную плитку. Мозг его едва успел обработать информацию и распознать голос Ронни, когда он понял, что у него вырывают пистолет. «Он живой, а ты пытался убить его!» Он попробовал подняться, но тут заметил, что в него летит тяжелый немецкий бинокль.

Натан едва успел прикрыть глаза, и бинокль врезался в его окровавленный лоб.

Кричит. Боже, как она кричит.

Должно быть, поняла, что ошиблась.

Натан с трудом поднялся на ноги, в этот момент крики Ронни были прерваны выстрелами. Он прислонился к перилам балкона и постарался сфокусировать взгляд на пляже.

Но они были не на пляже. Огромные ворота стояли открытые, и мертвый пилот шел по двору, а Ронни пятилась от него по стриженому газону. Она выстрелила, и облачко кокаина вырвалось из пакета, приклеенного к груди мертвеца. Она выстрелила еще три раза и разнесла левое плечо зомби. Левая рука его повисла, скользнула вниз по рукаву и беззвучно упала на траву. Тварь уставилась на

отделенную от тела конечность, озадаченная этой неожиданной ампутацией.

Ронни отступила под балкон.

Зомби вошел в дом вслед за ней.

Натан, спотыкаясь, побежал обратно в комнату. Ронни больше не кричала. Крики сменились тихими, но не менее ужасными звуками: щелканьем разряженного пистолета, шепотом зомби, произносящего имя Ронни. Двигаясь словно в тумане, Натан добрался до лестницы как раз в тот момент, когда Ронни начала подниматься по ступенькам. Он попытался схватить ее, но пилот дотянулся до женщины первым и потащил ее к себе.

Какое-то мгновение зомби смотрел на свою жертву с просительным выражением, словно желая лишь отдать ей посылку, но по мере того, как он подтаскивал ее ближе, выражение его лица менялось. Ноздри его раздулись.

Он бросил Ронни на ступени и прижал коленом.

Рот его открылся, но слов больше не было.

Его глаза внезапно вспыхнули безумным огнем.

Голодным огнем.

Торчащие зубы впились в левую грудь Ронни. Она взвыла и попыталась уползти, но мертвец крепко вцепился ей в ногу, придавив к лестнице. Желание его было разбужено, и внезапно зомби почувствовал ненасытный голод. Он рвал зубами плоть Ронни; глотал, не жуя, словно акула, наконец поймавшая добычу.

Натан отступил назад, не сводя взгляда с зомби, и мельком увидел на полу холла разряженный пистолет. Со стороны темного бара, пошатываясь, возник второй мертвец. У этого что-то было в руке, мачете, и Натан неожиданно обрадовался, что скоро умрет, потому что он не мог вынести жизни в мире, где нельзя отличить живого от мертвого, где проклятые трупы могут говорить, помнят что-то, могут обманывать тебя до того момента, когда начнут кусать, рвать и глотать...

Ржавый мачете отсек пилоту голову; труп рухнул на тело Ронни.

Хозяин мачете взглянул вверх, и Натан прирос к месту, словно олень, оказавшийся в свете фар.

— Господи, босс, да не волнуйтесь вы. Я жив, — произнес Бак Тейлор и отправился закрывать ворота.

Бак сказал, что не может ни пить, ни есть — он только что убрал останки Ронни и мертвого пилота. Вместо этого он говорил. Натан старался не пить слишком много текилы, старался слушать, но мысли его неизбежно возвращались к загадке поведения пилота.

— Дождь лил как из ведра, вся чертова земля промокла насквозь. Пабло пил кофе, а я уже так этим кофе напился, что мне понадобилось отлить, но дождь хлестал просто жутко...

Перед Баком на дубовой столешнице лежал ржавый мачете; пока охранник говорил, пальцы его плясали по лезвию. Когда-то он был центральным нападающим «Рейдерс»[1] — Старый Добрый Номер 66 семь сезонов подряд не пропустил ни одной игры, — но Натану казалось, что никогда Бак так жутко не выглядел, даже после самого тяжелого матча. Лысая голова была сплошь покрыта синяками; время от времени охранник с тоскливым видом дотрагивался до нее, как будто жалел, что не надел шлем.

— ...и я пошел в лес и спрятался под какое-то дерево, с такими листьями, вроде больших блинов. Начал мочиться. И только тут услышал шум двигателей. Боже правый, я быстро застегнулся и...

Две шестерки на футбольной куртке Бака были запачканы чем-то черным, скользким на вид. Левую руку его поддерживала примитивная шина, привязанная черной с серебром банданой. Массивные бицепсы нехорошего, гораздо хуже сине-зеленого цвета обычного синяка выступали между сырыми деревяшками. Этот отвратительный серый цвет напомнил Натану гниющую дыню. И запах, исходящий с того конца стола...

— ...Обмочил всю левую ногу. Мне не стыдно говорить об этом — как раз в тот момент оторвалось левое крыло, и я подумал, что мне крышка, самолет летел прямо на меня. Я нырнул...

---

[1] *«Окленд Рейдерс»* — профессиональная футбольная команда из г. Окленд, штат Калифорния.

Быстро. Пилот мог соображать быстро. Он разорвал рубашку, чтобы показать Натану кокаин. Он уговорил Ронни открыть ворота. И, несмотря на то что Ронни отстрелила ему руку, он вел себя как живой, пока не приблизился к ней, первому настоящему человеку, которого встретил с тех пор, как воскрес. Эта встреча дала толчок его ужасному...

— ...подумал я задним числом, но времени не было. Отломавшееся крыло кружилось в воздухе, как бревно. Никто не мог сказать, где оно упадет. Затем самолет швырнуло в сторону, на большую рощу пальм, а оттуда он отлетел прямо на посадочную полосу. Покатился по земле, отломалось второе крыло. А то, первое, еще летело...

Пальцы Бака сомкнулись на рукоятке мачете. Натан, наблюдавший за ними, выскользнул из-за стола, подальше от Номера 66.

— Я видел Пабло в грузовике. Несмотря на бурю. Я видел, как он пытался найти место для чашки с кофе. А потом крыло рухнуло на фургон, и эта чертова штука взорвалась.

Значит, это взорвался фургон. Вот почему зомби не были обожжены. Самолет даже не загорелся — скорее всего, его баки опустели после борьбы со штормом. Но в машине было полно бензина.

— Мне стыдно, но я действительно ничего не мог поделать. Огонь был очень сильным. Даже зомби не подходили к нему, а к тому времени, как он погас, от машины и Пабло ничего не осталось.

Пальцы Натана сомкнулись на пистолете. Он вспомнил пилота, разрывающего свою рубашку. Вспомнил, как тот схватил Ронни, вспомнил мгновенное замешательство в его мутных глазах, возбужденный блеск, появившийся после того, как он поддался жажде плоти. Конечно, сейчас Бак себя контролирует. Но что случится, если он окажется близко к своему боссу?

Натан поднял пистолет. Бак ухмыльнулся, не понимая. Натан взглянул на раны Бака, на нетронутую кружку пива, стоявшую перед ним. Старый Добрый Номер 66 не пил, не хотел жареного цыпленка. Возможно, он больше никогда не захочет жареного цыпленка. Возможно, он сам пока еще не понял этого, как не помнит, отчего умер.

— Бак, я хочу, чтобы ты вернулся обратно, к ним, — произнес Натан таким тоном, словно обращался к ребенку. — Понимаешь, соблазн — рискованная штука. Ты можешь потерять остатки разума.

— Босс, с вами все в порядке? Может, вам пойти прилечь, чтобы какое-то время не думать о Ронни? Может быть...

О, они неглупы. С каждой минутой становятся все хитрее.

— Тебе меня не одурачить, Бак. Можешь обманывать сам себя, но меня тебе не обмануть.

Натан прицелился, и Бак, подавшись назад, рухнул вместе со стулом. Первая пуля разнесла в клочья левое предплечье и расколола самодельную шину, но Бака это не остановило — спортсмен так просто не теряет свои инстинкты. Он вскочил на ноги, наклонил голову и понесся вперед через кухню.

Глаза его сверкали, но Натан был уверен, что это блеск смерти, а не жизни. Бак сделал Натану подножку, и они оба повалились на пол. Натан взмахнул пистолетом, и Бак не смог оттолкнуть его — левая рука была слишком серьезно повреждена. Он стал защищаться единственным доступным ему способом — впился в плечо Натана, сомкнул челюсти и рванул.

Натан завопил. Перед глазами замелькали белые точки.

Палец его нажал на курок.

Пуля разнесла череп Старого Доброго Номера 66.

Натан представлял это так.

В катастрофе все погибли мгновенно. Все. Открыв глаза, они обнаружили, что находятся на острове Граймза, там, где и должны были находиться, и решили, что выжили. Они пробирались сквозь девственный лес, через пляжи с коралловым песком, не встретив ничего, что искусило бы их, разбудило бы кошмарный голод.

Находясь на границе между смертью и воскресением, они в разной степени сохранили рассудок, но ими все-таки управляли инстинкты. Инстинктивно они не выходили на солнечный свет. Это было просто самосохранение — тропическое солнце могло ускорить разложение трупов. У всех зомби также был силен инстинкт пожирания живых людей, но лишь

когда жертва появлялась непосредственно перед ними. Натан убедился в этом после встречи с пилотом и Баком. Он был уверен, что до тех пор, пока «пища» не показывалась и инстинкт утоления голода не брал верх, смерть на острове Граймза еще существовала как граница, отделяющая их от остальных зомби. О, они функционировали на разных уровнях, как он видел это на примере Кары Норт, пилота и Бака, но в некоторых случаях они вели себя точь-в-точь как живые.

Возможно, что-то такое в человеческой плоти, поглощенное ими, определяло перемену в поведении. Может быть, кровь. Или сам акт каннибализма. Натан не знал причины, да его это и не волновало.

Его укушенное плечо приобрело красно-пурпурный цвет и раздулось. С момента нападения Бака прошло пять дней, и Натан сам не знал, лучше ему или хуже. Просто на всякий случай он сделал себе укол антибиотиков, но не мог понять, помогло ли это.

Он не знал, жив ли он, мертв или находится где-то посредине.

Чтобы не запутаться, Натан записывал симптомы в желтом блокноте, который спрятал в ящике стола после крушения самолета. Многое его озадачивало. Сначала он хотел проконсультироваться у ученых или врачей, но его первая попытка связаться с материком оказалась неудачной, а потом он уже боялся звонить кому-либо. Его не привлекала мысль окончить свои дни в качестве подопытного кролика в какой-нибудь лаборатории и тем более не радовала перспектива зачистки острова Граймза отрядом спецназа.

Больше всего его беспокоило то, что сердце его все еще билось. Он не понимал, как это возможно, пока не вспомнил, что у Бака тоже билось сердце, когда он в него выстрелил. Натан чувствовал толчки в груди мертвеца, когда они катались по полу, и все же был уверен, что Бак — зомби. Глядя на свое укушенное плечо, вспоминая огонь, вспыхнувший в глазах охранника, когда тот напал, Натан все больше убеждался в этом. Были и другие симптомы.

Он не мог есть. Каждый вечер он готовил себе немного жареной курицы, несмотря на то что от запаха еды его тошнило, а от прикосновения к жирному мясу пробирала

дрожь. Вчера вечером он заставил себя съесть две грудки и бедро и следующие пять часов провел на кухонном полу, съежившись в комок, пока наконец не поддался рвотным позывам. И он не мог пить — ни пепси, ни текилу. Текила была особенно отвратительна; она обжигала горло, отчего он долгое время чувствовал себя ужасно. Натан сосал кубики льда, но только затем, чтобы уменьшить боль в горле. И начал нюхать кокаин, привезенный для Ронни, но лишь потому, что боялся ложиться спать.

Кокаин. Может быть, дело в этом. Говорят, что кокаин отбивает аппетит, верно? И он начал вдыхать его примерно в то же время, как перестал есть. Но пять дней без пищи... Боже, это долго. Так что это не просто кокаин. Так?

Он закрыл глаза и представил себе голод, пищу. Попытался вообразить самый соблазнительный пир, какой только мог.

Долгое время ничего не шло ему на ум. Затем он увидел изувеченную ладонь Кары Норт. Отрезанную руку пилота. Голову Бака, покрытую синяками.

В животе у него заурчало.

Он открыл глаза.

Факты казались неопровержимыми, но Натан почему-то не мог заставить себя покинуть поместье или, наоборот, впустить к себе «Граймзгерлз». Каждый вечер они выходили на пляж, наслаждаясь жизнью, искушая его. Мисс Ноябрь и Мисс Февраль пели любовные песни, серенады для Натана, которые он слушал из-за утыканной стеклами стены. Он наблюдал за ними изнутри, улыбался своей кривой усмешкой, презирая себя за трусость.

Ему было скучно, но он не решался включить телевизор. Если сеть снова заработала, ему наверняка придется взглянуть в глаза живым людям, дышащим воздухом. Хотя он серьезно сомневался, что подобная картина разожжет в нем жажду каннибализма, он не хотел пробовать, даже для того, чтобы убедиться в обратном.

Он не хотел терять то, что имел.

И он целыми днями нюхал кокаин и писал. Ночью наблюдал за ними. Теперь на пляж пришли все, даже Тедди Чинг. У фотографа не было ног; вот почему ему потребова-

лось столько времени на дорогу. Но Тедди это не остановило. Он подтягивался на руках, резво преследуя «Граймзгерлз», и его оголенный позвоночник весело болтался сам по себе, как щенячий хвост. На шее у него висели три камеры, и часто он, прислонившись к стволу манцинеллового дерева, фотографировал девушек, резвившихся внизу, на пляже.

Больше всего Натан сожалел, что не может опубликовать эти фотографии в своем журнале. Его «Граймзгерлз» были по-прежнему прекрасны. Мисс Июль, с ее плоским упругим животом над аккуратным сердечком волос. Мисс Май, закрывшая содранную кожу на лбу венком из цветов бугенвиллеи и орхидей. Округлые груди Мисс Апрель, темные от синяков, с набухшими сосками. Желтые ямы под глазами Мисс Август, горячие, сухие круги, два огонька, сиявшие с ее лица, как солнце этого чудного месяца.

Два солнца среди ночи.

Она идет во всей красе, светла, как ночь ее страны... во всей красе... как ночь... вся глубь небес и звезды все... звезды все... в ее очах заключены...

Вся глубь небес и звезды все[1]...

Натан не помнил, как дальше. Он снова и снова писал эти слова в своем желтом блокноте, но не мог вспомнить продолжения. Он закрыл глаза и, открыв их, увидел, что море озарилось тусклым светом наступающего утра.

Пока лучи солнца не успели коснуться балкона, он поспешил внутрь.

Пляж был пуст.

[1] Искаженная цитата из стихотворения Дж. Г. Байрона «Она идет во всей красе...». — *Пер. С. Маршака.*

БРАЙАН ЭВЕНСОН

Прерия

Брайан Эвенсон — автор книг «Язык Олтманна» («Altmann's Tongue»), «Инфекция» («Contagion») и «Отец лжи» («Father of Lies»). В 2005 году его сборник рассказов «Колеблющийся нож» («The Wavering Knife») завоевал премию Международной гильдии писателей жанра «хоррор». Два года спустя роман «Открытый занавес» («The Open Curtain») также вошел в список финалистов и претендовал на премию «Эдгар». Вдобавок к собственному творчеству, Эвенсон перевел несколько романов на английский язык, включая произведение Кларо «Электрическая плоть» («Electric Flesh», с французского). В июле 2008 года у писателя вышел роман «Чужие: нет выхода» («Aliens: No Exit») в межавторской серии, а в 2009 году автор выпускает новый сборник рассказов «Состояние аффекта» («Fugue State»).

Эта история, впервые появившаяся в журнале «The Silver Web», была написана под впечатлением отчета Альваро Нуньеса Кавеса де Вака, испанского конкистадора XVI века, который после кораблекрушения пересек южную часть Северной Америки, а также фильма Вернера Херцога «Агирре, гнев Божий», который, по словам Эвенсона, имеет невероятную, безумную концовку. Писатель говорит, что ему был интересен феномен мест, которые имеют одновременно мрачную, но волшебную атмосферу. Правда, то, каким образом в прерии попали зомби, остается тайной.

I

Ранним вечером, еще не добравшись до прерии, мы повстречали человека, чья кожа на спине была наполовину содрана и свисала плащом. Он позволил осмотреть себя, и нашим глазам предстал подкожный жир, пурпурный и покрытый складками, своими извилинами напоминая человеческий мозг.

Полосу содранной кожи незнакомец выдубил и перекрутил, превратив в нечто вроде пояса. Капитан безуспеш-

по попытался выкупить сей предмет гардероба. Когда наш лекарь поинтересовался о приметах мучителя, человек ответил на это, раскрыв свой рюкзак и вынув оттуда колеблющийся на ветру кусок кожи с загрубевшей, мозолистой поверхностью. Осмотрев его, с одной стороны мы увидели пустое желтое лицо.

II

Наш пастор вознамерился крестить всех существ, встреченных нами на пути, записывая их приметы на свитках, прежде чем мы убивали дикарей. Мы шли, а он перечислял имена, громко оглашал прошения, которые доставит Церкви, ибо, все более расширяя лист новообращенных, сам священник страстно желал стать святым.

III

Воздух дымный, влажный, удушающий. Где-то в середине дня нас приветствовал человек, заявивший, что может воскрешать мертвых. Капитан обнажил оружие и срубил голову Раску, с которым у него случилась размолвка, после чего приказал незнакомцу продемонстрировать свое искусство. Самозваный Иисус пришил голову матроса обратно к туловищу, а потом произнес свои пустые заклинания. Руки его тряслись. После напрасного ожидания капитан распорядился обезглавить обманщика.

Мы нанизали трофеи на пики и пошли вперед. Около прерии убитые принялись бормотать, после чего мы воткнули древки в песок и оставили их.

IV

Добрались до прерии, мертвецы ходят тут стадами, пробираясь сквозь цепляющуюся колышущуюся траву. Мы поймали одного и потащили за собой, хотя он немного сопротив-

лялся. Плоть у него оказалась темного цвета, от нее шел омерзительный запах. Мы осмотрели каркас существа, то, как был заново сшит его рот, сделаны мандибулы. Подняв мембрану, прикрывающую грудь, мы выяснили, что внутренние органы пойманного аккуратно удалены, а нижние отверстия заткнуты. Ловким движением руки лекарь отбросил прочь остатки кожи с головы трупа, потом с помощью крупнозубой пилы вскрыл верхнюю часть черепной коробки. Мозг отсутствовал, пустой череп был покрыт изнутри пятнами.

Лекарь все тщательно записал, а потом попросил ради эксперимента отпустить тело. Мы положили мертвеца на землю, после чего стали свидетелями того, как тот встал и, спотыкаясь, ушел прочь.

V

Ночью Латур воспользовался мертвой женщиной, ибо мы уже слишком долго находились в пути. Лишенная устойчивости и эластичности, она быстро развалилась на куски под ударами его бедер. Даже плотно зажмурившись, моряк так и не смог достичь удовлетворения. Пастор отказал ему в покаянии.

VI

Иногда мы находим живых, прячущихся среди трупов, их можно различить по цвету плоти и разумности взгляда. Они всегда отползают к центру стада, позволяя мертвецам нести их куда придется.

Одного мы сумели поймать. Когда он притворился бездушным телом, лекарь принялся пронзать его своими инструментами, пока человек не зарычал и не стал кровоточить.

Мы отрубили ему конечности, запаковали их в соль. Его глаза закрылись, а потом открылись вновь, торс снова принялся вяло двигаться. Мы наблюдали, как тело старается убраться подальше от нас. Помещенные в ящик ноги и руки глухо бились о крышку, скрипя солью.

VII

Закончилась провизия. Мы едим живых, когда удается их поймать, уже съели лошадей. Прерии не видно конца.

Мертвецы слишком разложившиеся, полны гноя или, напротив, иссушены солнцем. В пищу они не годятся. Вместо этого мы используем ходячие трупы в качестве скакунов. Связываем по двое, грудью к спине, и срубаем головы. Потом, сидя на плечах, мы заставляем их двигаться, дергая за торчащие из шеи позвонки.

VIII

Теперь в прерии правят бал пыль и песок, почти невозможно нормально стоять. Мертвецов стало меньше, они все чаще забальзамированы, их тела заботливо выделаны и кажутся совсем свежими. По-прежнему нет никаких следов тех, кто же совершил с ними все это.

Этим утром мы увидели, как в отдалении к нам приближается одинокая фигура с решительностью, выдавшей в ней живого. Когда она подошла поближе, стало видно, что это мужчина, согнувшийся под тяжестью огромного мешка, висящего у него на плече.

Он попытался сбежать, но мы оседлали мертвецов и вскоре нагнали его. Незнакомец бросил поклажу на землю и убил Латура и Брока, прежде чем погиб сам.

Мы разожгли огонь и съели свежего покойника полностью, потом разрезали мешок. Внутри оказались две серые, свернувшиеся клубком женщины, которые, покачиваясь и запинаясь, попытались уйти, когда выбрались наружу. Мы их быстро настигли, а затем каждый участник похода совокупился с ними. Какое-то время мы еще тащили пленниц за собой, накинув им на шеи веревочные петли, но потом просто съели их мясистые части.

IX

Здесь нет воды, как глубоко ни зарывайся в землю. Провизии больше тоже нет, мертвые плюются ядом, а если их

съесть, умираешь сам. Пастор сошел с ума и не находит себе места. Лекарь умер, как и все остальные. Нас осталось пятеро.

Лекарь преследует нас с разумностью, ранее не виданной нами в живых трупах. Мы проснулись прошлым утром и увидели, что он оседлал капитана и убил его, сожрав лицо несчастного. Мы оттащили душегуба прочь, сломали ему ноги, вырезали глаза, чтобы он не смог идти за нами. Так же поступили и с капитаном.

Среди оставшихся царит уныние. Тем не менее я убедил их идти вперед, и через какое-то время они подчинились.

X

В середине этого дня в отдалении что-то блеснуло, а потом показались какие-то двигающиеся фигуры, бегающие, словно вши. Мы поехали вперед и нашли там нечто, что, как мне кажется, походило на лекало для приготовления трупа. Место было оставлено в спешке, лежащие кучкой органы были все еще губчатыми от крови.

Я довольно долго изучал приспособление, но ничего в нем не понял, не выяснил, как оно работает, хотя по неосторожности умудрился содрать с руки мясо до кости. Остальные, увидев произошедшее со мной, уничтожили устройство, прежде чем я смог осмотреть его дальше.

XI

Раненая рука распухла. Я остался без воды и еды. Спасай себя сам. Остатки экспедиции повернули обратно, надеясь достичь конца прерии, прежде чем умрут. Я решил идти дальше, думая добраться до центра и того, что там может быть, если, конечно, центр вообще существует.

Здесь нет радости. Нигде. Я скитаюсь среди мертвецов, ожидая момента, когда, совершенно незаметно, спотыкающийся, еле плетущийся живой человек превратится в такого же спотыкающегося, еле плетущегося мертвеца.

Прочь! Надо идти вперед.

ХАННА ВОЛЬФ БОУЭН

С зомби веселее

Произведения Ханны Вольф Боуэн опубликованы в журналах «Lady Churchill's Rosebud Wristlet», «Polyphony 6», «Fantasy Magazine», «Strange Horizons», «Abyss & Apex», «Ideomancer», «The Fortean Bureau» и «Alchemy». В настоящее время она также является редактором «Chiaroscuro», интернет-журнала, посвященного «ужастикам».

Рассказ «С зомби веселее» начался с шутки. «У меня был список вещей, с которыми веселее жить, — рассказывает Боуэн. — Среди них — обезьяны. А также пираты. Однажды, летом 2004 года, я болтала в интернет-чате с несколькими друзьями-писателями и заметила (в связи с чем, сейчас не помню): „С зомби жить лучше", а затем подумала: „Хм-м". Кто-то из друзей, по-моему, предложил мне сочинить историю, подтверждающую это, и я так и поступила».

В рассказе автор размышляет о дружбе и ставит перед своей героиней выбор: поступить правильно в общепринятом смысле слова или остаться верной другу. Что касается поиска фактов для написания рассказов, Боуэн просто нашла кое-что в Интернете и вволю наигралась в «Resident Evil».

С зомби все должно стать лучше. Возьмите церемонию окончания школы. Все прошло бы веселее, если бы под звуки марша в спортзал ввалились зомби, оторвали бы директору голову, сожрали бы его мозги и уползли прочь.

Но на выпуске не было зомби. Мы вошли шеренгой. Заняли свои места. Живые мертвецы.

Я давно подозревала, что я, вероятно, зомби. Если я и на самом деле зомби, как мне это узнать? Я изучаю фильмы ужасов и просто фильмы. Я читаю книги. Я играю в соответствующие видеоигры, пока у меня не начинают болеть большие пальцы рук и не появляется жжение в глазах.

Мой лучший друг Лайон заявляет, что он это понял бы. «Ты бы ходила вот так», — говорит он и демонстрирует, как именно, шаркая ногами и расставив в стороны руки. Его покачивает влево, отчего походка зомби выглядит настоящей, но Лайон вообще-то с некоторых пор плохо ходит. Он делает это не нарочно. «И ты бы кричала: „Мо-о-озги!", и все бы разбегались в разные стороны».

Лайон хмурится и садится рядом со мной на крошащуюся ступеньку. Срывает травинки, пробивающиеся сквозь щели. Если дело дойдет до бегства от зомби, то ему несдобровать.

А кроме того, под такое описание подходит полгорода. Если бы я была зомби, то, думаю, Лайон не догадался бы об этом.

Существует множество способов превращения людей в зомби. Вы можете начать с мертвеца, а можете превратить живого человека в ходячий труп. Именно это усложняет проблему. Я знаю, на что, как принято думать, похожи зомби, но могу и ошибаться.

Я целые дни провожу в библиотеке, вместо того чтобы упаковывать свои вещи. Вечером я еду на велосипеде, проскакиваю на красный свет и приезжаю к компьютерному магазину, где работает Лайон. Он приносит из аллеи свой велик, и мы молча катим по улицам, пересекаем шоссе и выезжаем из города.

Если бы мы жили в каком-нибудь другом месте, возможно, мы могли бы экспериментировать. Повернуть налево, а не направо. Проехать немного дальше, чем вчера. Или продолжать ехать через кукурузное поле, мимо высоких кустов, шуршащих вокруг нас на ветру, словно море.

Но мы живем там, где живем, и жизнь наша течет однообразно, а противоположная сторона кукурузного поля выглядит точно так же, как эта. И мы, приподнявшись на педалях, со скрипом въезжаем на Соленый холм, затем через разрисованный граффити мост — на гравийную Клубничную дорогу, которая резко поворачивает на юг и идет вниз; здесь надо быть осторожнее, иначе можно слететь вниз и оказаться в ручье. Сначала я несколько раз чуть не

угодила туда, потом считала, что уже знаю, как здесь ездить, но ошибалась.

Теперь я знаю точно. Я наклоняюсь вперед, и велосипед подо мной уходит влево, Лайон что-то кричит, но ветер рвет его слова на клочки. Я еду вниз, до самого кладбища, и здесь останавливаюсь.

Человек может превратиться в зомби в результате болезни. Или под воздействием волшебного снадобья. Мертвеца оживляют с помощью нужных заклинаний и колдовства вуду. Наверное, можно превратить мертвеца в зомби и другими способами. Трудно сказать.

Мы можем быть уверены лишь в том, что некоторые могилы на кладбище выглядят не так аккуратно, как следовало бы. Городок наш не слишком велик. Вы предположите, что все знают всех, и будете правы. Но иногда мы находим здесь незнакомые могильные камни, и Лайон останавливается перед ними, чтобы снова и снова перечитывать надписи.

Я направляюсь вниз, к ручью, потому что кладбище очень похоже на город, и, за исключением неожиданно попадающихся надгробий, я знаю его как свои пять пальцев. И я сижу на грязном берегу, на камне или на бревне и слушаю журчание бегущего мимо ручья.

Я вижу отпечаток ноги. Я все еще рассматриваю его, когда подходит Лайон, негромко бормоча:

— Эмили Фицхью, восемьдесят седьмой — что это?

Он сразу замечает след. Его трудно не заметить. Ручей окаймлен полосой грязи, испещренной лапами енотов. Но человеческий след находится на чистом, ровном участке, он такой четкий, как будто я сама только что оставила его. Отпечаток левой ноги, слегка углубленный на пятке и пальцах, словно женщина сошла с поросшего травой берега, затененного листвой, подошла к ручью, оттолкнулась от мягкой грязи и ступила правой ногой в воду или на какой-то камень.

— Не мой, — отвечаю я. — Думаешь, это Эмили?

Кстати, меня тоже зовут Эмили.

Лайон помогает мне встать, его длинные холодные пальцы обхватывают мое запястье. Я сбрасываю кроссовки и иду по прохладной, усеянной камешками грязи к берегу. Я приседаю

и наклоняюсь вперед в поисках других следов. Есть еще один отпечаток, нечеткий, как оттиск печати, когда чернила почти закончились. И на том берегу, на траве — пятно грязи на примятом одуванчике. Я поднимаюсь и зову Лайона.

— Она пошла туда.

— Ты же не знаешь, зомби это или нет, — говорит Лайон, когда мы поднимаемся на Соленый холм и тащим за собой велосипеды. Склон, ведущий к кладбищу, крутой, и нам не разогнаться, чтобы подняться туда на велосипедах. Мы вынуждены идти пешком до вершины холма и садиться в седло наверху. — Может быть, она вампирша, или призрак, или скелет. А может быть, нам это показалось.

— Ты видел след, — напоминаю я ему. — Это нам не показалось. — Мы прошли по тропинке до шоссе. Мы бродили вдоль насыпи, разыскивая место, где она сошла с дороги, но ничего не нашли. Однако даже Лайон согласился, что отпечаток у ручья был удивительно четким. — И если она скелет, то мы бы просто нашли кость. А призраки вообще не оставляют следов.

— Могут и оставлять, — возражает Лайон. — Если они притворяются мертвецами.

Я пожимаю плечами.

— Но вампир...

— Ты не можешь знать, что это зомби. Ты вообще не знаешь, что она мертва.

Я моргаю, глядя на Лайона, затем на солнце. Оно заходит за холм, но будет светить на нас на обратном пути. Лайон никогда не перебивает собеседника, он хмурится, глядя прямо перед собой, и я сдаюсь.

— Ну ладно, — соглашаюсь я наконец. — Но какие придурки ходят босиком по кладбищу?

Лайон искоса бросает взгляд на мои кроссовки, привязанные шнурками к рулю. Я снова пожимаю плечами, и он смеется.

Шутки с зомби, наверное, не самая удачная вещь. Проблема с шутками насчет зомби в том, что суть у них у всех одинакова. Все сводится к мозгам.

Иногда я хочу, чтобы моя остальная жизнь была больше похожа на шутки о зомби. Но, возможно, она и так на них похожа. Сегодня Лайон уехал в город к врачу, и я не пошла на вечеринку Аманды по случаю окончания летних каникул. Я сижу на веранде, считаю светляков и притворяюсь, будто не слышу отца, говорящего мне, что нам нужно побыстрее уехать, чтобы успеть устроиться на новом месте, прежде чем начнутся занятия в школе. И вот я слышу шорох шин по асфальту. Лайон, тяжело дыша, останавливается в круге света от фонаря. Я предлагаю ему свой лимонад и спрашиваю:

— А почему зомби пожирают мозги?

— Может быть, они нам завидуют.— Он отвечает шутливо, словно не придает моим словам значения; я заключаю, что день у него выдался нелегкий.

— Когда ты превращаешься в зомби,— начинает он,— ты помнишь, кем был раньше?

Я забираю у него стакан и со стуком ставлю его на ступеньку веранды. Я привожу из-за угла свой велосипед и сумку. Мы медленно едем по улице, сумка лежит прямо у меня за спиной, и, как я ни стараюсь отодвинуться, моя рубашка намокает от пота. Через шоссе, из города, вверх, на холм. Мы не разгоняемся сильно. Лайон выглядит усталым. Мы слезаем и идем наверх пешком.

— Что ты молчишь? — спрашивает он.

— Ты сам молчишь.

— Ну да, но я всегда молчу.

— Я думаю,— говорю я,— что, если бы я была зомби, я бы не хотела вспоминать, кем была прежде. Ведь маловероятно, что я смогу вернуться.

Я украдкой бросаю на Лайона взгляд, но сейчас новолуние, и здесь темно, так темно, как никогда не бывает в городе. Он с трудом тащится вверх.

— А если я превращусь в зомби, ты захочешь меня видеть? — бросает он на ходу.

— Лайон,— начинаю я, но в этот момент мы добираемся до вершины холма, снова садимся на велосипеды, и я забываю, что хотела сказать.

Зомби всех убивают. Они съедают у людей мозги. Не важно, кому принадлежат мозги — отцу зомби, его дочери или его лучшему другу. Не знаю, значит ли это, что они ничего не помнят? И если мы найдем эту Эмили, мы ничего не докажем. Но я никогда не видела зомби, как ни старалась. Возможно, лучше начать с человека, которого я не знаю.

Лайон первым приезжает к подножию холма. Он редко так делает, но сегодня он старается изо всех сил, а кроме того, я жму на тормоза. Догнав его, я слезаю на землю, бросаю на траву сумку и копаюсь там в поисках фонарика, но Лайон говорит:

— Не надо.

На дороге темнеют лужи. Журчит ручей, трещит сверчок, и я пугаюсь, роняю фонарь, затем понимаю, что это всего лишь Лайон схватил меня за руку.

— Не делай так.

Он не слушает. Он пристально вглядывается во тьму, в тени под деревьями. Если бы не облака, видны были бы все звезды, но здесь, в Иллинойсе, облака всегда появляются как раз в тех случаях, когда так не помешало бы немного света. Ночь смывает краски с лица Лайона, с его темных волос и красной рубашки. Он похож на мертвеца.

А вдруг Лайон — зомби? Как мне узнать это?

Кто-то закрывает на ночь ворота кладбища. Не знаю кто. Это не имеет значения: изгородь едва доходит мне до талии, и мы перепрыгиваем ее; потные ладони скользят по железным прутьям. Лайон ловко лавирует между надгробными камнями, которые я даже не вижу. Я дважды ударяюсь коленом о камень, отстаю, но продолжаю идти за ним.

Трава разрослась; ее косят, но не везде, и она скрывает камни, ямы и прочие препятствия, попадающиеся мне на пути. Я одним глазом слежу за Лайоном, другим — смотрю под ноги. Мы обходим какую-то могилу, и я вытягиваю вперед руки: серая трава сменяется серым цветом рыхлой земли, и я прикасаюсь кончиками пальцев к вырезанной на камне букве «Э».

— Лайон,— окликаю я.— Как ты думаешь, она напугана?

Он резко останавливается, и мы едва не сталкиваемся. Я отступаю в сторону, и ноги мои погружаются в мягкую,

вязкую землю на могиле Эмили. Я представляю себе шевелящееся внизу тело, сильные тонкие пальцы, хватающие меня за ногу. Почва здесь уже разрыхлена, и это не только работа червей.

— Когда ты превратишься в зомби, — отвечает Лайон, — тебе нечего будет бояться.

Я не представляю себе Лайона испуганным. Он слишком основательный, слишком серьезный, мой друг Лайон. Он боится мертвецов меньше, чем кто-либо из моих знакомых. И думаю, неспроста.

Убегать от зомби необязательно. Просто нужно быстро идти, иногда, может быть, зигзагами. Чтобы поймать зомби, тоже не нужно бежать. Они не так уж быстро передвигаются. Но Лайон не ждет — он уже даже не идет. Я никогда не видела его таким.

Мы не впервые гонимся за зомби. В записной книжке, хранящейся в моем рюкзаке, я веду список, а Лайон держит этот список в голове. Мы не уверены, что из каждой потревоженной могилы вышел зомби. Возможно, там были вурдалаки, призраки и скелеты, как сказал мой друг. А может быть, вампиры. Возможно, даже мумии. Чтобы сделать мумию, нужно в лепешку расшибиться, но это не значит, что такое невозможно.

Но большинство обитателей могил, если они есть, — это зомби. Это можно определить по следам, по нетвердой походке. Можно догадаться, глядя на обитателей города. Если бы по соседству от нас обитали вампиры, мы были бы бледными, холодными и одинокими. Мы же передвигаемся медленно и стараемся ни о чем не думать.

Я никогда не думала, что Лайон тоже озабочен поиском зомби. Он умный парень, много читает и мог бы пропустить один год в школе, если бы посещал все занятия. Мне всегда казалось, что ему нет дела до обитателей города и безразлично, где жить. Он считает, что зомби — редкостное явление, однако охотится за ними только потому, что мне этого хочется.

Но сегодня я не охочусь, а скорее ковыляю за ним следом, а он несется вперед, как гончая. Мы с плеском пере-

секаем ручей, у нас нет времени, чтобы переходить его по камням или снимать обувь. Берег на противоположной стороне круто уходит вверх. За ним — еще более крутой холм. Я хватаюсь за молодые деревца, чтобы не упасть, и подтягиваюсь. Резко бросаюсь вперед, и намокший правый шнурок развязывается, прилипает к ноге.

Мы на вершине холма; здесь ровное место, отсюда открывается вид на поле. Вон канава, усыпанная светляками, за ней — пустое шоссе, лишь время от времени мимо проезжает трейлер, проглатывая милю за милей и изрыгая дым. Говорят, шоссе так и идет прямо до Колорадо, по две полосы в каждом направлении, огороженное заборчиком с отражателями. Я ездила по нему в город несколько раз — вместе с Лайоном, в кино и на концерт, ездила посмотреть мамин новый дом в городе, рядом со школой, в которую я теперь буду ходить. Я ездила по ней и возвращалась обратно.

Именно здесь мы в прошлый раз потеряли след женщины-зомби. Сегодня Лайон не медлит. Он перебегает шоссе, врезается в заросли кукурузы, и я теряю его из виду, слышу лишь шуршание ветра среди стволов, они наклоняются, ломаются, и я теряюсь среди них.

Я останавливаюсь. Я вижу тропу — стебли кукурузы раздвинуты, здесь прошел Лайон, или женщина-зомби, или олень. Я слышу шелест листьев; затем наступает зловещая тишина, не нарушаемая треском цикад, а затем снова поднимается ветер. Я углубляюсь в поле, и лежащие на земле стебли хрустят у меня под ногами, словно кости. Я оставила рюкзак на кладбище, не ожидая, что мы вот так сорвемся с места. Что мне делать, если я найду зомби или зомби найдет меня? Думаю, мне стоит просто медленно, осторожно возвращаться обратно в город.

Но нужно быть уверенной, что меня не схватят. В поле, в темноте, я не могу понять, где она, и здесь ли она вообще. Что-то шевелится слева от меня, это не ветер, и я шепчу: «Лайон?» Сама не знаю зачем. Если это зомби, она, наверное, уже знает, где я. Я придерживаю дыхание.

И кричу, издаю дикий вопль; потому что кричит Лайон, скорее визжит, резко, отрывисто. Я слепо бросаюсь в заросли, продираюсь к просеке, оставленной трактором, и ору:

«Лайон!» Еще одна канава, какая-то дорожка, в темноте не различить цветов, но вот я вижу движение. Я бегу. Останавливаюсь на краю канавы, Лайон неподвижно лежит внизу, а за спиной у меня слышны тяжелая, неуклюжая поступь и хруст ломающейся кукурузы. Я собираюсь с силами, чтобы развернуться и бежать за зомби, но останавливаюсь. Я не могу оставить Лайона.

Конец истории с зомби бывает не очень-то веселым. Нельзя совместить зомби и хеппи-энд. Даже если главная героиня остается в живых. Даже если остаются в живых ее друзья, хотя давайте взглянем правде в глаза: такое редко случается. Я спускаюсь в канаву, скользя по камням и сырой земле, хватаюсь за какое-то дерево, чтобы не упасть. Здесь, внизу, холоднее — теплый воздух поднимается вверх. В низких местах собирается туман. Лайон дрожит, обхватив вывихнутую щиколотку, лицо его измазано грязью. Но он не сдается, не плачет. Я рада, что это так. Но я знаю, что нельзя спрашивать: «С тобой все в порядке?», — и вместо этого говорю:

— Ты видел ее?

Он не отвечает. По-моему, он не слышит. А видела ли она его? Она прошаркала мимо и оставила нас здесь. Не знаю, что бы это значило. Может быть, не только он шел по следам. Может быть, и эта девушка-зомби ищет кого-то. Тогда все будет по-другому. Будут беспорядки. Военное положение. Заколоченные двери и бейсбольные биты. Мне придется остаться. Я здесь понадоблюсь.

В этом заключается другая проблема с концовками в историях про зомби: победить можно, лишь обманув них. Вы можете убежать, если зомби один. Можете увернуться от двух или размозжить им головы дубиной. Но зомби никогда не выходят по одному или по двое. Нет, их трое, или четверо, или еще больше, они, покачиваясь, бредут по кукурузным полям или по улицам, и попытки спрятаться и забаррикадироваться от них бессмысленны. Я никогда не поставлю против зомби. Никогда в жизни.

До дома далеко, щиколотка — место болезненное, и даже если мы доберемся до шоссе, Лайон не сможет ехать на велосипеде.

— Она тебя укусила? — спрашиваю я, и он качает головой:

— Пока нет.

Слез нет, в глазах его — решимость. Я глотаю комок в горле. Поднимаю Лайона на ноги и обнимаю, неистово, и говорю, уткнувшись ему в грудь:

— Мне будет не хватать тебя.

Есть мнение, что стать зомби — хуже смерти. Это неверно. Зомби находятся в положении между жизнью и смертью, из которого всегда есть выход. По-моему, стать зомби — это хуже жизни.

Лайон выше меня и тяжелее, но он повисает у меня на плече и хромает сильнее обычного, пока мы снова не выходим на шоссе. Мы знаем, куда идти, у нас есть цель и есть мозги. Думаю, здесь мы обгоним зомби. Я отламываю ветку с дерева, растущего на краю поля, и Лайон берет ее у меня. Это лучшее, что мы можем сделать. Он пытается замахнуться. Наверное, бейсболисты тоже это знают: нельзя бросать биту, если не собираешься бежать.

Но в конце концов бежать приходится. Именно так спасаются от зомби. Ты отступаешь на пару шагов. Прощаешься. Затем разворачиваешься. Бежишь. Ты не оглядываешься. Ты не делаешь зигзагов, потому что это задержит тебя.

Нужно бежать, потому что зомби медлительны, но упорны, и еще потому, что они правы. Существуют вещи худшие, чем жизнь, и зомби — лучшая из них.

ЛИЗА МОРТОН

Искры устремляются вверх

Лиза Мортон — писатель и сценарист. Ее короткие рассказы издавались во множестве антологий («Mondo Zombie», «Dark Delicacies», «Dark Terrors 6», «The Museum of Horrors», «Horrors! 365 Scary Stories» и других) и публиковались в журналах (например, в «Cemetery Dance»).

Мортон считает, что многие авторы, решившие писать о зомби, попали в ловушку, пытаясь перещеголять друг друга в раскрытии табуированных тем и используя при этом максимально красочные описания экстремального секса. Поэтому, когда Мортон сама собралась писать рассказ про зомби, она сначала спросила себя, какие табу еще остались незатронутыми в историях о зомби. «Ответ был — социальные, — рассказывает Мортон. — Очень трудно представить себе более горячую социальную тему, чем аборты, и когда я подумала, что можно объединить ее с рассказом о выживших, ограничивающих и тщательно распределяющих свои ресурсы, все встало на свои места».

Дыхание мое ослабело; дни мои угасают; гробы предо мною.

Книга Иова, 17:1

Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом...

Откровение Иоанна Богослова, 20:6

Июнь, 16

Завтра ровно год, как здесь основали Колонию, и сейчас все заняты подготовкой к большому празднику. Две недели назад мы собрали свой первый настоящий урожай, поэтому у нас есть много вкусной еды, а что до выпивки... ну продукция Джорджа большинству все еще кажется несколько чрезмерной, поэтому Том и несколько мальчиков вчера устроили вылазку, чтобы добыть настоящего спирт-

ного. Разумеется, меня не обрадовало, когда Том сказал мне, что пойдет (да еще не за чем-то жизненно важным, а просто за бухлом), но он говорит, все прошло не так уж плохо. Первые пять миль после того, как они вышли из Колонии, дорога была совершенно пустой, и даже большая часть Филипсвилля, крошечного городишки, где они ограбили винную лавку, тоже давно опустела. Том говорит, он застрелил одного в погребе винного магазина, когда спустился туда в поисках хорошего вина, — старуху, может бывшую когда-то женой хозяина лавки. К несчастью, она похватала почти все хорошие бутылки и разбила их об пол. Том пошарил среди того, что осталось, и обнаружил ящик хорошего бургундского. В Колонии сто тридцать один взрослый, и он сосчитал, что получится бутылка на двоих на День годовщины.

Прошло уже две недели с тех пор, как у стен Колонии видели мертвяка. Педро Квинтеро, наш лучший стрелок, снял его выстрелом в голову с восточной башни. Проще всего дурачить самих себя, думая, что положение наконец-то выправляется... Проще и опаснее, потому что все вовсе не так. То, что в последнее время мертвяков рядом почти нет, говорит только об одном: Док Фриман правильно выбрал для нас место, подальше от городов и скоростных шоссе. Конечно, Док Фриман был прав — он вообще всегда прав. Он сказал, что мы должны уйти так далеко на север, потому что на юге становится все жарче, и точно — вот уже неделя, как у нас больше 80 градусов[1]. Даже думать не хочу, что там сейчас в Лос-Анджелесе — может, все 120[2] в тени.

Завтра мы будем не только праздновать Годовщину, но еще и чествовать Дока Фримана. Если бы не он, полагаю, Том, малышка Джессика и я бродили бы сейчас там вместе со всеми остальными — мертвые уже год, но все еще голодные. Всегда голодные.

Забавно. Пока все это дерьмо не началось, Док Фриман был просто эксцентричным старым профессором, преподавал аграрные науки в колледже и проповедовал выжива-

[1] По Фаренгейту. Соответствует 26,5 градуса по Цельсию.

[2] 49 градусов по Цельсию.

ние. Том всегда думал, что Фриман в любом случае собирался свалить, еще до того, как началась вся эта свистопляска с зомби, из-за потепления. Он говорил студентам, что в большей части США сельское хозяйство — уже дело прошлого и что всем придется вскоре перебираться в Канаду.

С приходом мертвяков (Док Фриман, как и многие другие специалисты по проблемам окружающей среды, не соглашался с тем, что их появление вызвано дырами в озоновом слое) для него самым естественным решением было собрать группу последователей и направиться на север. Он выбрал место для Колонии, назначил полицию и правительство, разработал планировку полей, домов и изгородей и даже определил для каждого из нас ту работу, которую мы могли выполнять лучше всего. Конечно, сначала мне было очень страшно, особенно с трехлетней Джесси, но потихоньку все встало на свои места. Выяснилось даже, что я талантливый садовод — Док сказал, что первый после него, и кое в чем новая жизнь оказалась даже лучше старой.

Конечно, нам очень многого не хватало — мороженого, рук без мозолей, телевидения. Дэйл до сих пор проверяет радио на коротких волнах, все надеется что-нибудь услышать. За весь год ему это удалось лишь однажды, и передача закончилась выстрелами. Так что мы смирились со своим местом в мире — и с фактом, что оно может оказаться последним. Завтра мы не просто с этим смиримся, мы будем это праздновать.

Хотелось бы мне знать, как себя при этом чувствовать.

Июнь, 17

Ну что ж, великий день пришел и прошел.

Том рядом со мной, храпит в безмятежном пьяном забытьи. Завтра он снова выйдет на поле, так что он это заслужил.

Джесси спит в своей комнате, устав от всех игр и съеденных сладостей. Сегодня Том даже разрешил мне потратить драгоценную видеопленку, чтобы заснять ее.

Да только не одна я плакала, когда Док Фриман встал и произнес свою речь. Сказал, что, по его прогнозам, мы

сумеем расширить Колонию в течение трех лет, если и дальше будем придерживаться такого же превосходного темпа, как сейчас. Но расширяться нужно осторожно, добавил он, имея в виду, что в течение этих трех лет сорок или пятьдесят пар — таких, как мы с Томом, — будут, возможно, просить разрешения на драгоценное право увеличить свою семью.

Я знаю, что Док прав, что мы не должны забывать уроки старого мира, что надо придерживать нашу способность производить, ограничивать прирост, но мне почему-то кажется, что неправильно отказывать новой жизни сейчас, когда мы окружены смертью.

В особенности когда эта новая жизнь зреет во мне.

Июнь, 24

Пропущены уже две, поэтому я была почти уверена и пошла к Дэйлу Олдфилду. Он обследовал меня, как мог (он замечательный терапевт, но оборудования все еще не хватает), и пришел к выводу, что мои догадки верны.

Я беременна.

Мы с ним решили, что срок где-то около шести недель. Дэйл поблагодарил меня за то, что я не стала ничего скрывать, и сказал, что ему придется сообщить Доку Фриману. Я попросила только, чтобы он разрешил нам с Томом присутствовать при этом. Он согласился, и мы договорились на завтра, после обеда.

Я пошла домой и сказала Тому. Сначала он пришел в восторг, но потом вспомнил, где мы.

Я сказала Тому и о завтрашней встрече с Доком Фриманом, и им завладела мысль, что он каким-то образом сумеет убедить Дока позволить нам оставить этого ребенка. Я не могла смотреть, как он терзается, поэтому почитала Джесси и обнимала ее до тех пор, пока мы с ней вместе не уснули на ее узкой детской кроватке.

Июнь, 25

Сегодня мы встречались с Доком Фриманом. Дэйл Олдфилд обрисовал положение, после чего извинился и ушел,

сказав, что если он потребуется, то будет в своей хижине, совмещенной с кабинетом.

Док Фриман налил нам виски «Джим Бим» из своего личного запаса и приступил к извинениям. Том попытался переубедить его, сказав, что рождение ребенка улучшит моральное состояние Колонии и, уж конечно, мы в состоянии прокормить еще один рот, но Док мягко ответил, что у нас, в отличие от многих других молодых пар, уже есть ребенок и мы не можем рассчитывать на особое к себе отношение. В конце концов Том сдался, признав, что Док прав, и никогда я не любила мужа сильнее, чем в тот момент, видя, как ему больно и горько.

Он пошел вместе со мной к Дэйлу сказать, что на следующей неделе нам потребуются его услуги. Дэйл просто кивнул, низко опустив голову и не встречаясь с нами взглядом.

Позже, в нашем бунгало, мы с Томом долго спорили. Мы оба как будто рехнулись, обсуждая, как покинем Колонию, построим где-нибудь свою собственную маленькую крепость, даже свергнем Дока Фримана, но, думаю, мы оба понимали, что все это только фантазии. Док Фриман опять был прав — у нас и в самом деле есть Джесси и, может быть, через несколько лет наступит подходящее время для второго ребенка.

Но не сейчас.

Июль, 2

Завтра — день, назначенный, чтобы сделать это.

Господи, как я хочу найти другой выход! К сожалению, даже после трех выскабливаний в прошлом году Дэйл так и не привез в Колонию нужного медицинского оборудования. Какая ирония — мы можем послать экспедицию за вышивкой, но не за медицинским оборудованием. Док Фриман говорит, это потому, что вышивка компактнее, чем оборудование, а единственный грузовик Колонии дышит на ладан практически с того момента, как мы здесь обосновались.

Так что завтра Тому, Дэйлу и мне придется проехать восемнадцать миль до Сильвер-Крика, ближайшего города, достаточно большого, чтобы иметь клинику по планирова-

нию семьи. Дэйл, у которого есть ключи от клиники, заверяет, что опасен только промежуток от грузовика до дверей клиники. Внутрь они попасть не могут, сказал он, так что нам ничего не угрожает — до тех пор, конечно, пока не придется выходить наружу.

Забавно, говоря об опасности, он имеет в виду только мертвяков.

Об аборте он даже не упоминает.

Июль, 3

Ночью я почти не спала. Том обнимал меня, но все же время от времени задремывал. Сейчас, когда я это пишу, уже утро и Джесси как раз просыпается. Я помогу ей встать и одеться, а потом попытаюсь объяснить, что мама и папа должны ненадолго уехать, а за ней присмотрит милая миссис Олдфилд. Джесси, конечно, заплачет. Надеюсь, не потому, что поймет, что на самом деле происходит.

Позже. Джесси увели, и Дэйл заводит джип. Мы с Томом еще раз проверили снаряжение: автоматический калибр 38 с полной обоймой, «Узи» с дополнительными обоймами, охотничье ружье с оптическим прицелом, много патронов, три мачете и маленькая деревянная шкатулка. Дэйл еще взял свой дробовик и «вальтер». Он говорит, что с ним чувствует себя Джеймсом Бондом. Все его этим дразнят, говорят, разница в том, что негодяи для Бонда были живыми. Дэйл ужасно злится.

Пора ехать.

Мы сели в джип. Том спросил, зачем я взяла с собой дневник. Я объяснила, что это мой амулет, он дает мне чувство безопасности. Том замолчал, и Дэйл завел мотор. Выезжая из Колонии, мы трижды остановились, чтобы обняться и обменяться добрыми пожеланиями с людьми, отрывавшимися ради этого от работы в поле.

Мы проехали уже около пятнадцати миль. Все так, как и говорил Том, — спокойно. После того как ворота распахнулись и мы выехали на пыльную дорогу, то первого мертвяка увидели только минут через десять. Он медленно ковылял по заброшенному полю и не дошел до дороги добрых пятидесяти ярдов, когда мы пронеслись мимо.

Еще через несколько миль мы увидели на дороге группу из троих, но они стояли далеко друг от друга. Двоих Дэйл просто объехал; они попытались вцепиться в джип, но тщетно — мы мчались со скоростью 60 миль, и они только проскребли по машине пальцами. Объехать третьего оказалось сложнее — по обеим сторонам от него шли глубокие колеи, поэтому Дэйл просто наехал на него. Он отлетел от приваренного к джипу отбойника и приземлился где-то на обочине. Мы это едва ощутили.

Мы уже добрались до пригорода Сильвер-Крика, как вдруг Дэйл замедлил ход и прокашлялся, а потом произнес:

— Сара, слушай, ты должна кое-что знать об этой клинике. — И спросил меня, не интересовалась ли я у тех, кого он уже возил сюда.

Конечно, я интересовалась, но все они лишь заверили меня, что Дэйл очень искусен и не причиняет боли и что они всегда будут к моим услугам, если я захочу об этом поговорить. Ни одна не сказала ни слова о самой клинике.

Это я и сообщила Дэйлу, и тогда он задал мне весьма странный вопрос.

Он спросил, религиозна ли я.

Мы с Томом переглянулись, и Том поинтересовался у Дэйла, к чему тот клонит.

Дэйл, запинаясь, начал бормотать что-то о мертвяках, стремящихся вернуться к тем местам, которые были для них важны, — к собственным домам, или магазинам, или школам.

Мы кивнули — об этом знают все, и тогда Дэйл спросил, слышала ли я когда-нибудь про движение «Спаси душу».

Клянусь, я буквально ощутила во рту какой-то гадкий привкус. Как я могла забыть? Фундаменталисты, окружавшие клиники, где делали аборты, и оравшие оскорбления и угрозы входившим туда людям! Однажды я была с подругой — очень юной подругой, — когда с ней это случилось.

И тут я поняла, о чем он говорит, но не хотела верить своим ушам. Я попыталась переспросить его, но не смогла произнести ни слова. Он кивнул и рассказал.

Они все еще здесь.

Почти весь Сильвер-Крик был пустым. Мы заметили нескольких мертвяков в пыльных витринах. Они тупо глазели на нас, когда мы проезжали мимо, но, наверное, они толком ничего не ели год, а то и больше, и поэтому едва шевелились. А может быть, они и при жизни были такими же — смотрели, разинув рот, как жизнь проходит мимо.

Однако группа у клиники была совсем другой.

Должно быть, около двадцати мертвяков столпилось у входа, блокировав запертую дверь. Мы подъезжали все ближе, и я разглядела их одежду, когда-то аккуратную и накрахмаленную, а сейчас заляпанную всеми теми жидкостями, которых они в те давние времена боялись, к которым питали отвращение. Один все еще держал плакат (через несколько секунд я сообразила, что, умерев, он приклеил его к запястью скотчем) с надписью: «ДВИЖЕНИЕ „СПАСИ ДУШУ“ — СПАСИ ДУШУ РАДИ ИИСУСА!» На некоторых были обязательные футболки с надписью «АБОРТ – ЭТО УБИЙСТВО», теперь полинявшие и превратившиеся в лохмотья. Предводителем у них был священник. Я помнила его по прежним временам — тогда он, призывая проклятия на головы грешников, выступал по всем программам на фоне своей скандирующей паствы. Конечно, сейчас он выглядел по-другому: кто-то подзакусил его трапециевидной мышцей, так что пасторский воротничок был заляпан засохшей кровью и сбился набок, а голова (на ней с той же стороны не хватало приличного куска скальпа) наклонилась под странным углом.

Я заметила, что Дэйл рассматривает их, бормоча что-то себе под нос, и переспросила его. Мне захотелось записать это в дневник: «Но человек рождается на страдание, как искры, чтоб устремляться вверх»[1]. Я удивилась — не думала, что Дэйл читает Библию.

Том ответил ему цитатой одного из наших современных пророков: «Раньше мне все было отвратительно, теперь я пытаюсь забавляться»[2]. А потом спросил Дэйла, что мы бу-

[1] Книга Иова, 5:7.

[2] Цитата из песни «Красные башмаки» (1977 г.) английского певца и композитора Элвиса Костелло.

дем делать. Дэйл, уже имевший неплохой опыт, ответил, что он объедет здание вокруг. Это отвлечет бо́льшую часть мертвяков на достаточное время, чтобы мы могли попасть внутрь. Они не тронут джип, пока нас в нем не будет.

Дэйл поехал к следующему углу. Том вытащил тридцать восьмой калибр, а я вспомнила. Я думала о том случае, когда мне пришлось пойти в другую клинику с подругой Джулией. Это было еще до того, как я начала вести дневник; собственно, я начала его вести как раз тогда, когда Джулия исчезла вместе с почти всем остальным миром, поэтому и не писала об этом раньше.

Джулия забеременела от своего дружка Шона, а тот смылся, когда она ему об этом сказала. В те времена (очень, очень давно) аборты были легальными, но довольно дорогими, а у Джулии, учащейся колледжа, денег не было. Она обратилась к родителям, но те вышвырнули ее из дому. Она уже подумывала, чтобы родить ребенка и отдать его на усыновление, но у нее не было медицинской страховки, она не могла обеспечить себе нормальные роды и считала перенаселение лучшим способом приблизить конец света. Понятное дело, все это произошло до того, как появились мертвяки и решили *эту* проблему.

И тогда я одолжила ей денег и согласилась пойти вместе с ней в клинику. Джулии назначили время, но она так волновалась, что почти не спала ночью и дважды чуть не пошла на попятный, пока мы ехали туда. А потом столкнулась с добрыми христианами из движения «Спаси душу».

Они расселись по обеим сторонам дорожки, ведущей в клинику. Несмотря на то что это был другой штат и другое время, они вырядились в точно такие же футболки и держали точно такие же плакаты. В основном там были мужчины, а женщины почему-то всегда в такой тесной одежде, что она буквально угрожала их здоровью. Все они бессмысленно улыбались, но улыбки тут же сменялись злобными гримасами, и оскорбительные выкрики встречали каждого, кто шел в клинику или выходил из нее.

Джулия бросила на них один-единственный взгляд и отказалась выходить из машины. Я напомнила ей, что мы опоздаем, но она сказала, что это не важно.

Мы с ней уже разговаривали о моральной стороне абортов и пришли к выводу: совершенно очевидно, что несформировавшийся плод на раннем сроке — всего лишь продолжение тела матери и что каждая женщина имеет право сама принимать решение. Пока Джулия сидела и дрожала в машине, я напомнила ей все это, но она ответила, что не хочет идти мимо них вовсе не потому, что испытывает угрызения совести.

Она их боялась. Она сказала, они кажутся ей безмозглой толпой, способной на любое насилие.

Джулия понятия не имела, насколько была права.

Мы медленно завернули за угол. Понятное дело, они поковыляли за нами. Дэйл переключил на четвертую скорость, и мы с ревом промчались весь оставшийся путь вокруг квартала.

Когда мы вернулись к главному входу, там их оставалось всего пять или шесть, не считая того, что подтягивался на своих наполовину обглоданных ногах. Том протянул мне «Узи», а сам взял тридцать восьмой калибр и шкатулку. *Дэйл выбрал мачете (мне совсем не хотелось видеть,* как он будет орудовать им за несколько минут до того, как начнет оперировать *меня*).

Мы помчались от машины к двери. Том выстрелил двоим прямо между глаз. Я подняла «Узи», совсем забыв про его скорострельность, и разнесла одного буквально на части. Желудок перевернулся, когда я увидела какую-то дрянь серого цвета, заляпавшую дверь. Дэйл просто бежал, оттолкнув в сторону двоих последних. Один все-таки подскочил и схватил его за левую руку. Дэйл извернулся, опустил мачете, отсекая вцепившуюся в него конечность, и пинком откинул мертвяка в сторону. Потом отодрал от себя мертвую кисть, отшвырнул ее и велел нам прикрывать его, пока он отпирает дверь.

Пока Дэйл возился с ключами, Том застрелил тех двоих, которых Дэйл просто оттолкнул. И тут тридцать восьмой калибр заело. Том возился с ним, а я нервно оглядывалась — те, которых мы обманули, уже ковыляли обратно; отвратительный священник впереди. Внезапно что-то тронуло мою щиколотку. Я посмотрела вниз и увидела, что

безногий как-то заполз вверх по ступенькам и теперь тянулся своей раззявленной пастью к моей ноге. Я чуть не заорала в полный голос, выхватила «вальтер» из кобуры Дэйла и, наверное, громко визжала, всаживая пули в шелудивую башку зомби. Он сдох и отпустил меня. На его футболку «СПАСИ ДУШУ – ЗАКРОЙ КЛИНИКУ» сочилась густая коричневая жидкость.

Тут Дэйл отпер дверь, и мы оказались внутри.

Позже Том рассказывал, как пытался вытащить пистолет из моих пальцев, пока Дэйл включал генератор и готовился к операции.

Вскоре он уже стоял передо мной в перчатках и маске.

Саму операцию я толком не помню, кроме того, что попросила Тома подождать за дверью, — и грохот. Ужасный грохот, не прекращавшийся все то время, пока мы находились внутри, — они колотили в дверь. Медленные, тяжелые удары, неослабевающие, безжалостные.

Дэйл, как я уже писала раньше, превосходный доктор, и скоро все закончилось. Он сделал так, чтобы я не увидела, что он положил в маленькую деревянную шкатулку, которую принес с собой Том, а я не спрашивала. Шкатулку, так красиво сделанную Руди В., отвезут обратно в Колонию и там похоронят.

Но я должна была спросить об одной вещи, хотя мысль эта казалась мне отвратительной. Я должна была знать... должна была убедиться, что Дэйл... Господи, я даже написать этого не могу. Но он понял, о чем я спрашиваю, и, снимая перчатки, сказал, что мне не о чем волноваться. Ни один из вычищенных никогда не возвращался. А вот нас, всех остальных, после смерти кремировали или уничтожали мозг, иначе мы воскресали.

Какая ирония, подумала я, что именно таким образом мы завершили Великую Полемику. Они недостаточно люди, чтобы вернуться. Аборт — это не убийство.

Выйти из клиники было труднее, чем войти, но Дэйл все продумал. Том вылезет из бокового окна и отвлечет их от нас. Дэйл запрет входную дверь, пока мы с Томом прикрываем его, а потом все мы направимся к джипу. Конечно,

я еще чувствовала слабость, и Том не хотел оставлять меня одну, но Дэйл сказал, что это самый безопасный способ и что он за мной проследит. Том неохотно согласился.

Все прошло без проблем. Они медлительны, их легко сбить с толку, и когда они увидели нас двоих на крыльце, а третьего около джипа, то не могли решить, куда идти. Том застрелил двоих, заступивших ему дорогу. Едва Дэйл запер двери и сунул ключи в карман, он забрал у меня «Узи», и к джипу я бежала только с маленьким гробиком.

Как только мы забрались в машину, Дэйл завел мотор, и мы поехали. Они уже колотили в дверцы, цеплялись за приваренный отбойник, истекали желтой желчью. Один никак не отпускал машину, и мы проволокли его по дороге футов пятьдесят, пока у него не оторвались пальцы. Том что-то громко выкрикнул при этом.

Дэйл уже собирался прибавить газу и выехать из города, как я попросила его остановиться и вернуться обратно. Он остановился, и они с Томом оба повернулись и уставились на меня, разинув рты, как мертвяки. Они начали спрашивать зачем, но я просто протянула Тому шкатулку, взяла ружье, вышла из машины и пошла назад.

Мужчины рванули за мной, Том кричал, что я еще в бреду после операции, Дэйл доказывал, что у меня может начаться сильное кровотечение, но я не обращала на них внимания. Мертвяки уже показались в конце улицы. Они ковыляли в нашу сторону.

Мне пришлось вытереть слезы — я и не замечала, что плачу; а потом я подняла ружье и прицелилась в первого. Я выстрелила и увидела, как он отлетел назад и упал посреди улицы, наконец-то по-настоящему мертвый. Том и Дэйл пытались отнять у меня ружье, но я их оттолкнула и снова выстрелила. Том доказывал, что все наши дела здесь закончены, что нет смысла тратить патроны на этих уродов, но я сказала ему, что должна это сделать. И сказала ему — сказала им обоим — почему.

Тогда они оставили меня в покое до тех пор, пока все мертвяки не сдохли, кроме одного — священника. Руки у меня тряслись так сильно, что я с трудом удерживала ружье, но он подошел уже близко — оставалось футов тридцать,

и промахнуться я не могла. Первым выстрелом я вырвала ему кусок шеи — и то, что оставалось от воротничка, а последним разнесла череп.

Я бросила ружье, и Тому с Дэйлом пришлось нести меня в джип.

А теперь я дома, в постели, и Дэйл говорит, что физически со мной все в порядке. Я тоскую по ребенку, которого так и не увидела, и эта боль куда сильнее физического недомогания, но Джесси здесь, рядом, и она долго обнимала меня, пока Том не отправил ее спать.

Теперь, думая про ту улицу, я улыбаюсь, когда пишу это. Потому что знаю, что ни одной из тех женщин, что придут туда после меня, не придется переживать ничего страшнее того ужаса, когда расстаешься с частью самой себя.

ДЖОРДЖ МАРТИН

Завсегдатай мясной лавки

Джордж Р. Р. Мартин — автор многих бестселлеров, например, фантастической эпопеи «Песнь льда и огня» («Song of Ice and Fire»), а также серии романов, в числе которых «Грезы Февра» («Fevre Dream»), «Шум Армагеддона» («The Armageddon Rag»), «Умирающий свет» («Dying of the Light») и «Бегство охотника» («Hunter's Run»), написанный совместно с Дэниелом Эйбрехемом и Гарднером Дозуа. Кроме того, он написал множество рассказов, многие из которых были номинированы на крупнейшие фантастические премии и завоевали ряд наград, в числе которых «Хьюго», «Небьюла», премия Брэма Стокера и Всемирная премия фэнтези.

Недавно его произведения малой формы были собраны в большом двухтомнике «Песни снов» («Dreamsongs»), где писатель, в частности, вспоминает о том, как был написан рассказ «Завсегдатай мясной лавки». Впервые его напечатали в сборнике «Орбита 18» («Orbit 18») под редакцией Дэмона Найта, хотя написан он был изначально для «Последних опасных видений» («The Last Dangerous Visions») под редакцией Харлана Эллисона. Однако Эллисон рассказ не принял, сказав Мартину, что из него (рассказа) нужно «вырвать кишки и переписать все начиная с первой страницы».

Что Мартин и сделал, «а заодно вскрыл себе вены». Во время создания «Завсегдатая мясной лавки» писатель переживал серьезную эмоциональную травму и излил на страницы рукописи всю свою боль. И даже теперь, почти тридцать лет спустя, ему тяжело перечитывать этот рассказ.

I

В мясной лавке

Тогда, в первый раз, они заявились туда прямо с рудных полей, Трегер и другие ребята, постарше него, уже почти взрослые мужчины, их трупы работали рядом с его бригадой. Из всей компании Кокс был самый старший,

и он чаще других бывал в этом заведении, и он же сказал, что Трегеру придется идти вместе со всеми, хочет он того или нет. Тогда один из парней захихикал и сказал, что Трегер не поймет даже, что нужно делать, но Кокс, который был вроде как главный, так двинул ему, что насмешник затих. И когда пришел день зарплаты, Трегер поплелся вслед за остальными в мясную лавку — со страхом, но отчасти и с нетерпением, и он заплатил мужчине, который встретил их на первом этаже, и получил ключ от номера.

Входя в комнату, окутанную полумраком, он дрожал, он нервничал. Остальные тоже разошлись по своим номерам, оставили его с ней одного (то есть с ним, с неживым предметом, напомнил он себе, но сразу же снова забыл). В небольшом, обшарпанном помещении, с единственной мутной лампой.

От него воняло пóтом и серой, как и от всех, кто ходил по улицам Скрэкки, но с этим было ничего не поделать. Конечно, он бы лучше вымылся сперва, но ванны в номере не оказалось. Только раковина да двуспальная кровать, простыни на которой даже в полумраке казались засаленными, да еще труп.

Она лежала совершенно голая, глядя в пустоту, еле заметно дыша. Ноги у нее были расставлены: в полной боевой готовности. Интересно, подумал Трегер, всегда она так лежит или предыдущий мужчина просто устроил ее поудобнее? Спросить было не у кого. Он знал, как это делается (да-да, он знал, ведь он прочел книги, которые дал ему Кокс, и фильмы об этом бывают, и много еще всякого), но вообще о жизни он знал еще очень мало. Зато умел управлять трупами. Это у него получалось отлично, он был самый юный погонщик трупов во всем Скрэкки, хотя и не по своей воле. Когда его мать умерла, его насильно отдали в школу погонщиков, его заставляли учиться — вот он и учился. Но такого он еще никогда не делал (хотя знал, как это делается, да-да, он знал): это было с ним в первый раз.

Он медленно подошел к постели и сел; старые пружины дружно заскрипели. Трегер коснулся ее, и плоть оказалась теплой. Ну конечно же. Ведь она все-таки не труп, то есть не совсем труп, нет; ее тело было вполне живым, под тя-

желыми белыми грудями билось сердце, она дышала. Вот только мозга не было: его извлекли из черепной коробки и заменили на искусственный, мертвый мозг. И вот она превратилась в кусок мяса — безвольное тело, которое подчиняется погонщику трупов, — как тела из рабочей бригады, с которой Трегер вкалывает каждый день под сернисто-желтыми небесами. Значит, перед ним не женщина. И нет ничего страшного, что он, Трегер, всего лишь мальчишка, юнец с отвисшим подбородком, с лягушачьим лицом, впитавший в себя запахи Скрэкки. Она (нет — оно: забыл, что ли?) этого не заметит — не может заметить.

Расхрабрившись — и возбудившись, — парень стянул с себя форменную одежду погонщика трупов и взобрался на кровать, где лежала женская туша. Он был сильно взволнован: его руки дрожали, когда он гладил ее, изучал изгибы ее тела. Кожа у нее была ослепительно-белая, волосы черные и длинные, но даже у восторженного юноши не повернулся бы язык назвать ее красавицей. Лицо слишком широкое и плоское, рот безвольно разинут, а руки и ноги, чересчур уж расслабленные, едва не растекались от жира.

На ее огромных грудях вокруг жирных темных сосков предыдущий клиент оставил следы зубов — там, где они впивались в ее тело. Трегер осторожно прикоснулся к отметинам, провел по ним пальцем. Затем, устыдившись своей нерешительности, он грубо схватил одну грудь, стиснул ее и надавил на сосок так сильно, что настоящая девушка, должно быть, взвыла бы от боли. Но труп не пошевелился. Продолжая стискивать одну грудь, он перекатился на труп и, оказавшись сверху, взял другую грудь в рот.

И тут женское тело начало двигаться. Оно рванулось к нему, обхватив его спину мясистыми руками, с силой прижимая к себе. Трегер застонал и потянулся вниз, к ее промежности. Там было жарко и влажно; горячая плоть трепетала. Он задрожал. Как они добиваются такого? Неужели тело, не имеющее сознания, способно возбудиться? Или, может быть, в нее вживили тюбики со смазкой?

Но вдруг ему стало все равно. Пошарив дрожащей рукой, он нащупал свой член, вставил в нее, с силой толкнул. Труп обхватил его ногами и сделал ответное движение. И Трегеру

стало хорошо, очень хорошо — гораздо лучше, чем когда он сам доставлял себе удовольствие, и вопреки разуму он даже испытывал смутную гордость за то, что она такая влажная, такая возбужденная.

Два сильных толчка — и все, на большее Трегера не хватило: уж слишком он был юн, слишком свеж и полон желания. Пары толчков ему хватило вполне — но и ей этого хватило. Они кончили одновременно: ее кожу омыла розовая волна, все тело выгнулось и бесшумно забилось мелкой дрожью.

А затем она снова застыла без движения, как настоящий труп.

Удовлетворенный, обессиленный, Трегер, в распоряжении которого еще оставалось достаточно времени, решил в полной мере использовать все возможности, за которые заплатил свои кровные деньги. Он исследовал женское тело в мельчайших подробностях, пощупал везде, куда можно было засунуть палец, всюду потрогал, перевернул на живот, всё рассмотрел. Труп реагировал на его прикосновения, как обыкновенный кусок мяса.

Уходя, Трегер оставил ее в том положении, в котором нашел: лицом вверх, с разведенными в стороны ногами. Раз уж таков этикет мясной лавки.

* * *

Весь горизонт загораживали заводы, заводы и заводы — гигантские заводы, изрыгающие пламя и копоть, бросающие на темные сернистые небеса багровые зарницы. Юноша все это видел, но едва ли замечал. Пристегнутый к креслу, он сидел в кабине на самом верху своего аппарата — чудовищной машины высотой с двухэтажный дом, покрытой ржавчиной и желтой краской, с беспощадными зубами из алмазов и дюраллоя, и перед его затуманенным взглядом накладывались друг на друга сразу три изображения. Сосредоточенный, собранный, сильный — он отчетливо видел прямо перед собой приборную панель, руль, кнопку подачи топлива, яркий рычаг управления ковшами для добычи руды, панель сигнальных огней, которые предупредят его, если что-то случится в перерабатывающем отсеке, рас-

положенном у него под ногами, рычаги основного и запасного тормозов. Но видел он и кое-что еще. Два смутных, туманных отражения; два накладывающихся друг на друга изображения еще двух почти точно таких же кабин, где над приборной панелью неуклюже двигались руки мертвецов.

Медленно и осторожно Трегер управлял этими руками, пока другая часть его сознания контролировала его настоящие, его собственные руки, удерживая их неподвижными. На поясе у него тонко гудел трупоконтроллер.

По бокам от него двигались две другие рудоперерабатывающие машины. Руки трупов нажали на тормоза; машины с грохотом остановились. Все три аппарата замерли на краю глубокой впадины; они выстроились в ряд, словно три потертые и побитые джаггернаутовы колесницы, готовые устремиться вниз, во тьму. Каждый день яма неотступно росла вширь: ежедневно из нее извлекали все новые слои руды и камня.

Когда-то на этом месте возвышалась горная цепь, но Трегер ее уже не застал.

Теперь все было проще простого. Машины выстроены в ряд. Заставить их двигаться в унисон совсем не трудно, с этим справится любой мало-мальски грамотный погонщик трупов. Сложно приходилось, когда нужно было заставить несколько трупов выполнять несколько разных заданий. Но хороший погонщик и с этим справлялся. У ветеранов бывало и по восемь мертвецов в бригаде: восемью телами, подключенными к одному трупоконтроллеру, управляло сознание одного человека при помощи восьми искусственных мозгов. Все мертвецы были настроены на один-единственный контроллер; надев этот прибор, погонщик, находясь поблизости от соответствующих трупов, начинал думать за них и управлять ими, как своими дополнительными телами. Или даже как своим собственным телом. В зависимости от мастерства погонщика.

Трегер быстро проверил свою защитную маску и беруши, затем коснулся кнопки подачи топлива, завел двигатель, затем щелкнул рычажками управления лазерными резами и бурами. Трупы, словно эхо, дружно повторяли его движения, и пульсирующие вспышки света озарили су-

мрачный пейзаж Скрэкки. Даже сквозь беруши прорывался чудовищный вой, когда ковши для добычи руды с ревом вгрызались в скалы. Утроба аппарата, куда уходила добытая руда и где она перерабатывалась, в ширину даже превышала общую его высоту.

Со скрипом и грохотом, сохраняя боевой порядок, Трегер и его бригада стали спускаться в яму. К тому времени, как они, уже в сумерках, добирались до заводов, расположенных на другом конце равнины, тонны металла уже бывали вырваны из недр планеты, переплавлены, очищены и переработаны; пустая порода размалывалась в пыль и выбрасывалась в воздух, и без того уже непригодный для дыхания. На закате юноша доставлял к зданиям, маячившим теперь на горизонте, уже готовую сталь.

Когда машины устремились вниз по склону карьера, Трегеру вдруг подумалось, что он очень неплохой погонщик трупов. Но та, кто управляет мертвецами в мясной лавке, — о, она настоящий гений своего ремесла. Он представил себе, как эта женщина сидит где-нибудь в подвале, внимательно следя за своими трупами через систему голограмм и психоцепей, заставляя их трахаться с клиентами, удовлетворять их желания. Значит, Трегеру просто повезло, что его первый секс был таким потрясающим? Или, может быть, эта погонщица всегда так хорошо справляется? Но как же, как? Разве это возможно? Управлять дюжиной трупов, даже не находясь поблизости, и удерживать их всех в возбужденном состоянии, и к тому же так чутко угадывать желания и потребности каждого клиента?

Воздух у него за спиной был черен и удушлив от каменной пыли, в уши рвались крики и грохот, горизонт вдалеке вставал грозной алой стеной, под которой ползали желтые муравьи, пожирающие камень. Но у Трегера встал и стоял все то время, пока он двигался через равнину, и под ним трясся аппарат, добывающий и перерабатывающий руду.

* * *

Трупы принадлежали компании; они содержались в специальном мертвецком хранилище. Но у Трегера была комната, кусок его собственного пространства в этом огромном

складе из бетона и металла, поделенном еще на тысячу мелких кусков. Знаком Трегер был лишь с небольшой горсткой соседей, но все, с кем здесь можно было познакомиться, — это погонщики трупов. В остальном же окружающий мир состоял из безмолвных сумрачных коридоров и бесконечной вереницы запертых дверей. Общая комната отдыха, просторное помещение, обшитое пластиком, была вся покрыта слоем пыли, и жильцы ею никогда не пользовались.

Долгие вечера, бесконечные ночи. Трегер докупил себе в комнату еще несколько световых панелей, и когда все они бывали включены, то сияние становилось до того ярким, что нечастые посетители усиленно моргали и жаловались на свет. Но неизменно наставало такое время, когда он не мог уже больше читать; тогда он выключал освещение, и тьма возвращалась.

Покойный отец Трегера, которого тот едва помнил, оставил обширную библиотеку и коллекцию аудиозаписей. Юноша бережно хранил это богатство. Книги и пленки стояли всюду по стенам комнаты, еще кое-что было сложено стопками возле изножья кровати и с обеих сторон двери в ванную. Изредка Трегер присоединялся к компании Кокса и прочих; они выпивали, острили и шатались по округе в поисках настоящих женщин. Он подражал своим товарищам, насколько мог, но всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Поэтому большинство вечеров он проводил дома: читал или слушал музыку, предавался воспоминаниям или размышлениям.

Всю эту неделю он впадал в задумчивость задолго до того, как гасил свои световые панели, и в мыслях его царили смятение и хаос. Скоро опять день зарплаты, и Кокс снова потащит его в мясную лавку, и он — да, да, он хочет туда пойти. Это было так здорово, потрясающе; в кои-то веки он почувствовал себя уверенно — ощутил, что он настоящий мужчина. Но это было так доступно, дешево, грязно. Должно же существовать что-то большее, разве нет? Любовь, например, — что бы это слово ни значило. С настоящей женщиной должно быть гораздо лучше — должно непременно, а в мясной лавке он настоящую женщину не встретит. Впрочем, он еще нигде не встречал настоящих,

но ведь, по правде говоря, до сих пор у него не хватало даже смелости попытаться. Но он должен попытаться, просто обязан — иначе что же это будет за жизнь?

Бездумно, почти механически мастурбируя под одеялом, он решил не ходить больше в мясную лавку.

* * *

Но прошла пара дней, и, когда Кокс поднял его на смех, Трегер согласился пойти туда. Почему-то ему показалось, что этим он что-то кому-то докажет.

На сей раз другая комната, и труп тоже другой. Черный и жирный, с ярко-оранжевыми волосами, еще менее привлекательный, чем тот, первый, если такое вообще возможно. Но теперь Трегер был подготовлен и полон желания, и ему удалось продержаться дольше. И опять все получилось просто потрясающе. Она двигалась в одном ритме с ним, четко в такт, и кончили они вместе, и казалось, она точно знает, чего ему хочется.

Последовали и другие посещения: второе, четвертое, шестое. Трегер стал уже завсегдатаем мясной лавки — таким же, как другие, и это его уже даже не беспокоило. Кокс и компания стали держать его почти что за своего, зато самому Трегеру эти люди, напротив, нравились все меньше. Он считал, что он лучше их. В мясной лавке ему удалось сохранить свое лучшее, сокровенное; он управлялся со своими трупами и рудоперерабатывающим аппаратом ничуть не хуже, чем любой из погонщиков, но при этом не разучился задумываться и мечтать. Однажды все они останутся в его далеком прошлом, он покинет Скрэкки, он выйдет в люди. Они всю свою жизнь будут оставаться завсегдатаями мясной лавки; он же способен на большее. Он верил. Он обязательно обретет любовь.

В мясной лавке любви Трегер не обрел, зато секс с каждым разом становился все лучше и лучше, при том что и в первый раз всё было великолепно. В постели с трупами Трегер всегда получал всё, чего хотел; он испробовал всё, о чем прежде читал, о чем слышал, о чем мечтал. Трупы угадывали его желания прежде, чем он сам успевал отдать себе в них отчет. Когда ему хотелось помедленней, они двигались медленно. Когда же ему хотелось, чтобы всё бы-

ло жестко, и быстро, и даже жестоко — трупы и в этом ему не отказывали и справлялись прекрасно. И он пользовался всеми отверстиями, которые у них имелись в наличии: трупы всегда знали, какое подставить ему в очередной раз.

За несколько месяцев восхищение, которое испытывал Трегер перед погонщицей трупов из мясной лавки, выросло многократно и обратилось почти что в благоговение. Наконец ему пришло в голову, что, возможно, ему удастся с ней встретиться. Ведь он все еще оставался совсем юным мальчиком, безнадежно наивным, и он был уверен, что полюбит эту женщину. И тогда он заберет ее из мясной лавки и отвезет в какой-нибудь чистый мир, где нет трупов, где они смогли бы вместе обрести счастье.

Однажды, в минуту слабости, он поделился своими мечтами с Коксом и остальными. Кокс внимательно посмотрел на него, покачал головой и усмехнулся. Кто-то хихикнул. А потом все дружно загоготали.

— Ну и осел же ты, Трегер, — наконец сказал Кокс. — Нету там погонщицы ни хрена! Может, скажешь еще, что никогда не слыхал про цепь обратной связи?

Под общий смех он объяснил Трегеру, как это работает; он объяснил, что каждый из трупов подключен к контроллеру, встроенному в кровать; объяснил, что каждый клиент сам управляет доставшимся ему трупом; объяснил, почему все, кроме погонщиков, видят в мясной лавке только мертвые неподвижные тела. И тут юноша понял, почему каждый раз секс получался таким умопомрачительным. Оказывается, он отличный погонщик — до того хороший, что и сам представить не мог.

Тем вечером, оставшись один в своей комнате, включив весь свет, так что стало даже жарко, Трегер внимательно вгляделся в себя. И с отвращением отвернулся. Он прекрасно справлялся со своим ремеслом и, конечно, гордился этим, но зато в остальном...

Во всем виновата мясная лавка, решил он. Мясная лавка — это ловушка, западня, которая может его погубить, разрушить и жизнь, и мечту, и надежду. Решено: ноги его там больше не будет; слишком уж просто всё получается. Он еще покажет Коксу, он всем им покажет. Он готов вы-

брать самый тернистый путь, готов рисковать, испытывать боль, если придется. А может, и радость, и даже любовь. Слишком уж долго он шел по другому пути.

И Трегер действительно не пошел больше в мясную лавку. Чувствуя силу, уверенность и превосходство, он возвратился к себе в комнату. И там, год за годом, он продолжал читать и мечтать, дожидаясь, когда же начнется наконец настоящая жизнь.

1
Когда мне был двадцать один год

Первой была Джози.

Истинная красавица, всегда была хороша собой и знала, что красива; сознание этого сформировало ее личность, сделало ее тем, чем она стала. То есть женщиной свободной, как дух. Агрессивной, уверенной в себе. Победительницей. Когда они познакомились, ей было двадцать, как и Трегеру, но за это время она успела прожить и испытать гораздо больше, чем он: казалось, она знает ответы на все мучившие его вопросы. И он сразу же полюбил ее.

А Трегер? Каким был Трегер до встречи с Джози, но уже годы спустя после последнего посещения мясной лавки? Он стал выше ростом и шире в плечах, прибавил в весе — за счет мускулатуры и жира, часто бывал мрачен, замкнут и молчалив. На рудных полях он теперь управлялся сразу с пятью трупами: его бригада теперь была больше, чем у Кокса, больше, чем у любого из погонщиков. По вечерам он читал книги — иногда у себя, а иногда в комнате отдыха. Он уже давным-давно позабыл, что прежде приходил сюда в надежде встретить кого-нибудь. Крепко сложенный, решительный и бесстрастный — вот каким стал Трегер. Он никого не трогал, и его тоже не трогали. И даже мучения его прекратились, хотя глубоко внутри остались шрамы. Впрочем, сам Трегер едва помнил об их существовании и старался их вовсе не замечать.

Теперь он отлично чувствовал себя в общей компании. В компании своих трупов.

Хотя не совсем. Внутри у него продолжала жить мечта. Что-то в нем продолжало верить, жаждать, желать. И это нечто имело достаточно власти, чтобы не допускать его до мясной лавки, до той растительной жизни, которую выбрали все остальные. И порой во мраке холодных, одиноких ночей оно вдруг обретало огромную силу. В таких случаях Трегер поднимался с постели, одевался и часами бродил по коридорам, глубоко засунув руки в карманы, пока в нутре у него что-то беспокойно вертелось, хныкало и скреблось. И всякий раз во время таких вот прогулок он принимал решение найти какой-нибудь выход, что-нибудь сделать, завтра же изменить свою жизнь.

Но когда завтра наступало, безмолвные серые коридоры блекли в памяти, и жестокие демоны отступали, и нужно было думать совсем о другом: как провести через карьер шесть ревущих, трясущихся рудоперерабатывающих машин. Трегер отдавался во власть повседневной рутине, и проходили долгие месяцы, прежде чем те же чувства накатывали на него с новой силой.

И вдруг — Джози. А встретились они вот как.

Случилось это на новом поле, очень богатом и совсем не разработанном, на широком просторе, усеянном валунами и обломками скал. Пару недель назад здесь тянулись невысокие холмы, но бульдозеры, принадлежащие компании, в которой работал Трегер, выровняли ландшафт с помощью серии ядерных взрывов, и теперь настал черед рудоперерабатывающих машин. Бригада из пяти единиц под управлением Трегера прибыла на место одной из первых, и при виде нового месторождения у него захватило дух. Старый карьер был уже практически выработан; здесь же предстояло вступить в схватку с совершенно новой территорией, вооруженной валунами и острыми осколками скал, каменными кулаками размером с бейсбольные мячи, которые злобно скрежетали на пыльном ветру. Все кругом казалось необыкновенным, полным опасностей. Трегер, в кожаной куртке, в защитной маске и очках, с затычками в ушах, вел свои шесть машин, управляя сразу шестью телами, со свирепой гордостью, обращая валуны в прах, расчищая путь тем машинам, что придут вслед за ним, сражаясь

за каждый новый ярд земли и стараясь вырвать у нее всю руду, какую только сможет найти.

И вот однажды, совершенно внезапно, один из наложенных друг на друга образов неожиданно привлек его внимание. На панели приборов одной из машин, управляемых трупами, загорелся красный сигнал. Трегер потянулся своими, живыми руками — и мысленно потянулся к приборам пятью парами мертвых рук. Все шесть машин остановились, но теперь красным зажегся другой сигнал. Потом еще один и еще. А потом и вся панель, все двенадцать индикаторов. Одна из машин сломалась. Выругавшись, Трегер бросил взгляд через каменное поле в сторону злополучной машины и как следует пнул ее — разумеется, с помощью трупа. Но индикаторы остались красными. Он подал сигнал о вызове технической поддержки.

Когда она подоспела — на одноместном экскаваторе, похожем на каплю черного, испещренного вмятинами металла, — Трегер уже отстегнул ремни, спустился по металлическим дугам, укрепленным на одном из бортов машины, и подошел по каменистому полю к вышедшей из строя машине. Когда Джози подъехала, он как раз начал взбираться наверх, к кабине; они встретились у подножия горы из желтого металла, в тени ее гусениц.

Трегер сразу понял, что она эксперт в своем деле. На ней была спецодежда, какую носили погонщики трупов, в ушах затычки, глаза защищали громоздкие очки, а лицо было смазано жиром — для защиты от едкой пыли. И все равно она была красива. У нее были короткие светло-каштановые волосы, клочковатую копну которых трепал ветер; когда она подняла защитные очки на лоб, оказалось, что глаза у нее ярко-зеленые. Она тут же взяла командование в свои руки.

Держась совершенно официально, для начала она представилась, задала Трегеру пару вопросов, затем открыла ремонтный отсек и заползла внутрь машины, в утробу двигателя, и в отделение для выплавки руды, и в отсек для ее очистки. Времени это заняло совсем немного, около десяти минут, и Джози вновь вылезла наружу.

— Не ходите туда, — сказала она, движением головы отбросив со лба прядь волос, которая выбилась поверх защитных очков. — Заслонка треснула. Утечка радиации.

— М-да, — пробормотал Трегер. В этот момент ему было трудно думать о машине, но приходилось притворяться, нужно было срочно сказать что-нибудь умное. — Как вы думаете, взорвется? — спросил он, а спросив, тут же осознал, что ничего умного не произнес. Ну разумеется, никакого взрыва не будет и быть не может; ядерные реакторы, когда выходят из-под контроля, ведут себя совсем иначе, и Трегер это отлично знал.

Но Джози его вопрос, казалось, позабавил. Она улыбнулась — впервые Трегер увидел эту ее особенную, ослепительную усмешку, — и, похоже, она увидела наконец его — лично его, Трегера, а не просто какого-то там погонщика трупов.

— Нет, — ответила она. — Он просто расплавится. Здесь даже жарко не станет, потому что в стены машины встроены специальные защитные панели. Но внутрь не ходите.

— Ладно. — Пауза. Что бы такое теперь сказать? — Что же мне делать?

— Наверное, продолжать работу с оставшейся частью бригады. А эту машину придется пустить на лом. Ее давно нужно было отправить на капитальный ремонт. Судя по виду, ее уже много раз штопали и латали. Глупо. Машина ломается, ломается, ломается, а ее используют снова и снова. Хотя можно было уже понять, что в ней что-то не в порядке. Сколько можно водить самих себя за нос, надеясь, что после стольких поломок она наконец заработает нормально.

— Наверное, так, — согласился Трегер.

Джози опять ему улыбнулась, запечатала люк и собралась уходить.

— Подождите, — остановил ее Трегер.

Это слово вырвалось у него изо рта прежде, чем он успел сдержать свой порыв, и почти вопреки его воле. Джози обернулась, вскинула голову и вопросительно взглянула на Трегера. И он вдруг ощутил в себе силу стали, и камня, и ветра; под сернисто-желтыми небесами его мечты не казались такими уж несбыточными. Кто знает, подумал он. Кто знает.

— Хм. Меня зовут Грег Трегер. Может, встретимся как-нибудь?

Джози усмехнулась:

— Конечно. Приходи сегодня вечером.

И дала ему адрес.

Когда она ушла, Трегер вновь забрался в кабину своей машины, и все его шесть сильных тел были полны торжества, жизни и огня, и он едва ли не с радостью вновь стал вгрызаться в камень. И темно-багровое зарево вдали напоминало едва ли не восход солнца.

* * *

Когда он пришел к Джози, в гостях у нее было еще четыре человека, ее друзья. Это было что-то вроде вечеринки. Джози очень часто устраивала вечеринки, и Трегер начиная с того самого вечера появлялся на каждой. Джози разговаривала с ним, смеялась, он ей нравился — и внезапно Трегер осознал, что вся жизнь его переменилась.

Вместе с Джози он посетил такие закоулки Скрэкки, в которых никогда прежде не бывал, и стал делать такие вещи, каких никогда прежде не делал:

— он стоял вместе с нею в толпе, которая собиралась на улице поздно вечером, стоял на пыльном ветру, при чахлом желтоватом свете, среди бетонных зданий, в которых не было ни единого окна, стоял и делал ставки, и орал до хрипоты, болея сам за себя, пока перепачканные смазкой механики гоняли туда-сюда и снова обратно на желтых громыхающих тягачах с прицепами;

— он ходил вместе с нею по тихим, белым и чистым до странности служебным помещениям, скрытым под землей, и по герметизированным коридорам с кондиционированным воздухом, где работали и жили всякие затворники и бумагомаратели, и руководители компаний;

— вместе с ней он посещал торговые центры, эти низкие, но огромные по площади здания, с виду похожие на склады, в которых, однако, всюду сияли разноцветные огни, и помещалось множество игровых залов, и закусочных, и музыкальных магазинчиков, и баров, где просиживали свободное время погонщики;

— они побывали в тренировочных залах, где погонщики, куда менее умелые, чем сам Трегер, заставляли своих

мертвецов колотить друг друга, неуклюже размахивая кулаками;

— он проводил время вместе с ее друзьями, и все вместе они нарушали безмолвие тихих таверн своими веселыми разговорами, своим смехом, и однажды Трегер приметил, что из дальнего конца зала на него глазеет некто, очень похожий на Кокса, и тогда он улыбнулся еще шире и поближе придвинулся к Джози.

Трегер почти не замечал остальных людей — все эти толпы, которыми Джози себя окружала; когда они общей компанией отправлялись на какую-нибудь очередную немыслимую прогулку — вшестером, ввосьмером, а то и вдесятером, — Трегер представлял себе, будто у них с Джози было назначено свидание, а все остальные просто решили составить им компанию.

Рано или поздно обстоятельства непременно сложатся так, что они окажутся где-нибудь только вдвоем — он и она, либо у нее, либо у него. И тогда они обо всем поговорят. О далеких мирах, о политике, о трупах и о жизни в Скрэкки, о тех книгах, которые оба прочли, о спорте, об играх или о друзьях — о том, что есть у них общего. А общего было много. Трегер часто разговаривал с Джози. Но до сих пор не сказал ей ни слова.

Конечно же, он любил ее. Он заподозрил это уже в первый месяц их знакомства, и очень скоро подозрение переросло в уверенность. Он любил ее. Вот оно, настоящее, — то, чего он так долго ждал, во что верил всем сердцем, — и оно пришло.

Но любовь его была мукой. Он не мог ей признаться. Раз двенадцать он хотел это сделать, но не мог найти нужных слов. А что если она не ответит ему взаимностью?

Ночи его по-прежнему были одиноки — в маленькой комнате, среди ярко горящих ламп, среди книг и мучений. Именно теперь он был так одинок, как никогда прежде; мирный порядок его повседневной жизни, этого полусуществования рядом с трупами, был разрушен, отнят у него. Днем он по-прежнему управлял гигантскими рудоперерабатывающими агрегатами, управлял своими трупами, дробил скалы, плавил руду и мысленно подбирал те слова,

которые он скажет Джози. И слышал в своем воображении те, которые она произнесет в ответ. Ведь ей тоже несладко, размышлял он. Конечно, у нее были мужчины, но ведь она не любила их, потому что она любит его, Трегера. Но ведь ей еще труднее признаться в своих чувствах, чем ему. Как только он переборет себя, найдет подходящие слова, найдет силы — все тут же встанет на свои места. Каждый день он повторял себе это, ловко и глубоко вгрызаясь в землю.

Но стоило ему вернуться домой, как уверенность покидала его. С глубочайшим отчаянием он вдруг осознавал, что обманывает себя. Для нее он лишь друг, и не более, и глупо рассчитывать, что когда-нибудь ее отношение изменится. Зачем же лгать себе? Ее поведение по отношению к нему явно свидетельствовало обо всем. Они никогда не были вместе и никогда не будут; несколько раз он уже набирался достаточно смелости, чтобы прикоснуться к ней, и всякий раз она улыбалась и отстранялась под тем или иным предлогом — таким естественным, что Трегер неизменно оставался в замешательстве, не понимая, отвергают его или нет. Но опасения закрались в его душу и с наступлением темноты начинали рвать ее на части. Теперь он чаще стал скитаться по коридорам — раз в неделю он бродил по бесконечным переходам, угрюмый, доведенный до отчаяния, думая лишь о том, как бы поговорить хоть с кем-то, но как это сделать, он не знал. Все старые раны открылись и кровоточили.

Так продолжалось до утра. Утром он возвращался к своим машинам, а к нему возвращалась надежда. Нужно верить в себя, он понимал это, он сам кричал себе эти слова. И хватит жалеть себя. Нужно что-нибудь сделать. Нужно открыться Джози. Да, так он и сделает.

И она будет с ним, ликовал день.

И она посмеется над ним, дразнила ночь.

Так Трегер бегал за ней целый год — год, полный страданий и надежды, первый год, когда он жил по-настоящему. На этот счет его ночные страхи и полдневные ликующие голоса были согласны; он ожил. И он уже никогда не вернется к тому пустому существованию, которым была его жизнь до встречи с Джози; и уж точно никогда не вернет-

ся в мясную лавку. В этом, по крайней мере, он был твердо уверен. Возможно, он изменится и еще кое в чем, и наступит день, когда он найдет в себе силы поговорить с Джози.

* * *

В тот вечер Джози и зашла к нему в гости с парой друзей, но друзьям пришлось рано уйти. И вот около часа они просидели наедине, болтая ни о чем. Наконец ей настало время уходить. Трегер сказал, что проводит ее до дома.

Пока они шли по длинным коридорам, он слегка обнимал ее за талию и наблюдал за выражением ее лица, за игрой тени и света на ее скулах, когда они проходили от фонаря к фонарю.

— Джози,— начал он. На душе у него было так хорошо, так легко, так тепло, и слова сами собой сорвались у него с языка: — Я люблю тебя.

Она сразу же остановилась, высвободилась из его объятий, отступила назад. Рот у нее приоткрылся, совсем чуть-чуть, и что-то вспыхнуло и погасло в ее глазах.

— Ой, Грег, — проговорила она. Ласково. Мягко. Печально. — Нет, Грег, нет, не надо, не надо. — И замотала головой.

Немного дрожа, беззвучно что-то бормоча, Трегер протянул руку. Но Джози не взяла ее. Он нежно коснулся ее щеки, но она, не произнеся ни слова, увернулась от его прикосновения.

И вот тогда, впервые в жизни, Трегер по-настоящему задрожал. Из глаз у него полились слезы.

Джози провела его к себе в комнату. Там, сидя друг против друга на полу, не прикасаясь друг к другу, они наконец поговорили.

* * *

Д.: ...я уже давно знала... пыталась дать тебе понять, Грег, просто мне не хотелось действовать напрямик и... Я не хотела делать тебе больно... такой хороший человек... не сомневайся...

Т.: ...с самого начала знал... что никогда... обманывал себя... хотелось верить во что бы то ни стало... Прости, Джози, прости, прости, простипростипрости...

Д.: ...боялась, что ты снова вернешься в той жизни... не надо, Грег, пообещай мне... нельзя сдаваться... нужно верить...

Т.: Зачем?

Д.: ...у человека, который не верит, нет ничего... мертвый... ты способен на большее... отличный погонщик... уезжай из Скрэкки, найди что-нибудь... это не жизнь... кого-нибудь... у тебя получится, получится, вот увидишь, только не оставляй надежды, продолжай верить...

Т.: ...ты... всегда любить тебя, Джози... всегда... как же я найду кого-нибудь... никогда никого, похожего на тебя, никогда... особенная...

Д.: ...ох, Грег... столько людей... оглянись вокруг... откройся...

Т. (смех): открыться?.. впервые в жизни говорю с другим человеком...

Д.: ...если нужно, мы еще поговорим... я буду говорить с тобой... было столько любовников, все хотят уложить меня в койку, быть друзьями гораздо лучше...

Т.: ...друзьями... (смех)... (слезы)...

II
Надежды на будущее

Костер уже давно догорел, и Стивенс с лесником отправились спать, а Трегер с Донелли все еще сидели у остывающих углей, возле границы чистых земель. Они тихонько беседовали, стараясь не разбудить остальных, и слова их надолго повисали в беспокойном ночном воздухе. Не вы-

рубленный еще лес, стеной возвышавшийся у них за спинами, был неподвижен и тих, как мертвец: вся вендалийская фауна разбежалась от звуков, которые в течение дня производила флотилия лесопильных машин.

— ...полная бригада на шести лесопильных машинах — представляю, как это непросто,— говорил Донелли. Это был бледный, робкий юноша, весьма привлекательной внешности, но слишком застенчивый и оттого неловкий. В косноязычии Донелли Трегер узнавал отголоски собственной юности.— На арене ты бы многого добился.

Трегер кивнул, задумчиво глядя на угли, которые ворошил палкой.

— Ради этого я и приехал в Вендалию. И однажды пришел на гладиаторский бой — только однажды. И этого раза хватило, чтобы я передумал. Полагаю, у меня бы отлично получилось, но само это зрелище оказалось совершенно тошнотворным. Те деньги, которые мне платят здесь, смешно даже сравнить с тем, что я получал в Скрэкки, зато эта работа... как тебе сказать... чистая. Понимаешь?

— Вроде да, — ответил Донелли. — Но все-таки это ведь не то что бы живые люди, ну там, на арене. Так, мясо... Ты просто делаешь так, что тела становятся такими же мертвыми, как их сознание. По-моему, так рассуждать логичнее.

Трегер усмехнулся:

— Знаешь, Дон, ты слишком уж увлечен логикой. Надо бы тебе научиться чувствовать. Слушай, когда в следующий раз будешь в Гидионе, сходи-ка на гладиаторский бой и посмотри, на что это похоже. Ты увидишь, как это отвратительно. Отвратительно! Трупы, спотыкаясь, неуклюже шатаются по арене, вооруженные топорами, мечами и кистенями, и рубят и режут друг друга. Это бойня, и больше ничего. А публика? Как они орут при каждом ударе! И смеются. Они смеются, Дон! Нет.— Он решительно покачал головой.— Ни за что.

Затеяв спор, Донелли никогда не сдавался.

— Но почему? Грег, я не понимаю. У тебя бы получилось отлично — лучше, чем у других. Я же видел, как ты управляешься со своей бригадой.

Трегер поднял на юношу взгляд и внимательно посмотрел на него. Тот сидел молча и ждал ответа. Вспомнились слова Джози: откройся, будь искренним. Прежнего Трегера, нелюдимого Трегера, который вел одинокое существование в своей комнатухе, в одном из спальных корпусов Скрэкки, уже не было. Он вырос, он изменился.

— Я знал одну девушку, — начал он медленно, тщательно взвешивая каждое слово. И с каждым словом открываясь. — Там, в Скрэкки, была одна девушка, Дон, которую я любил. Но у нас, как сказать, в общем, не сложилось. Наверное, потому я и оказался здесь. Я ищу чего-то другого, чего-то лучшего. Понимаешь, в этой жизни все связано. — Трегер замолчал, задумался, стараясь подобрать нужные слова. — Эта девушка... ее звали Джози... Мне хотелось, чтобы она полюбила меня. Понимаешь? — Слова приходили с трудом. — Чтобы она восхищалась мной и так далее. Так вот. Да, конечно, я бы отлично управился с трупами на арене. Но Джози бы никогда не полюбила человека, который занимается подобными вещами. Конечно, она уже осталась в прошлом, но все равно... Управляя трупами на арене, я никогда не встречу человека, которого хотел бы встретить. — Он резко встал. — Не знаю. По-моему, это самое важное, для меня, по крайней мере. Оказаться достойным Джози — кого-нибудь вроде нее, когда-нибудь. Надеюсь, что скоро.

Донелли не ответил ни слова; он безмолвно сидел в лунном свете, кусая губу и не глядя на Трегера; его логика здесь оказалась бессильна. А тем временем Трегер, для которого длинные коридоры остались уже далеко позади, в одиночестве отправился в лес.

* * *

У них сложилась дружная, хорошо сработавшаяся бригада: трое погонщиков, лесник, тринадцать трупов. Каждый день они теснили лес все дальше, и Трегер шел впереди, вступая в бой с дикой природой Вендалии, с зарослями колючего кустарника, с крепкими серыми деревьями, которые щетинились железными шипами, с хлещущими резиновыми ветвями, враждебными лесными зарослями, навстречу которым он посылал свои шесть лесопильных машин. Ма-

шины эти были куда меньше, чем рудоперерабатывающие, которыми он командовал в Скрэкки, к тому же гораздо быстрее, маневреннее, сложнее в устройстве и в управлении. Шестью такими агрегатами Трегер управлял с помощью трупов и седьмым — собственными руками. Стена диких зарослей каждый день падала под его воющими топорами и лазерными ножами. За ним следовал Донелли, который вел три лесоперерабатывающие машины, каждая размером с гору,— они превращали спиленный лес в бревна, готовые к дальнейшему использованию для нужд Гидиона и других городов Вендалии. Далее шел Стивенс, третий погонщик, который с помощью огневой пушки выжигал пни и плавил камни, а также вел грунтовые насосы, которые подготавливали почву для земледелия. Замыкал процессию лесник. Все это было очень непростым делом, за которым стояла целая наука.

Чистая, тяжелая, ответственная работа; днем Трегер с рвением выполнял свои обязанности. Он стал стройным, едва ли не атлетом; черты его лица стали строже, обветренная кожа продолжала темнеть под жарким и ярким вендалийским солнцем. Трупы стали едва ли не частью его самого — с такой легкостью он управлял ими и их машинами. Так обычный человек управляется с собственными руками и ногами. Порой он чувствовал себя так уверенно, связь становилась такой отчетливой и сильной, что Трегеру казалось, будто он не погонщик, управляющий своей бригадой, а просто человек, у которого сразу семь тел. Семь сильных тел, которым покорились знойные лесные ветра. Он ликовал, обливаясь их потом.

И вечера, после окончания работы, тоже были хороши. Трегер обрел здесь хоть немного покоя, у него возникло чувство связи со своей бригадой, с людьми, чего в Скрэкки не бывало никогда. Вендалийские лесники, которых переводили то в Гидион, то еще куда-нибудь, были славные ребята и хорошие товарищи. Стивенс был сердечный парень, который так долго уже шутил не переставая, что, казалось, потерял способность говорить о чем-то всерьез. Трегеру было весело с ним. А Донелли — этот нескладный, неловкий юноша с тихим голосом, который так любил логически рассуждать,—

стал Трегеру другом. Он умел слушать и сопереживать, умел сочувствовать, а новый Трегер, искренний и открытый миру, умел говорить. Когда Трегер рассказывал о Джози, изливая перед Донелли свою душу, тот слушал едва не с завистью. И Трегер знал или думал, что знает: Донелли — это он сам, прежний Трегер, до встречи с Джози, когда он не умел еще найти нужные слова.

Но время шло, и спустя недели и месяцы, полные долгих бесед, Донелли научился подбирать слова. Тогда слушать стал Трегер — и сопереживать чужой боли. И ему это нравилось. Ведь он помогал другу; он делился своей силой; он был нужен.

Каждый вечер возле остывших углей двое мужчин делились друг с другом своими мечтами. Сплетали яркий узор из надежды, обещаний и лжи.

Но вслед за вечерами по-прежнему приходили ночи.

Как и всегда, для Трегера это было самое тяжелое время — долгие часы одиноких прогулок. Да, Джози многое дала Трегеру, но и взяла взамен немало; она забрала у него странную мертвенность сознания, свойственную ему в прошлом, — умение не задумываться, открыла в его сознании тот ящик, куда он прятал всю свою боль. В Скрэкки он редко бродил по коридорам; вендалийский лес гораздо чаще становился свидетелем его одиноких прогулок.

Это случалось, когда прекращались вечерние разговоры и Донелли уходил спать — тогда в одинокой палатке Трегера вдруг появлялась Джози. Тысячу ночей он провел там, подложив скрещенные руки под голову и глядя в пластиковый потолок палатки, снова и снова переживая ту ночь, когда он признался ей в своих чувствах. Тысячу раз он прикасался к щеке Джози, но она уворачивалась от его прикосновения.

Он думал об этом снова и снова, старался отогнать навязчивый образ — и всякий раз терпел поражение. Тогда, не в силах преодолеть тревогу, он поднимался и выходил на воздух. Он направлялся через полосу расчищенной земли прямо в сумрачный лес, окутанный дымкой, он разводил руками ветви деревьев и перепрыгивал через кусты; он шел до тех пор, пока не находил воду. Тогда он присаживался на берегу подернутого пеной озера или бормочущего ручья, быстро стремящего свою маслянистую влагу, бурлящую

в свете луны. И принимался кидать в воду камешки — с силой, плашмя, и темноту ночи разрывали громкие всплески.

Так Трегер просиживал часами — бросая камешки и размышляя, до тех пор, пока ему не удавалось наконец убедить себя, что солнце рано или поздно взойдет.

* * *

Гидио, главный город, сердце Вендалии, а значит, и Слэгга, и Скрэкки, и Нового Питсбурга, и всех прочих уродливых, жестоких миров, что живут за счет трупов; где живые не работают, зато вкалывают мертвецы. Огромные башни из черного и серебристого металла, парящие, воздушные статуи, сияющие в дневном свете и мягко светящиеся в ночи, большой, многолюдный космопорт, где грузовые корабли то поднимались, то опускались на невидимых столпах раскаленного газа, аллеи, где мостовые отполированы до блеска, железное дерево, мягко отливающее серым... Гидион.

Прогнивший город. Город-труп. Мясной рынок.

Ибо грузовые корабли несли в своих чревах людей — преступников, отщепенцев и смутьянов из дюжины миров. Они были куплены за звонкую вендалийскую монету (ходили, впрочем, и более зловещие слухи — о лайнерах, которые таинственно исчезали во время обычных туристических рейсов). Устремленные в небеса башни были не что иное, как больницы и морги, где умирали люди — мужчины и женщины, а потом мертвецы обретали новую жизнь. И во всю длину тротуаров, вымощенных досками из железного дерева, выстроились магазины, где торговали трупами, и мясные лавки.

Прославленные мясные лавки Вендалии. Все трупы здесь были без исключения красавицы.

Трегер сидел как раз напротив одного из таких заведений, на другой стороне широкой серой улицы, под зонтиком уличного кафе. Он потягивал сладко-горькое вино, размышляя о том, как же быстро все-таки закончился отпуск, и стараясь не смотреть через улицу. Теплое вино приятно щекотало язык, и взгляд непрерывно блуждал по сторонам.

Улица в обе стороны от кафе и прямо перед ним кишела прохожими. То были темнолицые погонщики трупов из

Вендалии, Скрэкки, Слэгга; низенькие и толстые торговцы, незадачливые туристы из Чистых Миров, таких как Старая Земля или Зефир, и еще дюжина вопросительных знаков, о которых Трегер никогда и ничего не узнает — ни их имен, ни чем они занимаются, ни зачем приехали. Сидя так под своим зонтиком, потягивая вино и глядя по сторонам, Трегер чувствовал себя посторонним, отчаянно одиноким. Он не мог прикоснуться к этим людям, не мог достучаться до них; он понятия не имел, как это сделать. Нет, это невозможно, ничего не получится. Даже если он встанет, выйдет на середину улицы и попытается схватить кого-нибудь из них, то не сможет его даже коснуться. Незнакомец попросту вырвется и убежит. Все выходные прошли в тщетных попытках подобного рода: Трегер обошел все бары Гидиона, тысячу раз пытался завести знакомства с разными людьми — и ничего не получалось.

Вино закончилось. Трегер вяло посмотрел на бокал, прищурился, повертел его в руках. Затем резко встал и заплатил по счету. Руки его дрожали.

Столько лет уже прошло, подумал он, переходя улицу. И еще: прости меня, Джози.

* * *

Трегер возвратился в свой лесной лагерь, и его трупы принялись рубить лес словно бешеные. Но вечером, возле общего костра, он был непривычно молчалив, и не было обычной ночной беседы с Донелли. В конце концов юноша, озадаченный и обиженный, пошел следом за своим старшим другом в лес. И нашел его подле медлительного ручья, черного, как смерть. Трегер сидел на берегу; возле его ног лежала кучка камней, приготовленных для метания.

* * *

Т.: ...пошел туда... после всех слов, всех обещаний... я все равно туда пошел...

Д.: ...не за что себя винить... вспомни, что ты говорил мне... главное — верить...

Т.: ...верил же, ВЕРИЛ... никаких сложностей... Джози...

Д.: ...сам говоришь, чтобы я не сдавался, так и не надо... вспомни все, о чем говорил мне, о чем говорила тебе Джози... все кого-нибудь находят... если не перестают искать... сдается — умирает... нужно только... искренность... смелость искать... перестать себя жалеть ...сто раз мне говорил...

Т.: ...чертовски просто говорить тебе... не то что самому сделать...

Д.: ...Грег... не завсегдатай мясной лавки... мечтатель... лучше, чем они все...

Т. (со вздохом): да уж... но так тяжело... зачем я так над собой измываюсь?..

Д.: ...скорее уж снова стать тем, кем ты был?.. не чувствуя боли и не живя?.. как я?..

Т.: ...нет... ну что ты... ты прав...

2
Скиталец, туда и обратно

Ее звали Лорел. У нее не было ничего общего с Джози, кроме одного: Трегер любил ее.

Была ли она хороша собой? Трегер так не считал — по крайней мере в первое время. Она была чересчур рослой, на полфута выше, чем он, к тому же слегка тяжеловата и вовсе не слегка неуклюжа. Но у нее были очень красивые волосы, красно-коричневые зимой, сияюще-белокурые летом; ниспадая по ее плечам и спине, они невероятно красиво развевались по ветру. Но красавицей она не была — не в том смысле, как Джози, по крайней мере. Хотя, как ни странно, со временем она все хорошела — возможно, потому, что худела, а может быть, потому, что Трегер все больше влюблялся и смотрел на нее все менее критически,

а может быть, и потому, что он говорил ей, будто она красива, и, слушая его, она действительно становилась красивой. Точно так же, как он становился мудрее оттого, что Лорел говорила ему, будто он мудр. Как бы то ни было, через некоторое время после их знакомства Лорел стала настоящей красавицей.

Пятью годами моложе Трегера, чистенькая и невинная, она была крайне застенчива в тех ситуациях, когда Джози вела себя самоуверенно. Лорел была умна, романтична, мечтательна; удивительно свежа и энергична; так беззащитна, что нельзя было смотреть на нее без боли, и полна жажды жизни.

В Гидион она попала совсем недавно, приехала откуда-то с малонаселенной вендалийской окраины, изучала лесное дело. Как-то во время очередного отпуска Трегер заглянул в лесной колледж, чтобы увидеться с преподавателем, с которым работал когда-то в одной бригаде. В кабинете этого преподавателя и произошла встреча. У Трегера впереди было еще целых две недели, которые предстояло провести в городе, полном незнакомцев и мясных лавок; Лорел же оказалась свободна. Трегер показал ей Гидион во всем его блистательном упадке, он чувствовал себя потертым и умудренным жизнью, чему способствовало и сильное впечатление, которое произвели эти открытия на девушку.

Две недели пролетели незаметно. Настал последний вечер. Неожиданно оробевший Трегер повел ее гулять в парк на берегу реки, на которой стоял Гидион. Там они вместе присели на низкую каменную ограду у самого края воды. Они сидели совсем рядом, но не касаясь друг друга.

— Время летит слишком быстро, — заметил Трегер. В руке он держал камешек. Он метнул его в воду — параллельно поверхности, сильно закрутив. Задумчиво он проследил за тем, как камень, несколько раз шлепнув по воде, ушел ко дну. Трегер поднял глаза на Лорел. — Что-то я нервничаю, — сказал он с усмешкой. — Я... Лорел. Я не хочу уезжать.

Трудно было понять, что выражает ее лицо. Настороженность?

— Да, симпатичный город, — согласилась она.

Но Трегер решительно замотал головой:

— Нет. Нет! Я не об этом. Я о тебе! Лорел, по-моему, я... то есть...

Лорел улыбнулась ему. Глаза ее ярко сияли, в них светилось счастье.

— Я знаю, — ответила она.

Трегер не верил собственным ушам. Он протянул руку, коснулся ее щеки. Она повернула голову и поцеловала его ладонь. Они улыбнулись друг другу.

* * *

Он словно на крыльях летел обратно в лесной лагерь, чтобы покинуть его навсегда.

— Дон, Дон, ты обязательно должен с ней познакомиться, — кричал он. — Вот видишь, у тебя тоже получится, у меня ведь получилось, главное верить, пытаться снова и снова! Я счастлив прямо до неприличия!

Донелли, как всегда сдержанный и рассудительный, только улыбнулся, не представляя, как обращаться с таким количеством счастья.

— Что будешь делать теперь? — спросил он несколько неловко. — Пойдешь на арену?

Трегер рассмеялся:

— Едва ли. Ты знаешь, как я на это смотрю. Но что-то вроде того. Возле космопорта есть театр, они ставят пантомимы с участием трупов. Туда-то я и устроился. Конечно, это тоже грязные деньги, зато я буду рядом с Лорел. Все остальное не важно.

* * *

Ночами они почти не спали. Они всё болтали, обнимались и занимались любовью. Секс оказался невероятной радостью, игрой, счастливым открытием. Технически он никогда не бывал так хорош, как в мясной лавке, но Трегера это не беспокоило. Он учил Лорел раскрываться перед ним. Быть искренней. Сам он раскрыл перед ней все свои секреты и жалел еще, что у него их так мало.

— Бедняжка Джози, — повторяла по ночам Лорел, тесно прижав к Трегеру свое теплое тело. — Она даже не знает,

чего лишилась. А мне вот повезло. Таких, как ты, на всем свете не сыщешь!

— Нет, — отвечал Трегер. — Это мне повезло.

И они, смеясь, принимались спорить.

* * *

Донелли переехал в Гидион и тоже поступил в театр. Он сказал, что без Трегера работать в лесу стало неинтересно. Они проводили втроем много времени, и Трегер сиял от счастья. Ему хотелось, чтобы его друзья стали друзьями и для Лорел, и он уже много рассказывал ей про Донелли. И еще ему хотелось, чтобы Донелли увидел, как он счастлив теперь, убедился в том, что вера приносит свои плоды.

— Она мне нравится, — сказал Донелли с улыбкой в первый же вечер, когда Лорел ушла.

— Я рад, — кивнув, ответил Трегер.

— Грег, ты не понял, — возразил Донелли. — Она мне действительно нравится.

* * *

Они проводили втроем много времени.

* * *

— Грег, — сказала Лорел однажды ночью, когда они лежали в постели, — мне кажется, что Дон... ну... запал на меня. Понимаешь?

Трегер перекатился на живот и подпер голову кулаком.

— Господи, — только и сказал он. В его голосе слышалась озабоченность.

— И я не знаю, как себя вести.

— Осторожно, — ответил Трегер. — Он очень ранимый. Возможно, ты первая женщина, которая вызвала у него интерес. Постарайся быть с ним помягче. Я бы не хотел, чтобы он прошел через те же муки, что и я, понимаешь?

* * *

Секс у них никогда не бывал таким же хорошим, как в мясной лавке. И Лорел стала замыкаться в себе. Все чаще и чаще сразу же после секса она засыпала; те ночи, когда

они болтали до самой зари, остались в прошлом. Возможно, им уже нечего было друг другу сказать. Трегер заметил даже, что она стала сама заканчивать истории, которые он ей рассказывал. И ему редко удавалось вспомнить что-то, чем он еще не успел с нею поделиться.

* * *

— Он так и сказал? — Трегер вылез из-под одеяла, зажег свет и, нахмурившись, сел на кровати. Лорел же натянула простыню до самого подбородка. — Ну а ты что?..

Она неуверенно помолчала, затем ответила:

— Я не могу рассказать тебе. Это касается только Дона и меня. Он сказал, это несправедливо, что я прихожу и подробно рассказываю тебе обо всем, что между нами с ним происходит. И он прав.

— Прав?! Но ведь я-то рассказываю тебе обо всем! Не забывай, ведь мы с тобой...

— Да, я знаю, но...

Трегер помотал головой. Гнев в его голосе поутих.

— Лорел, объясни мне, пожалуйста, что происходит? Мне вдруг стало страшно. Не забывай, ведь я люблю тебя. Почему же все изменилось так скоро?

Черты ее лица смягчились. Она села в кровати, протянула к нему руки, и простыня упала, обнажив ее полные мягкие груди.

— Ах, Грег, — сказала она. — Не беспокойся. Я люблю тебя и всегда буду любить, но дело в том, что, кажется, его я тоже люблю. Понимаешь?

Трегер, успокоенный, устремился в ее объятия и страстно поцеловал ее. Но вдруг снова всполошился.

— Погоди-ка! — воскликнул он, стараясь за шутливой строгостью скрыть дрожь в голосе. — А кого ты любишь больше?

— Тебя, конечно, а как же иначе?

Улыбаясь, он вернулся к прерванному поцелую.

* * *

— Я знаю, что ты знаешь, — сказал Донелли. — Наверное, нам нужно поговорить.

Трегер кивнул. Они встретились за кулисами театра. Три его трупа стояли у него за спиной, скрестив руки на груди, словно телохранители.

— Ладно, давай.

Он посмотрел на Донелли в упор, и лицо его, на котором до этих слов собеседника играла улыбка, стало вдруг непривычно суровым.

— Лорел просила, чтобы я сделал вид, будто ничего не знаю. Она сказала, что ты чувствуешь себя виноватым. Но знаешь, Дон, притворяться было нелегко. Наверное, пора нам поговорить обо всем начистоту.

Донелли опустил взгляд своих бледно-голубых глаз в пол и засунул руки в карманы.

— Я не хочу делать тебе больно, — сказал он.

— Так не делай.

— Но притворяться мертвецом я тоже не хочу. Я живой человек. И я тоже люблю ее.

— Мне казалось, что ты мне друг, Дон. Полюби кого-нибудь другого. А так ты только сам себе сделаешь больно.

— У меня с ней больше общего, чем у тебя.

Трегер молча смотрел на него.

Донелли поднял на Трегера взгляд. Потом, сконфузившись, вновь стал смотреть в пол.

— Сам не знаю. Ох, Грег. В любом случае она сказала, что тебя любит больше. Я и не должен был надеяться ни на что другое. У меня такое чувство, будто я ударил тебя ножом в спину. Я...

Трегер молча смотрел и слушал. Наконец он тихонько рассмеялся.

— Вот черт, я не могу это слышать. Послушай, Дон, вовсе ты меня не ударил, брось, не говори ты таких вещей. Наверное, раз ты полюбил ее — значит, так должно было случиться. Я только надеюсь, что все сложится хорошо.

Той ночью, лежа в постели рядом с Лорел, он ей сказал:

— Я беспокоюсь за Дона.

* * *

Его лицо, некогда загорелое, приняло пепельный оттенок.

— Лорел? — переспросил он, не в силах поверить.

— Я не люблю тебя больше. Прости. Но это так. Когда-то все было по-настоящему, но теперь прошло, как сон. Теперь я даже не уверена, любила ли я тебя вообще.

— Дон, — произнес он одеревеневшим голосом.

Лорел вспыхнула:

— Не смей говорить ничего дурного о Доне. Я устала слушать, с каким пренебрежением ты о нем говоришь. Он всегда говорит о тебе только хорошее.

— Но, Лорел, неужели же ты забыла? Вспомни, что мы говорили друг другу, что чувствовали! Ведь я тот же самый, это мне ты говорила все эти слова.

— Зато я повзрослела, — возразила Лорел жестко, без слез и откинула за спину свои красновато-золотые волосы. — Я отлично все помню, но мои чувства с тех пор изменились.

— Не надо, — сказал он и протянул к ней руку.

Она сделала шаг назад.

— Не прикасайся ко мне. Я же сказала, Грег, все кончено. Теперь ступай. Скоро Дон придет.

* * *

Это было хуже, чем с Джози. В тысячу раз хуже.

III
Скитания

Он пытался остаться в театре: ему нравилась эта работа, у него появились друзья. Но это оказалось невозможно. Донелли появлялся там каждый день, улыбчивый и приветливый, а иногда после дневного спектакля за ним заходила и Лорел, и они отправлялись куда-то вместе, рука в руке. Трегер стоял в стороне и наблюдал за ними, стараясь думать о другом. Но какое-то искалеченное существо у него внутри кричало и царапалось от боли.

И он ушел из театра. Чтобы больше не видеть их. Чтобы сохранить гордость.

* * *

Небо было ярким от огней Гидиона, все кругом светилось от смеха, но в парке было темно и тихо.

Трегер застыл, опершись спиной о ствол дерева, остановив взгляд на речной воде, напряженно скрестив руки на груди. Словно статуя. Казалось, он даже не дышит. Даже взгляд его оставался неподвижен.

Опустившись на колени возле низкой каменной ограды, мертвец принялся с силой колотить по ней и продолжал до тех пор, пока камень не стал скользким от крови, а руки не превратились в изувеченные куски рваного мяса. При каждом ударе раздавались однообразные, шмякающие звуки, изредка сопровождаемые скрипом костей по поверхности камня.

* * *

Его заставили заплатить перед входом в кабину. Еще битый час он проторчал там, дожидаясь, пока ее разыщут и соединят. Ну вот, наконец-то:

— Джози.

— Грег, — отозвалась она, улыбаясь своей особенной улыбкой. — Могла бы и догадаться. Кто бы еще стал звонить из Вендалии в такую даль. Как у тебя дела?

Он рассказал ей.

Улыбка исчезла с ее лица.

— Ой, Грег, — сказала она. — Мне так жаль. Постарайся не принимать это слишком близко к сердцу. Продолжай идти дорогой, которую ты выбрал. В следующий раз все будет гораздо лучше. Так всегда бывает.

Но эти слова его не успокоили.

— Джози, — сказал он, — а как там дела у вас? Ты скучаешь по мне?

— Ну конечно. А дела идут неплохо. Хотя Скрэкки есть Скрэкки. Оставайся лучше там, не стоит сюда приезжать. — Она посмотрела в сторону от экрана, потом обратно. — Мне нужно идти. А не то ты совсем разоришься. Я очень рада, милый, что ты позвонил.

— Джози, — начал было Трегер.

Но экран уже погас.

* * *

Иногда, по ночам, он был не в силах справиться с собой. Он подходил к своему домашнему экрану и звонил Лорел. Когда она видела, кто это, то неизменно щурилась и тут же прерывала связь.

И Трегеру оставалось только сидеть в темной комнате, вспоминая о том, как некогда от звука его голоса ее лицо начинало светиться невыразимым счастьем.

* * *

Улицы Гидиона не лучшее место для ночных одиноких прогулок. Они ярко освещены даже в самое темное время суток и полны людей и трупов. И повсюду мясные лавки — они выстроились длинными рядами вдоль бульваров и уличных тротуаров из железного дерева.

Речи Джози потеряли свою власть над Трегером. В мясных лавках он забывал свои мечты и находил утешение — по сходной цене. И полные страсти вечера, проведенные с Лорел, и неловкий мальчишеский секс — всё это осталось далеко позади; теперь он брал своих мертвых подружек быстро и яростно, почти что жестоко, он трахал их с дикой, неистовой силой, зная наверняка, что оргазм будет великолепен. Иногда, вспоминая свою работу в театре, он заставлял их разыграть какую-нибудь небольшую сценку, чтобы привести его в нужное настроение.

* * *

Но по ночам... это была агония.

Он опять бродил по коридорам, по мрачным, низким коридорам спального корпуса Скрэкки, в котором жили погонщики, но теперь коридоры эти запутались, превратились в мучительный лабиринт, где Трегер уже давным-давно заблудился. Он задыхался в этом воздухе, в котором повисла гнилая туманная дымка, становившаяся все плотнее и плотнее. Он боялся, что еще немного — и попросту ослепнет.

Он шел и шел, дальше и дальше, снова возвращался обратно, но за каждым коридором начинался следующий, который опять вел в никуда. По сторонам черными, мрачными

прямоугольниками мелькали двери без ручек, и для Трегера они все были заперты навсегда; поэтому он не задумываясь проходил мимо них — мимо большинства из них. Правда, раз или два он все же останавливался возле дверей, по периметру которых пробивался горящий внутри свет. Он прислушивался, слышал звуки по ту сторону двери и тогда начинал бешено колотить в нее. Но на стук никто не отзывался.

И тогда он шел дальше, продолжая пробираться сквозь туманную дымку, которая становилась все гуще и гуще и, казалось, начинала уже жечь ему кожу; он шел мимо новых дверей — одной, другой, третьей, и в конце концов начинал рыдать, а его усталые ноги — кровоточить. И вдруг вдалеке, в самом конце длинного-длинного коридора, только что возникшего прямо перед ним, Трегер замечал открытую дверь. Из нее рвался свет, такой яркий и жаркий, что становилось больно глазам, и музыка оттуда лилась такая веселая и радостная, и раздавался смех. И тогда Трегер бегом устремлялся к открытой двери — несмотря на то что его кровоточащие ноги подкашивались от боли, а легкие горели, вдыхая ядовитый туман. Он все бежал и бежал — до тех пор, пока не оказывался возле распахнутой двери.

Но, заглянув внутрь, он обнаруживал, что стоит на пороге собственной комнаты, и она совершенно пуста.

* * *

Однажды за все время их недолгих отношений они отправились вдвоем на природу, и там, под сенью звездного неба, они занимались любовью. Затем она лежала, крепко прижавшись к нему, а он нежно поглаживал ее тело.

— О чем задумалась? — спросил он.

— О нас с тобой, — отвечала Лорел. Она поежилась. Подул резкий, холодный ветер. — Знаешь, Грег, иногда мне становится страшно. Я очень боюсь, что с нами что-нибудь может случиться — что-то такое, что всё разрушит. Я очень не хочу, чтобы ты меня бросил.

— Не волнуйся, — возразил он. — Я никогда этого не сделаю.

И вот теперь, с наступлением ночи, он всякий раз мучил себя, вспоминая ее слова. Хорошие воспоминания оставля-

ли ему только слезы да золу от костра, а дурные — невыразимую ярость.

И засыпал он рядом с призраком, со сверхъестественно прекрасным призраком, с милой тенью погибшей мечты. И рядом с нею же он просыпался каждое утро.

* * *

Он их возненавидел. И возненавидел себя за эту ненависть.

3
Мечта Дювалье[1]

Как ее звали — не имеет значения. И как она выглядела — тоже не важно. Главное — она существовала, Трегер предпринял новую попытку, он заставил себя вновь поверить в будущее, он не опустил руки. Да, он продолжал пытаться.

Но на сей раз чего-то уже не хватало. Волшебства, быть может?

Слова произносились те же самые.

«Сколько же можно повторять одно и то же, — размышлял Трегер, — повторять те же слова и снова верить в них, точно так же, как верил, произнося их впервые? Один раз? Или дважды? Или, может быть, три раза? Или сотню? И разве люди, произносящие эти слова по сотне раз, так уж лучше умеют любить? Или, скорее, обманывать самих себя? Что если на самом деле эти люди давным-давно изменили своей мечте и только растрепали ее священное имя, называя им совсем другое?»

И он произносил те же слова, сжимая ее в объятиях, баюкая на груди, целуя ее. Он повторял эти слова, но сознание было вернее, и тяжелее, и мертвее, чем прежняя

---

[1] *«Мечта Дювалье»* (Duvalier's Dream) — название одной из песен Криса Кристофферсона, американского писателя, певца, актера, музыканта. Песня представляет собой балладу в стиле кантри, где рассказывается о нелегкой судьбе мужчины, который, несмотря на постоянные измены и коварство возлюбленных, не оставляет надежды на счастье.

вера. Он произносил эти слова и старался изо всех сил, но не мог уже вкладывать в них прежний смысл.

А она — она говорила ему то же самое, но Трегер сознавал, что ее слова ничего для него не значат. Снова и снова они повторяли слова, которые другой хотел услышать, — но оба понимали, что это фальшь.

Но они очень старались. И когда он протянул руку, словно актер, вынужденный играть одну роль, проклятый вновь и вновь повторять одно и то же, — когда он протянул руку и коснулся ее щеки — кожа оказалась гладкой, и мягкой, и нежной. И влажной от слез.

IV

Отголоски

— Я не хочу делать тебе больно, — сказал Донелли с виноватым видом, явно что-то скрывая, и Трегеру стало вдруг стыдно, что он причинил другу боль.

Он коснулся ее щеки, но она увернулась от его прикосновения.

— Я не хотела делать тебе больно, — сказала Джози, и Трегеру вдруг стало грустно. Ведь она столько для него сделала, а он заставил ее чувствовать себя виноватой. Да, ему было больно, но сильный мужчина сумел бы скрыть свою боль.

Он коснулся ее щеки, и она поцеловала его в ладонь.

— Прости. Я тебя больше не люблю, — сказала Лорел.

И Трегер совсем потерялся. Что такого он сделал, в чем его вина, как он умудрился всё разрушить? Ведь она с такой уверенностью говорила о своей любви. И они были так счастливы.

Он коснулся ее щеки, и оказалось, что она плачет.

«Сколько же раз можно повторять одни и те же слова,— его голос разносится раскатистым эхо,— повторять и снова верить в них, как верил, произнося их впервые?»

Темный ветер нес тучи пыли, небо болезненно содрогалось, озаряемое мерцающим алым пламенем. В полутьме шахты стояла молодая женщина в защитных очках и маске,

с короткими каштановыми волосами и ответами на все вопросы. «Машина ломается, ломается, ломается, а ее используют снова и снова, — говорит она. — Хотя можно было уже понять, что в ней что-то не в порядке. Сколько можно водить самих себя за нос, надеясь, что после стольких поломок она наконец заработает нормально».

Труп противника — чернокожий верзила, под кожей у которого перекатываются мускулы — результат многомесячных тренировок. С таким крупным соперником Трегеру сталкиваться еще не приходилось. Он идет по арене, посыпанной опилками, неуклюже раскорячившись на мощных ногах, зажав в руке сияющий палаш. Трегер спокойно наблюдает за тем, как это чудище приближается, сидя в своем кресле, расположенном на специальной трибуне на другом конце арены. Другой трупавод очень осторожен, внимателен.

Труп самого Трегера, жилистый блондин, стоит и ждет, а на пропитанных кровью опилках возле его ноги лежит гиря кистеня. Когда придет время, Трегер заставит его двигаться ловко и быстро. Противник знает об этом. И зрители тоже.

Вдруг чернокожий труп поднимает палаш и бежит на противника, понадеявшись на скорость атаки и длину своего оружия. Но когда точно рассчитанный смертоносный удар обрушивается туда, где только что стоял труп Трегера, того уже и след простыл.

Удобно развалясь в своем кресле над площадкой для боя, внизу на арене, с ногами, перепачканными опилками и кровью, Трегер — труп подает команду — замахивается кистенем, и огромный, покрытый шипами шар взмывает вверх, описывает дугу с эдакой ленцой, едва ли не с грацией. И ударяет прямо в затылок врагу — в тот самый момент, когда он пытается восстановить равновесие и обернуться. Быстро, в мгновение ока из пробитого черепа вырывается фонтан крови вперемешку с мозгом — и толпа ревет от восторга.

Трегер уводит свой труп с арены, а затем встает, чтобы собрать заслуженный урожай аплодисментов. На его счету уже десятое убийство. Еще немного — и он станет чемпионом. Он уже близок к рекордному результату, и скоро уже ему будет не найти достойного противника.

* * *

Она красавица, его женщина, его возлюбленная. У нее короткие белокурые волосы, очень стройное тело, грациозное, почти атлетически сложенное, с великолепными ногами и маленькими упругими грудями. Взгляд ее ярко-зеленых глаз всегда загорается от радости при его появлении. И в ее улыбке — какая-то особая, эротичная невинность.

Она дожидается его, лежа в постели: ждет, когда он вернется с арены; она полна желания, озорства и любви. Когда Трегер входит, она садится, улыбается ему, простыня обвита вокруг ее талии. В дверях он замирает, любуясь ее сосками.

Почувствовав его взгляд, она стыдливо прикрывает грудь, на ее щеках вспыхивает румянец. Но Трегер знает, что этот стыд — всего лишь игра, притворство. Он подходит к кровати, садится на край, протягивает руку, чтобы погладить девушку по щеке. У нее очень мягкая кожа; его рука ласкает ее, и она трется носом о его пальцы. Затем Трегер берет ее за руки, разводит их и запечатлевает на ее грудях два нежных поцелуя, а потом — уже менее нежно — целует ее в губы. Она с жаром отвечает на поцелуй; их языки сплетаются.

Они занимаются любовью, он и она, медленно и чувственно, сливаясь в любовных объятиях, которые длятся бесконечно. Их тела двигаются совершенно синхронно, в одном ритме, и каждое из них безошибочно угадывает желания другого. Трегер толкает, затем снова, и его собственное тело испытывает ответные толчки. Он протягивает руку — и встречается с ее рукой. Они кончают одновременно (всегда, *всегда*, ведь оба оргазма контролирует один мозг — погонщика), и тогда на ее грудях и мочках ушей вспыхивают алые пятна. Они снова сливаются в поцелуе.

Затем он разговаривает с ней, со своей возлюбленной, с дамой своего сердца. После этого всегда нужно разговаривать; он уже давно это понял.

— Тебе повезло, — говорит он ей иногда, и она уютно прижимается к нему и покрывает всю его грудь нежными короткими поцелуями. — Очень повезло. Знаешь, любимая, все они врут. Они навязывают нам глупые сияющие мечты, твердят, что главное — верить, что нужно стремиться, что

нужно искать. Они говорят, будто и для тебя, и для меня, и для каждого обязательно найдется кто-нибудь. Но это неправда. Ведь вселенная устроена несправедливо, она никогда не была справедливой, так зачем же они все это говорят? И вот ты бежишь за призраком и упускаешь его, и тогда они говорят, будто в следующий раз все получится, но это чушь, полная ерунда. Мечты не сбываются никогда, а кто думает иначе — только обманывает себя, водит сам себя за нос — для того, чтобы не потерять надежду. Это губительная ложь, которой отчаявшиеся люди утешают друг друга.

Но он больше не может говорить, потому что ее поцелуи опускаются все ниже и ниже, и вот она начинает ласкать его ртом. И Трегер улыбается, любуясь своею возлюбленной, и нежно гладит ее по волосам.

* * *

Из всех жестоких и сладких обманов, которыми пичкают нас окружающие, самый жестокий — тот, что зовется любовью.

ДЖО ЛАНСДЕЙЛ

Дорога мертвеца

Джо Лансдейл пишет во многих жанрах: детективы, вестерн, ужасы — и во многих форматах: романы, короткие рассказы, телеспектакли, комиксы. Известные работы на телевидении включают в себя мультипликационный сериал «Бэтмен», а из комиксов можно выделить вестерн «Джон Хекс». Недавно увидел свет его новый роман «Кожаная дева» («Leather Maiden»), и сейчас Джо Лансдейл работает над очередным произведением под названием «Ванильная езда» («Vanilla ride»). Лансдейл также является опытным редактором. На его счету несколько опубликованных антологий, таких как «Подрезанные подпруги» («Razored saddles») и «Криминальные рассказы в стиле ретро» («Retro Pulp Tales»). Его семь раз награждали премией Брэма Стокера, а Международная гильдия писателей в жанре «хоррор» присвоила Джо Лансдейлу титул Мастера.

Помимо «Дороги мертвеца» перу Лансдейла принадлежат и другие произведения о зомби, включая роман — лауреат премии Брэма Стокера «По ту сторону пустыни Кадиллак с мертвецами» («On the far Side of the Cadillac Desert with Dead Folks») и культовый роман «Смерть на Западе» («Dead in the West»). Лансдейл говорит, что в «Дороге мертвеца» немало оскаленных зубов и полыхающих револьверов, и он абсолютно прав. Идея этого рассказа, в котором главная роль отведена не расстающемуся с пистолетом святому отцу из «Смерти на Западе», родилась у автора во время одного из путешествий при виде дорожного указателя «Дорога мертвеца».

Вечернее солнце скатилось за горизонт кровавым комком, и белая полная луна поднялась на небо огромным клубком туго смотанной бечевки. Покачиваясь в седле, преподобный Джебидия Рейнс смотрел, как ярко она светит над верхушками высоких сосен. А еще выше на мертвенно-черных небесах горели добела раскаленные звезды.

Тропа оказалась очень узкой, и деревья по сторонам наступали на нее, будто собирались перекрыть путь и сомкнуться за спиной преподобного отца. Лошадь шагала с опущенной головой, и Джебидия, устав ее понукать, опустил поводья и дал ей полную волю. Он настолько вымотался, что почти ничего не понимал, но точно знал одно: он принадлежит своему владыке, и он ненавидит Бога, ненавидит сукина сына от всей души.

И он знал, что Бог знает и ему наплевать, поскольку он считает Джебидию своим посланником. Посланником не Нового Завета, но Ветхого: грубым, злым и уверенным в себе, мстительным и не признающим компромиссов; человеком, который прострелил бы Моисею ногу, плюнул в лицо Святому Духу и снял с него горний скальп, чтобы потом зашвырнуть его куда подальше.

Джебидия предпочел бы другую, нежели злого посланника Божьего, судьбу, но ему досталась именно эта участь, он заслужил ее своими грехами, и как он ни старался сойти с проторенной дорожки, ему не удавалось. Он знал, что если покинет предначертанный Богом путь, ему придется вечно гореть в аду и что он должен продолжать нести волю владыки независимо от своих чувств по отношению к господину. Его владыка не отличался всепрощением, и ему было безразлично, любят его или нет. Его интересовали лишь повиновение, принуждение и унижение. Именно поэтому Бог создал человеческий род. Для развлечения.

Пока преподобный отец размышлял над этими вопросами, тропа повернула и стала шире, а с одной стороны показалась просторная поляна, посреди которой в окружении пней стояли небольшой бревенчатый дом и более просторный сарай. За опитыми из мешковины занавесками в маленьком окне дома горел оранжевый свет. Джебидия, усталый, голодный, мучимый жаждой и душевными сомнениями, повернул лошадь к дому.

Он остановился на некотором расстоянии от него, наклонился вперед и позвал:

— Эй, избушка!

Немного подождал, потом позвал еще раз, но не успел договорить, как дверь открылась и из нее высунулся муж-

чина ростом не более пяти футов и двух дюймов, в шляпе с широкими обвисшими полями и с винтовкой в руках.

— Кто здесь? У тебя голос как у жабы.

— Преподобный отец Джебидия Рейнс.

— Ты чего, проповедовать собрался?

— Нет, мистер. Я давно понял, что от проповедей никакого толка. Я хочу попросить у вас ночлега, можно и в сарае. Что-нибудь съедобное для лошади, что-нибудь для меня. Привередничать не буду, особенно если дадите попить.

— Ну, — сказал мужчина, — вроде как у меня сегодня все кому не лень собрались. Тут еще двое проезжих, так мы только за стол сели. Еды на всех хватит, если нос воротить не станете. Вареные бобы и старый хлеб.

— Буду премного благодарен, мистер, — ответил Джебидия.

— Благодари сколько влезет. А пока слезай с этой клячи, отведи ее в сарай и иди жрать. Меня зовут Дедом, но я не так стар. Просто у меня все зубы выпали, да и лошадь мне однажды ногу отдавила, с тех пор хромаю. В сарае есть фонарь. Не забудь потушить, когда поставишь лошадь, и приходи в дом.

* * *

Когда Джебидия закончил чистить лошадь, накормил ее найденным в сарае зерном, напоил и направился в дом, он постарался откинуть полы своего длинного черного плаща так, чтобы все видели отделанные слоновой костью рукояти 44-калиберных револьверов. Он носил их на плотно прилегающей к бедрам портупее, так что кобуры и рукояти чуть выдавались вперед. В отличие от юнцов, у которых портупея свисала чуть ли не до коленей, Джебидия предпочитал, чтобы рукоять всегда была под рукой. Он мог выхватить оружие одним движением, быстрым, как взмах крыла колибри, взвести затвор толчком большого пальца, и он всегда попадал в цель с завидной меткостью. Он много тренировался и мог вбить пробку в бутылку с расстояния в сотню шагов, в полумраке. Сейчас он демонстрировал пистолеты, чтобы показать готовность к обороне в случае необходимости. Входя в дом, Джебидия сдвинул черную широкополую шляпу со лба, от-

крыв темные, с проседью волосы. Он считал, что сдвинутая на затылок шляпа придаст ему непринужденный вид, но на деле все обстояло совсем не так. На его зло нахмуренном лице глаза всегда горели гневным огнем.

Внутри дом освещала яркая лампа, в воздухе пахло керосином и плавали черные клубы; они мешались с дымом от трубки Деда и папиросы молодого человека с шерифской бляхой на рубашке. Недалеко от них, у очага, в котором горело слишком жаркое для теплого времени года пламя и подогревались бобы, на бревне сидел мужчина средних лет, с небольшим брюшком и лицом, которое казалось созданным для метания в него различных предметов. Он тоже сдвинул шляпу на затылок, и к его лбу липла прядь соломенных потных волос. Во рту он держал прогоревшую до половины папиросу. Мужчина немного повернулся на бревне, и Джебидия увидел, что у него скованы руки.

— Слышал, что ты проповедник, — сказал скованный, выплевывая папиросу в очаг. — Здесь у нас уж точно не божья земля.

— Все гораздо хуже, — ответил Джебидия. — Это именно божья земля.

Скованный фыркнул и заулыбался.

— Проповедник, — вмешался молодой. — Меня зовут Джим Тейлор. Я помощник шерифа Спрадли, из Накодочеса. Я везу его туда для суда, и, скорее всего, его повесят. За лошадь и ружье он убил другого парня. Я вижу, что ты носишь оружие, старое, но добротное. И по тому, как ты его носишь, могу предположить, что ты знаешь, как им пользоваться.

— Обычно я попадаю туда, куда целюсь, — заявил Джебидия, усаживаясь в шаткое кресло у такого же шаткого стола.

Дед выставил на стол жестяные тарелки, почесал зад деревянной ложкой на длинной ручке, потом при помощи грязной тряпки снял с огня кастрюлю с бобами. Ложкой, которой только что чесался, разложил по тарелкам бобы и разлил по деревянным кружкам воду из кувшина.

— Дело в том, — продолжал помощник шерифа, — что мне потребуется помощь. Мне еще добираться с этим парнем обратно, а я и так пару дней спал вполглаза. Я вот

подумал, может, вы с Дедом покараулите его до утра. И я бы не отказался завтра выехать вместе. Мне может пригодиться вооруженный спутник. А шериф даст тебе доллар.

Дед не обращал никакого внимания на разговор. Он поставил на стол миску с плесневелыми лепешками.

— Сделал их еще на прошлой неделе. Немного попортились, но плесень можно отскрести, и дело с концом. Хотя сразу предупреждаю, они такие черствые, что, если метнуть хорошенько, можно курицу на бегу убить. Так что берегите зубы.

— Ты и своих, что ли, так лишился? — спросил скованный.

— Может, и так, — согласился Дед.

— Так что скажешь, проповедник? — настаивал помощник шерифа. — Дашь мне выспаться?

— Я вижу затруднение в том, что мне тоже необходим сон, — ответил Джебидия. — Я был очень занят, и сейчас я в том состоянии, которое обычно называют изнеможением.

— Видно, только я тут свеж как огурчик, — заявил скованный.

— Нет, — не согласился Дед. — Я тоже бодрый.

— Значит, остаемся только мы с тобой, — ухмыльнулся скованный, будто делился шуткой.

— Ты мне только повод дай, парень, и я проделаю в тебе дыру, а Богу скажу, что ты упал в термитник.

Скованный снова фыркнул со смеху. Видимо, он хорошо проводил время.

— Мы с Дедом можем караулить по очереди, — предложил Джебидия. — Дед, ты согласен?

— Отлично, — откликнулся Дед, взял со стола еще одну тарелку, положил в нее бобов и дал арестованному.

Тот поднял руки в наручниках и спросил:

— И чем мне есть?

— Ртом. У меня больше нет ложек. А нож я тебе не дам.

Скованный немного подумал, потом поднес тарелку ко рту и наклонил так, чтобы бобы потекли ему в рот. Опустил тарелку и пожевал.

— Думаю, они будут подгоревшими что с ложкой, что без.

Джебидия вытащил из кармана плаща перочинный нож, наколол на него ленешку и подцепил ею бобы.

— Садись за стол, парень, — обратился Дед к помощнику шерифа. — Я сейчас возьму обрез, и, если он сделает хоть одно лишнее движение, я отправлю его вместе с бобами в очаг.

* * *

Дед сидел с двуствольным обрезом на коленях; дуло обреза целилось в скованного. Помощник шерифа за ужином рассказал о его преступлениях. Он убивал женщин и детей, застрелил собаку и лошадь, для забавы убил сидящую на заборе кошку и поджег флигель с находящейся там женщиной. Он также насиловал женщин, засунул шерифу кол в задний проход и убил его, и это только из известного. В целом он не щадил ни людей, ни домашний скот.

— Не люблю животных, — откликнулся скованный. — У них блохи. А та женщина во флигеле воняла на всю округу. Ей нужно было лучше питаться. И вообще, ее стоило сжечь.

— Заткнись, — сказал помощник шерифа. — Этого парня, — он кивнул в сторону пленника, — зовут Билл Баретт, и он один из самых страшных преступников. Дело в том, что я не только устал, я еще и ранен. Если бы мне не удалось напасть на него незамеченным, я бы здесь не сидел. У нас вышла стычка, пуля царапнула меня по бедру. Та еще драка получилась. Я сумел его скрутить, только когда несколько раз приложил прикладом ему по яйцам. Рана не тяжелая, но я потерял много крови. Ослаб. Я бы предпочел, чтобы ты поехал со мной, преподобный.

— Я подумаю, — ответил Джебидия. — Но у меня есть свои дела.

— Перед кем ты собираешься здесь проповедовать? — спросил помощник шерифа.

— Даже не думай об этом, — заявил Дед. — От одних только мыслей об этой глупости с Иисусом у меня задница устает. Когда я слышу проповеди, мне хочется убить проповедника, а потом перерезать себе глотку. Сидеть в церкви — это как будто тебя связали и бросили в муравейник.

— На данном этапе моего жизненного пути, — сказал Джебидия, — я вынужден полностью с вами согласиться.

Его слова встретила тишина. Ее нарушил помощник шерифа, когда повернулся к Деду:

— Как быстрее добраться до Накодочеса?

— Если подумать, то можешь ехать, как ехал, по той дороге. Милях в тридцати отсюда будет перекресток, свернешь налево. Оттуда до Накодочеса останется еще миль десять, но дорога тебя выведет, хотя в самом конце надо будет свернуть, а вот куда — так сразу и не вспомню. Если не гнать лошадей, на весь путь уйдет два дня.

— Можешь поехать с нами? — спросил помощник шерифа. — Покажешь тот поворот?

— Могу, но не хочу. Я в последнее время плохо сижу в седле. От долгой езды у меня яйца болят. Вот в последний раз вернулся с дальней дороги, потом пришлось час сидеть в тазу с теплой соленой водой, чтобы яйца в штаны поместились.

— У меня яйца болят от твоей болтовни, — вмешался пленник. — Готов поспорить, когда они у тебя опухли, ты в первый раз в жизни увидел, какого размера они бывают у настоящего мужика. Надо было так и оставить.

Дед щелкнул затвором.

— Сейчас пальну.

Билл только ухмыльнулся, прислонился к стенке очага, но тут же отпрянул. На секунду показалось, что Дед спустит курок, но он вовремя понял, что случилось.

— Ага, — сказал Дед. — Там же горячо, дурень. Поэтому и называется «очаг».

Билл устроился так, чтобы не сидеть спиной к огню, и сказал:

— Я отрежу этому помощнику его клювик, приеду сюда, заставлю тебя его зажарить и съем.

— Сейчас договоришься. Целиком в очаг попадешь, — ответил Дед.

Когда ругань немного утихла, помощник шерифа снова обратился к Деду:

— Разве нет более короткой дороги?

— Есть, но ты сам по ней не поедешь, — после короткого раздумья ответил Дед.

— Что это значит?

Не отрывая глаз от Билла, Дед медленно спустил затворы на обрезе. Потом повернулся к помощнику шерифа.

— Есть еще Дорога мертвеца.

— И что с ней не так?

— Да все. Раньше ее называли Кладбищенской. Пару лет назад название поменялось.

— Расскажи нам о ней, — заинтересовался Джебидия.

— Я обычно не верю в пустую болтовню, но мне рассказывал человек, который видел все своими глазами...

— Небось обычные россказни о призраках, — сказал Билл.

— Насколько эта дорога сократит путь до Накодочеса? — спросил помощник шерифа.

— Почти на день.

— Черт. Тогда придется ехать по ней.

— Поворот недалеко отсюда, но я бы не советовал, — сказал Дед. — Я не очень верю в Иисуса, но я верю в духов и тому подобное. Когда живешь в такой глуши, видишь много странных вещей. Есть боги, которые слыхом не слыхивали об Иисусе и Моисее. А есть боги еще более старые. Индейцы о них рассказывают.

— Я не боюсь индейских богов, — заявил помощник шерифа.

— Может, и так. Но даже индейцы не особо их любят. Это не их боги. Они старше, чем индейское племя. Индейцы стараются их не трогать, они поклоняются своим богам.

— И чем же эта дорога отличается от других? — спросил Джебидия. — Какое отношение имеют к ней древние боги?

— Тебе просто не терпится бросить ей вызов, да, преподобный? — усмехнулся Дед. — Доказать, что твой Бог сильнее всех? Сдается мне, что никакой ты не проповедник, а самый настоящий задира. А может, и так — проповедующий задира.

— Я не очень восторгаюсь своим Богом, — ответил Джебидия. — Но у меня есть обязанность. Изгнать зло. Зло в понимании моего Бога. Если те боги несут зло и они на моем пути, то я должен сразиться с ними.

— Уж насчет зла не сомневайся, — ответил Дед.

— Расскажи нам о них, — попросил Джебидия.

* * *

— Джил Джимет был пасечником, — начал Дед. — Он держал пчел и жил рядом с Дорогой мертвеца. Тогда ее называли Кладбищенской дорогой, потому что она вела на кладбище. Там были какие-то испанские могилы; люди поговаривали, что там лежат конкистадоры, которые засхали сюда, да так и не выехали. Кажется, там еще хоронили индейцев, которые приняли христианство. По крайней мере, там стояли кресты с индейскими именами. Или это были метисы, их тут хватает. Так или иначе, там было много людей похоронено. Когда тебя заканывают, кладбищенской земле все равно, какого ты цвета, потому что в конце концов все мы будем одинаковыми — цвета грязи.

— Черт тебя побери, — сказал Билл. — Ты и так цвета грязи. И пахнешь, будто сто лет не мылся.

— Будешь и дальше встревать в разговор, мистер, — Дед снова взвел курки на обрезе, — и гробовщик будет пришивать тебе задницу. Ружье может выстрелить, и кто будет докапываться, случайно оно выстрелило или нет?

— Я не буду, — заявил помощник шерифа. — Мне гораздо проще везти тебя мертвым, Билл.

Билл глянул на священника.

— Да, но преподобному отцу это не понравится, правда?

— На самом деле мне все равно. Я не считаю себя миролюбивым человеком, и я не прощаю, даже если твои деяния не нанесли вреда лично мне. Я думаю, что все мы погрязли во грехе. Может быть, никто из нас не заслуживает прощения.

Билл ссутулился на своем бревне. Никто не хотел принимать его сторону. Дед продолжал рассказ:

— Того пасечника, Джимета, не любили. Его считали злонравным. Я его знал, и мне он тоже не нравился. Я видел, как он однажды для забавы отрубил щенку хвост. Мальчишка, хозяин щенка, пытался отобрать собачонку, и Джимет порезал ему руку. Никто и слова не сказал. Закона в наших краях нет, и никто не осмелился вступиться. Я в том числе. И Джимет совершил еще много плохих дел, даже убил пару человек и утверждал, что защищался. Может, и так, но все затеи Джимета оборачивались тем, что кто-то оказывался мертв, или ранен, или унижен.

— Звучит так, будто Джимет вполне мог быть родным братом нашего Билла, — заметил помощник шерифа.

— Нет, — покачал головой Дед. — Наш подлец и в подметки не годится старому Джимету. Джимет жил в небольшой хижине у Кладбищенской дороги. Он держал пчел и продавал мед на ярмарке в поселке выше по дороге. При желании можно даже назвать его городом. Поселение известно под названием Чоу, потому что там в свое время жил парень по имени Чоу. Он умер, и его съели свиньи. Умер прямо в своем свинарнике, пока наполнял их кормушки, а потом они его и съели. На том месте, где он умер, построили лавку, и ее тоже назвали Чоу. Джимет возил свой мед в ту лавку, и, хотя он был порядочным дерьмом, мед у него был такой, что пальчики оближешь. Эх, сейчас бы того медку! Густой, темный и слаще любого сахара. Наверное, Джимета еще и поэтому не трогали. Люди не любят убийц, зато очень любят мед.

— Ты когда-нибудь доберешься до сути? — спросил Билл.

— Если тебе не нравится, как я рассказываю, — ответил Дед, — подумай о том, как тебе пойдет петля на шее. Будет чем заняться.

Билл хмыкнул и отвернулся, сделав вид, будто рассказ его совсем не интересует.

— Ну, мед там или не мед, а всему настает конец. А дело в том, что Джимету приглянулась девчонка, Мэри Линн Тушу. Она была наполовину индианка, и такая красотка! Волосы черные, как дно колодца, такие же глаза, а лицом походила на актрис на картинках. Росту в ней было от силы пять футов, и волосы доходили до коленей. Отец ее умер от оспы. Да и мать все время болела. Старуха делала метлы из веток и соломы, продавала их понемногу, а еще держала маленький огород и кабанчика. Когда все это произошло, дочке было лет тринадцать-четырнадцать, не больше.

— Если вызвался рассказывать, — сказал Билл, — не перескакивай с одного на другое.

— Так тебе интересно? — спросил Дед.

— А что мне еще делать?

— Расскажи нам про Мэри Линн, — напомнил Джебидия.

— Джимет ее украл, — закивал Дед. — Как-то увидел ее, когда она понесла в лавку сделанные матерью метлы, дождался, пока она выйдет, схватил и перекинул поперек седла, будто мешок с мукой. Девчонка кричала и отбивалась. Мак Коллинз, владелец лавки, пытался остановить Джимета. По крайней мере, что-то ему сказал, вроде «не надо так делать». Насколько я слышал. Особо он не напирал, и я его не виню. Все равно ничего хорошего из этого не вышло бы. В общем, Джимет сказал Маку, чтобы тот передал мамаше большую банку меда, что, мол, это за дочку. А если та окажется такой сладкой, как он надеется, то он пришлет матери еще пару банок. Потом хлопнул Мэри Линн по заднице и уехал с ней.

— Мне нравится этот парень, — заявил Билл.

— Теперь ты начинаешь меня раздражать, — сказал Джебидия. — Я предлагаю тебе заткнуться, или я тебя ударю.

Билл зло уставился на него, но преподобный смотрел на него глазами пустыми и мертвыми, как ноздри двустволки.

— Конец истории довольно мрачный, — продолжал Дед. — Джимет отвез ее к себе домой и там с ней позабавился. Развлекался так долго, что едва ее не убил, а потом отпустил или напился, и она сумела сбежать. Джимет был с ней так груб, что к тому времени, как она добралась до города, она сильно кровоточила и упала прямо на улице. Прожила еще день и умерла от потери крови. Ее больная мать встала с постели, села на мула и поехала на кладбище, к которому вела Кладбищенская дорога. Я же говорил, что она была индианка и знала о старых богах — пусть ее народ не считал их своими богами, но она о них знала.

Она знала, какие знаки нарисовать на кладбище. Я толком всего не ведаю, но она что-то сделала на одной из старых могил, а потом перерезала себе горло и умерла прямо на могиле, а ее кровь залила нарисованные знаки.

— Непонятно, чего она этим добилась, — сказал помощник шерифа.

— Люди думают, что добилась. Всем уже надоел Джимет, и народ собрался, чтобы пойти и расправиться с ним. Они добрались до его хижины и нашли его мертвым во дворе. Кто-то вырвал ему глаза — вернее, казалось, будто

они взорвались. С его головы сняли кожу, оставив только голый череп и немного волос. Грудь была взрезана, а внутренности исчезли, остались только ребра. И его пчелы устроили в грудной клетке гнездо и делали мед. Они вылетали из груди, изо рта, глазниц и дыры на месте носа. Если бы тот, кто это сделал, перевернул его на живот и снял с него штаны, то пчелы вылетали бы из задницы.

— А почему ты с ними не поехал? — спросил Билл. — Почему ты знаешь об этом только понаслышке?

— Когда дело доходило до Джимета, я всегда трусил, — сказал Дед. — Вот почему. Я себе пообещал, что больше не буду трусить, никогда. Я должен был поехать с ними. Да теперь все равно. Джимет умер, и в нем жужжали пчелы. Да и толпа тогда немного чокнулась: они сорвали с него одежду, привязали за ноги к лошади и протащили его через ежевичные заросли. Нельзя так поступать с мертвыми, но, будь я там, после всего, что он сделал, я бы тоже с цепи сорвался. Потом они отвезли его на кладбище и оставили там гнить, а тело матери Мэри Линн забрали с собой, чтобы похоронить в месте получше. И вот не прошло и нескольких дней, как люди стали видеть Джимета. Говорили, что он выходит по ночам, когда луна хотя бы наполовину полная, но особенно в полнолуние, как сейчас. Его видело много людей, и они рассказывали, что он бежал за ними по дороге и хватал лошадей за хвост, хотел то ли сбить вместе со всадником, то ли запрыгнуть коню на спину. И пчелы все еще живут в нем. Черные как мухи, и зло жужжат, и вылетают из него. А что еще хуже, были люди, которые поехали по той дороге, и больше их никто не видел. Говорят, что Джимет их забрал.

— Чушь собачья, — сказал помощник шерифа. — Не обижайся, Дед. Ты хорошо меня припял, придраться не к чему. Но призрак, который гоняется за путниками? Я на такое не куплюсь.

— Ну и не покупайся, — ответил Дед. — Я тебе ничего не продаю. Можешь не верить. А все равно я не верю, что это призрак. Я думаю, что мать девчонки выпустила на время старых богов и натравила их на подлеца Джимета, а себя принесла в жертву. Вот что я думаю. И те боги разорвали

его на части. И пчелы тоже оттуда. Это тебе не обычные пчелы, это какие-то другие пчелы. Их выбрали как подходящую для пасечника смерть.

— Глупости, — сказал помощник шерифа.

— Не знаю, что сказать, — произнес Джебидия. — Мать-индианка сумела убить его только в этой жизни. Возможно, она сама не знала, что творит. Не знала, что дает ему возможность жить после смерти... Или это такое проклятие. Хотя по его вине страдают другие.

— Те, кто сидел сложа руки, пока Джимет был жив, — перебил Дед. — Те, кто позволял ему чинить зло.

— Возможно, — кивнул Джебидия.

Помощник шерифа перевел взгляд на него.

— Ну хоть ты его не поощряй, святой отец. Ты же должен понимать. Истинный Бог один, а все эти шаманские россказни — ерунда.

— Там, где есть один бог, найдутся и другие, — ответил Джебидия. — Я думаю, что они враждуют друг с другом. Я многое повидал, и моя вера в единого Бога пошатнулась, хотя я и служу ему. И чем наш Бог не шаман? Все они шаманы, мой друг.

— Ладно. И что же ты повидал, преподобный отец? — спросил помощник шерифа.

— Нет смысла рассказывать, молодой человек. Вы все равно мне не поверите. Но я недавно побывал на Грязном ручье. Там случилось настоящее нашествие. Город сгорел, и я тоже приложил руку к его гибели.

— Грязный ручей, — протянул Дед. — Я там был.

— Теперь от него остались лишь головешки.

— Да он уже не в первый раз горит. И всегда находится дурак, чтобы застроить его заново, и всегда там творится какая-нибудь мерзость. Скажу тебе прямо, преподобный, я в твоих словах не сомневаюсь.

— Дело в том, — заявил помощник шерифа, — что я не верю в духов. Если это короткая дорога, то по ней я и поеду.

— Я бы не советовал, — сказал Дед.

— Спасибо за совет. Но если я еду один, то лучше выбрать дорогу, которая сэкономит мне день пути.

— Я поеду с тобой, — сказал Джебидия. — Моя работа — сражаться со злом, а не убегать от него.

— Днем я бы еще поехал, — сказал Дед. — Никто не видел Джимета днем или в новолуние. Но сегодня и завтра луна полная. Если уж вам так не терпится поехать по Дороге мертвеца, гоните изо всех сил, чтобы одолеть ее до темноты.

— Я и сам не против поскорее добраться до Накодочеса и запереть этого мерзавца в камере, — согласился помощник шерифа.

— Я поеду с тобой, — заявил Джебидия. — Но я поеду ночью. Я хочу увидеть Дорогу мертвеца в полнолуние. Хочу увидеть, ходит ли по ней Джимет. И если он там, я убью его окончательно. Назло тем темным богам, которых призвала мать девочки. Вам следует отдохнуть, молодой человек. Мы с Дедом покараулим по очереди. Таким образом мы все сможем отдохнуть. Придется приковать этого парня к дереву во дворе. Нам надо хорошо выспаться, плотно пообедать и выехать отсюда после полудня, чтобы к ночи оказаться на Дороге мертвеца.

— Ладно, — согласился Дед. — Когда доедете до развилки, сворачивайте направо. Никто еще не встречал Джимета до нее, и никто не видел его на другом конце дороги. Насколько я слыхал, он привязан к одному месту.

— Согласен, — сказал помощник шерифа. — Я считаю все это глупостями, но если мне удастся отдохнуть и преподобный отец поедет со мной, то я согласен. И меня не пугает ночная дорога.

* * *

На следующее утро они встали поздно и пообедали черствыми лепешками, бобами и тушеной белкой. Ее подстрелил Дед, пока Джебидия следил за Биллом — тот сидел на траве, а его руки были прикованы к стволу дерева. Помощник шерифа проспал все утро.

Но сейчас все они сидели возле хижины и ели, за исключением Билла.

— А как насчет меня? — спросил тот, дергая наручники.

— Поешь после нас, — ответил Дед. — Не знаю только, достанется ли тебе мясо, но у нас полно лепешек. Я тебе

обязательно оставлю парочку. Я даже разрешу тебе собрать на нее соус из моей тарелки.

— Твои лепешки просто ужасны, — сказал Билл.

— Точно, — согласился Дед.

Билл повернулся к Джебидии.

— Знаешь, проповедник, тебе лучше уехать и оставить нас с сопляком наедине. Лучше бы тебе с нами не ездить, потому как я сбегу, и тогда достанется не только мальчишке. Я и с тобой поквитаюсь.

— После того, что я повидал в этой жизни, ты для меня ничто, — ответил Джебидия. — Насекомое...

— Давайте его накормим, — сказал помощник шерифа, — и пора собираться. Я отдохнул, и мне не терпится в дорогу.

* * *

Когда они подъехали к развилке, луна только начинала вставать на небе. На обочине стоял белый крест — указатель. Он зарос кустарником и молодыми побегами деревьев, и коряво написанные слова едва проглядывали сквозь ветви. Поднимался ветер; он подхватывал с земли и кружил листья, срывал их с деревьев и швырял на узкую утоптанную дорогу с таким звуком, будто мышь скреблась в соломе.

— Осенью мне всегда становится грустно, — сказал помощник шерифа.

Он придержал лошадь и отхлебнул из фляжки.

— Жизнь — это замкнутый круг, — ответил Джебидия. — Ты родился, страдаешь, а потом тебя ждет наказание.

Помощник шерифа повернулся в седле в его сторону.

— А ты не слишком веришь в воскрешение и награду после смерти.

— Нет, не верю.

— Не знаю как ты, но я бы предпочел добраться сюда пораньше, — сказал молодой человек. — Лучше бы мы проехали здесь днем.

— А ты же говорил, что не веришь в привидения? — фыркнул Билл. — Что тебе все равно, когда ехать.

— Тогда я не стоял на этой развилке, — ответил помощник шерифа, не поворачивая головы. — Эта дорога мне не

нравится. И я не люблю играть с огнем. Даже если не верю в призраков.

— Отродясь такой глупости не слыхивал, — сказал Билл.

— Ты хотел, чтобы я поехал с вами, — заметил Джебидия. — Поэтому пришлось подождать до вечера.

— Ты хочешь что-то увидеть, ведь так? — спросил Билл.

— Если тут есть на что посмотреть.

— Ты веришь рассказу Деда? — удивился помощник шерифа. — Правда?

— Возможно.

Джебидия причмокнул, трогая лошадь, и первым въехал на дорогу.

* * *

Когда их кони зашагали по Дороге мертвеца, Джебидия вынул из седельной сумки маленькую, пухлую Библию.

Помощник шерифа притормозил, заставив остановиться и Билла.

— А ты не такой своенравный, как я думал, — заметил он. — Тебе тоже необходимо умиротворение, которое несет Библия.

— В Библии нет никакого умиротворения, — ответил Джебидия. — В ней сплошное недоразумение. Библия — это книга ужаса, и Бог тоже ужасен. Но у этой книги есть сила, и она может нам понадобиться.

— Даже не знаю, что о тебе и думать, преподобный, — сказал помощник шерифа.

— А что тут думать о чокнутом? — заявил Билл. — Я не хочу ехать вместе с сумасшедшим.

— Если тебе придет в голову сбежать, — ответил помощник шерифа, — я выстрелом сниму тебя с лошади. Вблизи из пистолета, вдалеке из ружья. Лучше не пытайся.

— До Накодочеса еще далеко, — сказал Билл.

* * *

Красная глина узкой дороги тянулась впереди, как кровавая лента, и резко заворачивала вправо у лесистой опушки, темной, как чрево кита Ионы. Слетающие листья падали на дорогу, шуршали под копытами и парили в воздухе,

подобно огромным шершням. Плотно обступившие дорогу деревья качались на ветру. Трое путников держались левой стороны дороги.

Чем дальше они ехали, тем темнее становилось вокруг. Когда они подъехали к опушке, лес стал так дремуч, а грозовые небеса настолько потемнели, что луна едва проглядывала сквозь тучи и кроны деревьев; ее свет затухал, как жизнь больного младенца.

Они уже проехали изрядное расстояние, и помощник шерифа с облегчением сказал:

— Здесь нет ничего опасного. Может, опоссум в кустах. Ветер.

— Значит, тебе повезло, — откликнулся Джебидия. — Нам всем повезло.

— Ты выглядишь разочарованным.

— Моя работа не намного отличается от твоей. Я тоже ищу плохих парней и стараюсь отправить их в ад. В некоторых случаях — обратно в ад.

И тут, практически одновременно с проблеском лунного света, что-то метнулось перед ними через дорогу.

— Что за чертовщина? — спросил Билл, выходя из оцепенения.

— Похоже на человека, — сказал помощник шерифа.

— Может быть, — произнес Джебидия. — Может быть.

— А ты как думаешь, преподобный, что это было?

— Тебе лучше не знать.

— Нет уж, скажи.

— Джимет.

* * *

Тучи на время расступились, и луна залила светом дорогу и деревья по краям. И в этом свете стали видны насекомые, целый рой, жужжащий в воздухе.

— Пчелы, — сказал Билл. — Черт меня дери, если это не пчелы. Ночью. Это неправильно.

— Ты знаток пчел? — спросил помощник шерифа.

— Он прав, — сказал Джебидия. — И посмотри, их уже нет.

— Улетели.

— Нет... не улетели, — возразил Билл. — Я с них глаз не сводил, и они никуда не улетали. Просто исчезли. Только что были, и вот их уже нет. Как призраки.

— Да ты спятил, — сказал помощник шерифа.

— Это не земные насекомые, — объяснил Джебидия. — Фамильяры.

— Что? — переспросил Билл.

— Они помогают злу и нечисти, — сказал Джебидия. — В нашем случае Джимету. У ведьм в фамильярах обычно черные кошки, но они могут принимать обличье других животных и насекомых.

— Глупость какая, — сказал помощник шерифа. — Полная бессмыслица.

— Как скажешь. Но я буду держать глаза открытыми. И тебе не помешает держать руку на револьвере. Он может тебе понадобиться. Хотя, с другой стороны, от твоих револьверов толку будет немного.

— И что ты хочешь этим сказать? — спросил Билл.

Джебидия не ответил. Он подгонял лошадь, но чем дальше они продвигались вперед, тем труднее становилось сдвинуть ее с места. Кони фыркали и трясли головами, грызли удила и прядали ушами.

— Черт возьми! — сказал Билл. — Что это?

Джебидия и помощник шерифа повернулись к нему. Билл развернулся в седле и смотрел назад. Они проследили за его взглядом и заметили, как бледное, голубоватое в лунном свете существо прянуло в кусты на другой стороне дороги. За ним последовали жужжащие черные точки.

— Что это было? — спросил помощник шерифа.

— Я тебе уже говорил, — ответил Джебидия.

— Это же не человек.

— Неужели не понимаешь? — вмешался Билл. — Именно это тебе проповедник и говорит. Там Джимет, и он не человек. У него синяя кожа. И он весь изуродованный. Я видел его лучше, чем вы. Я хорошо его разглядел. И пчел тоже. Нам надо гнать изо всех сил.

— Поступайте как хотите, — ответил Джебидия. — Я не собираюсь убегать.

— И почему нет? — спросил Билл.

— Убегать — не моя работа.

— Ну а у меня нет никакой работы. Эй, шериф, ведь ты должен доставить меня в Накодочес, где меня повесят! Разве это не твоя работа?

— Моя.

— Тогда поехали и не будем ждать этого дурака. Если ему хочется подраться с выползком из могилы, пусть дерется. А нам до него дела нету.

— Мы договорились ехать вместе, — ответил помощник шерифа. — Так и поступим.

— Я не договаривался, — сказал Билл.

— Твои слова и желания ничего для меня не значат.

И тут в зарослях с левой стороны дороги что-то задвигалось. Что-то тяжелое и быстрое, не стремящееся скрыть свое присутствие. Джебидия глянул туда, откуда доносились звуки, и увидел, как кто-то или что-то пробирается через заросли, ломая ветки. Он слышал громкое, озлобленное жужжание пчел. Против своего желания он пустил лошадь рысью. Помощник шерифа и Билл тут же подстегнули своих коней и нагнали преподобного отца.

Они доехали до той части дороги, где заросли редели и вдали показались какие-то белые гребни, будто замершие в темноте волны. Но вскоре путники поняли, что видят могильные камни. И кресты. Перед ними лежало кладбище. То кладбище, о котором рассказывал Дед. Тучи на небе разошлись, ветер стих. На глазах всадников следовавшее за ними по кустам существо поднялось на пологий холм, вскарабкалось на один из памятников и уселось на нем. Над его головой вилось черное облако, и жужжание было слышно даже с дороги. Существо сидело на памятнике, как король на троне. Даже издалека было прекрасно видно, что оно голое, мужского пола, с серой кожей (которая голубела в лунном свете), а его голова выглядит несколько деформированной. Свет луны просачивался через трещины на задней стенке черепа и сиял из пустых глазниц. Рой пчел гнездился в пустой груди, между ребрами. Он пульсировал желтоватым, как мед, сиянием. Время от времени из сияния выстреливали черные точки и зависали в лунном свете над головой создания.

— Бог ты мой, — сказал помощник шерифа.

— Бог тебе ничем не поможет, — ответил Джебидия.

— Это Джимет, да? И он... оно... неживое.

— Нежить, — подтвердил Джебидия. — Я думаю, он играет с нами. Ждет подходящего момента, чтобы напасть.

— Напасть? Зачем? — спросил Билл.

— Потому что это его цель. А моя цель — ответное нападение. Пора препоясать чресла, мужи, скоро начнется битва не на жизнь, а насмерть.

— Может, лучше пришпорим лошадей и поскачем что есть мочи? — поинтересовался Билл.

Но в этот миг пророчество Джебидии сбылось. Существо исчезло с могильного камня. На краю леса собрались тени, уплотнились, и когда они отделились от еще более густых теней деревьев, то приобрели уже знакомые очертания: голубая в лунном свете кожа, изуродованное лицо, зубы... Длинные и острые зубы. Джимет прыгнул, оттолкнулся ногой от крупа лошади преподобного, перескочил через помощника шерифа и приземлился на лошадь Билла. Билл издал крик и вылетел из седла. Он покатился по дороге, шляпа слетела с его головы, и тогда Джимет ухватил его за соломенные волосы и потащил за собой, как котенка. Они исчезли в лесу. Джимет будто растворился в темноте. Билл закричал, поднял скованные руки (на наручниках серебром блеснул лунный свет), потом зашуршали листья, затрещали ветки, и Билл пропал.

— Боже мой, — сказал помощник шерифа. — Боже мой. Ты это видел?

Джебидия спешился и двинулся к обочине, ведя лошадь в поводу и доставая из кобуры пистолет. Молодой человек остался в седле, но вынул дрожащей рукой револьвер.

— Ты это видел? — повторял он снова и снова.

— Мои глаза не хуже твоих, — ответил Джебидия. — Я его видел. Мы должны пойти в лес и найти его.

— Найти? Ради всего святого, зачем? Зачем нам его искать? Скорее всего, он уже сделал то, что хотел. Черт возьми, преподобный отец, Билл — убийца. Туда ему и дорога. Лучше воспользоваться случаем, и пока старикан расправляется с этим мерзавцем, помчимся что есть мочи до развилки. Ведь Джимет может появляться только на этом участке, правда?

— Дед говорил именно так. Ты поступай как хочешь. А я отправляюсь за ним.

— Зачем? Ты его даже не знаешь.

— К Биллу это не имеет никакого отношения.

— А, дьявол! Не хочу потом стыдиться. — Помощник шерифа соскочил с лошади и указал на то место, где скрылся в зарослях со своей добычей Джимет. — Лошади там пройдут?

— Думаю, нам придется на время спешиться. Я вижу вон там тропу.

— Видишь?

— Более-менее. Пошли, время не ждет.

* * *

Они немного вернулись назад по дороге и нашли ведущую в лес тропу. Ярко светила луна: скрывавшие ее облака разлетелись, как пыльца на ветру. Воздух пах свежестью, но, когда они углубились в лес, запах изменился. К свежести примешивался гнилостный, кисло-сладкий запах — он поднимался откуда-то снизу.

— Кто-то умер, — сказал помощник шерифа.

— Кто-то давно умер, — ответил Джебидия.

В конце концов заросли стали настолько густыми, что им пришлось спешиться и привязать лошадей и уже пешком продираться через колючки и ветки.

— Здесь нет дороги, — сказал помощник шерифа. — Откуда ты знаешь, что он шел этим путем?

Джебидия снял с сучка кусок ткани и поднял его кверху, в свет лунного луча.

— Это лоскут от рубахи Билла, так?

Помощник шерифа кивнул.

— Но как Джимет смог здесь пройти? Как он протащил Билла?

— Того, за кем мы гонимся, не смущают обычные преграды. Ветки, колючки — для живого мертвеца это ерунда.

Некоторое время они шли молча. На пути стали попадаться лозы. Мокрые лозы. Длинные толстые плети, причем липкие, и в конце концов путники поняли, что это не лозы, а кишки, развешанные по деревьям, как гирлянды.

— Свежие, — сказал помощник шерифа. — Я думаю, это Билла.

— Правильно думаешь, — ответил Джебидия.

Вскоре идти стало легче. По дороге они находили части Билла. Желудок. Пальцы. Штаны с одной ногой внутри. Сердце — оно выглядело так, будто его надкусили и высосали. Джебидия из любопытства поднял его и рассмотрел. Потом бросил его в грязь, вытер руки о штанину с ногой Билла внутри и сказал:

— Джимет избавил тебя от кучи хлопот, а штат Техас от затрат на виселицу.

— Боже мой, — сказал помощник шерифа, глядя как Джебидия вытирает кровь о штаны убитого.

Джебидия посмотрел на него.

— Ничего, что я испачкаю его штаны кровью. Ему следует волноваться о более важных вещах, например об адском пламени. Кстати, вон его голова, — указал Джебидия.

Помощник шерифа посмотрел туда, куда указывал палец проповедника. Голова Билла была насажена на обломанную палку, из левого глаза торчал острый сучок. Снизу, подобно языку колокола с веревкой, свисал позвоночник.

Помощника шерифа стошнило в кусты.

— Господи, хватит уже!

— Возвращайся. Я не стану хуже о тебе думать, в основном потому, что я с самого начала был не слишком высокого мнения о тебе. Забирай голову в качестве доказательства и езжай, только оставь мою лошадь.

Помощник шерифа поправил шляпу.

— Мне не нужна голова... И когда дойдет до дела, ты еще порадуешься, что я здесь. Я тебе не маменькин сынок.

— Не надо мне зубы заговаривать. Лучше покажи, на что способен, мальчишка.

Дальше путь был скользким от крови Билла. С пистолетами в руках мужчины взобрались на небольшой холм. Оттуда они увидели заросшее поле, а на его краю — покосившуюся хижину с упавшей трубой.

Проповедник и помощник шерифа направились к ней и остановились у двери. Джебидия пнул ее носком сапога,

и дверь приоткрылась. Он вошел и зажег спичку. Ничего, кроме пыли и паутины.

— Должно быть, это жилище Джимета,— сказал Джебидия.

Он водил спичкой, пока не нашел заправленную керосином лампу. Зажег ее и поставил на стол.

— Может, не следует зажигать огонь? — спросил помощник шерифа.— Так ему будет легче нас найти.

— На случай, если ты забыл, этого мы и добиваемся.

Сквозь окно, с которого давно слетела промасленная бумага, виднелись в отдалении кресты и памятники.

— Еще один вид на кладбище,— сказал Джебидия.— Наверное, там убила себя мать девочки.

Не успел он договорить, как на холме между крестами показался укутанный в тени силуэт. Силуэт двигался быстро, но неуклюже.

— Выйди на середину комнаты,— приказал Джебидия.

Помощник шерифа послушался, и священник передвинул туда же и лампу, поставив ее на пол. Потом придвинул к лампе скамью и достал из кармана Библию. Опустился на одно колено, поднес Библию к огню и вырвал из нее несколько страниц. Скомкал их и начал раскладывать вокруг скамьи, выкладывая круг радиусом футов шесть и располагая страницы в двух футах друг от друга.

Помощник шерифа ничего не говорил. Он сидел на скамье и наблюдал за странными действиями преподобного. Тот присел рядом на скамью и положил на колено один из своих пистолетов.

— У тебя сорок четвертый?

— Да. У меня такой же ствол.

— Дай мне свой револьвер.

Помощник шерифа повиновался.

Джебидия открыл барабан и высыпал патроны на пол.

— Какого черта ты делаешь?

Джебидия не ответил. Он порылся в поясном ремне, вытащил шесть патронов с серебряными наконечниками, зарядил револьвер и протянул его помощнику шерифа.

— Серебро,— сказал он.— Иногда оно помогает отогнать нечисть.

— Иногда?

— Помолчи. И жди.

— Я чувствую себя подсадной уткой, — сказал помощник шерифа.

Вскоре Джебидия поднялся со скамьи и выглянул в окно. Затем сразу же сел обратно и задул фонарь.

* * *

Вдалеке кричала ночная птица. Вовсю пиликали сверчки, где-то скрипела лягушка. Джебидия и помощник шерифа сидели на скамье спиной друг к другу, держали на коленях заряженные серебряными пулями револьверы и молчали.

Вдруг птица замолчала, сверчки стихли и лягушка перестала подавать голос.

— Он идет, — прошептал Джебидия.

Помощник шерифа поежился, набрал воздуха. Джебидия понял, что тоже начал глубоко дышать.

— Молчи и будь начеку, — сказал он.

— Хорошо, — ответил помощник шерифа и уставился на выходящее на задний двор окно.

Джебидия сидел лицом к полуоткрытой, провисшей на ржавых петлях двери.

Довольно долго ничего не происходило. Не было слышно ни звука. Потом Джебидия заметил, как в дверном проеме зашевелились тени, и услышал, как скрипнула дверь. Он увидел, как неестественно длинная рука ухватилась за край двери. Некоторое время она не двигалась и вдруг исчезла, а вместе с ней и тени.

Время медленно ползло.

— Он у окна, — прошептал помощник шерифа так тихо, что Джебидия едва его расслышал. Он осторожно повернулся к окну.

Джимет сидел на подоконнике, сгорбившись, как хищная птица. Над головой его вились пчелы. Рой сиял и пульсировал в дыре в груди, и в его тусклом свете масса пчел казалась жужжащим дымом. С черепа, подобно пробивающейся сквозь камни жухлой траве, свисало несколько прядей волос. При легком повороте головы лунный свет пробился через трещины в задней стенке черепа и засиял из пустых глазниц. Потом

Джимет снова повернулся, и его лицо пропало в тенях. Тишину в комнате наполняло жужжание пчел.

— Крепись, — прошептал Джебидия на ухо помощнику шерифа. — Не двигайся.

Как падающий с ветки паук, Джимет спрыгнул в комнату, прижался к полу и укутался плащом темноты.

Джебидия развернулся на скамье, чтобы оказаться лицом к окну. С пола донесся шорох. Преподобный прищурился и увидел тень — Джимет пробирался под столом.

Рядом с ним помощник напрягся, собираясь вскочить. Джебидия поймал его за руку.

— Крепись.

Джимет полз. В трех футах от выложенного из страниц круга он остановился.

Полоса лунного света на полу придавала Джимету и кружащим вокруг него пчелам жутко реальный вид. За один миг Джебидия разглядел его полностью, до мельчайших деталей. Пустые глазницы, острые влажные зубы, длинные обломанные ногти, черные от грязи и щелкающие по полу. Джимет попытался пересечь круг между двумя скомканными страницами, но они вспыхнули, и от них побежала дорожка голубого пламени, замыкая круг и превращаясь в подобие полыхающего колеса пророка Иезекииля.

С хриплым воплем Джимет отшатнулся, стуча по полу ногтями и коленями. Его движения были настолько быстрыми, что глаз их не улавливал, а жужжание пчел становилось все более яростным.

Джебидия подхватил фонарь, чиркнул спичкой и запалил его. Джимет тараканом бежал по стене, направляясь к окну.

Джебидия прыжком вскочил со скамьи и швырнул горящий фонарь в спину монстру, когда тот нырял в оконный проем. Пламя расплескалось по спине Джимета; оно охватило его с головы до пояса и опалило пчел — они попадали на пол черной дробью.

Джебидия поднял револьвер и выстрелил. Раздался крик боли, и Джимет исчез.

Джебидия выскочил из защитного круга, и помощник шерифа последовал за ним. Они встали у открытого окна

и смотрели, как охваченный огнем Джимет убегает по направлению к кладбищу.

— Я немного испугался, — признался Джебидия. — Нужно было действовать более решительно. А теперь он сбежал.

— Я даже не успел выстрелить, — сказал помощник шерифа. — Ты быстр, преподобный отец. Что за чертовщина!

— Слушай, оставайся здесь, если хочешь. Но должен сказать, что круг больше тебе не поможет.

Помощник шерифа глянул вниз. Страницы прогорели, и на полу остался лишь черный круг.

— А почему они вообще загорелись?

— От зла. Когда Джимет подошел слишком близко, страницы вспыхнули. Бог дал нам защиту. К несчастью, как и во всех случаях божьей благодати, она скоро заканчивается.

— Если я останусь, тебе придется выложить новый круг.

— Я забираю Библию с собой. Она мне пригодится.

— Тогда мне не из чего выбирать. Я иду с тобой.

* * *

Они вылезли из окна и начали подниматься на холм. В воздухе пахло огнем и гнилой плотью. Ночь стояла такая же холодная и тихая, как и могилы на холме.

Они пробирались между памятниками и крестами, пока не подошли к длинной широкой яме. Один край могилы заканчивался норой.

Джебидия остановился на краю.

— Он сделал эту старую могилу своим логовом. Разрыл ее и углубил.

— Откуда ты знаешь? — спросил помощник шерифа.

— По опыту... К тому же здесь пахнет огнем и паленой кожей. Он спрятался там. Думаю, мы его немного удивили.

Джебидия глянул на небо. На востоке появилась едва различимая розовая полоса.

— Он не высунется при дневном свете, а луна скоро скроется, да и полнолуние подходит к концу.

— Меня он точно удивил. Почему бы нам не оставить его там? Ты можешь вернуться, когда закончится полнолуние, а еще лучше, когда луна будет новой. И поймаешь его при дневном свете.

— Я уже здесь. И это моя работа.

— Поганая у тебя работа, мистер.

— Я спущусь и осмотрюсь.

— Как пожелаешь.

Джебидия зажег спичку, спрыгнул в могилу, поводил огоньком у входа в нору, а потом встал на четвереньки и засунул руку со спичкой и голову в проход.

— Довольно просторная,— сказал он.— И я чую его запах. Я полезу за ним.

— А мне что делать?

— Карауль наверху. У него может быть другое укрытие, и он может подобраться к тебе сзади. Если подумать, он мог уже вылезти из этой норы, пока мы болтаем.

— Чудесно.

Джебидия уронил погасшую спичку на землю.

— Вот что я тебе скажу. Я не могу обещать, что у нас получится. Если я проиграю, то готов поспорить, что он придет за тобой, и тогда тебе лучше стрелять так же метко, как стрелял Вильгельм Телль.

— Я не настолько хороший стрелок.

— Очень жаль.

— Тебе нужен свет,— сказал помощник шерифа.— Спички — это чепуха.

— У меня есть свет,— ответил Джебидия.

Он достал из кармана томик Библии, разломил пополам по корешку, положил одну половину в карман, а другую засунул в темноту прохода. В тот же миг бумага вспыхнула.

— А в кармане она у тебя не загорится? — спросил молодой человек.

— Она не принесет мне вреда, пока я держу ее в руках или в кармане. Но стоит мне ее выпустить, страницы загорятся, если их коснется аура зла. Мне нужно торопиться.

И Джебидия начал протискиваться в нору.

* * *

Под землей Джебидия рукоятью пистолета протолкнул пылающие страницы вперед. Горели они ярко, но он знал, что долго на их свет рассчитывать не приходится. Они будут гореть дольше, чем обычная бумага, но не слишком.

Через какое-то время Джебидия обнаружил, что земляной пол идет под уклон и нора превращается в просторную пещеру. Он слышал шорох летучих мышей и чувствовал запах их помета, причем помет сделал его продвижение более гладким. Джебидия поднялся на ноги и огляделся. Со звуком, похожим на предсмертный вздох старика, страницы Библии догорели в последней вспышке синего пламени.

Какое-то время Джебидия прислушивался к темноте. Он слышал, как пищат и передвигаются летучие мыши. Их возвращение в пещеру говорило о том, что рассвет уже близко.

Тут до его ушей донесся новый звук — по полу перекатывались мелкие каменки. Что-то двигалось в темноте, и Джебидия был уверен, что это вовсе не летучие мыши. Судя по звуку, кто-то подкрадывался к нему. Волоски на затылке преподобного отца встали дыбом, как иглы ежа. По коже поползли мурашки. В воздухе повис душный запах горелой гниющей плоти. У Джебидии задрожали колени. Он осторожно сунул руку в карман, достал спичку, чиркнул о штанину и вытянул перед собой.

В тот же миг Джимет поднялся на ноги и встал перед ним, освещенный огнем спички. Монстр зарычал и ринулся на врага. Джебидия почувствовал, как обломанные ногти зацепили рубашку, и выстрелил. Пуля породила яркую вспышку, которая тут же погасла. Джимет выбил из его руки спичку и опрокинул проповедника на пол, на спину, добираясь до горла. Пчелы жалили Джебидию, будто жгли раскаленным железом. Преподобный сунул револьвер в дыру в груди Джимета и выстрелил три раза подряд, потом еще раз.

И тут курок щелкнул вхолостую. Джебидия вспомнил, что потратил один выстрел в хижине. Барабан пуст, а Джимет держит его за горло.

Преподобный попытался вытащить второй револьвер, но тут Джимет отпустил его, и Джебидия услышал, как он поспешно отползает в темноту. Летучие мыши хлопали крыльями и пищали.

В недоумении Джебидия встал на ноги и прислушался, направив заряженный револьвер в темноту. Потом нашел еще одну спичку и зажег ее.

Джимет лежал на спине, распростершись на камне. Джебидия сделал несколько осторожных шагов. Серебряные пули

попали в рой в груди монстра. Оттуда вытекала темная, зловонная жидкость, пахнущая смертью и медом. Пчелы начали падать на пол пещеры. Рой пульсировал и принял большим черным узлом. Джимет открыл рот, зарычал, но не двинулся с места.

Не мог двинуться.

В угасающем свете спички Джебидия поднял пистолет, приставил его вплотную к черному узлу и нажал на курок. Узел взорвался. Джимет завизжал так громко, что летучие мыши сорвались с потолка и вылетели из пещеры через нору в уходящую ночь.

Когтистые руки Джимета вцепились в камень под ним, и он затих, а спичка в руках преподобного погасла.

* * *

Джебидия нащупал в кармане остатки Библии, бросил их на землю, и страницы загорелись. При помощи пистолетов он поднял пылающую бумагу и бросил ее в дыру в груди Джимета. Тело моментально загорелось, затрещало, как сухое дерево, и вскоре его полностью охватил огонь. В пещере стало светло как днем.

Джебидия немного посмотрел, как библейский огонь пожирает тело, потом вернулся ко входу в нору, пролез по ней и добрался до разрытой могилы.

Он огляделся, но нигде не увидел помощника шерифа. Не нашел он его и после того, как вылез из могилы. Преподобный улыбнулся. Даже если молодой человек поначалу дожидался его возвращения, то появление стаи летучих мышей наверняка стало последней каплей.

Джебидия перевел взгляд на разрытую могилу. Из норы выползал дым и поднимался в небо. Луна бледнела, а розовая полоса на горизонте разгоралась все ярче.

Джимет умер окончательно. Дорога снова стала безопасной. Работа сделана.

По крайней мере, на время.

Джебидия спустился с холма и нашел свою лошадь в кустах у дороги, где и оставил ее. Второй лошади там, конечно же, не было, поскольку помощник шерифа, скорее всего, галопом мчался к Накодочесу, чтобы пропустить стакан-другой виски и сдать свою шерифскую бляху.

ДЭВИД БАРР КИРТЛИ

Череп

Дэвид Барр Киртли — автор множества коротких рассказов, опубликованных в таких журналах, как «Realms of Fantasy», «Weird Tales», «Intergalactic Medicine Show», а также на подкастах «Escape Pod» и «Pseudopod», выходили они и в антологиях «Новые голоса научной фантастики» и «Это сделал дракон». Рассказ Киртли «Пожалуйста, спаси меня» был включен в антологию «Лучшие рассказы года в жанре фэнтези» за 2008 год.

Предлагаемый вниманию читателя рассказ был написан летом 2000 года, когда Киртли заинтересовался хоррором и решил попробовать создать историю о зомби.

«Я часто идентифицирую себя с людьми, которых окружающие сторонятся и презирают только потому, что они чем-то отличаются от других, — говорит писатель. — Так что я стал подумывать о том, чтобы написать рассказ, где события рассматриваются с точки зрения зомби».

Другим источником вдохновения стала ссора Киртли с одним из его лучших друзей, произошедшая за несколько месяцев до написания рассказа. «Я видел, что он ужасно обращается со своей девушкой и вообще ведет себя как полный придурок, — вспоминает писатель. — А наши друзья не осмеливались возразить ему, что бы он ни сделал, и бездумно повторяли за ним, что бы он ни сказал». Как зомби из этого рассказа.

Уже за полночь Джек и Дастин ехали по извилистой лесной дороге. Джек был за рулем. Они спорили из-за Эшли.

Джек всегда считал, что у нее очень милое лицо — тонкие, как будто приподнятые брови, чуть курносый нос, нежный подбородок. В колледже она встречалась с Дастином где-то с полгода, пока тот не начал обращаться с ней как со своей собственностью, не давая ей ни минуты покоя.

Она порвала с ним, и Джек надеялся, что теперь девушка обратит внимание на него.

Но Дастин настаивал:

— Она даст мне еще один шанс. Когда-нибудь.

— Сама она так не думает, — произнес Джек, посмотрев Дастину прямо в глаза.

Когда он снова взглянул на дорогу, яркий свет фар очертил фигуру человека прямо перед капотом. Не успев ни о чем подумать, Джек вывернул руль. Машину резко тряхнуло, и она врезалась в дерево. Вся сила удара пришлась на левую сторону. Приборная панель выгнулась, как морская волна, и рулевая колонка раздавила живот Джека. Дастин не был пристегнут. Он пробил лобовое стекло головой, скатился с капота и рухнул на землю.

Джек очнулся, не понимая, где он и что произошло.

Какой-то человек топтался возле машины, с водительской стороны, но сквозь потрескавшееся боковое стекло невозможно было что-либо разглядеть. Джек толкнул дверь, которая со скрипом приоткрылась ровно настолько, чтобы *он смог* увидеть лицо человека. Тот уставился на Джека ничего не выражающим взглядом, потом развернулся и побрел куда-то.

Джек закричал:

— Позовите на помощь!

Но незнакомец, не отвечая, плелся в сторону леса.

— Эй! — завопил Джек.

Он стряхнул с себя битое стекло и отстегнул ремень безопасности, затем отодвинул сиденье назад, отлепляя свой кровоточащий живот от рулевой колонки. Он вывалился из двери и пополз за человеком, который продолжал идти, не обращая ни на что внимания.

В конце концов Джек нашел в себе силы встать на ноги. Пошатываясь, он догнал незнакомца, ухватил его за рукав и закричал:

— Да что с вами такое? Нам нужна помощь! — Он растерянно посмотрел по сторонам и добавил: — Мне нужно найти моего друга.

В ответ человек издал только нечленораздельный стон. Джек уставился на него. Незнакомец был очень бледен, с рас-

трепанными волосами, лицо покрыто коркой грязи, зубы кривые и гнилые, глаза сочатся гноем...

— Он мертв, — услышал Джек голос приятеля у себя за спиной.

Он обернулся. У Дастина не было ни щек, ни носа. Только гигантские глазные яблоки жутко таращились из глазниц голого черепа. С нижней челюсти свисала борода из лоскутов содранной кожи. Джек закричал.

Дастин добрел до разбитой машины, отломал наполовину оторванное боковое зеркало и уставился на свое отражение. Долгое время он стоял неподвижно, не говоря ни слова.

Наконец произнес:

— Этот человек восстал из мертвых. Посмотри на него, Джек. Он мертв, как и я.

Джек вздрогнул и отшатнулся от человека.

Глазные яблоки Дастина таращились на его живот.

Догадываясь, что значит этот взгляд, Джек посмотрел вниз, задрал пропитанную кровью рубашку, обнажая изуродованную плоть.

— Как и ты, — добавил Дастин.

Они отправились в путь пешком. Взобрались на высокий утес и увидели, как толпы оживших мертвецов бредут по полям далеко внизу. Дастин сел на землю и отвернулся, пряча в тени изуродованное лицо. Тихо сказал:

— Все. Все мертвые вернулись.

Тот мертвец, из-за которого произошла авария, увязался за ними. Он натыкался на деревья и безучастно рассматривал Джека.

Джек подошел к нему и спросил:

— Вы можете говорить?

На секунду человек замешкался, как будто пытаясь сосредоточиться, затем издал очередной нечленораздельный стон и побрел прочь.

Джек сказал Дастину:

— Почему мы не в таком же виде, как он?

— Успел полежать в могиле. Он мертв уже долгое время — тело гниет, и мозги тоже.

— Есть ли другие, такие же, как мы? — спросил Джек.

— Не знаю. — Дастин вскочил на ноги и крикнул в долину: — Эй! Вы слышите меня? Понимаете, что я говорю?

В ответ порыв теплого ветра донес до них только волну зловония и стоны. Дастин вздрогнул.

Они с Джеком продолжали идти по дороге, пока не увидели свет в окнах маленького домика.

— Можно попросить о помощи, — предложил Джек.

— О какой помощи? Нам уже ничего не поможет, — возразил Дастин.

Но он пошел вслед за Джеком по направлению к домику, дверь которого была распахнута настежь. Они остановились на пороге. Через окно кухни они увидели женщину, сжимавшую в руках бейсбольную биту. Мертвый ребенок загнал ее в угол и медленно приближался к ней, вяло волоча ноги по желтому линолеуму. Засохшая грязь осыпалась с его рукавов, оставляя за ним извилистый след.

Он тихо произнес:

— Мама... помоги мне.

— Не приближайся, — предупредила она срывающимся голосом. — Не подходи. Ты мертв. Я знаю, что ты мертв.

Джек хотел было броситься на помощь, но Дастин остановил его.

— Мамочка, — сказал мальчик. — Что с тобой? Не делай мне больно.

— Прекрати! — закричала женщина, но ее руки дрогнули, и бита упала на пол.

Женщина сползла по стене, всхлипывая. И тут мальчик обрушился на нее, вцепившись ей в волосы. Она пыталась отбиваться, но он стал срывать с нее скальп зубами.

Сжавшись в комок от ужаса и отвращения, Джек зажмурился. Женщина вопила, потом раздался булькающий звук, и стало тихо. Когда Джек отважился открыть глаза, он увидел, что Дастин как зачарованный смотрит в окно, на омерзительную сцену.

— Какого черта? Мы могли это остановить, — просипел Джек.

— Мы тоже мертвы. Мы не на их стороне. — Дастин махнул рукой, указывая на женщину.

— Ты с ума сошел, — сказал Джек.

Дастин оставил эти его слова без ответа, но произнес:

— Я хочу это видеть.

— Да ты... — начал было Джек, но запнулся, когда женщина с обезображенной окровавленной головой начала подниматься с пола. Она неуклюже шагнула вперед. Застонала.

— И ты сейчас был бы таким, — прошептал Дастин. — Ничего не соображающий, голодный. Если бы тот, первый, добрался до тебя в машине и сожрал твой мозг до того, как ты очнешься.

Джек вошел в дом и, стараясь держаться как можно дальше от женщины и от мальчика и не наступать на пятна крови на полу, добрался до телефона.

— Я звоню домой, — сказал он, снимая трубку. — Надо позвонить отцу. Скажу ему, что я...

— Что? Что ты в порядке? — произнес Дастин, усмехнувшись.

Джек помедлил.

Дастин продолжал:

— Джек, ты мертв. Для него ты больше не существуешь. Он никогда тебя не примет.

Джек еще мгновение колебался, а затем стал набирать номер. Дастин развернулся и ушел куда-то в темноту. На том конце линии сразу же сняли трубку.

— Джек? — Голос принадлежал его отцу.

— Я возвращаюсь домой, — произнес Джек. — Я... я не могу сейчас говорить.

Он повесил трубку, взял со стойки какие-то ключи и вышел из дома. Вдалеке он увидел Дастина, который направлялся к толпе мертвецов и кричал:

— Вы меня понимаете? Те, кто слышат меня, сделайте шаг вперед. Если вы хоть что-то понимаете.

Джек обогнул дом, подошел к припаркованной за ним машине, сел в нее и поехал на север по Девяносто пятому шоссе в сторону Уотервилля. Он ехал больше часа, поглядывая на свое отражение в зеркале заднего вида. Кожа была желтоватой, а прочие краски как будто стерлись с его лица. Выглядел он очень болезненно, но, если закрыть зияющую рану на животе, вполне мог сойти за живого при неярком освещении.

Припарковавшись возле своего дома, он вышел из машины. На лужайке лежал труп с простреленной головой. Джек вздрогнул и решил подойти к дому с другой стороны. Старые деревянные ступеньки заскрипели, когда он поднялся на заднее крыльцо и постучался, стараясь оставаться в тени. Занавеска отдернулась, и несколько пар глаз уставились на него.

— Джек! Это Джек!

Дверь распахнулась. На пороге стоял его отец с винтовкой в руках. Он присмотрелся, охнул и попятился назад, поднимая винтовку.

Джек весь сжался и торопливо пробормотал:

— Папа, выслушай меня. Пожалуйста. Я не такой, как другие.

Теперь ружье было нацелено Джеку прямо в лоб. Из дула на него смотрела сама темнота. Потом ружье медленно опустилось.

Наконец отец сказал:

— Ну заходи, сынок.

Джек переступил порог.

Отец приковал его к трубе, которая тянулась от стены гаража и уходила под землю.

— Прости меня. Это только на ночь. Иначе они не позволят тебе здесь остаться.

В доме прятались девять человек. Отец принимал у себя всех беглецов.

— Я понимаю, — прошептал Джек.

Отец ушел обратно в дом.

Луна светила ярко, но гараж отбрасывал на Джека густую тень. По всем окрестностями раздавался истошный собачий лай. Ночь, казалось, будет длиться вечно. Джек не сомкнул глаз. Он подозревал, что больше никогда не сможет заснуть.

Шли дни.

Люди — беженцы — все прибывали. Джек старался не попадаться им на глаза, и большинство уходило дальше на юг. Те, кто оставался, иногда впускали его в дом, но старались не приближаться к нему и всегда держали оружие наготове.

Днем люди выходили из дома, бродили по округе в поисках еды и боеприпасов, а по ночам рассказывали друг

другу истории об уничтоженных ими зомби. Потом кто-нибудь смотрел на Джека, и все тут же умолкали.

Каждую ночь на протяжении многих недель его сажали на цепь.

Как-то на закате, когда Джек сидел на диване в гостиной, снаружи раздались выстрелы. Кто-то громко постучал в дверь. Сорванный голос прокричал:

— Впустите нас! Ради бога, впустите! Они идут!

Отец, держа винтовку наготове, бросился к двери и распахнул ее. Двое высоких мужчин с охотничьим снаряжением вбежали в дом. У каждого было по нескольку ружей. Отец захлопнул за ними дверь.

Один из новоприбывших выдохнул:

— Нам рассказали об этом доме. Говорили, что вы не откажете в помощи. У нас почти не осталось патронов.

Отец Джека начал говорить:

— Это мой дом, и вы...

Но тут один из мужчин заметил Джека и отскочил к стене, вскидывая дробовик.

Отец встал перед ним:

— Не стреляйте! Это мой сын. Он вам ничего не сделает.

Дуло описывало небольшие круги, пока новоприбывший прицеливался.

Джек подал голос:

— Пожалуйста! Все в порядке!

Мужчина бросил взгляд на своего компаньона, который забился в угол, всхлипывая:

— Вот дерьмо. Дерьмо какое, *это* с нами в одном доме!

— Вы можете уйти, — резко сказал отец.

Воцарилось долгое, напряженное молчание. В конце концов пришелец опустил ружье и произнес:

— Ну хорошо. Мы оставим его в покое. — Пристально посмотрел на Джека и добавил: — Но ты чтоб ко мне не приближался.

Новоприбывших звали Сэм и Тодд. Сэм был выше, энергичнее, и Тодд его слушался. Когда все немного успокоились, Тодд начал рассказывать:

— Мы присоединились к ополчению, пытались отстоять Портленд. Но мертвые, они... — Он запнулся и уставился в пол.

Сэм без всякого выражения произнес:

— Там нехорошо. Очень нехорошо.

— Откуда вы узнали об этом доме? — спросил отец.

— Во Фрипорте, — ответил Тодд. — Там скрываются некоторые выжившие. Среди них была одна девушка, и она передала записку для вашего сына. — Он бросил на Джека нервный взгляд и выдавил: — То есть, видимо, для него.

— Мне кажется, это плохая идея, — проворчал Сэм.

Отец нахмурился и сказал:

— Отдай ему записку.

Тодд пожал плечами и бросил записку на стол. Джек взял ее и развернул.

Она была от Эшли. Девушка писала, что у нее все в порядке и что он может присоединиться к ней, если не чувствует себя в безопасности. Она объясняла, как ее найти. Джек положил записку в карман.

Сэм заговорил, не в силах справиться с дрожью в голосе:

— К югу отсюда есть этот парень без лица. Люди зовут его Череп. Он соображает и может говорить, как и этот. — Сэм кивнул на Джека.

Джек пробормотал:

— Дастин.

— Что?! — резко переспросил Тодд.

— Это он. У него было изуродовано лицо, я видел.

— Ты его знаешь? — Сэм смотрел на него с ужасом.

Джек понял, что сказал что-то не то.

— Дастин был школьным приятелем Джека, — объяснил отец. — Они были вместе в ту ночь, когда... когда все это началось.

— Сэм! Это безумие. Он один из них! — В голосе Тодда слышались визгливые истерические нотки. — Это Череп прислал его сюда, он...

— Заткнись! — взревел Сэм. — Просто заткнись!

Воцарилось молчание.

Отец сказал:

— Вставай, сынок. Пошли на улицу.

Он опять был прикован к трубе. Сжавшись на земле в тени гаража, он прислушивался к голосам, доносящимся из дома сквозь щели между досками, которыми были заколочены окна.

Первым заговорил отец:

— Так в чем дело?

Раздался взволнованный голос Тодда:

— Мы потеряли Портленд из-за Черепа. К югу отсюда он собрал что-то вроде армии из мертвецов.

— Он выдрессировал их. Они приходят к людям, которые знали их, любили, — родные, друзья. Мертвые ведут себя так, будто у них сохранились чувства. Люди мешкают, не стреляют сразу. А потом уже слишком поздно.

— И какое отношение это имеет к моему сыну?

— Вы что, не понимаете? — Джек снова услышал голос Тодда. — Он часть этого. Он был другом Черепа. Он притворяется безобидным и выжидает момент, чтобы напасть.

— Он опасен, — добавил Сэм. — Он знает об этом доме, а теперь еще и про убежище во Фрипорте. Что еще ему известно? Его нужно уничтожить.

— Нет, — отрезал отец.

— Это уже не ваш сын, — продолжил убеждать его Тодд. — Ваш сын мертв, его нет больше. Теперь это просто нечто, вселившееся в его тело. И оно использует против вас вашу собственную любовь.

Сэм добавил:

— Люди имеют право на самозащиту. Если кто-нибудь из ребят однажды ночью выйдет во двор и пристрелит эту тварь, я не буду его винить.

Один из жильцов прошипел:

— Эй, потише. Он может услышать нас.

После этого голоса стихли. До Джека доносился только слабый шепот, в котором он не мог различить ни слова.

Долгие часы он провел в ожидании. Потом увидел, как отворилась задняя дверь. Темная фигура с ружьем в руке двинулась через двор к нему.

Сэм? Тодд? Кто-то из жильцов? Джек не мог разглядеть.

Это был отец. Он вышел на свет, потом склонился над Джеком, разомкнул замок на цепи и сказал:

— Тебе нельзя здесь больше оставаться. Тебя могут убить. Мне очень жаль.

— Мне тоже, — прошептал Джек, поднимаясь на ноги.

Он обнял отца и ушел во тьму.

Армия Дастина расположилась на огромном поле к северу от Портленда. Тысячи мертвецов бродили по долине и бросали на Джека свои тусклые взгляды. Он шел сквозь мертвую толпу, выкрикивая:

— Дастин! Я ищу Дастина!

Наконец ему ответили:

— Эй, ты! Чего тебе нужно?

Джек обернулся на голос и увидел приближающегося к нему мертвеца — лысеющего мужчину в выцветшей солдатской униформе.

— Я ищу Черепа.

— Главнокомандующего, ты хотел сказать, — ответил мертвец. — Он тоже захочет тебя увидеть. Ты можешь нам пригодиться.

Мертвец повел Джека обратно сквозь толпу, вверх по пологому склону холма, на вершине которого небольшая группа мертвецов переговаривалась приглушенными голосами. Дастин стоял спиной к Джеку. Так он казался нормальным, знакомым.

Джек окликнул его по имени.

Дастин повернул голову, так что Джек мог увидеть одно выпученное глазное яблоко и жуткий безносый профиль. На Дастине был потрепанный армейский мундир. Он произнес:

— Так ты вернулся? — Потом он снова посмотрел в другую сторону, так что Джек мог видеть только его затылок, и продолжил: — Где ты был?

— Там, на севере, — ответил Джек.

— Сталкивался с живыми? С вооруженными отрядами?

— Нет, — солгал Джек.

— Мы скоро туда отправимся, — продолжил Дастин. — На север. По Девяносто пятому. В Уотервилль. Твой родной городишко. — Теперь он развернулся к Джеку, глядя на него в упор и следя за реакцией.

Джек не произнес ни слова.

После непродолжительного молчания Дастин сказал:

— Как бы то ни было, настало время дрессировки.

Он подошел к самому краю обрыва, взглянул на кишащие внизу орды и закричал:

— Не стреляй!

Зомби провыли в ответ:

— Не... стреляй...

— Это я! — надрывался Дастин. — Ты меня знаешь!

Нестройный хор тысяч тусклых голосов взметнулся к самому небу:

— Это... я... Ты меня... знаешь...

— Прошу тебя, помоги мне! — проорал Дастин.

И мертвые взвыли в ответ:

— Прошу... тебя... Помоги... мне...

Дастин удовлетворенно кивнул и отвернулся от толпы.

— Такова наша стратегия, Джек. Единственное, что есть у моих солдат, — это упорство. То, что живым они напоминают тех, кого они когда-то любили и потеряли, — одно из немногих наших преимуществ.

— Чего ты добиваешься? — спросил Джек. — Чего ты хочешь достичь?

— Мира, — произнес Дастин. — Живые хотят уничтожить нас. Всех нас. Наш единственный шанс — обратить их, сделать их такими же, как мы.

Джек смотрел на толпу воющих мертвецов. Они разбрелись по равнине до самого горизонта.

— И благодаря моему плану, — добавил Дастин, — мы выигрываем эту войну. Идею мне подал тот мальчик, который обратил свою мать. Помнишь, мы видели его в ту первую ночь.

— К черту твой план, — зло сказал Джек. — Из-за твоего плана я лишился дома и семьи.

Дастин быстро повернулся к нему:

— Так ты все-таки был дома. — Голый череп угрожающе приблизился к самому лицу Джека. — Там прячутся люди?

Джек отвернулся.

— В твоем доме? — допытывался Дастин. — Там они прячутся? Моя армия слаба, Джек. Они медленные, тупые

и неуклюжие. Любой очаг вооруженного сопротивления может все погубить. Я должен знать о таких вещах.

— Оставь их в покое. Оставь в покое моего отца.

— Мы направляемся на север, Джек,— ответил Дастин.— Приводим мой план в исполнение.

— Не надо,— попросил Джек.— Оставь их в покое. По крайней мере пока. Двигайся на восток. К Фрипорту.

— Фрипорт? — рассеянно переспросил Дастин.— А что там, во Фрипорте?

Джек полез в карман, достал записку и тихо произнес:

— Эшли.

Тем же вечером Дастин сказал Джеку:

— Придется обратить ее. Это единственный способ.

— То есть убить,— проговорил Джек.

— Я хочу, чтобы она была с нами,— сказал Дастин.— Сейчас она постоянно подвергается риску. Если до нее доберется обычный мертвец, он повредит ее сознание. Уничтожит то, что делает ее особенной. А так она будет в безопасности.

Джек не мог понять, зачем он это сделал. Зачем предал Эшли. Чтобы защитить отца? Да, но на самом деле... Он хотел увидеть ее. Может быть, если она тоже будет мертва, она примет его.

— Это будет непросто,— произнес он вслух.

— Да, непросто,— согласился Дастин.— Для этого мне понадобишься ты. Мои солдаты подчиняются приказам. Я говорю им, на кого нападать, куда идти и что говорить. Но они слишком прожорливы, я не могу остановить их. Поэтому большинство моих новобранцев поступает ко мне в уже подпорченном виде. Мне почти некого произвести в офицеры.

— И ты собираешься сделать офицером меня? — скептически усмехнулся Джек.

— Я не могу использовать для этого дела моих рядовых. Слишком велика опасность для Эшли. Придется использовать офицеров, я должен быть уверен, что они не причинят ей вреда. А их у меня слишком мало.

Несколько тупых, бессловесных зомби прошли мимо, и Джек представил, как они рвут зубами нежное личико Эшли.

— Я пойду с вами, — сказал Джек. — Ради Эшли. Чтобы убедиться, что с ней не случится ничего плохого.

— Ради Эшли, — согласился Дастин.

Дастин собрал офицеров на совет и показал им фотографию, на которой он и Эшли стояли у костра, обнявшись.

— Вот она. Смотрите, чтобы ее не изуродовали.

Армия двигалась на восток. Тысячи воющих зомби брели по шоссе. Дастин ходил среди них, выкрикивая:

— Ищите знакомые места, людей, которых знали! Не стреляй! Ты знаешь меня! Помоги!

Эхо разносило по окрестностям нестройное бормотание: «Не стреляй... ты знаешь меня... помоги...»

При Дастине неотлучно находился десяток офицеров — мертвецов, вооруженных винтовками и пистолетами, которые всегда находились с ним рядом. У самого Дастина был дробовик и армейский нож за голенищем сапога. Джек следовал за ними на некотором расстоянии, волоча за собой винтовку, безучастно уставившись себе под ноги, на дорогу, усыпанную мокрыми сосновыми иглами. Его терзали дурные предчувствия.

Дастин тихо сказал своим офицерам:

— Они, скорее всего, никогда не сражались с такими, как мы, — быстрыми, сообразительными, вооруженными. В этом — наше главное преимущество.

— Они потратили недели на то, чтобы укрепить дом. Как мы заставим их впустить нас? — проворчал один из офицеров.

— Я могу это устроить, — вызвался Джек.

Дастин повернулся, уставился на него изучающе, затем кивнул.

Дом, который был им нужен, оказался особняком в викторианском стиле, со множеством пристроек, уютно расположившимся в рощице белоствольных кедров. Дастин направил отряд прямо к дому. Выстроившись в колонну и припадая к земле, они быстро перебрались через лужайку. Джек и Дастин взбежали на крыльцо, а все остальные притаились за перилами или в высокой траве.

Джек стал колотить в дверь, крича:

— Впустите нас! Это Сэм! Ради бога, впустите нас, они идут!

Через несколько мгновений он услышал, как щелкнула задвижка. Дверь приоткрылась. Дастин просунул дуло своего ружья в образовавшуюся щель и выстрелил. Кровь хлынула фонтаном, забрызгав крыльцо, и Дастин пинком распахнул дверь настежь.

Офицеры выскочили из своих укрытий, с ружьями на изготовку, и ворвались в дом. Загрохотали выстрелы. Джек вслед за другими вбежал в просторный холл, уже заваленный трупами. Отсюда на второй этаж вела лестница.

— Прикрывай лестницу! — приказал Дастин. — Чтобы по ней никто не мог спуститься.

Джек направил ружье в сторону лестничной площадки второго этажа. Другие офицеры устремились в боковые комнаты, и весь дом содрогнулся от криков и грохота выстрелов.

Вдруг дверь под лестницей распахнулась. Джек взвел винтовку и прицелился, но в дверном проеме вспыхнул белый огонь выстрела. Пуля попала ему в грудь, он отшатнулся назад, натолкнулся на маленький столик и сшиб с него лампу, которая тут же разбилась вдребезги.

— Подвал! Они в подвале! — закричал Дастин.

Три офицера ринулись вниз. Пол под ногами Джека дрогнул, снизу донеслись крики ужаса. Он вытащил пулю из груди.

Еще один офицер подбежал к Дастину и доложил:

— Сэр, мы нашли девушку. Она в кабинете. Истекает кровью.

Дастин кивнул.

— Я хочу быть с ней, когда она очнется. Заканчивайте тут.

— Да, сэр. — Офицер подошел к входной двери и скомандовал: — Идите сюда. Заходите. Да быстрей же!

Джек в ужасе смотрел, как толпы мычащих мертвецов, спотыкаясь, заходят в дом и жадно набрасываются на свежие трупы.

Он схватил Дастина за локоть и заорал:

— Что ты делаешь? Эти люди могли бы нам пригодиться!

Дастин ответил:

— Первое, что они сделают, восстав из мертвых, — попытаются нас пристрелить. Лучше уж так.

Джек бросил последний взгляд на пирующих мертвецов и пошел за Дастином в кабинет.

Эшли лежала в мягком кресле. Вокруг толпились офицеры. Из единственной ранки на ее груди стекала тоненькая струйка крови.

Один из офицеров произнес:

— Она уже не дышит. Осталось недолго.

— Я хочу остаться с ней наедине. — Это прозвучало как приказ.

Офицеры-зомби покинули комнату, увлекая за собой Джека. Он прошел по длинному, опустевшему коридору к входной двери, вышел во двор, прислонился к высокому белому кедру и стал ждать Эшли.

И вот она возникла в дверном проеме. Стройная, с длинными блестящими волосами. Но лица у нее больше не было. Только глазные яблоки таращились из глазниц черепа.

Дастин тоже вышел из дома и встал за ее спиной. Их костяные лица выглядели абсолютно одинаково.

— Не могу поверить, что ты сделал это, — с горечью сказал Джек тем же вечером Дастину, который стоял рядом с ним во дворе. — Она была такой красивой.

— Эшли всегда будет красивой, — ответил Дастин. — Для меня. Тебе нравилось ее лицо. Я любил ее саму. Так кто из нас заслуживает ее?

— Я хочу поговорить с ней, — произнес Джек.

— Нет, держись от нее подальше. — В голосе Дастина явственно слышалась угроза. — Или я расскажу ей, кто привел нас сюда. Кто ее предал.

Джек вздрогнул, а Дастин отошел от него, затем оглянулся через плечо и добавил:

— Я единственный, кто может понять ее сейчас. Понять, через что ей пришлось пройти.

Часами бродил Джек среди мертвых, продираясь сквозь массы гниющей плоти. Его тошнило от тупости и безобразия этих тварей.

В толпе мелькнул белый череп. Джек развернулся и пошел в другую сторону.

Пробиваясь сквозь толпу, он оглянулся. Череп следовал за ним и приближался.

Наконец Эшли догнала его.

— Джек. Это ты... — Ее жуткое лицо было совсем близко, обнаженные глазные яблоки изучающе разглядывали его. — Дастин сказал мне, что ты здесь. Скажи же что-нибудь. Ты узнаешь меня? Ты понимаешь?

Он не отвечал. Она что-то заподозрила.

— Ты имеешь к этому какое-то отношение? Ты помог ему сделать это?

Джек отвернулся и побрел сквозь полчища мертвых. В тот момент он завидовал им — они не понимали, что творят, не чувствовали угрызений совести. Было невыносимо чувствовать на себе взгляд Эшли. Пусть она оставит его в покое!

Оставалось только одно.

— Не обижай меня! — взвыл он нечеловеческим, низким голосом. — Прошу тебя, помоги мне!

НЭНСИ КИЛПАТРИК

Время печали

Нэнси Килпатрик — автор серии книг о вампирах «Власть крови» («The Power of the Blood»), в которую входят романы «Дитя ночи» («Child of the Night»), «Скорая смерть» («Near Death»), «Перерождение» («Reborn»), «Любящий кровь» («Bloodlover»), скоро выйдет в свет пятый роман. Килпатрик является автором исторической книги «Готическая Библия» («The Goth Bible»), совместно с Нэнси Холдер она выпустила в свет восьмую антологию в жанре «хоррор» «Аутсайдеры» («Outsiders»). Ее рассказы выходили в сборниках «Blood Lite», «Monsters Noir», «Moonstone Monsters: Vampires» и «Moonstone Monsters: Zombies». Произведения Нэнси Килпатрик неоднократно удостаивались различных литературных премий, а в 1992 году писательница завоевала премию Артура Эллиса. В 2007 году Нэнси Килпатрик присутствовала на Всемирном съезде писателей жанра «хоррор» в качестве почетного гостя. Живет в Монреале (провинция Квебек).

Представленный ниже рассказ родился как плод размышлений автора о том, что ожидает женщину, оставшуюся единственным живым человеческим существом в наводненном мертвецами мире.

«Будет ли она вести себя иначе, чем мужчина? Станет ли ежесекундно проклинать свою участь и зомби? — задается вопросом Нэнси Килпатрик. — Мне никогда не были симпатичны беспомощные создания, с воплями ужаса замирающие при виде приближающегося зомби. К счастью, ни одной такой женщины я не знаю».

Тоска преследовала ее по пятам. Давно привязалась, еще до катаклизма. Еще до того, как распался привычный уклад человеческой жизни вообще и ее собственной жизни в частности, и облик всей планеты стал иным. До того, как угасли надежды на будущее.

Присев на вершине холма, женщина оглядывалась вокруг, настороженно осматривая зеленые окрестности сквозь летные очки. Ни минуты покоя, всегда настороже. Некогда в этой долине золотились тучные нивы среди мирно раскинувшихся деревушек с уютными домиками, дети ходили в единственную школу, а прихожане отправлялись на молитву в одну из двух церквей разных ветвей христианства, в синагогу или в мечеть. Над листвой возвышались шпили, в лучах вечернего солнца сияли кресты. На ум пришли слова Джозефа Кэмпбелла: любую культуру можно оценить по самым высоким ее зданиям. Интересно, можно ли отнести это изречение к существам, населяющим деревни сейчас?

Наверное, там еще сохранились футбольное и софтбольное поля, больница и магазины. Многие месяцы она не наведывалась в поселки и потому не могла точно сказать. То здесь, то там виднелись фрагменты домов: стены, обшитые вагонкой пастельных тонов, светлыми пятнами выделялись на фоне буйной зелени, лавой затопившей холмы. За последние годы растения набрали чудовищную силу, пожирая все на своем пути: дома, поля, людей... Хотя нет, людей они не трогали: люди и так вымерли. Несколько лет назад.

По-прежнему эта страна, такая далекая от ее родины, была краем буйной, сочной зелени всевозможных оттенков: от светло-желтого до почти черного. Несмотря на толстый озоновый слой, поглощавший солнечные лучи, светило умудрялось давать жизнь растениям, которые вовсе не страдали от «парникового эффекта», а, напротив, благоденствовали и разрастались. Только человечеству пришлось туго.

Да, пора возвращаться. Даже если не разразится буря, все равно заход солнца не за горами. К тому же надо кое-что сделать. Работы всегда по горло. Нужно полить огород-кормилец, за которым она старательно ухаживала. Еще надо подумать, как укрепить то слабое место в заборе с помощью подручных средств, чтобы не наведываться в деревню. Она собирала фрукты и овощи, которые ела каждый день и заготавливала впрок, а для этого приходила за дровами на холмы, где с наступлением темноты становилось опасно. Она трудилась непрестанно и только так могла выжить.

— Выживают сильнейшие, — отчего-то вслух произнесла женщина. Голос прозвучал странно, а слова звоном отдались в ушах. Уже давно она не слышала собственного голоса.

Она почувствовала себя вялой. Сейчас как раз самое благоприятное для зачатия время — ровно между двумя циклами, которые уже стали короткими. Нельзя сказать, что во время овуляции энергия падает совсем уж до нуля, но ее не хватает, и сосредоточиться нелегко. Через две недели начнется менструация, все нормализуется. Но это будет потом. А теперь ей хотелось сидеть и вглядываться, вглядываться в бесконечность горизонта... «Потихоньку приближается менопауза», — написала она в дневнике. Странные слова: «потихоньку», «бездельничать», «прохлаждаться», «отдыхать»... Отнести их к ней самой было невозможно ни в буквальном смысле, ни в переносном. Ежечасно и ежедневно дел было невпроворот, а ночью тяжелым гнетом наваливался бесконечный бой с одиночеством и отчаянием. И страх.

Она на секунду сняла очки в надежде, что поля шляпы защитят глаза, но всё же не удержалась и быстро взглянула на искрящийся оранжевый диск солнца, плывший вниз в подернутых дымкой небесах. Попыталась отчетливо вспомнить прежнее, желтое солнце. И не смогла, словно оно всегда было цвета яркой оранжевой мякоти тыквы. Как будто все в природе всегда было таким, как сейчас. Она вновь надела очки, заставила себя встать на ноги и даже сделать несколько шагов, но тело отказывалось повиноваться. «Только несколько минут. У меня есть в запасе немного времени», — убеждала она себя.

Вдруг раздался колокольный звон. До сих пор по воскресеньям, утром, днем и вечером, сам собой раздавался благовест. Вот уже ответили колокола второй церкви. Звуки плыли в долине, обволакивали замершую женщину, смывали страхи и заботы, приносили с собой воспоминания...

В то утро, когда они с Гарри поженились, тоже звонили колокола. Счастливые звуки, полные обещания, зовущие в новую, прекрасную жизнь. «Какой же молодой я была, — подумала она, — какой наивной!» Порой она думала, что ей

всегда было сорок, как сейчас... Но в тот далекий день ей было двадцать, а Гарри — двадцать один, и она смело вверяла мужу свое будущее. Верила, что он не изменит ей, не предаст их семью.

Дом. Счета. Беременность, закончившаяся абортом, потому что они слишком молоды, как считал муж, а она согласилась: да, еще рано заводить ребенка, впереди вагон времени. Вполне терпимая работа до окончания юридического факультета, потом служба клерком в престижной фирме; а затем она пополнила ряды служащих корпоративного права. Теперь, став честной сама с собой, она поняла, что ненавидела свою работу. Но тогда готова была стерпеть все — даже потерю ребенка. Ради Гарри. Во имя их любви.

Год за годом... Гарри. Работа. Бездетная жизнь. Теперь уже поздно рожать. Дело даже не в возрасте, хотя уже стукнуло сорок. Беременность невозможна по другим причинам: в первую очередь, обстоятельства ее теперешней жизни никоим образом не располагают к зачатию.

Вот она, цена наших выборов, жестко подумала она с затихающим последним ударом колокола. Отвергнутые пути... Выбираешь один, он ведет тебя к другому, и в конце концов понимаешь, что обратной дороги нет. Почему же никто не сказал ей об этом? Отчего мама не предупредила хотя бы перед смертью? *Делай выбор здесь и сейчас, иди тем или иным путем; некоторые решения необратимы.* Но мать мыслила весьма прогрессивно и была феминисткой. А отец? Его дочь никогда не интересовала. После развода он и вовсе стал призраком. Человек, которому она обязана появлением на свет, был с ней весьма дружелюбен: покупал вещи, платил за обучение, вел к алтарю перед венчанием с Гарри. Но, ослепнув в одночасье, она бы не узнала его в толпе. Ни по голосу, ни по запаху, ни на ощупь.

Все выборы оказались неверными, решила она. Я. Гарри. Родители. Каждый на Земле. Планета погрязла в ошибочных решениях. А теперь выбирать остается только из: Жить или Умереть.

Мрачные мысли прервало какое-то движение вдалеке. Быстро сдернутые очки повисли на шее. Солнце село. Небеса быстро серели, а она и не заметила. Встревоженная

женщина вскочила на ноги и обернулась к западу, где между деревьями мелькнула фигура, похожая на мужскую. Оглядевшись по сторонам, женщина заметила движение практически повсеместно. Надо торопиться, иначе окружат.

Она помчалась вниз, спеша через густые заросли к своему дому, обнесенному надежным забором. Сорвала перчатки и отбросила в сторону, чтобы добраться до ключа, висевшего на шее.

Сегодня они передвигались весьма быстро, она чувствовала их за спиной, когда оказалась у ворот. Не стоит тратить драгоценные секунды и оглядываться. Руки дрожали, пока она вставляла большой ключ в тяжелый замок, отпирала его, отодвигала засов, вскакивала во двор... Она успела закрыться как раз в то мгновение, когда первый из преследователей был уже у ворот.

Зловоние разложения заставило попятиться. В электрическом свете, что горел в наступающих сумерках все ярче и ярче, было отчетливо видно существо по ту сторону ограды. Черты лица разобрать уже невозможно — живой труп. Раздутые синюшные пальцы просунулись в ячейки металлической решетки, пытались добраться до нее.

Они собрались у забора, таращась на нее унылые, безжизненные глаза. От их вида желудок выворачивало наизнанку и сердце тяжко колотилось в груди. За три года ей так и не удалось свыкнуться с их внешностью. К такому невозможно привыкнуть.

У многих плоть совсем истлела и отваливалась кусками, но и те, кто лучше сохранился, выглядели не менее жутко. Их вид пробирал до мозга костей. Существа издавали низкие стоны, напоминавшие плач изувеченных или больных животных. Сначала она их жалела, ей казалось, что им больно. Но только сначала. Тогда она еще не думала, не могла поверить, что они жаждут ее смерти. Зато теперь в этом не сомневалась.

Она заставила себя отвернуться, не смотреть на столпившихся у ворот тварей. Мысль о починке забора не давала ей покоя — но если не эта мысль, так другая непременно вертелась бы в голове. Расслабляться нельзя ни на миг. Она постоянно о чем-то беспокоилась, чем-то была озабочена. Ведь,

чтобы выжить, необходимо все время быть начеку, никогда не поддаваться желанию отдохнуть от тревог.

В воздухе трепетали все те же стоны и вязкие чмокающие звуки мертвой плоти, прижимавшейся к другой мертвечине, к металлу или траве под ступнями. Но все же она приказала себе идти к колодцу. Надо поливать огород. Дрожащими руками она опустила ведро, оно коснулось воды с тихим всплеском. В колодце было непроглядно черно; женщина по натяжению веревки поняла, что ведро утонуло, и стала крутить ворот обратно. Когда ведро показалось над краем колодца, она его вытащила, отвязала, приладила угольный фильтр и полила грядку овощей. Небо подернулось сланцем, сквозь тяжелые облака не смогла пробиться ни одна звездочка. «Сегодня вечером богиня Луны, Артемида-охотница, не желает появиться,— подумала она.— Теперь ей и охотиться-то не на кого».

Тварей вокруг забора становилось все больше и больше, теперь они стояли в два-три ряда. Ежедневно она благодарила богов, все еще присматривавших за несчастной планетой, за то, что болезнь сначала поражала мозг тварей. Иначе они бы уже давно разрушили ее забор с помощью инструментов или подручных средств. От их близости воздух накалился, стало безумно жарко — по крайней мере, ей так казалось.

Перед внутренним взором мелькнул страшный день, когда один из них коснулся ее. Гниющая мякоть сомкнулась у нее на плече, холодные распухшие пальцы вцепились, сжали ее словно в тисках, пытаясь выдавить теплую жизнь. В панике она все же сумела вырваться и понеслась изо всех сил. На бегу подхватила лопату, чтобы защититься в самом крайнем случае, и бежала до тех пор, пока воздух огнем не стал жечь легкие и зрение не затуманилось. Тварь мчалась за ней по пятам, но женщине удалось юркнуть в дверь заброшенного склада и запереться на засов. Пытаясь добраться до нее, нежить шарила лапами по стеклу, но разбить окно и влезть внутрь оказалось слишком сложным для мозгов чудища.

В новостях нашествие нежити связывали с появлением некоей бактерии, передающейся при физическом контакте. Нечувствительной к антибиотикам. Не следует поддавать-

ся панике, заявил кто-то по седьмому каналу, ситуация под контролем, разработана антибактериальная сыворотка. Все будет хорошо. Но она-то ведь чувствовала прикосновение твари сквозь тонкую ткань футболки; она видела страшную рожу совсем близко в течение всей ночи, пока первые лучи солнца не заставили нежить убраться восвояси, укрыться от приближающегося рассвета. Вероятно, дневной свет раздражал разлагавшуюся кожу. К утру женщина уже знала, что «хорошо» никогда не наступит. Мир не будет прежним. Пережив такое, она и сама изменилась.

Нараставший ужас торопил ее убраться от страшных тварей как можно дальше, и она забронировала билет на самолет. Ей попалась статья, где говорилось о нескольких безопасных местах на планете. Как считал ученый, чем больше изолирована местность, тем лучше. Новую Зеландию он назвал наиблагоприятнейшим местом на земле. Он ошибался.

Руки все так же мелко дрожали, когда она доставала из колодца второе ведро. Салат слегка поник, и она обильнее, чем всегда, полила овощи, надеясь, что они воспрянут к жизни. Период вегетации в этих краях длился целый год, но прошлое лето выдалось невыносимо жарким, и бо́льшая часть ее огорода сгорела на солнце. За четыре месяца она похудела на сорок фунтов и была вынуждена отправиться в деревни, совершить набег на сады, заглянуть в чуланы в поисках консервов, запастись витаминами. Кроме витаминов приходилось принимать экстракт из водорослей коричневого цвета, который она глотала последние пять лет, чтобы очистить тело от радиации. Да, в отсутствии людей на планете был один большой плюс: теперь не было политиков, готовых почем зря сбрасывать друг на друга бомбы.

Как и многому другому за последние несколько лет, огородничеству она училась на собственном горьком опыте. Летом, в жаркое время дня, прикрывала растения фильтром от ультрафиолетовых лучей. Хорошо, что колодец у нее артезианский: теоретически он должен служить вечно. Чего нельзя сказать о ней. Наследников у нее нет. К счастью.

Нежить за забором все так же стонала, охала и чмокала. Иногда женщине казалось, что они произносят ее имя, но это невозможно. Нет, просто послышалось. Ведь они не

были живыми существами, как она. Их органы, плоть и кости разлагались, только инстинкт побуждал их двигаться, подбираться к живым, а живой была она одна, последняя в этой местности. Может, в стране вообще никого, кроме нее, не осталось. Или даже в целом мире. Узнать не представлялось возможным.

Закончив с поливом, женщина опрыскала растения органическими пестицидами и напоследок окинула взглядом свое хозяйство. Все в порядке. Управиться с одним акром не составляло труда. Со стороны палисадника отлично просматривался каждый дюйм земли вплоть до холма. Для этого ей пришлось вырубить все кусты и вьющиеся растения, оставив лишь несколько деревьев в саду, разровнять всю территорию вокруг дома и регулярно срезать траву старенькой косилкой, найденной на одной из заброшенных ферм. Женщина обогнула холм справа и остановилась в паре футов от забора. Отсюда она могла рассмотреть его заднюю часть. При ее приближении хладные тела загомонили, словно роящиеся насекомые. Никого не было в том месте, где требовалась починка. Пришлось настойчиво напомнить себе, что спешить и суетиться ни к чему. Да, ее раздражает некая хлипкость ограждения. Но ведь не настолько, чтобы бросаться туда среди ночи, тем самым привлекая внимание к неполадке. И к себе самой. Сейчас не выйдет починить, это точно; к тому же внезапная боль в яичниках, старавшихся вытолкнуть яйцеклетку в фаллопиевы трубы, заставила ее развернуться и пойти к дому.

По пути она отщипнула четыре листа салата, сорвала зрелый помидор и желтый перец; армейским ножом, который всегда носила в ножнах на ремне, срезала маленький кочан брокколи и сложила овощи в корзинку, которую держала в руке. Другой рукой взяла ведро с водой. Осторожно прошла по двум ступенькам в дом. Тщательно заперла за собой дверь, оттородившись от раздражающего шума, и на минуту замерла, прижавшись спиной к дереву, радуясь контакту пусть даже с неодушевленным предметом.

Наконец оторвавшись от косяка, она прошла к столу, поставила на него корзинку, а ведро — у раковины. Сняла очки и шляпу. Начала закатывать рукава рубашки, но по-

том сняла ее и осталась в хлопчатобумажной майке. Тут же ей стало прохладно.

Подойдя к окну, она проверила батареи, которые заряжались восемью солнечными панелями, расположенными на крыше. Щелчок переключателя перевел систему очистки воздуха с низкой, фильтровавшей воздух в ее отсутствие, на высокую. Батареи заряжены полностью — значит, во время ужина можно порадовать себя музыкой. Хоть что-то утешительное. Она просмотрела свои диски и выбрала «Кэнон» Пачелбела, затем передумала — уж очень мрачно. Может, стоит послушать «Лакме» Делиба. Это сгодится, там говорится о надежде. О весне. Весне.

Под музыку она тщательно вымыла овощи в воде, пропущенной через угольный фильтр. Хотя, конечно, это не спасет от токсичных примесей, все еще циркулирующих в воздухе. Но что с ними поделать — совсем уж непонятно. Она достала с полки нож и занялась перцем: разрезала, вынула семена и отложила в сторону на просушку. Тем временем память обратилась к весне пятилетней давности. Последней весне, когда она видела живого Гарри.

Как может жизнь оказаться столь тривиальной? — вот в чем вопрос. Старательно ополоснув, она разрезала помидор; сильный аромат защекотал ноздри. Листья салата она тоже вымыла и порвала маленькими кусочками.

Была весна, стояла чудесная теплая погода, в воздухе пахло сиренью и надеждой. Перед ланчем они с Гарри встретились в крохотном кафе в центре города, поблизости от университетского городка, где он преподавал. Она предупредила секретаря, что вернется часа через полтора, но Гарри неожиданно сказал, что у него в запасе лишь тридцать минут, ему надо пораньше вернуться в колледж.

Они устроились на террасе и сделали одинаковый заказ: салат и кофе-латте. Она смотрела на молодых людей, оголившихся по случаю теплой погоды, таких счастливых и здоровых. «Ничто не сравнится с двадцатилетним телом», — подумала она, хотя в свои тридцать пять благодаря ежедневным утренним пробежкам была в отличной форме.

Гарри жевал салат «Цезарь», а она рассматривала свое отражение в окне у него за спиной: каштановые волосы,

большие темные глаза, красивый овал лица, несколько морщинок, но их легко исправить с помощью косметолога и укола ботокса.

Она перевела взгляд на Гарри и обнаружила, что он смотрит вовсе не на нее, а на двадцатилетние оголенные тела. За долю секунды она успела понять, что муж ей изменяет.

Он почувствовал ее взгляд, красивое лицо дрогнуло. Гарри заволновался.

— Что нового? — спросил он.

Она отложила вилку.

— Кто она?

— Она? — переспросил Гарри, явно скрывая неловкость. — Пожалуйста, уточни, что ты имеешь в виду, иначе...

— Та, с которой ты спишь. Как ее зовут?

Он приоткрыл рот, но ничего не сказал. Замкнулся в себе, взгляд стал высокомерным... Впившись в мужа лазером проницательных глаз, она произнесла:

— Не утруждай себя ложью. Просто ответь на мой вопрос.

Ей самой показалось, что голос не дрогнул и прозвучал на редкость спокойно. И Гарри, наверное, уловил ее настроение. Он просто ответил:

— Ее зовут Эйлин.

— Студентка?

— Первого курса.

— Наверное, она пришла обсудить с тобой доклад или научную работу.

— Научную работу. Весьма посредственную. Я указал ей на ошибки.

Подобным тоном они могли бы обсуждать планы города по благоустройству береговой линии или новое кино, которое стоит посмотреть. Внезапно она поняла, что не может больше выносить лжи последних пятнадцати лет. Не говоря ни слова, она взяла сумочку и встала.

— Подожди, послушай...

Но прежде чем Гарри успел что-то добавить, она была уже далеко. «Моя жизнь — не жизнь вовсе, а лишь ее видимость», — подумала она. Столько лет закрывать глаза на

правду! И вот так, прекрасным весенним днем, понять, что едва ли она любила его в двадцать, а теперь и вовсе не любила. По крайней мере, в том смысле, в котором подразумевается любовь между мужчиной и женщиной. И, что самое отвратительное, она знала: это взаимно.

Целый час она носилась по улицам, но после не могла бы сказать, по каким; даже района не помнила. Мелодия в мобильном — девятнадцать нот «Цветочного дуэта» — играла снова и снова, и наконец телефон был извлечен из сумочки и отправился в урну. Вскоре и надоевшая сумочка полетела туда же.

Перед дверьми дома она оказалась без ключей. Уже стемнело. Странно выглядели и деревья, и трава, и другие дома на улице. Как будто она видела их впервые.

Пришлось позвонить. Гарри впустил ее и посторонился, давая дорогу. Ему, как и ей самой, ругаться не хотелось. Вероятно, отношения не стоили даже того, чтобы их выяснять. Вдруг она почувствовала, что выдохлась, и поднялась в спальню, где на кровати обнаружила почти уложенный чемодан мужа.

Она медленно разделась и оставила все прямо на полу. Потом набрала ванну, скользнула в горячую воду, захватив с собой бокал божоле, и тут же уснула. Открыв глаза, почувствовала, что вода совсем остыла и к тому же окрасилась невыпитым вином, словно кровью. В доме царило гробовое молчание. Чемодана на кровати не оказалось. Зато на туалетном столике нашлась записка: какая-то чушь насчет того, как ему жаль, что все так вышло, и наилучшие пожелания... Она разорвала бумажку на много-много мелких кусочков и спустила в унитаз.

Нарезанная кусочками сырая брокколи отправилась в салат. На полу в самом прохладном месте кухни хранилась бутылочка оливкового масла. Женщина добавила несколько капель в салат, вновь тщательно закупорила бутыль и убрала обратно. Постояла, посмотрела на еду, закрыла ее специальной сеткой от насекомых и пошла к дивану. Кровати в единственной комнате ее домика не было, был только диван. Она упала на него совершенно без сил. Вечно изможденная. Постоянно не уснуть.

Отчего прошлое явилось к ней именно сейчас? Словно болезнь под названием «воспоминания» незаметно проникла в разум и сердце, затаилась до поры до времени и в конце концов дала о себе знать именно тогда, когда ее меньше всего ожидали.

Женщина беспомощно окинула комнату взглядом. Диван стоял так, чтобы с него был виден каждый уголок дома и входная дверь. Всего одна комната. Удобно. Жизнь сжата до предела. Домик ушел в землю, словно могила, зато так прохладней. За диваном была маленькая дверца из серии «Алиса в Зазеркалье», запиравшаяся с той стороны. На случай вторжения можно пробраться по тоннелю и оказаться в ста футах от дома.

И вдруг она тоненько, пронзительно хихикнула. Ужасная нелепость! Если сюда нахлынут нелюди, значит, дома у нее не будет. А куда ей еще идти? Она видела, как инфекция настигала жителей деревень одного за другим; на ее глазах не осталось ни одного здорового человека. По крайней мере, за последний год она нормальных людей не встречала. Все реже и реже она наведывалась в деревни, потому что видеть этих скукожившихся от света существ было просто невыносимо. К тому же все необходимое уже давно было сложено под навесом у двери: боеприпасы для автомата, что лежал подле дивана; патроны для пистолета, который всегда при ней — в кобуре на поясе. Оружием она пользовалась только для тренировки и сомневалась, что сможет выстрелить в этих некогда живых людей.

Пока в бензоколонке оставался бензин, а в деревне — пара машин на ходу, она привезла к себе запас бутылок воды на случай, если колодец пересохнет. Запаслась одеждой, обувью, постельным бельем и кухонной утварью. Баллонами с газом, хотя теперь готовила на огне очень редко. Из книг узнала, как пользоваться солнечными батареями. Непросто было привезти их из строительного магазина, а установить на крыше и того сложнее. Тяжелые батареи немало испытали ее силу, а изобретательность — еще больше. Но они накапливали солнечную энергию, конвертер преобразовывал ее в нечто полезное, питавшее электроприборы. Телевидение не транслировало передачи, радиостанции тоже не работали, как и те-

лефоны, Интернет и прочие средства связи с миром. Радио она оставила включенным, но прошли уже многие месяцы с тех пор, как оно замолчало. Теперь, чтобы выжить, ей требовались только освещение и музыка. Выжить. Вот как обстояли дела: она не жила, а выживала. Еле-еле.

— Вот и все, что нужно единственной оставшейся в живых женщине, — произнесла она вслух.

Звук собственного голоса в тишине прозвучал столь непривычно, что слезы на глаза навернулись.

Почему все умерли, а она живет? Отчего на нее обрушилось это кошмарное существование? Может, на самом деле она уже мертва и попала в ад? В юности ей довелось прочесть описание ада у Данте и полюбоваться восхитительными гравюрами Доре, но теперь-то она узнала, что в аду вовсе не девять кругов, а гораздо больше.

Начавшаяся эпидемия бактериальных инфекций сначала бушевала в специальных медицинских учреждениях, затем разнеслась по больницам, школам, предприятиям — по всем тем заведениям, где люди контактировали друг с другом. В то же самое время сильно изменился озоновый слой; на Северном полюсе таяли льды, поднимался уровень моря, замерзшая некогда тундра стала похожа на луга средней полосы. Когда антарктические льды начали ломаться громадными айсбергами, из ледяного плена освободились микроорганизмы, и ученые обнаружили, что некоторые формы жизни способны сохраняться тысячелетиями.

Новости пестрели сообщениями о войнах, которые стали обыденностью. Они уносили тысячи жизней, росла гонка вооружений всевозможных типов, стала реальностью стратегия ограниченной ядерной войны. В воздухе висел не только смог, но еще и радиоактивная пыль, разносившаяся воздушными потоками. Почва и вода стали токсичными. Государства принимали меры для их очистки, чтобы выращивать урожай и пить воду, но платить за это могли лишь достаточно состоятельные горожане. Большинству населения предосторожность оказалась не по карману. Появились неведомые прежде заболевания иммунной системы.

Неся огромные потери, человеческое общество приходило в упадок: помойки разрастались огромными грудами

мусора, транспорт остановился, медикаменты закончились, службы электроснабжения и сотовой связи прекратили работу. Люди замерзали или сгорали до смерти, если, конечно, их не сжирали другие граждане.

Она заново переживала сменившиеся за каких-то пять лет витки похожей на ад действительности. Человечество пыталось приспособиться. Сердце в груди налилось тяжестью, словно свинцом: какая наивность, глупость, самодовольство! Сильные мира сего обещали, что в конце концов все будет в порядке. Но все шло из рук вон плохо. И лучше теперь не станет никогда! Одно время ей казалось, что хуже и быть не может, но как же она ошибалась! Стремительно разнеслось по миру новое поветрие: мертвые перестали умирать.

К этому времени она уже бесцельно путешествовала по Новой Зеландии. Ехать некуда. Ничего не оставалось делать, кроме как сидеть сложа руки и наблюдать гибель мира. «Погоди, скоро придет твой черед», — говорила она себе, но очередь так и не подходила.

По правде говоря, поездка в Новую Зеландию оказалась ошибкой. Здесь не было радиоактивных осадков, и власти вскоре закрыли границы для иммигрантов и гостей, а в конечном счете запретили передвижение жителей внутри собственной страны. Никто не мог ни въехать, ни выехать отсюда. Но к тому времени было уже поздно: для человечества, для Гарри, умолявшего ее вернуться домой, к нему, во время последнего телефонного разговора... Все уже было слишком поздно.

Она взяла дневник, в котором описывала события своей жизни и хронику разрушения некогда привычной действительности. Дневников набралось уже пять, по одному на каждый год с момента ее приезда в Новую Зеландию. Записи помогали не сойти с ума, даже если за день она исписывала всего лишь полстраницы, занося в дневник заурядные события повседневной жизни: садоводство, приготовление пищи и очищение кишечника. Порой рассуждала о науке и политике — она кое-что узнала из книг и журналов, которые брала в библиотеке, и из собственного опыта тоже многое могла почерпнуть. Но самыми душеразди-

рающими были записи, в которых выплескивавшиеся эмоции кровью засыхали на страницах дневника. Измученная одиночеством и отчаянием, она с трудом могла перечесть написанное. Потому что знала: она последний живой человек на планете. Все попытки выйти на связь через рацию растворились в мертвой тишине.

— Данте рассуждал о том, о чем понятия не имел! — пробормотала она, и голос отозвался эхом в ушах. — Число кругов ада бесконечно.

Мысли о самоубийстве посещали ее столько раз, что она даже не бралась сосчитать. Вызывал недоумение тот факт, что она до сих пор жива — вопреки новой чуме и смертоносному воздуху. Почему? Но ответы, как и все прочее, так просто не давались. Женщина давно прекратила лихорадочные изыскания и поиск литературы в бесплодных попытках понять, откуда же у нее взялся иммунитет против болезни, поразившей всех остальных? Против болезни, которая унесла бы в могилу всех... если бы они могли умереть.

Но именно умереть-то они не могли. Днем они прятались от солнечного света, а ночью бесцельно бродили по округе. Нет, вовсе не бесцельно: ведь они непременно оказывались рядом с ее домом. Быть может, они приходили сюда в поисках единственной нити, связывавшей их с жизнью? Ходячие мертвецы, ее единственные компаньоны. И, что самое страшное, некоторые из них не сильно разлагались, кое-кого до сих пор можно было узнать. Например, Джо, который некогда содержал мясную лавку. Люси из аптеки. Неда с женой Сарой: их дом был крайним, они торговали фруктами и овощами.

Женщина вспомнила их прежние лица и то, какими они стали теперь. Неужели такое возможно? Изнутри поднялась жуткая волна истерики, затрепетала в горле и вылилась неудержимыми рыданиями.

Плакала она недолго. В последний раз такое случалось с ней около полугода назад.

Взяв ручку, она стала писать, писать, пытаясь словами выразить чувства, окатившие ее с головы до ног, словно штормовые волны. Ей так и не удалось оправиться от по-

трясения, насколько быстро заболевание овладевало людьми. Как-то раз она зашла в аптеку, с Люси все было в порядке. На следующий день под глазами у нее залегли густые тени, она сильно расчихалась. На третий день хозяин аптеки сказал, что Люси слегла «с сильным насморком». В полночь ее обнаружили расхаживающей по улицам с непонятными пятнами на коже и горящими глазами. С ней пытались заговорить, помочь, но сама Люси уже говорить не могла, лишь бессвязно бормотала и тихонько стонала. Заболели все, к кому она прикасалась.

Люси оказалась первой из местных жителей, пораженной неведомой болезнью, новой чумой. Число неупокоенных мертвецов росло, оставшиеся в живых паковали вещи и бежали из деревень. Куда? Непонятно, где можно от такого спрятаться.

В скитаниях она наткнулась на этот дом. Когда продуктовый и строительный магазины остались без хозяев, она начала запасаться едой и водой, возводить забор, обустраивать свой мирок. Потом появились они. Те, кто не покинул этих мест. Со всех деревень, в общей сложности насчитывавших некогда десять тысяч жителей, собралось несколько десятков ходячих мертвецов. Каждую ночь они выбирались из своих домов и шли к ней. Жуткий ритуал. «Может, они столь же одиноки, как я, — писала она. — Можно сказать, что я наполовину мертва, только по-другому. Возможно, мы необходимы друг другу, и виной тому странное симбиотическое проклятие. Если меня не станет, что случится с ними? Если назавтра они исчезнут, буду ли жить я? Вот такой дзэн. Совершенный и страшный дзэн».

Внезапно она ощутила свинцовую тяжесть во всем теле, неподъемным грузом навалилась усталость, глаза слипались. В изнеможении она упала на диван, предупреждая себя, что если уснет сейчас, то непременно проснется среди ночи. Но внимать доводам разума сил не хватило.

Во сне она идет по цветущим лугам под желтым солнцем, в голубых небесах плавают легкие облачка. Земля приятно холодит босые ступни, воздух напоен сладким ароматом сирени, легкий теплый ветерок колышет юбку и волосы... Она закрывает глаза и чувствует, как по костям пробирается

жар, нагревает ее изнутри, и она думает: «Солнце уж очень припекает!»

До нее доносится посторонний звук, она оборачивается и видит идущего к ней мужчину. На нем надеты синие джинсы и футболка, которая не скрывает мускулистого тела. Он приближается, уже можно разглядеть небесно-синие глаза, светлые волосы цвета солнца — мужчина излучает энергию и бодрость сегодняшнего дня. Словно природа, во веки веков самоочищающаяся и самовозрождающаяся.

Внезапно мужчина превращается в Гарри, он подходит к ней вплотную и берет за подбородок. Прикосновение подобно электрическому разряду. Словно ее тело — один большой проводник, по нему пробегают искры, посылая сигналы в мозг, сердце и половые органы... Она трепещет, одновременно раскрываясь навстречу и опасаясь его. Не раскрывая рта, Гарри произносит:

— Не бойся! Это было предопределено.

Интересно, каким образом?

— Ты мертв? — спрашивает она.

Он улыбается и притягивает ее к груди, крепко целует в губы, такой знакомый язык Гарри оказывается у нее во рту, движется там, исследует ее. Из болезненной тьмы рождается образ. Заражена...

Она вздрогнула и проснулась. Все тело липкое от пота. Она резко села и затряслась в ознобе, словно вдруг похолодало. Схватила лежащее в ногах одеяло и, все еще содрогаясь, закуталась потеплее.

Плохо понимая, что происходит, она оглядела комнату, слабо освещенную одной-единственной пятнадцативаттной лампочкой, которую всегда оставляла включенной над кухонным столом, чтобы отогнать демонов тьмы. Но они все равно проникли к ней.

Не чувствуя под собой ватных ног, она все же встала, приложила ладонь к прохладному лбу, а потом пошла за аптечкой к буфету. Сунула термометр под язык и, пока мерилась температура, подошла к окну, открыла шпингалет тяжелых деревянных ставень, распахнула их и выглянула наружу.

Ночь, напоенная тьмой. И тишиной. Ни звука. Когда глаза привыкли к темноте, она, насколько смогла из окна, вни-

мательно рассмотрела наружную границу забора вплоть до ворот. Там никого не оказалось — по крайней мере в пределах видимости.

Полная луна висела в небе, словно приклеенная к черноте. Женщина взглянула на лунный диск искоса, пытаясь различить лицо, которое видела там в детстве, но детали теряли четкость в сгустившейся атмосфере.

Она вынула градусник и, вглядевшись при свете лампы, убедилась, что температура нормальная. И точно, больной она себя не чувствовала. Зеркало у двери отражало худое, измученное лицо — это она готова была признать. Действительно, она утомлена, но ясноглазая и в полном сознании. Она рассеянно пробежалась по коротким волосам пальцами, словно расческой, пригладила их. «Со мной все в порядке», — одновременно с облегчением и разочарованием подумала она.

— Просто у тебя овуляция, — сказала она отражению в зеркале.

Ей ответил серьезный взгляд женщины, словно вопрошавший: и что с того? Какое это имеет значение?

— Скоро ты состаришься и умрешь, — сказала она.

Отражение не ответило.

— Состаришься и умрешь...

Умрет ли она, *сможет* ли? Или ее ждет та же участь, что и всех несчастных, которые заболели и не могли ни вылечиться, ни умереть, попав в ловушку микроорганизмов, поддерживающих их в столь страшном состоянии? Поэтому они вынуждены бесконечно и беспомощно шататься по округе. Слабые, безумные, неспособные пользоваться никакими инструментами.

— Неужели это делает нас людьми? — вопросила она свое отражение.

Но оно, как всегда, не ответило.

Вдруг она гневно отбросила одеяло, широкими шагами подошла к дивану, схватила автомат и отперла дверь. Ночью похолодало, на нее налетел порывистый ветер. Приближалась буря. Сегодня она жаждала перемен. Кто-то умрет. Один из них. Или она сама. Не важно. Так продолжаться больше не может!

Сознавая безумие своих мыслей, она все же не остановилась, а устремилась к забору и пошла вдоль него. Миновала огород. Прошла со стороны холма. Потом — мимо земляной насыпи, примыкавшей к дому, ее тюрьме. Ничего. Никого. Где же они? В отчаянии спасались бегством? Загрузились на борт летающей тарелки инопланетян и умчались прочь? Может, равновесие наконец-то сместилось, организмы, отвечающие за разрушение жизни, одержали верх и ходячие мертвецы умерли? Сегодняшней ночью ей как никогда прежде казалось необходимым это выяснить. Ей хотелось заглянуть в какое-нибудь из этих жутких, отвратительных лиц, всмотреться в полужизнь-полусмерть и найти способ помочь им упокоиться. Возможно, именно так следует поступить. Подавить отвращение и послать пулю в лоб, перестрелять их всех одного за другим. Тогда она сможет передвигаться спокойно! Что с того, что нелюдей больше не будет подле дома? Она и сейчас совершенно одна. Абсолютно. Прежний мир отступал куда-то далеко-далеко, как забывается давний сон.

Она миновала то место в заборе, которое ожидало ремонта. Все в порядке. Чинить нечего: это ее нервы расшатались, а не ограда.

Быстрыми шагами она прошла к другой стороне холма, потом снова вернулась в палисадник. Ни одного полумертвеца. Разочарованная, она вышла из круга света, который отбрасывал фонарь, и впилась взглядом в безучастную луну. Внезапно она поддалась иному импульсу: запрокинув голову назад и подставив лицо потустороннему свету, она завыла, словно дикий зверь. Она выла снова и снова, ее вопли смешивались с гулом надвигавшейся бури, и вот голос ее сорвался на визг. Автомат выпал из рук. Ослепленная невыразимым отчаянием, она бездумно, запинающимися шагами бродила по двору; руки прикрывали солнечное сплетение, грудь разрывалась от рыданий и воя. Наткнувшись на забор, она рухнула на землю и скорчилась в позе зародыша, прижавшись спиной к сетке ограды.

Затуманенный безмерной скорбью рассудок не сразу осознал: что-то изменилось. Жгло заднюю часть шеи. По телу разливалось тепло, и сначала сложно было разобрать, что оказалось тому причиной. Но вскоре она поняла. Ее ласка-

ло прикосновение отрадного холода — столь ледяного, что кожа воспринимала его как ожог. Прямо за спиной слышалось дыхание. Влажное. Очнувшийся разум забил тревогу: ведь нужно бояться страшной близости, прикосновений... Но часть ее существа жаждала этого. Она села, прислонилась к забору. Все больше и больше пальцев тянулось к ней. Они ласкали ее, словно возлюбленную, как некогда ласкал ее Гарри. Гнилостный запах для нее благоухал ароматом цветов сирени. Она провела рукой по своему плечу, и одна плоть коснулась другой. Что было мочи хлестал дождь, и ветер унес с собой тоску. Печаль покинула ее впервые за долгое-долгое время.

НИЛ ГЕЙМАН

Горькие зерна

Нил Гейман — популярный писатель, создавший, среди прочих бестселлеров, роман «Американские боги» («Amerikan Gods»), «Коралина» («Coraline») и «Дети Ананси» («Anansi Boy»), а также многочисленные антологии рассказов и стихов. Кроме того, перу Геймана принадлежат комиксы серии «Песочный человек» («Sandman»). Автор также много сотрудничает с кино и телевидением: написал для BBC сценарий мини-сериала «Задверье» («Neverwhere»), позднее переделав его в роман, был соавтором сценариев к фильмам «Зеркальная маска» («MirrorMask») и «Беовульф» («Beowulf»), написал английский сценарий к полнометражному мультфильму-анимэ Хаяо Миядзаки «Принцесса Мононоке». По роману Геймана «Звездная пыль» («Stardust») в 2007 г. был снят фильм.

Нил Гейман удостоился большинства, если не всех существующих наград в области научной фантастики, фэнтези и хоррора. В списке его трофеев три премии «Хьюго», две «Небьюлы», Всемирная премия фэнтези, четыре премии Брэма Стокера и одиннадцать премий журнала «Локус».

Рассказ «Горькие зерна» впервые был опубликован в антологии фэнтези на карибские темы «Амулет: истории о заклинании духов» («Mojo: Conjure Stories»). В своем блоге Гейман пишет: «Я подозреваю, что прочитавший этот рассказ недоуменно фыркнет, а потом, через недельку или попозже, поскольку рассказ будет все еще маячить на горизонте его сознания и не давать ему покоя, он вновь вернется к тексту и обнаружит, что рассказ топографически перестроился в совершенно иную историю».

1

«Или приходи рано, или можешь совсем не являться»

С какой стороны ни посмотри, я был мертв. Да, внутренне я, может, и кричал, и рыдал, и выл, как дикий зверь в ловушке, но это происходило где-то глубоко внутри — там рыдал, и выл, и бился какой-то другой человек, дру-

гой я, которому было не дотянуться из этих глубин до моего лица и губ. Так что внешне я лишь пожал плечами, улыбнулся и двинулся дальше. Если бы я мог умереть физически, просто раз — и все, не предпринимая никаких усилий, перейти в мир иной так же легко, как через порог в соседнюю комнату, я бы это сделал. Но я намеревался спать по ночам и просыпаться по утрам, приговоренный к земному существованию и разочарованный тем, что не умер.

Иногда я звонил ей. Ждал один-два гудка, затем вешал трубку.

Тот внутренний я бился и выл так глубоко, что никто и не подозревал о его существовании. Даже я забыл о нем — до того самого дня, когда сел в машину, чтобы сгонять в магазин купить яблок. Но я промчался мимо магазина и покатил дальше, дальше, дальше. Дальше на юго-запад, потому что, двинься я на северо-восток, быстро бы очутился на краю света.

Я ехал по шоссе уже с час, когда у меня зазвонил мобильник. Я опустил стекло и вышвырнул его на шоссе. Интересно, кто его подберет и ответит ли этот кто-то на звонок? Получит в подарок мою жизнь.

Остановившись на заправке, я заодно снял наличные со всех своих карточек. То же повторил и на другой день, и так на каждой заправке, пока карточки не перестали работать.

Первые две ночи я провел прямо в машине.

Только проехав через пол-Теннесси, я осознал, что давно не мылся и так грязен, что готов заплатить за возможность ополоснуться. Взял номер в мотеле, вытянулся в ванне и уснул — пробудился оттого, что вода остыла. Побрился пластиковым мотельным станочком, к которому прилагался и пакетик пены. Потом доплелся до кровати, рухнул и вырубился.

Проснулся в четыре утра и сразу понял: пора в путь.

Спустился в вестибюль.

Перед стойкой мотеля ярился какой-то мужчина — седоватый, лет тридцати, никак не больше, в добротном, но измятом костюме. Он все твердил: «Я заказал такси час назад. Час, понимаете?» — и пристукивал по стойке бумажником в такт словам.

Ночной портье в ответ лишь плечами пожал и уронил:

— Я позвоню еще раз. Но, если машины нет и прислать нечего... — Портье набрал номер, сказал в трубку: — Мотель «Полуночник» беспокоит... Да, я ему уже говорил... Говорил уже.

— Послушайте, — обратился я к незнакомцу. — Я, конечно, не таксист, но особо не спешу. Могу подбросить. Вам куда? Вы торопитесь?

Мужчина воззрился на меня как на психа, и на миг я уловил в его глазах страх. А еще через миг он уже смотрел на меня, как на ангела Господня.

— Господи, да еще как тороплюсь! — воскликнул он.

— Так скажите, куда вам, и я вас подвезу, — откликнулся я. — Говорю же, мне-то спешить некуда.

— А ну, дайте. — Седоватый забрал у портье трубку и сказал в нее: — Можете отменить вызов, потому что Господь только что послал мне доброго самаритянина. Все, кто появляется в нашей жизни, появляются не зря. Подумайте об этом на досуге, хорошо?

Нажав отбой, он подхватил свой портфель — как и я, путешествовал налегке, — и мы вышли на стоянку.

Было еще темно, мы так и ехали в темноте. Он разложил на коленях нарисованную от руки карту и светил на нее фонариком-брелоком, прицепленным к связке ключей. Время от времени он коротко бросал: «Здесь налево» или «Теперь сюда».

Потом сказал:

— Очень любезно с вашей стороны меня подвезти.

— Да на здоровье, — ответил я, — я ведь не тороплюсь.

— Ценю вашу отзывчивость. Знаете, что-то в этом есть этакое, из городских легенд — катить по дороге с таинственным благодетелем. Скажем, история о дорожном призраке. А когда я доберусь до места, то опишу вас друзьям, и они скажут: «Да, был такой, он помер лет десять назад, но так и колесит по дорогам и подвозит всех страждущих».

— Неплохой способ завязать побольше новых знакомств, — отозвался я.

Мой седоватый пассажир хмыкнул. Потом спросил:

— Чем вы занимаетесь?

— Можно сказать, временно ничем. Пока без работы. А вы?

— Преподаю антропологию. — Он помолчал. — Надо было представиться раньше, конечно. Преподаю в христианском колледже. Никто не верит, что там есть и антропология, но у нас есть курс, честно. Не во всех, но в нашем есть.

— Охотно верю.

Седоватый помолчал еще, потом продолжал:

— Машина у меня сломалась. Хорошо еще, дорожный патруль подоспел. Сказали, что отбуксировать мою машину смогут только утром. Грузовика нет. Потом патрульные позвонили уже мне в номер, сказали, тягач вышел, извольте подъехать, вы, мол, должны быть на месте, когда он появится. Вы представляете? Никак не могли взять в толк, что я уехал и не сижу в машине. Взял такси. Надеюсь, мы успеем на место до тягача.

— Постараюсь. — Я прибавил газ.

— Надо мне было лететь самолетом. Нет, летать-то я не боюсь, дело не в этом, просто решил сэкономить. Вообще-то я еду в Новый Орлеан. Лететь час, а изволь выложить четыреста сорок долларов. А если машиной, это обойдется всего в тридцатку. А поскольку я еду на казенный счет, то разницу, четыреста десять, мог бы спокойно положить себе в карман — отчета не требуется. Ну, ладно, полтинник у меня унел на номер в мотеле, но это уж всегда так. Научная конференция, понимаете? Я впервые участвую. Факультетские-то считают, ни к чему все это, но времена меняются. Конечно, я обрадовался, что меня пригласили. Шутка ли, съедутся антропологи со всего мира! — Он назвал несколько фамилий, которые мне ничего не сказали. — У меня доклад по гаитянским кофейным девочкам.

— В каком смысле — кофейным? Они пьют кофе или выращивают?

— Ни то ни другое. Они продавали его в Порт-о-Пренсе, вразнос, обходили дома по утрам. Это было в начале века.

Постепенно занимался рассвет.

— Многие считали, будто эти торговки кофе — зомби, — увлеченно продолжал мой пассажир. — Вы ведь знаете, что такое зомби? Ожившие мертвецы. Так, по-моему, тут нам надо повернуть.

— И что, они действительно были зомби?

Кажется, ему было приятно, что я заинтересовался.

— Собственно, в антропологии существует несколько точек зрения на феномен зомби. Видите ли, все не так просто, как представлено в популярных работах вроде «Змеи и радуги». Для начала нужно определиться с терминологией: о чем идет речь — о фольклорном поверье, о порошке, ввергающем человека в транс, подобный смерти, или же о ходячих мертвецах.

— Понятия не имею, — ответил я, целиком и полностью уверенный в том, что «Змея и радуга» — это какой-то фильм-ужастик.

— Разносчицы кофе были детьми, девочками пяти—десяти лет, они ходили в Порт-о-Пренсе от дома к дому и продавали кофейную смесь с цикорием. Как раз вот в такое время, как сейчас, до рассвета. Все они состояли под началом у одной старухи. Сейчас налево и до следующего поворота. А когда старуха умерла, девочки исчезли как не бывало. Так говорится в книгах.

— А вы какого мнения? — спросил я.

— Вот и моя машина, — произнес он вместо ответа, с облегчением в голосе.

В самом деле, на обочине алела «хонда-аккорд», а за ней мигал фарами тягач, и рядом с ним покуривал водитель. Мы подъехали поближе, и не успел я притормозить возле тягача, как антрополог уже распахнул дверцу, схватил свой портфель и выскочил на шоссе.

— А я решил, жду еще пять минут и уезжаю, — проворчал водитель тягача, небрежно кинув окурок в лужу битума. — Ладно, приехали, и спасибо. Так, мне нужна ваша кредитка и карточка «ААА»[1].

[1] «ААА» — Американская ассоциация автомобилистов, членская карточка которой дает право на услуги по обслуживанию автомобилей. — *Прим. перев.*

Мой пассажир сунул руку в карман и растерялся. Нервно обшарил все свои карманы, похлопал себя по бокам, потом сказал: «Бумажник!» Подбежал к моему автомобилю, открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, поискал на сиденье, на полу (я включил ему свет). «Бумажник...» — потерянно повторил он совершенно убитым голосом.

— В мотеле он у вас был, — напомнил я ему, не выходя из машины. — Вы держали его в руках и постукивали им по стойке портье.

— Черт меня раздери. Срань Господня, — прошипел антрополог из христианского колледжа.

— Ну, что у вас еще стряслось? — поинтересовался водитель тягача.

— Ничего, — отозвался мой пассажир. — Знаете, мы сделаем вот что. Съездите обратно в мотель. Я наверняка оставил бумажник прямо на стойке. Привезите его мне. А я пока поразвлекаю этого типа разговорами. Больше пяти минут у вас эта поездка не займет, — поспешно добавил он, увидев, какое у меня сделалось лицо. — Вспомните, люди возникают в нашей жизни не просто так.

Я пожал плечами. Вот невезуха, влип в чужую историю!

Пассажир захлопнул дверцу и знаками показал мне: «Давай сгожай, молодчина!»

...Мне отчаянно хотелось бросить его на произвол судьбы и просто уехать, но было слишком поздно — я уже подкатывал к мотелю. Портье узнал меня и отдал бумажник. «Я заметил, что он валяется на стойке, буквально минуту спустя после вашего отъезда», — объяснил он.

Я раскрыл бумажник. Кредитные карточки на имя Джексона Андертона.

Обратная дорога заняла у меня с полчаса. За это время уже окончательно рассвело. Тягача на шоссе не было, заднее стекло красной «хонды» кто-то разбил вдребезги, и дверца со стороны водителя открыта нараспашку. Может, это другая машина, той же марки и цвета? Может, я спутал поворот? Но нет, вот окурки, брошенные водителем, втоптанные в асфальт. А это еще что? Из канавы на меня разинул пасть раскрытый портфель. Пустой, а рядом кожаная папка. В ней я обнаружил машинописный доклад на пятнадцати страни-

цах, бланк заказа на номер в отеле «Мариотт» в Новом Орлеане, опять же на имя Джексона Андертона, и наконец упаковку презервативов — три штуки, ребристые, для максимального удовольствия.

На титульном листе распечатки значился эпиграф:

Принято считать, что зомби — это труп без души, живой мертвец. Зомби — это человек, который умирает, но затем возвращается в жизнь.

Зора Н. Харстон[1]. Скажи это моей лошади

Я взял папку, портфель оставил в канаве и пустился в путь под жемчужным рассветным небом.

Да, люди возникают в нашей жизни не просто так, не без причины. Все верно.

Покрутив настройку радио, я не нашел ни одной станции, которая бы стабильно принимала сигнал, поэтому включил автоматический поиск, и приемник скакал с волны на волну, шурша и потрескивая, перепрыгивая с религиозных песнопений на беседы о сексе, с библейских проповедей на песенки в стиле кантри, по три секунды на каждой станции, не больше.

...Лазарь, бесспорно, был мертв, и Иисус вернул его к жизни, дабы показать нам, да, показать нам, что...

...«китайский дракон» — то есть я так ее называю, эту позицию. Она классная. Фишка в том, чтобы в последний момент перевернуть партнершу с живота на спину и спустить прямо ей в нос. Уржаться можно, до чего это смешно получается!

...Ты только, красотка, вернись домой, буду ждать с бутылкой и ружьем под рукой. Буду ждать в темноте тебя, тебя, красотка, красотка моя...

---

[1] *Харстон Зора Нил* (1891–1960) — известная американская писательница, яркая представительница афроамериканской литературы. Занималась также фольклористикой. Провела некоторое время на Гаити, изучая местный шаманизм и собирая карибский фольклор, который затем издала в антологии «Скажи это моей лошади» (1938). — *Прим. перев.*

Когда Иисус сказал, что вы будете там, будете ли вы там? Никто из нас не знает, какой ему отпущен срок, так что будете ли вы там...

...президент подчеркнул, что инициатива исходит...

...каждое утро — это зерна нового помола. Для меня, для тебя, для всех, потому что каждый день мы начинаем жизнь сызнова.

Вот так оно и продолжалось, волна накатывала за волной, потрескивание, шипение, музыка, слова, а я ехал себе и ехал весь день, катил себе по проселкам. Просто ехал, куда глаза глядят.

К югу народ становится все общительнее и разговорчивее. Зайдешь в придорожную забегаловку, спросишь кофе, а тебе не просто его принесут — обязательно что-нибудь скажут, спросят, улыбнутся, кивнут.

Наступил вечер, и я сидел в кафе, на тарелке лежали жареная курятина, капуста и картошка, и официантка улыбалась мне. Еда казалась безвкусной, но, наверно, кафе тут ни при чем, это со мной что-то не то.

Я вежливо кивнул в ответ на улыбку, которую официантка поняла как просьбу долить мне кофе. Кофе горчил, и это мне понравилось. Не сама горечь — по крайней мере, хоть какой-то вкус разбираю.

— Вот смотрю я на вас и думаю, что вы наверняка профи в своем деле, — произнесла официантка. — Могу ли я узнать, кто вы по профессии?

Так и сказала, слово в слово.

— Разумеется можете, — ответил я.

Что-то на меня накатило, какая-то одержимость, я почувствовал, что заважничал, напыжился и выражаюсь не то как У. С. Филдс, не то как Чокнутый Профессор (толстый, а не в исполнении Джерри Льюиса, хотя вообще-то на самом деле для своего роста я тощий и мне не мешало бы поправиться на несколько фунтов).

— Собственно говоря, я... антрополог и направляюсь в Новый Орлеан на научную конференцию, где буду высту-

пать с докладом, участвовать в дискуссиях и всячески тусоваться с коллегами.

— Я так и решила, что вы ученый, — откликнулась официантка. — Ну, или зубной врач. Вид у вас такой.

И снова улыбнулась. Я подумал: остаться, что ли, в этом городишке насовсем, каждый вечер и каждое утро ходить в эту забегаловку. Пить их горчащий кофе, смотреть, как эта девушка улыбается мне, — и так, пока не закончатся деньги, не иссякнет кофе, до скончания века.

Я оставил ей щедрые чаевые и двинулся дальше на юго-запад.

2

«Язык докуда хочешь доведет»

Ни в Новом Орлеане, ни в его окрестностях не нашлось ни единого свободного номера. Что вы хотите, джазовый фестиваль, все занято. Спать в машине по такой погоде было бы слишком жарко, но, даже рискни я приоткрыть окно и всю ночь мучиться от жары, все равно такая ночевка небезопасна. Новый Орлеан — отличный город, чего не скажешь о многих городах, где я живал, однако спокойным и благополучным его никак не назовешь.

Я потел, вонял, кожа зудела. Хотелось вымыться и поспать, отключиться от мира.

Вместо этого я тщетно колесил от одного убогого отельчика к другому, пока наконец не подкатил на парковку отеля «Мариотт» — я знал, что рано или поздно сдамся и так и поступлю. «Мариотт» на Канал-стрит. Я точно знал, что один номер у них есть, зарезервирован, и документ у меня был с собой, в кожаной папке.

— Мне нужен номер, — сказал я портье за стойкой.

Эта дама на меня даже взглянуть не пожелала.

— Свободных мест нет и не будет до вторника, — отрезала она, не поднимая глаз от клавиатуры.

Мне необходимо было побриться, вымыться, отдохнуть. Ну что такого страшного она мне скажет в худшем случае? «Вы уже заняли номер?»

— Видите ли, мне уже зарезервирован номер, от университета. На фамилию Андертон.

Тут она кивнула, пробежалась пальцами по клавиатуре и уточнила:

— Джексон Андертон?

Выдала мне ключ от номера, и я внес часть оплаты. Потом она показала мне, где лифты.

Около лифта со мной заговорил смуглолицый коротышка — с ястребиным носом, волосы завязаны в хвост, на лице седая щетина.

— Вы Андертон из Хоупвелла? — уточнил он. — Мы с вами соседи. По публикациям в «Антропологических ересях». — На нем была футболка с надписью: «Антропологам врут, а они все равно делают свое дело».

— Правда? — вежливо переспросил я.

— Именно. Меня зовут Кэмпбелл Лак. Университет Норвуда и Стритема. Бывший политех Северного Кройдона, Англия. У меня доклад об исландских привидениях.

— Приятно познакомиться вживую. — Я пожал ему руку. — А по выговору не скажешь, что вы лондонец.

— Так я брамми. Из Бирмингема, — уточнил он. — Кстати, никогда раньше не встречал вас на подобных мероприятиях.

— Это мой первый выход в свет, — объяснил я.

— Тогда держитесь за меня, я вас возьму под крыло, — предложил он. — Помню, как сам впервые оказался на конференции, так у меня натурально поджилки тряслись, все думал, как бы чего не сморозить. Сейчас к стенду, потом разбежимся по номерам, распакуемся, сполоснемся. А потом... Со мной на самолете летела целая куча детишек. Честное благородное. Одного тошнит, другой обгадился, и так по кругу. Ревели одновременно не меньше десятка сразу. Устал я.

Мы подошли к стенду конференции, взяли наши значки и программы.

— Не забудьте записаться на прогулку с привидениями, — напомнила улыбающаяся дамочка у стенда. — Каждый вечер прогулка с привидениями, специальный тур по Новому Орлеану, набор в группу не больше пятнадцати человек, так что спешите записываться!

В номере я помылся, кое-как постирал одежду в ванне, развесил на просушку. Смены у меня не было.

Потом сел голым на кровать и принялся листать бумаги, обнаруженные в портфеле Андертона. Просмотрел его доклад, но не вчитывался — голова не работала. Однако в папке был не только доклад.

На обороте пятой страницы, на чистом листе, Андертон убористо, четко написал вот что: «Будь мир идеален и совершенен, в нем можно было бы беспрепятственно трахаться, не тратя на это никаких эмоций. А каждый поцелуй или касание, наполненные эмоциями, заставляют тебя отдавать кусочек своего сердца — и отдавать безвозвратно. И так до тех пор, пока от тебя ничего не...» Дальше было неразборчиво — то ли «останется», то ли еще какое слово.

Когда моя единственная смена одежды почти высохла, я натянул ее на себя и спустился в бар отеля. Кэмпбелл уже поджидал меня, попивая джин с тоником. Еще одна порция стояла на столе нетронутая. Кэмпбелл деловито размечал программку конференции — он обвел кружочками номера всех докладов, которые собирался послушать.

— Правило номер один, — объяснил он, — посылайте на фиг все доклады до полудня, если только докладчик не вы, — и тут же показал, что мой доклад он подчеркнул, — значит, собирается послушать.

— Никогда раньше не выступал, — признался я. — На конференции.

— Плевое дело, Джексон, — небрежно успокоил меня бирмингемец. — Полная фигня. Знаете, как я обхожусь?

— Нет.

— Просто зачитываю текст по бумажке. Потом отвечаю на вопросы — треплюсь. Но, заметьте себе, треплюсь активно, а не пассивно. Это самая лучшая часть — трепаться. Словом, говорю вам, плевое дело.

— Знаете, вот с этим у меня как раз не очень, я имею в виду — м-м... с трепотней, — произнес я. — Я слишком честен.

— Ну тогда просто кивайте в ответ на каждый вопрос и с умным видом говорите: «О, это хороший вопрос, он касается тех аспектов, которые я вынужден был затронуть в докладе лишь поверхностно, будучи ограничен регламентом». Они и отлипнут. А если какой псих и пристанет, мол, у вас тут ошибочка вышла, тогда делаете так: напыживае-

тесь и говорите: дескать, важнее не то, во что легко поверить, а истина.

— И как, это срабатывает?

— На все сто! Помню, несколько лет назад читал я доклад о происхождении религиозных сект в персидских войсках. В эти секты с равным успехом шли и индуисты, и мусульмане, потому что почитание богини Кали появилось позже. А началось все со своего рода тайного манихейского общества...

— А, ты все еще несешь эту чушь?

Это произнесла внезапно появившаяся возле нашего столика высокая бледная женщина с нещадно выбеленными волосами. Наряд ее отличался какой-то агрессивностью, богемной небрежностью и к тому же был слишком теплым, не по погоде. Я легко представил себе, как она едет на велосипеде — прогулочном, у которого спереди корзинка.

— Несу чушь? К твоему сведению, я, черт дери, пишу об этой «чуши» книгу! — воскликнул Кэмпбелл. — Ладно, вот что... Кто идет со мной гулять по Французскому кварталу, пробовать новоорлеанские соблазны?

— Я пас, — без улыбки отказалась беловолосая. — Познакомь-ка меня со своим приятелем.

— Джексон Андертон из Хоупвеллского колледжа, — представился я.

— А-а, доклад по разносчицам кофе, девочкам-зомби? — Вот тут она заулыбалась. — Как же, видела в программе. Очень занятно. Еще одна штука, которой мы обязаны Зоре Нил Харстон, да?

— Как и «Великому Гэтсби», — парировал я.

— А разве Харстон была знакома со Фрэнсисом Скоттом Фитцджеральдом? — удивилась беловолосая. — Вот не знала. Да, забываешь, что тогда нью-йоркский литературный круг был очень узок, все друг друга знали, а для гениев и расовые разграничения готовы были отменить.

— Отменить? — Кэмпбелл саркастически хмыкнул. — Зато ценой какой кровушки! Чтоб вы знали, Харстон умерла в нищете, работала уборщицей где-то во Флориде. И при жизни никто знать не знал, что она писательница, а уж про ее совместную с Фитцджеральдом работу над «Гэтсби» и подавно. Что ты, Маргарет! Это такая история — плакать впору.

— Но потомки не забудут ее вклада и ее судьбы, — четко сказала Маргарет и пошла прочь.

— Когда вырасту, хочу стать как она, — пошутил Кэмпбелл, глядя вслед высокой фигуре в богемном балахоне.

— Почему? — не понял я.

Он перевел взгляд на меня и ответил:

— Все дело в том, как относиться. Вы правы. Кто-то из нас пишет бестселлеры, а кто-то их читает. Кто-то получает премии, а кто-то нет. Но важнее всего оставаться человеком, так ведь? Важнее всего, насколько ты хороший человек. И еще важно быть живым.

Кэмпбелл похлопал меня по плечу.

— Ну, пошли. Сегодня покажу вам интересный антропологический феномен, о котором читал в Интернете. Такого вы у себя, в своей кентуккийской глухомани, не увидите. А именно — женщин, которые в обычных обстоятельствах не покажут свои титьки даже за тысячу баксов, а тут с радостью вывалят все добро наружу перед толпой, и все за дешевенькие пластмассовые бусы.

— Бусы — это какое-то универсальное средство в торговле, — заметил я.

— Да, и об этом, черт дери, тоже есть доклад. Ну все, пошли. Пили когда-нибудь коктейль с желе?

— Нет.

— И я тоже. Но это будет омерзительно. Так что идемте, попробуем.

Мы расплатились за выпивку, и мне пришлось напомнить Кэмпбеллу, чтобы оставил на чай.

— Кстати, насчет Фитцджеральда, — спохватился я. — Как звали его жену?[1]

— Зельда, а что?

---

[1] *Зельда Фитцджеральд* (1900—1948), в девичестве Зельда Сейер, — жена американского писателя Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда (1896—1940). Супруги печально прославились скандальными выходками и разгульным образом жизни. История их отношений, алкоголизма писателя и шизофрении его жены отчасти легла в основу романа Фитцджеральда «Ночь нежна». Госпитализированная в 1930 г., Зельда пережила мужа, скончавшегося от сердечного приступа, и погибла в психиатрической лечебнице в результате пожара. — *Прим. перев.*

— Да ничего, проехали.
Зельда, Зора. Какая разница.
Мы вышли из отеля.

3

«Ничто, как и нечто, происходит повсеместно»

В полночь или около того мы с бирмингемцем антропологом очутились в баре на Бурбон-стрит, и Кэмпбелл начал угощать выпивкой — крепкой, не ерундой, потому что коктейлей с желе тут не подавали, — двух темноволосых женщин, расположившихся у стойки бара. Они были похожи как две капли воды — может, сестры. В темных волосах одной выделялась красная ленточка, у другой — белая. Таких бы охотно написал Гоген, но он, будьте уверены, написал бы их гологрудыми и уж точно без серебряных сережек, изображавших крошечные мышиные черепа. Сестры оказались смешливы и все время хохотали.

Как-то, глянув за окно, мы увидели проходившую мимо группу наших — целая компания с конференции, под предводительством гида с черным зонтиком. Я указал на них Кэмпбеллу.

Алая Ленточка сказала:

— А-а, так они на экскурсию пошли, на прогулку с привидениями. Призраков ищут. Так и подмывает им сказать: «Идиоты, да тут везде сплошь призраки и покойники. Только они тут и живут. Это живых здесь днем с огнем не найдешь».

— Ты что же, всерьез утверждаешь, будто туристы живые? — с издевкой спросила у нее сестра.

— Приезжают еще живые, — ответила Алая, и обе покатились со смеху.

Белая Ленточка смеялась над каждым словом Кэмпбелла. Она подначивала его: «Ну скажи „черт", ну скажи!», и он слушался, а она передразнивала его выговор: «Че-орт, че-орт!», а он отвечал: «Да не че-орт, а „черт"», но Белая Ленточка не разбирала разницы, и они начинали по новой, и она опять хохотала.

Выпив не то три, не то четыре порции, он взял ее за руку и повел в другой конец бара — там было потемнее и посвободнее, и какая-то парочка уже не столько танцевала, сколько терлась друг о друга.

Я остался сидеть где сидел, рядом с Алой Ленточкой.

— Значит, вы тоже из фирмы звукозаписи? — спросила она.

Я кивнул, потому что именно это им и соврал Кэмпбелл при знакомстве.

— С души воротит объяснять, что я ученый, хрен печеный,— объяснил он мне, когда сестры отлучились в туалет. И соврал Алой и Белой, будто именно он открыл миру группу «Оазис».

— А вы? Чем вы занимаетесь? — спросил я у Алой.

— Я жрица Сантерии[1], — ответила она. — У меня это в крови. Папаша бразилец был, а мамаша — ирландка с примесью чероки. В Бразилии с этим делом свободно, спишь с кем хочешь, и детки там что надо, такие коричневые младенчики. И в кого ни ткни, у всех в жилах крови чернокожих рабов хоть капелька, да есть, и индейской тоже, а у папаши моего еще и японцы примазались. Дядюшка мой, папашин брат, тот вообще вылитый японец. А папаша у меня красавец, да. Многие думают, что Сантерия — это у меня от него, но на самом деле от бабушки, говорят, она была индианка-чероки. Я фотки-то наши старые глядела, по-моему, она нечистокровная индианка была, ну да все одно. А когда мне три годика было, я с покойниками запросто разговаривала — вот как с вами. А в пять как-то увидела, что мимо одного мужика на улице пробежала черная собака, громадная такая псина, с мотоцикл будет. Никто, кроме меня, ее не видал. Я мамаше сказала, а она бабушке, а та и говорит: «Надо ее учить, надо, чтоб она все это знала». И нашлось кому учить, хоть я и малявка совсем была. А покойников я никогда не боялась. Знаете что, они ведь мирные, обижать

[1] *Сантерия* — синкретический религиозный культ карибского происхождения; среди его неотъемлемых составляющих — женщины-жрицы, воплощающие божества, например, мать моря; а также массовые радения, ставящие целью достижение транса. Яркое описание такого радения можно найти в романе Умберто Эко «Маятник Фуко». — *Прим. перев.*

вас не будут. Тут, в Орлеане, много опасного, но только не покойники. Вот живых бояться надо, они опасны.

Я пожал плечами.

— Тут все местные со всеми спят, кто ни попадя. Знаете, мы это делаем, чтобы показать: мы живы еще покуда.

Интересно, она мне что, намеки делает? Непохоже.

— Есть хотите? — вдруг спросила Алая Ленточка.

— Не отказался бы.

— Я знаю одно местечко, где варят лучший гумбо во всем Орлеане. Как вы насчет этого?

— Мне говорили, тут лучше не разгуливать по ночам, — заметил я в ответ.

— Верно, но вы же не один, а со мной. Со мной-то вы в безопасности, — заявила Алая.

Мы вышли на улицу. Там творилось именно то, о чем предупреждал меня Кэмпбелл: студентки то и дело выставляли напоказ голую грудь, а толпа швыряла им пластмассовые бусы, едва завидев сосок. Как на самом деле зовут Алую, я уже забыл, хотя при знакомстве она вроде назвала себя.

— Раньше, бывало, такое устраивали только на Мар ди Грас, на карнавале, — сказала она. — А теперь туристы когда ни приедут, ожидают такого, вот и получается, что ихние женщины сами и красуются. А местным плевать. Да, захотите отлить, скажите мне, — вдруг добавила она.

— Ладно. А зачем?

— А затем, что тут если туристов и грабят, так именно из-за этого. Зайдет один такой отлить в темный переулок, ну хоть в Пиратский, а час спустя очнется — денежки тю-тю и на голове шишка.

— Буду иметь в виду, — откликнулся я.

Мы как раз миновали темный переулок, в котором клубился туман.

— Туда не ходите, — сказала Алая.

Наконец мы добрались до цели. Это оказалась обычная забегаловка, телевизор над баром показывал «Вечернее шоу» без звука, но с субтитрами, которые, впрочем, то и дело рябили. Усевшись за стол, мы заказали себе по порции гумбо.

Честно скажу, от лучшего гумбо на весь Новый Орлеан я ожидал большего. Похлебка оказалась безвкусной, но я все

равно съел ее до последней ложки, понимая, что питаться-то надо и что я весь день проболтался с пустым желудком.

Тут в бар вошли трое — один бочком, другой — опираясь на костыль, а третий — едва волоча ноги. Первый был одет как гробовщик Викторианской эпохи, у него даже черный цилиндр имелся. Но при этом в длинной бороде поблескивали вплетенные серебряные бусины, волосы свисали длинными сальными прядями, а лицо у него белело, как рыбье брюхо. Хромой был весь как сгусток тьмы — в длинной черной кожанке поверх черной же одежды и к тому же темнокожий. Третий, шаркая ногами, топтался в дверях, так что я даже лица его толком рассмотреть не мог, и какой он расы, мне было отсюда не разобрать; я только видел, что кожа у него грязно-серая, а немытые волосы свисают на лицо. От одного его вида у меня мурашки по спине побежали.

Первые двое подошли к нашему столику, и меня окатило волной страха, но они меня даже не заметили — смотрели лишь на Алую Ленточку. Оба поцеловали ее в щеку, поспрашивали о каких-то общих знакомых, которых будто бы не нашли, о том, кто, что и почему проделал в каком питейном заведении. Больше всего эта парочка напоминала мне хромую лису и слепого кота из «Пиноккио».

— А что сталось с твоей красоткой-подружкой? — спросила Алая у чернокожего.

Он нехорошо усмехнулся:

— Она положила на могилу моей семьи беличий хвост.

Алая поджала губы:

— Ну, тогда с ней лучше расстаться.

— А я о чем, — отозвался чернокожий.

Тем временем я глянул на третьего, все так же топтавшегося у порога, того, что напугал меня больше всех. Даже губы у него и те были бескровные, серые, а сам тощий, грязный — торчок торчком. Глаза в пол, сам почти и не шевелится. Знать бы, что связывает эту троицу — лису, кота и призрака.

Похожий на гробовщика галантно поднес руку Алой к губам, поклонился ей, шутовски отсалютовал мне — и троица исчезла.

— Друзья твои, что ли? — спросил я у Алой.

— Скверные люди, ой, скверные, — ответила она. — Макамба. Никому они не друзья.

— А что с тем третьим, который в дверях топтался? Больной какой-то.

Алая помедлила, потом качнула головой:

— Не то чтобы больной. Я тебе потом скажу, когда дозреешь.

— Нет уж, ты скажи сейчас.

На телеэкране ведущий, Джей Лено, беседовал с тощей блондинкой, титры все так же рябили и мельтешили, вместо букв выскакивали цифры, читать было трудно. Ведущий взял со стола куколку, задрал ей юбочку, будто проверяя, на месте ли все причиндалы. Мелькнул субтитр «Смех в зале».

Алая доела похлебку, облизала ложку своим красным-красным язычком и положила ее в тарелку.

— В Новый Орлеан молодняк-то присезжает — толпами. Кто Энн Райс начитается, думает тут выучиться на вурдалака. Кто от родительских колотушек бежит, а кто со скуки сюда тянется. Одно слово, что котята бездомные, которые по канавам живут. Кстати, слыхал, что в Новом Орлеане нашли какую-то новую породу кошек — в канализации живет?

— Впервые слышу.

«Смех в зале», — мелькнул субтитр, но ведущий ухмылялся как ни в чем не бывало, и пошла реклама автомобилей.

— Он был такой же, как все они, уличные эти, разве что где переночевать у него было. Хороший парень. Приехал из Анджелеса сюда автостопом. Всего-то и хотел, чтоб от него отстали, и ничего ему не надо было — только травку покуривать да «Дорз» слушать, ну и еще черную магию изучать и читать полное собрание Алистера Кроули, от корки до корки. И еще чтобы ему отсасывали, а кто — не важно. Приехал, глаза горят, хвост пистолетом.

— Постой-ка, — отвлекся я. — Да ведь там Кэмпбелл! Только что прошел вон там, на улице.

— Кэмпбелл?

— Мой приятель.

— А, это который музыкальный продюсер? — с улыбкой произнесла она, и я понял: она все знает, сразу просекла, что он врет, знает, кто он на самом деле.

Я бросил на стол двадцатку, еще десятку, и мы вышли на улицу — догнать Кэмпбелла, но он уже исчез.

— А я-то думал, он с твоей сестрой, — сказал я Алой.

— Нету у меня сестры, — ответила она. — Нет. Одна я. Одна.

За углом мы внезапно попали в шумную толпу туристов, накатившую на нас, как волна на берег, и так же быстро схлынувшую. Улица опустела, осталось лишь несколько прохожих. Над сточной канавой блевала какая-то девушка, рядом нервно топтался юноша с ее сумочкой и пластиковым стаканчиком с остатками спиртного.

Алая Ленточка пропала. Жаль, я не запомнил ее имени — и даже название бара, где мы встретились, не запомнил.

Вообще-то я хотел уехать этой ночью, сесть на поезд до Хьюстона, а оттуда махнуть в Мехико, но я слишком устал и подвыпил, так что передумал и вернулся в номер. Настало утро, и я проснулся все в том же отеле «Мариотт». Вчерашняя одежда пахла плесенью и духами.

Я натянул футболку и брюки, спустился в отельный магазинчик, где продавались сувениры, лекарства, разная мелочевка, купил пару футболок и шорты. Заметил беловолосую — ту, которой пошел бы велосипед. Она покупала «алка-зельцер».

— А ваш доклад перенесли, — сказала она мне. — Через двадцать минут начало. В Одюбон-холле. Кстати, вам не мешало бы перед этим почистить зубы. Друзья-то постесняются вам об этом сказать, а я вас не знаю, и стесняться мне нечего, мистер Андертон, так что не благодарите.

Я прибавил к своим покупкам складную зубную щетку и тюбик пасты. «Многовато добра набирается», — недовольно подумал я. Мне казалось, что нужно избавляться от вещей, путешествовать налегке, прозрачным, невидимым.

Вернувшись в номер, я почистил зубы, переменил футболку на свежую — с эмблемой местного джазового фестиваля. А затем — то ли потому, что у меня не было выбора и так сложились обстоятельства, то ли потому, что я был обречен давать советы, совещаться и разговаривать по душам, то ли потому, что был уверен: Кэмпбелл появится в зале, а мне хотелось с ним проститься перед отъездом, —

так или иначе, я взял доклад и спустился в Одюбон-холл. Там меня поджидало человек пятнадцать слушателей, но Кэмпбелл отсутствовал.

Бояться я не боялся, поздоровался со всеми и положил перед собой первую страницу.

Доклад Андертона начинался с еще одной цитаты из Зоры Нил Харстон:

«Говорят о Больших Зомби, которые приходят в ночи, чтобы чинить зло. Говорят и о маленьких девочках-зомби, которых хозяева посылают затемно, до рассвета, продавать фунтиками жареный кофе. Ранним утром, когда еще не взошло солнце, из темных переулков доносятся их выклики: „Жареный кофе, кому жареный кофе", но увидеть их просто так нельзя, пока не позовешь, чтобы подошли со своим товаром. Тогда маленькая покойница выступает из темноты, делается видимой и поднимается на твое крыльцо».

Далее шел собственно доклад Андертона, в котором он обильно цитировал современников Харстон и приводил несколько отрывков из давних чужих интервью, взятых у старых гаитян, — доклад, насколько я мог заметить, довольнотаки хаотично перескакивал с одного на другое, сплетая гипотезы воедино и пытаясь представить их как факты.

Примерно на середине доклада в помещение вошла беловолосая Маргарет и уставилась на меня в упор. Она знает, что я не Андертон, понял я. Знает. Но все равно продолжал читать. А что еще оставалось делать? Закончив, я предложил аудитории задавать вопросы.

Кто-то спросил, какими методами исследования пользовалась Зора Нил Харстон. Я ответил: «Хороший вопрос. Он касается тех аспектов, которые я вынужден был затронуть в докладе лишь поверхностно, будучи ограничен регламентом; подробнее я развернусь эту тему в окончательном варианте работы». Потом какая-то низенькая пухленькая женщина пустилась в возражения — мол, девочки-зомби не могли существовать: порошки и другие наркотические зелья, повергавшие человека в транс, подобный смерти, существовали, но действие их все равно держалось в основном на внушении — человек, которому давали зелье, верил, что теперь он один из мертвых и лишен собственной воли. «А как, скажите на милость, —

вопросила она, — внушить такую мысль ребенку четырех-пяти лет? Это невозможно. Маленькие разносчицы кофе были не зомби, там работал другой фокус, индейский, с веревкой, — тоже одна из древних городских легенд».

Внутренне я согласился с ней, но кивнул и сказал:

— Ваши аргументы прекрасно выстроены, и мне они по душе, но с моей точки зрения, — а я надеюсь, что она верна духу антропологии, — важнее не то, во что легко поверить, но истина.

Мне похлопали, после чего какой-то бородач спросил, не буду ли я так любезен дать ему экземпляр статьи для публикации в журнале, который он выпускает. Я даже порадовался, что поехал в Новый Орлеан, — по всему выходило, что, хотя Андертон на конференцию и не попал, карьере его это не повредило.

У дверей моего номера меня караулила та самая пухленькая женщина — на значке у ее стояло «Шанель Могил-Граф».

— Мне так понравилось! — воскликнула она. — Пожалуйста, не думайте, будто, раз я возражала, мне не понравилось.

Кэмпбелл не явился даже к собственному докладу. Больше его так никто и не видел.

Беловолосая Маргарет познакомила меня с каким-то ньюйоркцем и заметила, что Зора Нил Харстон участвовала в работе над «Великим Гэтсби». «Да, — отозвался мой новый знакомый, — сейчас это уже всем известно». Мне на миг стало интересно, сообщила ли Маргарет в полицию о моем самозванстве, но она держалась вполне дружелюбно. Тут я осознал, что просто паникую по пустякам. И пожалел, что выбросил свой мобильник.

Мы с Шанель Могил-Граф поужинали вдвоем в ресторане при отеле, и еще в самом начале ужина я предложил:

— Только давайте воздержимся от разговоров на профессиональные темы.

Она охотно согласилась:

— Да, такие разговоры за столом ведут только зануды.

И мы принялись перебирать разные рок-группы, на концертах которых бывали, потом поговорили о методах баль-

замирования, посплетничали о ее партнерше — женщине постарше, владелице ресторана, а потом поднялись ко мне в номер. От нее исходил запах детской присыпки и жасмина, ее обнаженная кожа липла к моей.

За последовавшие часы я успел израсходовать два презерватива из трех. Когда я вернулся из ванной, она спала. Я лег рядом с ней. Подумал о том, что Андертон написал на обороте шестой страницы доклада; хотел было посмотреть, чтобы проверить, точно ли их запомнил, но уснул, и ко мне тесно прижималась мягкая, надушенная жасмином женщина.

Проснулся я за полночь — от сна, в котором женский голос шептал мне на ухо в темноте, и шептал вот что:

«Так вот, приехал он в город, с запасом книжек Кроули и записей „Дорз", и еще при нем была бумажка — от руки написанный список паролей к разным сайтам по черной магии. И все было хорошо. У него даже образовалось несколько адептов, таких же, как он, которые из дому сбежали. И желающие отсосать находились всегда, так что все было хорошо.

А потом он начал верить во все, что говорил, потому что адепты смотрели ему в рот. Он вообразил себя крутым. Возомнил о себе. Решил, будто он грозный взрослый тигр, а не крошка-котенок. И он откопал... откопал кое-что, что было нужно кое-кому другому.

Он-то решил, будто его открытие придаст ему силы. Глупый сопляк. И вот настает та ночь, и он сидит на Джексон-сквер, беседует с гадальщиками по Таро, разглагольствует перед ними о Джиме Моррисоне и каббале, и тут кто-то хлоп его по спине. Он обернулся, и этот кто-то швырнул ему в лицо щепотку порошка, а он возьми да и вдохни.

Вдохнул, хотя и не все. Хотел что-нибудь предпринять и тут понял: он бессилен, его парализовало. В порошке рыба фугу, и жабья кожа, и толченая кость, и много чего еще, а он такое вдохнул — и теперь ему не шелохнуться.

Вызвали „скорую", свезли его в больницу, ну, особо там возиться не стали, решили — еще один уличный торчок. А на другой день его отпустило, он уже мог пошевелиться, но вот заговорить смог только дня через два, через три.

Беда в том, что он захотел еще. Почуял, что без этого ему невмоготу. Что в зомбирующем порошке кроется какая-

то тайна и он уже почти до нее докопался. Кое-кто говорил ему, будто мешает с этой штукой героин, а кто-то — будто принимает как есть, в чистом виде, на кишку, но ему и растолковывать ничего не надо было. Он хотел еще.

А ему в ответ — нет, не продадим. За деньги продать не соглашались, а вот если службу сослужит, тогда да, ему давали щепотку-другую — этот порошок можно и курить, и нюхать, и в десны втирать. Чего ему только ни поручали, всякую пакость, за которую никто и не брался. Бывало, что и просто унижали его для развлечения, он ведь ради порошка на все был готов — скажут собачье дерьмо жрать, он и послушается. Может, он даже и убивать соглашался. На что угодно шел, лишь бы не помереть. От него одна кожа да кости остались. Говорю, на что угодно был готов, лишь бы еще щепотку зомби-порошка получить.

У него почти ничего и в голове-то не осталось, и все равно этой чуточкой мозгов он думает, будто он вовсе и не зомби. Думает, будто он не мертв, будто не перешагнул еще порог. А на самом деле давно уже перешагнул».

Я протянул в темноте руку и коснулся ее. Тело рядом со мной было упругим, поджарым и крепким, а груди на ощупь были как нарисованные Гогеном. И губы ее, в темноте слившиеся с моими, были мягкими и теплыми.

Люди появляются в нашей жизни не просто так.

4

«Надо, чтобы они знали, кто мы, надо известить их, что мы здесь»

Я проснулся затемно. В комнате стояла тишина. Я зажег свет, гляпул на подушку — нет ли там ленточки, белой или алой, или, может, серебряной сережки в виде мышиного черепа, но подушка была даже не смята, словно я провел эту ночь один.

Встав, я раздвинул шторы, посмотрел за окно. Небо на востоке начинало светлеть, вернее, сереть.

Я подумал: не двинуться ли дальше на юг, не продолжить ли мое бегство, мое притворство, будто я все еще жив.

Но я знал: уже слишком поздно. В конце концов, есть двери между миром живых и миром мертвых, и они открываются в обе стороны.

Я зашел далеко — насколько сумел.

В дверь тихонько постучали. Я натянул брюки и футболку — те, в которых пустился в дорогу, и, босой, отпер дверь.

За порогом меня поджидала маленькая разносчица кофе.

Там, за дверью, все источало свет — всепроникающее чудесное предрассветное сияние, и я услышал утреннюю перекличку птиц. Улица располагалась на холме, и соседние домишки были просто-напросто хибарками. По земле стелился предрассветный туман, вился, как нечто из старых черно-белых фильмов, но к полудню он растает.

Девочке, худенькой и маленькой, на вид нельзя было дать больше шести. Глаза ее затягивала какая-то пленка, наверно, катаракта, а кожа, такая коричневая когда-то, теперь серела. Девочка бережно протягивала мне чашку кофе — отельную белую чашку, одной рукой держа ее за ручку, другой — под донце блюдца. Чашку наполовину заполняла дымящаяся жидкость цвета грязи.

Я наклонился взять чашку и отпил глоток. Напиток сильно горчил и обжигал, и я проснулся окончательно.

— Спасибо, — произнес я.

Кто-то откуда-то звал меня по имени. Девочка терпеливо ждала, пока я допью кофе. Я поставил пустую чашку прямо на ковер, потом протянул руку и коснулся хрупкого плеча. Она тоже протянула руку, растопырив серые пальчики, и вложила ее в мою. Она знала, что я с ней. И куда бы мы теперь ни направились, мы пойдем вместе.

Я припомнил слова, которые когда-то услышал от кого-то.

— Все хорошо. Каждое утро — это зерна нового помола, — сказал я ей.

Выражение ее серого личика не изменилось, но маленькая разносчица кофе кивнула, будто услышала меня, и нетерпеливо потянула меня за руку. Ее холодные-холодные пальчики крепко вцепились в мои, и наконец мы вместе зашагали туда, где в тумане начинался рассвет.

КЭТРИН ЧИК

Свои сиськи она заберет в могилу

Кэтрин Чик публиковала свои фантастические рассказы в журналах «Ideomancer», «Susurrus» и «Cat Tales», а также в антологиях «The Leonardo Variations» (антология писательской мастерской Клэрион, которую заканчивала Чик) и «Last Drink Bird Head» (благотворительная антология, доходы от которой пошли на повышение уровня грамотности среди населения). Когда Чик не пишет, она создает изделия из гутного стекла и заботится о двух своих детях и девяти домашних питомцах.

Идею этого рассказа она почерпнула из темы Всемирного конвента фэнтези 2007 года — «Привидения и выходцы с того света». Чик не знала, кто такие «выходцы с того света», поэтому залезла в словарь и выяснила, что это люди, вернувшиеся из мира мертвых и устраивающие крупные неприятности живым. «Последнее меня заинтриговало, — говорит она. — Какие неприятности они могут причинить?»

Чик с сочувствием относится к героине своего рассказа — красотке, вернувшейся из мира мертвых и обнаружившей, что ее тело совсем не такое, каким было раньше. «Мое тело стареет с каждым днем, и я подозреваю, что однажды оно просто перестанет функционировать, — говорит Чик. — Жизнь — это заразная смертельная болезнь».

Мелани впервые в жизни воспользовалась автостопом — после того, как выбралась из могилы. Еще неделя — и она бы уже не смогла флиртом проложить себе путь в кабину седана последней модели, рядом с водителем и удобным доступом к радио. Но у нее была великолепная фигура, южный калифорнийский загар и крашеные блондинистые волосы, которые запросто могли сойти за натуральные. Красивое тело в свое время обеспечило ей богатого мужа, и она удерживала свое положение жены очень долго —

любую другую, менее удачливую женщину уже давно заменили бы.

Привлекательные лицо и фигура по-прежнему служили ей — бальзамировщики хорошо потрудились, чтобы сохранить ее потрясающую внешность. А средних лет хиропрактик, подвозивший ее с кладбища, с радостью довез бы ее через весь город к дому, в котором она жила со своим мужем Брэндоном, да только Мелани решила сначала навсдаться в квартиру к Ларри.

Больше всего на свете она хотела отыскать человека, поднявшего ее из мертвых.

Несколько человек заметили ее, когда она шагала от стоянки к дому Ларри, и рассматривали довольно пристально, но Мелани не обратила на них внимания. Здесь, в Лос-Анджелесе, стране Барби, ее часто принимали за актрису или модель.

Лестница, ведущая к квартире Ларри, кажется бесконечной, если у тебя каблуки высотой четыре дюйма. Мелани пригладила волосы, прокашлялась, прежде чем постучаться в дверь к Ларри, и почувствовала радостное возбуждение. Как он обрадуется, когда снова увидит ее живой!

Но у Ларри отвисла челюсть. Он попытался закрыть рот, но тот снова распахнулся, а глаза вылезли из орбит. Он походил на рыбу, выброшенную на берег.

— Что ты здесь делаешь? — спросил наконец Ларри. — Я думал, ты умерла.

— Умерла. — Она раздраженно оттолкнула его и вошла в квартиру, нарочно не сняв своих туфель и не поставив их в ряд к его пяти парам обуви. На белом ковре осталась дорожка могильной грязи. — И не собираюсь благодарить тебя за то, что ты поднял меня из мертвых, если меня ждет вот такой прием.

Чтобы пройти два фута от ковра до двери, Ларри надел мокасины, но сейчас снова разулся. Его льняные брюки были подвернуты, но не измяты. Он аккуратно разгладил их и устроился на дальнем конце дивана.

— Зачем ты пришла сюда?

— Потому что ты меня поднял. — Мелани посмотрела на свои пальцы. К счастью, гроб еще не успел заполниться

грязью, но маникюр все равно выглядел ужасно. — Что ты ведешь себя как последний кретин? Это же я, малыш!

— Тебя что, убили? — спросил Ларри. — Поэтому ты теперь преследуешь живых?

— Никто меня не убивал, Ларри. Я делала самую обычную операцию по подтягиванию живота. Наверное, возникли какие-то осложнения.

— Если тебя никто не убивал, зачем ты меня преследуешь?

Мелани нахмурилась. Она с таким предвкушением ждала встречи с ним, ей льстило, что он настолько любит ее и даже решил поднять из могилы, но... Похоже, он этого не делал. Раньше все время клялся, что не может насытиться ею, а теперь барабанит по дивану пальцами в пятнах никотина (Мелани всегда злило, что у него в квартире воняет табаком) и то и дело посматривает на дверь. Почему она вообще спала с этим мужчиной?

Раньше, когда она еще была жива, широкая грудь и голубые глаза перевешивали все его недостатки.

— Ты даже не предложишь мне выпить?

— Ты хочешь выпить? — пробормотал он, словно и подумать не мог о том, чтобы налить бокал вина женщине, с которой четыре месяца имел любовную связь. — Ты хочешь выпить?

— Я хочу чего-нибудь.

— Э-э... у меня есть апельсиновый сок.

Он принес сок из холодильника, старательно огибая Мелани так, словно она была чокнутой старухой-нищенкой, а не богатой, молодой (во всяком случае, молодо выглядевшей) и красивой женщиной, которая, если как следует подумать, относилась к нему чересчур хорошо. Протянув ей стакан, он смотрел, как она пьет, но не садился, а продолжал стоять с выжидающим видом, словно Мелани была аудитором или его дальней родственницей, в общем, кем-то неприятным, от кого он хотел как можно быстрее избавиться. Выпив сок, Мелани поняла, что неприязнь была взаимной.

Забавно. Впервые встретившись с ним, она думала, что Ларри как раз такой любовник, что будет развлекать ее долгие годы; тайное удовольствие для тех дней, когда Брэн-

дон допоздна задерживается на работе, и не такое уж тайное, когда Брэндон уезжает из города. А теперь, глотнув сока, поняла, что столь многообещающая любовная связь закончена.

Так внезапно, как... ну... как наступает смерть.

— Мне пора,— сказала Мелани, поставив стакан с остатками сока на кофейный столик, рядом с подносом.— Я опаздываю.

Ларри не засмеялся и не предложил отвезти ее домой, и, только спустившись вниз по лестнице, она сообразила, что машины-то у нее и нет.

В этом городе проще обойтись без души, чем без машины. Мелани ощупала юбку в поисках ключей, которых там, конечно, не было — с ключами никого не хоронят,— и пробормотала несколько неподобающих леди слов. И с кошельком не хоронят, хотя кошелек у нее был от «Прада» и отлично сочетался с туфлями. И с деньгами не хоронят, и даже с билетом на автобус, несмотря на миф про реку Стикс.

В жизни своей она не проходила такого расстояния. Никто никогда не рассказывал ей, как трудно отыскать дорогу домой, если до сих пор ты пользовалась машиной. А теперь пришлось подниматься на эстакады над автострадами и пробираться по узким проходам позади торговых центров, что не доставило бы ей никакого удовольствия даже при жизни и в удобной обуви.

Мелани хотела снова проголосовать, но подумала, что не настроена ни с кем разговаривать. В конце концов, она только что порвала с любовником, и теперь ей необходимо побыть одной.

Но день для мая стоял очень теплый, над горизонтом висела бурая пелена смога. Никто не выходил из машин, никто не шел пешком, если мог без этого обойтись, а воздух бы так пропитан копотью, что сжег бы ей легкие, если бы она все еще дышала. Мелани шла несколько часов, и в конце концов ей захотелось, чтобы ее кто-нибудь подвез — может быть, муж или подруга. Потом ей захотелось с кем-нибудь поговорить. И, может быть, выпить бокал мерло.

К тому времени, как она, спотыкаясь, добрела до тротуара перед собственным домом, лак с волос начал осы-

паться, кожа вокруг глаз немного размякла, и на нее все время садились мухи, особенно на глаза и рот. Мелани попыталась отмахнуться от них, но что-то было не так с координацией движений, поэтому она просто поправила груди. Они оставались такими же упругими, как и раньше, но это и правильно, если учесть, что она заплатила за них больше, чем за свою первую машину. Ее сестра Джессика издевалась над ней за напрасную трату денег, но у Джессики была точно такая же плоская грудь, какой была от рождения проклята Мелани, и она так и не смогла подцепить мужа.

Мелани расстегнула пуговку, еще больше обнажив ложбинку между грудями, стоившую ей таких денег. Мужчины обожали ее сиськи. Кто-то поднял ее из мертвых, чтобы снова ими полюбоваться.

Может быть, Брэндон. Ее муж относился к тому типу людей, кто за деньги может сделать все что угодно. Когда она снова его увидит, нужно будет сказать спасибо, но сейчас она устала, была раздражена и очень хотела выпить.

Мелани забарабанила в дверь, хотя Брэндона дома быть не могло. Может быть, ее впустит экономка.

Раздался женский визг.

Мелани оглянулась. Маленькая блондинка в костюме грязно-песочного цвета, который мог бы сойти за «Шанель», если бы не был расставлен в швах так сильно, что целиком потерял форму. Она визжала, размахивая руками (и зажав в одной из них подозрительно знакомую связку ключей), и визжала, и визжала до тех пор, пока обеим не стало ясно, что никакой Дадли Справедливый из кустов не выскочит и ее не спасет.

Секретарша Брэндона, Синди. «Ее счастье, если она просто что-то завезла домой, — подумала Мелани. — То, что я умерла, не значит, что Брэндон может мне изменять». Мелани подождала, пока упитанная оборванка не охрипла.

Синди прижала дрожащие руки к горлу и, поняв, что все остальное не помогает, заговорила:

— Ты... ты же умерла!

— Брэндон дома?

— Ты умерла!

Синди снова завизжала, и это по-настоящему раздражало, потому что, во-первых, Мелани очень хотела выпить чего-нибудь приличного, а во-вторых, должна была повидаться с Брэндоном, чтобы выяснить, как ей разобраться с проблемой «возвращение из могилы». Синди продолжала визжать, и в конце концов Мелани просто выдернула связку ключей из ее руки. Ясное дело, там был и ключ от дома. Мелани сняла его с кольца.

— Ты не смеешь этого делать! — Синди вдруг расхрабрилась, хотя это скорее походило на негодование женщины, на чью новую блузку вдруг наблевала приятельница. — Это мои ключи!

Она попыталась их вырвать, и это ей почти удалось (смерть ужасно действует на мышечный тонус), но в этот самый миг апельсиновый сок, выпитый Мелани, потек по ее ноге, смутив обеих. Мелани хотела объяснить, что это не моча, это просто апельсиновый сок и, возможно, немного бальзамирующей жидкости, но способа изящно загладить подобную ситуацию не существует, невзирая на то, какую школу ты заканчивала, поэтому ни одна из дам даже и пытаться не стала. Они просто долго смотрели друг на друга, испытывая одинаковую неловкость. Мелани выронила кольцо с ключами.

Преувеличенно передернувшись, Синди подхватила ключи и проворно прыгнула за руль «мерседеса» Мелани. Ее «мерседеса»!

— Ты, сука! — заорала Мелани вслед завизжавшей шинами по асфальту машине.

Она мертва всего несколько дней, а Брэндон уже позволил своей секретарше ездить на ее «мерседесе»? Это обойдется ему в извинение размером в несколько каратов!

Мелани вошла в дом и направилась прямиком к бару. Она налила себе выпить, потом еще порцию, но нечаянно пролила немного вермута на блузку, поэтому решила сменить свой погребальный наряд, а заодно и душ принять. «Душ у меня просто прекрасный», — вдруг подумала Мелани. На самом деле весь дом очень красивый, и обстановка подбиралась с большим вкусом. Пока Мелани была жива, то принимала это как должное, а теперь, когда умерла,

роскошь полотенец из натурального хлопка и фактура плиток известкового туфа под ногами для нее действительно многое значили. Может быть, дело не в жизни и смерти, может, это просто облегчение оттого, что она наконец-то оказалась дома, где и должна быть.

Она включила видео и позанималась пилатесом, потом поухаживала за кожей, сделав все ночные процедуры, и легла в постель, однако поняла, что спать не может.

Пришлось включить телевизор.

На следующий день она не стала заниматься пилатесом.

Мелани нашла пульт и уселась на кожаный диван, положив ноги на стопку журналов, которые наконец-то сможет прочитать. ТиВо можно запрограммировать на запись на целых четыре дня; впервые в жизни это порадовало Мелани, а не привело в уныние. Раньше у нее никогда не хватало на это времени — слишком много его уходило на парикмахера, маникюршу и различных тренеров, но теперь, когда она умерла, нет никакого смысла всем этим заниматься.

Кроме того, после всего пережитого она заслужила хоть немного личного времени.

Судя по календарю на холодильнике, ее муж вернется домой через три дня, а скорее — через пять. К его возвращению она размякла еще сильнее, причем не только вокруг глаз. Кончики пальцев усохли и стали напоминать когти, взывавшие к акриловому наполнителю. Плоть на бедрах обвисла, отделившись от костей. Мелани вспомнила о сделанной липосакции и недовольно поцокала языком.

Она смотрела канал QVC[1], выпила все спиртное из бара и чувствовала, что ее тело разлагается. Нет, в самом деле — Брэндон какой-то бесчувственный. Мог хотя бы позвонить. Она послала мейл ему, потом послала по мейлу маме и сестре, просто сказать: «Привет! Я вернулась из мира мертвых, как у вас дела?»

Она была так одинока. Ей так отчаянно хотелось уюта и дружеского общения, что она даже решила, что не будет стервой и ни слова не скажет о появлении белобрысой девки («выглядевшей как более молодая копия меня самой», —

[1] *QVC-live* — телевизионный канал «Красота, мода, драгоценности».

подумала Мелани). Можно будет поругаться из-за этого потом, и вообще она всегда подозревала, что Брэндон ведет двойную жизнь. У нее тоже были любовники, так почему он должен от нее отличаться?

Заскрежетал ключ в замке. Брэндон открыл дверь в кухню.

— Господи! — воскликнул он; на плече висел специальный мешок для одежды, в руке Брэндон держал ноутбук. — Что за ужасная вонь?

— Это не очень-то вежливо, — оскорбилась Мелани. Она столько пережила за последние несколько дней, и хотя считала себя необидчивой, полное отсутствие сочувствия со стороны Брэндона ее взбесило. — Вот она я, восстала из могилы, пусть теперь и не совсем свеженькая, а ты только и можешь, что жаловаться на то, что я труп? А чего ты ожидал?

— Мелани? — произнес Брэндон.

В его голосе звучали изумление и ужас. Мешок с костюмом соскользнул с плеча. Он повернулся, и его вырвало в раковину.

Если бы слезные протоки Мелани еще функционировали, она бы, наверное, заплакала. Нет, в самом деле — к чему столько драматизма?

Она поднялась с дивана, оставив на нем лужу из формальдегида и различных телесных жидкостей. (Мелани не почувствовала за собой никакой вины — в конце концов, это просто диван из «IKEA».) Она хотела выйти в кухню, соблазнительно покачивая бедрами и кокетливо положив руку на ложбинку между грудями, но вместо этого лишь с трудом зашаркала ногами. Если подумать, то удивительно, как у нее еще язык шевелится.

— С чего ты вообще решил уехать в командировку после того, как поднял меня из мертвых? Тебе что, не пришло в голову, что нужно было остаться дома и ждать меня?

Брэндон издавал какие-то странные задушенные звуки. Он вжался в гранитную столешницу, раскинув руки, как будто был Ванной Уайт[1], а ящик вина под стойкой — подходящей гласной.

[1] *Ванна Уайт* — известная телеведущая. Вела передачу «Колесо фортуны» (аналог «Поля чудес»).

Очень неловкая поза, решила Мелани. Собственно, вся ситуация очень неловкая.

— Брэндон...

— Господи, нет, пожалуйста, нет...

Мелани очаровательно надула губки. Раньше эта гримаска приносила ей изумруды, но теперь, похоже, что-то не сработало. Она вздохнула.

— Ну, и что теперь? Зачем ты поднял меня из мертвых?

— Нет, нет, нет... — стонал он.

Мелани пощелкала пальцами у него перед лицом.

— Эй!

Это *она* умерла, так какое он имеет право вести себя так, словно его жизнь перевернулась с ног на голову? Он всегда был решительным человеком, готовым распоряжаться и брать на себя ответственность. Он сам себя называл лидером. Он подавлял любого при игре в теннис, не брал пленных, когда вел переговоры о сделке, и водил машину как ненормальный. И вдруг стоит и хнычет, как перепуганный малыш.

— Брэндон! — попыталась она еще раз.

Это не помогло, и Мелани его ударила. Собственно, пощечиной это назвать было нельзя, но едва ее ладонь коснулась его щеки, глаза Брэндона закатились и он лишился чувств, ударившись головой сначала о стойку, потом об пол. Руки его с визгом скользнули по посудомойке.

Мелани вздохнула и подбоченилась. Бесполезно. Совершенно бесполезно. И он, что совершенно очевидно, не тот человек, который поднял ее из могилы. Она пнула Брэндона ногой, но он не притворялся.

Мелани нашла свою сумочку и мобильник. Вытащила из кармана мужа ключи. Сначала она собиралась взять «БМВ z4», но чувствовала себя немного виноватой из-за того, что ударила Брэндона, поэтому взяла «ауди». И хотя ей никогда не нравился цвет обивки, она все-таки положила на водительское сиденье пластиковый мешок, потому что пол-ящика выпитого «Реми-Мартен» не укрепили ее, как полагается алкоголю. Похоже, внутри он превращался в жидкое гниющее месиво.

Если так и дальше пойдет, то к концу месяца от нее останется один скелет. Мелани села за руль «ауди» и тро-

нулась с места, надеясь, что некое внутреннее чутье приведет ее к человеку, который поднял ее из могилы.

Но ничего не вышло. Она вытащила мобильник и набрала телефон справочной службы.

— Здравствуйте. Можете назвать мне имена некромантов? — спросила она оператора.

— Прошу прощения, но у нас нет такого перечня.

— Посмотрите в соседних городах, в любом месте округа Лос-Анджелес, — настаивала Мелани.

Она никогда не слышала, чтобы кто-нибудь искал некромантов в желтых страницах, но наверняка на свете существует множество вещей, о которых она никогда не слышала.

— Извините, мэм. Ничего такого нет.

— А как насчет колдунов? — спросила Мелани.

— Простите, таких у нас тоже нет...

Телефон выпал из руки, и Мелани шмякнулась уже поврежденным лицом на руль.

Она прикоснулась к лицу; рука попала во что-то липкое. От передней части ее машины шел пар. Капот смялся, превратившись в большую букву «М». Только этого ей и не хватало — врезаться в кого-то сзади. Маленький «гео-метро» тоже сложился гармошкой, а корпус буквально обернулся вокруг колеса.

Ну во всяком случае, это недорогая машина.

А виновата она. Мелани и раньше постоянно болтала по телефону, сидя за рулем, но теперь, когда она разлагается, реакция оставляла желать лучшего.

Она откатила машину на обочину к заправке.

— Моя детка! Ты ранила мою детку! — Женщина из второй машины бросила автомобиль прямо на перекрестке и теперь направлялась к Мелани, не обращая внимания на проносящиеся мимо со свистом автомобили.

Мелани не видела детского сиденья в той машине, но на руках женщина держала чихуахуа с ушами как у летучей мыши, и Мелани сообразила, что та говорит о своей собаке.

Какая нелепость! Женщина попала в автомобильную аварию, едва выжила, а беспокоится о какой-то дурацкой собачонке?

— Я подам в суд! У моей детки травма позвоночника! — Женщина потрясла собачонкой перед ветровым стеклом «ауди» Мелани.— Ты меня слышишь? Травма позвоночника!

Мелани выключила двигатель и пошарила по полу в поисках мобильника. Она надеялась, что сумеет выбраться из этой истории без привлечения копов, но, похоже, ничего не получится. Мелани надела солнечные очки, отстегнула ремень и открыла дверь.

— Фу-у! — громко воскликнула женщина, как будто от Мелани воняло, как от помойки, и зажала обеими руками нос. Поскольку в руках она держала собачонку, то та оказалась у нее в прическе.

Мелани решила, что ей не нравится эта тетка с чихуахуа. Конечно, она несколько дней не принимала душ, но женщина ведет себя просто грубо.

— Убери машину с перекрестка, не перекрывай движение.

— О господи! — с ужасом ахнула женщина.— Ваше лицо!

— Что такое?

Мелани повернула боковое зеркало и глянула в него. На руле остался большой кусок плоти, и теперь на месте лба виднелась голая кость. Мелани едва не заплакала. Ее красивое лицо — и такая зияющая рана. Никакой макияж не поможет.

Губы ее задрожали, горло перехватило. Она так и знала, что однажды это произойдет — она утратит свою красоту.

Чихуахуа выпуталась из волос своей хозяйки, шмякнулась на землю и залаяла. Ее лай походил на лай настоящей собаки, проигранный со скоростью семьдесят восемь оборотов в минуту. Допрыгнув до ноги Мелани, собачонка зубами вцепилась в ее икру, дернула головой и оторвала большой кусок плоти. Паршивый крысеныш начал пожирать его так, словно нашел восхитительную закуску.

— Битци! Битци, прекрати немедленно! — Женщина подхватила свою чихуахуа и вырвала кусок плоти из ее рта.— Не надо это кушать, это грязное!

— Грязное?! — взвыла Мелани. Все, с нее довольно. Она не намерена разбираться с проблемами этой сучки. Пусть хозяйка крысеныша сама выбирается из неприятностей.— Да пошла ты!

Она ринулась прочь, через дорогу, не глядя на машины. Они визжали колесами, гудели, одна разминулась с ней буквально на дюйм, но Мелани было наплевать. Мир и покой...

О, и найти того, кто поднял ее из мертвых, но поскольку среди ее знакомых колдунов не было, оставалась ужасающая вероятность того, что это какой-нибудь старый кавалер из старших классов школы или вообще кто-нибудь, кого она толком и не знает. Но кем бы он ни был, пусть теперь сам ее разыскивает.

Она сыта по горло живыми людьми. Живые такие грубияны, так быстро и так субъективно судят о малейших признаках разложения.

Мелани оглянулась, пытаясь определить, где она находится. Она ехала без определенной цели, так, куда глаза глядят, и теперь сообразила, что оказалась к северу от Ван-Нуис, недалеко от того места, где жила ребенком. Впереди высились холмы. Они с сестрой раньше любили забираться на вершины этих холмов, чтобы полюбоваться на закат.

Она выбрала короткую дорогу, срезая путь через лужайки и парковки, а один раз перешагнула через цепь, несмотря на надпись «проход запрещен». Какой смысл следовать распоряжениям городских властей, если ты не повинуешься даже законам природы?

Теперь плоть отваливалась с нее быстрее. В конце концов, ее похоронили больше недели назад, а температура все это время держится выше девяноста градусов[1]. Вокруг ран вились мухи, каждой доставался крохотный кусочек Мелани. Она подумала, что они облегчают ее ношу.

Сухожилия на ногах действовали далеко не так хорошо, как раньше, и теперь Мелани устало и медленно волочила ноги, но поскольку ей больше не требовалось ни отдыхать, ни есть (хотя она не отказалась бы от бокала вина), то могла идти весь день и даже ночь. Почему бы и нет?

К рассвету она поднялась на холм достаточно высоко, чтобы увидеть розоватый свет над городом. Мелани осторожно уселась, прислонившись спиной к бетонному столбу линии электропередачи, и стала любоваться восходом.

[1] По Фаренгейту. Соответствует 32 градусам по Цельсию.

* * *

Время утратило смысл. Солнце всходило и садилось, животные занимались своими повседневными делами, деревья старели. Ее плоть отгнивала и отпадала, кожа и глаза высохли и съежились, губы запали. Волосы оставались белокурыми, зубы были по-прежнему ровными и белыми, а груди противостояли земному притяжению (эти силиконовые имплантаты будут служить вечно), но Мелани больше об этом не беспокоилась.

Она сделалась ленивой и спокойной, потому что теперь не на кого было производить впечатление. Неизвестная магия, оживившая ее, оставила ей способность думать и видеть, хотя и без глаз и без мозга. В тот день, когда ее сестра взобралась на холм, Мелани еще смогла помахать ей.

Джессика была по-мальчишески худой и грязной, вокруг ее лица болтались каштановые дреды. Она была в свободных штанах-карго, крохотном топе, а за спиной несла рюкзак из гватемальской ткани ручной работы с надписью на нем «Корпус мира». На шее висели нанизанные на шнурки кости, ракушки и бусины, а на лице виднелись морщины, хотя ей было всего тридцать с небольшим. Она выглядела прекраснее всего на свете.

Джессика грациозно присела рядом с Мелани, ничуть не запыхавшись от подъема в гору.

— О боже мой,— пропентала Джесс.— Мне очень, очень жаль.

— Все хорошо.

— Нет, в самом деле. Когда я вернулась с похорон, то понятия не имела. В смысле — для меня было таким шоком, что ты умерла такой молодой, что я совершенно забыла про шамана. Прости меня.

— Честно, Джессика, все хорошо.

— Можешь наорать на меня, я это заслужила. Должно быть, ты так на меня злишься!

— Нет, я не злюсь. Я счастлива.— Джесс была единственной, кто так мило отнесся к Мелани после ее смерти. Как можно кричать на кого-то, кто извиняется перед трупом? — А что произошло?

— Да это все тот шаман. Во всяком случае, он сказал, что он шаман, и спросил меня, не хочу ли я жить вечно. — Джесс сидела, скрестив ноги и упершись локтями в колени, словно привыкла сидеть на земле. — И я ответила — нет, но моя сестра хочет, потому что ты когда-то сказала, что больше всего на свете боишься постареть. Это была как бы шутка такая.

Мелани ждала продолжения рассказа, но Джесс замолчала. С запозданием Мелани сообразила, что пауза затянулась.

— А дальше?

— Я думала, он шутит. Понимаешь, он вроде был подпитый. А потом, только я успела вернуться домой после похорон, как получила от тебя мейл, а потом еще один от Брэндона, и он написал, что ты бродишь вокруг дома и до смерти пугаешь людей, и тогда я поняла, что и вправду натворила дел. Мне потребовалось около месяца, чтобы разобраться с визой и вернуться в Штаты, а то бы я пришла сюда раньше. — Джесс вздохнула. — Прости меня. Должно быть, для тебя все это было ужасно.

— Нет, совсем неплохо, — ответила Мелани. Теперь, без губ, разговаривать стало намного труднее. — Со всеми случается.

Джесс сняла одно из своих ожерелий из бусин и костей и положила его на землю рядом с костлявой рукой Мелани.

— Я заставила его дать мне вот это. Оно поможет тебе умереть во второй раз, когда ты будешь готова. — И она поцеловала Мелани в череп.

— Спасибо, — произнесла Мелани. Она не потянулась за ожерельем, потому что теперь ей принадлежало все время мира. — Но я хочу немного понаслаждаться этим видом.

АДАМ-ТРОЙ КАСТРО

Быть мертвым, таким, как я

Адам-Трой Кастро — автор романа «Посланцы мертвых» («Emissaries from the Dead»), являющегося, несмотря на свое название, не историей о зомби, а космическим детективом. Кроме того, Кастро написал три романа о Человеке-пауке и книгу «Мой бык спекся» («My ox is broken») о телешоу «Удивительная скачка» («The amazing race»). Его рассказы публиковались в таких журналах, как «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Science Fiction Age», «Analog», «Cemetry Dance», а также во многих антологиях. Его произведения номинировались на соискание различных премий, таких как «Хьюго», «Небьюла», премия Брэма Стокера.

«Быть мертвым, таким, как я» — это комплекс рекомендаций для героя, оказавшегося в сложной ситуации, когда нужно выжить среди зомби, для чего приходится к ним присоединиться. Толчком к этому рассказу стал вопрос: «Зомби не дышат, как же они выслеживают свои жертвы?» «Конечно же, не по запаху, — отвечает Кастро. — Если не по запаху, то как? И если мы знаем это, то нельзя ли нам их обмануть? И отсюда возникает вопрос: во что это нам обойдется?»

Итак. Подведем итоги. Ты продержался дольше, чем казалось возможным в самых смелых мечтах. Ты сражался с такой силой, которой за собой и не подозревал. Но в конце концов и это тебе не помогло. Просто этих ублюдков слишком много. Цивилизация, в которую ты верил, рассыпалась в прах; те, от кого ты ожидал помощи, так и не появились; все укромные местечки, где ты таился, уже обнаружены; все крепости, которые ты построил, пали; все добытое тобой оружие оказалось бесполезным; все люди, на которых ты рассчитывал, либо убиты, либо продались; то, что оставалось от твоей веры, уже с мясом вырвано из твоей раковины, из оболочки того благодушного, мягкого человека, которым ты был когда-то. Ты проиграл,

и точка. Конец истории. И незачем причитать. Теперь уже ничто не стоит между тобой и изголодавшимися оживши-ми мертвецами, уставившими на тебя пустые глазницы.

В своем сочинении ты должен ответить на вопрос: как низко ты готов пасть ради того, чтобы выжить?

* * *

Ответ: сначала проснись в темной, тесной дыре, где пахнет гнилым мясом. Не думай о том, который час. Время уже не имеет значения. Такого явления, как время, более не существует. Достаточно того, что ты поспал и тебе в очередной раз удалось не видеть снов.

Это важно. Сны — это форма мышления. А мыслить опасно. Мыслят живые, а мертвые этого не выносят. Мертвые чуют, откуда исходит мысль, и поэтому они всегда могли найти тебя тогда, когда ты еще видел сны. Теперь ты приучил себя тащиться через дни и ночи своего существования так же тупо и бестолково, как и они, и больше незачем прятаться от них. Да, они могут прижаться к тебе, пока ты спишь (как, например, заползли в твою маленькую нору те двое, мужчина и женщина, скованные одной парой наручников по причинам, которые тебе никогда не узнать), но это совсем другое: просто непроизвольная реакция на тепло. Если ты не станешь думать, они тебя не съедят.

* * *

Вылезай из своего укрытия, из заброшенного склада в большом офисном здании. Пол в зале по соседству завален бумагами; некоторые двери забаррикадированы мебелью, что говорит о том, что когда-то в далеком прошлом это место стало последним оплотом живых. Костей нигде нет. Есть трое других зомби. Все — мужчины, одетые в лохмотья, бывшие в прошлом костюмами-тройками; нетвердой походкой шагают они от одной стены к другой, меняя направление только после того, как наткнутся на стену, как будто они слепы и глухи и только таким способом могут искать выход.

Если ты идешь к двери быстро, то они не успевают вовремя среагировать и пуститься вслед за тобой.

* * *

Не вспоминай.

Не помни свое имя. Только у живых бывают имена.

Не вспоминай, что у тебя была жена Нина и двое детей, Марк и Кэти, которым не удалось выйти живыми из той бойни, которая творилась на Манхэттене. Не вспоминай их, никого из них. Семья бывает только у живых.

Не вспоминай, как растратил напрасно драгоценные недели, когда отправился на юг и стал в нарастающем хаосе, творившемся в сельской Пенсильвании, разыскивать своего старшего брата Бена, который жил в Питсбурге и всегда был намного сильнее и храбрее тебя. Не вспоминай свою ребяческую, безумную надежду на то, что Бен все приведет в порядок, как это ему удалось во времена вашего непростого детства. Не вспоминай, как постепенно ушла и эта надежда, когда стало все труднее и труднее находить анклавы живых.

Воспоминания стали частью тебя, и, пока ты еще дышишь, они всегда будут с тобой, и ты сможешь их пробудить, если решишь, что они тебе понадобятся. В любой момент ты легко призовешь их, и они явятся во всех своих мрачных подробностях. Но тебе не следует этого желать. Нужно просто не забывать поесть, когда голоден, выспаться, когда устал, и найти теплые места, когда замерзаешь, — вот и все, что тебе нужно знать, как сейчас, так и на будущее. Так намного проще.

А все остальное мертвые воспримут как откровенное приглашение.

* * *

Ходи так же, как они: приволакивай правую ступню, притворяясь, что уже разложились сухожилия; повесь голову, чтобы казалось, что обессилевшая шея уже не может держаться прямо; препятствия на своем пути замечай только в тот момент, когда уже вот-вот готов на них налететь. И пусть открывающиеся твоему взгляду картины являют собой полный каталог всевозможных ужасов — никогда ни на что не реагируй.

Реагируют только живые.

Это правило усвоить труднее всего, потому что частица тебя, погребенная в глубинах, которые до сих пор принадлежат тебе и только тебе, исходит нестихающим воплем с той самой ночи, когда ты впервые увидел, как ходячий труп вырывает внутренности из тела живого. Частица тебя хочет, чтобы ее услышали. Но из-за нее тебя и прикончат. Не давай ей заявить о себе в голос.

Не удивляйся, когда повернешь за угол и только что не споткнешься о медленно ползущего на животе зомби без рук и ног. Не ужасайся, если увидишь, как толпа зомби окружила живого и вот-вот разорвет его на куски. Сдержи рвотные позывы, когда один из мертвых пройдет мимо и заденет тебя, а его кишащее личинками лицо окажется возле твоего лица.

Помни: зомби на такие вещи не реагируют. Они сами — такие вещи.

* * *

Теперь поищи супермаркет, в котором еще уцелели на полках кое-какие товары. Если постараться, то сможешь такой найти; мертвые хлынули сюда так быстро, что живые не успели все унести. Возьми с полок три-четыре банки, вскрой и ешь, что бы в них ни оказалось. Не важно, будет ли это суп, мясо, овощи или корм для собак. Ешь машинально, не чувствуя вкуса, не обращай ни на что внимания, заметь только, когда будешь сыт. Наступит день, и тебе доведется, выбрав банки не глядя, выпить щелочь для чистки труб или съесть крысиный яд. Момент, когда это случится, определит только воля судьбы. Но это событие не будет иметь никакого значения. Твое существование нисколько не изменится. Ты просто задергаешься в конвульсиях, упадешь, немного полежишь без движения, а потом встанешь, превратившийся в такого зомби, которым ты так долго притворялся. Без шума и суматохи. У тебя даже не будет причины заметить, что это случилось. А может, это уже случилось.

* * *

Пообедав, поищи взглядом еще одну из немногих живых, безразлично шаркающих ногами посередине улицы.

Ты с ней хорошо знаком. В то время, когда ты еще не разучился думать словами, ты называл ее Сюзи. Одежда на ней такая ветхая, что лохмотья так и отваливаются. Волосы цвета грязной соломы не мыты уже много недель или даже месяцев и свалялись в отвратительные колтуны. Больше всего бросаются в глаза ее впалые щеки и темные круги под серыми, ничего не видящими глазами. И все же ты всегда понимал, что когда-то она была изумительно красива.

Тогда, в прошлом, когда ты все еще пытался сражаться с ублюдками, — ты тогда не называл их «зомби», для тебя они всегда были «ублюдками», — ты чуть было не вышиб своим выстрелом Сюзи мозги и только в последний момент понял, что она теплая, и дышит, и жива. Ты увидел это, хотя осознанности в ее действиях хватало ровно на то, чтобы искать пищу и убежище, позволявшие ей еще оставаться теплой и дышать, — в остальном она являла собой иллюстрацию кататонического синдрома.

Это она показала тебе, что можно успешно притворяться мертвым. Она не сказала тебе ни единого слова, ни разу тебе не улыбнулась, ни разу не встретила тебя ничем, что хоть отдаленно напоминало бы человеческие чувства. Но в этом новом мире она стала для тебя почти что возлюбленной. И когда ты инстинктивно перейдешь улицу, чтобы нагнать ее, в тебе зашевелится смутное, еле ощутимое удовольствие оттого, что она тоже свернула и движется в твою сторону.

* * *

Только помни: между вами нет настоящей любви. В смысле любви как чувства. Еще сильнее, чем мысли, мертвые ненавидят любовь. Только живые могут любить. А вот трахаться вполне безопасно, и вы, встретившись, можете заниматься этим в открытую. Так, как делают это мертвые.

Конечно же, у них это происходит не так. Необходимые причиндалы разлагаются в первую очередь. Но инстинкт по-прежнему подстрекает их. Всякий раз, когда случайный стимул пробуждает в них похоть, они находят себе пару и трутся друг о друга, неуклюже и апатично изображая секс. Иногда продолжают до тех пор, пока от обоих не останутся кучки гниющего праха. Сухой остаток.

Так что не бойся. Они не обратят внимания, когда вы с Сюзи обнимите друг друга и перепихнетесь посреди улицы. Чтобы почувствовать руками забытое тепло человеческой кожи, вдохнуть запах застарелого пота, а не испарения раскопанной могилы, и отдохнуть от того ужаса, в который превратился мир. Тем более что вы оба, несмотря на все необходимые телодвижения, на точное воспроизведение механической стороны акта, ни черта не чувствуете. Ни нежности, ни удовольствия, ни, само собой, радости.

Это было бы слишком опасно.

Делайте, что вам надо. Делайте все быстро. А потом расстаньтесь. Без поцелуев, слов прощания, нежностей — без всякого намека на то, что ваше свидание было чем-то большим, чем просто столкновение двух незнакомцев, шагавших в противоположных направлениях. Просто разойдитесь, не оглядываясь. Возможно, вы еще увидитесь. Возможно, нет. Как бы то ни было, это не имеет значения.

* * *

Следующие несколько часов проведи, блуждая с места на место, ничего не видя, ничего не слыша, ничего не достигая. Но при этом ты будешь дышать. Никогда не забывай об этом. Пусть та частица тебя, которой еще не безразличны такие вещи, засчитает тебе это как крупную победу.

В полдень пройдись там, где лежит на боку обгоревший школьный автобус. Несколько живых рассчитывали уехать на нем в какое-то безопасное место за городом; им удалось проехать всего пять кварталов, с трудом лавируя между разбитыми транспортными средствами, когда кольцом из шевелящейся плоти их окружили сотни мертвецов. Ты стоял на расстоянии полутора кварталов от того места и смотрел, как пассажиры автобуса держались под осадой, а потом взорвали автобус, чтобы избавить себя от более страшного конца; клубы пламени спалили тебе брови. Тогда ты подумал, что это тебе наказание за то, что не помог им. Теперь же, будь ты способен хоть о чем-то иметь мнение, ты считал бы, что живые — глупые ублюдки.

* * *

Глупо сопротивляться. Сопротивляются только живые. Сопротивление требует воли, а уж чего мертвецы точно не потерпят, так это воли. Влачи такое же существование, как и они, тупо принимая все, что с тобой происходит, — и тогда у тебя будут шансы.

Сопротивление — это главная причина гибели твоего брата Бена. Нет, ты так и не узнаешь, что с ним случилось. Ты знаешь, что произошло с твоей женой и детьми, — ты все это видел, стоя за ограждением из проволочной сетки, из-за которого не мог выбраться. Нетвердым шагом двинулась на них толпа тех, что когда-то были детьми из начальной школы, и твою семью смололи в фарш, а вот что случилось с Беном, ты никогда не узнаешь. И все же, будь у тебя такая возможность, ты бы не удивился. Ведь он всегда был вожаком. Бойцом. Во всякой критической ситуации он всегда брал на себя руководство и воодушевлял людей своим умением вести за собой. Он всегда был таким особенным человеком. А когда восстали мертвые, он собрал много наивных людей, которые, доверяя ему, погибли вместе с ним.

А ты, в отличие от него, никогда ничем не выделялся. Ты всегда был ведомым, конформистом. Ты всегда был готов целовать задницу и соглашаться со всеми, кто повысит на тебя голос. Ты никем не хотел стать, тебя устраивало быть еще одним лицом в толпе. Это было тебе на руку, когда общество еще только покатилось ко всем чертям, а теперь, в зачумленном аду, твой характер стал твоим главным достоинством. Именно благодаря ему ты дышишь, когда от всех остальных — храбрецов, легендарных героев типа твоего брата Бена и тех, кто ехал на школьном автобусе, — остались только обглоданные кости и пятна на тротуаре.

* * *

Гордись собой. Не подходи слишком близко к обугленному остову школьного автобуса, потому что ты можешь вспомнить, как ветер доносил до тебя пламя того погребального костра, которое касалось твоей кожи, и пепел безрезультатных усилий этих людей набивался тебе в легкие. Ты можешь вспомнить резкий запах палёного мяса и го-

рящей резины... и как волной потекла толпа через тебя и сквозь тебя, как будто ты был еще более бесплотен, чем они.

Не допускай этих воспоминаний. Ты приманишь к себе всех мертвых, что найдутся в радиусе нескольких кварталов. Подавляй в себе это. Вычисти из памяти. Внуши себе, что ничего не было. Отключи сознание, опустоши сердце, а душу сделай — более точного слова не найти — сделай ее мертвой.

Вот так. Уже лучше.

* * *

Ближе к вечеру ты будешь рыться в разгромленном магазине одежды, пытаясь найти что-нибудь теплое, — зима уже совсем рядом, — и тут тебя загонят в угол и жестоко изобьют живые.

Не стоит из-за этого переживать. Эту цену тебе приходится платить за ту безопасность, которой ты располагаешь. А они просто обезумели от постоянного бегства то от одной голодной толпы, то от другой; им нужно выпустить пар. Нет, они не станут убивать тебя или бить так, чтобы ты не выдержал и скончался. По крайней мере, намеренно этого они не сделают. Зайдя слишком далеко, они могут убить тебя нечаянно, но только не умышленно. Им и так хватает расхаживающих вокруг мертвецов. Но они тебя ненавидят. Они считают предателями таких, как ты и Сюзи. И себя уважать не будут, если не дадут тебе это понять.

В этот раз их четверо. Все бледные, лет по двадцать, у всех на лицах мерзкие злобные ухмылки — так скалятся мучители, видя, что жертва заметила их слишком поздно. Тот, что ближе всех к тебе, разматывает скрученную в клубок цепь. На ее конце болтается навесной замок размером с кулак. И ты пытаешься воспользоваться почти утраченным тобой даром речи, а на твои ребра сыплются удары, и то, что ты скажешь, не имеет значения. Они и без того знают, что ты хочешь сказать.

Не моли о пощаде.

Не пытайся постоять за себя.

Не смотри на себя их глазами.

Просто помни: живые бывают опасны, но настоящие ублюдки все-таки мертвые.

* * *

Позднее, в тот же день.

От боли не можешь пошевелиться. Ничего, терпи. Рано или поздно все пройдет. Так или иначе. Живым или мертвым, ты совсем скоро поднимешься на ноги.

А пока просто лежи, издавая зловоние, среди развалин магазина одежды, и, ради бога, не шуми. Ведь вопят только живые.

Помнишь времена, когда мертвые только-только встали? Тогда вопли слышались постоянно. Как бы далеко ты ни забежал, как бы высоко ни залез в горы или как глубоко бы ни закопался, всегда откуда-то неподалеку раздавались пронзительные крики, напоминавшие, что, пусть ты и нашел себе безопасное место для ночлега, но есть и другие, которых припёрли к стенке. Вспомни — ты же через какое-то время привык к этим воплям, а потом даже научился спать, не обращая на них внимания. Шли недели, потом месяцы, и ты получил награду за свое терпение: число уцелевших стремилось к нулю, и вопли, создававшие нестихающий звуковой фон, сменились долгим гнетущим молчанием, прерываемым лишь тихими стонами и иногда — шаркающими шагами мертвых.

Теперь мир стал тихим. И если ты хочешь оставаться его частью, тебе придется быть таким же. Даже если твое горло обожжет огнем, и вдыхаемый воздух будет мучить, как наждачная бумага, и под тобой набегут лужицы пота, и твои ребра будут цепляться друг о друга при каждом вдохе, а неодетые манекены, с которыми ты делишь свое убежище, станут притворяться Ниной, Марком, Кэти и Беном и всеми остальными, кто когда-то был для тебя важен, и на их лицах появится выражение огромного отвращения, и ты услышишь их голоса, называющие тебя ничтожеством, говорящие, что ты всегда и был ничтожеством, но что они прежде не знали, до какой степени ты ничтожество... А ты заткнись. Даже если ты захочешь им рассказать, этим людям, которые когда-то были для тебя всем, что ты продер-

жался долго, столько, сколько можно ожидать от нормального человека, но есть пределы, и ты преодолел эти пределы, да, ты это сделал, но дальше обнаружилось еще несколько пределов, а потом — еще столько же, и новый мир все требовал и требовал от тебя невозможного, а число невозможных поступков, на которые ты способен, было не безгранично. Не издавай ни звука. Даже если услышишь, как Нина пронзительно зовет тебя по имени, а Марк говорит тебе, что ему страшно, а Кэти исходит криком, умоляя тебя спасти ее. Даже если услышишь, как Бен требует, чтобы ты встал и хотя бы раз поступил по-мужски.

Терпи боль. Не обращай внимания на лихорадку. Не прислушивайся к обращенным к тебе голосам родных.

С чего бы тебе слушаться их советов? Самим себе они не смогли помочь.

* * *

Нет. Вот что тебе нужно помнить, пока ты выжидаешь, собираясь узнать, будешь ли еще жить или умрешь.

Есть небольшая вероятность, что завтра, поднимаясь на ноги, ты еще будешь живым; если так, то не смотри в зеркало примерочной, которое висит на стене за тобой. Это первое целое зеркало, которое попалось тебе за несколько месяцев. В чем, конечно, нет ничего необычного: в мире не так уж много осталось неразбитых стекол. Но вот это зеркало не тронули ни мародеры, ни повстанцы, ни солдаты, ни зомби, и сейчас оно, пусть и покрытое безобразным слоем пыли, вполне способно тебя уничтожить.

Если ты в него не посмотришь, все будет в порядке.

А если посмотришь — увидишь, что в твоих волосах, отросших до плеч, запеклась кровь, а по длинной косматой бороде ползают мухи, и что ребра у тебя торчат, а одежда так износилась, что от нее остались только рваные лоскуты, а еще увидишь, что ты весь покрыт грязью и ссадинами и нос у тебя сломан, а вместо левого глаза — опухшая щелочка, и тогда ты поймешь, что ты уже почти что мертвый, не хватает совсем чуть-чуть, и тебе станет мерзко, и ты, после долгого пребывания в бреду, будешь как раз в том расположении духа, когда хочется что-то с этим сделать.

* * *

И ты нетвердым шагом выберешься на улицу, где, как всегда, топчутся без дела мертвые, и ты окажешься среди них, и тебя охватит внезапный приступ неконтролируемой ярости, и ты раскроешь рот как можно шире и завопишь: «Эй!»

И мертвые застынут на месте, и будет казаться, что они очень удивлены, а потом медленно развернутся в твою сторону, и если бы тебе захотелось, ты смог бы спрятать все то, что сжигает тебя изнутри, скрыть там, где оно таилось еще минуту назад, но ты же не захочешь этого сделать, и ты снова завопишь: «Эй!», и твой голос будет слышен удивительно далеко для человека, который так долго не издавал ни звука, и мертвые будут подтягиваться из окрестностей, чтобы расправиться с тобой, а тебе будет все равно, потому что ты станешь орать: «Слышите, смердящие ублюдки? Я жив! Я мыслю и чувствую, и переживаю, и я лучше вас, потому что вы этого уже не сможете!»

И ты умрешь, мучительно, выкрикивая имена всех тех, кого когда-то любил.

Возможно, этого ты и хочешь.

И тебе обязательно покажется, что ты одержал моральную победу.

Но помни, что такие вещи интересуют только живых; на мертвых это не произведет ни малейшего впечатления. Чувствовать они будут только голод.

А если ты позволишь себе умереть, то через несколько минут то, что останется от тебя, очнется, испытывая такой же голод, и жалкий гниющий череп будет жечь только одна мысль: что экстазы Сюзи были наиграны.

ЭНДИ ДУНКАН

Зора и зомби

Энди Дункан дважды получил Всемирную премию фэнтези и один раз — премию памяти Теодора Старджона. Среди прочих его книг — «Белутахэчи и другие рассказы» («Beluthahatchie and Other Stories») и совместная с Ф. Бреттом Соксом антология «Перекрестки: фантастические рассказы Юга» («Crossroads: Tales of the Southern Literary Fantastic»). Произведения Дункана издавались в журналах «Asimov's», «Conjunctions», «Realms of Fantasy» и многих других, в том числе в сборниках «Приворотный амулет: колдовские рассказы» («Mojo: Conjure Stories»), «Полифония» («Polyphony») и «Звездный свет» («Starlight»).

Дункан живет в Алабаме со своей женой, поэтессой Сидни Дункан, и преподает в Алабамском университете.

Рассказ «Зора и зомби» впервые был опубликован на сайте «Sci Fiction». Дункан говорит: «Работа Зоры Нил Херстон вдохновляла меня долгие годы, о чем говорится в моем рассказе „Белутахэчи" и других, но я единственный раз попытался написать о ней. Херстон действительно встретила „зомби" Фелицию Феликс-Ментор. Она пишет об этом в своей книге о путешествиях в Карибском бассейне „Расскажи это моей лошади" и публикует там фотографию пациентки. Я был зачарован этой фотографией, и это вдохновило меня на написание рассказа. Работая над ним, я понял, что частично пытаюсь воссоздать тех зомби, какими они были до того, как Джордж Ромеро посыпал их солью. Я просто поражен, что многие читатели, если судить по их письмам, никогда не слышали о Херстон. Если бы я заранее сообразил, что этот рассказ окажется для многих читателей первым знакомством с Херстон, я бы не осмелился его написать. Пытаясь передать характер одной из величайших индивидуальностей и стилистов-прозаиков двадцатого века, я уже ощущал себя авантюристом, но иногда необходимо поступать безрассудно. И если этот рассказ подвигнет других на поиск и чтение ее работ, я буду счастлив».

— Что есть истина? — прокричал унган[1].

Его пронзительный голос на миг заглушил грохот барабанов. В ответ мамбо[2] распахнула белое одеяние, обнажив смуглое, влажное тело. Барабаны застучали быстрее, и мамбо неистово заплясала между колоннами. Свободный наряд не поспевал за взмахами ее ног, внезапными прыжками и поворотами. Платье, шаль, шарф и пояс — все развевалось само по себе. Мамбо, извиваясь, распласталась на земле. Первый мужчина в очереди пополз на коленях, чтобы поцеловать истину, блеснувшую между бедер мамбо.

Карандаш Зоры сломался. Ах ты, черт! Мокрая от пота, стиснутая в толпе, она не могла нашарить в сумочке перочинный нож. Зора только утром узнала, что бродвейская танцовщица Кэтрин Дунхэм, антрополог-самозванка, год назад летала на Гаити по стипендии Розенвальда — той, что по праву должна принадлежать Зоре. Телка паршивая! Она не просто видела эту «церемонию истины», но вдобавок прошла трехдневный обряд посвящения, чтобы называться «Мама Кэтрин, невеста змеиного бога Дамбалла».

Три ночи спустя другой унган опустился на колени перед другим алтарем, держа тарелку с куриным мясом. Люди у него за спиной истошно закричали. Сквозь толпу продирался человек с безумным лицом. Он налетал на людей, сбивал их с ног, сеял беспорядок и сумятицу. Глаза его закатились, с вываленного наружу языка капала кровь.

— Оседлан! — кричали люди. — Лоа[3] сделал его своим конем!

Унган не успел обернуться, и конь врезался в него. Они упали наземь, их конечности переплелись. Курятина полетела под ноги толпы. Люди стонали и рыдали. Зора вздохнула. Она читала об этом у Герковица и у Джонсона. Наверное, так бы себя вел несчастный Бисквит[4], бешеный, покусанный

---

[1] *Унган* — белый колдун.

[2] *Мамбо* — жрица вуду.

[3] *Лоа* — дух.

[4] *Бисквит* — литературный герой, заразившийся бешенством после укуса собаки.

псами. Среди этого столпотворения Зора молча перелистала страницы записной книжки и нашла раздел «романы». «Чей-то добирается до меня во сне, Джейни, — написала она когда-то. — И хотит задушить меня до смерти».

Еще одна ночь. Другое селение, новый карандаш в руке Зоры... Мертвец сел, голова его свесилась на грудь, челюсть отвисла, глаза выпучились. Женщины и мужчины вопили. Мертвец лег на спину и затих. Мамбо накрыла тело одеялом и подоткнула его со всех сторон. «Может быть, завтра я поеду в Понт-Боде или в Вилль-Бонер, — подумала Зора. — Может быть, там я увижу что-нибудь новое».

— Мисс Херстон, — прошептала над ухом какая-то женщина. Ее тяжелое ожерелье гремело, ударяясь о плечо Зоры. — Мисс Херстон. Они рассказали вам о том, что было месяц назад? Как оно шло по Эннери-роуд среди бела дня?

Доктор Легрос, главный врач больницы в Гонаиве, был смазливым мулатом средних лет, с напомаженными волосами и тонкими, похожими на нарисованные усиками. Его костюм-тройка сидел на худой фигуре острыми углами и складками, точно бумажное одеяние куклы. После рукопожатия Зора почувствовала на ладони следы талька. Доктор плеснул ей убойную порцию неочищенного белого clairin[1] без мускатного ореха и перца, которые пришлись бы по вкусу Гуэде — скачущему в траурных одеждах глумливому лоа. Но даже без этих добавок напиток обжигал горло. Зора с доктором глотали его осторожно, словно лекарство, и Легрос вел светскую беседу — все о важном, все о политике. Сдержит ли мистер Рузвельт обещание, что морская пехота никогда не вернется обратно; стремится ли добрый друг Гаити, сенатор Кинг от штата Юта, к более высокому посту; признает ли Америка президента Винцента, если благодарные гаитяне решат избрать его на второй срок, несмотря на ограничения, установленные Конституцией... Но Зора была старше, чем выглядела, и гораздо старше, чем сама говорила. Она видела в глазах доктора совсем другие мысли. По-

[1] Ром-сырец, попросту — тростниковая самогонка.

хоже, он считал Зору своего рода уполномоченным представителем Вашингтона и крайне неохотно позволял ей повернуть беседу к деликатному вопросу о своей необычной пациентке.

— Для ваших соотечественников и спонсоров очень важно понять, мисс Херстон, что верования, о которых вы говорите, это не верования цивилизованных людей — как на Гаити, так и в любом другом месте. Это верования негров. Они ставят нас в неловкое положение, они ограничены canaille[1] — если можно так выразиться. Толпой, проживающей в захолустье, на болотах, как у вас на юге Америки. Эти обычаи — прошлое Гаити, а не ее будущее.

Зора мысленно погрузила доктора по жилетку в болото Итонвилля во Флориде и натравила на него аллигаторов...

— Я понимаю, доктор Легрос, — сказала она, — но заверяю, что приехала сюда за полной картиной жизни вашей страны, а не только за ее бродвейской версией — тамтамами и криками. В любой общине, на любой веранде, в каждом салоне, которые я посещаю, да что там — в офисе генерального директора службы здравоохранения! — все образованные жители Гаити только и говорят о вашей пациентке, этой несчастной Фелиции Феликс-Ментор. Вы что, хотите заговорить мне зубы, скрыть от меня самую актуальную тему?

Доктор рассмеялся, блеснув ровными искусственными зубами. Зора, стесняясь собственных зубов, улыбнулась, сжав губы, и опустила подбородок. Иногда это принимали за кокетство. «Интересно, — пришло вдруг в голову Зоре, — а что ясноглазый доктор Легрос думает об обольстительной людоедке Эрзули[2], самой „нецивилизованной" из всех лоа?» Она медленно положила ногу на ногу и подумала: «Ха! Что Эрзули до меня — до Зоры?»

— Что ж, вы правы, заинтересовавшись несчастным созданием, — произнес доктор. Он вставил новую сигарету в мундштук, не глядя при этом ни на сигарету, ни в глаза Зоре. — Я и сам хотел бы написать о ней монографию, если

[1] Сброд (*фр.*).

[2] *Эрзули* — дух любви в виде прекрасной непорочной девы в наряде невесты. Ее символ — сердце. Ее цвета — красный и голубой.

немного ослабнет давление должностных обязанностей. Может, и мне стоит похлопотать о стипендии Гугенхейма[1], а? Клемент! — Он хлопнул в ладоши. — Еще clairin для нашей гостьи, будь любезен, и манго, когда мы вернемся со двора.

Доктор вел ее по центральному коридору вычурной викторианской больницы. Он ловко огибал пациентов, едва ползущих в плетеных инвалидных колясках, стрелял залпами французского в запуганных чернокожих женщин в белом и рассказывал известную Зоре историю, повышая голос всякий раз, когда они проходили мимо дверей, откуда доносились особенно громкие стоны.

— В тысяча девятьсот седьмом году в городке Эннери после недолгой болезни умерла молодая жена и мать. Ее похоронили по христианскому обряду. Овдовевший муж и осиротевший сын какое-то время погоревали и стали жить дальше, как людям и полагается. Немедленно выплесни все из этого тазика! Ты меня слышишь, женщина? Здесь больница, а не курятник! Прошу прощения. Мы подходим к тому, что случилось месяц назад. В гаитянскую службу охраны стали поступать сообщения о сумасшедшей женщине: она приставала к путешественникам неподалеку от Эннери. Она добралась до фермы и отказалась уходить оттуда. При попытках ее выставить приходила в дикое возбуждение. Вызвали владельца этой семейной фермы. Он только взглянул на несчастное создание и воскликнул: «Господи, это же моя сестра! Она умерла и была похоронена почти тридцать лет назад!» Пожалуйста, не споткнитесь.

Доктор придержал створку застекленной двери и вывел Зору на выложенную плитами веранду. Из жаркой, душной больницы, пропахшей кровью, — в жаркий, душный двор, пропахший гибискусом, козами, древесным углем и цветущим табаком.

— И все остальные члены семейства, включая мужа и сына, тоже ее опознали. Таким образом, одна тайна разрешилась, но в это время другая заняла ее место.

---

[1] *Стипендия Гугенхейма* — ежегодно начиная с 1925 г. присуждается мемориальным фондом Джона Саймона Гугенхейма тем, кто «продемонстрировал исключительные способности в науке или искусстве».

В дальнем углу пыльного двора, в желтоватой тени нескольких деревьев саблье[1] стояла, притулившись к ограде, бесполая фигура в белом больничном халате — спиной к ним, ссутулив плечи, словно ребенок, водящий во время игры в прятки и считающий до десяти.

— Это она, — произнес доктор.

Они подошли ближе; тут с дерева на каменистую землю упал плод и лопнул с треском, похожим на пистолетный выстрел, не далее чем в трех футах от съежившейся фигуры. Та даже не шелохнулась.

— Лучше не заставать ее врасплох, — прошептал доктор, жарко дыша кларином в ухо Зоре, и положил ей руку чуть ниже талии. — Ее движения... непредсказуемы.

«Зато твои предсказуемы», — подумала Зора и отстранилась.

Доктор начал мурлыкать мелодию, похожую на:

Мама не хочет ни горошка, ни риса,
Не хочет она и кокосового масла.
Все, что ей нужно, — это бренди,
Чтобы было всегда под рукой, —

но все же не ее. При первых звуках женщина — ибо это была женщина, хотя Зора и не спешила делать выводы, — прыгнула вперед и ударилась о стену со смачным звуком, словно пытаясь пробить камень лицом. Потом она отскочила назад и обернулась к гостям; при этом руки ее безвольно раскачивались, как маятники. Глаза женщины напоминали бусины из мутного стекла. Широкое лицо могло бы стать привлекательным, если бы приобрело хоть сколько-нибудь осмысленное выражение. Если бы мышцы этого лица хоть немного напряглись.

Много лет назад Зора познакомилась с театром. Она провела долгие месяцы, отскребая турнюры и пришивая эполеты во время турне с тем проклятым «Микадо», чтоб и Гилберту, и Салливану пусто было. Именно тогда она узнала, что загримированные щеки и накладные носы к последнему

[1] *Саблье (фр.)* — деревья — песочные часы. Мистические деревья с плодами в форме песочных часов, под которыми нередко проводятся ритуалы вуду, связанные с зомби.

акту превращаются в гротеск. Лицо этой женщины тоже выглядело так, будто долго потело под гримом.

Все это Зора заметила за считаные секунды — так успевают разглядеть лицо из окна бегущей электрички. Женщина мгновенно отвернулась, отломила ветку дерева саблье и принялась хлестать ею по земле из стороны в сторону — так прорубается мачете сквозь тростник. Три плода на ветке взорвались — банг! банг! банг! — во все стороны полетели семена, а женщина все молотила веткой по земле.

— Что она делает? — спросила Зора.

— Подметает, — ответил доктор. — Она боится, что заметят, как она бездельничает. Ленивых слуг бьют. Кое-где.

Он потянулся, чтобы забрать у неожиданно ставшей проворной женщины ветку.

— Нннин, — промычала та, увернулась и продолжала хлестать по земле.

— Веди себя как следует, Фелиция. С тобой хочет поговорить наша гостья.

— Оставьте ее, пожалуйста, — попросила Зора, внезапно устыдившись: имя Фелиция по отношению к этой несчастной звучало издевкой. — Я не хотела ее тревожить.

Не обращая внимания на ее слова, доктор схватил женщину за тонкое запястье и поднял ее руку вверх. Пациентка застыла; колени ее были полусогнуты, голова чуть отвернута в сторону, будто в ожидании удара. Доктор продолжал разглядывать ее лицо и напевать себе под нос. Свободной рукой он по одному разогнул пальцы женщины и отбросил ветку в сторону, едва не задев Зору. Пациентка продолжала с равномерными интервалами мычать:

— Ннинн, нннин, нннин.

В мычании не слышалось ни паники, ни протеста, вообще никакой интонации — просто звук, похожий на гул походной печки.

— Фелиция? — окликнула женщину Зора.

— Нннин, нннин, нннин.

— Меня зовут Зора, я приехала из Флориды, это в Соединенных Штатах.

— Нннин, нннин, нннин.

— Я слышал, как она издает еще только один звук, — произнес доктор, все еще держа женщину за поднятую вверх руку, словно Фелиция была Джо Луисом[1]. — Когда ее купают или она еще как-то соприкасается с водой. Похоже на мышь, если на нее наступить. Сейчас покажу. Где шланг?

— Не надо! — воскликнула Зора. — Отпустите ее, пожалуйста!

Доктор послушался. Фелиция метнулась в сторону, вцепилась в подол халата и задрала его вверх, закрыв лицо, но обнажив при этом ягодицы. Зора вспомнила поминки по матери — тогда ее тетки и кузины при каждом новом приступе слез натягивали на голову фартуки и мчались на кухню, чтобы поплакать там вместе, как птенцы в гнезде. «Благодарение Господу за фартуки», — подумала Зора. На ногах Фелиции, к Зориному большому удивлению, канатами выделялись мускулы.

— Такая силища, — пробормотал доктор, — и настолько... неприрученная. Вы понимаете, мисс Херстон, когда ее обнаружили сидевшей на корточках посреди дороги, она *была в чем мать родила.*

Жужжа, мимо пролетел овод.

Доктор откашлялся, сцепил руки за спиной и начал ораторствовать, словно обращался к медицинскому обществу Колумбийского университета:

— Крайне интересно было бы разобраться, какие вещества применялись, чтобы отнять у разумного существа рассудок и волю, сохранив ему способность ощущать. Их состав и даже способы введения — это наиболее ревностно охраняемые секреты.

Он направился в сторону больницы, не глядя на Зору и не повышая голоса. Он разглагольствовал о травах и порошках, о мазях и огурцах, словно был уверен, что Зора и без приглашения идет рядом. Однако Зора наклонилась и подняла ветку, которой размахивала Фелиция. Она оказалась гораздо тяжелее, чем Зора предположила, когда Фелиция с такой легкостью отломила ее. Зора подергала один

[1] *Джо Луис* — знаменитый американский боксер (1914–1981), выигравший в 1937 г. титул чемпиона мира в тяжелом весе.

из сучков и обнаружила, что плотное, словно резиновое, дерево весьма прочно. Доктору повезло, что ярость, похоже, оказалась в числе отнятых эмоций. А какие остались? Несомненно, страх. А что еще?

Зора бросила сук рядом с узором, начертанным Фелицией на земле. Внезапно Зора поняла, что рисунок похож на букву «М».

— Мисс Херстон? — окликнул ее доктор с середины двора. — Прошу прощения. Вы уже насмотрелись, нет?

Зора опустилась на колени и протянула к узору руки, словно пытаясь вобрать, заключить в себя каракули Фелиции Феликс-Ментор. Да, это, несомненно, «М», а вот эта вертикальная черта походит на «I», а следующая...

MI HAUT MI BAS

Наполовину высокий, наполовину низкий?

Доктор Боас в колледже Барнард говорил, что народ можно понять, лишь когда ты начнешь думаешь на его языке. И теперь на устах Зоры, стоявшей на коленях в больничном дворе и глядевшей на слова, нацарапанные на земле, родилась фраза, которую Зора часто слышала на Гаити, но до сих пор ни разу не прочувствовала. Креольская фраза, означавшая «Да будет так», или «Аминь», или «Вот Оно», или все, что угодно, по твоему выбору, но всегда — более или менее безропотное смирение с миром и его чудесами.

— А бо бо, — произнесла Зора.

— Мисс Херстон? — Перед ее глазами возникли запыленные носки штиблет доктора. Они встали на хрупкий узор, который Зора разглядела на земле. Узор начал стираться со стороны башмаков, словно они поднимали ветер или приливную волну. — У вас, может быть, несварение желудка, мисс Херстон? Крестьянские специи часто нарушают работу утонченных систем. Велеть Клементу принести вам соды? Или... — Тут в его голосе снова послышалось возбуждение. — Это не могут быть женские проблемы?

— Нет, благодарю вас, доктор, — сказала Зора и встала, не обратив внимания на его протянутую руку. — Как вы думаете, нельзя ли мне завтра вернуться с фотоаппаратом?

Она хотела, чтобы эта просьба прозвучала небрежно, но ничего не получилось. Ни в «Зове Дамбаллы», ни в «Белом короле Гонаивы», ни в «Магическом острове» — ни в одном бестселлере, предложенном когда-либо американским читателям, обожавшим Гаити, не было напечатано ни единой фотографии зомби.

Зора затаила дыхание: доктор прищурился, переводя взгляд с нее на пациентку и обратно, словно подозревал обеих женщин в сговоре. Потом громко цыкнул зубом.

— Это невозможно, — произнес он. — Завтра я должен уехать в Порт-де-Пэкс. Уеду на рассвете и не вернусь до...

— Непременно завтра! — выпалила Зора и поспешно добавила: — Потому что послезавтра у меня назначена встреча в... Петонвилле. — Чтобы скрыть эту короткую заминку, она пылко заговорила дальше: — О доктор Легрос! — и коснулась указательным пальцем обтянутого коричневым пиджаком плеча. — Пока я не буду иметь удовольствия снова встретиться с вами, наверняка вы не откажете мне в небольшом знаке расположения?

Еще тринадцатилетней «шпротиной», околачиваясь у въезда в Итонвилль и заставляя подмигиванием и помахиванием притормаживать янки, направлявшихся в Винтер-Парк, или Сапкен-Гарденс, или Уики-Уотчи[1], Зора научилась относиться к сексуальности, как и к любому другому таланту, словно к тайному пульту управления. Переключатели можно было перекидывать по отдельности или все вместе, чтобы достигать эффектов — сияния прожектора, грома, медленно проступающего рассвета. Для каждодневного использования достаточно нескольких переключателей; для доктора Легроса, зауряднейшего из мужчин, хватит и одного.

— Ну разумеется, — ответил доктор, изготовившись телом и замерев. — Вас будет ожидать доктор Белфонг, и, заверяю вас, он окажет вам всяческую любезность. А потом, мисс Херстон, мы с вами сверим свои заметки путешественника, n'est-ce pas?[2]

---

[1] Курортные городки во Флориде.

[2] Не так ли? (*фр.*)

Зора поднялась на веранду и оглянулась: Фелиция Феликс-Ментор стояла посреди двора. Она обхватила себя руками, словно озябнув, и раскачивалась на загрубевших ступнях с пятки на носок. Она смотрела на Зору — если вообще куда-то смотрела. Позади нее, высоко поднимая ноги, шел через двор пыльный фламинго.

Зора обнаружила, что гаитянские вывески на французском языке понимать сравнительно легко, а вот на английском — совсем другое дело. Она втиснулась на сиденье в маршрутном автобусике, что дважды в день громыхал между Гонаивом и Порт-о-Пренсом. Полностью уйдя в мысли о Фелиции Феликс-Ментор, Зора поймала себя на том, что смотрит прямо в строжайшее указание над грязным, треснувшим стеклом: «Пассажирам запрещается стоять впереди, когда автобус не двигается или едет».

Как только автобус дернулся вперед, отчаянно скрипя колесами и скрежеща коробкой передач, водитель с пафосом продекламировал:

— Уважаемые пассажиры, давайте помолимся Господу нашему и всем милосердным мученикам на небесах, чтобы мы смогли целыми и невредимыми добраться туда, куда хотим. Аминь.

«Аминь»,— невольно согласилась Зора, уже строча в своем блокноте. Красивая женщина, сидевшая у окна, немного отодвинулась, чтобы освободить место для Зориного локтя, и Зора рассеянно улыбнулась ей. В самом верху странички она написала: «Фелиция Феликс-Ментор». Дефис на рытвине зигзагом уехал вверх. Зора добавила знак вопроса и прикусила карандаш зубами.

Кем была Фелиция и что за жизнь она вела? Где ее семья? Доктор Легрос не пожелал говорить об этом. Может быть, семья бросила свою больную родственницу или случилось что-нибудь похуже. Бедняжку могли жестокостью довести до нынешнего состояния. Зора знала, подобные вещи случались в семьях.

Тут она заметила, что рисует неуклюжую фигуру с вытянутыми вперед руками. Ничего похожего на Фелицию, отметила Зора. Скорее, монстр мистера Карлоффа. Несколько

лет назад в Нью-Йорке, в бесплодных попытках собрать воедино бродвейскую постановку, расстроенная Зора по странной прихоти забрела в кинотеатр на Таймс-сквер. Там шел дурацкий фильм ужасов под названием «Белая зомби». Колышащийся сахарный тростник на афише («Она не мертва... Она не жива... Что она такое?») призрачно намекал на Гаити, куда Зора хотела попасть уже в те времена. Бела Лугоши с мефистофельскими бакенбардами оказался таким же гаитянином, как Фанни Херст, а его зомби, бродившие на негнущихся ногах, с выпученными глазами вокруг безвкусных декораций, все до единого показались Зоре белыми. До нее так и не дошел ни смысл названия, ни замысел Лугоши относительно героини. Более того, воскрешение зомби для того, чтобы набрать персонал на сахарную фабрику, показалось ей бесполезной тратой сил, поскольку многие гаитяне (или жители Флориды) работали бы во время Депрессии полный день за меньшую плату, чем любой зомби, и куда охотнее, чем те. И все же Зора восхитилась тем, как киношные зомби бездумно шагали навстречу судьбе с парапета замка Лугоши, в точности как должны были шагнуть фанатичные солдаты безумного гаитянского короля Анри Кристофа с высоты цитадели Ла-Феррье.

Но если предположить, что Фелиция — в самом деле зомби, во всяком случае по гаитянским меркам? Не сверхъестественным образом оживленный труп, а что-то вроде похищенной и отравленной жертвы, которую похититель — ее бокор[1] — через три десятилетия отпустил или покинул.

Предположим, бокор, оседлав коня задом наперед, лицом к хвосту, приехал к дому жертвы ночью и украл ее душу. Встал на колени на пороге, прижался лицом к щели под дверью, оскалился и — сссссссссссссст! — всосал душу спящей женщины, вдохнул ее в свои легкие. А следующей ночью — ее первой ночью в качестве зомби — заставил Фелицию, как говорится в легендах, пройти мимо собственного дома, чтобы она больше никогда не смогла узнать его или пуститься на поиски.

---

[1] *Бокор* — черный колдун, практикующий магию с куклами вуду и зомби.

Однако Фелиция нашла семейную ферму, пусть и поздно. Может, что-то в заклинании не сработало. Может, кто-то накормил ее солью — надежным средством от застарелого похмелья зомби, вроде собачьей шерстинки от обычного похмелья. Кроме того, а где бокор Фелиции? Почему он так долго удерживал свою пленницу, а потом отпустил? Может, он умер и его подопечная ушла? Были ли у него другие подопечные — другие зомби? Каким образом Фелиция оказалась сразу и жертвой, и беглецом?

— И как вам понравилась зомби, мисс Херстон?

Зора вздрогнула. Это заговорила ее красивая соседка.

— Прошу прощения! — Зора инстинктивно захлопнула блокнот.— Не думаю, что мы встречались, мисс...

Незнакомка рассмеялась. Большеглазая, большеротая, у ее высоких скул мерцали переливчатые серьги. Из-под платка на лоб выбилось колечко каштановых волос. На платке и плотно облегающем закрытом платье буйствовало море красок. Тяжелое золотое ожерелье почти терялось в них. Кожа ее была цвета кофе со сливками — две трети сливок на треть кофе. Довоенный Нью-Орлеан пал бы к ногам этой женщины, едва захлопнув на ночь ставни.

— А, понятно, вы меня не узнали, мисс Херстон.— Ее акцент превратил первый слог в слове «Херстон» в долгое мурлыканье.— Мы встречались в Аркахейе, в хунфоре[1] Дье Донне Святого Легера, во время обряда «крючок для мертвеца».

Женщина вытаращила глаза и выпрямилась, безвольно опустила челюсть, а потом откинулась назад и захлопала в ладоши, сверкая кольцом с рубином. Она, как ребенок, радовалась, что вполне сносно изобразила мертвого человека.

— Вы можете называть меня Фрейда. Мисс Херстон, это я первая сообщила вам про зомби Феликс-Ментор.

Та встреча в духоте и толчее была мимолетной, но Зора могла бы поклясться, что ее осведомительница — женщина более пожилая и простоватая. Хотя сама Зора тоже едва ли выглядела в святилище на все сто. Многие верующие выглядят гораздо лучше не в церкви, а вне ее, сколько бы священники и настоятельницы там, дома, ни отрицали этого.

[1] *Хунфор* — святилище.

Зора извинилась за свою рассеянность, поблагодарила ее — как ее? Фрейду? — за подсказку и поведала кое-что о посещении больницы. Она умолчала о послании на земле, если это вообще было посланием, но зато поделилась мыслями:

— Сегодня мы запираем несчастную женщину на замок, но — кто знает? — однажды она может оказаться на самом почетном месте — как посланница, отмеченная божественным прикосновением.

— Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет! — пылким речитативом произнесла Фрейда. — Нет! Не боги отняли ее силу. — Она наклонилась вперед и приняла заговорщицкий вид. — Мужчина! Это сделал только мужчина. Вы видели. Вы знаете.

Зора, поддразнивая, сказала:

— А, так у вас большой опыт в отношении мужчин.

— Теперь — нет, — отрезала Фрейда. И улыбнулась. — А бо бо. Это ночной разговор. Давайте лучше поговорим о дневном.

И в течение следующего получаса, подпрыгивая на сиденьях, женщины весело болтали. Фрейда спрашивала, а Зора отвечала; они говорили о ее гаитянской книге, о «скипидарных лагерях»[1] и достопримечательностях Нью-Йорка. Было приятно для разнообразия самой отвечать на вопросы, а не расспрашивать других. Маршрутка тряслась, продвигаясь вперед, и равнодушно засыпала пылью всех, кто встречался на дороге: верховых гвардейцев Гаити, прачек, несущих белье на бедре, как на полке, полудохлых ослов, нагруженных гвинейским просом. Тени удлинялись.

— Моя остановка, — сказала наконец Фрейда, хотя автобусик не проявлял никаких признаков торможения, а из окна виднелись только густые пальмовые рощицы по обеим сторонам дороги.

Менее грациозное создание просто встало бы, а Фрейда поднялась, повернулась и стала протискиваться к проходу — спиной, как это ни странно, вперед. Зора съежилась на сиденье, чтобы дать ей больше места, но Фрейда все равно

[1] *«Скипидарные лагеря»* — лагеря рабочих, собиравших сосновую живицу.

прижалась к ней, притиснув бедра к груди более старшей женщины. Сквозь тонкий материал платья Зора ощутила жар тела Фрейды. С высоты своего роста Фрейда сверкнула улыбкой, быстро прикусила нижнюю губу и едва слышно хмыкнула.

— Жду нашей следующей встречи, мисс Херстон.

— А где я могу вас навестить? — спросила Зора, желая соблюсти приличия.

Фрейда протиснулась мимо нее и поплыла по проходу, не держась за поручни.

— Ты меня найдешь, — бросила она через плечо.

Зора открыла рот, собираясь что-то сказать, но забыла, что именно. Она увидела сквозь лобовое стекло, над плечом Фрейды, как на дорогу наперерез с ревом вылетел грузовик-углевоз. Зора сжалась, ожидая столкновения. Водитель маршрутного автобуса закричал вместе со всеми, ударил по тормозам и вывернул рулевое колесо. С жутким скрежетом автобус развернулся, подняв тучу пыли и грязи. Она затмила солнце, осела на языке Зоры и скрыла из виду грузовик. Несколько долгих, безумных и странно возбуждающих мгновений автобус крепился набок. Потом выровнялся с леденящим душу грохотом, лобовое стекло разлетелось на тысячи мелких кусков. В наступившей тишине Зора слышала чьи-то всхлипывания, слышала последний затихающий кашель мотора, слышала, как с обычным лязганьем открылась передняя дверь. Зора поправила сбившуюся шляпку, чтобы видеть окружающее. Маршрутка и грузовик остановились на расстоянии двух футов друг от друга, бок о бок, только смотрели в разные стороны. Фрейда, улыбающаяся, ничуть не напуганная, в по-прежнему аккуратно повязанном платке, неторопливо шла между ними, ведя пальцем по грузовику, как дитя, и оставляя дорожку в пыли. Она прошла под окном Зоры, не взглянув наверх, и исчезла из виду.

«Она выбрала горизонт, как огромную рыбацкую сеть. Стянула его с талии мира и накинула себе на плечи. Как много жизни в его ячейках! Она призвала свою душу прийти и посмотреть».

Во рту пересохло, голова болела от жары и от усилий прочесть собственный — как курица лапой нацарапала! — почерк. Зора перевернула последнюю страницу рукописи, подровняла стопку бумаги и взглянула на свою аудиторию. Фелиция, сидя на корнях дерева саблье, держала в каждой руке по запеченному батату и откусывала то от одного, то от другого.

— Это конец, — произнесла Зора все тем же мягким, без нажима, голосом, которым читала роман. — Я пока не уверена насчет середины, — продолжала она, убирая рукопись и вытаскивая фотоаппарат, — но зато знаю, что есть конец. А это уже кое-что.

Батат за бататом исчезали вместе с кожурой во рту Фелиции, а глаза ее ничего не выражали. Не важно. Зора всегда любила читать вслух то, что пишет, а Фелиция — слушатель лучше многих. Собственно, она вообще первый слушатель этой книги.

Но хотя Зора и не опасалась Фелиции, читая ей роман, она тревожно ощущала над головой узкие викторианские окна больницы и чувствовала на себе внимательные взгляды умирающих и сумасшедших. На веранде что-то бормотал себе под нос согбенный старик в инвалидной коляске, за которым вполглаза присматривала медсестра с журналом в руках.

Экспериментируя, Зора посолила батат, но без видимых результатов. Эта зомби поглощала соль так же, как редакторы поглощают виски.

— Я в вашей стране не для того, чтобы писать роман, — сообщила Зора жующей компаньонке. — Во всяком случае, официально. Мне платят, чтобы я собирала фольклор. Ну что ж, этот роман еще не закончен здесь, на Гаити, ха! Поэтому я пока даже не могу объявить о том, что пишу его. Это наша тайна, правда, Фелиция?

Экономка больницы отказалась дать Зоре хороший фарфор, неохотно положив батат для подкупа зомби на исцарапанную тарелку из тыквы. Тарелка стояла на земле так, чтобы Фелиция могла до нее дотянуться. Главу за главой, батат за бататом Зора протягивала руку и подвигала тарелку чуть ближе к себе, чуть дальше от Фелиции. До сих пор Фелиция, похоже, не возражала.

Зора снова подвинула тарелку, пока Фелиция облизывала пальцы после съеденного батата. Фелиция потянулась к тарелке и замерла, поняв, что не может дотянуться. Она так и сидела, вытянув руку.

— Нннн, нннн, нннн, — произнесла Фелиция.

Зора не шевелилась, придерживая фотоаппарат на коленях.

Фелиция скользнула к ней, все так же сидя на ягодицах, схватила два батата и решила съесть их там, где оказалась теперь, не возвращаясь обратно в тень, — на что и надеялась Зора. Она сделала несколько снимков на солнце, но, как увидела позже, ни один из них не смог проникнуть в тени под морщинистым лбом Фелиции, где прятались глаза пациентки.

— Зомби! — раздался дикий вопль. У старика на веранде начался припадок. Он брыкался и молотил во все стороны руками. Медсестра быстро толкала инвалидное кресло к двери. — Я их всех превратил в зомби! Зомби!

— Смотри на мое могущество, — сказал сумасшедший творец зомби, король Анри Кристоф.

Он подкручивал свои театральные усы и злобно-похотливо пялился на красивую юную — или моложавую — женщину-антрополога, бившуюся в путах из змеиной кожи. Широкое белое лицо короля и его слащавый акцент наводили на мысль о Будапеште. По его неспешному жесту легионы зомби, черных и белокожих, зашаркали вокруг утеса из папье-маше, гуськом стали подниматься по ступенькам к парапету из бальзы и перешагивать через него. Они падали вниз без единого звука. Листая блокнот своей пленницы, король неистово хохотал, а потом заявил:

— А я и не знал, что ты такое написала! Да, это хорошо!

Позади него зомби падали вниз, как кегли, их тени в стиле немецкого экспрессионизма скользили по лицу безумного короля, напыщенно читавшего вслух отрывок из «Имитации жизни».

Зора проснулась в холодном поту.

Дождь все еще лил сплошным потоком, грохотал по шиферу крыши, как ритуальная барабанная дробь. Рукопись, казавшаяся в темноте белым пятном, медленно скользила

по столу. Зора смотрела, как рукопись доползла до края стола и разлетелась по полу со звуком, подобным порыву ветра. Значит, игуана опять до нее добралась. Она просто обожала возиться с Зориной рукописью. Нужно забрать ее с собой в Нью-Йорк и устроить на работу в цирк мистера Липпинкотта. Зора различила в грохочущей тьме очертания сжавшейся криволапой игуаны и замерла, не зная точно, бросаются ли игуаны, как далеко и зачем.

Постепенно Зора расслышала еще один звук помимо дождя: кто-то плакал.

Она включила прикроватный светильник, нашарила ногами тапочки и потянулась за халатом. Потряхивая головой, чтобы разогнать ночные наваждения, затягивая поясок халата и позевывая, Зора вышла в коридор и едва не наступила на проклятую игуану, удиравшую от нее, клац-клац-клацая когтями по половицам. Зора стянула с левой ноги тапочку, взяла ее за носок, как оружие, хотя и ненадежное, и вошла вслед за игуаной в большую комнату. Экономка Люсиль лежала на диване и плакала, обеими руками прижимая к лицу носовой платок. Над ее головой было распахнуто окно, ветер раздувал занавески. Игуана вскарабкалась вверх по спинке дивана и выскочила в окно, под шипящий дождь. Люсиль не заметила ее, но вздрогнула и села прямо, когда Зора подошла к ней близко.

— Ах, мисс! Как вы меня напугали! Я думала, это Красная Секта!

А, да, Красная Секта. Таинственные невидимые каннибалы, обитающие в горах; их далекие ночные барабаны слышны только обреченным, а жажда крови делает их клан похожим на совет инспекторов в колледже Бетьюн[1]; самый любимый ночной кошмар Люсиль. У Зоры никогда раньше не было экономок, она в них и не нуждалась, но Люсиль «прилагалась к дому», как выразился агент. Все шло в одной упаковке: вид на горы, паранойя по поводу Красной Секты, жара и холодные, проворные игуаны.

— Люсиль, дорогая, что случилось? Почему ты плачешь?

[1] *Колледж Бетьюн* — экономический колледж в Дайтона-Бич, Флорида.

Новый взрыв рыданий.

— Это все мой неверный муж, мадам! Мой Этьен. Он бросил меня... ради Эрзули! — Люсиль буквально выплюнула это имя — так оскорбленная женщина в Итонвилле выплюнула бы бесславное имя мисс Дельфини.

Зора только однажды обратила внимание на Этьена, когда он, раскрасневшийся, без шляпы, явился к задней двери, чтобы похвалиться роскошной добычей. Этьен ухмылялся так же широко, как и мертвый кайман, которого он держал за хвост. Чтобы порадовать хихикающую жену, он повязал на шею этому созданию розовую ленточку, и Зора тогда решила, что Люсиль счастлива не больше и не меньше остальных.

— Ну будет, будет. Иди к Зоре. Ну-ка, высморкайся. Вот, уже лучше. Если не хочешь, можешь больше ничего не рассказывать. Кто такая Эрзули?

На Гаити Зора много слышала об Эрзули, всегда от женщин, и говорили они тоном, полным негодования и восхищения. Зоре очень хотелось узнать больше.

— О мадам, это ужасная женщина! Она получает любого мужчину, какого захочет, всех мужчин и... и даже некоторых женщин! — Это последнее было произнесено с благоговением. — На Гаити ни один дом не защищен от нее. Сначала она приходила к моему Этьену в снах, дразнила его, он кричал и изливался на простыни. Потом она стала мучить его и когда он не спал, раздражала, подстраивала неудачи, и он все время злился на себя и на меня. И тогда я отправила его к унгану, и унган сказал: «Зачем ты спрашиваешь меня, в чем дело? Любой ребенок скажет тебе правду: ты выбран в супруги Эрзули». И он обнял моего Этьена и сказал: «Сын мой, твоя постель из всех других постелей теперь будет предметом зависти всех мужчин». Ах, мадам, религия такая трудная вещь для женщин!

Пытаясь утешить всхлипывающую женщину, Зора испытывала угрызения писательской совести. С одной стороны, она искренне хотела помочь, но с другой — все это было таким материалом!

— Когда Эрзули захочет, она принимает такое обличье, о каком мужчина мечтает больше всего на свете, чтобы заездить его и высушить, как бобовую шелуху, чтобы украсть

у женщины ее утешение. О мадам! Мой Этьен не приходил ко мне на ложе уже... уже двенадцать ночей! — Люсиль рухнула на диван, охваченная новым приступом горя, засунула голову под подушку и начала икать.

«Целых двенадцать ночей... Ну и ну», — думала Зора, занимаясь невеселыми подсчетами, но вслух ничего не сказала. Она лишь похлопывала Люсиль по плечу и ласково ворковала.

Позже, поджаривая яйцо для удрученной, с покрасневшими глазами экономки, Зора попыталась сменить тему:

— Люсиль! Мне кажется, позавчера, когда почтальон раздавил петуха, ты сказала что-то вроде: «А, зомби сегодня хорошенько поужинают!»

— Да, мадам, думаю, я это сказала.

— А на той неделе, когда ты заметила большую паутину сразу после того, как убрала на место стремянку, ты сказала: «А бо бо, сегодня зомби задали мне лишнюю работу». Люсиль, когда ты это говоришь, что ты имеешь в виду? О каких зомби идет речь?

— Ой, мадам, так просто говорится, когда всякие мелочи не идут на лад. «Ох, молоко прокисло, потому что зомби сунул в него ногу», — и все такое. Моя мать всегда так говорит, и ее мать тоже говорила.

Вскоре Люсиль уже весело щебетала, рассказывая про маленьких девочек кофейного цвета и ритуальные купания в Со д'О. Зора делала записи в блокноте, пила кофе, и все шло прекрасно. А бо бо!

До восхода солнца оставалась еще пара часов, как вдруг Люсиль оборвала свое щебетание на полуслове. Зора подняла взгляд и увидела, что Люсиль застыла в ужасе, широко раскрыв глаза и посерев лицом.

— Мадам... Слушайте!

— Люсиль, я ничего не слышу, кроме стука дождя по крыше.

— Но, мадам, — прошептала Люсиль, — дождь уже закончился!..

Зора положила карандаш и подошла к окну. С карнизов и деревьев срывались лишь отдельные капли. Где-то далеко в горах кто-то бил в барабаны — десять барабанов, сто, кто

знает? Звук походил на монотонный гром — он не приближался, но и не затихал.

Зора захлопнула ставни и заперла их на защелки, а потом с улыбкой повернулась к Люсиль:

— Голубушка, да это просто мужчины шумят в ночи, так же как у нас они шумно хвастаются на крыльце лавки Джо Кларка. Ты хочешь сказать, я никогда не рассказывала тебе, как ведут себя мужчины там, у меня дома? Разбей-ка для нас еще одно яйцо, Силь, милая, и я тебе тоже кое о чем порассказываю.

П/я 128-В
Порт-о-Пренс, Гаити
20 ноября 1936 г.

Д-ру Генри Аллену Мо, секретарю.
Мемориальный фонд Джона Саймона Гугенхейма
551, 5-я авеню,
Нью-Йорк

Дорогой доктор Мо,

С сожалением сообщаю: невзирая на то что я бесконечно стучала и звонила в самые разные двери и вздымала пыль многих дорог, я так и не нашла родственников этой несчастной женщины, Феликс-Ментор. Она столь же знаменита, сколь и никому не известна. Все о ней слышали; все знают или думают, что знают, краткое, в несколько предложений, описание ее «истории». Очень многие выдумывают о ней разные сказки, однако дальше дело не идет. Она своего рода гаитянская Гарбо. Я бы решила, что это выдуманная личность, если бы не видела ее своими глазами и не сфотографировала ее в доказательство — чего? Фотография Эмпайр-стейт-билдинга тоже доказательство, только чего именно? Это решать зрителю.

Меня, разумеется, повеселило, как и вас, когда я услышала от некоторых наших друзей и коллег на Гаити, что их тревожит бедняжка Зора. Она как будто «отуземилась», выбросила свой диплом с отличием, отказалась от трейлера для путешествий, Джесса Оуэна и прочих достижений своей ро-

дины, чтобы разрывать на куски цыплят и стать посвященной в тайны Красной Секты. Бог свидетель, доктор Мо, я провела двадцать с лишним лет на юге Соединенных Штатов, под пристальным взором Первой Абиссинской Македонской Африканской Методистской Епископальной Пресвитерианской Пятидесятницкой Свободной Воли Бантистской Ассамблеи Господа Иисуса Христа, вместе со Следующими за Знаками его преподобием, матерью и священником. Все они были так исполнены духа, что выглядели, как смерть, питающаяся одними галетами, но за все это время я и близко не подошла к принятию христианства. Разумеется, я не подхвачу местную болезнь за какие-то шесть месяцев, проведенных на Гаити...

Обязательства, путешествия и болезнь: «Может, у вас несварение?» — «Благодарю, доктор Легрос», — в течение нескольких недель не давали Зоре возможности попасть в больницу в Гонаиве. Когда она наконец-то вернулась, то вышла на веранду и увидела во дворе Фелицию. Та стояла, как и прежде, в полном одиночестве, лицом к высокой стене. Сегодня Фелиция решила встать на единственном клочке зеленой травы — кусочке мягкого дерна диаметром с пасхальную шляпу. Зора неожиданно для себя обрадовалась ей, словно доброй подруге.

Чтобы спуститься по ступенькам, Зоре пришлось пройти мимо сумасшедшего старика в инвалидном кресле. Сиделки рядом с ним сегодня не было. Несмотря на его впалые щеки, поблекшие глаза и редкие пучки седых волос на голове, Зора поняла, что в молодости он был очень хорош собой. Приблизившись, она улыбнулась ему.

Он заморгал и сказал задумчиво:

— Скоро я стану зомби.

Зора остановилась.

— Прошу прощения?

— Смерть пришла за мной много лет назад, — заговорил старик, и глаза его заблестели, — но я сказал: нет-нет, возьми вместо меня жену. И отдал ее, чтобы она стала зомби. И знаете, я выиграл так пять лет. Отличная сделка. Через пять лет я отдал старшего сына. Потом дочь. Потом самого

младшего. И теперь еще много любимых людей превратились в зомби, все до единого. Никого не осталось. Никого, кроме меня. — Пальцы старика теребили покрывало, укрывавшее его ноги. Он оглядел двор. — Скоро я стану зомби, — повторил старик и заплакал.

Зора встряхнула головой и сошла по ступенькам. Подходить к Фелиции сзади, как сказал в тот первый день доктор Легрос, было делом непростым. Надо действовать достаточно громко, чтобы она тебя услышала, но при этом достаточно тихо, чтобы не испугать ее.

— Привет, Фелиция, — произнесла Зора.

Сгорбленная фигура не шелохнулась. Зора, расхрабрившаяся за долгое отсутствие, снова окликнула ее по имени, протянула руку и осторожно тронула Фелицию за плечо. Едва она это сделала, по руке, по спине и дальше в ноги побежали покалывание и дрожь. Не оборачиваясь, Фелиция распрямилась, развернула плечи, вытянула шею и заговорила:

— Зора, друг мой!

Фелиция обернулась и оказалась вовсе не Фелицией, а высокой красивой женщиной в коротком белом халатике. Фрейда! Она заметила выражение Зориного лица и расхохоталась.

— Разве я не сказала, что ты меня найдешь? Может, ты не узнаешь свою подругу Фрейду?

Зора вновь обрела дыхание.

— Узнаю, — парировала она, — и понимаю, что это жестокая шутка. Где Фелиция? Что ты с ней сделала?

— Ты о чем? Фелиция не принадлежит мне, чтобы подарить ее тебе или забрать отсюда. Никто никому не принадлежит.

— Почему Фелиции нет во дворе? Она что, заболела? И почему здесь ты? Тоже заболела?

Фрейда вздохнула:

— Как много вопросов! Вот так и пишутся книги? Глупышка, если бы Фелиция не была больна, она бы сюда вообще не попала. Кроме того... — Фрейда вновь расправила плечи. — Почему тебя так волнует эта... бессильная жен-

щина? Женщина, позволившая мужчине сбить с пути свою душу, как голодный кот возле бочонка угрей? — Фрейда подошла ближе, дневной зной сгущался вокруг них. — Расскажи свою книгу женщине, у которой есть сила. Расскажи свою книгу мне, — прошептала она. — Расскажи мне о похоронах мула, и о вздымающихся водах, и о жужжащем грушевом дереве, и о тайном вздохе юной Джейни...

У Зоры в голове одновременно возникли две мысли, словно переплелись стон и вдох: «Изыди из моей книги!» и: «Господи, да она ревнует!»

— К чему суетиться? — огрызнулась Зора, вспыхнув гневом. — Тебе не кажется, что ты знаешь мою книгу наизусть? И кроме того, — продолжала она, шагнув вперед и оказавшись нос к носу с Фрейдой, — есть и другие силы, отличные от твоих.

Фрейда зашипела и отпрянула назад, словно ошпаренная раскаленным жиром.

Зора вздернула повыше нос и беспечно добавила:

— И чтоб ты знала, Фелиция тоже писательница.

Фрейда сжала губы в тонкую нить, развернулась и устремилась к больнице, перебирая под халатиком длинными сильными ногами. Не задумываясь, Зора шагнула следом и догнала Фрейду.

— Если хочешь знать, — сказала Фрейда, — твоя подруга-писательница теперь находится на попечении семьи. За ней приезжал сын. И как, это очень выдающееся событие? Может, сын должен был уведомить тебя, хм? — Она подмигнула Зоре. — Он вполне мускулистый молодой человек, и ему нравятся женщины постарше. Или намного старше. Могу показать, где он живет. Я бывала там чаще, чем ему известно.

— Как сильно ты зависишь, — произнесла Зора, — от мужчин.

Едва Фрейда вступила на веранду, как старик в инвалидной коляске сжался и застонал.

— Ш-ш-ш, дитя, — сказала Фрейда, вытащила из кармана шапочку медсестры и водрузила ее на свои каштановые волосы.

— Не дайте ей забрать меня! — завыл старик. — Она превратит меня в зомби! Превратит! В зомби!

— Фи! — сказала Фрейда, подняла босую ногу и толкнула инвалидное кресло на фут вперед — под ним на плитках стояли удобные белые туфли. Фрейда всунула в них ноги и развернула кресло.

— Вот ваш бокор, мисс Херстон. Зачем мне нужны холодные руки зомби? Au revoir, мисс Херстон, Зора. Не ограничивайте свой кругозор. Вы найдете в моей стране еще многое, о чем можно написать. Я надеюсь.

Зора стояла внизу, у ступенек, глядя, как Фрейда увозит старика прочь по неровным плиткам веранды.

— Эрзули, — произнесла Зора.

Женщина остановилась. Не оборачиваясь, она спросила:

— Как ты меня назвала?

— Твоим настоящим именем, и говорю тебе: если ты не оставишь в покое Этьена, мужа Люсиль, чтобы эти двое могли сами проложить себе путь в преисподнюю, то я... да, я вообще забуду о тебе, и ты никогда не появишься в моей книге!

Фрейда залилась смехом. Старик обмяк в своем кресле. Смех оборвался, словно выключилось радио, и Фрейда, внезапно помрачнев, посмотрела вниз.

— Они не выдерживают долго, правда? — пробормотала она и ткнула старика в затылок указательным пальцем. — Очаровательные бедняжки. — Вздохнув, она повернулась к Зоре, с откровенным одобрением оглядела ее и пожала плечами. — Ты сумасшедшая, — сказала она, — но честная.

Фрейда попятилась к двери, открыла ее спиной и закатила мертвого старика внутрь.

Маршрутный автобус, как всегда, опаздывал, и Зора, не в силах усидеть на месте, пошла пешком. Пока дорога идет вниз под горку, а солнце остается над горой, решила она, заблудиться невозможно. Шагая по живописной местности, Зора пела, собирала цветы и работала над своей книгой наиприятнейшим из всех известных ей способов — мысленно, без бумаги и даже без слов, пока еще без. Зора наслаждалась предупреждающими знаками у каждого поворота: «La route tue et blesse», или, дословно: «Дорога убивает и ранит».

Интересно, думала Зора, каково это — идти по дороге нагишом, как Фелиция Феликс-Ментор. И уже решала, не провести ли такой эксперимент, как вдруг сообразила, что наступила ночь. (А где же автобус и остальные машины, и почему дорога сделалась такой узкой?) И если сбросить одежду, то платье, и сорочка, и туфли составят ужасно большую охапку. Единственный разумный способ нести одежду — это, на самом-то деле, надеть ее на себя. Рассуждая так, Зора, с трудом ступая стертыми ногами, завернула за крутой поворот и почти столкнулась с несколькими дюжинами фигур в красном, идущих ей навстречу. На головах у них были капюшоны, несколько человек держали факелы, у каждого был барабан, а один вел на веревке большого, свирепого на вид пса.

— Кто идет? — спросил низкий мужской голос.

Зора не могла понять, кто из спрятавшихся под капюшонами задал вопрос — и говорил ли вообще хоть кто-нибудь из них.

— А кто хочет это знать? — откликнулась она.

Капюшоны переглянулись. Не говоря ни слова, несколько из них засунули руки под балахоны. Один вытащил меч. Еще один вытащил мачете. Тот, с собакой, вытащил пистолет, опустился на колени и пробормотал что-то псу на ухо. Одной рукой он почесывал пса между лопатками, а другой ласково гладил его по голове сверкающим в лунном свете дулом. Зора слышала, как стучит и шелестит собачий хвост, виляющий в листве.

— Скажи пароль, — произнес голос, кажется принадлежавший тому, с мечом, потому что он для пущего эффекта указал на Зору. — Говори, женщина, или ты умрешь, а мы попируем тобой.

— Она не знает пароля, — сказал женский голос, — разве что она тоже разговаривала с мертвыми. Давайте съедим ее.

И внезапно — так же отчетливо, как она знала все в старом мире, — Зора поняла, как звучит пароль. Его дала ей Фелиция Феликс-Ментор. Mi haut, mi bas. Наполовину высокий, наполовину низкий. Можно сказать его прямо сейчас. Но она этого не сделает. Она будет верить в зомби, совсем чуть-чуть, и в Эрзули — может быть, немного больше. Но в Красную Секту, в связанное кровавой клятвой

сообщество мужчин, она верить не будет. И Зора шагнула вперед, легко, добровольно, и фигуры в красных балахонах не двигались, пока она шла среди них. Пес заскулил. Зора спустилась вниз с холма. Позади не было слышно ничего, кроме лягушачьего хора. За следующим поворотом она увидела отдаленные огни Порт-о-Пренса, а намного ближе — маршрутный автобус, стоявший перед лавкой. Зора засмеялась и повесила свою шляпу на предупреждающий знак. Между ней и автобусом пролегала освещенная лунным светом дорога, усеянная крохотными лягушками. Они отличались от камешков и кусочков коры лишь тем, что прыгали, тем, что у них были какие-то дела.

А бо бо!

Она призвала свою душу прийти и посмотреть.

ПОППИ З. БРАЙТ

Калькутта, властительница сил

Поппи З. Брайт (настоящее имя Мелисса Энн Брайт) — автор многочисленных романов, в числе которых выделяются «Потерянные души» («Lost Souls»), «Изысканный труп» («Exquisite Corpse»), «Ликер» («Liquor») и «Кухня души» («Soul Kitchen»). Ее короткие рассказы выходили в журналах и множестве антологий. Последний сборник рассказов «Допотопные сказки» («Antediluvian Tales») увидел свет в 2007 г. Вместе с Мартином Г. Гринбергом Поппи З. Брайт выступила соредактором сборников рассказов вампирской эротики «Любовь в крови» и «Любовь в крови 2» («Love in Vein», «Love in Vein 2»).

Публикуемый ниже рассказ был номинирован на Всемирную премию фэнтези, однако уступил первое место включенному в настоящий сборник произведению Дэна Симмонса «Фотография класса за этот год» («This Year's Class Picture»). По иронии судьбы, при написании рассказа наш автор вдохновлялась романом «Песнь Кали» («Song of Kali») того же Д. Симмонса. «Я смотрю на Калькутту и богиню Кали совсем по-другому, — говорит Поппи Брайт, — но, не прочитав романа Симмонса, я бы никогда не написала свой рассказ». (Кстати, сам Симмонс в своей речи на вручении премии отметил, что ее следовало бы отдать «Калькутте...».)

В этой истории, описывающей прогулку героя по терроризируемому мертвецами-зомби городу Калькутте, больше от наблюдений, чем от сюжетного произведения. «Парень просто шатается по городу и наблюдает его жизнь, — говорит Брайт. — Рассказ интересен (как я надеюсь) тем, что видит он и описывает исключительно необычные вещи».

Я родился в больнице Северной Калькутты глухой индийской полночью незадолго до начала сезона муссонов. Над рекой Хугли, притоком великого Ганга, висел густой и влажный, как мокрый бархат, воздух, а пни баньянов вдоль дороги Верхний Читпур, покрытые фосфоресцирующими пятнами, светились, словно духи огня. Я был чер-

ным как ночь и почти не кричал. Мне кажется, я помню все это, ибо так и должно было быть.

Моя мать умерла при родах, и той же ночью больница сгорела дотла. (У меня нет причин связывать вместе эти два события; с другой стороны, нет причин и для обратного. Может быть, в сердце моей матери загорелось желание жить. А может быть, пожар раздувала ее ненависть ко мне, ничтожному, слабо попискивающему существу — причине ее смерти.) Из ревущего пламени меня вынесла сиделка и передала онемевшему от горя отцу. Он баюкал меня, глядя на огонь.

Мой отец был американцем. Пятью годами ранее он приехал в Калькутту по делам. Здесь он встретил мою мать и полюбил ее. Есть люди, которые никогда не сорвут цветок с клумбы, на которой он вырос. Отец не захотел увозить ее из этого прокаленного солнцем, пышного и нищего города, который ее взрастил. Город был частью ее экзотического образа. Так мой отец остался в Калькутте. Теперь его любимый цветок завял и умер. Отец прижимался потрескавшимися губами к мягким волосикам у меня на голове и плакал. Я помню, как впервые открыл глаза. Огонь высушил влагу, глаза давило и жгло, но я смотрел на рвущийся в небо столб дыма. Ночное небо, подсвеченное пламенем, было дымчато-розовым, как будто в нем смешались кровь и молоко.

Молока для меня не было, и я сосал из пластиковой соски противную детскую смесь с химическим привкусом. Больничный морг находился в подвале и не пострадал от огня. Моя мать лежала там на холодном металлическом столе, ее заскорузлая от смертного пота сорочка скрывала окровавленные промежность и бедра. Ее мертвые глаза были устремлены сквозь обгоревший остов здания в молочно-кровавое небо, и пепел оседал у нее на зрачках.

Мы с отцом уехали в Америку до начала дождей. Без моей матери Калькутта вновь превратилась в то, чем она и была, — в омерзительную дыру, гигантскую площадку для сжигания трупов — по крайней мере, так считал мой отец. В Америке он мог не бояться отпускать меня в школу или в кино, в спортзал или в бойскаутские походы, будучи уверенным, что кто-нибудь всегда позаботится обо мне, да я и сам

не пропаду. Там не было тагов[1], которые могли перерезать вам глотку, перед этим задушив и ограбив, не было гундасов[2], продававших кости своих жертв на удобрения. Не бродили повсюду коровы, поливая улицы своей священной вонючей мочой. Мой отец мог со спокойным сердцем доверить меня благословенной Америке, сам оставаясь у себя в спальне, где он опускал шторы и пил виски до тех пор, пока не напивался до отупения; тогда его горе хоть на время теряло свою остроту. Он был из тех людей, что любят раз в жизни, они фаталисты и знают с болезненной ясностью, что неизбежно придет день, когда они лишатся своей любви. Когда же этот день наступает, они едва ли бывают удивлены.

Особенно много выпив, он начинал вспоминать Калькутту. Мой юный американский разум отказывался воспринимать этот город. Мне нравились гамбургеры, пицца и кондиционеры, неограниченная, неразборчивая любовь, что щедро изливалась на меня с экрана телевизора. Но моя индийская душа рвалась в Калькутту. Мне было уже восемнадцать, когда отец в конце концов не сумел выйти из своего последнего запоя. Я вернулся в город, где столь несчастливо родился, как только сумел собрать денег на авиабилет.

Ха, Калькутта, скажете вы. Разве можно жить в таком месте, где мертвецы разгуливают по улицам?

А я отвечу: разве это не здорово? Что может быть лучше города, в котором пять миллионов человек выглядят как покойники, — а могут и на самом деле быть покойниками, — а другие пять миллионов мечтают умереть?

Моя подружка, проститутка Деви, начала работать в пятнадцать лет. Ее первое рабочее место было в лачуге, сделанной из толя, на Саддер-стрит. Саддер — это Бурбон-стрит[3] Калькутты, хотя ей недоставало карнавальной веселости последней и люди не носили масок. Нет нужды прятать лицо там, где нет самого понятия «стыд». Сейчас Деви работает в крупных отелях, продает американским туристам, британским специалистам и немецким бизнесменам свою экзоти-

---

[1] *Таги* (*инд.* thugs) — секта убийц-душителей.

[2] *Гундас* (*инд.* goondas) — наемные убийцы-головорезы.

[3] *Бурбон-стрит* — одна из старейших улиц в центре Нового Орлеана, известная питейными заведениями.

ческую бенгальскую любовь. Деви худенькая и красивая, но характер у нее еще тот. Она любит повторять, что Земля такая же шлюха, как она сама, а Калькутта — ее вагина. Земля сидит на корточках, раздвинув ляжки, а Калькутта — это то, что вы видите у нее между ногами, влажная дыра, источающая тысячи ароматов, как восхитительных, так и мерзких. Это источник самых буйных наслаждений и одновременно рассадник всей мыслимой заразы.

Вагина Земли. Что ж, мне это нравится. Я люблю вагины так же, как свой нищий город.

Мертвецы тоже любят вагины. Когда им удается поймать женщину, они калечат ее, чтобы не сопротивлялась, и вы можете наблюдать этих счастливцев, как они вгрызаются между ее ногами с жадностью, которой позавидовал бы самый пылкий любовник. Им не нужно вытаскивать голову, чтобы подышать. Я видал некоторых, что влезали в тело по самые плечи. Видимо, внутренние женские органы для них — редкий деликатес, и что в этом удивительного? В человеческом теле они вроде черной икры у осетров. Очень отрезвляюще действует, когда наталкиваешься на распластавшуюся в канаве женщину с вывалившимися из растерзанной утробы кишками. Но реагировать не рекомендуется. Не следует отвлекать мертвецов от их пиршества. Они тупые и неповоротливые, но тем больше причин для вас быть умнее их, быстрее и вести себя тише. Они ведь и с мужчиной сделают то же самое, его мягкий пенис и мошонка для них — изысканное лакомство, отгрызут с удовольствием, оставив на их месте кровавую дыру. Но вы можете бочком пробраться мимо них, пока они заняты едой, — и вас не заметят. Я не стараюсь прятаться от мертвецов. Я гуляю по улицам и наблюдаю; больше мне делать нечего. Я очарован. То, что я вижу, вовсе не ужасно, это просто одна из сторон жизни Калькутты.

Первое время я вставал поздно, после полудня, в самую жару. У меня была комната в одном из обветшавших мраморных дворцов в старой части города. Деви часто навещала меня там, но в то утро я спал один. Как обычно, в комнате было жарко, и я проснулся совершенно мокрый от пота, обмотанный перекрученными простынями. Яркие полосы солнечного света лежали на полу. У себя в комнате на третьем

этаже я чувствовал себя в безопасности, особенно если двери были заперты на замок. Мертвецам трудно подниматься по лестницам, к тому же они неспособны сколь-нибудь долго объединять свои усилия, чтобы выломать дверь. Они были для меня не опасны. Они питаются теми, кто физически неспособен убежать, и теми, кто сдается без борьбы: выжившими из ума брошенными стариками, молодыми женщинами, что сидят в ступоре по канавам, баюкая умерших за ночь младенцев. Это легкие жертвы.

Стены моей комнаты были выкрашены коралловой краской, а косяки и дверь — зеленоватой, цвета морской волны. Краски ярко играли на солнце, и на душе становилось веселей, несмотря на жару снаружи. Я спустился во дворик с высохшим мраморным фонтаном и вышел на улицу, залитую невыносимо ярким солнечным светом. В нашем районе было мало зелени, только чахлые кустики каких-то сорняков тянулись вдоль дороги. Сточную канаву кое-где украшали коровьи лепешки. Ближе к вечеру и то и другое исчезало. Местные ребятишки собирали навоз и сухую траву и лепили из них брикеты, которые продавали потом как топливо для кухонных очагов.

Я шел по направлению к главной магистрали города — Чоуринги-роуд. Пройдя полдороги по своей улице, я увидел знакомую картину: одна из тех самых заторможенных юных матерей сидела сгорбившись под навесом матрасной фабрики. Мертвецы уже добрались до нее. Они вырвали ребеночка из ее рук и прогрызли ему головку. Их перемазанные кровью бессмысленные лица погружались время от времени в мягкие мозги, из медленно жующих ртов вываливались кровавые сгустки. Мать сидела рядом на обочине, баюкая пустоту. На ней было грязное зеленое сари, разорванное спереди, в прореху были видны тяжелые, набухшие от молока груди. Когда мертвецы закончат с ребенком, они примутся за нее, и она не будет сопротивляться. Я уже видел такое. Я помнил, что, когда они вгрызаются в груди, молоко сначала брызжет струей, а потом льется потоком. Я помнил, как жадно они лакают из этих ручьев крови и молока.

На жестяной навес над их двигающимися вверх-вниз головами тихо падали длинные волокнистые пряди хлопка,

грязными космами они свисали с крыши и с дверной притолоки, как паучьи сети. Из другой части здания доносилось слабое бормотание транзистора, шла передача христианского радио на английском языке. Евангельские песнопения заверяли Калькутту в том, что ее упокоившиеся во Христе жители воскреснут. Я пошел дальше.

Большинство улиц города застроено очень плотно. Разномастные дома лепятся друг к другу впритык, и улица похожа на расшатанный книжный шкаф, набитый книгами разного размера. Иногда здания даже нависают над мостовой, и вы видите над головой только узкую полоску неба, перекрещенную километрами бельевых веревок. На фоне грязно-серого неба хлопающие на ветру разноцветные шелковые и хлопковые одеяния выглядят очень красиво. Однако есть в Калькутте несколько мест, откуда вдруг открывается панорама города, он становится виден весь. Вы видите длинный грязный склон, на котором раскинулись трущобы — басти — огромное скопище жалких лачуг из жести и картона, обитатели которых всю ночь поддерживают огонь в маленьких очагах. Мертвецы часто наведываются сюда, но люди не уходят из басти — куда им идти? Или вы увидите заброшенные земли с неработающими фабриками, пустующими складами и почерневшими дымовыми трубами на фоне неба цвета ржавчины. Или блеснет сквозь пелену тумана серо-стальная гладь реки Хугли с вознесшимся над ней сложным переплетением балок, ферм и стальных канатов — мостом Хоура.

В настоящий момент я как раз находился напротив реки. Район набережной считался небезопасным из-за утопленников. Каждый год тысячи самоубийц прыгают в реку с высокого моста и еще тысячи просто заходят в воду с берега. В этом месте легко приходит мысль свести счеты с жизнью, потому что здесь в водяных парах копится отчаяние. Частично этим объясняется висящее над Калькуттой вполне ощутимое облако безнадежности — в городе высокая влажность.

И вот теперь самоубийцы и просто утонувшие уличные мальчишки выходили из реки. В любой момент ее воды могли извергнуть какого-нибудь утопленника, и вы бы услышали, как он карабкается на берег. Если он пробыл в воде

достаточно долго, это заканчивалось для него печально — утопленник раздирал свое тело об усеивающие берег камни и обломки кирпича и превращался буквально в ничто; единственное, что от него оставалось, — мерзкий коричневый налет с запахом ила.

Полицейские втаскивали мертвецов на мост, где и расстреливали. Обычно этим занимались сикхи, которые слывут более жестокими, чем индуисты. Даже отсюда я видел красные брызги на серых фермах моста. Иногда вместо расстрела их обливали бензином и поджигали и потом через перила сбрасывали в воду. Ночью вполне обычным делом было увидеть плывущие по течению корчащиеся в огне тела; горящие руки, ноги и голова делали такое тело похожим на красную пятиконечную звезду.

Я задержался у лотка торговца пряностями, чтобы купить букет красных хризантем и горсть шафрана. Я попросил его завернуть шафран в лоскуток алого шелка.

— Прекрасный сегодня денек, — сказал я ему по-бенгальски.

Он уставился на меня с веселым ужасом.

— Прекрасный — для чего?

Истинный индуист верит в то, что все живые существа одинаково священны. Не считаются нечистыми ни паршивая собака, роющаяся в урнах с прахом на погребальной площадке, ни грязный нищий, что тычет вам в лицо свою вонючую гангренозную культю и, видимо, считает именно вас виновником всех своих бед. Они священны в той же мере, что и церковные праздники в святом храме. Но даже самому набожному индуисту очень трудно счесть священным ходячего мертвеца. Это пустые человеческие оболочки. Вот что внушает самый настоящий ужас: не их бессмысленная жажда живой человеческой плоти, не засохшая кровь под ногтями и не обрывки мяса, застрявшие между зубами, а то, что у них нет души. Их глаза пусты, все производимые ими звуки: выпускание газов, ворчание, голодный скулеж — чисто рефлекторны. Индуисту, приученному к мысли, что у всех существ есть душа, вынести это невозможно. Но жизнь в Калькутте продолжается. Магазины работают, транспорт тащится в пробках по Чоуринги-роуд. У людей нет выбора.

Скоро я подошел к месту, с которого неизменно начиналась моя ежедневная прогулка. Частенько я проходил в день по двадцать, по тридцать миль — у меня были крепкие ботинки, а кроме того, заняться мне было абсолютно нечем, я просто гулял и наблюдал. Но первая остановка всегда была у Калигхата, храма богини Кали.

У нее много имен: Кали Ужасная, Кали Свирепая, Носящая Ожерелье из Черепов, Истребительница Мужчин, Пожирательница Душ... Но для меня она была Мать Кали, единственная из обширного и живописного пантеона индуистских богов, кто возбуждал мое воображение и трогал душу. Она была Разрушительницей, но в ней же находили и последнее утешение. Она была богиней Вечности. Могла истекать кровью, сгорать, но всегда возвращалась, вечно бодрствующая, великолепная и ужасная.

Я пригнулся, проходя под натянутыми в дверном проеме гирляндами бархатцев и храмовых колокольчиков, и вступил в храм Кали. Несмолкаемый уличный шум остался позади, внутри царила оглушающая тишина. Мне казалось, что я слышу эхо от тихого шороха своих шагов, отражавшееся от невидимого в вышине свода. Вокруг моей головы вились струйки дыма со сладковатым запахом опия. Я приблизился к статуе Кали, джаграте, и в меня уперся ее сверлящий взгляд. Она была высока ростом и — я сравнивал ее с Деви — более худощава и обнажена гораздо бесстыднее, чем бывала моя подружка в самые интимные минуты. Соски ее грудей были выкрашены кровью — по крайней мере, я всегда так считал, — такими же красными были пара острых клыков и длинный язык, который свешивался змеей из ее разинутого рта. Волосы были вздыблены, взгляд свирен, но расположенный в центре лба третий глаз, серповидный, глядел с состраданием; он видел все и все принимал. Ожерелье из черепов обвивало ее грациозную шею и украшало прорезанное в горле углубление. Ее четыре руки были прихотливо изогнуты, и, когда вы отводили взгляд хоть на мгновение, казалось, что они меняют свое положение. В руках она держала веревочную петлю, жезл с черепом вместо набалдашника, сверкающий меч и отрезанную голову с разинутым ртом, очень похожую на настоящую.

У подножия статуи стояла серебряная чаша, как раз в том месте, куда должна была капать кровь из горла Кали. Иногда эта чаша была наполнена жертвенной кровью, козьей или овечьей. Сегодня чаша была полна. По нашим временам кровь вполне могла оказаться человеческой, хотя она не имела того особенного гнилостного запаха, который указывал бы на ее происхождение от какого-нибудь мертвеца.

Я сложил хризантемы и шафран у ног Кали. Тут уже лежали другие подношения, в основном всякие сласти и фунтики с пряностями. Среди них я заметил и несколько довольно странных вещей. Фаланга пальца. Что-то вроде сморщенного гриба, который при ближайшем рассмотрении оказался человеческим ухом. Подобные жертвы приносили те, кто надеялся на особую защиту; обычно их отрывали от мертвецов. Но кто мог сказать, не сам ли проситель отрезал собственные ухо или сустав пальца, чтобы задобрить богиню? Я и сам, когда забывал подношение, резал себе бритвой запястье и оставлял несколько капель крови у ног идола.

Снаружи кто-то закричал, и я на миг обернулся, а когда снова взглянул на статую, мне показалось, что положение ее рук изменилось и длинный язык высунулся еще дальше. А ее широкие бедра — я часто фантазировал на эту тему, — так вот, они, казалось, подались мне навстречу, как бы предлагая взглянуть на ужасную и притягательную щель между ляжками богини.

Я улыбнулся ее красивому коварному лицу. «Если бы у меня был такой же длинный язык, как у тебя, Мать Кали, — прошептал я, — я бы опустился перед тобой на колени и лизал бы лепестки твоей священной вагины, пока ты не застонала бы от наслаждения». Казалось, ее зубастый рот шире растянулся в улыбке, а сама улыбка стала более сладострастной. В присутствии Кали я много фантазировал.

Выйдя из храма, я понял, что это были за крики. Во дворике храма стоит каменный алтарь, на котором жрецы приносят жертвы богине; обычно это бывают козлята. Возле жертвенника собралась группа бедно одетых горожан, которые схватили девушку-мертвеца и теперь методично разбивали на камне ее голову. Тощие руки с зажатыми в них

острыми камнями и обломками кирпичей взлетали и опускались. Мертвячка все еще пыталась приподнять наполовину раздробленную голову, щелкая разбитой челюстью с выломанными зубами. Ее жидкая вонючая кровь смешивалась на земле с густой кровью животных. Голое тело было перемазано гноем и дерьмом, высохшие груди болтались пустыми мешочками. Прогнивший живот разорвало газами. Избиение продолжалось: один из нападавших всадил ей палку между ног и навалился на нее всем своим весом.

Мертвецов сейчас в Калькутте больше, чем прокаженных. Когда процесс разложения трупа заходит достаточно далеко, различить их нетрудно. А так они похожи — те же самые лица на разных стадиях мокрого и сухого гниения, прорвавшие во многих местах гнилую кожу кости, похожие на заплесневелые корки сыра, изуродованные раковыми наростами черепа... Но все же по сравнению с мертвецами в прокаженных больше человеческого, хотя понять это можно, только если подойти к ним поближе и заглянуть в глаза. На определенной стадии болезни прокаженные уже не могли жить попрошайничеством, потому что в наше время большинство людей в ужасе убегает при одном виде гниющего лица. В результате прокаженные умирали, потом возвращались, и оба этих вида теперь смешались в пародии на инцест. А может быть, они и на самом деле могут скрещиваться. Ведь очевидно, что мертвецы едят и переваривают пищу и время от времени гадят где придется, как любой нормальный житель Калькутты. По-моему, однако, никто так и не знает, могут они эякулировать или беременеть или нет.

Конечно, это глупая мысль. Мертвая матка полностью сгнила бы задолго до того, как зародыш смог развиться хотя бы наполовину; мертвая мошонка — неподходящая колыбель для живого семени. Но никто, кажется, ничего не знал о биологии мертвецов. Газеты взахлеб живописали сцены кровавых нападений как с той, так и с другой стороны. Многие радиостанции покинули эфир, а те, что остались, передавали религиозные проповеди, которые шли одна за другой и превратили вещание в один бесконечный вой причитаний; мусульманские, индуистские и христианские догматы начинали постепенно сближаться.

Никто в Индии не мог с уверенностью объяснить, почему вдруг ожили мертвецы. Последняя из слышанных мною теорий заключалась в следующем: методами генной инженерии был создан микроорганизм, питавшийся пластмассой, — мир пытался спастись от отходов своей же жизнедеятельности. Но затем этот микроб мутировал и перешел на питание мертвыми человеческими клетками, одновременно преобразуя их в живые; при этом основные функции организма восстанавливались. Так ли это, не суть важно. Калькутта не очень удивилась тому обстоятельству, что ее покойники воскресли и принялись кормиться за ее счет. Покойники другого сорта занимались подобным делом уже лет сто.

Весь остаток дня я шатался по городу. Мертвецов видел только раз, и то издалека; в последних лучах кроваво-красного заходящего солнца они дрались над раздувшейся тушей священной коровы.

Я подошел к реке Хугли. К заходу солнца я всегда стараюсь оказаться возле нее, в том месте, откуда виден мост Ховра. В закатных лучах река красива до боли. Свет плавится на поверхности вод, как горячее ги[1], их цвет из стального переходит в хаки, а затем в золотой, река вся сияет. На фоне тускнеющего оранжевого закатного неба вздымаются черные ажурные фермы моста. Время от времени мимо меня проплывали цветочные венки и догорающие угольки, последние земные следы умерших. Выше по реке, за мостом, располагались гхати[2], где люди прощались со своими усопшими родственниками, сжигали их тела и бросали прах в священные речные воды. В наши дни кремацию проводят более качественно или, по крайней мере, стараются управиться побыстрее.

С чужими мертвецами люди скрепя сердце уже как-то смирились, но им вовсе не хотелось бояться еще и собственных дорогих покойников.

Некоторое время я шел вниз по течению; ветер с реки доносил запахи горелого мяса. Отойдя подальше от моста, я углубился в лабиринт узких улочек и аллей, что вели в сторону доков в южной части города. Жители уже начи-

[1] *Ги (инд.* ghee) — *перетопленное жидкое масло из молока буйволицы.*
[2] *Гхати (инд.* ghats) — место ритуального сожжения умерших.

нали устраиваться на ночлег. А спальней в этом районе мог служить и упаковочный ящик, и просто кусочек мостовой. В укромных уголках и закоулках разжигались маленькие костерки. Все еще дувший от реки теплый ветерок пробирался по извилистым улочкам. Оказалось, что уже очень поздно. Я проходил улицу за улицей, минуя редкие островки света и гораздо более протяженные темные участки, и в такт своим шагам слышал тихий звон медных бубенчиков. Это напоминали о себе рикши, следующие за мной в надежде, что я захочу их нанять. Впечатление было жутковатое — ведь я никого не видел. Я шел в одиночестве по пустым ночным улицам, а призрачные бубенчики пели мне серенады. Но это чувство быстро прошло. На улицах Калькутты *вы никогда не одиноки.*

Из темного дверного проема вдруг выпорхнула чья-то тонкая рука. Глянув туда, я с трудом различил в темноте несколько прижавшихся друг к другу тощих фигур. По-моему, их было человек пять. Я бросил в протянутую ладонь несколько монет, и рука так же тихо исчезла. У меня редко просят подаяние. Я не выгляжу ни бедным, ни богатым и обладаю полезным талантом почти не привлекать к себе внимания. Люди смотрят мимо меня, а иногда даже сквозь меня, как будто я невидимка. И я совсем не возражаю — это позволяет мне больше узнавать. Но когда у меня просят, я всегда подаю. Благодаря моим монеткам у этих пятерых завтра будет рис и чечевица.

На завтрак — чашка риса с чечевичной похлебкой, на ужин — стакан воды из колонки.

Иногда мне кажется, что мертвые жители Калькутты питаются лучше многих живых.

Поплутав по узким улочкам, я наконец вышел к задней стене какого-то здания, в котором с немалым удивлением узнал храм богини Кали. Калькуттские переулки расположены так хаотично и непродуманно, что вы можете сто раз пройти мимо какого-нибудь места и так и не узнать, что были совсем рядом. Я много раз бывал в Калигхате, но еще никогда не подходил к нему с этой стороны. Храм возвышался передо мной, темный и безмолвный. Так поздно я тоже еще

никогда не приходил. Я даже не знал, когда уходят жрецы и можно ли ходить сюда по ночам. Однако подойдя поближе к задней стене, я заметил приоткрытую дверцу. Возможно, это был служебный вход. Внутри что-то мерцало: то ли свечка, то ли нашитое на чью-то одежду зеркальце, а может, это была догорающая палочка благовоний.

Я проскользнул вдоль стены и на мгновение задержался возле двери. Вверх, в темноту храма, вели каменные ступени. Отнюдь не каждый захотел бы вдруг оказаться ночью в безлюдном храме богини Кали. Одна мысль о встрече лицом к лицу с жестоким божеством в этом мрачном месте заставила бы без памяти бежать от этих ступеней. В общем, я вошел внутрь.

На середине подъема меня настиг запах. Провести целый день, гуляя по Калькутте, — это значит нанюхаться тысяч витающих в ее воздухе ароматов, как приятных, так и не очень: запахов жарящихся на масле специй, вони дерьма, мочи и всяких отбросов; а еще на улицах продаются гирляндами такие маленькие белые цветочки, могра, чей приторно-сладкий запах всегда напоминает мне парфюм, которым душатся американские работники похоронных бюро, чтобы отбить запах морга.

* * *

Калькуттцы в массе своей очень чистоплотны, я бы сказал, болезненно чистоплотны, даже самые бедные. Они везде мусорят и плюются, но многие из них моются по два раза на дню. И все же при такой жаре и влажности потеют все; к середине дня в любом общественном месте разит пóтом. Так изысканно пахла бы смесь лимонного и лукового соков. Однако за весь сегодняшний день я впервые столкнулся с такой ужасающей вонью. Она была густая и влажная и завивалась по краям, как засыхающий гриб. Это был смрад трупного разложения, мерзкий дух гниющей плоти.

Когда я поднялся в храм, то увидел их.

Огромное центральное помещение освещалось только свечами, их огоньки помигивали от движений воздуха. Тусклый свет не давал возможности отчетливо разглядеть собравшихся у подножия статуи Кали молящихся, они казались вполне

обычными людьми. Но когда мои глаза начали привыкать к полумраку, стали проявляться детали. Высохшие руки, разложившиеся лица; с некоторых тел почти слезла кожа, и за ребрами болтались сморщенные внутренние органы.

Теперь об их подношениях.

При свете дня Кали с ухмылкой взирала на букетики и сласти, любовно сложенные к ее ногам благонравными почитателями. Лежащее там сейчас, видимо, подходило ей больше. Я видел поставленные на обрубки шей человеческие головы, глядящие серебристыми белками закатившихся глаз. Какие-то куски, вырванные то ли из животов, то ли из бедер. Оторванные руки походили на бледные цветки лотоса с лепестками-пальцами, раскрывшимися в ночи.

Больше всего было костей. Они громоздились со всех сторон пьедестала. Одни были обглоданы так чисто, что блестели при свете свечей. На других еще оставались клочья мяса и длинные мерзкие полоски жира. Тонкие лучевые кости рук, похожие на дубинки берцовые. Там кренделек тазовой кости, тут изящный позвоночник. Хрупкие детские косточки, изъеденные временем стариковские. Кости тех, кто не сумел убежать.

Это были дары мертвецов своей богине. Кали с самого начала стала их божеством, а они — ее прислужниками.

Богиня улыбалась гораздо плотоядней, чем обычно. Свисавший из открытого рта длинный красный язык влажно поблескивал. На ужасном лице сверкали черные отверстия глаз. Если бы сейчас она шагнула со своего пьедестала и двинулась ко мне, протягивая извивающиеся руки, вряд ли у меня возникло бы желание пасть перед ней на колени. Скорее я бы сбежал. И красота бывает невыносимой.

Мертвецы начали неторопливо разворачиваться в мою сторону. Их головы поднимались, а гниющие дыры ноздрей ловили мой запах. Глаза тех, у кого они еще оставались, радужно мерцали. Внутри пустых тел что-то поблескивало, отражая свет. Это были прорехи на мироздании, каналы в какую-то иную, пустую вселенную. В пустоту, где правила богиня Кали и где единственным утешением была смерть.

Мертвецы не приближались. Они просто стояли, вцепившись в свои драгоценные дары, и смотрели на меня —

те, кто с глазами, — или сквозь меня. В тот момент я чувствовал себя не просто невидимым, а насквозь пустым. До такой степени, что вполне мог бы и сам сойти за своего среди этих человеческих оболочек.

И вдруг как будто дрожь прошла по мертвецам. В следующее мгновение — в неверном мерцании свечей, в отблесках света от тел — Кали шевельнулась. Вот дернулся палец, вот повернулось запястье, — поначалу движения были слабыми, почти незаметными. Но затем ее губы раздвинулись в невозможно широкой зубастой ухмылке, а кончик длинного языка изогнулся. Она крутанула бедрами и резко подбросила левую ногу высоко в воздух. Изящным движением она вытянула носок ноги, попиравшей миллионы мертвецов, сделав пуанте, достойное примы-балерины. При этом ее вагина широко раскрылась.

Но это был не тот бутончик, что я так страстно целовал в своих мечтах. Вагина богини оказалась огромной зияющей красной дырой, ведущей, казалось, в самый центр мира. Она была глубокой раной в ткани мироздания, и окружали ее кровь и пепел. Двумя из четырех своих рук Кали указывала на нее, зовя меня внутрь. Я мог бы протиснуть туда голову, а затем и плечи. Я мог целиком забраться в этот влажный багровый бесконечный тоннель и ползти там целую вечность.

И я кинулся прочь. Даже не успев еще осознать свои действия, я уже пересчитывал боками ступени крутой каменной лестницы. Ударившись последний раз о ее подножие, вскочил и побежал, еще не чувствуя боли в разбитых голове и колене. Я был уверен, что мертвецы погонятся за мной. Не знаю, кого я на самом деле боялся. Временами мне казалось, что я бегу не прочь от чего-то, а прямо к нему.

Мое бегство длилось всю ночь. Когда ноги почти отказывали, я вскакивал в ночной автобус. Один раз я пересек реку по мосту и очутился в Ховре, беднейшем из пригородов Калькутты. Больше часа я брел, спотыкаясь, по пустынным улицам, сделал петлю и вновь вернулся по мосту в город. Через какое-то время я наткнулся на человека, который нес на перекинутом через плечи коромысле два бидона с водой, и попросил у него напиться. Он не дал мне своей жестяной кружки, попросту плеснул в подставлен-

ные ладони. На его лице была написана смесь жалости и отвращения, с таким выражением обычно смотрят на пьяных или на нищих. Конечно, для нищего я был слишком хорошо одет, но он видел страх в моих глазах.

Перед самым рассветом я оказался в заброшенном промышленном районе. Я с трудом тащился мимо неработающих фабрик и пустующих складов, дымовых труб и ржавых железных ворот, обитых жестью. Все фасады зияли выбитыми стеклами. Их были тысячи, этих пустых окон. Через некоторое время я сообразил, что иду по дороге Верхний Читпур. Я шагал в нарождающемся свете нового дня, под бледно-голубым предрассветным небом. Наконец я сошел с дороги и побрел, спотыкаясь, по пустырям. В какой-то момент я оказался перед развалинами здания, его почерневшие балки и сваи вздымались подобно обгоревшим ребрам доисторического динозавра. И только тут я понял, что пришел на место своего рождения.

На месте здания образовался обширный котлован глубиной полтора-два метра. Он был заполнен битым стеклом, погнутыми металлоконструкциями, горелыми деревяшками двадцатилетней давности и вообще всякой всячиной. В свете восходящего солнца все это казалось очень чистым. По невысокому склону котлована я съехал вниз, перекатился по земле и улегся наконец на слой углей и золы. Постель моя была невыразимо мягкой, она баюкала меня в своих объятиях. Рассветные лучи омывали мое тело. Наверное, я все же попал в ту самую бездну меж ног богини Кали и нашел обратный путь.

Каждое утро рассвет омывает Калькутту. Если бы солнце вставало тысячу раз на дню, не было б чище города в мире.

Легкий ветерок гонял пепел по моему телу, руки и губы покрылись серой золой. Я был в безопасности здесь, в лоне своего города, названного его поэтами Властительницей Сил, городом радости, лоном мира. Мне казалось, я лежу среди его мертвецов. Они меня не страшили, я был в безопасности: я знал их богиню, делил с ними одно ложе. Когда солнце взошло и озарило грязь и великолепие Калькутты, мне показалось, что в ее небе, покрытом темными клубящимися облаками и озаренном бледно-розовым светом, начался пожар.

УИЛЛ МАКИНТОШ

Преследуемый

Произведения Уилла Макинтоша публиковались в изданиях «Strange Horizons», «Azimov's», «Postscripts», «Interzone» и «Futurismic». Его рассказ «Совершенный фиолетовый» («Perfect violet») был выбран для антологии «Научная фантастика: лучшие произведения 2008 года». В настоящее время Макинтош работает над своим первым романом «Тихий апокалипсис» («Soft Apocalypse»), который базируется на одноименном рассказе, опубликованном в «Interzone».

Макинтош считает, что зомби — это возможность посмотреть в лицо присущему каждому человеку страху смерти. «Мне кажется, людям нравятся рассказы о зомби потому, что они исследуют этот страх: перед нами мертвецы, и они не являются могущественными, загадочными существами, чья жизнь наполнена эротическими приключениями; они трупы. И мы очень боимся трупов».

«Преследуемый» появился на свет в результате дискуссии, которую Макинтош начал со своими студентами факультета психологии. Он задал им вопрос: «Если бы вы могли спасти жизнь любого человека, заплатив сто долларов, сколько людей вы бы спасли?» Как говорит Макинтош: «Я подчеркнул, что и сейчас мы можем спасти жизни за сто долларов или даже меньше, но не делаем этого. Так что нам остается либо жить с этим осознанием, придумывая отговорки, либо продать машину».

Она, как и прочие зомби, бесцельно брела по тротуару, и ее дерганая, скачущая походка резко выделялась на фоне плавных шагов живых. Девочка лет шести-семи походила на уроженку Индии, ее потрепанную одежду покрывал слой грязи и пыли. Прохожие, не замечая ее, тем не менее обходили стороной.

Поначалу я не обратил на нее особого внимания — решил, что тот, кого она преследует, уехал на машине и она

потихоньку догоняет его со свойственным мертвым упорством. Стоял теплый летний полдень, дело было в центре, и я сидел на открытой площадке кофейни под названием «Дерганый Джо». До начала учебного года оставалось еще несколько недель, и я никуда не торопился.

Я вернулся к рукописи, которую читал, и думать забыл о трупе, пока краем глаза не заметил, что она стоит у моего столика. Я глянул на нее, оглянулся через плечо и снова перевел взгляд на девочку. И тут я понял. Большие, безжизненные карие глаза смотрели на меня. Будто она заявляла на меня права. Но такого не могло быть! Я ждал, что она вот-вот уйдет, но девочка не двигалась с места. Я поднял чашку кофе и, не донеся до рта, трясущейся рукой поставил обратно.

За соседним столиком, положив ноги на свободный стул, удобно расположилась женщина в зеленом льняном платье. Она кинула на меня пренебрежительный взгляд поверх книги в мягкой обложке. Когда наши глаза встретились, она снова уткнулась в книгу.

Я вскочил на ноги. Стул заскрежетал по асфальту, а едва отпитый кофе расплескался по столу.

Я укрылся в относительной безопасности припаркованной машины и в зеркало заднего вида наблюдал, как труп ковыляет в моем направлении. Возможно, произошла ошибка и девочка пройдет мимо. В отличие от пожирающих бензин монстров, на которых разъезжало большинство преследуемых трупами, мой «зеленый вольво» работал на водородных топливных элементах — более экономичной марки я просто не мог себе позволить. Как же я подцепил труп? Я опустил стекло и выжидал.

Девочка подошла поближе, я слышал, как она шаркает ногами по тротуару. Она остановилась футах в трех от машины и повернулась ко мне. Круглое детское лицо, крохотный подбородок под безвольно раскрытым ртом... Она была такой маленькой.

Я завел мотор и выехал с парковки, едва не задев другую машину. В боковом зеркальце я увидел, как мой труп терпеливо ковыляет по тротуару, следуя неведомому компасу, при помощи которого мертвые выслеживают тех, на кого заявляют права.

* * *

Каждые несколько минут я отодвигал занавеску, чтобы посмотреть, идет ли она. И наконец увидел, как она шагает с опущенной головой по краю тротуара. Девочка свернула на дорожку к моему дому, задела ногой трещину на асфальте, споткнулась и с трудом восстановила и так непрочное равновесие. На негнущихся ногах преодолела три ступеньки крыльца и остановилась перед дверью. Я опустил занавеску и запер дверь на задвижку.

И позвонил Дженне.

— У меня труп, — заявил я без предисловий, когда она сняла трубку.

— Боже мой, Питер! — На другом конце провода возникла долгая пауза. — Ты уверен?

— Она стоит на моем крыльце! — закричал я. — Я вполне уверен, что она моя.

— Ничего не понимаю. За что тебе труп?

— Не знаю. Не могу поверить. Я просто не могу поверить!

Дженна утешила меня тем, что перечислила все пункты, по которым я выгодно отличался от прочих обладателей трупов. Потом она сменила тему, но у меня не было настроения обсуждать университетские дела и обычную ежедневную чепуху, так что мы договорились пообедать вместе, и я закончил разговор.

В надежде отвлечься я включил телевизор. Нашел биржевые сводки. Индекс Доу Джонса вырос почти на три процента, котировки ценных бумаг поднялись на два. Я переключился на новости. На фоне ряда недавно возведенных ветряков президент давала интервью по поводу отказа от подписания третьего Киотского протокола.

«Мы делаем все возможное в целях предупреждения глобального потепления, — заявила она в камеру. — Но мы не позволим другим странам оказывать на нас давление. Американский стиль жизни останется неизменным».

Бла-бла-бла. Даже при том, что операторы старательно выбирали ракурсы, камеры показывали несколько сотен ее трупов, отгороженных от президента шеренгой телохранителей в синих костюмах. Тощенький черный мальчуган лет

четырех-пяти, с раздутым, как футбольный мяч, животом, пробрался в щелку между телохранителями и заковылял к президенту. Один из агентов тут же подхватил его и вернул в толпу трупов. Но бережно — действующая администрация не хотела давать «Международной амнистии» лишних поводов для протеста.

Я попытался утешиться видом президентских трупов. Их у нее было восемьдесят или девяносто тысяч; они стояли плотной, двадцатифутовой ширины стеной у ворот Белого дома, и каждый день их количество увеличивалось.

Потом я немного полистал каналы. Странно, но большинство передач показывали мир без трупов. На ток-шоу, в полицейских и комедийных сериалах трупы появлялись крайне редко — персонажи ходили по улицам, работали, встречались с друзьями, и никого из них не сопровождал труп. Я с трудом мог представить себе те времена, когда мы жили без них.

Я снова отодвинул занавеску и посмотрел на неподвижно стоящую на моем крыльце девочку. Я просто не мог сдержаться. Может, мне удастся обнаружить на ней какую-то подсказку, которая поможет понять, кто она такая и отчего умерла. Доказательство, что небесная канцелярия совершила ошибку, когда послала ее мне.

Я открыл дверь, и девочка зашла в дом. От ее босых ног на деревянном полу оставались грязные следы.

— Посмотри вокруг, у меня не так уж много вещей. — Я провел ее по дому. — Солнечные батареи, люминесцентные лампы. Я покупаю только подержанную мебель.

Она даже не взглянула на мебель, а продолжала смотреть на меня.

— Я стараюсь покупать местные продукты. Я голосовал за «Единый мир».

По-прежнему ничего. Я осмотрел комнату в поисках новых доказательств.

— Что я сделал? — спросил я ее пустые глаза. — Скажи мне, что я сделал!

Она была симпатичным ребенком. Я представил ее смеющейся, бегущей, играющей в «классики» на тротуаре, как любила в свое время играть моя сестра. Я представил, как

она пьет бурую воду из грязной жестяной кружки, лежит в кровати, умирая от тифа или дизентерии. А может, кровать была слишком дорогим удовольствием для ее семьи — может, она умерла на соломенной подстилке в углу грязной хижины. От несправедливости во мне поднималась волна знакомого гнева.

Девочка стояла передо мной совершенно беспумно. Она не двигалась, не дышала. Она будет со мной до конца моих дней. Как мне жить дальше?

Я присел на краешек глубокого кресла в гостиной. Девочка встала передо мной на расстоянии вытянутой руки и уставилась на меня. Наконец-то я смог хорошенько ее рассмотреть. Тощие ноги с костлявыми коленками. Коричневые ступни. Длинные темные волосы с застрявшими веточками и листьями. На красных перепачканных шортах красовался спереди единственный карман. Я протянул руку и невольно поморщился от прикосновения к холодному, твердому телу, но порылся двумя пальцами в кармане. Там лежала пуговица, блестящая новая пуговица серого металлического цвета с бирюзовыми прожилками. Я повертел ее в руке, потер прохладную гладкую поверхность — если маленькая девочка никогда не держала в руках Барби, она вполне могла носить ее с собой как игрушку.

Я взял девочку за запястье, повернул ее грязную ладошку кверху, вложил ей в руку пуговицу, сомкнул ее пальцы и осторожно отпустил. Пуговица со стуком упала на деревянный пол.

* * *

— Она здесь? — спросила Дженна.

В ответ я кивнул. Мой труп стоял за дверями ресторана и смотрел на меня через стекло. Надо было выбрать ресторан подальше от дома, чтобы успеть поесть прежде, чем она нагонит меня.

— Не смотри на нее, — прошептала Дженна.

Пожилая пара на выходе распахнула дверь, и мой труп, на который никто не обращал внимания, зашел внутрь. Люди смотрели на нее невидящими глазами — так реагируют даже не на бродячую собаку, а на бревно или порыв ветра.

Она встала передо мной и снова уставилась на меня, и я знал, что красивая пуговица надежно спрятана в ее кармашке. Дженна продолжала есть, будто ничего не случилось, хотя я видел, что она украдкой поглядывает на мой труп. Я подцепил на вилку немного спаржи в лимонном соусе, прожевал и проглотил, с трудом протолкнув через комок в горле.

В ресторане находились и другие трупы, около десятка. Двое стояли возле бара, их лица в приглушенном свете ламп с цветными стеклянными абажурами терялись в тенях, но их грязные обноски резко выделялись среди отутюженных брюк, белых рубашек и полированного дерева. Приятную, хорошо одетую тридцатилетнюю пару сопровождало трое трупов; они стояли у их столика как личные официанты: сгорбленный старик-азиат, двенадцатилетняя негритянка и пятилетняя девочка, которая выглядела как родная сестра моей. Подумать только, чтобы набрать столько трупов, эти двое должны жить как бездумные свиньи!

Дверь снова открылась, и в ресторан вползла девочка-младенец; она едва успела убрать ногу прежде, чем дверь захлопнулась. Голая девочка напомнила мне черепаху — она ползла так же неуклюже и дергано. Покряхтывая, она с трудом доползла до пары с тремя трупами, хлопнулась на попу и уставилась на женщину. Та продолжала есть стоящую перед ней паэлью (ресторан прекрасно готовил это блюдо), а когда мужчина что-то ей сказал, засмеялась, прикрывая рот рукой.

Краем глаза я заметил (или мне показалось), что мой труп бросил взгляд на мою тарелку. Я быстро обернулся и уставился на нее. Тусклые глаза девочки не отрывались от моего лица.

— Что случилось? — спросила Дженна. — Не смотри на нее! — прошипела она, будто я прилюдно поковырял в носу. — Что? Что стряслось?

— Готов поклясться, что она только что посмотрела в мою тарелку.

— Давай закажем десерт пополам? — предложила она.

Я начал сомневаться, а не привиделся ли мне тот быстрый, укромный взгляд. Вполне может быть.

— Закажи себе, — ответил я. — Я наелся.

Я отложил вилку. К лососю я даже не притронулся.

* * *

Вернувшись домой, я сел за кухонный стол и выписал Всемирному фонду по борьбе с голодом чек на три тысячи долларов. Обычно я отсылал им около пятидесяти. Три тысячи дались мне нелегко, но я мог себе это позволить. Подняв голову, я вздрогнул, когда увидел в кухонном окне лицо. Ее лицо. До сих пор она стояла у входной двери, где не было окна. Видимо, она что-то понимала. Девочка смотрела на меня, не моргая. Она вообще не моргала, я заметил и раньше, но только сейчас полностью это осознал.

Я засунул чек в конверт и внезапно понял, что держу его так, чтобы труп мог его видеть. Меня терзали сомнения — неужели передо мной стоит маленькая девочка и она понимает, где находится и что с ней происходит, или же от нее осталась лишь пустая оболочка?

Я порвал чек и выписал другой, на десять тысяч. Такую сумму мне будет нелегко сэкономить, но я встал и пошел к почтовому ящику. Стояла прекрасная ночь: на небе светила полная луна, оглушительно трещали цикады. На другой стороне улицы, через два дома от меня, труп высокого худого негра присел на корточки, заглядывая одним глазом в щелку опущенных жалюзи. Мой труп обошел дом, пробираясь по пояс в траве и местных сорняках (еще одно доказательство моего ответственного отношения к экологии, еще одна причина, что труп послали мне по ошибке), и нагнал меня по пути обратно. Она следовала за мной до входной двери. Я захлопнул ее перед носом девочки.

На следующее утро я поднялся рано после практически бессонной ночи. Я поднял занавеску и увидел ее круглое личико. Ее роста хватило только на то, чтобы над подоконником торчали глаза и нос.

— Черт!

Я стукнулся лбом о раму и проглотил сдавленный стон. Я действительно надеялся, что сумею откупиться от нее.

— Отвяжись же от меня наконец! — крикнул я через закрытое окно и задернул штору.

Моясь в душе, я представлял, как мой труп терпеливо ждет на улице. И почему мне не попался мужчина, беззубый старик? Учебный год неумолимо приближался. Через пять дней мне предстоит читать первую лекцию. Я не мог себе представить, как буду преподавать с неотрывно смотрящим на меня трупом.

* * *

Ни один из студентов не привел с собой труп, так что на утренней лекции мой оказался единственным. Студенты вежливо обходили ее взглядами, хотя она стояла в каких-то трех футах от меня, задрав голову и не отрываясь от моего лица, пока я знакомил класс с расписанием.

Рука с конспектом тряслась от стресса и усталости. Предыдущим вечером я довел себя почти до истерики, выпил четыре или пять бокалов, чтобы приглушить переживания, и долго не мог решить, что же мне надеть. Поначалу я собирался одеться как можно проще, в джинсы и футболку, чтобы показать, что я обычный человек, живу просто и не заслуживаю трупа. Но вдруг студенты разгадают мой план и решат, что я склонен к показухе? В конце концов я остановился на черных джинсах и белой рубашке — той самой, что была на мне, когда впервые появился мой труп. Скромно, но со вкусом, как я и предпочитал одеваться.

Когда я начал лекцию, положение ухудшилось. Обычно во время лекции я расхаживаю по подиуму, и сейчас девочка ходила за мной по пятам, делая на каждый мой шаг два своих ковыляющих. От шарканья ее ног по линолеуму у меня заломило зубы. Я терпеть не могу, когда босые ноги шаркают по грязному полу, так же как некоторые люди терпеть не могут, когда проводят гвоздем по стеклу, или не могут притронуться к вате. Я перестал ходить.

Я никак не мог собраться с мыслями, спотыкался на словах, а когда я встретился взглядом с одной из студенток, она тут же отвела глаза, сделав вид, что записывает, хотя я не сказал ничего важного. Я с трудом выдавливал связные предложения, не говоря уже о важных.

Сам того не заметив, я перевел взгляд на труп, будто читал лекцию ей одной. Она смотрела на меня. С трудом

я оторвался от ее лица и уставился на голую белую стену; тут я осознал, что снова хожу и девочка ходит за мной — шарк, шарк, шарк, — дергаясь, как... как кто? Как мертвый ребенок.

Я отпустил класс пораньше и как в тумане направился к кабинету, усталый, мучимый похмельем и не понимая, как я переживу дневную лекцию. Девочка изо всех сил старалась не отставать: я слышал за спиной ее шарканье.

Меня охватила злость, и я развернулся, ткнул в нее пальцем и открыл рот. Ее взгляд на миг опустился к моей груди и тут же снова прилип к лицу. Но на сей раз я не сомневался в увиденном. Она опустила глаза, и они были почти — не полностью, но почти — осмысленными.

— Я видел! — заявил я, снова ткнув пальцем.

Стоя в коридоре у кабинета, я ругался с трупом. Джек высунул лысую голову из своей двери, посмотрел на нас и опять скрылся.

В смущении я нырнул в свой кабинет, но оставил дверь приоткрытой для нее.

— Скажи мне, что я сделал! — уставившись на нее сверху вниз, заорал я, наклонившись и приблизив свое лицо к ее. — Я хороший человек! И не заслуживаю тебя!

Я хотел, чтобы она сфокусировалась, посмотрела на меня, услышала мои слова. Но мне удалось увидеть только маленький розоватый язычок, а за ним темноту.

Я схватил со стола ониксовую статуэтку Будды и запустил в стену поверх ее головы. Статуэтка врезалась в стеллаж, разбила застекленную фотографию стадиона «Янки», с полок посыпались книги.

— Господи! Ты в порядке? — крикнул Джек.

Я поднял компьютерный монитор и грохнул его об пол у ее ног. Монитор треснул, сверкнули искры. Тут меня обхватили чьи-то руки: я даже не заметил, как Джек оказался в кабинете, но теперь он держал меня за плечи.

— Успокойся, успокойся! — кричал он.

Я пытался вырваться. Даже не знаю, что бы я сделал, если бы мне это удалось. Очень надеюсь, что моим намерением не было ударить ее по голове клавиатурой. Изо всех сил я рванулся из рук Джека. Затрещала разрываемая рубашка.

— Тихо, тихо,— приговаривал мне на ухо Джек.— Все в порядке, все хорошо, тихо.

Я заплакал. Джек держал меня, пока я не обмяк, потом ослабил хватку, еще немного посидел со мной в обнимку и отпустил.

Мы с Джеком не слишком хорошо знали друг друга; этот факт только придавал ситуации сюрреализма, когда я стоял в своем разгромленном кабинете и рыдал. Сквозь слезы я заметил пуговицу на полу у ног моего трупа. В странном оцепенении я нагнулся и поднял ее. Ее пуговица — серая, с бирюзовыми прожилками. Никаких сомнений. Но как она выпала из кармана?

— Мне кажется, что рубашке уже ничем не поможешь,— извиняющимся тоном произнес сзади Джек.

Я посмотрел на рубашку. Шов на одном рукаве разошелся, и рубашка висела на мне наполовину расстегнутая, нескольких пуговиц не хватало.

Наверное, мы редко рассматриваем наши пуговицы, хотя застегиваем и расстегиваем их по тысяче раз. На моей рубашке красовались серые, металлического цвета пуговицы с бирюзовыми прожилками. Довольно необычные. Они выглядели менее яркими и новыми, чем пуговица моего трупа, поскольку рубашку уже несколько раз стирали.

Я бережно взял руку девочки и повернул ее, провел пальцами по маленькой ладошке, подушечкам пальцев. Мозоли. Совсем не похоже на руки ребенка, который часто играет в «классики».

— Все живы? — В дверях стояла Мэгги из дальнего кабинета.

За ней двое наших коллег вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, что произошло. На нашей кафедре редко происходило что-то интересное; иногда сюда заглядывал разгневанный студент, но раньше здесь никогда не падали со стен картины и не взрывались мониторы.

— Все нормально,— ответил Джек.

Я понял, насколько он хороший человек. Все еще стоя на коленях, я рассматривал пуговицу красными от слез глазами.

Толпа разошлась; за ними тащились два трупа.

Джек наклонился, обнял меня за плечи.

— Ты пришел в себя?

Я кивнул.

— Вряд ли я смогу понять, как ты сейчас себя чувствуешь, но думаю, что ужасно.

Я кивнул.

— Если захочешь поговорить, заходи.

Я кивнул в третий раз. Он похлопал меня по спине и ушел.

Приближалось время моей дневной лекции. В нижнем ящике стола я держал свитер для тех случаев, когда кондиционер включали на полную мощность. Я натянул свитер поверх порванной рубашки, и, когда просовывал голову в ворот, мне показалось, что мой труп глянул на пуговицу на полу.

Я нагнулся, поднял пуговицу и положил ей в кармашек, вместе с другой, более новой и блестящей.

По пути я завернул за угол к туалету и придержал дверь перед моим трупом, когда та начала закрываться. Под ее отражающимся в зеркале внимательным взглядом я умылся и причесался.

Из полотенцедержателя я выдернул несколько бумажных полотенец, намочил их под краном и вытер грязь с пухлых щек и лба моего трупа. Попытался расчесать ее волосы, что оказалось безнадежной затеей, поэтому я засунул расческу обратно в карман и вручную вытащил наиболее заметные щепки. Потом глянул на часы. Скоро начнется лекция.

Я вернулся в кабинет за материалами лекции, потом направился через светлый центральный вестибюль к широкой лестнице и начал подниматься, придерживаясь за тонкие серебристые перила. На полпути я остановился и оглянулся. Мой труп сражался со второй ступенькой. Я спустился к ней, взял ее на руки и понес вверх по лестнице.

ХАРЛАН ЭЛЛИСОН И РОБЕРТ СИЛЬВЕРБЕРГ

Поющая кровь зомби

Вместе Харлан Эллисон и Роберт Сильверберг получили практически все награды, которые присуждаются в области научной фантастики и фэнтези (чёрт, и по отдельности каждый из них получил практически все премии, которые присуждаются в этой области). Оба получили звание гроссмейстеров от Американской ассоциации писателей-фантастов (эта награда дается пожизненно). Кроме того, они имеют двенадцать «Хьюго», восемь «Небьюл» и двадцать семь премий журнала «Локус» — и это помимо множества других наград. Попросту говоря, они — живая легенда. Включить в антологию рассказ, написанный одним из них, — это честь. Получить рассказ, написанный обоими, — нечто исключительное.

Эллисон говорит, что на этот рассказ его вдохновил писатель, с которым он встретился, когда вел в колледже творческую мастерскую. Тот был «пьян в хлам с утра до ночи», однако все равно каждое утро умудрялся сесть за пишущую машинку и напечатать несколько слов. «Он вел себя как зомби, — говорит Эллисон, — продолжал писать исключительно на рефлексах. Так дергается под воздействием гальванического шока лягушачья лапка. Он мог бы с таким же успехом быть мертвым и лежать в склепе, за исключением тех минут, когда чувствовал необходимость писать».

С четвертого балкона Музыкального центра Лос-Анджелеса сцена казалась не более чем сверкающим бликом, постоянно меняющим цвет — крапинки ярко-зеленого, перекрученные завитки кармазинного. Но Рода предпочитала сидеть здесь, наверху. Ее не интересовали места в Золотой Подкове, эти сиденья на антигравитационной подушке, плавающие прямо над гофрированным краем сцены.

Там, внизу, звуки отлетали в сторону и взлетали вверх, увлекаемые замечательной акустикой купола Такамури. Цвета были важны, но по-настоящему значение имели только звуки, узоры резонанса, вырывающиеся из сотен дрожащих динамиков ультрачембало. А если сидеть внизу, тебе будут мешать вибрации зрителей...

Она не была настолько наивной, чтобы думать, будто нищета, заставляющая студентов забираться наверх, более благородна, чем богатство, дарующее доступ в Подкову; и все-таки, хотя Рода ни разу не просидела весь концерт там, внизу, она не могла отрицать, что музыка, которую слышишь с четвертого балкона, намного чище, впечатляет сильнее и остается в памяти дольше. Может быть, дело все-таки в вибрациях богатых.

Скрестив руки на перилах балкона, Рода смотрела вниз, на пульсирующую игру красок, омывавших растянувшийся просцениум. Она смутно осознавала, что сидевший рядом мужчина что-то говорит, но почему-то ей казалось, что отвечать не обязательно. В конце концов он слегка толкнул ее, она обернулась и дежурно улыбнулась:

— Что, Лэдди?

Ладислав Джирасек со скорбным видом протягивал ей надкусанную шоколадку.

— Нельзя жить одним Беком, — сказал он.

— Не хочу, спасибо, Лэдди. — Она легонько притронулась к его руке.

— Что ты там видишь?

— Цвета, и больше ничего.

— Никакой музыки сфер? Никакого проникновения в истину твоего искусства?

— Ты обещал, что не будешь надо мной смеяться.

Он откинулся на спинку кресла.

— Извини. Я иногда забываю.

— Прошу тебя, Лэдди. Если ты опять решил выяснять отношения, я...

— Я ни словом не заикнулся про наши отношения, так?

— Это слышится в твоем тоне. Ты начинаешь жалеть себя. Пожалуйста, не надо. Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты пытаешься свалить всю вину на меня.

Он добивался серьезных отношений с ней долгие месяцы, с тех пор как они познакомились в Контрапункте 301. Она его забавляла, он был ею очарован, а потом безнадежно влюбился. Но Рода по-прежнему оставалась недосягаемой. Он обладал ее телом, но не душой. Он все время чувствовал себя несчастным, а она знала это, и это знание навсегда переводило его в категорию мужчин, просто негодных для долгосрочных отношений.

Она смотрела вниз. Напряженно ждала. Изящная девушка с волосами цвета меда и светло-серыми, почти алюминиевого оттенка, глазами. Пальцы ее слегка изогнулись, словно вот-вот опустятся на клавиатуру. В голове ее бесконечно звучала музыка.

— Говорят, на прошлой неделе в Штутгарте Бек был просто великолепен.

— Он играл Крейцера?

— И «Шестую» Тимиджиена, и «Нож», и что-то из Скарлатти.

— Что именно?

— Не знаю. Мне говорили, но я не запомнил. Но ему устроили настоящую овацию — десять минут аплодировали стоя, а *Der Musikant* сказал, что они не слышали такой точной орнаментики с...

Свет в зале померк.

— Он идет, — пробормотала Рода, подавшись вперед.

Джирасек откинулся на спинку кресла и торопливо отгрыз большой кусок шоколадки.

Когда он выходил из этого состояния, все вокруг всегда было серым. Цвета алюминия. Он знал, что его уже зарядили и распаковали; знал, что, когда откроет глаза, он уже будет стоять рядом со сценой, в правом кармане пиджака будут лежать контактные перчатки, а рабочий будет готов выкатить на сцену входную консоль чембало. И привкус песка во рту, и серый туман воскрешения в голове.

Нильс Бек медлил, не желая открывать глаза.

В Штутгарте был полный провал. Но никто, кроме него, не понял, что это провал. Тими бы тоже понял, подумал он. Он выбежал бы из зала еще во время скерцо, сорвал

бы с моих рук перчатки и проклял бы меня за то, что я уничтожил его замысел. А потом мы с ним вместе пошли бы выпить темного пряного пива. Но Тимиджиен мертв. Он умер в двадцатом году, напомнил себе Бек. На пять лет раньше меня.

Я не буду открывать глаза, я затаю дыхание. Пусть легкие втягивают воздух поверхностно, пусть мехи едва подрагивают, а не ревут под напором ветра. И они решат, что я сломался, что рефлекс зомби на этот раз не сработал. Что я мертв, по-настоящему мертв, не...

— Мистер Бек.

Он открыл глаза.

Помощник режиссера был негодяем. Он знал этот тип. Небритые щеки. Мятые манжеты. Латентный гомосексуалист. Тиранит всех за кулисами, кроме, возможно, хора мальчиков, возрождавших сладкую музыку Ромберга и Фримля.

— Знавал я мужчин, у которых начинался сахарный диабет от простого посещения детских утренников, — произнес Бек.

— Что? Я не понял.

Бек отмахнулся:

— Ничего. Не важно. Как театр?

— Прекрасно, мистер Бек. Свет уже погасили. Мы готовы.

Бек сунул руку в правый карман и вытащил тонкие контактные перчатки, сверкающие рядами мини-сенсоров и прессоров. Он натянул правую перчатку, разгладив все складки. Материал облегал руку, как вторая кожа.

— Как вам будет угодно, — сказал он.

Рабочий сцены выкатил консоль, установил ее, заблокировал с помощью зажимов и педалей и торопливо ушел со сцены в левую кулису.

Бек медленно пошел на сцену. Он двигался с большой осторожностью: в его икрах и бедрах размещались трубки, наполненные мерцающей жидкостью, и если он ускорит шаги, нарушится гидростатический баланс и питательные вещества не попадут в его мозг. Уязвимость ходячего мертвеца — это досадная помеха, точнее, одна из многих других неприятностей. Добравшись до антигравитационной плат-

формы, он махнул рукой ассистенту режиссера. Мерзавец подал знак рабочему за пультом, тот пробежался пальцами по разноцветным кнопкам, и площадка медленно, торжественно начала подниматься. Вверх, вверх сквозь люк в полу плыл Нильс Бек. Пока он возносился, цветовая гамма настроилась на вибрации зрителей, и они начали аплодировать.

Он стоял молча, слегка наклонив голову, и принимал их приветствия. В спине пробежал пузырек газа, вызвав болезненные ощущения, и лопнул у позвоночника. Нижняя губа Бека дернулась. Он сжал губы, спустился с площадки, подошел к консоли и стал натягивать вторую перчатку.

Он был высоким, элегантным мужчиной, очень бледным, с резкими скулами, массивным носом, нежными, как цветок, глазами и тонкими губами. Выглядел он очень романтично. Миллион лет назад, когда он только начинал свою артистическую карьеру, ему говорили, что это весьма важное качество для артиста.

Натягивая и разглаживая вторую перчатку, Бек услышал шепот. Когда ты мертв, слух ужасно обостряется, поэтому слышать собственное выступление становится особенно мучительно. Но он знал, о чем там шепчутся. Кто-то из зрителей говорит своей жене:

— Разумеется, он не похож на зомби. Они держат его в холодильнике, у них имеются специальные технологии. А потом подключают провода, накачивают энергией и возвращают к жизни.

А жена, конечно, спрашивает:

— А как это происходит? Как его оживляют?

Тогда муж обопрется локтем на подлокотник кресла, приложит руку к губам и осторожно оглядится по сторонам, чтобы удостовериться, что никто не подслушает ту чушь, которую он собирается нести, и расскажет своей жене об остаточном электрическом заряде клеток мозга, о продолжительности двигательных рефлексов после смерти, об устойчивой механической витальности, которой они и пользуются. Пользуясь туманными и бессвязными терминами, он расскажет о встроенной в тело зомби системе жизнеобеспечения, которая снабжает мозг необходимыми веществами: сурро-

гатами гормонов и различными химикатами, заменяющими кровь.

— Ты же знаешь, как к отрезанной лапке лягушки прикрепляют электрический провод? Ну и вот. Когда лапка дергается, это называется гальваническим откликом. И можно заставить всего человека дергаться, если пропустить через него ток, — то есть не дергаться, конечно. Я имею в виду — он может ходить, играть на музыкальных инструментах...

— А думать он тоже может?

— Наверное, но я точно не знаю. Мозг-то остается неповрежденным. Ему не дают разлагаться. Они ведь что делают... Каждая часть тела выполняет свою механическую функцию — сердце сокращается, легкие работают, как мехи, и ко всему присоединяется целая куча проводов, и тогда все начинает двигаться, получается такой искусственный всплеск жизни. Конечно, этого хватает всего часов на пять-шесть, а потом накапливаются вызывающие утомление токсины и закупоривают протоки, но для концерта времени как раз достаточно...

— То есть на самом деле просто берется мозг, и он живет, потому что само тело служит системой жизнеобеспечения, да? — соображает жена. — Вместо того чтобы засунуть мозг в какой-нибудь ящик, его оставляют прямо в собственном черепе, а внутри тела устанавливают такой механизм...

— Ну да. Именно так — более или менее. Более или менее.

Бек не обращал внимания на такие шепотки. Он слышал их сотни раз, в Нью-Йорке и Бейруте, в Ханое и Кносе, в Кеньятте и Париже. Вроде бы зрители всегда в таком восторге, но для чего они приходят — чтобы послушать музыку или посмотреть на ходячего мертвеца?

Он сел на стул перед консолью и положил руки на металлические нити. Сделал глубокий вдох — старая, совершенно ненужная привычка, от которой, однако, трудно избавиться. Пальцы уже подрагивали. Прессоры искали нужные переключатели. Под коротко остриженными седыми волосами пощелкивали, как реле, синапсы. Ну вперед. «Девятая» соната Тимиджисна. Пусть она воспарит под самый купол. Бек закрыл глаза и шевельнул плечами. Из динами-

ков вырвались чистые рокочущие звуки. Вот оно. Началось. Легко, мягко Бек пробегал по гармониям, заставлял вибрировать симпатические трубки, создавая текстуру звука. Он уже два года не играл «Девятую». Вена. Два года — много ли это? Кажется, всего несколько часов назад. Он все еще слышал реверберации и воспроизводил их в точности; это выступление ничем не отличалось от предыдущего, как не отличаются друг от друга фонограммы. В голове вдруг появилась яркая картинка: на месте человека перед консолью расположен сверкающий музыкальный автомат. Зачем им я, если можно вставить в прорезь акустический кубик и получить тот же результат, только дешевле? А я смогу отдохнуть. Я смогу отдохнуть. Так. Подключаем инфразвук. О, это превосходный инструмент! Что, если бы он был у Баха? У Бетховена? Целый мир заключен у тебя в кончиках пальцев! Весь спектр звуков и красок, более того — можно обрушить на зрителей дюжину чувств одновременно. Конечно, самое главное — это музыка. Застывшая на века, неизменная музыка. Музыкальный узор звучит и сегодня, как всегда; и сегодня так, как его играли на премьере в девятнадцатом. Последнее произведение Тимиджиена. Децибел за децибелом я воспроизвожу собственное исполнение. А посмотрите-ка на зрителей! Благоговеют. В восторге. Бек ощутил, как подрагивают локти; он слишком напряжен — нервы подводят; пришлось провести необходимую компенсацию. Услышал, как громовым эхо отражается звук с четвертого балкона. Что такого в этой музыке? Понимаю ли я на самом деле хоть что-то в ней? Способен ли акустический кубик прочувствовать «Мессу си-минор», которую воспроизводит? Понимает ли усилитель симфонию, которую усиливает? Бек усмехнулся. Закрыл глаза. Плечи приподнимаются, запястья поддерживают. Впереди два часа работы. А потом они снова позволят мне уснуть. Сколько времени это тянется — пятнадцать лет? Очнуться, сыграть, уснуть. Обожание публики, воркование готовых отдаться мне женщин. Они что, некрофилки? Как может возникнуть желание хотя бы прикоснуться ко мне? На моей коже — могильный прах. А ведь когда-то были и женщины, да, господи, да! Когда-то. Когда-то я жил. Бек

то откидывался назад, то подавался вперед. Старый виртуоз словно устремлялся вниз — это очень действует на публику. Их просто морозом по коже пробирает.

Приближался конец первой части. Да, да, вот так. Бек открыл самые верхние регистры и почувствовал отклик зрителей. Они внезапно выпрямились в своих креслах, едва новая волна звуков пронеслась по залу. Ах, старина Тими — у него был необыкновенный вкус к драматизму. Выше. Выше. Размазать их по креслам! Бек удовлетворенно улыбнулся, но тут же возникло ощущение пустоты. Звучание ради звучания. Неужели это единственное назначение музыки? И это шедевр? Я больше ничего не знаю. Как я устал играть для них. Будут ли они аплодировать? Да, и топать ногами, и поздравлять друг друга. Как же, им повезло услышать меня сегодня вечером. А что они вообще понимают? И что понимаю я? Я мертв. Я ничто. Я ничто.

Мощными движениями обеих рук он сыграл последние пронзительные аккорды фуги, завершавшие первую часть.

Метео-экс запрограммировал туман, и это каким-то образом отвечало настроению Роды. Они остановились посреди стеклянного пейзажа, простиравшегося за стенами Музыкального центра; Джирасек предложил ей косячок. Рода рассеянно покачала головой, думая о другом.

— У меня есть пастилка, — сказала она.

— А что, если мы сейчас заглянем к Инез и Триту? Может, они захотят поужинать с нами.

Она не ответила.

— Рода?

— Извини меня, Лэдди. Думаю, мне нужно побыть одной.

Он сунул косяк обратно в карман и повернулся к ней. Она смотрела сквозь него, словно он тоже был из стекла и сливался с окружающим пейзажем. Взяв ее руки в свои, он произнес:

— Рода, я просто не понимаю. Ты даже не даешь мне времени подобрать нужные слова.

— Лэдди...

— Нет. На этот раз ты меня выслушаешь. Не отталкивай меня. Не прячься в свой мирок с этими твоими полуулыбочками и отсутствующим взглядом.

— Я хочу подумать о музыке.

— В жизни есть не только музыка, Рода. В ней должно быть и многое другое. Я провел столько же времени, сколько и ты, размышляя и пытаясь создать что-то свое. Это удается тебе лучше, чем мне, возможно, лучше, чем всем прочим. Может быть, однажды ты станешь даже лучше самого Бека. Отлично, ты — великая артистка. Но разве это все? Ведь есть и многое другое. Превращать свое искусство в религию, в смысл существования — это идиотизм.

— Зачем ты так со мной?

— Потому что люблю тебя.

— Это объяснение, но не причина. Позволь мне уйти, Лэдди. Пожалуйста.

— Рода, искусство ни черта не значит, если это просто мастерство, если это только механическое запоминание, техника и формулы. Оно ничего не значит, если за ним нет ни любви, ни заботы, ни обязательств перед жизнью. А ты отказываешься от всего этого. Ты словно расщепилась на части и задушила ту себя, что привносит искру в искусство...

Он резко замолчал. Невозможно сказать все это и не почувствовать — внезапно, мучительно, — что твои слова звучат нравоучительно и приторно-лживо.

— Если захочешь увидеться со мной, найдешь меня у Трита.— Он повернулся и ушел в трепещущую задумчивую ночь.

Рода смотрела ему вслед. Наверное, она должна была ему что-то сказать, но не сказала. Он исчез. Повернувшись, она взглянула на возвышающуюся громаду Музыкального центра и медленно направилась к нему.

— Маэстро, сегодня вы были великолепны! — говорила в Зеленой комнате женщина-пекинес.

— Необыкновенно! — лебезил лягушка-бык.

— Это такое счастье! Я плакала, просто плакала,— щебетали птички.

В его груди бурлили питательные вещества. Он буквально чувствовал, как открываются и закрываются клапаны. Бек наклонил голову, пошевелил руками, прошептал слова благодарности. Он совсем устал, в черепную коробку словно насыпали песка.

— Превосходно!

— Незабываемо!

— Невероятно!

Наконец все ушли, оставив его наедине со смотрителями. Человек из корпорации, владеющей Беком, ассистент режиссера, грузчики, электрик.

— Наверное, уже пора, — сказал представитель корпорации, приглаживая усы. Он давно научился вежливо обращаться с зомби.

Бек вздохнул и кивнул. Его отключили.

— Может, сначала перекусим? — спросил электрик, зевнув.

Турне оказалось слишком длинным, спать они ложились очень поздно, питались в аэропортах, терпели постоянные резкие взлеты и стремительные посадки.

Представитель корпорации кивнул:

— Ладно. Его можно пока оставить здесь, просто переведу в режим ожидания. — Он повернул выключатель.

Один за другим гасли огни, осталось только ночное освещение, чтобы представитель корпорации и электрик не заблудились, возвращаясь для окончательной упаковки и погрузки.

В Музыкальном центре все стихло, только где-то в недрах этой автономной системы негромко жужжали пылесосы и другие уборочные агрегаты.

На четвертом балконе шевельнулась тень. Рода спустилась вниз, вышла в центральный проход, пробралась в Подкову, обогнула оркестровую яму, поднялась на сцену и остановилась у консоли. Ее руки замерли в дюйме от клавиш. Рода закрыла глаза и затаила дыхание.

Я начну свой концерт с «Девятой» сонаты Тимиджиена для ультрачембало без оркестра. Негромкие аплодисменты набирают силу, становятся бурными. Она ждет. Пальцы медленно опускаются. И мир оживает от ее музыки. Пламя и слезы, радость, ликование. Все они околдованы. Как это чудесно! Как восхитительно она играет! Рода вгляделась в темноту. В голове звенело мучительное эхо тишины. Благодарю! Большое вам всем спасибо! На глаза навернулись слезы. Она отошла от консоли — ее фантазия иссякла.

Рода вошла в гримерную и остановилась в дверях, глядя через комнату на труп Нильса Бека в поддерживающем кон-

тейнере. Глаза его закрыты, грудь не вздымается, руки опущены. Рода видела, как едва заметно оттопыривается правый карман его пиджака, где лежали тонкие перчатки, сложенные палец к пальцу. Она подошла к нему вплотную, вгляделась в его лицо и прикоснулась к щеке. Борода у него не растет, кожа прохладная и атласная на ощупь, как у женщины. Странно — здесь, в тишине, Рода вспомнила прихотливую мелодию «Liebestod»[1], величайшей из всех погребальных песен, но сейчас вместо обычной печали вдруг ощутила гнев, досаду и разочарование, она задыхалась от такого предательства, у нее начался приступ ярости. Она хотела разодрать ногтями эти гладкие щеки. Она хотела отхлестать его. Оглушить его своими воплями. Уничтожить его! За ложь. За постоянное вранье, за бесконечный поток лживых нот, за фальшивую жизнь после смерти!

Ее дрожащая рука потянулась к контейнеру, нашарила выключатель.

И повернула его.

Он снова очнулся. Не открывая глаз, начал подниматься сквозь вселенную цвета алюминия. Значит, опять. Опять. Нужно постоять немного здесь с закрытыми глазами, подумал он, прежде чем выходить на сцену. С каждым разом это становится все труднее и труднее. Последний раз был просто ужасен. Там, в Лос-Анджелесе, в том огромном здании, балкон над балконом, тысячи пустых лиц, зато ультрачембало — просто шедевральная конструкция. Он начал концерт с «Девятой» сонаты Тими. Так ужасно! Вялое выступление — каждая нота совершенна, темп безупречный, но все равно вялое, поверхностное, неглубокое. И сегодня вечером это произойдет снова. Прошаркать на сцену, натянуть перчатки и повторить мрачную рутину под названием «воскрешение великого Нильса Бека».

Его зрители, его восторженные последователи. Как он их всех ненавидит! Как ему хочется накинуться на них и открыто обвинить за все то, что они с ним сделали! Шнабель обрел покой. И Горовиц. И Йоахим. Только Беку не

[1] «Любовь-смерть» *(нем.)*.

обрести покоя. Они не дали ему уйти. О, конечно, он мог отказаться — но он никогда не был сильным человеком. Да, у него хватило духу на долгие годы жизни с музыкой — без любви, без радости. А где взять на это время? Ему приходилось быть сильным. Вернуться оттуда, куда он ушел, узнать то, что требовалось знать, не растерять своего мастерства — да. Но в отношениях с людьми, в отстаивании своих интересов, высказывании каких-то своих мыслей... одним словом, твердости характера ему всегда не хватало. Он потерял Доротею, согласился с планами Уизмера, выдержал оскорбления Лизбет, Нейла и Коша — о черт, Кош! Интересно, жив ли он еще? Оскорбления, которыми они накрепко привязали его к себе «на радость и на горе», да только всегда получалось «на горе». И он ушел с ними, выполнял их требования и ни разу не настоял на своем, не прибегнул к своей силе духа — если, конечно, она у него вообще имелась. А закончилось тем, что даже Шарон стала его презирать.

Так сможет ли он подойти к рампе, встать там, освещенный софитами, и сказать им, что он о них думает? Вурдалаки. Эгоистичные упыри. Мертвые, как и он сам, только иначе. Бесчувственные, лживые...

Если бы он только мог! Если бы он хоть раз сумел перехитрить представителя корпорации, он бы бросился вперед и прокричал...

Боль. Жгучая боль в щеке. Он резко отдернул голову, и тонкие трубки в шее сильно натянулись. В сознании эхом отдался странный звук — плотью по плоти. Вздрогнув, он открыл глаза. Перед ним стояла девушка. Глаза цвета алюминия. Юное лицо. Свирепое. Тонкие губы плотно сжаты. Ноздри раздуваются. Почему она так сердится? Она снова поднимала руку, чтобы ударить его. Бек вскинул вверх скрещенные руки ладонями вперед, чтобы прикрыть глаза. Второй удар оказался сильнее первого. Наверное, все эти хрупкие штучки в его теле содрогнулись.

Выражение ее лица! Она его ненавидит.

Девушка ударила в третий раз. Бек посмотрел сквозь пальцы, поразившись ярости в ее глазах. И тут ощутил сильную боль, ощутил ненависть и восхитительную радость жиз-

ни — пусть всего лишь на миг. Потом он вспомнил — и остановил ее.

Словно со стороны видел Бек, как с неправдоподобной силой хватает ее занесенную для удара руку. Пятнадцать лет существования в виде зомби, из которых он жил и двигался всего лишь семьсот четыре дня, но он и по сей день в хорошей форме, и мускулы у него сильные. Девушка поморщилась. Бек отпустил ее и оттолкнул. Она потирала запястья, молча и угрюмо глядя на него.

— Если я вам так противен, — спросил он, — зачем вы меня включили?

— Чтобы сказать вам, какой вы обманщик! Те, другие, что аплодировали вам, пресмыкались и подлизывались, — они не понимают. Они представления не имеют, зато я знаю! Как вы можете? Как вы можете участвовать в этом омерзительном спектакле? — Ее трясло от гнева. — Я слышала вас еще ребенком. Вы изменили всю мою жизнь! Я этого никогда не забуду. Но я слушаю вас теперь. Банальное, накатанное изящество, никакого проникновения в смысл музыки. Как будто у консоли сидит автомат! Механическое пианино! Вы знаете, что такое механическое пианино, Бек? Вот во что вы превратились.

Он пожал плечами, прошел мимо девушки и посмотрел в зеркало, висевшее на стене гримерки. Отражение показало ему старого, уставшего человека. Неизменное до сих пор лицо вдруг начало меняться. Утомленный взгляд, в глазах нет ни блеска, ни глубины. Пустые, как беззвездное небо.

— Кто вы? — негромко спросил он. — Как вы сюда попали?

— Давайте, донесите на меня! Плевать, если меня арестуют! Кто-то должен был вам это сказать. Какой стыд! Притворяться, что вы живой, что вкладываете в музыку душу! Да неужели вы не понимаете, насколько это ужасно? Музыкант-исполнитель должен быть интерпретатором, а не бездушной машиной, нажимающей на клавиши! Неужели я должна вам об этом рассказывать? Интерпретатор! Художник! Где оно, ваше искусство? Вы видите что-нибудь дальше партитуры? Вы растете от выступления к выступлению?

И вдруг Бек понял, что она ему очень нравится. Против его воли, несмотря на ее прямоту, несмотря на ее ненависть.

— Вы музыкант.

Она сделала вид, что не услышала.

— На чем вы играете? — Тут Бек улыбнулся. — Ну конечно, на ультрачембало. И должно быть, играете очень хорошо.

— Уж лучше, чем вы. Ярче, чище, глубже. О боже, что я вообще здесь делаю? Вы мне омерзительны.

— Как я могу расти? — мягко спросил Бек. — Мертвые не растут.

Девушка продолжала свое пламенное выступление, словно не услышала, говорила ему снова и снова, как он жалок, как фальсифицирует свое величие. И вдруг замолчала посреди предложения, заморгала, покраснела и прижала руку к губам.

— Ой, — пробормотала она, сконфузившись, и на глаза ее навернулись слезы.

Девушка надолго замолчала. Она отвела взгляд в сторону, смотрела на стены, на зеркало, на свои руки, на туфли. Бек наблюдал за ней. Наконец девушка произнесла:

— Какая я самоуверенная нахалка. Какая жестокая, тупая дрянь. Я все время думала, что вы... что, может быть... Я просто не подумала...

Бек решил, что сейчас она убежит.

— И теперь вы не простите меня, да? Да и с какой стати? Я ворвалась сюда, включила вас, наговорила вам всякой жестокой чепухи...

— Это не чепуха. Вы сказали правду. Чистую правду. — И Бек мягко добавил: — Уничтожьте машину.

— Не волнуйтесь. Я вас больше не побеспокою. Я сейчас уйду. Просто выразить не могу, какой дурочкой я себя чувствую, вот так вот накинувшись на вас. Тупой святошей, раздувшейся от гордости за свое собственное искусство. Сказать *вам*, что вы не отвечаете моим идеалам! И это...

— Вы меня не услышали. Я попросил вас уничтожить машину.

Девушка растерянно глянула на него.

— Вы о чем?

— Остановите меня. Я хочу уйти. Неужели это так трудно понять? Уж вы-то — особенно вы — должны понять это. Все, что вы сказали,— правда, самая настоящая правда. Можете представить себя на моем месте? Существо, не живое, не мертвое, просто вещь, инструмент, придаток, который, к несчастью, думает и помнит — и мечтает об освобождении. Да, механическое пианино. Моя жизнь закончилась, а с ней закончилось искусство, и теперь я никто, даже не музыкант. Потому что теперь все одно и то же. Те же интонации, те же обороты, те же обертоны. Я притворяюсь, что творю музыку, вы верно сказали. Притворяюсь.

— Но я не могу...

— Конечно можете. Сядьте, и мы все обсудим. И вы сыграете мне.

— Сыграть вам?

Он протянул к ней руку. Она хотела пожать ее, но вдруг отдернула свою.

— Вы должны мне сыграть,— спокойно произнес Бек.— Я не позволю, чтобы со мной покончил кто попало. Это, знаете ли, событие серьезное и значительное, не для первого встречного. Поэтому вы мне сыграете.

Он тяжело поднялся на ноги, думая о Лизбет, Шарон, Доротее. Умерли, все они умерли. Только он, Бек, задержался; точнее, часть его задержалась — старые кости, высохшая плоть. Спертое, несвежее дыхание. Кровь цвета пемзы. Звуки без слез и смеха. Просто звуки.

Он шел впереди, она следом — на сцену, где стояла еще не упакованная в ящик консоль. Бек протянул ей свои перчатки и сказал:

— Я понимаю, что они не ваши, и учту это. Но все-таки сделайте все, что можете.

Она медленно натянула их, разглаживая каждую морщинку.

И села перед консолью. Бек увидел в ее глазах страх и восторг. Ее пальцы вспорхнули над консолью. Опустились. Отлично, это «Девятая» Тими! Звуки взлетали и воспаряли, и с лица девушки исчез страх. Да. Да. Он играл ее по-другому, но — да, именно так! Она пропускает музыку Тими

через свою душу. Потрясающая интерпретация. Возможно, она немного фальшивит, но почему бы и нет? Не те перчатки, никакой подготовки, странные обстоятельства. Но как дивно она играет! Зал наполнился звуками. Теперь Бек слушал не как критик; он стал частью музыки. Его пальцы тоже шевелились, мышцы подрагивали, тянулись к педалям и клапанам, активировали прессоры, словно он сам играл руками девушки. А она продолжала в полную силу, воспаряя все выше и выше, и уже совсем не боялась. Еще не совершенная артистка, но как прекрасно, как удивительно прекрасно! Она заставляет этот мощный инструмент петь, используя все его возможности. Акцентирует это, чуть тише играет то. О да! Музыка целиком поглотила Бека. Сможет ли он заплакать или слезные протоки совсем атрофировались? Бек с трудом выносил ее исполнение, таким прекрасным оно было. За долгие годы он все забыл. Он так давно не слышал чужого исполнения. Семьсот четыре раза поднимался он из могилы ради своих бессмысленных выступлений. Но теперь он слышит возрождение музыки. Когда-то так было постоянно — союз композитора, инструмента и исполнителя, выворачивающий душу, объединяющий всех. Для него все это в прошлом. Закрыв глаза, Бек играл ее руками, ее душой. Когда замерли последние звуки, он ощутил блаженную опустошенность, возникающую только после того, как ты полностью отдашься искусству.

— Это прекрасно, — произнес он, когда наступила полная тишина. — Это было просто восхитительно.

Голос его слегка дрогнул, а руки все еще дрожали. Он не решился аплодировать, но потянулся к девушке, и на этот раз она взяла его за руку. Бек некоторое время удерживал ее прохладные пальцы, потом легонько потянул, и девушка пошла за ним в гримерку. Бек лег на диван и объяснил ей, что́ нужно разбить после того, как она его отключит, чтобы он не испытывал боли.

— И вы просто... уйдете? — спросила она.

— Быстро. Мирно.

— Я боюсь. Это похоже на убийство.

— Я уже мертв, — напомнил он. — Но не до конца. Вы никого не убьете. Вспомните, как звучало для вас мое ис-

полнение. Вспомните, зачем я здесь оказался. Разве во мне еще осталась жизнь?

— Я все равно боюсь.

— Я заслужил покой,— сказал Бек, открыл глаза и улыбнулся.— Все в порядке. Вы мне нравитесь.— Когда она направилась к нему, он добавил: — Спасибо.

И снова закрыл глаза.

Она отключила его и сделала все так, как он велел.

Пробираясь среди обломков поддерживающего контейнера, она вышла из гримерной, а потом из Музыкального центра — туда, в стеклянный ландшафт, к поющим звездам, и все это время оплакивала Бека.

Лэдди. Теперь она очень хотела найти Лэдди и поговорить с ним, сказать, что он во многом был прав. Не во всем, но во многом, хотя она не думала так... раньше. Рода шла прочь, понимая, что впереди ее ждут еще не спетые песни.

А позади воцарился покой. Пусть симфония осталась недоигранной, она все же нашла свое завершение в силе и скорби.

И не имело значения, что метео-экс счел это время самым подходящим для тумана и дождя. Ночь, звезды и музыка останутся навечно.

НЭНСИ ХОЛДЕР

Страсти Господни

Нэнси Холдер — автор более восьмидесяти книг, среди них — «Хорошенькие дьяволята» («Pretty Little Devils»), «Дочь огня» («Daughter of the Flames») и «Мертвые в воде» («Dead in the Water»), получившая премию имени Брэма Стокера за лучший роман. Она написала также несколько книг по сюжетам известных телесериалов, в том числе «Баффи, истребительница вампиров» («Buffy the Vampire Slayer»), «Горец» («Highlander») и «Тайны Смоллвилля» («Smallville»). Под псевдонимом Крис П. Флеш писательница выпустила серию детских книг «Ужастики и приключения» («Pretty Freekin Scary»). Новая книга с романтическим сюжетом, в которой описаны паранормальные явления, «Сын теней» («Son of the Shadows»), вышла в августе 2008 года. За свои рассказы, которые печатались в таких антологиях, как «Границы» («Borderlands»), «Заговор мертвецов» («Confederacy of the Dead»), «Любовь в крови» («Love in Vein») и «Дракула» («The Mammoth Book of Dracula»), Холдер трижды удостаивалась премии имени Брэма Стокера.

Холдер говорит, что сюжет предлагаемого рассказа был навеян Страстями Обераммергау, инсценировкой мук Христа на кресте, впервые поставленной в 1634 году во время Тридцатилетней войны. «По всей Баварии распространилась бубонная чума. Горожане Обераммергау умоляли Бога пощадить их, — рассказывает она. — В обмен на эту милость они обещали каждые десять лет ставить пьесу о распятии и воскресении Иисуса. Эпидемия чумы пошла на убыль, и жители Обераммергау выполнили свой обет. Они до сих пор продолжают ставить пьесу, в последний раз это произошло в 2000 году».

Было холодное майское утро, и колени кардинала Шонбруна хрустнули, когда он садился рядом с отцом Мейером в Театре Страстей Господних. Отец Мейер очень четко расслышал этот хруст; он необыкновенно остро воспринимал все звуки, запахи и картины, окружавшие его:

видел занозы в досках огромной открытой сцены, перед которой они сидели, ощущал запах росы, запах своих влажных ладоней. Слышал ропот растущей толпы, ожидавшей зрелища, и недоуменные — и насмешливые — голоса его собственных прихожан, рассеянных среди толпы. Они заметили его. Он сознавал, что выглядит словно пленник, зажатый между своим другом Хансом Аренкилем, мюнхенским епископом, и своим палачом — кардиналом. Отец Мейер понимал, что сегодня, возможно, наступит конец его карьере священника.

Кардинал, нахмурившись, взглянул на отца Мейера.

— То, что я сейчас услышал, — правда? — спросил он.

Отец Мейер облизал губы. Как он только мог надеяться сохранить свой поступок в тайне?

— Я отвечу, если вы уточните, что имеете в виду, ваше преосвященство.

— Сегодня утром вы дали отпущение грехов ходячему мертвецу.

Сердце священника упало: кто-то предал его. Но отец Мейер взглянул на кардинала твердо.

— Да. Это вас удивляет?

Кардинал Шонбрун не стал скрывать своего отвращения. Епископ, сидевший слева от отца Мейера, печально покачал головой.

— Он принял Святое причастие?

Кардинал был молодым человеком; отец Мейер даже не помнил себя таким молодым. Светловолосый, голубоглазый, ревностный, полный жизни. Полный Новых Идей для Новой Церкви. Один из тех, кто, по мнению Рима, должен вести его стадо в XXI век.

А отец Мейер, старый и седой, не был таким человеком.

Отец Мейер поднял подбородок.

— Церковь всегда была милосердна к отверженным. Да. Я сделал это.

Лицо кардинала пошло пятнами от гнева. Он открыл рот, бросил быстрый взгляд на увеличивавшуюся толпу и заговорил хриплым, напряженным шепотом:

— Подумайте, что вы сделали, вы, священник! Вы осквернили Тело Господне. Вы насмеялись над святыми таинствами, нарушили свои обеты...

Отец Мейер раскрыл стиснутые ладони.

— Я знаю лишь одно, ваше преосвященство: Обераммергау, моя деревня, деревня моих предков... эта деревня дала обет Богу. И теперь, спустя четыреста лет, мы лишь прикидываемся, будто исполняем этот обет, когда делаем то, что будет сделано сегодня.

Епископ Аренкиль дотронулся до плеча отца Мейера. Сколько раз они сидели вместе дома у священника, пили старый бенедиктин и обсуждали Новые Идеи. Друзья слушали грегорианские песнопения из коллекции отца Мейера, смотрели альбом, где были собраны материалы о Страстях за многие годы. Отец Мейер надеялся, что епископ Аренкиль, по крайней мере, поймет его. Но его друг, увы, принадлежал к Новым Епископам.

— Я думал, что мы уже обсудили все это, Иоганн, — сказал Аренкиль, очевидно поддерживая кардинала. — Это не живые существа. У них нет души. Ватикан высказался по этому вопросу и...

— Ватикан ошибается! — Отец Мейер в отчаянии обернулся к молодому кардиналу. — Все ошибаются. Ваше преосвященство, я провел некоторое время среди этих мертвецов. Я... я чувствую, что это мои прихожане. Это не просто тела, как хочет заставить нас верить наука. Я слышу голоса их сердец, хотя они не могут говорить. Они ищут Отца небесного, как и все мы. Они надеются на любовь, милосердие и справедливость.

— Отец Мейер, — начал кардинал, но в этот момент одинокий голос Пролога, мужчины в простом белом одеянии, с золотой лентой вокруг лба, призвал их к порядку:

— Склонитесь, склонитесь...

Эти слова уже несколько веков подряд звучали над Лугом Страстей, словно жители баварской деревушки Обераммергау снова возобновляли свой договор с Богом: люди обещали разыгрывать пьесу, прославляющую страдания и воскресение Христа — Страсти Господни, — если Бог избавит их от бедствий чумы. В 1633 году обет подействовал: люди перестали трястись в лихорадке, на телах больше не появлялись лопающиеся гнойники, никто больше не умирал. За клятвой последовала милость.

Обераммергау была не единственной деревней, где пытались совершить подобную сделку: в начале XVII века многие деревни, большие и маленькие города обещали ставить Страсти Господни в обмен на выживание. Но во всем мире только в Обераммергау еще продолжали выполнять это обещание. Жители деревни считали, что их честность помогла избавить городок от ужасов недавней эпидемии — болезни, которая превращала мужчин и женщин, даже новорожденных детей в адских монстров — живых мертвецов, гниющих, скользких, бездушных. Этот ужас охватил весь мир.

Сейчас, разумеется, зомби были обезврежены, ими даже научились управлять — это произойдет и сегодня, на сцене, во время Страстей. Это было чудо, дар Божий.

И так же, как и в течение многих веков, люди со всего мира стекались, чтобы посмотреть на чудо. Почти полмиллиона человек собиралось в Обераммергау на последние сто представлений, происходившие каждые десять лет. Но в этом году людей было вдвое, даже втрое больше обычного, потому что сегодня прославлять страдания и смерть Господа нашего Иисуса Христа намеревались с использованием Новых Идей.

— Я дарую грешникам вечную жизнь... — пел Пролог.

Толпа зашевелилась — в ожидании того, что сейчас последует, с горечью подумал отец Мейер. Но если его план сработает, то их жажда крови сегодня не будет удовлетворена.

— Господин, — начал отец Мейер, но какая-то пышущая здоровьем домохозяйка, сидевшая сзади, постучала его по плечу и прошипела: «Тсс!»

Певец продолжал исполнять соло Пролога. Это был Антон Век, отец Мейер хорошо знал его. Антон когда-то был церковным служкой, он до сих пор помогал священнику приходской церкви Святых Петра и Павла, исполняя множество мелких, но необходимых поручений. «Антон, Антон,— подумал священник,— неужели это ты рассказал им?» Антон был там. И он не одобрил поступка отца Мейера.

И, что еще хуже, он был кузеном Каспара Мюллера.

Отец Мейер со вздохом склонил голову и вытащил из кармана четки. Он не собирался смотреть представление, хотя, как все жители Обераммергау, считал свой возраст не годами, а числом Страстей Господних, которые он видел за

свою жизнь. Шестьдесят пять, значит, это его шестое представление.

До недавнего времени отец Мейер занимал второе по важности положение в Совете Шести и Двенадцати, комитете, который контролировал все, что касалось пьесы, включая самый важный вопрос: выбор актеров для исполнения ролей в Страстях Христа.

Он знал правила: кандидаты должны быть жителями Обераммергау или прожить здесь не менее двадцати лет. Из женщин отбирались исключительно девственницы, причем молодые, — эти отброшенные ранее ограничения были введены снова во время нашествия зомби, в надежде как можно лучше угодить Богу.

Он знал правила: здесь должны быть представлены самые известные семьи.

И он соблюдал эти правила. Он просто повиновался высшему закону; и именно поэтому отец Мейер понимал, что после сегодняшнего его лишат сана. Но это не имеет значения. Он будет продолжать свое служение Богу без благословения Церкви.

Без благословения. У священника что-то сжалось в горле. Большой и указательный пальцы скользили по потертым деревянным бусинкам четок, которые выточил для него его отец.

— Уберите это, — сердито прошептал кардинал.

Новая Церковь не одобряла четки.

Отец Мейер прикрыл четки ладонями. Губы его шевелились — он мысленно считал бусины. Вырезанные с любовью, они имели форму розочек, чтобы почтить Деву Марию. Это была прекрасная вещь, достойная находиться в музее. Как и Старая Церковь, подумал он, с ее состраданием и любовью.

Мыслями священник унесся в недавнее прошлое, в тот день, когда выбирали актеров. Было очевидно, по крайней мере для остальных, что Каспар Мюллер будет исполнять роль Христа. Он играл Христа уже три раза, и его семья была самой влиятельной и родовитой в Обераммергау. Но играть Христа в четвертый раз? Теперь, когда он на тридцать лет старше, чем был в самом начале? Отец Мейер напомнил, достаточно корректно, что женщинам старше тридцати пяти запрещается участвовать в пьесе. Неужели шестидесятитрех-

летний мужчина может изображать человека в два раза моложе себя?

— Это не имеет значения. Здесь важны духовные качества человека, — заявил Адольф Мюллер, также член Совета и еще один кузен Каспара.

Но все же здоровье Каспара было уже не то, что в молодости. Он стал слабее. Роль Христа была очень тяжелой — каждое представление Страстей Господних продолжалось восемь часов с перерывом на обед; а ведь ему еще предстояло висеть на кресте...

...И еще имело значение то, что недавно Каспар упал с крыльца и сломал несколько ребер.

Отец Мейер считал, что на этом дискуссия должна закончиться; им придется выбрать другого актера, помоложе. Но Каспар дал понять, что он и слышать об этом не желает; он не отдаст роль никому. И не позволит дублеру занять свое место.

Священник не стал скрывать от Совета свою озабоченность. Из уважения к его сану дискуссия продолжилась. Но отцу Мейеру следовало помнить о слабости своего положения: Мюллеры были в числе основателей Оберраммергау, им принадлежали крупнейший отель, два ресторана, четыре таверны. Они также каждый год делали щедрые пожертвования Государственной школе резьбы по дереву, расположенной в деревне. Семья отца Мейера переехала сюда только в конце XIX столетия. Для большинства местных жителей Мейеры едва ли были лучше чужаков. К тому же поддерживать крупнейшего в городке работодателя сулило гораздо большие выгоды, чем стать на сторону приходского священника.

И все же, в конце концов, после долгих обсуждений Каспар заявил, что он позволит на время сцены распятия заменить себя дублером — одним из зомби, wandelndere Leichname, ходячих мертвецов, как их называли по-немецки. Внешность зомби нужно было изменить таким образом, чтобы он походил на Каспара.

— Подумайте об этом,— уговаривал Совет Адольф Мюллер.— Наконец мы сможем по-настоящему изобразить страдания Христа. Мы можем вбить гвозди ему в ладони, проткнуть его...

— Отец, вам бы следовало досмотреть, не то пойдут разговоры, — сказал кардинал Шонбрун, когда священник поднялся.

Отец Мейер содрогнулся. Солнце стояло высоко в небе. Сцена была пуста, занавес задернут. Наступил перерыв на обед. Прошло уже четыре часа.

Пора. Он воззвал к Деве Марии, умоляя дать ему смелости.

— Разговоры уже ходят, ваше преосвященство, — возразил он. — Люди не перестают болтать с тех пор, как я вышел из состава Совета.

— Вот почему мы здесь, — прервал его кардинал, кивнув на епископа и множество священников, собравшихся вокруг них. — Чтобы показать, что Церковь одобряет эти представления, даже если вы — против.

Епископ Аренкиль обнял отца Мейера.

— Пойдемте. Съедим по сосиске, выпьем пива. Кардинал, вы, конечно, не возражаете?

Сердце в груди отца Мейера подпрыгнуло. Вот он, подходящий момент. Прощай, процентала его душа Святой Матери Церкви. Прости меня.

— Я... я не голоден, — запинаясь, пробормотал он, невольно показав свой страх. — С вашего позволения, могу я отправиться к себе домой на время перерыва?

Кардинал пристально взглянул на него.

— Я думаю, не стоит. Мне кажется, вы должны пообедать с нами, отец.

Отец Мейер усилием воли заставил себя не паниковать.

— Но я не хочу...

— Нет. Вы пойдете с нами, отец Мейер.

Отец Мейер ссутулился. Кардинал, должно быть, догадался о его плане — проникнуть за кулисы и освободить десятерых зомби, которых купила деревня. И как он мог думать, что это ему удастся? Он был дураком. Проклятым старым дураком.

— Отец Мейер? — Кардинал Шонбрун жестом пригласил его идти рядом.

Старый священник подавил подступившие слезы. Возможно, ему удастся найти иной способ. Он не мог пове-

рить, что через четыре часа они в самом деле распнут несчастное существо.

— Это все время делают в кино и тому подобном, — бормотал епископ Арешкиль, пока отец Мейер тащился следом за кардиналом. — Это разрешено всякими гуманитарными организациями, союзами и...

— Не говорите со мной. — Отец Мейер отвернулся от старого друга.

— Но, Иоганн...

— Не надо.

Они сидели в переполненном зале отеля Мюллера, среди туристов, нервы которых щекотало присутствие настоящих зомби. Несмотря на то что зараза была давным-давно остановлена, люди не забыли старых страхов.

Мария Мюллер, дочь Каспара, принесла священникам большие кружки с пивом и тарелки со свиными ребрышками и кислой капустой. «Девица», которой уже перевалило за сорок, изящно присела перед епископом и кардиналом, но демонстративно повернулась спиной к отцу Мейеру. С тех пор как священник вышел из Совета, никто из жителей деревни не разговаривал с ним.

— Все идет хорошо, а? — спросил у нее епископ Арешкиль. — По-моему, жители так гордятся представлением.

Мария нахмурилась.

— Это наша святая обязанность, ваше преосвященство. Мы делаем это не из гордости.

Отец Мейер поджал губы. Сегодня одно из Божьих созданий перенесет ужасные страдания из-за того, что некий человек подвержен греху гордыни.

Ему говорили, что у зомби нет нервных окончаний.

Отец Мейер сидел, съежившись в своем кресле, и по щекам его бежали слезы. Он стиснул четки, глядя, как это существо корчилось в муках, когда ему раскрыли ладонь и пробили ее гвоздем.

— Им руководят с помощью пульта дистанционного управления, Иоганн, — напомнил ему епископ с ноткой гордости в голосе. — На самом деле оно ничего не чувствует. Его лишь заставляют делать вид, что оно страдает.

Другая ладонь. Звон молотка, забивающего гвоздь, отдавался от экранов, которыми были закрыты стены. В воздух брызнул фонтан крови, заливая основание креста и сцену.

Бам, БАМ, БАМ...

Существо вырывалось. Оно открыло рот, закрыло, открыло снова.

Домохозяйка, сидевшая за священниками, застонала.

— Видите? — обратился кардинал Шонбрун к отцу Мейеру. — Это напоминает людям о страданиях Господа нашего. Это приближает их к Господу. Я никогда не испытывал таких сильных чувств во время представления Страстей. Бичевание... это было превосходно, епископ Аренкиль, разве не так?

Епископ пробормотал что-то, не то соглашаясь, не то возражая.

Когда крест подняли, отец Мейер прижал четки к сердцу. Зомби покачнулся, затем свесился вниз, но гвозди, вбитые в его руки и ноги, не дали ему упасть. Кровь ручейками струилась из-под тернового венца, затекала жертве в рот. Когда оно — он — подняло глаза к небу, голубые контактные линзы сверкнули. Такая великая боль. Отец Мейер стиснул кулаки, ощутив на своем теле отметины от бича, дыры в ладонях, шипы, вонзающиеся в лоб.

Из груди его вырвались рыдания, и он вспомнил, что сделал сегодня утром.

Рассвело всего несколько часов назад. Высоко в Альпах, в его любимой церкви, где не было отопления, стоял мороз.

Он взглянул на неподвижную фигуру в темной исповедальне, закрыл занавеску и приложил руку к стене кабинки. Звуки древнего песнопения, Rorate Caeli[1], заглушали яростный стук его сердца. Он вдохнул сладковато-горький аромат благовоний и обратился к распятию, висевшему над алтарем, к доброму лицу, вырезанному пять или шесть веков назад одним из прихожан Обераммергау. Раны, алые, свежие, как на Голгофе; муки, любовь.

[1] «Кропите, небеса, свыше» — начальные слова стиха из Библии (Книга Пророка Исайи, 45:8), используемого в католической мессе.

— Милосерднейший Спаситель наш, — прошептал отец Мейер, — если я совершаю ошибку, прости меня. Прошу Тебя, пойми, Господь, я верю, что это — дитя Твое, а если оно — если он — не живое создание, если я действительно оскверняю Тело Твое, как считает Церковь... если я оскорбляю Тебя, я раскаиваюсь от всей души.

Он вошел в исповедальню и задернул занавесь. Сел, глубоко вдохнул и, перекрестившись, начал:

— Простите меня, отец, ибо я согрешил. Это случилось...

Он смолк. Как сказать, когда это было, за того, кто молча сидел по другую сторону ширмы?

— ...Это случалось несколько раз со времени моей последней исповеди. Вот мои грехи. — Священник проглотил ком в горле и подумал минуту.

Что сказать дальше? Прошлой ночью, когда он решился сделать это, все было так ясно. Так очевидно было, что Сам Бог вдохновляет его на такой поступок. Но теперь, когда он приступил, когда действительно пошел на этот риск, священник ощущал одиночество и беспомощность.

Но то же чувствовал и наш Спаситель, напомнил себе отец Мейер, и его утешили в его страхах.

— У меня появляются... мысли, отец. Не такие мысли, какие были бы угодны Господу нашему. Я желал вещей...

Он прижался взмокшим лбом к перегородке. Какая непомерная гордыня — говорить от имени другого! Осмелиться представить себе, что творится в чужом сердце. В сердце, которое даже не бьется. В мозгу, который не думает.

Нет, он не верит в это.

— Послушай, — прошептал отец Мейер, обращаясь к фигуре, которую он различал сквозь ширму. — Я отпускаю тебе твои прегрешения, прощаю тебе совершенные грехи и греховные мысли, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. — Он прищурился, стараясь разглядеть зомби сквозь частую решетку. — Ты понимаешь? Иди с миром. Бог прощает тебе...

— Отец, — донесся до него чей-то голос, и отец Мейер сильно вздрогнул.

Оно заговорило! Хвала Господу! Он знал, он всегда верил в это, он молился...

— Это Антон, — продолжал голос, и священник понял, что это мальчишка Век, стоявший прямо за занавеской. — Кардинал и епископ приехали в отель моего кузена. Они спрашивают вас.

И сейчас отец Мейер взглянул на фигуру на кресте. На того, кого он осмелился простить. На сцене происходила кульминация пьесы — страдания Христа. На подмостках стояло три креста. На двух висели актеры, исполнявшие роли разбойников, их поддерживали ремни, продетые под набедренными повязками, — так должен был висеть и Каспар Мюллер. Святые женщины в накидках и плащах рыдали, заломив руки. Сбоку стоял римский центурион и размышлял о чем-то. Актеры подняли взгляд на живого мертвеца, прибитого к кресту Каспара Мюллера. Сам старик прятался за кучей камней, которую позднее должны были использовать в сцене Воскресения. Они говорили, обращаясь к зомби, и Каспар отвечал дрожащим старческим голосом.

Из-за креста Каспар выкрикнул:

— Eli, Eli, lama sabachthani![1]

И фарисеи осыпали его бранью за обращение к пророку Илии.

Фигура на кресте, бледная и хрупкая, тяжело вздохнула и подняла глаза к небу, затем взглянула вниз. Это оживленный труп, твердил отцу Мейеру разум.

Но сердце его отвечало: это невинный человек, приговоренный перенести подобные страдания десять раз. Каждого зомби использовали для десяти представлений; они придумали, как замазывать дыры в его руках воском, зашивать и маскировать рану в боку. Они сделают это с ним десять раз. Ради славы Господа.

И славы Обераммергау.

Каспар Мюллер прокричал: «Жажду!»[2] Солдат протянул существу губку, смоченную в уксусе. И оно обсосало губку. Отец Мейер не сомневался в этом.

— Жено! се, сын Твой, — выдохнул Каспар Мюллер.

---

[1] «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» — с этими словами, как говорится в Евангелии, Иисус обратился к Богу на кресте (Мф. 27:46).

[2] Ин. 19:28.

Зомби взглянул на Кристу Век.

Отец Мейер стиснул в кулаке четки. Он не мог допустить, чтобы это продолжалось. Его святая обязанность — нести Слово Господне так, как он понимает его. Пока он еще священник, он обязан действовать ради своей паствы...

— Совершилось![1] — произнес Каспар. Грудь зомби яростно вздымалась и опускалась. — В руки Твои предаю дух Мой[2]. — Голова его поникла.

— Ах, — пробормотал кардинал.

Низкий, зловещий рокот наполнил театр. По сценарию сейчас должно было начаться землетрясение и гибель Храма. Кресты на сцене закачались. Из ладоней зомби снова пошла кровь.

— Это десница Божия карает нас! — воскликнул актер, игравший Енана.

Кровь струилась из ран на боку и ладонях зомби. Его голова дернулась. Отец Мейер больше не мог выносить это зрелище. Он поднялся на ноги и закричал:

— Да! Это кара!

— Отец! — воскликнул кардинал и схватил его за руку.

Отец Мейер высвободился и перебрался через кардинала. Он сбежал по ступенькам и оказался перед сценой. Прежде чем кто-либо успел его остановить, он вскочил на сцену и вцепился в перепуганного центуриона.

— Вы не можете это сделать! Как служитель Божий, я приказываю вам остановиться!

— Что? Что? — воскликнул Каспар, появляясь из-за камней. Он был в одеждах воскресшего Христа — весь в белом.

— Богохульник! — крикнул ему отец Мейер.

Он вырвался из рук центуриона, оттолкнул Марию Век и остальных святых женщин и вскарабкался на кучу камней.

— Помогите мне снять его! Ради всего святого, помогите мне!

— Слезайте оттуда! — прогремел кардинал, заглушив нарастающий шум толпы и крики актеров. — Уберите отца Мейера со сцены!

---

[1] Ин. 19:30.

[2] Последние слова Иисуса (Лк. 23:46).

— Отец, прошу вас. — Руди Мангассер, центурион, схватил отца Мейера за ногу.

Священник вырвался.

— Ради Бога, Руди! Я крестил тебя. Помоги мне!

Отец Мейер рванул гвоздь, воткнутый в ладонь трупа. Крепко прибитый железный штырь вошел в кость; из дыры хлынула кровь, заливая пальцы отца Мейера.

— Помогите мне. Помогите мне.

Он обвел глазами зрителей, вскочивших на ноги. Злые лица. Ужас во взглядах. Некоторые пятились, некоторые рвались вперед. Многие кричали.

— Это живое существо! Нельзя делать этого!

Потянувшись, священник сдернул с головы обвисшего зомби терновый венец, на шипах повисли клочки кожи.

Внезапно из рядов зрителей послышался пронзительный вопль. Испуганный отец Мейер замер и оглянулся. Люди указывали пальцами на сцену — на него, как он подумал. Он вцепился в ладонь зомби, пытаясь вытащить гвоздь.

Голова медленно поднялась. «У кого пульт управления?» — мелькнуло в мозгу отца Мейера. Крики становились все громче. Люди начинали разбегаться прочь. Кардинал и епископ, перекрестившись, упали на колени.

Голова дрогнула. Отец Мейер подхватил ее под подбородок, чтобы не дать ей упасть. Плоть была теплой.

Теплой...

Зомби поднял голову. Лицо было покрыто большими красными пузырями, из которых, словно кровь, струился гной.

— Чума! — взвизгнул кто-то. — У него чума!

Дрожа, отец Мейер впился взглядом в лицо мертвеца. На глазах у священника по всему телу зомби возникали и лопались новые волдыри. Они образовывали неровную линию вдоль раны в его боку, покрывали грудь, живот.

С неба прогремел гром. Земля — а не только сцена — начала трястись.

— Это трюк! — крикнул кто-то. — У священника пульт управления!

Теперь крики людей были полны ярости. Мария Век сорвала с себя вуаль и угрожала кулаками отцу Мейеру,

а Руди Мангассер залез на кучу камней и попытался стащить его вниз.

— Идиот! — орал Руди и бил отца Мейера по лицу. Они оба скатились вниз, на сцену. — Что ты делаешь, ты, сумасшедший старик?

— Я? Я?

Отец Мейер оттолкнул Руди и упал на колени перед зомби. Он осенил себя крестом и сложил руки. На его ладонях возникли два алых волдыря.

Стигматы. Но стигматы нового типа. Это для Новой Церкви. И это Новая болезнь, подумал он, которая охватит весь мир, как Старая — четыреста лет назад.

Он разразился слезами и раскрыл ладони.

— Договор нарушен. Бог заговорил с нами через одного из детей Своих и сказал нам о Своем великом гневе.

Руки его упали на доски сцены.

— Ходячий мертвец? Мои возлюбленные братья, мы все ходячие мертвецы! Все!

— Уберите его со сцены! — снова завопил кардинал Шонбрун.

— Нет, не трогайте меня! Я уже заразился! — предупредил отец Мейер, но было уже слишком поздно.

Толпа, превратившись в единое существо, заревела и бросилась на него. Сотни рук схватили священника, били, щипали, дергали его. Они пинали его по ногам, больным коленям. Кто-то изо всех сил ударил священника кулаком в бок. Женщина, которую он никогда не видел, схватила его за воротник сутаны и начала душить, душила до тех пор, пока он не ослеп и не стал задыхаться.

А затем на лице этой женщины возникли волдыри. Отец Мейер в ужасе смотрел, как пузыри лопаются и густой, зловонный гной течет по лицу несчастной.

— Она заразилась! — вскричал стоявший рядом мужчина.

Женщина схватилась руками за лицо и завыла. Болячки вырастали на тыльной стороне ее ладоней, лопались, гной брызгал в лицо мужчине, и везде, где зараза касалась его, возникали, зрели и вскрывались нарывы. Человек с воплями упал на колени.

Зараза охватила всю толпу, подобно потопу, продолжавшемуся сорок дней и сорок ночей. Отец Мейер почти оглох от криков ужаса. С неба гремел гром, слышался стук копыт четырех всадников, доски сцены и декорации рушились. В середине сцены образовалась щель, и земля под ней разверзлась, люди вопили и яростно махали руками, срываясь в яму. Все, все вокруг рушилось.

Молния ударила в стоявший на сцене крест, и он загорелся у основания. От костра шел жар. Адский жар. Зомби открыл рот, закрыл, снова открыл. Голова его склонилась набок, и мертвые глаза двигались, двигались.

Они остановились на отце Мейере. Казалось, зомби смотрит на него... Да! Он смотрел на священника Старой Церкви, воплощающей Любовь.

Взгляни на сына Твоего. Взгляни на него.

Отец Мейер поднял руку и благословил мертвеца. Зомби опустил голову. Пламя охватило его, и он исчез.

— Это он во всем виноват! — крикнул кардинал Шонбрун, и три человека схватили отца Мейера, начали рвать его на части, бить его, рыдая от ярости.

Отец Мейер смотрел на огонь, пока руки его вырывали из плеч, а удары и горящие щепки сыпались ему на голову. Новые пузыри возникали, лопались, гной тек по его ранам. Казалось, не бывает на свете худшей боли, более страшных мучений...

Нет. Самая страшная боль терзала его сердце.

Никакой страх не мог быть ужаснее того страха, которым мучилась его душа.

Он поднял глаза к небу.

— Отец небесный, прости нас, — прошептал он в последние секунды своей жизни. — Мы не знали. Мы действительно не знали.

СКОТТ ЭДЕЛЬМАН

Почти последний рассказ

Произведения Скотта Эдельмана появлялись в различных журналах («Crossroads: Tales of the Southern Literary Fantastic», «Postscripts», «Forbidden Planets», «Summer Chills»), в антологии «Монстры» («The Mammoth Book of Monsters»). Эдельман не только пишет рассказы; он редактирует журналы «Science Fiction Weekly» и «SCI FI Magazine», ранее сотрудничал в журнале «Science Fiction Age».

Эдельман, можно сказать, специалист по зомби. Его рассказы печатаются в каждой антологии под редакцией Джеймса Лаудера, посвященной зомби (их издает «Eden Studios»): «Книга плоти» («The Book of All Flesh»), «Вторая книга плоти» («The Book of More Flesh») и «Последняя книга плоти» («The Book of Final Flesh»), и он трижды был номинирован на премию Брэма Стокера за свои произведения о «живых мертвецах». Каждый раз, читая очередной рассказ Эдельмана, думаю: наконец-то я нашел достойное произведение для этого сборника — лучше этого он уже не напишет, но всякий раз обнаруживаю рассказ еще лучше. Я даже не упоминаю о блестящей «Чуме на оба ваши дома» («A Plague on Both Your Houses»), пятиактной пьесе в стиле Шекспира, которую автор называет гибридом «Ромео и Джульетты» и «Ночи живых мертвецов».

Этот рассказ, один из тех, что были номинированы на премию Стокера, ничем не напоминает Шекспира, но один обозреватель сравнил его с работами другого литературного гения, Уистена Одена[1].

Наверное, лучше будет начать так.

Действительно, давайте вернемся к тому дню, когда все началось. Лора уже пришла на работу, в центральную библиотеку графства. Но здесь возникает проблема: день идет своим чередом, а наша героиня, возможно,

[1] Уистен Оден (1907—1973) — английский поэт.

даже не понимает еще, что мертвые внезапно пожелали воскреснуть. Такова вообще жизнь — в городе происходят события исключительной важности, а мы, сидя у себя дома, в полном неведении красим ногти или чистим зубы. Грохочут землетрясения, ревут наводнения, падают небоскребы, а где-то на противоположной стороне земного шара человек, который, вероятно, еще много месяцев обо всем этом не узнает, рыхлит палкой крохотный клочок пыльной земли и молит Бога о дожде. Если в этот день его охватит беспокойство, то лишь потому, что дождь все никак не соберется, а не потому, что на далеких континентах происходят страшные вещи.

Для нашей цели лучше начать именно так, потому что Лора не поняла еще: ее мир пошатнулся на своей оси. В тот первый день, когда началось воскресение мертвых, она его не заметила, потому что не случилось ничего, касавшегося ее лично. Разве что чуть меньше постоянных читателей посетило ее отдел. Волны еще не достигли ее.

Все же это крошечное изменение в ежедневной рутине немного озадачило Лору, так как за многие годы она привыкла к однообразию. Но она отогнала от себя эти мысли, и в целом рабочий день для нее выдался удачный. Лоре пришлось меньше времени, чем обычно, расставлять по полкам книги, забытые на столах, и она в основном занималась канцелярской работой. В итоге к концу дня она оказалась вполне довольна жизнью.

Направляясь в тот вечер домой, Лора позволила себе зайти в китайский ресторан и взять еду на вынос. Возможно, развернув свой обед, блюдо дня, она даже найдет на дне пакета подарок — печенье с предсказанием судьбы. Это вызовет у нее улыбку. Потому что есть кое-что еще, что вы должны узнать о Лоре. Она пользовалась словами, напечатанными на обороте каждой бумажки, чтобы изучать китайский, — возможно, не самый лучший метод, но он ей нравился, и каждое печенье с предсказанием еще на шаг приближало ее к цели. Видите ли, она собиралась когда-нибудь съездить в Китай. Зная это, вы прочувствуете горечь ее истории, особенно если вспомните события, которые, как нам известно, были уже неизбежны. Лора же оставалась в полном неведении.

Итак, в тот вечер она дополнительно вознаградила себя, посмотрев специальный выпуск одного из своих любимых телешоу, во время которого воссоединялись разлученные в детстве сестры. Однако она также пережила некоторое волнение после того, как благодаря определителю номера ей удалось избежать разговора с матерью. Наконец Лора свернулась в кровати, довольная собой и всем миром, готовая мирно отойти ко сну. Она совершенно не подозревала о хаосе, царившем на планете. Она походила на нашего человека, копающегося палкой в жалком поле, который наконец отбросил свое орудие, растянулся на соломенном матрасе, глядит на звезды и готовится задремать, не зная, что он только что пережил 7 декабря[1], 6 августа[2] или 11 сентября.

Только на следующий день Лора, нанизывая утренние газеты на штыри, чтобы листы не перепутались при чтении, узнала, что вчера произошло нечто необычное. Однако она не слишком-то поверила газетам. Она подумала, что эти сообщения о чудесном воскресении мертвецов следовало бы поставить на полку вместе с фантастикой. И одновременно Лора рассердилась на себя за свое вчерашнее неведение — она считала, что, если во вселенной действительно произошло такое великое событие, она должна была это почувствовать. У нее не укладывалось в голове то, что законы жизни и смерти изменились без ее ведома.

Лора слышала у себя в отделе множество разговоров (разумеется, они происходили шепотом): люди обсуждали, что бы все это значило и как теперь жить дальше в этом изменчивом мире. Однако Лора не представляла себе другой жизни и верила, что нужно повиноваться судьбе и следовать той дорогой, на которую она толкает нас. Сама Лора считала, что такие взгляды выработались у нее под влиянием матери, с которой она не стала разговаривать по телефону вчера вечером. И вот сейчас она не понимала, зачем ей что-то менять. Итак, перед лицом исчезновения са-

[1] 7 декабря 1941 года Япония совершила нападение на военно-морскую базу США в Перл-Харборе, что послужило поводом для вступления США во Вторую мировую войну.

[2] 6 августа 1945 года американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму.

мой смерти, которое, по-видимому, должно было изменить привычный образ жизни большинства людей, наша библиотекарша просто продолжала выполнять свои обязанности.

Однако с каждым днем в ее отдел приходило все меньше живых и все больше мертвых, пока наконец все постоянные посетители не исчезли. Сначала Лора вряд ли замечала, что читатели — мертвецы; ведь она ожидала, что зомби захотят причинить ей вред, но ничего подобного не происходило. Зомби неторопливо бродили по читальному залу, брали с полок книги, сидели за столами, совсем как обычные читатели. Они не так уж отличались от живых людей, так что Лора и не догадывалась, что они *не* живые.

Но затем случилось нечто, заставившее ее наконец увидеть очевидное и поверить в то, что мир действительно коренным образом изменился. Возможно, она заметила, что эти новые посетители были более настойчивы в своих поисках, чем те, что приходили прежде. Может быть, ее насторожило то, что в зале не слышалось больше шепота и ей не приходилось призывать болтунов к порядку. Или, возможно, до нее наконец дошло, что никто не отлучается в туалет. Что бы ни послужило толчком, Лора наконец поняла. Они казались более серьезными, чем те люди, к которым она привыкла. С каждым днем их приходило все больше и больше, так что в конце концов кое-кому пришлось стоять, но они вели себя лучше куда-то исчезнувших читателей, к которым библиотекарша привыкла за долгие годы работы. И она оказалась единственным живым существом, приходившим в библиотеку ежедневно. Но даже сознание того, что ее окружают лишь мертвецы, не заставило Лору изменить свой распорядок дня.

Она постепенно поняла, что мужчины, женщины и дети (которые на самом деле были *бывшими* мужчинами, женщинами и детьми) ищут на страницах этих книг нечто очень важное для себя. Они не просто механически повторяли движения, которые совершали при жизни. Но что именно они искали?

Лора наблюдала за мертвецами напряженно, пристально, зная, что, если только ей удастся понять, что они ищут, она найдет одновременно нечто значимое для себя, что-то, к чему она шла всю жизнь.

И постепенно все начнет приобретать смысл. Все это.

Нет, забудем об этом. Забудем о Лоре, ее матери и затхлом привкусе печенья с предсказаниями. Это неудачное начало. По-моему, лучше действовать иначе. Должен быть другой путь.

Я начну снова, это легче сделать сейчас, на этой странице, чем в конце, к которому сам я уже пришел.

Как насчет вот такой завязки?

В тот день, когда появились зомби, Эмили собиралась заглянуть в библиотеку (да, опять библиотека, вы увидите, что это важно), чтобы навестить свою подругу Рейчел. Заметим сразу, что именно в этот день Рейчел умерла. Но Эмили, приехавшая, чтобы забрать подругу на ланч, еще не знала об этом. Однако она понимала, что вокруг происходит нечто необычное, — еще в машине она услышала по радио странные вещи. Припарковав машину и роясь в карманах в поисках мелочи, Эмили даже подумала, не следует ли двум старым подругам перенести обед на другой день.

Пожалуй, я даже заставлю ее помедлить на несколько минут и прийти к выводу, что новости — мистификация. Эмили решила, что это, наверное, нечто вроде давнишнего сообщения о вторжении марсиан, после которого все словно с ума посходили, или высадки человека на Луну. Вы сейчас удивитесь, как автор или Эмили могут сомневаться в том, что человек высадился на Луне. Но это относится только к Эмили. По крайней мере, больше к Эмили, чем ко мне. Затем она подумала: какая разница, утка это или нет? Несмотря на все ужасы, существующие в мире, жизнь должна идти дальше. Наша героиня знала это. Жизнь продолжается, и вы тоже вынуждены жить. Если захотеть, всегда можно найти опасность, из-за которой стоит закрыться на замки и опустить ставни.

Как вы уже поняли, Эмили принадлежала к тем людям, что живут в двух мирах: в этом мире, который мы все договорились считать реальным, и в другом, расположенном совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки от первого. Вынужденная жить в этом мире, женщина всегда чувствовала, что ей не обязательно являться частью его, и старалась держать реальность на расстоянии, чтобы она не нарушала

ее планов. Эмили часто представляла себе, что все житейские проблемы остались на противоположной стороне земного шара, а она обитает в скромной хижине, и ее муж весь день сажает ямс. Вместе они счастливы, но не столько благодаря родству душ или взаимной любви, сколько из-за того, что они далеки от общества и его пороков. Они ничего не знают о газетных заголовках, и эта простота связывает их. Бой барабанов, гремящих где-то далеко, звучит приглушенно и невнятно.

Подобные мысли помогли Эмили пережить немало трагедий. По сравнению с ее разводом воскресение мертвых было сущей чепухой.

Когда она поднималась по ступеням библиотеки, приближаясь к замысловатым железным воротам, закрывавшим вход, и размышляла, куда им с Рейчел пойти — в китайский или в итальянский ресторан, какой-то человек с криками пронесся мимо нее и выскочил на улицу. Из его плеча фонтаном хлестала кровь. Эмили была так потрясена, что не сразу сообразила, что на самом деле кровь била не из плеча, а из того места, где прежде находилась рука. И устыдилась своей радости, которую почувствовала, увидев, что кровь не попала на новую блузку, купленную специально для сегодняшней встречи.

Пока Эмили стояла, замерев на месте, на полпути между проезжей частью и входом в библиотеку, из ворот вывалился живой мертвец и погнался за убегавшей добычей. Кожа его была серой, с одежды сыпались комья земли. С губ стекала кровь. Эмили изо всех сил попыталась заставить свои ноги шевелиться, прежде чем страшное существо заметит ее, но оказалось, что в этом усилии нет необходимости — оживший труп пошатнулся, перешагивая со ступени на ступень, потерял равновесие и покатился вниз по лестнице.

Ударившись наконец о мостовую, мертвец некоторое время лежал неподвижно, и Эмили подумала, что его можно принять за кучу тряпок и костей. Но тут у нее на глазах зомби медленно поднялся на ноги и взглянул на нее, действительно *взглянул*, подумала женщина. Эмили слышала предположения ведущих по радио, будто эти существа не могут думать, но ей определенно показалось, что оно раз-

мышляет, прикидывает, сумеет ли подняться обратно по ступеням и добраться до новой жертвы.

Эмили могла поклясться, что зомби пожал плечами, прежде чем отвернуться от нее и отправиться дальше по улице, очевидно, на поиски своей первой добычи.

Эмили бросилась в здание, выкрикивая имя своей подруги. В начале рассказа я еще приведу кое-какие детали из ее личной жизни, и вы поймете, что, несмотря на все повороты судьбы, Эмили никогда не теряла оптимизма. Даже после всего увиденного она надеялась найти свою подругу живой. Может быть, вы узнаете о потерянной собаке, вернувшейся домой, или о матери, у которой вместо рака оказалась доброкачественная опухоль. Пусть это будет собака. Я напишу о том, как, подъезжая к библиотеке, Эмили замечает на улице какого-то пса, так что у нее будет причина задуматься и вспомнить о своей любимице. Часто наиболее запоминающиеся уроки людям преподают не родители, а домашние животные.

Подбежав к дверям, Эмили увидела в противоположном конце зала Рейчел. Женщина сидела на своем обычном месте — за стойкой, где у читателей принимали книги. Однако к этому моменту Рейчел больше не была подругой Эмили. Из шеи ее был вырван кусок плоти, и кровь заливала ее грудь. Кожа мертвой еще не начала сереть, она была смертельно бледна, но пока не приобрела цвет того существа, которое пронеслось мимо Эмили за своей жертвой. Вероятно, Рейчел укусили совсем недавно. Эмили подумала, что, явись она здесь всего на полчаса раньше, она нашла бы свою подругу живой. Ей не пришло в голову, что, окажись она здесь на полчаса раньше, они обе сейчас, возможно, были бы мертвы. Но такова была Эмили.

Спасибо собаке.

Эмили не стала входить в зал и приближаться к подруге. Она отпрянула назад, в коридор, и отметила, что там никого нет — ни людей, ни зомби. Это было неплохо. Эмили решила, что она будет в безопасности здесь, в здании, куда ведут ступени, по-видимому непреодолимые для мертвецов. Все зависело от того, в кого превратилась Рейчел. Эмили не показалось, что Рейчел стала хищницей. Ее подруга все-

гда была мягкой. Мог ли ее характер измениться сейчас, при подобных обстоятельствах? Эмили не считала, что смерть обязательно меняет жизнь человека.

Эмили отметила, что за все время, пока она наблюдала, Рейчел не тронулась с места, пальцы ее застыли на клавиатуре, мертвые глаза бессмысленно глядели вперед, ожидая... но чего? Неужели какая-то искра разума, все еще тлевшая внутри нее, повелевала ей ждать прихода читателей? Может быть, Рейчел просто продолжала делать то, что от нее требовалось при жизни, по привычке, которая пережила смерть? Или она ждала Эмили, но не для того, для чего они договорились встретиться, поддельным спокойствием надеясь подманить подругу ближе, еще ближе? Эмили знала, что если только она сможет выяснить это, разгадать странное, загадочное поведение своей подруги, то все каким-то образом приобретет смысл, и она поймет, уже без помощи собаки и мужа, копающегося в земле, как ей теперь жить в этом новом мире.

Нет, это тоже не подходит.

Неудачи начинают меня раздражать. Обычно я так долго не раскачиваюсь, по крайней мере когда пишу. Дайте мне немного подумать...

Есть. Начнем так.

В тот день, когда пришли зомби, Уолтер сидел в главном читальном зале, занимаясь изысканиями для своего нового романа.

Я знаю, знаю. И что ему дались эти библиотеки, думаете вы. Наверняка найдется более интересное место для начала истории. Но я считаю, что библиотека необходима. И вы скоро поймете почему.

Когда послышались крики, разносившиеся эхом по узким коридорам, наполнив похожую на пещеру комнату, где сидел Уолтер, вокруг него накопилась целая гора книг. Ему пришлось встать, чтобы посмотреть, что происходит. Первой он увидел библиотекаршу, которая все эти годы была очень добра к нему, но имени которой он не удосужился узнать (позднее он будет ругать себя за это). Она била кулаками по спине человека, который больше не был человеком. Эта тварь выхватывала куски мяса из ее шеи и с ры-

чанием сплевывала хрящи. Вскоре оба они повалились за стойку, и Уолтер больше не мог их видеть, но по-прежнему слышал ужасные звуки, издаваемые жующим мертвецом.

Уолтер снова нырнул за стену из книг, которую возвел вокруг себя. Потом я подумаю о том, стоит ли сделать акцент на этой метафоре и привести примеры того, как он отгораживался от мира книгами в других жизненных ситуациях. Затем Уолтер выполз из комнаты, не испытывая стыда (ну разве что немного), — он давно уже понял, что он писатель, а не воин. Он полз, не поднимая головы, почему-то думая, что если он не видит зомби, то и они не заметят его. Вдруг он наткнулся на маленький стульчик и понял, что попал в детский зал.

Вытянув шею, чтобы взглянуть, что происходит вокруг, Уолтер увидел живого мертвеца, схватившего какую-то девочку и поедавшего ее внутренности. Капли крови попали писателю на лицо. А может быть, я напишу, что ему это просто показалось, потому что приводить такие подробности в рассказе — это слишком. А может быть, произойдет и то и другое — кровь попадет Уолтеру на лицо, но он решит, что ему это показалось, потому что это слишком не для читателя, а для него самого. Девочка судорожно передернулась перед тем, как умереть, и Уолтер, поняв, что зомби поглощен едой, вскочил на ноги и побежал прочь.

Уолтер прекрасно знал расположение помещений библиотеки, потому что она стала его вторым домом (точнее, даже первым домом — в квартире он никогда не чувствовал себя по-настоящему уютно), и он направился в подвал, где, как ему было известно, хранились редкие книги. Ночью подвал запирали на замок, но днем сотрудники держали дверь открытой, чтобы быстрее находить книги. Уолтер решил, что там безопасно. Он закроется изнутри, и никакой зомби не догадается, как забраться к нему. Разумеется, зомби не смогут подобрать код к замку. Числа для них слишком сложны. Все, что у них на уме, — это тела, новые и новые жертвы...

Выйти наружу, когда все уляжется, когда на человека снова будут смотреть как на личность, а не как на тело, не как на пищу, будет нетрудно. Ведь сейфы сконструированы

для того, чтобы не давать людям влезть внутрь, а выйти наружу гораздо проще. Верно?

Уолтер надеялся, что это верно. Он не сомневался в том, что поступает правильно. По крайней мере, он повторял себе это, безуспешно стараясь расслышать, перестали ли снаружи кричать. А тем временем в подвале постепенно становилось влажно и душно.

Вздох.

Нет... нет... нет.

Боюсь, что эта последняя попытка удалась не лучше двух предыдущих. Она не дает представления, каково это — жить среди мертвых.

Но... к несчастью... этот последний фрагмент подходит мне лучше всех, и мне придется работать именно с ним. Потому что это — моя жизнь. Потому что это правда, это та жизнь, которой я жил.

И потому что сейчас, особенно сейчас, метафоры придется оставить. Отныне я должен описывать лишь то, что произошло на самом деле.

Я должен писать только правду.

С другой стороны, в теперешнее непонятное время мои старые приемы кажутся такими надежными и прежние рабочие схемы так соблазнительны. Я все думаю, что для этого должна быть какая-то причина. В мире осталось так мало утешения, и я надеюсь, мне простят возврат к прежнему. Подумайте об этом — остались ли в мире вообще какие-либо источники утешения, кроме простого сознания того, что ты живешь? А может быть, это нечто большее, чем просто возврат к прежнему. Наверное, я уподобился курильщику, который никак не может бросить,— мне просто нужна еще одна доза моего наркотика, прежде чем я откажусь от него навсегда.

Итак, позвольте мне еще раз попытаться объяснить. Надеюсь, на этот раз у меня что-нибудь получится и рассказ понравится вам больше. И мне.

Начнем.

Когда-то я был знаком с женщиной, которая так любила своего мужа, что не могла расстаться с ним. Клянясь мужу

в верности в болезни и здравии, Мэрилин была искренна. Но подобная любовь не всегда оборачивается благом. Потому что, когда ее муж заболел, она много лет держала его прикованным к больничной койке, хотя на самом деле он был бы гораздо счастливее в могиле. Возможно, в другой истории жена не давала бы мужу умереть, чтобы наказать его, но не в нашем случае, потому что это была бы ирония, а Мэрилин любила без всякой иронии. Несчастный лежал в больнице, несколько аппаратов дышали за него, другие гоняли кровь по его жилам, третьи — выводили продукты жизнедеятельности, а жена сидела и смотрела на него, на лес трубок, привязывающих его к несбыточной мечте, и плакала.

— Не уходи, — шептала она, в бесконечных вариациях повторяя эти слова, как заклинание. — Ты не можешь уйти. Не сейчас. Ты обязан остаться.

Но он все-таки ушел.

К счастью для Мэрилин, смерть наступила в тот день, когда мертвые начали воскресать. Как только больной перестал подавать признаки жизни, в палату на звук давно ожидаемого сигнала тревоги вбежали медсестры. Они уже ничего не могли сделать, но обрадовались концу, так как давно устали от Мэрилин. Здесь люди усваивали самый важный урок — учились расставаться, и медсестрам хотелось бы, чтобы наша героиня оказалась более прилежной ученицей. Пришел врач, чтобы подтвердить то, что сестры знали и без него, и пробормотал несколько заученных слов соболезнования — хотя о каком соболезновании здесь могла идти речь? Внезапно покойник поднялся, схватил одну из медсестер за запястье и вырвал ей руку из плеча. Кровь залила его жену, все еще сидевшую со стиснутыми на груди руками, — долгие дни и ночи она рыдала в такой позе. Она закричала, не отрывая взгляда от мужа, пока остальные медсестры и врач связывали больного. Когда зомби был крепко привязан к кровати, все выбежали из комнаты, уводя раненую женщину. Мэрилин осталась одна.

Человек (или то, что когда-то было человеком; я не могу найти для него подходящего определения, поскольку наша терминология пока еще распространяется только на лю-

дей, а слово «зомби», по-моему, перегружено смыслом) бессильно извивался на кровати и щелкал зубами, пытаясь схватить недоступную ему плоть. Вдруг Мэрилин показалось, что муж назвал ее по имени. Среди его рычания ей слышались звуки, хорошо ей знакомые, — шепот, ласковые имена, эхо слов, произносимых им при жизни, и она подошла ближе, потеряв голову от ужаса ситуации, в которой оказалась. Ожидая, пока очнется муж, она смотрела новости по маленькому телевизору, привинченному в углу палаты. Из сообщений она узнала, что подобные сцены происходят по всей стране. По всему миру.

Вообще-то, не совсем по всему миру, мы это уже обсуждали. Где-то всегда существует человек, живущий в счастливом невсдении, роющийся мотыгой в земле.

Но Мэрилин никак не ожидала, что кто-либо из ее знакомых, а тем более она, может попасть в подобную историю. Смерть — это то, что происходит с другими людьми. С неосторожными людьми.

Она наклонила голову и закрыла глаза, чтобы лучше разобрать слова мертвеца, и какие-то услышанные звуки придали ей уверенность. Мэрилин могла поклясться, что муж произносит ее имя. И тогда она придвинулась еще ближе к нему, преодолев последние сантиметры, отделявшие ее от ожившего мертвеца, чтобы его зубы вонзились в ее тело и она смогла присоединиться к нему в той единственной загробной жизни, что теперь была доступна людям.

Нет, так не пойдет. Никому не понравится рассказ о человеке, добровольно идущем на заклание. Мы хотим читать о том, как люди активно действуют, принимают решения, преодолевают трудности вместо того, чтобы сдаться. Как насчет вот этого...

Когда-то я знал женщину, которая настолько ненавидела своего мужа, что не могла расстаться с ним. Он был богат и много раз пытался заплатить Кэтрин за развод, но она не соглашалась на его цену — у нее не было цены. Он все никак не мог в это поверить, поскольку, как я уже сказал, был богат. Поэтому он просто попытался бросить жену, но ни одна из его попыток бегства не удалась. Кэтрин

каждый раз возвращала его обратно, пугая коллективным неодобрением их друзей и запретом видеться с детьми. В качестве самого сильного средства применялась весьма убедительная угроза судебного иска — Кэтрин знала, что выиграет дело. Не раз утром этот человек летел на противоположный конец страны, а вечером жена заставляла его вернуться. Она прочно укрепилась в его поместье и была уверена, что он останется там вместе с ней.

Когда появились зомби (все, я сдаюсь — как мне иначе их называть?), ее задача намного упростилась. Муж больше не желал ездить в город, где быстро воцарился хаос, и работал в домашнем офисе, отдавая приказания по телефону, электронной почте и факсу своим сотрудникам, которые не могли позволить себе дорогостоящую роскошь работать в убежище. Во время работы он при помощи камер следил за периметром поместья, чтобы убедиться, что внешний мир не вторгается к нему. Кэтрин установила в доме свои собственные камеры, о которых не знал ее муж, и несколько раз в день проверяла, не сбежал ли он.

Это продолжалось до тех пор, пока натиск внешнего мира и напряжение во внутреннем мире мужа не стали настолько сильными, что он больше не смог его выдерживать. В один прекрасный день Кэтрин обнаружила его в ванной, где не было ни одной камеры. Он плавал в красной воде, и вены на обеих руках были вскрыты. В течение нескольких минут, пока самоубийца находился на границе между старой и новой жизнью, жена обхватила его и вытащила из воды. Не обращая внимания на кровь и мыльную пену, заливавшую ее, Кэтрин оттащила труп в специально оборудованное убежище. Супруги построили его, чтобы защититься от тех, кто захочет отнять у них богатство или жизнь, а теперь этот «сейф» должен был защитить ее от невидимой силы, которая осмелилась забрать ее мужа.

Кэтрин знала, что должно вскоре произойти, поэтому действовала быстро.

Она усадила покойника в дальнем углу комнаты, с вытянутыми вперед ногами, прислонив спиной к бронированной стене. Она сама не знала, зачем так старается устроить покойника поудобнее. Она могла бы швырнуть тело через

всю комнату — это не причинило бы ему вреда. То, что должно было случиться, все равно случилось бы.

Кэтрин выбралась наружу, не переставая наблюдать за мужем, ожидая, что он оживет. Заметив, что мертвец пошевелился, она захлопнула дверь комнаты-сейфа и закрыла ее на замок. Она радовалась тому, что муж здесь, дома, и ей было все равно, в каком состоянии он вернулся.

Кэтрин сидела на гигантской кровати и слушала, как зомби бьется в стены своей тюрьмы. Он не оставлял попыток освободиться, он никогда не уставал, и теперь наконец он был полностью под ее контролем.

Мне кажется, это уже немного ближе к желаемому, но все же...

Нет, все равно не то. Пока что получается слишком банально.

На самом деле мне пора перестать искать в происходящем смысл. В конце концов, часть правды о зомби (а под зомби я подразумеваю не только голую реальность, отдельные экземпляры, я имею в виду саму концепцию, сам факт их существования) состоит в том, что в них нет смысла. Никто не ожидает, что ураган будет иметь какой-то смысл, а землетрясение — цель. А теперь я понял то же самое насчет зомби. Но все оборачивается так, как бывает с облаками: люди смотрят на проплывающие облака и, даже не делая усилий, видят на небе морского конька, или корову, или даже Эйби Линкольна. Так же и со мной. Ничего не могу с этим поделать.

Как будто кто-то заставляет меня. Я смотрю на жизнь, аморальную, хаотичную, абсурдную жизнь, срываю покровы с ее неразгаданных тайн и непонятных фактов и привожу их в порядок. Образуется стройная картина, в которой не хватает нескольких случайных событий, и я ставлю их на место, пока не складываются все кусочки головоломки. Я превращаю нелепость в интуитивно созданную картину. Вон там, на Луне, человеческое лицо, черт побери, что бы мне там ни говорили о следах астероидов. Неужели мне следует вести себя по-другому после *этого* последнего потрясения?

Итак, я сижу тут и рассказываю самому себе эти истории, неосознанно начав их и, по-видимому, будучи не в си-

лах осознанно остановиться. Может быть, это мой способ справляться с шоком. Но, покинув наконец безопасный подвал, я убедился, что попытки найти смысл в новой жизни, которую нам всем придется отныне вести, сами по себе бессмысленны.

Когда я в конце концов открыл дверь подвала, первое, что я заметил, была тишина. Меня поразило то, как тихо стало в библиотеке. Не слышались более яростные утробные звуки, издаваемые живыми мертвецами; не раздавались больше предсмертные вопли живых людей. Однако, медленно двигаясь по коридору, я обнаружил свидетельства происходившего здесь отвратительного пиршества. Алые брызги усеивали стены; повсюду на полу валялись кости. Но нигде не было ни зомби, ни людей. Только на основе ужасных останков мне не составило бы труда сочинить рассказ о том, что произошло здесь во время моего затворничества, но я сдержал себя. То, что я видел своими глазами, было достаточно жутко; я не хотел добавлять к воспоминаниям картины, созданные воображением. И кроме того, для этого я был слишком голоден. Голод, и только голод заставил меня преодолеть страх и выйти из подвала. Я не покинул бы убежища, если бы мое тело не приказало мне: «Выходи или умрешь».

Двигаясь как можно осторожнее, я добрался до автоматов, где так часто покупал еду во время работы над предыдущими книгами. Увы, мне слишком хорошо был знаком затхлый вкус больших круглых печений. Честность заставила меня опустить в автомат деньги вместо того, чтобы просто разбить стекло, и я почувствовал себя глупо. Кто знает, найдется ли там, снаружи, хоть одна живая душа, которой есть дело до моей честности?

Уничтожив два пакета крендельков и коробку печенья с изюмом и опустошив две банки апельсиновой газировки, я снова смог нормально соображать. Только теперь мне пришло в голову, что следует закрыть главный вход в библиотеку. Судя по лужам крови, которые я обходил на цыпочках, никому из находившихся здесь людей это не удалось. Все, кто был в здании во время нападения, погибли; в живых остался лишь я.

Я медленно и бесшумно двинулся в сторону вестибюля, и странно — во мне зашевелилась жалость при виде книг, сброшенных на пол во время борьбы, словно я жалел погибших людей. Каждый раз мне становилось стыдно за это чувство, но... я писатель. Это еще один неподвластный мне порыв.

Я миновал ряды компьютеров, за которыми раньше часто сидел, проверяя электронную почту, и увидел мелькавшие на экранах заставки. Я не смог преодолеть искушение, щелкнул пробел и набрал свой пароль. Среди спама я обнаружил письмо от своего агента: он спрашивал, жив ли я еще. Я ответил, что жив, и, поскольку письмо было получено три дня назад, задал ему тот же вопрос. Я пошарил в своих любимых блогах, выяснил, что ни один уголок земли не избежал ужасов зомби, и внезапно вспомнил о дверях. Потом у меня будет полно времени, чтобы посидеть в Интернете.

Когда я захлопнул кованые железные ворота главного входа в библиотеку, мне пришла в голову мысль: а не поторопился ли я, может быть, стоит проверить все здание? Действительно ли я здесь один?

Закрылся ли я от смерти? Или закрыл ее внутри, чтобы ей удобнее было сцапать меня?

Мне пришлось пойти на этот риск, потому что я не хотел просидеть неизвестно сколько времени в подвале, ожидая, пока оставшиеся снаружи люди наведут порядок и мы вернемся к нормальной жизни.

Когда я взглянул вниз, на улицу, на бродивших там зомби, мне показалось, что они чуют мое присутствие, словно я насмехаюсь над ними, оставшись в живых. Они собирались кучками, раскачиваясь из стороны в сторону. Было страшновато наблюдать за перемещениями мертвецов и знать, что они изучают меня. Я отошел подальше от ворот, надеясь остаться незамеченным. Казалось, это подействовало. Они снова побрели прочь, снова превратились в апатичных зомби; отсюда они вполне могли показаться обычными горожанами, идущими на работу. Только их работа состояла в том, чтобы пожирать этих самых горожан, — хотя вряд ли в городе остался в живых хоть один человек. Здесь никого не было,

по крайней мере на улицах, окружавших библиотеку, я понял это сразу. Вся борьба давно закончилась.

Однако я не мог не заметить следов произошедших здесь ужасов. Раньше я изо всех сил старался изгнать из воображения картины зомби, пожирающих людей, но сможет ли мир когда-нибудь забыть их? Повсюду виднелись бесформенные темные пятна, подобные пленкам бензина на поверхности луж. Они говорили о страшных вещах, которых мне, слава богу, удалось избежать, сидя в подвале. На улицах беспорядочно застыли машины, одна перевернулась на ступенях библиотеки, другие были навалены в кучу друг на друга, и так до самого горизонта. Среди этого хаоса лежал на боку бронированный автомобиль. Я представил себе водителей, крутящих руль, чтобы не наехать на живых или мертвых, боящихся из первых превратиться во вторых и теряющих управление сначала автомобилями, а затем и собственной жизнью.

Не желая оживлять эти картины в своем воображении, я снова взглянул на бронированную машину. Я представил себе кучи денег, а вспомнив последний договор с издательством, подумал, что нуждаюсь в них как никогда. Возможно, если я наберусь смелости, мне удастся пробраться туда и украсть столько, сколько я смогу унести. Но зачем мне теперь деньги? За одну ночь мир перестал нуждаться в деньгах. Миром правила новая экономика — экономика, основанная на мясе. Не сводя взгляда с броневика, я с тоской размышлял о прошлом и будущем, существующем уже не для меня, и вдруг мне показалось, что за небольшим узким окном на борту машины что-то пошевелилось. Я внимательно вгляделся и, хотя не заметил больше движения, понял, что кто-то оттуда следит за мной. Я рискнул и снова подошел поближе к воротам, но, к сожалению, с такого расстояния мне не удалось различить выражение лица человека в машине. Я вообще едва сумел разглядеть его — только глаза и нос. Этого было достаточно для того, чтобы понять, что я не одинок.

Затем я увидел руку, согнутый палец манил меня подойти поближе.

Итак, я все-таки был не последним человеком на этой земле, не каким-то Робинзоном Крузо, затерянным среди полчищ зомби.

Хотя нет, если подумать, я был именно Робинзоном Крузо и, в соответствии с сюжетом, только что нашел своего Пятницу.

Истории теперь получаются у меня с трудом. Знаю, знаю, я вам обещал, что их больше не будет. Но, если бы вы оказались здесь, на моем месте, вы поняли бы, что у меня есть веские причины продолжать сочинять рассказы.

А кроме того, может быть, именно эта история и стоит того, чтобы рассказать ее.

Или, возможно (хотя я не уверен в этом), я буду продолжать сочинять до тех пор, пока наконец не признаюсь самому себе, что больше достойных историй не будет.

Итак...

Жила на свете женщина... Не буду давать ей имени; я больше не собираюсь утруждаться выдумыванием имен, ведь, в конце концов, разве все они не просто архетипы? Разве они не просто вы или я? Она пыталась и пыталась (и пыталась, и пыталась) выносить ребенка, и, несмотря на лекарства, старания врачей и акушерок, страховых компаний, а также предполагаемых бабушек, у нее никак не получалось. Муж предлагал ей, сначала мягко, затем более настойчиво, усыновить малыша, но она избегала ответа и почему-то не поддавалась отчаянию. Она знала, что в конце концов у нее будет ребенок, ее собственный ребенок, и находила силы не слушать жужжавшие вокруг голоса. И она едва не победила их всех, когда ей удалось почти до конца доносить плод.

Почти...

Но он погиб, так же, как и все предыдущие. Она перестала чувствовать движения внутри, и ее будущее превратилось в мертвый груз. Она ощущала эту пустоту так сильно, она и представить себе не могла, что можно настолько остро чувствовать потерю. Наша героиня всегда была откровенна с мужем. Супруги гордились тем, что не имеют тайн друг от друга. Но на этот раз женщина не смогла рассказать ему. Она знала, что произойдет дальше, знала, что врачи будут настаивать, и не хотела снова испытывать то, что уже перенесла столько раз. И она молилась, в первый раз с тех пор, как была маленькой девочкой, молилась

за собственное дитя. А потом, за день до планового визита к гинекологу, который она собиралась отменить, чтобы смерть ребенка не обнаружилась, она ощутила шевеления.

Это были яростные толчки, не похожие на движения ребенка, происходившие до перерыва, который, как женщина убедила себя, был всего лишь коротким сном. Она чувствовала, как внутри что-то рвется, чувствовала боль, началось кровотечение, вскоре усилившееся, и женщина испугалась. Она пошла к врачу одна, не желая говорить мужу о том, что происходит, и врач, сделав УЗИ, не услышал сердцебиения. Он был сбит с толку и не знал, что сказать пациентке. Такого он не ожидал. Как может ребенок шевелиться, если сердце его не бьется?

А затем, вероятно, в ответ на ультразвук, движения усилились.

Женщина схватилась за живот и закричала, и, пока врач рылся в шкафу с медикаментами в поисках обезболивающего, ребенок разорвал матку и ткани живота и высунул наружу голову. Врач, несмотря на безумие происходящего, инстинктивно протянул руки к ребенку, чтобы убедиться, что тот здоров, и не заметил сквозь заливавшую его кровь, что он почти разложился. Ребенок, высвободившись из тела умирающей матери, попытался укусить врача, но тот быстро отпрянул и на заплетающихся ногах выбежал прочь из комнаты.

Или, возможно, не стоит позволять доктору уйти. Пусть он потеряет равновесие, но не поднимется и не продолжит бежать, а рухнет на пол, и ребенок, существо, упадет с мертвого тела матери, распростертого на кушетке, и начнет пожирать врача. Возможно, это придаст рассказу больше драматизма.

Но как бы то ни было, мы не должны забывать, что подобные сцены в различных вариантах разыгрывались в тот день по всему миру, и неудачные беременности внезапно заканчивались не рождением мертвых детей, а появлением живых мертвецов. Но ни наша мать, ни ее врач не могли этого знать. Хотя, даже если бы они знали, что еще им оставалось делать? Избежать ужасов, царивших вокруг, было невозможно; так как же можно было спастись от ужаса, продирающегося изнутри?

Итак, просто скажем, что этот конкретный ребенок выбрался из материнских внутренностей и соскользнул с кушетки, а на теплое тело врача или на холодный линолеум — это мы решим потом. Все равно то, что должно произойти дальше, непременно произойдет.

Он выполз из кабинета в приемную, где к тому времени никого не осталось — все убежали, услышав крики врача, живого или умирающего. Цепляясь ручками и извиваясь, ребенок выбрался на улицу. Ведь он не мог передвигаться иначе, чем это делают обычные дети. Возможно, когда-нибудь, если он выживет, он научится ходить, хотя физически навсегда останется новорожденным младенцем, но сейчас он медленно полз. Прохожие на улице расступались в разные стороны — кровавый след, тянущийся за ним, служил достаточным предупреждением о его намерениях. Но, несмотря на голод, ребенку не хватало сил добраться до кого-либо из окружавших его людей.

И тут к страшному существу подбежала собака, сопящая, любопытная, беззаботная, она приблизилась настолько, что ребенок-зомби смог схватить ее за передние лапы. Он грубо дернул собаку, сломав ей лапы. Пока животное пронзительно визжало и напрасно пыталось вырваться, ребенок подтянулся, держась за дрожащее тело собаки, и схватил ее за задние лапы. У него еще не было зубов, он не мог прогрызть собаке живот, как приказывал ему крошечный мозг, и ему пришлось рвать ее тело маленькими, но сильными пальцами и сосать красное сырое мясо.

Не успев насытиться, ребенок вдруг почувствовал, как его оттаскивают от окровавленной добычи, и, прежде чем он смог отреагировать на нападение, его куда-то швырнули. Зомби откатился к задней стенке маленькой клетки, и, пока он пытался сообразить, где он, и снова броситься в атаку, дверь тюрьмы захлопнулась.

У хозяйки погибшей собаки была клетка, в которой она ежедневно возила животное гулять в парк, и ребенок-зомби оказался в этой клетке. Он яростно колотил кулаками в прутья, но металл был прочным, и ему не удавалось согнуть решетку.

Женщина, возвращаясь домой, улыбалась. Она держала собаку только потому, что не могла иметь детей, и вот,

совершенно неожиданно, у нее *появился* ребенок. Она увидела в этом перст Божий. Ее не волновало то, что ребенок мертв, то, что ей явно предстояло соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не умереть самой. Она будет любить его до конца жизни, даже после того, как эти ужасы закончатся. Она никому о нем не расскажет, и когда всех зомби переловят и уничтожат, ее ребенок останется с ней. Она будет любить его и заботиться о нем до конца дней своих.

Но никогда не выпустит его из клетки.

Ну что ж... наверное, эта история *не* из тех, что стоит рассказывать. Прямо сейчас, пока я нахожусь в гуще событий, мне почему-то кажется бессмысленным утруждать себя и сочинять рассказы. Но я знаю, что когда-нибудь мир захочет найти смысл в ужасах, через которые ему пришлось пройти, и кому-то придется взять на себя задачу описания зомби. Я вполне могу оказаться таким человеком. Так что мне, по крайней мере, нужно попытаться.

Пока я почти подсознательно превращаю жизнь в произведения искусства (хорошо, пусть другие решат, искусство это или нет), я понимаю одну вещь: рассказы о зомби — правда. И в то же время ни один рассказ о зомби не правдив. Потому что, понимаете ли, *рассказов* о зомби не существует, пока я не напишу их. Вселенная не имеет мнения о нас. Как бы мы ни старались приукрасить реальную жизнь, все-таки она совсем не похожа на рассказ. Ни повторений, ни морали, ни смысла. Жизнь — это то, что мы делаем в ней.

И вот наконец после долгих лет, проведенных за пишущей машинкой, я оказался в таком положении, когда требовалось что-то сделать.

С того дня, как я нашел себе убежище в подвале, прошла неделя. Несомненно, тот, кто сидел в бронированной машине, провел там не меньше времени, иначе его уже не было бы в живых. Но сколько бы этот человек ни просидел в ловушке, он — или она, нельзя забывать, что это может оказаться «она», — наверняка сейчас нуждался в пище. И в моих силах было помочь ему.

Я поспешил обратно к автомату с печеньем. Я разломал его, отказавшись от приятной иллюзии порядка, которую

прежде давала мне монета, опускаемая в щель, и набил карманы крендельками, вяленым мясом, лимонадом и прочими закусками. Холод от банок, проникавший сквозь одежду, напомнил мне, что городская электросеть еще работала, и это служило хорошим признаком, верно? Где-то там, далеко, колеса промышленности продолжали вращаться, и кто, как не человеческие существа, вращал их? По крайней мере, я надеялся на это. Боюсь, я не очень четко представляю себе, как вырабатывается электричество. Мне не приходилось заниматься такими вещами. Потом, сказал я себе, я изучу этот вопрос — если настанет это «потом».

Я спустился на первый этаж и остановился в конце холла, ведущего к главному входу, достаточно далеко от ворот, чтобы различить движение на улице и в то же время остаться незамеченным. Я наблюдал, как зомби беспорядочно бродят по тротуарам, и ждал, пока пространство перед библиотекой не очистится. Я был уверен, что настанет момент, когда никто не будет стоять между мной и автомобилем и никто не будет болтаться достаточно близко, чтобы поймать меня, если заметит.

А потом, стараясь не думать о том, что делаю, я бросился бежать. Это оказалось нелегким делом — ведь я писатель, а не спортсмен. Эти две профессии редко сосуществуют, и уж точно не во мне. К стыду своему, я должен сказать, что не храбрость помогала мне неуклюже двигаться вперед. Мой страх победило одиночество, а не альтруизм.

Почти преодолев расстояние, отделявшее меня от машины, я внезапно подумал: а что если тот, кого я видел сквозь узкое окошечко,— не живой человек? А что если охранник погиб в катастрофе и сам превратился в зомби, и это лицо принадлежит кому-то, пытающемуся вырваться наружу, не понимающему, как открыть двери, и... голодному?

Но было слишком поздно, и эта мысль задержалась в моей голове лишь на мгновение — краем глаза я заметил приближавшуюся фигуру зомби. Я побежал быстрее, лимонад в банках забулькал, толстая задняя дверь автомобиля поднялась, и я нырнул внутрь. Затем она с грохотом захлопнулась, и я, быстро обернувшись, к своей радости, увидел, что мой хозяин — живой человек. Человек в заначкан-

ной форме охранника, закрывший дверь, выглядел еще хуже, чем я, но он был живым. В машине стоял тяжелый запах пота, но все-таки этот человек прожил в небольшом грузовичке целую неделю, так что, думаю, мне повезло — все было еще не так плохо.

Я лежал на полу, тяжело дыша, чувствуя упадок сил после волнений и физических усилий, и не возражал против того, чтобы охранник обыскал меня. Я знал, что он ищет, и был благодарен ему за то, что он ест мою пищу, а не меня самого. Он разломал пополам большое шоколадное печенье и запихнул обе половины в рот, затем открыл банку лимонада, и пена залила ему лицо — я хорошо взболтал газировку во время пробежки. Но охранник не рассердился на меня за это, как мог бы в старые добрые времена — всего неделю назад. Он просто рассмеялся и сделал большой глоток из банки.

— Спасибо, — сказал он, вытирая с лица крошки и пену. — Не знал, что лимонад может быть таким вкусным. И, как ты можешь догадаться, в последнее время у меня было мало поводов для смеха.

Я кивнул и выдавил улыбку. Я был рад видеть живого человека, знать, что теперь я не один, но меня не радовало, что для этого мне пришлось прийти к нему, а не наоборот.

— А почему ты все еще здесь? — спросил я немного сухо, если вспомнить радость встречи. — Когда ты понял, что я сижу внутри, ты мог бы вломиться в библиотеку. Эта штука похожа на крепость.

Охранник неуклюже развернулся и показал мне правую ногу — щиколотка была согнута под неестественным углом.

— С этим мне никогда не удалось бы сделать то, о чем ты говоришь, — объяснил он. — Когда мы перевернулись и я услышал треск, то понял, что для меня все кончено.

— Но ты должен был попытаться, Барри,— возразил я. Он вздрогнул, когда я назвал его по имени, и вместо ответа я указал на бейдж, все еще болтавшийся у него на груди. — Я не хотел брать на себя ответственность за твою голодную смерть и принес еды, но больше одного раза это делать рискованно. Ты же не можешь ожидать, что я буду продолжать снабжать тебя пищей. И ты не можешь вечно сидеть здесь один.

— А я и не думал сидеть здесь вечно. — Он пожал плечами, и мешки под его глазами затряслись. — Хотя это было бы неплохо. Но лучше умереть от голода, чем самому быть съеденным. Признаюсь, я рассчитывал на более просторный гроб. Но придется довольствоваться этим.

— Нет, — внезапно заявил я, удивляясь своему решительному тону. — Я не собираюсь смотреть на это. — И сам не поверил своим ушам, еще не успев закончить фразу. — Я не допущу этого. Мы обязательно доберемся до лестницы и входа в библиотеку, если будем действовать сообща. Я могу отвлечь их. Они двигаются не слишком быстро.

— Но быстрее меня, — устало произнес Барри.

Выражение лица его было отчаявшееся, но я не собирался сдаваться. Если за свою жизнь я и усвоил что-то, так это одну вещь: люди хотят жить.

— Нужно попытаться, — настаивал я. — Я что, бежал в такую даль напрасно? Я обязан, по крайней мере, воспользоваться этим шансом и спасти тебе жизнь.

Барри засмеялся, и я решил, что дело пошло на лад. Я выглянул из узкого окошка в задней двери, чтобы узнать, безопасен ли обратный путь в библиотеку. Казалось, до ворот бесконечно далеко. Я поразился — неужели я смог совершить такой забег? Но я знал, что, как бы страшно мне ни было, я вернусь обратно. Если мне суждено умереть, думал я, то пусть это случится в библиотеке или, по крайней мере, в попытке вернуться в библиотеку, а не в бронированном автомобиле. Барри, возможно, и согласен на такой гроб, но мне хотелось иметь более просторное последнее пристанище.

И чтобы рядом стояло полное собрание сочинений Шекспира.

Барри не ответил, но мне показалось, что мы приняли молчаливое решение. Мы смотрели в окно и ждали, слишком утомленные для пустых разговоров (мы оба надеялись, что для этого найдется время позднее), слишком уставшие для каких-либо действий, кроме наблюдения за улицей. Мы молились, чтобы настал момент, когда дорога полностью очистится и Барри сможет доковылять до безопасного места. Но на этот раз нам не везло. Всякий раз, как шатающиеся по

улице мертвецы разбредались в разные стороны, один из них обязательно останавливался перед светофором, словно ожидая, когда загорится зеленый свет. Я не думал, что зомби действительно ждали зеленого сигнала, как прежде, при жизни, нет, на самом деле такого не бывает, разве что в книгах, и все же — так было. Светофоры не работали, но мертвецы стояли, уставившись на столбы.

Наконец я устал ждать.

— Я отвлеку его, — прошептал я.

Охранник приказал мне не делать этого таким голосом, каким обычно говорят охранники, и схватил меня за локоть. Но я все равно бросился к двери и, прежде чем Барри смог остановить меня, был уже на улице. Однако вместо того, чтобы сразу бежать к ступеням библиотеки и затем наверх, к воротам, как поступил бы любой нормальный человек, я направился к завороженному светофором зомби. Я надеялся, что он заметит меня раньше, чем я окажусь слишком близко, а затем, в последний момент, когда у меня еще останется шанс спастись, голод повлечет мертвеца вслед за мной.

— Давай! — крикнул я Барри, обернувшись через плечо. — Это твой шанс. Воспользуйся им!

Я смотрел, как охранник неуклюже вываливается из своего убежища и, подпрыгивая, ковыляет к библиотеке, а затем переключил все внимание на собственную безопасность. Еще один зомби каким-то присущим только им шестым чувством засек мое присутствие на улице — хотя, возможно, никакого чувства у них нет и это лишь мое воображение. Он показался из-за угла, и теперь мне пришлось отвлекать двух врагов. К счастью, несмотря на то что я в жизни не занимался никакими физическими упражнениями и уже начал задыхаться, смерть не давала зомби двигаться слишком быстро. На бегу я подумал, что они, наверное, застают свои жертвы исключительно врасплох, потому что скорости у них были неважные. Я заманивал их подальше от дороги, по которой должен был идти Барри, но, заметив приближение третьего зомби, понял, что больше искушать судьбу нельзя. Их стало слишком много, чтобы я мог перехитрить их и уйти живым. Я налетел на ковылявшего охранника, который как раз добрался до первой

ступени лестницы, и схватил его за плечи, едва не сбив при этом с ног.

Когда я кричал ему, чтобы он пошевеливался, думаю, я не пользовался словами.

Мы вместе совершили этот отчаянный забег на трех ногах, уворачиваясь от живых мертвецов, которые начали неуклюже преследовать нас, пока я перетаскивал Барри со ступеньки на ступеньку, сам двигаясь ужасно медленно. До цели оставалось несколько метров, я уже слышал за спиной щелканье зубов и понимал, что из-за Барри мы слишком отстали. Я нырнул в ворота, пихая его перед собой, и, не вставая на ноги, захлопнул за собой створки. Задыхаясь, я поднялся, в ужасе уставясь на мертвецов, заслонивших собой вид на улицу. Они яростно пожирали нас взглядами, но мы уже были спасены. Я знал — когда мы уйдем внутрь здания, мертвецы забудут о нас, как прежде забыли обо всем остальном, и побредут прочь.

Мы были спасены.

Мы смеялись, и в нашем смехе звучали истерические нотки — думаю, люди всегда так смеются, когда смерть только что была близка, и все же ее удалось избежать.

И вдруг какой-то зомби, который, должно быть, прокрался в библиотеку, пока я был снаружи, спасая Барри и отвлекая бродивших по улице мертвецов, высунулся из дверей и с кошмарным воем начисто откусил раненую ногу Барри.

Вот вам история, на мой взгляд, заслуживающая внимания. Не знаю, много ли еще существует историй, которые я имею право рассказать. Вообще-то я уже проделал большую работу, чтобы доказать, что гожусь только для сочинения рассказов.

Один писатель (и снова, пожалуйста, никаких имен), потеряв популярность среди людской аудитории, оказался не в силах прекратить писать, и вот он начинает кропать рассказы, интересные исключительно зомби. Он не может писать любовные истории, которые он привык сочинять, потому что зомби понятия не имеют о любви. Он больше не может писать истории, в которых герои руководствуются жадностью, потому что зомби понятия не имеют о день-

гах. Все, что ему остается, — это создавать рассказы о борьбе и приключениях (пожалуй, о слишком скучных, однообразных борьбе и приключениях), потому что эти вещи знакомы зомби — на их особый, ограниченный лад. Поскольку у зомби на уме лишь одно, все рассказы получались одинаковыми, но этот писатель счел, что это не важно, — ведь если у зомби и есть какая-то отличительная черта, то это терпение.

С другой стороны, мой агент говорит мне, что у моих читателей кончилось терпение и, уж разумеется, отсутствует желание читать о писателях. Единственные люди, которые хотят читать о писателях, — это другие писатели, по крайней мере, так утверждает мой агент. Но откуда ему знать? В любом случае сейчас у меня, скорее всего, нет агента. И я говорю это не потому, что я начинающий писатель и ищу агента. Я говорю так потому, что его, скорее всего, уже съели.

Кое-кто, конечно, скажет, что туда ему и дорога.

Но поскольку он мертв, и читатели моего героя-писателя также мертвы, мы можем спокойно двигаться дальше.

Рассказы этого писателя имеют один и тот же сюжет — ведь зомби не привередливы. Они начинаются с ощущения, что поблизости ходит мясо. Затем мясо выслеживают. А затем — охотятся на него.

А затем ходячее мясо перестает ходить — живой человек оказывается внутри мертвого.

Писатель создает бесконечные вариации этого сюжета, потому что он больше ничего не умеет делать, а потом фантазия его иссякает, но он все равно вынужден заниматься сочинительством. Действие его рассказов происходит на улицах города, на сельских дорогах, в зоопарках, торговых центрах, школах, самолетах. Но каким бы ни был фон, по сути они все одинаковы.

Волочи ноги.

Шаркай.

Волочи ноги быстрее.

Беги. (Ну, если зомби в состоянии бежать.)

Беги, беги, беги.

Ешь!

Прошло какое-то время, и этот писатель, у которого, очевидно, завышена самооценка (иначе он все это давным-давно бросил бы, по крайней мере после того, как его книги перестали покупать), написал сотни подобных рассказов. Однако теперь, когда вокруг его пишущей машинки нагромождены кипы бумаги (потому что он даже после крушения цивилизации не отказался от своего привычного ритма жизни), он не знает, что с ними делать. У зомби не существует журналов, в которых он мог бы печатать свои произведения, магазинов, в которых можно их продавать.

По крайней мере пока, думает писатель.

Итак, он решает пойти на улицу — на улицу, где он так долго не появлялся, и начать читать там свои рассказы вслух. Он понимал, что его, возможно, ждет смерть, но был готов к этому. В конце концов, укротитель львов может на несколько мгновений сунуть голову в пасть хищнику, но прикажите ему прочитать в таком положении «Гамлета» — и он погиб. Однако наш писатель слишком много времени провел в одиночестве, и еще больше — без читателей. Что бы ни произошло — все казалось ему лучше того, что происходило до сих пор.

Но когда он и в самом деле начал свое чтение, стоя посреди перекрестка, по которому много лет не проезжала машина, он был приятно удивлен. Зомби собрались в кучку и направились к нему, но дошли лишь до определенной черты, а затем остановились. Пока он читал, они окружили его со всех сторон и, казалось, слушали. По крайней мере, это можно было отнести к тем, у кого были уши. И автор продолжал читать, пока не охрип. Он ощутил удовлетворение. Он поверил, что наконец нашел свою собственную, настоящую аудиторию, которую искал всю жизнь.

А затем писатель обнаруживает, что рассказы, взятые им с собой, закончились, но, окруженный живыми мертвецами, он не может принести еще рукописи — они остались в его укрытии. И, дойдя до конца последнего рассказа, он начинает читать все сначала.

Зомби рычат. Возможно, им и нравится повторяющаяся тема, но им не нравится буквальное повторение рассказов. Писатель пытается пятиться от них, но у него за спиной —

все те же зомби. Они наступают, круг их сужается, и вот ему уже трудно дышать из-за стиснувших его тел. И когда они начинают рвать его на кусочки, у него остается лишь миг, чтобы подумать: «Каждый считает себя критиком...»

И больше он ничего подумать не успевает.

Но нет. Это тоже не подходит.

Потому что, несмотря на жуткую концовку и незаслуженную гибель автора (вообще-то я могу назвать имена издателей, которым подобный конец кое-каких авторов пришелся бы по душе), в этой истории есть мораль. Зомби — природная стихия, а стихии не сваливаются нам на голову, вооруженные моралью. Силы природы не имеют ни цели, ни причины, они не несут в себе послания. Они просто *есть*. Вот почему охранник внезапно погиб, убитый как раз в тот миг, когда мы уже думали, что находимся в безопасности.

Или, возможно... возможно, стихии имеют одну общую черту с напастями из ужастиков — они несут в себе некую иронию.

Мы услышали бы шаги зомби, проскользнувшего внутрь, пока я был на улице, если бы не смеялись так громко после возвращения в якобы безопасную библиотеку. Возможно, природа не терпит подобной радости и не оставляет ее без наказания. Мы впали в истерику от облегчения, хлопали друг друга по спине, поднимаясь с пола, и я даже не понял, что происходит, пока смех охранника не сменился воплем боли.

Я спрыгнул с тела Барри и увидел, что он остался без правой ноги. Конечность держал в руках зомби, из нее хлестала кровь. Охранник не переставал кричать, хватаясь за кровоточащий обрубок, из которого, по-моему, вылилось больше крови, чем содержится в человеческом теле. Я ничего не мог сделать для него, я уже не мог его спасти. Даже если бы я смог перевязать Барри ногу, остановить кровотечение, он все равно скоро должен был стать одним из них и схватить за ногу *меня*. Я понял, что мне делать. Я надеялся, что он почти потерял сознание от потери крови и не сообразит, в чем дело.

Я помог охраннику встать на одну ногу. К этому времени его стоны стали едва слышны, и он почти потерял сознание, что облегчило мне задачу.

Я открыл ворота, которые отгораживали нас от нескольких зомби, все еще болтавшихся на верхних ступенях лестницы, и толкнул его в их гущу. На какой-то момент Барри снова обрел силы. Он ухитрился вскрикнуть, но затем мертвецы начали рвать его на куски, и крики прекратились.

Пока зомби были заняты едой, я смог отступить от двери, не боясь, что кто-нибудь из них войдет. Но я не сводил с них глаз, огибая того зомби в холле, который отнял у нас спасение. Он был поглощен едой, жуя ногу, сломанную в начале цепи событий, приведших нас к этому ужасному концу. И он не заметил, как я подбежал к нему сзади и выпихнул его наружу, к его собратьям. Затем я снова захлопнул ворота, надеясь не открывать их до тех пор, пока ось Земли снова не изменит свое положение. А зомби, по-моему, даже не понял, что с ним произошло. Он просто продолжал грызть ногу человека, которого я только что убил.

Видите ли, в книге дело никогда не обернулось бы подобным образом. В рассказе, призванном иметь смысл, с героями, чьи деяния вознаграждаются (иначе мы не называли бы его «рассказом»), Барри выжил бы. Но в жизни справедливость редко торжествует. В рассказе мы двое продолжали бы бороться за выживание, пока мир не очнулся бы от кошмара зомби и не явилось бы спасение. Мы нашли бы способ связаться с островком цивилизации, который существовал бы где-то там, недалеко. В рассказе я знал бы о нем и надеялся. В книге наша судьба сложилась бы иначе.

К несчастью, Господь Бог не хочет быть таким хорошим писателем, как я.

Потому что, как мне кажется, ни спасения, ни утешения мне уже не найти. Я больше не надеюсь на это.

Никто не отвечает на письма, которые я периодически рассылаю по электронной почте. Никто не обновляет сайты, которые я когда-то посещал. Вообще-то эти сайты постепенно умирают. Я уже настолько привык к появляющимся на экране сообщениям об ошибке, что сама жизнь уже кажется мне ошибкой.

Каждый раз, когда исчезает какая-то часть Интернета, я представляю себе, что одновременно исчезает часть ре-

ального мира. Когда его не станет, я окажусь в полном одиночестве.

То есть не совсем в полном. У меня останутся мои друзья. Здесь Шекспир. И Фрост[1]. И Фолкнер, и Остин, и Карвер[2], и Пруст. Все они рассказывают мне о мирах, в которых они жили. О мирах, которые продолжают существовать только потому, что я еще здесь и могу читать о них. Я всегда знал это, и я усвоил урок: мой мир исчезнет, если не останется никого, кто смог бы прочитать о нем.

Вот почему я продолжаю сочинять эти рассказы. Вот почему я всегда писал рассказы. Но я больше не могу. Я вижу, что прожил слишком долго, пережил свою полезность, и наступило время, когда рассказы перестали существовать.

Я мог бы продолжать сочинять их, но зачем, какой в этом смысл? Не стоит жить в мире, где не существует читателей. Сомневаюсь, что эти строки кто-нибудь прочтет.

Мой мир может пережить мою смерть. Но не может пережить вашу.

Я никогда не понимал искусства ради искусства. Одной радости творчества мне недостаточно.

Итак, я собираюсь перестать писать.

И начну молиться.

Молитва.

Я пытался молиться.

Но для меня это просто не работает.

Тем не менее молитва заронила в мое воображение семя, из которого вырос последний рассказ.

Последний, я вам обещаю. И на этот раз вы можете мне поверить.

Когда мир провалился в преисподнюю, один священник, который в это время путешествовал, поспешил обратно к своей пастве, чтобы помочь ей все-таки попасть в рай.

Он не добрался до дома живым, так же как и многие другие люди после начала распространения заразы. Но добрался.

---

[1] *Роберт Ли Фрост* (1874–1963) — один из крупнейших поэтов в истории США.

[2] *Раймонд Карвер* (1938–1988) — американский поэт и новеллист.

Новоиспеченный мертвец (как именно он умер, не имеет значения) шел сквозь ночь, не зная усталости, он брел вдоль шоссе к своей церкви, а мимо проносились машины. Они неслись еще быстрее, как только водители замечали нашего героя. Машины были набиты пассажирами, искавшими спасения, которое им не суждено было найти. Когда священник пришел в свой городок, проведя в пути больше недели, было воскресенье, и члены его общины неуверенно собирались у церкви. Им было известно, что происходит в мире, что эти штуки с воскресением из мертвых наконец произошли. Прихожане, зная, что священник уехал в Нью-Йорк на конференцию, решили, что он погиб, и не ожидали увидеть его снова. Но они также знали, что сегодня воскресенье и им следует быть в церкви.

Люди молча сидели на скамьях, размышляя, стоит ли кому-то из них выступить вперед и кое-как пробубнить службу, когда в церковь ввалился священник. Никто не произнес ни слова. Никто не убежал, когда священник занял свое обычное место, даже после того, как все поняли, в кого он превратился. Потому что у них была вера.

Которой нет у меня.

Зомби попытался прочесть молитву, хотя, возможно, «попытался» — не совсем удачное слово, поскольку оно подразумевает волевой акт, а нашим священником руководили привычка, тропизм[1] или полузабытые сны. Слова не получались, ни его рот, ни мозги больше не годились для речи. И прихожане молились сами, стояли, сидели, пели и произносили слова вслух или про себя, как делали это всегда, потому что они хорошо знали, чего ждет от них Бог. Священник зарычал, но кое-кто подумал, что эти звуки не слишком отличаются от тех, что они слышали уже много лет.

Когда настало время причащаться, священник вытянул вперед руки и остатками пальцев поманил всех к себе. Люди не медлили. Они направились к нему, не испугавшись его желтых глаз, бледной кожи, того, что под обрывками одежды

[1] *Тропизм* — реакция ориентирования клетки, т. е. изменение направления роста или движения клеток относительно раздражителя (химического, светового и др.). Термин «тропизм» в основном применяют при описании автоматизмов поведения растений.

плоть тоже висела обрывками. Они чувствовали присутствие чуда, а с чудом не спорят. Они знали лишь, что настало время обычного, еженедельного единения с Богом.

Когда прихожане выстроились перед священником, он, казалось, окаменел. Движущая сила веры до сих пор вела его, но это не значит, что он был способен к независимым мыслям и действиям. Зомби замер, и до него смутно дошло, что от него ожидаются какие-то более активные действия, но туман в голове не желал рассеиваться, и наш покойник не понимал, что следует делать дальше. После смерти жизнедеятельность возможна только в том случае, если мертвец следует по рельсам, по которым двигался при жизни. Священник каким-то образом чувствовал, что сейчас следует дать верующим пищу, но он ничего не приготовил. У него не было ни освященных облаток, ни вина, чтобы смывать людские грехи.

И он накормил их своей плотью и утолил их жажду своей кровью.

Он разорвал лохмотья, в которые превратилась его рубаха, и вырвал из груди несколько кусочков мяса. Он клал их в открытые рты, каждый раз невнятно бормоча что-то. Затем прихожане вернулись к своим обычным занятиям и, как им было обещано, познали вечную жизнь.

Что касается священника, он остался в церкви и каждую неделю кормил уменьшавшуюся в размерах паству, пока у него не осталось плоти на костях. Но к тому времени это уже не имело значения — не было никого, кому требовалось бы спасение.

Вот, пожалуйста, это последний рассказ, который я собирался для вас написать.

Последний рассказ...

Я никогда не думал, что сочиню подобную историю и скажу, что она последняя. Я думал, что умру, не дойдя до конца. Но теперь... к чему волноваться? Сочинение рассказов — в прошлом. Да и сам я почти в прошлом. Пусть это будет последний рассказ, и пусть его расскажет последний человек.

Автоматы с печеньем опустели, и мне остается лишь лизать упаковку, которую я раньше выкидывал. В холодильни-

ке — несколько банок виноградного лимонада. Я давным-давно обошел столы исчезнувших (почему я не могу сказать — мертвых?) читателей и подобрал все оставленные шоколадки и крекеры. Электричество бывает с перебоями, вода течет тонкой струйкой, а это значит, что внешний мир посылает мне сигнал — жизнь кончается. Энтропия нарастает. Вскоре у меня не будет ни воды, ни пищи, и мне останется лишь...

Умереть потому, что у меня не осталось больше еды?

Или умереть потому, что меня съели?

Мне кажется, эти два варианта мало различаются между собой. Выберу ли я смерть в результате действия или бездействия, я все равно выберу смерть. Меня загнали в угол. Думаю, это не так уж и плохо — ведь я стану не жертвой своей смерти. Я стану участником.

Когда я умру (что произойдет уже скоро, если у меня не отнимут возможность выбора), буду ли я последним? В моем изолированном положении я не могу этого знать. Я никогда этого не узнаю. Думаю, что каждый из нас, кем бы мы ни были, покажется последним себе самому. А если человек кажется себе последним, он и есть последний.

Но если благодаря какому-то чуду я не последний человек, рассказывающий последний рассказ, если есть еще люди, которые когда-нибудь прочтут эти строки, если им удастся восстановить цивилизацию на этой планете, балансирующей сейчас между жизнью и смертью, вспоминайте обо мне время от времени, занимаясь своими ежедневными делами. Вспоминайте о нас. Я жил в то время, когда надежды не было, чувствовал, что, кроме меня, на свете нет ни одного живого человека и новой жизни никогда не будет.

Я хотел бы, чтобы вы постигли это время, как я постиг времена, бывшие до меня. Я хотел бы верить, что когда-нибудь вы придете и прочтете эти строки, даже если вы не люди, даже если вы — пришельцы... Допустим, через миллион лет вы прилетите в Солнечную систему и обнаружите Землю, третью от Солнца планету, но найдете здесь лишь блуждающих мертвецов, тех же, что встречал и я, все еще охотящихся, ищущих чего-то, почти как когда-то мы, люди, только бессмертных. Сможете ли вы понять, кем мы ко-

гда-то были, или вы просто замрете в ужасе, удивляясь, как эти неловкие существа смогли создать подобную цивилизацию, а затем, очевидно, забыть о ее существовании. Если вы придете сюда, в это здание, в этот подвал, и увидите эти страницы, вы узнаете. Это важно — вы должны узнать.

В любом случае не думаю, что кто-то сюда придет. Может быть, у меня богатое воображение, может быть, я мечтатель, но я не могу жить ни в воображении, ни в мечтах.

И скоро я умру. Силы мои на исходе, и, поскольку я сомневаюсь в вашем существовании, не знаю, зачем я трачу энергию на написание этих строк.

Ну... может быть, и знаю.

Я не могу перестать писать.

Нет, пожалуй... могу.

Только это случится, когда я перестану существовать.

И поскольку у меня не осталось больше сил... пришло время для того и для другого.

Я не могу писать. Я едва могу думать. Я могу лишь выбирать.

Итак, до свидания.

На тот случай, если вы удивите меня и все-таки придете прочесть эти строки, давайте закончим все так.

Умер ли я от голода? Съели ли меня? Пока я пишу эти слова, не происходит ни того ни другого, и я продолжаю существовать, в вечности, навсегда живой, бессмертный, как оживший мертвец. Я все еще могу быть с вами.

Кем бы вы ни были, откуда бы вы ни пришли, пока вы существуете, если вы существуете... не давайте мне умереть.

Так что, возможно, я ошибаюсь.

Возможно, только радости творчества, искусства ради искусства, может быть достаточно для писателя. Сейчас, когда я делаю свой выбор, мне больше ничего не нужно.

А тем временем наш человек, копающийся палкой в своем поле на другом конце земного шара и спящий под другими звездами (помните его, того, кто ничего не знал о землетрясениях, наводнениях и падающих небоскребах?), просыпается до рассвета от дурных снов.

Пока он спал, странные видения имели для него смысл, но, когда он проснулся, смысл исчез. Он поднялся со своего соломенного матраца, разбудил сына и попытался рассказать ему о том, что видел, — ведь для его народа сны имеют значение, — но уже забыл о библиотеках, зомби и вкусе виноградного лимонада. Все, что он помнил, — это неуютное ощущение нахождения в центре большого города, что для него уже само по себе было достаточно страшно.

Он слышал о таких местах, но не знал никого, кто побывал бы там. Он радовался, что родился здесь, на собственном клочке земли, окруженном горами, что у него есть палка и сын, которого нужно научить обходиться немногим.

Но этого ему достаточно. Чего ему еще требовать? Жену для себя и мать для мальчика, возможно... но еще? Это будут излишества, в которых он не нуждается.

Но на следующее утро, если его спросят, что ему приснилось сегодня, он ответит: «Приснилось? Я не помню никаких снов». И хотя некоторые люди могут осуждать его за подобный образ жизни, он живет в гармонии со своей вселенной. Он будет продолжать жить так и дальше, довольный собой, безмятежный, в полном и счастливом неведении того, что на другом конце света почти последний человек на Земле думает, что он закончил почти последний рассказ.

ДЖОН ЛЭНГАН

Закат

Джон Лэнган — автор нескольких рассказов, среди которых — «Эпизод седьмой: последняя битва со стаей в Королевстве Пурпурных Цветов» («Episode Seven: Last Stand against the Pack in the Kingdom of Purple Flowers»), вошедший в антологию «Апокалипсис» («Wastelands: Stories of Apocalypse»). Впервые этот рассказ, как и все произведения Лэнгана, был опубликован в журнале «The Magazine of Fantasy & Science Fiction». В ближайшее время должен появиться сборник «Мистер Гонт и другие странные встречи» («Mr. Gaunt and Other Uneasy Encounters»), в который войдут все произведения писателя, в том числе неопубликованная новелла. Кроме того, его новый рассказ будет включен в антологию Эллен Дэтлоу «По» («Poe»).

В рассказе «Закат», воплощена идея автора — написать монолог Помощника Режиссера из пьесы Торнтона Уайлдера «Наш городок», чей «городок» подвергся нашествию зомби. «Не знаю точно, что подсказало мне мысль совместить эти две вещи, — говорит Лэнган. — Я увидел некий черный юмор в том, как деревенские мудрствования Помощника Режиссера контрастируют с ужасами нашествия зомби, и это показалось мне оригинальным».

Посвящается Фионе,
с благодарностью
Джону Джозефу Адамсу.

На сцене совершенно темно. Это темнота поздней ночи, когда уже закончились третьесортные ток-шоу, а по телевизору крутят бесконечные рекламные ролики, киношки, прерывающиеся на рекламу посередине диалога, с актерами, у которых рты открываются несинхронно с озвучением, и повторы дневных новостей, которые неохота смотреть даже в первый раз. Зритель может различить (изо всех сил напрягая зрение) ряд каких-то небольших прямоугольников, выстроившихся поперек сцены, а на заднем

плане — более массивный, но бесформенный объект. Небо абсолютно черное: ни луны, ни звезд.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА включает большой фонарь и проводит ярким лучом перед собой, освещая зрительный зал, — один, два, три раза. Эффект неожиданности от внезапно зажегшегося света усиливается мечущимися по залу тенями, шелестом кистей по барабану, имитирующим проносящийся в кронах деревьев ветер, и треском «дождевых палочек»[1]*, напоминающим скорее стук костей, чем дождь.*

Осмотрев, к своему явному удовлетворению, зрительный зал, ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА обращается к сцене. Свет фонаря позволяет аудитории разглядеть ряд могильных камней, протянувшийся от одной кулисы до другой; два из них почти полностью ушли в землю, три — сгрудились в кучку. Даже при беглом осмотре ясно, что это старые надгробия. Камень растрескался, надписи почти стерлись от воздействия дождя и ветра. Луч света на мгновение задерживается на каком-то темном силуэте за могилами — оказывается, это невысокий, развесистый ивовый куст. ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА ставит фонарь на пол лампочкой вверх, и свет образует в воздухе желтый конус. Сам он садится рядом, прислонившись спиной к могильному камню, и с трудом скрещивает ноги.

Следует добавить, что фигуру ПОМОЩНИКА РЕЖИССЕРА трудно разглядеть, хотя он сидит рядом с фонарем. Зритель может предположить, что ему около пятидесяти, плюс-минус десять лет. У него глубоко посаженные глаза, скрытые под густыми бровями и козырьком поношенной бейсболки. Толстый нос, вероятно, был сломан в какой-то давней стычке; тени на лице мешают определить, носит ли он усы; но широкий подбородок гладко выбрит. Его этническая принадлежность также неясна; он может сыграть роль троюродного кузена на семейной встрече любого из зрителей и выглядеть там вполне на своем месте. Он одет тепло, по-

[1] *«Дождевая палочка»* (англ. rainstick) — чилийский музыкальный инструмент в виде полой трубки, заполненной зернами; при встряхивании производит звук, подобный шуму дождя.

осеннему — в короткую куртку, фланелевую рубашку, джинсы и тяжелые ботинки.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Зомби. Как это часто бывает в жизни, после глянцевых голливудских фильмов, напичканных спецэффектами, реальность шокирует. Взять хотя бы эти миазмы — отвратительную вонь, сочетающую в себе худшие оттенки запаха сточных вод и тухлого мяса со слабыми следами формальдегида. Раньше люди думали, что так пахнет вещество, которым обрабатывают покойников в морге — не знаю, в чем они там мариновали дорогую тетушку Миртль, но оказалось, что дело не в этом. Этот запах присущ самим зомби. Некоторые ученые и медики предполагают, что это запах того вещества, которое заставило мертвецов выйти из могил и бродить по земле; хотя, насколько я понимаю, другие ученые и врачи не согласны с этим мнением. Но вам не обязательно знать происхождение этого запаха, чтобы понять, что он исходит от оживших трупов.

И вот еще что. До того, как появились зомби, мы и представления не имели, насколько они живучи. Вы стреляете им в грудь, но они продолжают на вас наступать. Вы стреляете по ногам — дьявол, вы начисто отрываете твари ногу выстрелом в упор из дробовика... Она заваливается набок, пару минут ерзает на месте, затем до нее доходит, что можно перевернуться на живот и подтягиваться руками, отталкиваясь от земли оставшейся ногой. А в это время отстреленная конечность дергается, как сумасшедшая, и кажется, что, будь в ней побольше нервных клеток, она бы продолжила гнаться за вами. Можно стрелять в голову — верно, это работает, разрушает их мозг, и они дохнут. Но вы представляете, каково хотя бы с близкого расстояния попасть в голову движущейся цели, даже если движется она медленно? Особенно когда у вас в руках не суперсовременная снайперская винтовка, а куцый револьвер тридцать восьмого калибра, купленный десять лет назад после ограбления у соседей и с тех пор забытый в шкафу. А если к тому же лицо, в которое вы целитесь, принадлежит вашему пастору, еще в прошлую субботу убеждавшему сильно поредевшую паству не терять надежды перед лицом испытания, ниспосланного Богом?

Высоко над головой ПОМОЩНИКА РЕЖИССЕРА вспыхивает прожектор, освещая ОУЭНА ТРЕЦЦУ, стоящего в зале, в главном проходе, недалеко от сцены. Он смотрит в сторону партера. На вид ему за тридцать, темные волосы торчат в разные стороны, как у человека, который не мылся и не причесывался несколько дней, правая дужка очков замотана скотчем, на подбородке и щеках видна щетина, готовая превратиться в бороду. Джинсовая куртка и штаны покрыты пятнами грязи, травы и чего-то еще — будем думать, что это растительное масло. Зеленая футболка, если и не совсем чистая, все же не имеет видимых пятен, хотя буквы, красовавшиеся когда-то на груди, стерлись, оставив лишь несколько белых кусочков. В вытянутой правой руке он держит короткий револьвер, на стволе которого выгравированы какие-то буквы; рука заметно дрожит. ТРЕЦЦА целится в кого-то, скрытого в темноте, куда не достает свет прожектора.

ОУЭН. О Господи. О Иисусе Христе. Стойте. Стойте на месте! Пастор Паркс? Пожалуйста, не подходите ближе. Пастор? Это Оуэн. Оуэн Трецца. Прошу вас, оставайтесь там, где стоите. Я не хочу — вам на самом деле не стоит подходить. Я просто должен убедиться... Господи. Пожалуйста. Оуэн Трецца — я посещал десятичасовую службу. Со своей женой, Кэти. Мы сидели с левой стороны от прохода — если смотреть от дверей, — во втором или третьем ряду. Пастор Паркс? Вы не могли бы остановиться? Я знаю, что вы напуганы, но... прошу вас. Если вы не остановитесь, я буду стрелять. Это Оуэн. Моя жена ждет первого ребенка. У нее рыжие волосы. Остановитесь, пожалуйста. Просто остановитесь, прошу вас. Черт подери, пастор, я буду стрелять! Я не хотел, но вы не оставляете мне выбора. Прошу вас! Я не хочу нажимать на курок, но, если вы сделаете еще шаг, мне придется это сделать. Не заставляйте меня делать это. Остановитесь, ради Христа! У меня скоро будет ребенок. Я не хочу стрелять в вас.

Откуда-то из темноты доносится шарканье дешевых кожаных туфель по ковру.

ОУЭН. Пастор Паркс — Майкл — Майкл Паркс, это последнее предупреждение. Стойте на месте. Стойте. На месте.

Туфли продолжают шуршать по полу. Со стороны задних рядов распространяется кошмарный запах, подобный миазмам, исходящим от туши оленя двухдневной давности, лопнувшей на солнце. Рука ОУЭНА сильно дрожит. Он вцепляется левой рукой в правое запястье, и это позволяет ему нажать на курок. Раздается выстрел — словно кто-то запустил особенно шумную петарду, — и револьвер отбрасывает назад и вверх. ОУЭН снова пытается прицелиться.

ОУЭН. Ну, хорошо — это был предупредительный выстрел. А теперь прошу вас: ни шага больше.

Шуршание продолжается; на границе светлого круга от прожектора возникает какая-то фигура. ОУЭН стреляет еще раз; пистолет снова с треском отскакивает назад. ОУЭН перехватывает оружие поудобнее и стреляет четыре раза подряд, стараясь целиться перед собой. В воздухе повисает едкий запах пороха. На свет появляется фигура с повисшими руками и негнущейся спиной, раскачиваясь при ходьбе, как маятник. Это мужчина лет на десять старше ОУЭНА, одетый в широкие броки цвета хаки и черную рубашку с короткими рукавами; белый стоячий воротничок покрыт коркой засохшей крови. Кроме крови на воротничке, на принадлежность существа к зомби указывает раскрытая рваная рана на шее, в которой виднеется плоть цвета лежалой печени; и кожа серого цвета. Лицо видно плохо, но можно разглядеть, что мышцы его расслаблены, челюсть отвисла, глаза смотрят бессмысленно. Щелкает курок — это ОУЭН пытается выстрелить из разряженного револьвера.

ОУЭН. Ну же, пастор Паркс. Простите, что назвал вас Майклом. Ну же — я знаю, что вы меня слышите. Стойте. Прошу вас, остановитесь. Пожалуйста, остановитесь. Ради Господа Бога, остановитесь, черт вас подери!

ПАСТОР МАЙКЛ ПАРКС — то есть зомби, прежде известный под этим именем, — не реагирует на последний приказ ОУЭНА, точно так же как и на предыдущие. Рука ОУЭНА падает. Лицо его на миг каменеет — так выглядит человек перед лицом неминуемой гибели, но затем на нем выражается протест. Он открывает рот, чтобы заговорить.

Что бы он ни собирался произнести — мольбу, угрозы или ругательства, слова так и остаются непроизнесенны-

ми; в этот миг раздается оглушительный грохот. Одновременно из затылка ПАСТОРА ПАРКСА вырывается фонтан черной крови, свернувшихся мозгов и осколков черепа, забрызгивая зрителей, сидящих по обе стороны от прохода. Священник валится на пол.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА встает. В правой руке у него длинный пистолет, из дула которого поднимается дымок. Несколько секунд он продолжает целиться в неподвижное тело пастора, затем засовывает пистолет в наплечную кобуру. ОУЭН ТРЕЦЦА не сводит взгляда с тела; свет гаснет. ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА снова садится на свое место.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Нет, конечно, среди мужчин — да и женщин, пожалуй, — наверняка найдутся снайперы, но таких явное меньшинство. Большинство людей вынуждены пользоваться другими методами. Некоторые несостоявшиеся мачо пытались изображать Конана Варвара, бросаясь навстречу зомби с топором в одной руке и мясницким ножом — в другой. Один особенно мозговитый экземпляр, могучий парень по имени Гэри Флосс, решил применить против мертвецов бензопилу, купленную для того, чтобы свалить ели, росшие у него перед домом. Кстати, с деревьями он погорячился — после этого все увидели, в каком непотребном состоянии находится дом Гэри. Проблема состоит в том, что топор в вашей руке — это не оружие; это инструмент, с помощью которого вы колете щепки для камина. Возможно, он достаточно остер для того, чтобы расколоть всю поленницу, но им невозможно снести человеку голову одним ударом вашей могучей руки. То же относится и к ножу, зажатому в вашей потной левой ладони; это кухонная утварь. Вспомните, как трудно этим ножом отрезать кусок мяса — кусок, который не старается добраться до вас и сожрать ваши мозги, — и подумайте дважды, прежде чем собраться отсечь кому-нибудь руку или ногу. Даже если вы раздобудете острый как бритва топор и настоящий отточенный мачете, помните, что убивать с их помощью легко только в кино. В реальности никто не может просто так взять эту штуку и начать умело обращаться с ней; в этом деле нужна тренировка. Иначе топор, скорее всего, просто застрянет в ключице врага, а лучший нож, гордость вашей кухни, угодит куда-нибудь в бок.

А что касается Гэри Флосса и его бензопилы, я скажу, что с такими пилами нужна осторожность, не то легко можно лишиться руки.

Справа и слева от сцены раздается звук заводящейся пилы. Она визжит раз, другой, затем высота звука меняется — пила вонзается во что-то. Визг смешивается с мужским воплем, затем наступает тишина.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Вот огонь на них действует. Зомби скорее побежит от огня, чем погонится за новой жертвой. Проблема лишь в том, что они плохо воспламеняются — не лучше, чем вы или я, — так что необходимо найти какое-то средство, чтобы огонь разгорелся. С этим может справиться, например, самодельный напалм Билли Джо Ройяла. Остатки чувства гражданской ответственности запрещают мне раскрывать состав зажигательной смеси Билли Джо, которую он разработал по рецептам, вычитанным в... по-моему, в «Поваренной книге анархиста»[1]. А может, в каком-то старом выпуске «Солдата удачи»[2]. Или узнал из программы на канале «Дискавери», еще до того, как прекратились трансляции. Кстати, вот какая странная штука: вы знаете, что канал «Хистори» все еще работает? Все остальные давно пропали, хотя время от времени одной из местных станций удается вести передачу. В последний раз я смотрел телевизор дней десять назад — филиал ABC показывал урезанный выпуск новостей, в котором не было ничего, о чем я сам не слышал или не мог бы догадаться; потом шли серии «Больницы»[3] конца девяностых. Не знаю, откуда транслируют «Хистори», но кто-то двадцать четыре часа в сутки крутит документальные фильмы

---

[1] *«Поваренная книга анархиста»* («Anarchist's Cookbook») — пособие по использованию бытовых материалов, веществ и предметов для изготовления в домашних условиях оружия, взрывных устройств, ядов. Написана в конце шестидесятых годов американцем Уильямом Пауэллом (William Powell) как протест против войны во Вьетнаме.

[2] *«Солдат удачи»* («Soldier of Fortune») — американское периодическое издание, посвященное вооруженным конфликтам, повстанческим движениям, терроризму.

[3] *«Больница»* («General Hospital») — американская «мыльная опера», показ которой начат в 1963 г. телекомпанией «American Broadcasting Company» (ABC).

о Второй мировой войне, повторяющиеся снова и снова. От операции «Оверлорд»[1] вы возвращаетесь к Перл-Харбору и Анцио[2]. Черно-белые фильмы перемежаются цветастой рекламой сетей ресторанов, закрытых уже месяц, автомобилей, которые примерно столько же не ездят по дорогам, фильмов, так и не добравшихся до кинотеатров. По правде говоря, мне кажется, что люди, имеющие глупость расходовать энергию своего генератора на телевидение, смотрят его скорее ради рекламы, чем из ностальгии по ветеранам войны. В наши дни «Биг-Мак» кажется почти сказочным угощением, «кадиллак» — упаднической роскошью, а новый фильм — невероятным излишеством.

Однако я немного отклонился от темы. Мы говорили о Билли Джо и его напалме, изготовленном в ванной. К тому времени, как он добился нормальных результатов, ситуация уже превратилась из не слишком хорошей в катастрофическую — и всего за пару дней. Там, где мы...

Вот черт. Я же так и не сказал вам, как называется это место, да? Мои извинения. Дело в том, что... зомби теперь чуть ли не самое главное во вселенной, так что они становятся неизбежной темой для разговоров, как раньше погода. Наш городок называется Гудхоуп Кроссинг, а я сижу на городском кладбище, что сразу за голландской реформистской церковью. Это его самая старая часть; более новые могилы находятся...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА показывает на зрительный зал.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Ну-ну, расслабьтесь. Сейчас нигде не чувствуешь себя в безопасности, и на кладбище не хуже, чем в других местах. Уже довольно давно — по-моему, не меньше сорока лет назад — местные власти издали закон, по которому все тела должны быть захоронены в герметичных гробах, а гробы — размещены в склепе. Чтобы предотвратить заражение грунтовых вод и тому

---

[1] *Операция «Оверлорд»* — операция союзных войск по высадке во Франции, начавшаяся рано утром 6 июня 1944 г. и закончившаяся 19 августа 1944 г., когда союзники пересекли Сену. Операция открыла Западный фронт в Европе во Второй мировой войне.

[2] *Анцио* — город в Италии, место высадки союзных войск в январе 1944 г.

подобное. Зомби многократно демонстрировали способность выбираться из самых разных гробов, но я еще не слышал о побегах из склепов. Напротив, слухи утверждают, что ожившие мертвецы не сильнее нас с вами; а на самом деле, как правило, они даже слабее. И чем дольше они обходятся без пищи, тем слабее они становятся. Мышцы разлагаются, ну, вы понимаете. От голода зомби не умирают — у них просто замедляются движения, пока они не превращаются в неподвижные тела. Так сказать, впадают в спячку. Так что весьма вероятно, что у тех, кто застрял там, в грязи, давно закончилось горючее. Я, конечно, только высказываю предположение и не собираюсь его проверять.

Однако те, кто умер прежде, чем мертвецов стали хоронить в склепах, смогли выбраться на поверхность. Большинство из них изначально были не в лучшей форме, а после трудоемкого процесса разламывания гроба и прокапывания себе пути через шесть футов земли — а почва в наших местах плотная, глинистая, в ней полно камней — состояние их явно не улучшилось. У некоторых, самых старых, не хватало конечностей, были и такие, что не смогли выбраться на поверхность или даже начать это дело.

С правой стороны сцены внезапно зажигается софит, отбрасывая тусклый желтый свет на могильные камни и ДЖЕННИФЕР и ДЖЕКСОНА ХОУЛЕНДОВ. Она стоит за одним из надгробий, он сидит на могиле, немного справа от камня. Они брат и сестра, друзья их родителей между собой называют их «ирландскими близнецами»[1]: ДЖЕННИФЕР на десять месяцев старше брата, ей семнадцать, ему шестнадцать. Взглянув на них, сразу можно понять, что это брат и сестра: у них схожие фигуры — высокие, крепкие; одинаковые угловатые лица, карие глаза, волнистые темные волосы. Оба одеты в оранжевые охотничьи шапочки, оранжевые охотничьи фуфайки поверх свитеров с вязаными «косами», джинсы и ботинки на толстой подошве. ДЖЕННИФЕР прислоняет дробовик к бедру и достает жевательную ре-

[1] *«Ирландские близнецы»* — пренебрежительное название погодков; выражение, вероятно, возникло потому, что в ирландских католических семьях обычно бывает много детей, часто с небольшой разницей в возрасте.

зинку. ДЖЕКСОН положил свое ружье на тропинку позади себя; опершись подбородком на сжатые кулаки, он смотрит в землю.

ДЖЕННИФЕР. А я говорю, что ты сидишь слишком близко.

ДЖЕКСОН. Да все нормально, Джен.

ДЖЕННИФЕР. Ага, посмотрим, как это будет «нормально», когда мне придется разнести тебе башку, чтобы не превратиться в твой «Счастливый завтрак».

ДЖЕКСОН картинно вздыхает, отодвигается назад, туда, где лежит его ружье.

ДЖЕКСОН. Ну вот. Так лучше?

ДЖЕННИФЕР. Лучше, если мертвец, на могиле которого ты сидишь, не решит, что из твоей задницы получится неплохой обед.

ДЖЕКСОН бросает на нее сердитый взгляд и встает.

ДЖЕННИФЕР. Ты ничего не забыл?

Она кивает в сторону дробовика, лежащего на земле. ДЖЕКСОН засовывает руки в карманы фуфайки.

ДЖЕКСОН. Если кто-нибудь появится, у меня будет полно времени взять ружье.

ДЖЕННИФЕР. Не обязательно. Кристина Комптон рассказывала, что на ее семью напала пара поедателей, передвигавшихся, как чемпионы по бегу.

ДЖЕКСОН. Ну надо же.

ДЖЕННИФЕР. А зачем бы ей сочинять?

ДЖЕКСОН. Она... Мистер Комптон их прикончил?

ДЖЕННИФЕР. Вообще-то их убила миссис Комптон. Отец Кристины совсем не умеет стрелять.

ДЖЕКСОН. Неважно — они же оба подохли, эти зомби-спринтеры. Так что нам не о чем беспокоиться — на нас они не нападут.

ДЖЕННИФЕР. Может, такие еще есть. Откуда ты знаешь?

ДЖЕКСОН. Я рискну. *(Пауза.)* А вообще, нам здесь совсем не обязательно болтаться.

ДЖЕННИФЕР. Да?

ДЖЕКСОН. А ты не думаешь, что если прапрабабушка Роза собирается вернуться, она уже это сделала? Я хочу

сказать, что прошло уже — сколько? Десять дней? Две недели? С тех пор, как вылезли последние. И им это не сразу удалось.

ДЖЕННИФЕР. Вот именно, а это значит, что есть другие, которым понадобится еще больше времени.

ДЖЕКСОН. Ты и впрямь в это веришь?

ДЖЕННИФЕР. Послушай — ведь нас папа попросил, а?

ДЖЕКСОН. И мы все знаем, что в последнее время папа просто образец душевного здоровья.

ДЖЕННИФЕР. А ты чего хотел? После того, что случилось с мамой и Лизой...

ДЖЕКСОН. Это он так говорит.

ДЖЕННИФЕР. Давай не будем снова начинать эти дерьмовые разговоры.

ДЖЕКСОН. Я просто говорю, что их было трое в машине — да не просто в машине, в «хаммере». У них были пушки. Как могло такое произойти? Это справедливый вопрос. Хотел бы я узнать, каким образом все это закончилось...

ДЖЕННИФЕР. Просто заткнись.

ДЖЕКСОН. Как хочешь.

Брат и сестра смотрят в разные стороны. ДЖЕКСОН отправляется направо, бродить среди памятников, почти уходит со сцены, затем медленно разворачивается и возвращается к могиле прапрабабушки. В это время ДЖЕННИФЕР проверяет свое оружие, прицеливается в землю перед надгробием, затем снова ставит ружье у бедра. ДЖЕКСОН переступает через свой дробовик и садится на корточки около могилы.

ДЖЕКСОН. А папа ее хоть видел когда-нибудь?

ДЖЕННИФЕР. Свою бабушку? Вряд ли. Она, по-моему, умерла еще до того, как он родился. Вроде много лет назад, когда дедушка Джек еще был маленьким.

ДЖЕКСОН. Может, и так. Я не помню. Мы с отцом никогда не говорили об этой чепухе — семейной истории.

ДЖЕННИФЕР. Да, я уверена, что он ее никогда не видел.

ДЖЕКСОН. Прекрасно.

Еще одна пауза.

ДЖЕННИФЕР. Хочешь знать, о чем я все время думаю?

ДЖЕКСОН. А у меня есть выбор?

ДЖЕННИФЕР. Знаешь, да пошел ты. Если будешь так себя вести, убирайся к...

ДЖЕКСОН. Ладно, извини. Извини, черт тебя возьми.

ДЖЕННИФЕР. Все, проехали.

ДЖЕКСОН. Я серьезно. Ну, Джен. Извини.

ДЖЕННИФЕР. Я хотела сказать, что у меня всю неделю не выходит из головы тот День благодарения, когда мы ездили к деду Джеку. И клюквенный соус, который приготовил папа...

ДЖЕКСОН. О да, да! Боже, это было ужасно. И чего он только туда положил...

ДЖЕННИФЕР. Перец чили.

ДЖЕКСОН. Да! Да! Помнишь, как дед закашлялся...

ДЖЕННИФЕР. И его челюсть вылетела прямо маме на тарелку!

ДЖЕКСОН. Да-а... *(Вытирает слезы.)* Эй. *(Поднимается, пристально смотрит на могилу.)* Это... Что это такое?

ДЖЕННИФЕР. Где?

ДЖЕКСОН. *(Указывает.)* Вон там. Посередине. Видишь, как земля...

ДЖЕННИФЕР берет ружье, прислоняет приклад к плечу, опускает ствол и обходит могилу.

ДЖЕННИФЕР. Покажи.

ДЖЕКСОН опускается на колени, правая рука его в дюйме от земли.

ДЖЕННИФЕР. Не так близко.

ДЖЕКСОН. Смотри, видишь?

ДЖЕННИФЕР кивает. ДЖЕКСОН встает, отступает, чтобы взять ружье, и чуть не падает, споткнувшись о него.

ДЖЕННИФЕР. Лучше тебе зажать уши.

ДЖЕННИФЕР пять раз стреляет в могилу. Во все стороны летит земля; ДЖЕКСОН закрывает уши ладонями. Дробовик оглушительно грохочет, эхо выстрелов разносится по зрительному залу. Возникает большое облако порохового дыма; когда ДЖЕННИФЕР отступает назад и опускает ружье, ДЖЕКСОН кашляет и машет руками, чтобы отогнать дым.

ДЖЕКСОН. Вот дерьмо.

ДЖЕННИФЕР. А ты как думал? Надо было все сделать как следует.

ДЖЕКСОН. Это была она?

ДЖЕННИФЕР. Думаю, что да. Что-то копошилось прямо у поверхности.

ДЖЕКСОН. Будем надеяться, что это был не сурок.

ДЖЕННИФЕР. А ты видишь где-нибудь кишки сурка?

ДЖЕКСОН. Я вообще мало что вижу. *(Наклоняется, поднимает ружье.)* Теперь мы можем идти домой?

ДЖЕННИФЕР. Наверное, следует еще пару минут подождать, просто чтобы быть уверенными.

ДЖЕКСОН. Замечательно.

Оба смотрят на могилу. Свет гаснет.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Брат и сестра.

Ну так вот. Что вам еще нужно знать о нашем городке? Не думаю, что широта и долгота вам что-то скажут; мне кажется, лучше будет сообщить, что Нью-Йорк находится примерно в полутора часах езды к югу, Хартфорд — в полутора часах к востоку, а река Гудзон — на западе, до нее двадцать минут. Обычно здесь жарко летом и холодно зимой. Зимой выпадает достаточно снега, чтобы дети могли как следует повеселиться; летом бывают такие жестокие грозы, что образуются настоящие торнадо. Когда-то здесь жили главным образом сотрудники корпорации Ай-Би-Эм и «синие воротнички», переехавшие из Нью-Йорка работать в фирмах вроде «Консолидейтед Эдисон»[1]. Ситуация с населением менялась дважды. В начале девяностых, когда для Ай-Би-Эм настали тяжелые времена, тысячи мужчин и женщин не первой молодости вынуждены были разъехаться из городка в поисках другой работы. Возрождение наступило после 11 сентября. Богачи внезапно решили, что Манхэттен — неподходящее место жительства, и поняли, что на те деньги, на которые в Нью-Йорке купишь только крошечный чулан, здесь можно приобрести просторный дом и хороший участок, причем отсюда можно каждый день ездить в город на работу.

После затяжного кризиса в жилищном строительстве, последовавшего за крахом Ай-Би-Эм, цены на недвижимость взлетели вверх, как ракеты на празднования Дня независи-

[1] *«Консолидейтед Эдисон»* (Consolidated Edison, Inc.) — один из крупнейших в США производителей и поставщиков электроэнергии.

мости. Переселение среднего класса — думаю, вы это так назовете. Это означает, что ваш дом существенно вырос в цене за какой-нибудь месяц — не за одну ночь, конечно нет, не так стремительно, но все же достаточно быстро. Цены подскочили на тридцать, сорок, пятьдесят процентов, иногда и выше, в зависимости от того, как близко дом находился от станции Северной пригородной железной дороги или шоссе Таконик. Это означало также рост строительства новых домов — в основном шикарных. Конечно, это были не совсем «Мак-Особняки»[1], но все же довольно большие дома. Снаружи они казались просторными, а внутри были неудобны, соседние особняки почти примыкали друг к другу. Участочки перед домами были настолько малы, что хозяева иногда сомневались, стоит ли этот клочок травы усилий, затрачиваемых на возню с газонокосилкой по субботам. Если человек владел за городом значительным участком земли, соблазн получить наличными от подрядчиков оказывался почти непреодолимым. Ферма, никогда не являвшаяся, что называется, золотым дном, и в течение безобразно долгого времени съедавшая больше денег, чем приносила, превращалась в двенадцать—пятнадцать кусочков земли, в новую коммуну под названием, например, «Садовые холмы», и бывший владелец мог считать, что это название выбрано в знак уважения к нему.

Обширное строительство имело неутешительные последствия: когда зомби появились у нас в значительных количествах, в этих огромных «коробках для завтраков» их ждали множество семей.

На уровне балкона зажигается очередной прожектор; его точно сфокусированный луч падает на МЭРИ ФИЛЛИПС, стоящую перед оркестровой ямой. Хотя лицо женщины обращено к публике, она никуда конкретно не смотрит. Ей не больше тридцати. Рыжие волосы недавно подстрижены — и подстрижены странно: местами виднеются какие-то плеши, просвечивает череп, местами торчат пучки и пара длинных прядей, глядя на которые можно угадать, какая у нее рань-

[1] *«Мак-Особняк»* («McMansion») — в США презрительное название однотипных домов, строящихся на месте бедных кварталов или на незаселенной территории. Обычно это большие особняки, по цене доступные наиболее обеспеченным представителям среднего класса.

ше была прическа. На лице, покрытом едва заметными веснушками, видимо, недавно чернел огромный синяк, сейчас превратившийся в пеструю желто-зеленую мешанину, у правого глаза виднеется пара более темных пятен. На ней длинная белая футболка в коричневатый горошек — причем «горошины» разбросаны беспорядочно,— почти новые темные джинсы и белые кроссовки, заляпанные грязью. Руки, стиснутые в кулаки, прижаты к бокам.

МЭРИ. Я была на кухне, кипятила воду для макарон. И ведь пару недель назад нам уже привезли бензин — смешно: все рушится... Это было после того, как удалось сдержать первую волну, и все политики и ученые мужи твердили: да, мы были на волосок от гибели, но худшее позади; того, что произошло в Индии, Азии, происходит сейчас в Южной Америке, никогда не случится здесь. И неважно, что этих тварей — мы называли их поедателями, потому что «зомби» звучит смешно,— этих поедателей видели в дюжине самых разных мест от Мэна до Калифорнии, в которых раньше они не встречались. Мы слышали рассказы... Наша соседка, Барбара Оденкирк, руководила отделом персонала в одном рекламном агентстве в Манхэттене и ездила в Нью-Йорк каждый день, со станции «Бикон». В последний наш разговор она рассказала мне, что вдоль дороги этих поедателей с каждым днем становится все больше. Она говорила, что люди в вагоне не слишком обращают на них внимание — если мертвецы подойдут близко к движущемуся поезду, им плохо придется. Я спросила ее, а как обстоят дела в местах, находящихся вдоль железной дороги, в этих городах, деревнях, хуторах,— я миллион раз проезжала мимо, когда мы начали встречаться с Тедом, и помнила все эти дома, приютившиеся среди леса. О, Барбара сказала, что местная полиция наверняка на высоте. Разумеется, это было не так. Не знаю почему. Когда зомби напали на стадион во время того матча в Колд-Спринге, мы были так поражены, шокированы, просто пришли в ярость. Нам тогда следовало упаковать вещи, запихнуть в свои «вольво» и «БМВ» самое необходимое и на полной скорости гнать прочь из города. Не знаю, правда, куда. Может быть, на север, в Адирондакские горы — я слышала, там дела

обстоят не так плохо. Даже в горах Катскилл мы были бы в относительной безопасности.

Но грузовик с бензином показался на нашей подъездной дорожке, как он это делал прежде каждые полгода, и электричество было чаще включено, чем выключено, и мы могли ездить в «Шоп-Райт»[1]. Конечно, товара на полках было меньше, чем всегда, мясной отдел опустел, не говоря уже об отделах деликатесов и рыбы. Но мы наполняли корзины своими обычными продуктами и не голодали, так что могли говорить себе, что президент прав и худшее позади. И даже почти верили в это. Когда первый натиск был в разгаре и казалось, что Орландо вот-вот полностью захватят, Тед приобрел переносной генератор. Все остальные бросились скупать всевозможные ружья, а мой муж — пожалуйста, просит меня помочь ему выгрузить из машины тяжеленную коробку. Он был напряжен — наверное, ждал, что я выбраню его за то, что он не привез из «Уол-Марта» охапку ружей. Но я не сердилась; если уж на то пошло, его предусмотрительность меня впечатлила. Я не особенно беспокоилась насчет оружия — тогда я еще верила в полицию и Национальную гвардию, а если бы власти оказались не в состоянии справиться с поедателями, меня окружали соседи, которые почти организовали свою охрану. С электричеством нам повезло; самое длительное отключение продолжалось всего сутки, как раз в день покупки генератора. Если верить Национальному радио, в некоторых местах света не было неделями. Но раз в два-три дня у нас все же бывали небольшие перебои, в основном на пять-десять секунд, несколько раз — на два часа. Теперь, когда у нас был генератор, а кроме того, несколько больших красных канистр бензина (не знаю, где Тед их раздобыл, ведь все уже выдавали по карточкам, и большая часть заправок относилась к этому весьма серьезно) — так вот, генератор давал мне чувство уверенности в завтрашнем дне, какой не дал бы никакой автомат. По правде говоря, меня больше беспокоило намерение Теда установить этот агрегат самостоятельно. Профессия ИТ-специалиста не даст вам магиче-

[1] *«Шоп-Райт», «Уол-Март»* — крупные сети супермаркетов в США.

ской способности умело обращаться абсолютно со всеми электроприборами — сколько раз я ему это говорила? Особенно когда Шон Рейнольд через два дома от нас, электрик, с удовольствием помогает всем с такими вещами. Но нет, Тед все может сделать сам, так он говорил и про домашний кинотеатр — а когда его подключал, в доме половина пробок вылетела. Ну и что мне оставалось делать? Я пошла и отключила от сети компьютеры и домашний кинотеатр.

Каким-то образом — с гораздо большим количеством ругани, чем детям допустимо слышать от отца, — ему удалось справиться с генератором, и вот почему в то утро я стояла у плиты, ожидая, пока закипит вода. Робби попросила на обед макарон с сыром, я согласилась, потому что Брайан тоже ел их за компанию, а кладовая была забита коробками с порошком. Это какая-то органическая субстанция, в которую нужно лишь добавить немного молока, чтобы получить сырный соус. Это казалось мне экономным, но порошок стоил недешево, так что не знаю, был ли в нем смысл. Свет отключили час назад, и, хотя мы старались пользоваться генератором как можно реже, я решила, что сейчас это совершенно необходимо. Я подождала, пока не настало время обеда, затем выбежала в заднюю дверь, пронеслась вниз по ступеням и нырнула под крыльцо, где Тед установил генератор. Когда муж был дома, он, услышав щелчок замка, бросал свои дела и несся в кухню, спрашивая меня, не опасно ли выходить. Что бы я ни отвечала, он настаивал на том, чтобы проверить самому, — как будто он в очках видел лучше, чем я со своим стопроцентным зрением. Это казалось мне смешным, но по-своему было приятно. Но на самом деле беспокоиться мне было не о чем — даже если за дверью поджидал поедатель. Они не слишком-то хорошо бегают, а большинство вообще с трудом передвигается. Ну, положим, со времен школьных кроссов прошло десять лет, и я успела обзавестись двумя детьми, но я все еще в неплохой форме после беготни за этими самыми детьми, так что мужу за мной не угнаться. Он считает, что физические упражнения — это убирать за собой посуду. В общем, я не боялась, что какой-нибудь поедатель сможет меня поймать. Из радиопередач я поняла, что они

наиболее опасны, когда собираются в большие группы и могут взять вас в кольцо. За домами тянется полоса леса, где может спрятаться немалое число врагов, но я была совершенно уверена, что, как только зомби появятся у забора, мои прекрасно вооруженные соседи изрешетят их. Мы пристально следили за лесом; я старалась осматривать окрестности регулярно, когда часы в холле играли электронный вариант боя Вестминстерских колоколов, но некоторые соседи подходили к окну каждые пятнадцать-двадцать минут. У Мэтта Оденкирка был мощный бинокль, на вид стоивший кучу денег, и он по несколько минут стоял на заднем крыльце, вглядываясь в лес. Похоже, он был убежден, что поедатели прячутся именно там, изо всех сил стараясь слиться с пейзажем. Все, что ему было нужно, — это заметить одного из них. Тогда он схватил бы такую же дорогущую на вид винтовку, прислоненную к перилам, и стал бы героем нашей улицы. Но этого так и не произошло. Не думаю, что ему удалось выстрелить из нее хотя бы раз... Не думаю, что она была у него в руках, когда... когда... когда они... когда он...

Генератор завелся без проблем; я успела вернуться в дом, прежде чем дети заметили мое отсутствие. Включила плиту и наполнила кастрюлю водой из кулера — что всегда бесило Теда. «Это только для питья,— говорил он.— Бери для готовки фильтрованную воду». Но у нашей воды странный вкус; удивительно, но от него никак не удавалось избавиться, сколько ни пропускай ее через фильтр. Как будто вы пьете из серного источника. «Что ты ерунду говоришь? — возмущался Тед.— Прекрасная вода». Отлично, говорила я, тогда бери и пей ее, и он, разумеется, пил, чтобы доказать свою правоту. Но сегодня он уехал в Ай-Би-Эм, потому что они еще работали,— понятия не имею, что он там мог делать, каким бизнесом они занимались, когда мир рушился,— и я, как всегда, брала для приготовления пищи воду из бутылок.

Я зажгла горелку, поставила на нее кастрюлю и включила радио. Обычно я его не слушала — кто знает, какие новости там сообщают сегодня? Допустим, Национальное радио было лучше большинства телеканалов, которые после ухудшения положения во Флориде и Алабаме начали передавать отснятый материал без обработки. Когда зомби

захватили Мобил[1], все смогли увидеть тамошнюю бойню в красках. Радио тоже послало в Мобил свою корреспондентку, и после того, как Национальная гвардия потерпела поражение, несчастная осталась одна в машине среди врагов. Поедатели схватили ее, и мы могли слышать, как все это было. Сначала они стучали в стекло, а она повторяла: «О нет, нет, пожалуйста». Затем стекла треснули, она закричала, и мы услышали, как поедатели шлепают своими лапами по обивке машины, пытаясь схватить женщину, услышали треск ее рвущейся одежды и их голоса. Я знаю, что о производимых зомби звуках много спорят, и неизвестно, выражают ли они связные мысли или это просто непроизвольные мышечные сокращения. Но я прослушала весь этот ужас от начала и до конца и могу поклясться, что это были голоса — мертвецы переговаривались. Не знаю, что именно они говорили — корреспондентка от ужаса и боли кричала изо всех сил. Я подумала, что хуже уже быть не может, но ошибалась. Раздался звук — такой звук бывает, когда вы отрываете ножку у индейки, приготовленной на День благодарения, долгий хруст, затем хлопок... только он был... мокрым. Голос корреспондентки становился все тише, затем она застонала — это был жуткий стон, такой стон издает человек, когда одной ногой уже находится в могиле и чувствует, что смерть тащит его за другую ногу. А дальше — дальше кто-то из поедателей сообразил, как открыть дверь машины. Одежда корреспондентки зашуршала по сиденью, когда ее вытаскивали наружу. Увидев, что ей конец, она застонала немного громче. А затем раздались такие звуки, как будто они разрывали индейку на несколько кусков — рывки и треск. Мы слышали, как поедатели пожирают корреспондентку, запихивая себе в рот куски ее плоти и рыча от удовольствия. Это...

Робби была уже достаточно большой, чтобы понимать, что говорят по радио, и даже Брайан улавливал больше, чем мы думали. Я не хотела, чтобы они услышали нечто подобное. Хватало и того, что они узнавали от соседских детей, особенно от девчонок Мак-Дональдов. Элис, их мать, при-

[1] *Мобил* — порт в штате Алабама.

надлежит к тем родителям, которые относятся к детям «с уважением», то есть позволяют им видеть и слышать такие вещи, для которых они еще слишком малы. Родители — мать не должна... мой долг состоит не в этом. Мой долг — моя священная обязанность — защищать своих детей, обеспечивать их безопасность, что бы ни... я должна защищать их, как бы ни...

Да, так о чем это я? Генератор заработал, и я отпустила детей смотреть мультики — из привычного ежедневного развлечения (иногда позволяемого и дважды в день) это превратилось в событие, равнозначное походу в кино. Они были так напуганы, что Робби даже захотела поскорее сесть смотреть надоевшую ей «Суперсемейку»[1], которую Брайан обожал. Итак, оставив их у телевизора, я смогла спокойно включить радио на небольшую громкость и попытаться узнать какие-нибудь новости, пока закипает вода.

И, как вы знаете, новости были неплохими. Я бы не назвала их хорошими, но Национальная гвардия, похоже, делала успехи. Они удержали Орландо, хотя, по-видимому, в Диснейленде им пришлось нелегко, и переловили много поедателей на одном из главных шоссе — не помню, на каком именно, скорее всего на шоссе № 1. Для этого пришлось задействовать военные самолеты; поедателей бомбили, пока они не разлетелись на мелкие кусочки. Если учесть то, что мы узнали о них несколько недель спустя, это оказалось самым худшим... Вместе с кусками их тел зараза распространилась на большой территории, но в тот момент это казалось нам удачей. Говорили о возвращении контроля над Мобилом; отряд «морских котиков» спас группу выживших, спрятавшихся в здании мэрии, а спецназ провел разведку в городе и даже почти добрался до гавани. Разумеется, власти всегда приукрашивают свои достижения, но я была расположена им верить.

К дому подъехал грузовик; я услышала рокот двигателя и шипение тормозов. Я отметила про себя этот факт, но не придала ему особого значения. Россы продали свой дом

[1] *«Суперсемейка»* («The Incredibles») — компьютерный анимационный фильм (2004 г.), рассказывающий о жизни супергероев.

через дорогу от нас супружеской паре из Нью-Йорка, и люди говорили, что за него был заплачен почти миллион долларов. Услышав такую цифру, мы с Тедом выпучили глаза и провели счастливые два часа, обсуждая, что сделаем со своим миллионом. Однако, когда мы, зайдя в Интернет, посмотрели цены на недвижимость в Адирондакских горах, наши фантазии разлетелись вдребезги. На севере за миллион едва можно было купить дом в два раза меньше нашего. Мы знали, что Канада закрыла границы, но все равно посмотрели тамошние цены. По нынешнему курсу доллара, крохотный дом стоил уже полтора миллиона. Стало ясно, что нам придется оставаться там, где мы есть. И у нас появились новые соседи, к которым приехал грузовик.

Иногда я думаю о водителе этой машины. Я ничего о нем не знаю — или о ней, это вполне могла быть женщина; хотя мне почему-то всегда представляется мужчина. Немолодой — ему примерно около пятидесяти, крепкого сложения, волосы подстрижены «ежиком», что не скрывает седины. Он уже достаточно пожил на свете, видел много разных кризисов, так что сейчас не паникует и просто выполняет свою работу. Больше никто в транспортной компании не решается ездить на север и рисковать жизнью на малонаселенных равнинах, но он рад возможности хоть на денек покинуть Нью-Йорк. У всех в городе нервы на пределе. У доков, аэропортов, железнодорожных станций и автобусных вокзалов толпятся солдаты и вооруженные до зубов полицейские. Все прибывающие в город обязательно проходят обследование у врача, которого стерегут два охранника и во время осмотра держат пациента на мушке. Малейшее подозрение — высокая температура, распухшие или болезненные гланды, необычный цвет языка — и путешественника ждет немедленный арест. Вооруженные люди уполномочены при попытке сопротивления вогнать вам в лоб пару пуль. Но хуже всего то, что теперь, когда полиция почти исчезла с улиц, некоторые горожане решили самостоятельно патрулировать кварталы в поисках поедателей. Они наделили себя правом останавливать и допрашивать любого человека, показавшегося им подозрительным, а если вы поинтересуетесь их полномочиями, они с радостью

продемонстрируют вам дула своих пистолетов и винтовок. Уже произошло крупное столкновение между двумя такими патрулями — противники обвиняли друг друга в том, что они поедатели. Пришлось вызвать копов, охранявших порт, чтобы взять ситуацию под контроль, что они и сделали, перестреляв большинство участников схватки.

Не думаю, что с водителем что-то случилось еще в городе. Скорее всего, он благополучно, без задержек миновал контрольно-пропускные пункты и отправился в путь. Стояло прекрасное сентябрьское утро, свежее, но не холодное, листья начинали желтеть, солнце светило ярко, но не жарило. Может быть, водитель включил радио, слушал одну из городских станций. Услышал новости из Флориды и подумал: «Следовало ожидать». Затем решил свернуть к ближайшей придорожной закусочной «Данкин Донатс» и отметить это событие кофе и пончиком с кремом.

Возможно, въехав на парковку, он заметил отсутствие машин. А может, увидел, что в кафе темно, и решил, что приехал во время затишья. Он припарковал грузовик, вылез из кабины и направился к стеклянной двери. Иногда я вижу, как он подходит к стойке, глядя на витрины с пончиками, не чувствуя ничего необычного; а потом замечает, что все полки пусты. Словно в замедленной съемке, он поворачивается к стоящим справа столикам и видит скользкий от крови пол, останки владельцев, разбросанные по столам. Тогда я думаю: «Это просто смешно; он не мог не заметить этого сразу, как только вошел». В ту самую секунду, как он открыл дверь, он должен был почувствовать запах. Хотя, возможно, он и не зашел так далеко — заметил забрызганные кровью стекла и немедленно повернул к машине. В любом случае — вылетел ли он пулей из закусочной или побежал прочь, не заходя внутрь, — он явно не замечал ничего вокруг, будучи в шоке от увиденного или почти увиденного. Наверное, ему приходилось смотреть на нечто подобное только по телевизору. Вот почему он не услышал шарканья ног по асфальту, пока поедатель не показался из-за кабины и чуть не столкнулся с ним. У водителя глаза лезут на лоб; если он никогда не видел таких ужасов, то наверняка и поедатель к нему и близко не подходил. Ноги его заплетаются, он спо-

тыкается, а поедатель, покачнувшись, падает на него. На какое-то кошмарное мгновение водитель оказывается под этой тварью, под вонючим трупом, который, щелкая зубами у его уха, пытается укусить его, тянется к нему своими лапами. Подняв правый локоть, водитель наносит удар врагу в лицо. Руку его пронзает острая боль, но поедатель откатывается прочь. Водитель вскакивает на ноги, отшвыривая конечности живого мертвеца, пытающегося заграбастать его, и запрыгивает в машину. Может быть, как раз в этот момент поедатель бьется о дверь, и ключи едва не вываливаются из рук водителя, который никак не может вставить их в замок зажигания. Зомби колотит в дверь, бросается на нее всем телом, чуть ли не сдвигает грузовик с места. Ключ поворачивается, двигатель ревет, и водитель рвет рычаг, включая первую передачу. Он несется прочь со стоянки, закладывая такой вираж, что сшибает телефонную будку; задняя дверь открывается, и пара пластиковых канистр вываливается на дорогу. Но шофер только крепче жмет на газ. Пусть их вычтут из его зарплаты. Сердце его колотится, как молот, руки, держащие руль, трясутся. Если он курит, то отчаянно жаждет закурить; если бросил, то жалеет об этом; если никогда не курил, то хотел бы быть курильщиком.

Только через тридцать-сорок минут, когда кафе исчезло из виду, водитель заметил пульсирующую боль в правом локте. Оглядевшись, он увидел на сиденье и на полу кровь. Вытянул руку. У него что-то сжалось внутри при виде клочьев кожи, залитых ярко-алой кровью, и пары сломанных зубов, торчащих из локтя как раз над суставом. Нога соскочила с педали газа; грузовик замедлил движение и еле полз. В глазах водителя потемнело; он подумал, что сейчас упадет в обморок. Перехватив руль правой рукой, он протянул левую и ощупал зазубренные края зубов поедателя. Они были скользкими от крови, и ему не сразу удалось схватить их. Он впился пальцами в локоть, пытаясь извлечь зубы, но от этого кровь лишь сильнее выступила. Выбора не было; ему придется остановиться. Водитель включил аварийку, свернул на обочину и остановился, но двигатель не выключил. Наклонившись, трясущимися руками с трудом достал из-под сиденья аптечку. Открыв ее, он отыскал бутылку со стерильным солевым рас-

твором и пачку марлевых подушечек. Вылив на локоть полбутылки воды, водитель развернул пару подушечек и промокнул кожу. В коробке нашелся пинцет; дрожащей рукой раненому кое-как удалось вытащить из локтя сначала один зуб, потом другой. Кровь пошла сильнее. Уронив пинцет и зубы на пол, водитель залил рану оставшимся раствором, промокнул кровь и соорудил повязку, обмотав ее пластырем.

До сих пор так и не выяснено, что заставило поедателей вылезать из земли, вставать со столов в моргах и траурных залах. Существует множество предположений на этот счет. Некоторые из них просто смешны — например, что ад переполнился. Мы с Тедом от души посмеялись над этим. Высказывались и другие гипотезы, более похожие на правду, но все же не доказанные. Один ученый из Центра контроля заболеваний говорил по радио о сверхбактериях, вроде каких-то мерзких стафилококков, которые могут колонизировать тело человека, чтобы тот добывал им новую пищу. Но мне кажется, для простого микроорганизма это слишком. А кроме того, ни на одного из поедателей, захваченных властями, антибиотики не оказали ни малейшего воздействия. Я высказала догадку, что оживление трупов вызвано несколькими видами бактерий, но Тед заявил, что это невозможно. Диплом компьютерщика автоматически сделал его также экспертом в бактериологии.

Мы знали только одно: если поедатель вас укусил, то, хотя вы и не превратились в обед, вам все равно пришел конец. Вы умрете, только немного позже — смерть наступит в пределах от тридцати минут до сорока восьми часов. Первыми симптомами являются сильный жар, набухшие гланды, боль в горле, язык, приобретающий цвет тухлого мяса; вскоре появляются галлюцинации, затем наступают конвульсии и смерть. В период от пяти минут до двух часов после того, как ваше сердце перестает биться, ваше тело, так сказать, воскресает. Болезнь эта неизлечима, и если вы явитесь к своему врачу, в больницу или в пункт первой помощи со зловещими симптомами, вас как можно быстрее отведут в специальную палату, прицепят к вам датчики сердцебиения и артериального давления и привяжут вас к кровати. Если в этот день в больницу поступил экспериментальный пре-

парат, его проверят на вас. Когда он не подействует, вам предложат последнее утешение священника и оставят наедине с неизбежным. За дверью палаты дежурит вооруженный охранник; когда приборы зарегистрируют вашу смерть, он войдет в комнату, вытащит пистолет и сделает так, чтобы вы не возвращались. Сначала охранников снабжали глушителями; но люди протестовали и говорили, что, слыша выстрелы, они чувствуют себя в безопасности.

Не знаю, что из этого было известно водителю, но думаю, что он имел представление о том, что его ждет у врача. Поэтому, обнаружив, что с ним произошло, он не поехал в ближайшую больницу. Вместо этого он выключил предупреждающие огни, дал газ и вернулся на дорогу. Возможно, он решил, что обязан совершить этот последний рейс, пока еще может, но я в этом сомневаюсь. Он был уже мертв; его телу лишь оставалось претерпеть кое-какие изменения. Однако его сознание... Факт смерти прошел мимо его сознания. Мозг говорил ему, что он просто оцарапал руку, от этого он не превратится в одну из этих кошмарных тварей, и если он продолжит делать свою работу, все будет прекрасно. Водителю пришлось открыть окно, потому что в кабине стало невыносимо жарко, он даже проверил, не включил ли случайно обогреватель, после чего решил, что подцепил грипп, на работе сейчас многие болели. Должно быть, именно от этого гриппа у него так заныло горло. И наверняка он не смог преодолеть искушения наклонить зеркало заднего вида и осмотреть свой язык.

Если водитель и услышал какой-то шум в кузове, то, наверное, решил, что это гремят канистры или отвязался какой-нибудь шкаф. Разумеется, к этому времени жар усилился, так что за те несколько часов, которые потребовались ему на часовой рейс, поедатели могли сколько угодно громыхать в кузове, а он бы ничего не заметил. А может, он и услышал эти звуки, но... Вы знаете, как это бывает при высокой температуре: вы видите и слышите, что происходит вокруг вас, но не можете связать одно с другим и ничего не понимаете. Как еще объяснить поступок этого человека, который привез целый грузовик поедателей в центр коттеджного поселка — в центр коттеджного поселка — моего по-

селка, где я жила со своим мужем и детьми, моими мальчиком и девочкой,— как иначе объяснить такой внезапный, такой чудовищный крах моей жизни?

Да, вы правильно поняли — машина, остановившаяся у нашего дома (я услышала ее, наблюдая за тем, как на дне кастрюли с водой образуются пузырьки), была полна — просто набита посдателями. Не спрашивайте меня, сколько их там было. И я понятия не имею, как они попали туда. Я никогда не слышала о таком. Может быть, твари охотились за каким-то человеком, который забрался в кузов, думая, что поедатели не смогут залезть за ним туда, и ошибся. Может быть, сначала это была группа зараженных, которые отрицали свое состояние, подобно водителю, и хотели спрятаться, пока не наступит выздоровление, — которое, конечно, не наступило. Может быть, они вообще не все сразу забрались в грузовик: некоторые, допустим, гнались за добычей, еще несколько хотели спрятаться, а остальные решили, что нашли неплохое укрытие от солнца. Водитель трясся в лихорадке, горло болело так сильно, что было больно глотать, язык распух, и ему, должно быть, неоднократно приходилось останавливать машину, чтобы прижаться лбом к тепловатому пластику рулевого колеса и хоть как-то успокоить жар. Думаю, у посдателей была масса возможностей проехаться автостопом.

Не знаю, какова была дальнейшая судьба этого человека, умер ли он в тот момент, когда нажал на тормоза, или открыл дверь и вылез из кабины, чтобы известить клиентов, что мебель доставлена; а может, поедатели сообразили, как открыть дверцу, и вытащили свою жертву. Но я надеюсь, что они схватили этого водителя прежде, чем он умер; надеюсь, что он увидел вокруг лица поедателей, и у него хватило ума понять, что с ним сейчас произойдет. Я надеюсь — я молюсь, чтобы это было так; я падаю на колени и молю Всемогущего Господа, чтобы эти твари разорвали его на куски прежде, чем сердце его перестало биться. Надеюсь, они содрали ему мясо с костей. Надеюсь, они запустили когти ему в брюхо и вырвали ему потроха. Надеюсь, что они рвали зубами его уши, как вы рвете жесткий кусок бифштекса. Надеюсь, что он страдал. Надеюсь, что он испытал такую боль, какой еще никто до него не испытывал. Вот почему я провожу так мно-

го времени, думая о нем,— чтобы его смерть предстала передо мной как можно более реально и живо. Я...

Первые пузырьки начали подниматься со дна кастрюли с водой и, проплыв к поверхности, лопались. Репортаж о действиях спецназа в Мобиле закончился, и корреспондент рассказывал о появлении поедателей в таких местах, как Бангор[1], Карбондейл[2] и Санта-Крус[3]. Местные власти отрицали эти сообщения как истерию, но ведущий утверждал, что, по крайней мере, несколько из них были правдой. В таком случае наступил, как выразился ведущий, Реанимационный Кризис. В гостиной Брайан вскрикнул и сказал: «Боюсь!» Он всегда говорил так, когда на экране появлялся кто-то страшный; Робби ответила: «Все нормально — Ви их вытащит, смотри». Это были те невинные реплики, которыми обмениваются ваши дети, и от которых у вас сжимается сердце,— они так неожиданны, так чисты. А затем раздался стук в дверь.

Это был именно стук. Когда я мысленно возвращаюсь к тому моменту и снова прокручиваю его в памяти, то по-прежнему слышу стук, как бы я ни старалась услышать что-то другое. Ни в одном сообщении о поедателях ничего не говорилось о стуке в дверь. А кроме того, я не слышала выстрелов — ведь я ожидала, что именно они возвестят о появлении тварей на опушке леса. Разумеется, выстрелов не было потому, что все смотрели в другую сторону, на лес. Я понимаю, как глупо это звучит, как непростительно глупо, но никому из нас и в голову не пришло, что враги могут подойти к нашим дверям и постучаться. Или... я не знаю — может, мы и имели в виду такую возможность, но никак не предполагали, что поедатель, а тем более полный их грузовик, может появиться посреди улицы так, что его никто не заметит.

Я оставила кастрюлю, над которой начинал подниматься пар, вышла в холл и спустилась по главной лестнице к двери. Выйдя из кухни, я подумала, что это, должно быть, Тед

---

[1] *Бангор* — городок в штате Нью-Йорк.

[2] *Карбондейл* — названия городов в нескольких штатах; вероятно, имеется в виду Карбондейл, штат Пенсильвания, наиболее близкий к штату Нью-Йорк.

[3] *Санта-Крус* — названия городов в штатах Техас, Калифорния, Нью-Мексико.

вернулся с работы, но, спускаясь по ступеням, решила, что вряд ли — Тед бы не стал стучать, зачем ему это? Скорее всего, это кто-то из соседей, возможно, девочки Мак-Дональдов пришли спросить, не хочет ли Робби пойти поиграть с ними. Они вечно приходили не вовремя, за пять минут до обеда, и звали Робби поиграть, а та, услышав их голоса, естественно, сразу же бежала к дверям. Я пыталась найти компромисс, говорила дочери, что она может выйти сразу после того, как поест, или приглашала девочек пообедать с нами. Но Робби настаивала, что она не голодна, а ее подруги говорили, что они уже поели или будут есть вечером, когда отец принесет пиццу. Тогда Робби спрашивала, почему мы не едим пиццу, а Брайан, услышав это слово, начинал скандировать: «Пиц-ца! Пиц-ца! Пиц-ца!» Иногда я отпускала Робби и держала еду подогретой, чтобы она поела со мной и Тедом, когда он придет домой. Она это обожала — сидеть за столом с мамой и папой, без маленького братишки. Однако иногда я говорила девочкам приходить через час, потому что Роберта обедает, — и готовилась к неизбежному бурному возмущению. Я еще не решила, как поступить на этот раз, но у меня уже кошки скребли на душе. Я щелкнула замком, повернула ручку и потянула дверь на себя.

Говорят, что в критические моменты время как бы замедляет свой ход; может быть, для некоторых людей это и так. Для меня этот жест оказался подобен нажатию на кнопку быстрой перемотки на видеоплеере, когда изображение на экране мелькает так быстро, что перед вами появляются как бы отдельные картинки. Только что я стояла, держась за дверную ручку, а передо мной на пороге застыли три поедателя. Это женщины, примерно моего возраста. У той, что ближе ко мне, отсутствует большая часть лица. Кроме правого глаза, какого-то синего и мутного, как старый стеклянный протез, на черепе ничего нет; только клочья кожи и мускулов. Ее рот — се челюсти разжимаются, и у меня мелькает абсурдная мысль, что она хочет заговорить со мной.

В следующий момент я карабкаюсь обратно по ступеням задом наперед. Я могла бы перепрыгивать через три ступени — когда-то мне приходилось это делать, — но я не в состоянии повернуться спиной к тем, кто вошел в дом.

Двое, последовавшие за женщиной без лица, выглядят не такими изъеденными: кожа у них серо-голубая, на лицах отсутствует всякое выражение, но по сравнению с той, что сейчас подняла правую ногу, чтобы гнаться за мной, они выглядят почти нормально.

Следующая картина: я в кухне, одной рукой тянусь к ручке кастрюли с закипающей водой. Я слышу, как скрипят у меня за спиной ступени под тяжестью поедателей. Я чувствую их запах — боже, все, что я слышала о вони, исходящей от них, оказалось правдой. Я хочу позвать детей, крикнуть им, чтобы они бежали ко мне, но все, что я могу, — это удерживаться от рвоты.

Эта секунда, секунда, когда мои пальцы сомкнулись на ручке кастрюли, — именно к ней я все время возвращаюсь. Когда я проигрываю в памяти три минуты, за которые рухнула моя жизнь, я сосредоточиваюсь на кухне. Я не помню, как попала туда. То есть я знаю, что прибежала туда с лестницы, но не знаю почему. Добравшись до площадки, я вполне легко могла вскочить на ноги и броситься в гостиную, к Робби и Брайану. Мы могли бы... я могла бы отодвинуть от стены диван, чтобы задержать поедателей, а затем бежать к черному ходу — или даже обогнуть их, сбежать по ступеням к парадной двери, или вниз, в комнату отдыха. Мы могли забаррикадироваться в гараже. Мы... а вместо этого я побежала в кухню. Сейчас я понимаю, что, должно быть, искала оружие, что-нибудь, чем можно было защитить себя — нас, и кипяток на плите оказался первым, что пришло мне в голову. Видимо, поэтому я выбрала кухню, но я этих мыслей не помню. Все, что я помню, — это бег по лестнице, затем мои пальцы, сжимающие кусок металла.

И вот его больше нет в моей руке — он валяется на кухонном полу, а правый глаз мисс Череп свисает из глазницы, потому что вода из брошенной кастрюли обварила ей щеку. Кипяток не причинил ей видимого ущерба; лишь пара клочьев плоти, болтавшихся на черепе, свалилась ей на блузку. Она стремительно приближается, расставив в стороны руки, и я вижу, что на левой руке у нее не хватает двух пальцев, безымянного и мизинца, и думаю: наверное, она потеряла их, пытаясь помешать кому-то глодать ее лицо.

Дальше: я лежу на полу, на спине; спина онемела. Голова кружится. Напротив меня мисс Череп пытается подняться с плиток пола. Тогда я не поняла, что произошло, но сейчас думаю, что мы столкнулись с такой силой, что обе ударились о стену и были оглушены. Остальных поедателей нигде не видно.

А потом я сижу на противоположной стороне кухни, я отползла туда на заду. Я бью левой ногой прямо в лицо поедательницы и чувствую боль в ноге после столкновения подошвы с ее черепом. Я слышу треск ломающихся костей. Я все в таком же ужасе, но вид лица поедательницы, расквашенного моей ногой, дает мне чувство какого-то животного удовлетворения. И хотя я сосредоточена на зрелище осколков, разлетающихся во все стороны из вмятины, возникшей на месте носа и щек мисс Череп, я замечаю, что ее спутниц на кухне нет.

Должно быть, я наконец поняла, что остальные предоставили мисс Череп разбираться со мной и отправились на поиски более легкой... Я помню, как поднялась на ноги, уверена, что еще раз пнула ногой лицо поедательницы, потому что потом мои кроссовки пахли ее мозгами. Следующее, что я помню...

Театр наполняется криками. Сначала крики звучат так громко, так пронзительно, что зрители вынуждены зажать уши. МЭРИ прижимает ладони к голове; ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА — нет, хотя крики ужаса сменяются криками боли. Это голоса двух человек. Трудно поверить, что такие звуки может издавать человеческое существо; они скорее напоминают вопли животного, подвергаемого вивисекции. Они продолжаются четыре, пять, шесть секунд — при других обстоятельствах эти секунды пролетают незаметно, но сейчас, когда воздух дрожит, словно натянутая гитарная струна, эти мгновения превращаются в часы. Зрители могут разобрать одно слово, почти неразличимое, передающее невыносимую боль: «Мама».

Крики прекращаются совершенно внезапно. МЭРИ нерешительно опускает руки, словно боится снова услышать вопли своих детей.

МЭРИ. Это... эти... они... есть вещи... я не... есть вещи, которые не должна видеть мать, понимаете? Мои родители...

я... когда я была подростком, у соседей умер от лейкемии старший сын, и моя мать сказала: «Родители не должны пережить своих детей». И это верно. Раньше я думала, что это худшее, что может случиться с родителями, особенно с родителями маленьких детей. Но я ошибалась... я... они... о, они грызли их зубами...

МЭРИ кричит; голова ее запрокинута назад, глаза закрыты, пальцы впились в футболку на груди, она издает вопль, полный боли от невосполнимой утраты. Когда крик переходит в глухой стон, голова ее падает на грудь. Она сжимает голову руками, одной рукой проводит по лбу, на вторую наматывает длинную прядь.

Из задних рядов доносится голос МЭРИ; по звуку понятно, что это запись.

ГОЛОС МЭРИ. Эта секунда, секунда, когда мои пальцы сомкнулись на ручке кастрюли, — именно к ней я все время возвращаюсь. Когда я проигрываю в памяти три минуты, за которые рухнула моя жизнь, я сосредоточиваюсь на кухне. Я не помню, как попала туда. То есть я знаю, что прибежала туда с лестницы, но не знаю почему. Добравшись до площадки, я вполне легко могла вскочить на ноги и броситься в гостиную, к Робби и Брайану. Мы могли бы — Робби и Брайан. Я не хотела, чтобы с ними случилось такое. Родители — мать не должна... мой долг состоит не в этом. Мой долг — моя священная обязанность — защищать своих детей, обеспечивать их безопасность, что бы ни... Мы... а вместо этого я побежала в кухню. Сейчас я понимаю, что, должно быть, искала оружие, что-нибудь, чем можно было защитить себя — нас, и кипяток на плите оказался первым, что пришло мне в голову. Видимо, поэтому я выбрала кухню, но я этих мыслей не помню. Я обязана защищать своих детей, что бы ни...

Запись прерывается. Прожектор гаснет, и МЭРИ исчезает во тьме.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА медленно поднимается на ноги. Он отворачивается от зрителей и смотрит на ивовый куст в задней части сцены. Прежде чем снова повернуться к залу, он делает глубокий вдох.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Вот в чем проблема. Когда вы решаете заняться этой работой, когда вы, так сказать,

получаете эту роль, вам говорят, что обязанности ваши будут просты и немногочисленны. Присматривать за всем. Не то чтобы вы могли много сделать — думаю, вы вообще вряд ли можете что-нибудь изменить, — но там, по правде говоря, и делать-то особенно нечего. Большая часть каждодневных событий совершается сама по себе, движется по тем же рельсам, что и всегда, с тех пор как существует человечество. Происходят хорошие вещи — думаю, большинство из вас скажет, что их слишком мало, и плохие — я знаю, вы сочтете, что их слишком много. Но даже самые худшие вещи происходят сейчас точно так же, как и в течение долгих веков до этого. О, конечно, вам придется время от времени делать небольшой толчок там и сям: постараться, чтобы кто-то не пошел на работу в июньское утро, когда на улицах стрельба, или направить копов к дому, насчет которого у вас возникло нехорошее подозрение. Но в основном все идет своим чередом.

А затем происходит нечто такое — эти зомби, люди, встающие из могил, когда им следовало бы лежать в земле — и это обрушивается на вас, проносится по миру и вашей части этого мира, как... не знаю, с чем это сравнить, у меня нет определения для таких вещей. Вы стараетесь изо всех сил, делаете, что можете; в большинстве случаев это означает, что вы принимаете храбрый вид и не отворачиваетесь от ужасов, встречающихся на вашем пути. Но иногда вам предоставляется возможность и для более активных действий.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА похлопывает себя по боку, на котором висит кобура с пистолетом.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Вы пытаетесь сохранить какое-то подобие чувства юмора, что не всегда так трудно, как кажется. Есть, видимо, смысл в старой пословице о том, что смешное и ужасное идут рука об руку. Какой-то идиот, пытаясь изображать героя, сносит себе конечность бензопилой — согласен, это не лучший повод для шутки, но вы вынуждены, так сказать, довольствоваться тем, что есть.

Однако в подобной ситуации, в случае этой бедной женщины и ее детей... Эти дети... Я знаю, что она увидела, ворвавшись в гостиную. Я знаю, что это за пятна у нее на футболке и как они туда попали. Но я не знаю, не имею

ни малейшего представления, что мне делать с этим знанием. Полагаю, я бы мог рассказать обо всем вам, но зачем? Вы и сами представляете, что эти твари — эти поедатели, подходящее слово, правда? — сделали с маленькими мальчиком и девочкой. Нет нужды углубляться в подробности. Может быть, вы захотите узнать о том, что увидела Мэри, в ужасе выбежав из дома, а может, вы уже и сами догадались — соседи ее были побеждены без единого выстрела.

Так началась вторая фаза нашествия зомби — как там ее назвал ведущий по радио? Реанимационный Кризис? Из того, что вы видите по телевизору и наблюдаете из окна поезда, зомби превратились в ужас, поджидающий вас по дороге к машине, громыхающий около вашего гаража, ломящийся в вашу дверь. В таких ситуациях, когда люди узнают, что мир катится в преисподнюю, они начинают готовиться к худшему — опустошают свои банковские счета, покупая столько оружия, сколько супермаркеты в состоянии им продать. Но все же люди уверены, что эти приготовления окажутся бесполезными, что враги никогда не появятся на дорожке у крыльца Мэри, что кто-нибудь из соседей заметит зомби, вываливающихся из грузовика, и начнет стрелять. Будет много шума, большая неразбериха, возможно, не раз ситуация выйдет из-под контроля, но потом все обязательно закончится хорошо. Мэри со своими детьми вернется домой, соседи будут хлопать друг друга по спине со вполне оправданной гордостью, и по крайней мере одна атака зомби будет отбита. А вместо этого Мэри оказывается единственной выжившей, потому что с криками бежит из дому, на шоссе 376, где ее сбивает красный пикап, принадлежащий восемнадцатилетней девушке, которая месяц назад получила его от родителей на день рождения.

Мэри удается избежать удара в голову, который бы ее прикончил, но ее отбрасывает на обочину. К чести девушки, должен сказать, что она останавливает машину и выходит посмотреть на пострадавшую. На самом деле это рискованный поступок — девушка не могла знать, что сбила живую женщину, а не зомби. У Мэри серьезный шок, она не может говорить, но девушка понимает, что она прибежала из большого дома на соседней улице, — из дверей

особняков уже появлялись зомби, залитые кровью. Девушка не тратит время зря: она запихивает Мэри в грузовик и уносится прочь с буквально дымящимися шинами. Девушка (она заслуживает того, чтобы назвали ее имя: Бет Дрисколл) отвозит Мэри в центр Гудхоуп Кроссинга[1], к небольшому новому пункту первой помощи, и остается с ней, пока врач осматривает пострадавшую, не пытаясь скрыть озабоченного выражения лица. Мэри находится, как он выражается, в бессознательном состоянии, почти в коме — и ей не суждено из этого состояния выйти. Врач — доктор Бартрам, скажем для протокола, — пытается найти машину, чтобы перевезти женщину в одну из местных больниц, но все машины «скорой помощи» оказываются заняты. К тому моменту, когда он решает везти ее сам, поступает приказ полиции не выходить на улицу. Медпункт наполняется ранеными полицейскими, и Мэри помещают на кушетку в одном из коридоров и оставляют там. Бет ухаживает за ней, как может, а может она немногое, потому что ей приходится помогать врачу и персоналу перевязывать раненых. Когда медпункт переезжает в церковь Святого Патрика, Мэри перевозят туда, ей дают матрац, пластиковое ведро и мешок, набитый разнокалиберными спортивными штанами, футболками, бельем и носками. Бет делает для нее то, что в ее силах.

Тед не приходит искать свою жену. Справедливости ради скажем, что это не его вина. Он припарковался у своего дома примерно через две минуты после того, как Бет и Мэри уехали прочь. Поняв, что происходит, он рванулся к дому; дверь была распахнута, что заставило его ожидать наихудшего. Наихудшее встретило его на пороге в виде пары зомби, которые только что пожрали его детей; один из них держал в руке плюшевую лягушку Брайана, черную от крови. Можно сказать, что Теду повезло: он умер, не увидев, что осталось от его любимых сына и дочери.

Мэри может пить и есть, пользоваться туалетом, если отвести ее туда. Когда с ней заговаривают, она кивает.

[1] *Гудхоуп Кроссинг* (Goodhope Crossing) — Перекресток Доброй Надежды.

Иногда Бет, проведя около нее час за чтением Библии (Бет втайне надеется, что Библия сотворит чудо), смотрит на Мэри, почти сползшую на пол из кресла или лежащую на кровати, и думает: повезло ей, что она в таком состоянии и не понимает, в какой хаос погрузился мир. Бет и понятия не имеет — откуда ей знать это? — что Мэри сейчас в стотысячный раз стоит у кухонной плиты, смотрит на закипающую в кастрюле воду и ждет, когда закричат ее дети.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА вздыхает, смотрит вверх, вниз, затем неуверенно потирает руки, вздыхает снова.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Я так и не рассказал вам о нашем городке, верно? Не то чтобы это имело сейчас какое-то значение, но, возможно, кому-то из вас будет интересно.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА снова устраивается на земле, прислоняется спиной к могильному камню. На сей раз ему это удается не сразу.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Ну ладно. Что вам еще рассказать о Гудхоуп Кроссинге? Начальный период его истории не слишком отличается от истории других поселений в этих лесах. Еще при голландцах здесь существовали фермы, но своим возникновением Гудхоуп Кроссинг, как ясно из его названия, обязан железной дороге. В годы Гражданской войны, когда повсюду прокладывали железнодорожные пути, три ветки, шедшие с севера на юг, и одна — с востока на запад, встретились в этом месте.

Из оркестровой ямы доносится негромкий звук паровозного свистка.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. К востоку от железнодорожного узла находился невысокий длинный холм, к западу — река и более низкая местность. Городок возник следующим образом: беднота настроила своих тесных, лепившихся друг к другу домишек на холме, на другой стороне реки располагалась главная улица, Мэйн-стрит, и более просторные обиталища людей побогаче. Потом город начал расширяться, большая часть коммерческих учреждений расположилась на другой стороне холма; новые дома строились вдоль Мэйн-стрит и по сторонам от нее. Здесь жило много ирландцев, поляков и итальянцев. Имелась большая католическая об-

щина — местная церковь, собор Святого Патрика, первоначально была выстроена на Мэйн-стрит, а к концу девятнадцатого века переехала через реку, на другой холм, к югу от того, на котором обитала большая часть прихожан. Церковь Святого Патрика относилась к Нью-Йоркской епархии, и к началу эпидемии зомби местная община являлась третьей или четвертой по численности.

Что интересно — можно сказать, в этом даже есть какая-то ирония, — почти все выжившие собрались на этом холме, который до сих пор остался самым... дешевым кварталом. Необходимо было укрепиться, и на холме это было проще сделать; так скажет вам любой военный стратег. Это был неплохой план, даже в войне против зомби. Когда с полудюжиной тварей, забредшей на Конкорд-стрит, было покончено, и все дома были дважды проверены, люди начали, как могли, сооружать у подножия холма стену. Они переворачивали машины, протягивали колючую проволоку, нагромождали кровати, матрасы и все, что могло, на их взгляд, на некоторое время сдержать зомби и дать возможность пристрелить их: диваны, комоды, книжные полки, горки для посуды.

Театр наполняют звуки: тяжелое дыхание работающих людей, скрип мебели, сваливаемой в кучу.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Хиллари Швабель из местного отделения «Тру Вэлью»[1] протянула вокруг Стены, как ее окрестили горожане, провода и присоединила к ним свои самые громкие сирены, она также развесила на деревьях и домах, ближайших к Стене, дюжину датчиков движения. Эти штуки так чувствительны, что реагируют даже на кошек, но в данном случае это было почти бесполезно. Как правило, зомби передвигаются большими группами; если вам попадается один, то обязательно встретится еще десять, двадцать, иногда даже пятьдесят, сто других. Большая часть группы обычно довольно проворна и может попытаться прорваться за Стену. Для того чтобы одержать победу, одному из них нужно лишь схватить какого-нибудь человека и начать ку-

[1] *«Тру Вэлью»* («True Value») — сеть магазинов металлоизделий в США.

сать; а вам для успешной обороны нужно узнать о приближении врагов заранее. Существует миф о том, что живые мертвецы передвигаются лишь по ночам. Зрение у них никудышное — очевидно, процесс воскрешения усиливает разрушения, произведенные смертью. Несмотря на то что они никогда не бывают абсолютно неподвижны, если вам так не повезет и вы встретите зомби ночью, они, скорее всего, будут лишь слабо шаркать ногами, практически не трогаясь с места. Нет, эти твари предпочитают светлое время суток; первые лучи солнца, пробивающиеся сквозь листву, приводят их в движение. В солнечный день их можно встретить практически наверняка.

Несмотря на все сказанное, несколько зомби было замечено и ночью, особенно в полнолуние. И даже крошечные шажки в конце концов куда-то приводят. Так что лучше перестраховаться, верно?

Вы не замечали, как во время вселенских катастроф в речи всплывает множество клише? Почему бы это? Неужели эти затертые банальности так утешительны? А может быть, даже когда в мозгу наступает короткое замыкание, он все же пытается постичь происходящее и хватается за подручные средства, хотя они изношены и покрыты ржавчиной? А может быть, язык деградирует вместе со всем прочим? Я никогда не был, что называется, литератором, но всегда гордился красотой своей речи, даром находить подходящую и даже уникальную форму выражения своих мыслей и чувств. Однако в последнее время — клянусь, в последнее время я все больше и больше стал напоминать пародию на Старого Доброго Дядюшку, всегда готового обрушить на вас свою деревенскую мудрость.

И это еще не самое худшее. До того, как все полетело в тартарары, одной из моих — ну, скажем так, обязанностей, хотя я скорее рассматривал это как долг, если вы видите разницу между этими словами, — в общем, среди прочего я помогал тем, кто покинул свою смертную оболочку, освоиться со своим новым положением. Я разговаривал с ними, давал им возможность в последний раз взглянуть на тех, кого они любили, — в общем, все происходило примерно так, как вы это себе представляете. В некоторых случаях я позволял умершим снова пережить какой-нибудь день

своей жизни — но с учетом того, что они теперь знали, это приносило им больше горя, чем радости. Даже после нашего разговора, после того, как я показывал им то, что мог, некоторые из них отказывались вступать в длинный темный коридор и присоединяться к тем, кто ушел до них. Они настаивали на том, чтобы остаться в своем доме или в том месте, где сердце их перестало биться. Постыдное поведение, конечно, но им это позволялось.

Однако, когда мертвые начали воскресать, смерть больше не разлучала тело и душу; напротив, они оставались связанными вместе, когда человек начинал это свое новое существование. К тому же разрушение этого нового существа — или нежити — не восстанавливало прежнего, естественного хода вещей. Вместо этого... ну, наверное, вам лучше самим все увидеть.

В зрительном зале зажигаются лампы. В их резком, ослепительном свете зрители видят, что центральный проход, проходы перед сценой, у стен, все свободное пространство заполнено какими-то фигурами — очевидно, это зомби, потому что мужчины, женщины и дети, окружающие зрителей, отмечены знакомыми признаками распада. Появление такого количества живых мертвецов в непосредственной близости способно вызвать у присутствующих шок, однако потрясение вскоре проходит: зомби стоят совершенно неподвижно. За исключением одной фигуры, медленно пробирающейся из задних рядов к центральному проходу, зомби походят на манекенов.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Быть прикованным к телу, блуждающему по земле, обуреваемому лишь жаждой человеческой плоти, находящему и пожирающему эту самую плоть, не очень-то приятно другой части, тому, что я называю искрой,— это мучит ее, коробит ее, и когда она высвобождается, получается вот что. В основном. Некоторые — я не могу назвать точное число, примерно один из тысячи или из пятисот — проявляют враждебность, приходят в ярость, словно чувства, испытанные ими в последние мгновения жизни, они переносят и за ее пределы. Разговаривать с ними невозможно, тем более убеждать их в чем-то. Не знаю точно, смогут ли они причинить мне вред — насчет этого ходят кое-какие

слухи, но вы сами знаете, что слухам доверять нельзя, а сам я не склонен экспериментировать.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА встает на ноги, одновременно вытаскивая из кобуры револьвер. Он стремительно вытягивает руку, прицеливается и нажимает на курок. Зрителей оглушает грохот выстрела; молодой человек в коричневом костюме-тройке, пробиравшийся к сцене из задних рядов, на полпути останавливается, дергается всем телом, и голова его взрывается с удивительно громким хлопком. Молодой человек, падая, задевает одну из неподвижных фигур, стоящих в проходе,— старуху в синем платье и вязаном белом свитере; та даже не шевелится, когда он соскальзывает на пол. ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА продолжает еще секунд пять целиться в молодого человека, затем поднимает револьвер и обводит зал. Трудно сказать, на кого направлено оружие — на фигуры в проходе, зрителей или на тех и других. Не видя угрозы, он прячет пистолет в кобуру. Больше он не садится.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Это... я больше ничего не могу сделать. Это означает — не люблю думать о том, что это означает. Конечно, этот парень уже не человек в прямом смысле слова — но такая работа мне не нравится. Возможно, это сослужит какую-то службу остальным, но все равно я этого терпеть не могу.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА опускается на пол. Свет тускнеет, но не гаснет до конца. Фигуры в проходе остаются на месте.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Время от времени — такое случается все реже, но случается — сюда приходят и обычные люди. Именно так мне удалось поговорить с Билли Джо Ройялом, изобретателем знаменитого домашнего напалма. Я наблюдал, как действует его состав,— по-моему, это произошло через два дня после того, как полный грузовик зомби припарковался посередине квартала Мэри Филлипс. Число зомби увеличивалось в геометрической прогрессии; почти везде полиция оказалась бессильна; власти сообщили, что в городок направлена Национальная гвардия, но это оказалось ложью. Те, кто мог, отступили к парковке около церкви Святого Патрика, которая, поскольку холм не был укреплен, казалась самым выгодным местом для обо-

роны. Думаю, что так оно и было. Времени сооружать баррикады и устанавливать мины не оставалось, но эти мужчины и женщины — их было сорок шесть человек — сделали все, что могли.

С правой и левой сторон сцены доносится грохот выстрелов; крики, выражающие протест, приказания, брань, подбадривание; вопли ужаса. Крики и выстрелы заглушает яростный, нестройный визг скрипок. Какофония стихает, когда ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА снова начинает говорить, но ее все еще слышно.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Тем не менее, в конце концов, сколько бы оружия и боеприпасов у вас ни было, если зомби нападают в большом количестве, вам особенно не на что надеяться, кроме как на бегство. А эти люди не могли даже ускользнуть: они оказались прижаты к северной стене церкви, а у трех стен ее толпились зомби.

Не знаю, каким образом Билли Джо удалось просочиться мимо зомби, пробраться внутрь собора, залезть на колокольню и затем на крышу, таща с собой большой полотняный мешок с трехлитровыми бутылками горючей смеси. Я бы хотел приписать эту честь себе, но я был внизу, и мое внимание было поглощено оставшимися сорока двумя сражавшимися, которые, как я был уверен, защищали свой современный Аламо[1]. Несчастные намеревались погибнуть с честью, и я не хотел упустить это зрелище. Когда упала первая бутылка Билли Джо, никто, включая меня, не понял, что произошло. Примерно в двадцати футах позади авангарда зомби возникла вспышка, что-то хлопнуло, пошел густой черный дым. Что-то взорвалось, но люди не знали, что именно. Когда вторая, третья, четвертая, пятая бомбы, описав дугу, полетели вслед за первой, воздух наполнился дымом, и все почувствовали вонь поджаривающихся трупов. Стало ясно, что прибыла тяжелая артиллерия. Некоторые начали оглядываться по сторонам, словно ожидая увидеть армейский вездеход с гранатометом на крыше или атакующий вертолет, приближения которого не

[1] *Битва за Аламо* — наиболее известная битва Войны за независимость Техаса (1835–1836). В феврале 1836 г. группа техасских повстанцев была осаждена мексиканскими войсками в миссии Аламо; вскоре техасский гарнизон был захвачен и полностью истреблен.

было слышно из-за шума битвы. Остальные воспользовались преимуществом, которое дала им возникшая стена огня, отделившая тридцать или сорок врагов от общей массы. Пока люди уничтожали ближайшую к ним группу зомби, Билли Джо продолжал швырять бутылки своего огненного варева в самую гущу врагов. Некоторые он бросал слишком поздно, и они взрывались, не долетев до земли, буквально обрушивая на мертвецов огненный дождь. Он принес в мешке двадцать три бутылки, и вскоре у него осталась лишь одна.

Шум битвы усиливается, сопровождаемый стуком барабанных палочек и низкими звуками скрипичных струн. Грохот и подвывание становятся все громче, затем скрипки резко взвизгивают и наступает тишина.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Его убила последняя бомба, пол-литровая бутылка из-под кока-колы, которая слишком долго оставалась у него в руке. Она оторвала ему правую руку до локтя, и он, охваченный пламенем, полетел вниз с крыши. Он не дожил до того момента, когда тело его ударилось о землю, — примерно половина людей, которых он спас, нашпиговала его пулями. Глупо с их стороны, но понятно.

Он появился позже, чем я предполагал, примерно к вечеру этого дня. Его личность была установлена, выяснено, что он сделал, и в подвале дома его родителей были обнаружены еще двести бутылок напалма. К несчастью, он не оставил инструкции по его изготовлению, но эти бомбы очень помогли выжившим, дав им возможность отступить на вершину холма и начать укрепляться там. Была предпринята пара попыток воспроизвести смесь Билли Джо, но закончились они плохо.

Из задних рядов доносится слабый звук взрыва.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. А что касается Билли Джо...

С левой стороны сцены зажигается прожектор, тусклый желтый луч освещает могилы и БИЛЛИ ДЖО РОЙЯЛА. Это юноша шестнадцати лет, с прыщавым лицом и пробивающейся козлиной бородкой. На нем надеты синяя футболка с логотипом «Нью-Йорк Джайентс»[1]*, которая ему велика, меш-*

[1] *«Нью-Йорк Джайентс»* («New York Giants») — профессиональный футбольный клуб из города Ист-Рутерфорд, штат Нью-Джерси.

коватые джинсы и белые кроссовки. Светлые волосы убраны со лба бейсболкой, надетой козырьком назад, что придает лицу юноши удивленное выражение. Большие пальцы он засунул в карманы джинсов, очевидно, чтобы казаться спокойным и крутым. Замечая ПОМОЩНИКА РЕЖИССЕРА, он кивает ему. Козырек кепки ПОМОЩНИКА РЕЖИССЕРА наклоняется в ответ.

БИЛЛИ ДЖО. Так вот ты какой, значит. Я тебя не таким представлял.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Кого это?

БИЛЛИ ДЖО. Сам знаешь — Бога.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Боюсь, что ты ошибаешься.

БИЛЛИ ДЖО. Ох. Ох ты. Так ты не?..

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Я чиновник более низкого ранга.

БИЛЛИ ДЖО. Что-то типа ангела?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Нет. Я... я встречаю людей, когда они приходят сюда, помогаю им найти точку опоры. А потом отправляю их в путь.

БИЛЛИ ДЖО. Словно гид в турфирме, знаешь, такие гостеприимные парни.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Почти что так.

БИЛЛИ ДЖО. А куда мне идти?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА указывает на правую кулису.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Видишь вон тот коридор?

БИЛЛИ ДЖО. Что-то там темно. Я думал, будет сияние и все такое.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Нет, это просто тебе кажется, потому что клетки твоих глаз умирают.

БИЛЛИ ДЖО. Ох ты. И куда он ведет?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Туда, куда уходят все.

БИЛЛИ ДЖО замечает фигуры в зрительном зале и кивает в их сторону.

БИЛЛИ ДЖО. А с ними что? Они...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Да.

БИЛЛИ ДЖО. И они тоже должны войти в этот коридор?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Да.

БИЛЛИ ДЖО. Так что же они стоят?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Я точно не знаю. Это связано с тем, что происходит... там, откуда ты пришел.

БИЛЛИ ДЖО. И эти парни оттуда, это живые мертвецы?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Точно.

БИЛЛИ ДЖО. А они не пытались тебя съесть?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Пару раз.

БИЛЛИ ДЖО. И что ты сделал?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Разнес им головы.

БИЛЛИ ДЖО. Ух ты. И что, здесь это работает?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Очевидно, да.

БИЛЛИ ДЖО. Ну, я просто подумал, что здесь не так, как на земле, и все такое...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Многие вещи здесь происходят почти так же. Ты будешь удивлен.

БИЛЛИ ДЖО. Да уж. Кстати, а ты не знаешь, откуда взялась вся эта фигня... то есть почему эти парни восстали из мертвых? Потому что Роб — это мой приятель, он был — ну, не важно; так вот, Роб говорил, что это вроде какой-то заговор правительства. А я говорю: смешно, какой заговор правительства, если это началось в чертовой Индии? А Роб...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Я не знаю. Не знаю, что послужило причиной; я не знаю, что это такое.

БИЛЛИ ДЖО. Правда?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Правда.

БИЛЛИ ДЖО. Вот дерьмо.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Извини.

БИЛЛИ ДЖО. А еще кто-нибудь?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. В каком смысле?

БИЛЛИ ДЖО. Кто-нибудь еще знает, что происходит?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Насколько мне известно, нет.

БИЛЛИ ДЖО. О.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Послушай, может быть, ты хочешь кого-нибудь увидеть, посетить какое-нибудь место...

БИЛЛИ ДЖО. Не, все в порядке.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Ты уверен? Может быть, свой дом, школу...

БИЛЛИ ДЖО. Нет-нет... Ну то есть спасибо и все такое; но... мне и здесь хорошо.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Ладно, как хочешь.

БИЛЛИ ДЖО. Так... о чем это мы говорили?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Чего бы ты еще хотел?

БИЛЛИ ДЖО. Ну, не знаю. А что, здесь не будет никакой книги, ну, знаешь, вроде записей о всем дерьме, которое я в жизни делал?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Это сказки для детей. Мне жаль, но нет, ничего такого нет. Единственная запись о сделанном тобой в жизни — это то, что ты сам можешь о ней сказать.

БИЛЛИ ДЖО. Ух. Ну а на что это похоже?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Что похоже?

БИЛЛИ ДЖО. То место, куда ведет коридор.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Там тебя ждет покой.

БИЛЛИ ДЖО медленно пересекает сцену, проходит мимо ПОМОЩНИКА РЕЖИССЕРА и останавливается у самого края.

БИЛЛИ ДЖО. Ну вот и все.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Да.

БИЛЛИ ДЖО. Нет смысла оттягивать неизбежное, так?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Думаю, что нет.

БИЛЛИ ДЖО. А ты можешь сказать мне одну вещь, прежде чем я уйду, ответь мне на один вопрос, а?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Попытаюсь.

БИЛЛИ ДЖО. Нам конец, да?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА некоторое время молчит, словно взвешивая свои слова.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Всегда остается шанс — я понимаю, как глупо это звучит, но, возможно, в этих словах есть доля правды. События могут принять иное направление. Кто-нибудь найдет лекарство. Сила, заставляющая зомби выходить из могил, перестанет действовать. Пара недель мороза может значительно уменьшить их ряды. А может быть, найдется человек, устойчивый к их укусам, к инфекции. Ведь на планете шесть с лишним миллиардов человек, так что один из них вполне может оказаться таким исключением...

БИЛЛИ ДЖО. И ты веришь во всю эту фигню?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Нет.

БИЛЛИ ДЖО. Ясно.

Он уходит.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Понимаете, не то чтобы я не хотел верить. Я хочу верить во все это. Во всю эту фигню, как выразился мой юный друг. Но поверить в это уже даже не трудно, а просто невозможно. Нет, это... это... я боюсь, что это закат человечества. Становится очевидно, что Homo sapiens sapiens покидает сцену в зубах неумирающих. Если бы не столько боли и страданий, во всем этом можно было бы увидеть смешное. Вот вам и конец света: ни взрыва, ни плача — просто отвратительное чавканье, как в дешевых фильмах ужасов.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА берет свой фонарь, выключает его и сует в карман; поднимается и уходит в глубину сцены. Его фигура на миг выделяется на фоне черного ивового куста, затем он исчезает среди теней. В зрительном зале зажигается свет; проходы между рядами по-прежнему полны мертвецов. Мужчины, женщины, молодые, старые, все несущие на себе признаки распада, — они окружают зрителей, не двигаясь с места.

«Introduction» and author notes © 2008 by John Joseph Adams.

«This Year's Class Picture» by Dan Simmons. © 1992 Dan Simmons. Originally published in *Still Dead*, April 1992. Reprinted by permission of the author.

«Some Zombie Contingency Plans» by Kelly Link. © 2005 Kelly Link. Originally published in *Magic for Beginners*. Reprinted by permission of the author.

«Death and Suffrage» by Dale Bailey. © 2002 Dale Bailey. Originally published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, February 2002. Reprinted by permission of the author.

«Blossom» by David J. Schow. © 1989 David J. Schow. Originally published in *Book of the Dead, 1989*. Reprinted by permission of the author.

«The Third Dead Body» by Nina Kiriki Hoffman. © 1993 Nina Kiriki Hoffman. Originally published in *The Ultimate Zombie*, 1993. Reprinted by permission of the author.

«The Dead» by Michael Swanwick. © 1996 Michael Swanwick. Originally published in *Starlight 1*, 1996. Reprinted by permission of the author.

«The Dead Kid» by Darrell Schweitzer. © 2002 Darrell Schweitzer. Originally published in *The Book of More Flesh*, 2002. Reprinted by permission of the author.

«Malthusian's Zombie» by Jeffrey Ford. © 2000 Jeffrey Ford. Originally published in *SCI FICTION*, May 2000. Reprinted by permission of the author.

«Beautiful Stuff» by Susan Palwick. © 2004 Susan Palwick. Originally published in *SCI FICTION*, August 2004. Reprinted by permission of the author.

«Stockholm Syndrome» by David Tallerman. © 2007 David Tallerman. Originally published in *Pseudopod*, June 2007. Reprinted by permission of the author.

«Bobby Conroy Comes Back From the Dead» by Joe Hill. © 2005 Joe Hill. Originally published in *Postscripts #5*, December 2005; and also in *20th Century Ghosts*, copyright © 2005, 2007 by Joe Hill, published by William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers.

«Those Who Seek Forgiveness» by Laurell K. Hamilton. © 2006 Laurell K. Hamilton. Originally published in *Strange Candy*, 2006. Reprinted by permission of the author.

«In Beauty, Like the Night» by Norman Partridge. © 1992 Norman Partridge. Originally published in *Mr. Fox and Other Feral Tales*, 1992. Reprinted by permission of the author.

«Prairie» by Brian Evenson. © 1997 Brian Evenson. Originally published in *The Silver Web #14*, 1997. Reprinted by permission of the author.

«Everything is Better With Zombies» by Hannah Wolf Bowen. © 2006 Hannah Wolf Bowen. Originally published in *Phantom #0, 2006*. Reprinted by permission of the author.

«Home Delivery» by Stephen King. © 1989 Stephen King. Originally published in *Book of the Dead*, 1989. Reprinted by permission of the author.

«Sparks Fly Upward» by Lisa Morton. © 2005 Lisa Morton. Originally published in *Mondo Zombie*, 2006. Reprinted by permission of the author.

«Meathouse Man» by George R. R. Martin. © 1976 by Damon Knight. Copyright renewed 2004 © 2004 by George R. R. Martin. Originally published in *Orbit 18*, 1976. Reprinted by permission of the author.

«Deadman's Road» by Joe Lansdale. © 2007 Joe Lansdale. Originally published in *Weird Tales, February/March 2007. Reprinted by permission of the author.*

«The Skull-Faced Boy» by David Barr Kirtley. © 2002 David Barr Kirtley. Originally published in Gothic. net, March 2002. Reprinted by permission of the author.

«The Age of Sorrow» by Nancy Kilpatrick. © 2007 Nancy Kilpatrick. Originally published in *Postscripts #10*, April 2007. Reprinted by permission of the author.

«Bitter Grounds» by Neil Gaiman. © 2003 Neil Gaiman. Originally published in *Mojo: Conjure Stories*, 2003. Reprinted by permission of the author.

«She's Taking Her Tits to the Grave» by Catherine Cheek. © 2008 Catherine Cheek. Originally published in *Ideomancer*, June 2008. Reprinted by permission of the author.

«Dead Like Me» by Adam-Troy Castro. © 2000 Adam-Troy Castro. Originally published in *A Desperate, Decaying Darkness*, 2000. Reprinted by permission of the author.

«Zora and the Zombie» by Andy Duncan. © 2004 Andy Duncan. Originally published in *SCI FICTION*, February 2004. Reprinted by permission of the author.

«Calcutta, Lord of Nerves» by Poppy Z. Brite. © 1992 Poppy Z. Brite. Originally published in *Still Dead*, 1992. Reprinted by permission of the author.

«Followed» by Will McIntosh. © 2007 Will McIntosh. Originally published in *Lady Churchill's Rosebud Wristlet #18*, Summer 2006. Reprinted by permission of the author.

«The Song the Zombie Sang» by Harlan Ellison® and Robert Silverberg. Copyright © 1970 by Harlan Ellison® and Robert Silverberg. Renewed, 1998 by The Kilimanjaro Corporation and Agberg, Ltd. All rights reserved. Harlan Ellison® is a registered trademark of The Kilimanjaro Corporation.

«Passion Play» by Nancy Holder. © 1992 Nancy Holder. Originally published in *Still Dead, 1992. Reprinted by permission of the author.*

«Almost the Last Story by Almost the Last Man» by Scott Edelman. © 2007 Scott Edelman. Originally published in *Postscripts #12*, December 2007. Reprinted by permission of the author.

«How the Day Runs Down» by John Langan. © 2008 John Langan. Original to this volume.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. Джон Джозеф Адамс. *Пер. И. Савельевой* . 5

Дэн Симмонс. ФОТОГРАФИЯ КЛАССА ЗА ЭТОТ ГОД
Пер. Е. Королевой 9

Келли Линк. НЕКОТОРЫЕ ПЛАНЫ НА СЛУЧАЙ ВСТРЕЧИ С ЗОМБИ. *Пер. И. Савельевой* 38

Дейл Бейли. СМЕРТЬ И ПРАВО ГОЛОСА
Пер. И. Колесниковой 64

Дэвид Дж. Шоу. РАСЦВЕТ. *Пер. Е. Барминой* 108

Нина Кирики Хоффман. ТРЕТЬЕ ТЕЛО
Пер. М. Савиной-Баблоян 116

Майкл Суэнвик. МЕРТВЫЙ. *Пер. И. Колесниковой* 140

Даррелл Швейцер. МЕРТВЫЙ МАЛЬЧИК. *Пер. Д. Фролова* . . 155

Джеффри Форд. ЗОМБИ ДОКТОРА МАЛЬТУЗИАНА
Пер. А. Бродоцкой 175

Сьюзан Палвик. ПРЕКРАСНЫЕ ВЕЩИ. *Пер. И. Русаковой* . . 202

Дэвид Таллерман. СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ
Пер. И. Колесниковой 219

Джо Хилл. ВОСКРЕШЕНИЕ БОББИ КОНРОЯ
Пер. Е. Барминой 227

Лорел К. Гамильтон. АЛЧУЩИЕ ПРОЩЕНИЯ
Пер. М. Савиной-Баблоян 251

Норман Партридж. ВО ВСЕЙ КРАСЕ. *Пер. О. Ратниковой* . . 267

Брайан Эвенсон. ПРЕРИЯ. *Пер. П. Кудрявцева* 288

Ханна Вольф Боуэн. С ЗОМБИ ВЕСЕЛЕЕ
Пер. О. Ратниковой 293

Лиза Мортон. ИСКРЫ УСТРЕМЛЯЮТСЯ ВВЕРХ
Пер. Е. Черниковой 303

Джордж Мартин. ЗАВСЕГДАТАЙ МЯСНОЙ ЛАВКИ
Пер. А. Сипович 316

Джо Лансдейл. ДОРОГА МЕРТВЕЦА. *Пер. И. Колесниковой* . . 355

Дэвид Барр Киртли. ЧЕРЕП. *Пер. А. Лежениной* 384

Нэнси Килпатрик. ВРЕМЯ ПЕЧАЛИ
Пер. М. Савиной-Баблояи 400

Нил Гейман. ГОРЬКИЕ ЗЕРНА. *Пер. В. Полищук* 420

Кэтрин Чик. СВОИ СИСЬКИ ОНА ЗАБЕРЕТ В МОГИЛУ
Пер. Е. Черниковой 444

Адам-Трой Кастро. БЫТЬ МЕРТВЫМ, ТАКИМ, КАК Я
Пер. Д. Бабейкиной 458

Энди Дункан. ЗОРА И ЗОМБИ. *Пер. Е. Черниковой* 469

Поппи З. Брайт. КАЛЬКУТТА, ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА СИЛ
Пер. О. Гайдуковой 496

Уилл Макинтош. ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ. *Пер. И. Колесниковой* . . . 512

Харлан Эллисон и Роберт Сильверберг
ПОЮЩАЯ КРОВЬ ЗОМБИ. *Пер. Е. Черниковой* 523

Нэнси Холдер. СТРАСТИ ГОСПОДНИ. *Пер. О. Ратниковой* . . 540

Скотт Эдельман. ПОЧТИ ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ
Пер. О. Ратниковой 555

Джон Лэнган. ЗАКАТ. *Пер. Д. Бабейкиной* 591

Литературно-художественное издание

НЕЖИТЬ

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Редакторы Татьяна Бурмыкина, Анатолий Селезнев
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Ольга Иванова
Корректоры Елена Орлова, Татьяна Никонова
Верстка Александра Савастени

Подписано в печать 30.09.2009.
Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1721.

Издательская Группа «Азбука-классика».
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н.
www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, Арсенальная ул., д. 21/1
Телефон/факс: (812)495-56-10

На страницах новой антологии собраны лучшие рассказы о нежити!

Красочные картины дефилирующих по городам и весям чудовищ, некогда бывших людьми, способны защекотать самые крепкие нервы. Для вас, дорогой читатель, напрягали фантазию такие мастера макабрических сюжетов, как Майкл Суэнвик, Джеффри Форд, Лорел Гамильтон, Нил Гейман, Джордж Мартин, Харлан Эллисон с Робертом Сильверберг и многие другие.

Древний страх перед выходцами с того света породил несколько классических вариаций зомби, а богатое воображение фантастов обогатило эту палитру множеством новых красок и оттенков. В этой антологии вам встретятся зомби-музыканты и зомби-ученые, гламурные зомби и вконец опустившиеся; послушные рабы и опасные хищники — в общем, совсем как живые.

Только мертвые. И очень голодные...

ISBN 978-5-9985-0198-2 01
9 785998 501982